

ISSN 2078-8975

Выпуск / Issue
№ 4 (52) Т. 3 / 2012

ВЕСТНИК BULLETIN

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

ФИЛОЛОГИЯ

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2012 № 4 (52) Т. 3

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А., д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Сербия).
Дружинин В. Г., д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Сербского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., главный редактор, председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Зеленин А. А. – д-р полит. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, доцент.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редактор выпуска – *З. А. Кунашева*
Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2012 № 4 (52) T. 3

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
K. E. Afanasyev, Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Babic, Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Serbia).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich, Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic, Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa, Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin, Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
A. A. Zelenin – Dr. of Political Science, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor – *Z. A. Kunasheva*
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1212.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150
Каталог российской прессы «Почта России» – 51944

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1212.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue “The Press of Russia”
51944 – in the Catalogue of the Russian press “The Post of Russia”

Free access to the Bulletin is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Bulletin is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ФИЛОЛОГИЯ	PHILOLOGY
8 Абдуллаева Ф. Э. Эмотивные составляющие в именах собственных (на материале азербайджанских антропонимов)	8 Abdullayeva F. E. Emotive components in proper nouns (as revealed by Azerbaijani proper names)
12 Айтмагамбетова М. Б. Геополитическая ситуация Казахстана как фактор трансформации русской цветовой картины мира	12 Aytmagambetova M. B. The geopolitical situation in Kazakhstan as a factor of the transformation of the Russian colour picture of the world
16 Алефиренко Н. Ф. Теория речевых жанров и прагматика дискурса	16 Alifirenko N. F. The theory of speech genres and pragmatics of discourse
21 Алтухова Т. В. Социальная компьютерная сеть «ВКонтакте»: жанровая характеристика	21 Altukhova T. V. Social computer network “VKontakte”: genre characterization
26 Антипов А. Г., Рыбникова Е. Е. Функциональная деривация в текстах ЕГЭ	26 Antipov A. G., Rybnikova E. E. Functional derivation in the Russian state exam texts
29 Араева Л. А., Афанасьева М. А. Единицы категории темпоральности как средство реализации авторского замысла (на материале французских газетно-публицистических текстов)	29 Araeva L. A., Afanasieva M. A. The units of temporality category as a means of the author's message realization (as revealed in the French newspaper texts)
33 Араева Л. А., Горланов А. А. Пропозиционно-семантическая организация СТ «Г+ -лив» в русских народных говорах	33 Araeva L. A., Gorlanov A. A. Propositional-semantic organization of “V+ -liv” word-formative type in the Russian dialects
37 Арышева А. Ю., Гладилова А. И., Дегтярева А. Р., Катышев П. А., Кудашкина К. А., Оленев С. В., Саятутина И. Ю., Сергиенко В. А. Нейминг остановок г. Кемерово: современное состояние, проблемы и направления оптимизации	37 Arysheva A. Yu., Gladilova A. I., Degtyareva A. R., Katyshev P. A., Kudashkina Ks. A., Olenov S. V., Sayutina I. Yu., Sergienko V. A. Naming of public transport stations in Kemerovo: the contemporary condition, problems and ways of optimization
42 Арышева А. Ю., Катышев П. А. Фокусная анафора в текстах судебных решений: коммуникативно-ортологический аспект	42 Arysheva A. Yu., Katyshev P. A. Focus anaphora in judgment texts: communicative and orthological aspect
47 Афанасьева Э. М. Исследование сибирского фольклора в Кемеровском государственном университете	47 Afanasieva E. M. The research of Siberian folklore in Kemerovo State University
51 Афанасьева Э. М., Поселенов М. Е. Синестезийный аспект комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад»	51 Afanasieva E. M., Poselenov M. E. Synesthesia in A. P. Chekhov's “Cherry orchard”
54 Баснина А. П. Инициальные основы мифолого-обрядовых практик в детской культуре (на материале «вызываний» мифологических персонажей)	54 Basnina A. P. The initiational bases of mythological ritual practices in children's culture (as revealed by rituals of “calling mythological characters”)
58 Башикатова Ю. А. Культурный смысл соматизмов (на материале английского и русского языков)	58 Bashkatova Yu. A. Cultural meaning of body parts names (in the English and Russian languages)
62 Белова Т. М. К вопросу об использовании лингвистических средств во французском публицистическом дискурсе	62 Belova T. M. To the question of linguistic means use in the French publicistic discourse
65 Белоконева А. О. Миф, имя, судьба героя в эстетике постмодернизма (на материале произведений В. О. Пелевина)	65 Belokoneva A. O. The character's myth, name and fate in postmodernism art (as revealed in V. O. Pelevin's works)

70 Белякова Л. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование речевой деятельности детей шестилетнего возраста (на материале ассоциативного эксперимента) 74 Биякова С. В., Гейер В. Ю., Смирнова А. А., Строилова А. Г., Тукмакова О. П. Перевод терминов в свете когнитивного подхода 78 Братухина И. А. Категория информативности в тексте судебного приговора 82 Булгакова О. А. Полисемия производного слова как результат категоризации действительности в номинативной деятельности человека 86 Буракова О. В., Кишина Е. В. Политический текст как отражение авторской аксиологической установки 90 Бычкова Е. Е. Детский игровой фольклор Кемеровской области 94 Вальтер Харри. Старый немецкий фон современной русской фразеологии 99 Васильев В. П., Васильева Е. В. Образные реализации метеонимического концепта в диалектной речи 104 Воропаева А. Б., Трофимова Е. Б. Теоретические основы и экспериментальная иллюстрация проявления «закона разрыва шаблона» в неподготовленной речевой деятельности 110 Галкина С. Ф. Медицинская карта амбулаторного больного как жанр естественной письменной речи: к постановке проблемы 115 Гасек Б. Г. Прагматические аспекты русско-польского перевода 119 Голев Н. Д. Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 3. Проблема морфемизации нестандартных «отрезков» – мотивантов-унификсов 124 Голубь Н. Н., Осадчий М. А. Нечеткие определители в текстах правовой и коммерческой документации 128 Гордеева М. Н. Особенности реализации категории связности в официально-деловом тексте 134 Гордеева Н. Г., Крым И. А. Способы и средства выражения оценки в речи телеведущей Марианны Максимовской 138 Горелова А. А. Блоги о саморазвитии в коммуникативно-прагматическом аспекте на примере англоязычного блога Стива Павлины «personal development for smart people» 142 Грекова И. В. Образ святого как ключевая фигура текста жизнеописания (языковые особенности выражения) 147 Грекова М. В., Оленев С. В. Выражение социально-возрастных характеристик носителей языка через использование сленга	70 Belyakova L. A. Propositional and frame modeling of 6-year-old children's discourse (as revealed in the free associative experiment) 74 Biyakova S. V., Heyer V. Yu., Smirnova A. A., Stroilova A. G., Tukmakova O. P. Translation of terms: the cognitive approach 78 Bratukhina I. A. Kinds of information in court sentences 82 Bulgakova O. A. Polysemy of a derivative word as a result of the reality categorization in the human nominal activity 86 Burakova O. V., Kishina E. V. A political text as the reflection of the author's axiological presumption 90 Bychkova E. E. Children's game folklore of the Kemerovo region 94 Walter Harry. Old German background of new Russian phraseology 99 Vasiliev V. P., Vasilieva E. V. Figurative realizations of the metonymic concept in dialectal speech 104 Voropaeva A. B., Trofimova E. B. Theory and experimental illustration of «the law of the pattern/model breaking» in unprepared speech activity 110 Galkina S. F. Outpatient's card as a natural writing genre (the problem formulation) 115 Gasek B. G. Pragmatic aspects of Russian-Polish translation and interpretation 119 Golev N. D. Non-semantic elements' status and rank in morphoderivational word structure. Paper 3: The problem of morphemization of non-standard «units» – motivants-unifixes 124 Golub' N. N., Osadchiy M. A. Fuzzy qualifiers in texts of legal and commercial documentation 128 Gordeeva M. N. Peculiarities of cohesion realization in official texts 134 Gordeeva N. G., Krym I. A. Means and ways of expressing assessment in the speech of the television presenter Marianna Maksimovskaya 138 Gorelova A. A. Personal development blogs in communicative pragmatic aspect exemplified by Steve Pavlina's blog «Personal development for smart people» 142 Grekova I. V. The image of a saint as a key figure in a biography text (linguistic features of a phrase) 147 Grekova M. V., Olenev S. V. Expression of native speakers' social and age characteristics through slang use

- 151 **Гришина Н. В.** О полимотивационных процессах в словообразовательных нишах с формантами -ник и -ниц/a/
- 155 **Гуняшова Г. А.** Интерпретация аксиологических характеристик концепта *familie* посредством концептуальных деятельностных метафор
- 159 **Дегтярёва А. Р., Осадчий М. А.** Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных Интернет-изданиях
- 163 **Дементьянова А. М., Лебедева Н. Б.** Локативные конструкции в древнерусском языке
- 169 **Денисова Э. С.** Словообразовательные аномалии в современном русском языке
- 173 **Долбина И. А.** Особенности функционирования лексемы *член* в медицинском дискурсе второй половины XIX века
- 177 **Евпак Е. В.** Лингвоперсонология философских текстов Н. О. Лосского
- 181 **Евсеева И. В.** Вопросы этикета: обращение на «ты» и «вы» в Интернет-сети
- 185 **Ермолаева Е. Н., Соколова Н. С.** Метафорическая корреляция концептов “conflict” и “fire” и ее объективация во фразеологии современного английского языка
- 189 **Жаева Р. Р.** Прецедентные феномены в публицистических текстах Ю. Д. Поминова: особенности читательского восприятия
- 194 **Замилова А. В.** К вопросу о системной типологии языковой личности (ментально-психологический аспект)
- 198 **Зникина Л. С.** Язык как этнозначимое средство трансляции культуры
- 202 **Золотарева С. А.** Формирование общекультурной компетенции обучающихся средствами семиотики в процессе преподавания иностранного языка (на примере английского языка)
- 206 **Зыбина Н. П., Мельник Н. В.** Стратегии семантизации фразеологизмов-аггронимов рядовыми носителями языка: лингвистический и лингвоперсонологический аспекты
- 210 **Иванова Е. В.** Терминологическое поле «Аффинаяж» в современном русском языке
- 214 **Казанцева Я. Н.** Субъективные факторы выбора языка татарами, компактно проживающими на территории Красноярского края
- 218 **Кайрамбаева А. Ж.** Когнитивно-прагматические составляющие восприятия наружной рекламы респондентами различных регионов
- 222 **Калашиникова А. Л.** Динамика образа внутреннего мира в «ночных» стихотворениях Ф. И. Тютчева
- 151 **Grishina N. V.** Polymotivation processes in the word formation niches with the Russian formants -nik and -nits/a/
- 155 **Gunayashova G. A.** The interpretation of axiological characteristics of the concept *family* through activity-conceptual metaphors
- 159 **Degtyareva A. R., Osadchiy M. A.** Legeuphemisms as a tactics of legal risk avoidance in news Internet media
- 163 **Dementyanova A. M., Lebedeva N. B.** Locative constructions in the Old Russian language
- 169 **Denisova E. S.** Derivational anomalies in the modern Russian language
- 173 **Dolbina I. A.** The features of the lexeme “limb” functioning in the medical discourse of the second half of the XIX century
- 177 **Evpak E. V. N. O.** Lossky’s Philosophic texts in terms of linguopersonology
- 181 **Eyseeva I. V.** Issues of etiquette in the Internet. The use of the Russian personal pronouns «ty» and «vy»
- 185 **Ermolaeva E. N., Sokolova N. S.** Metaphorical correlation between concepts “conflict” and “fire” and its representation in modern english phraseology
- 189 **Zhaeva R. R.** Precedential phenomena in J. D. Pominov’s journalistic documents: peculiarities of readers’ perception
- 194 **Zamilova A. V.** A systemic typology of the linguistic personality (mental psychological aspect)
- 198 **Znikina L. S.** Language as an ethnosignificant tool of culture transmitting
- 202 **Zolotareva S. A.** Forming students’ general cultural competence by means of semiotics in teaching a foreign language (English)
- 206 **Zybina N. P., Mel’nik N. V.** Strategies of phraseological units-agonyms semantization by ordinary native speakers: linguistic and linguopersonological aspects
- 210 **Ivanova E. V.** Terminological field “Affinage” in the modern Russian language
- 214 **Kazantseva Ya. N.** Subjective factors of language choice by the Tatars living in the Krasnoyarsk region
- 218 **Kairambayeva A. Zh.** Cognitive and pragmatic aspects of outdoor advertisement perception by the respondents in different regions
- 222 **Kalashnikova A. L.** The changes of the «inner world» image in Tutechev’s «night lyrics»

229	Калинина Е. И. Коммуникативная составляющая модели речевого жанра личного дневника в рамках гипержанра «diary» в британской лингвокультуре	229	Kalinina E. I. Communicative strategies in modeling a private diary as a speech genre in the British linguoculture
233	Каменева В. А., Тупикова А. М. Сферы-источники метафорической экспансии в немецкоязычной рекламе для детей	233	Kameneva V. A., Tupikova A. M. Sphere-sources of metaphorical expansion in german advertizing for children
238	Карпинец Т. А. Художественное время и языковые средства его репрезентации (на материале повести А. С. Пушкина «Метель»)	238	Karpinets T. A. Time and the language means of its representation (as revealed in A. S. Pushkin's "Blizzard")
242	Кашкин В. Б. Обыденная лингвистика и «контекстуальный детерминизм»	242	Kashkin V. B. Everyday linguistics and "contextual determinism"
246	Кеосиди Г. К. Концепт «CAT» во фразеологических единицах английского языка	246	Keosidi G. K. The concept «CAT» in English phraseological units
250	Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Сравнительное исследование социальных концептов на примере немецких концептосфер «политика» и «деньги»)	250	Kerimov R. D., Fedyanina L. I. Comparative study of social concepts (based on the German conceptual domains "politics" and "money")
254	Ким В. А. Особенности семантизации научно-технической терминологии участниками учебной коммуникации	254	Kim V. A. The characteristics of scientific and technical terminology semantization by the participants of educational communication
258	Ким Л. Г., Сагдиев Т. Р. Интерпретационное функционирование метафоры в публицистическом тексте	258	Kim L. G., Sagdiev T. R. The interpretational functioning of metaphor in the publicistic text
264	Клименок А. Н. Официально-деловой текст как модульный текст	264	Klimenok A. N. Official text as a module type of text
268	Коломиец С. В. Иноязычные вкрапления в текстах русских рекламных сообщений	268	Kolomiyets S. V. Foreign elements in Russian advertising texts
272	Кондратьева О. Н. Метафоры возраста и их роль в концептуализации души человека	272	Kondratieva O. N. Age metaphors and their role in a person's soul conceptualization
276	Коняева Л. А. Формирование лингвокультурологической компетенции студентов на основе компетентностного подхода	276	Konyaeva L. A. Competence approach as a means of students' linguistic and cultural competences formation
280	Косицина Ю. В. Текущее тематическое развитие: когерентный и когезивный аспекты	280	Kositsina U. V. Current topical development: aspects of coherence and cohesion
284	Кошечко А. Н. Болезнь как экзистенциальный феномен в творческом сознании Ф. М. Достоевского	284	Koshechko A. N. Illness as the existential phenomenon in F. M. Dostoevsky's creative consciousness
289	Правила для авторов журнала	289	Publication for journal authors
291	Подписка на «Вестник КемГУ»	291	Subscribe to Bulletin of KemSU

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

УДК 800:159.9

ЭМОТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ (на материале азербайджанских антропонимов)

Ф. Э. Абдуллаева

EMOTIVE COMPONENTS IN PROPER NOUNS (as revealed by Azerbaijani proper names)

F. E. Abdullayeva

Данная статья является фрагментом исследования по теме «Способы выражения экспрессивности (на материале русского, английского и азербайджанского языков)».

The article is a fragment of research on the theme "Methods of expressing emotions (on the material of Russian, English and Azerbaijani)".

Ключевые слова: азербайджанский язык, английский язык, русский язык, ономастика, антропонимы, фоносемантика, психолингвистический эксперимент, гендерность.

Keywords: Azerbaijani, English, Russian, onomastics, proper names, phonosemantics, psycholinguistic experiment, gender.

Эмоции играют огромную роль в жизни человека. Они проявляются в определенных психических состояниях и известны каждому по опыту. Как и ощущение, эмоции содержат в себе как положительные, так и отрицательные составляющие. Главной функцией эмоций является общение, обмен информацией. В данной статье мы будем рассматривать коннотацию в антропонимах, поскольку в именах отражаются представления о человеке.

Согласно «Словарю лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя, **антропоним** (от *греч.* *anthropos* – человек + *онима* – имя) – собственное имя людей, а наука, изучающая имена собственные, называется ономастикой [4]. Рассматривая этимологию антропонимов, можно сказать, что по исконному значению и происхождению имена собственные в целом выражают какие-либо обиходные слова. К примеру, в русском языке до сих пор сохранили смысл в языке-носителе такие антропонимы, как Надежда, Вера, Любовь, Роза и др. Другие антропонимы утратили свое значение и в языке остаются именами собственными.

Исследуя антропонимы в русском языке, важно отметить, что большинство имен собственных было заимствовано в X веке новой эры из Византии вместе с христианской религией. Имена эти были узаконены, записаны в специальных книгах – "святцах" – и объявлены "настоящими", "правильными". После введения на Руси христианства разрешалось давать имена только через церковь (при крещении). В святцы были включены также некоторые имена общеславянского происхождения, возникшие задолго до крещения Руси, в ту эпоху, когда славянская общность еще не распалась на племенные группы, из которых впоследствии сформировались отдельные славянские народы. Эти общеславянские имена (Владимир, Ярослав, Святослав, Всеволод) и некоторые скандинавские имена (Игорь, Олег) обычно не давались простым людям и считались именами "княжескими". Лишь в конце прошлого века имена эти были возрождены русской

интеллигенцией. Употребление их значительно расширилось после революции. [6, с. 94].

Как отмечалось выше, особое место по своему происхождению занимают антропонимы Вера, Надежда, Любовь. У греков таких имен не было. Тем не менее в греческих преданиях существовали символические фигуры Вера (Пистис), Надежда (Элпис) и Любовь (Агапе), но они не давались людям в качестве имен. Очевидно, при составлении русского церковного именослова названия этих символических фигур послужили основой для создания имен Вера, Надежда, Любовь из словесного материала русского языка [6, с. 94]. Таким образом, в данном случае этот процесс заимствования называется калькированием, когда по образцу одного языка создается слово в другом языке из его языкового материала.

Говоря о происхождении английских имен, то лучше рассматривать древнеанглийские имена собственные, поскольку в них лучше отражается экспрессивность, передача какой-либо эмоции. Многие личные имена с трудом отличаются от апеллятивной лексики и прозвищ (Brun – а) имя, б) прозвище, в) прилагательное). Здесь можно выделить подгруппу собственно однокорневых имен – *Daene, Wulf, Beald*, и двухтемные имена типа *Ethelberg, Leofwin, Wigfrith, Frithuwulf*. В производных личных именах особо выделяется общегерманский суффикс -ing, который в первую очередь употреблялся как антропонимический, указывающий, что носитель является потомком того, кто обозначен темой: *Bruning* 'сын Бруна'. По данным К. Б. Зайцевой, в настоящее время в английской антропонимике лишь 8 % приходится на имена древнеанглийского периода [3].

Исследуя английские антропонимы, рассмотрим подробнее фамилии, поскольку они также являются объектом ономастики, лингвистической науки, и по определению Н. В. Подольской, «фамилия – вид антропонима». В них наиболее глубоко отражены положительные или отрицательные эмоции, если учесть

старинные английские фамилии, которые, по данным газеты The Times, почти полностью исчезли за последний век. Примером таких антропонимов, по данным английского корреспондента Валентина Лоу, могут служить следующие антропонимы: Cock – петух, в значении «хрен», «фаллос»; Daft – глупый, несерьезный, в значении «олух»; Death – смерть; Smellie – пахнущий, сейчас в значении «вонючка»; Gotobed – дословно – «ложись в постель», «иди спать»; Bottom – низ, нижняя часть чего-либо, дно, в современном языке в значении «зад» и др.

Данные антропонимы из современного английского языка исчезли, поскольку англоязычные носители считают такие фамилии грубо звучащими. Девид Хей, специалист по ономастике, пояснил, что в данных английских именах собственных нет ничего оскорбительного. К примеру, фамилию «Bottom» часто носили люди, жившие в низменных районах Британии, фамилию «Daft» имели люди с тихим, кротким характером [1].

Как отмечалось выше, в современном русском языке исконно русских антропонимов почти нет, так как в большинстве случаев это заимствования из греческого языка и латыни, старинные английские антропонимы в современном английском языке также малоупотребительны. Если исследовать данные явле-

ния в азербайджанском языке, то можно утверждать, что в этом языке антропонимы не только сохранили свое исходное значение, но и имеют место быть в языке азербайджанских носителей в настоящее время.

С этой точки зрения, в качестве материала исследования был использован азербайджанский язык, так как в данном языке наиболее полно и ярко проявляется эмотивный оттенок в антропонимах. Нами был собран материал – имена, обладающие наибольшей экспрессивностью (по 50 мужских и женских имен, являющихся также именами существительными в исследуемом языке). Наряду с этим в статье отражен материал психолингвистического эксперимента, суть которого заключается в описании специфики номинаций антропонимов.

Целью эксперимента является выявление степени иконичности в антропонимах в зависимости от характера модальности. В качестве материала психолингвистического эксперимента послужило 30 антропонимов (по 15 мужских и женских). Нами был использован *метод направленной выборки*, т. е. выбирались имена, обладающие большей степенью экспрессивности.

Ниже представлена таблица 1 антропонимов с положительной и отрицательной коннотацией (приводится по [5]):

Таблица 1

<i>Имена</i>	<i>Значение</i>
Мужские:	
Амир	правитель, руководитель
Аскер	солдат, воин
Бахтияр	счастливый, счастливчик
Гачаг	беглец
Гудрат	сила, мощь, могущество
Дамир	железо
Дашгын	кипучий, взрывной
Джахиль	невежа, неуч, грубиян
Интигам	мечь, мстительный, реванш
Махзун (турецк.)	грустный
Олмаз	нельзя, запретный
Орхан	«хан орды», т. е. полководец
Эльшад	«радость народа», т. е. радостный
Этибар	1) доверие, 2) верный, 3) благонадежность
Янар	1) огненный, горящий; 2) вулкан
Женские	
Айсель	«свет луны», т. н. лунолика
Айнура	лунолика, красивая
Алима	«alim» – ученый, т. е. умная
Амина	верная, надежная, честная
Арзу	мечта, мечтательная
Гёзель	красивая
Гызылгюль	«роза», т. е. красивая, нежная
Зарифа	нежная, изящная
Инджа	хрупкая, нежная
Мехрибан	дружная, дружелюбная, приветливая, милая
Севиндж	радость, радостная
Севяр	любящая, любимая
Солмаз	неувядающая, яркая
Фахрия	гордость, гордая
Эфсане	1) «вымысел, небылица», женщина-легенда; 2) загадочная

Данные таблицы показывают, что в азербайджанском языке преобладают имена собственные с положительной коннотацией (например: Бахтияр, Эльшад, Гезель, Мехрибан и др.), небольшую часть составили антропони́мы с нейтральной (Аскер, Гачаг, Дамир и т. д.) и отрицательной / частично отрицательной коннотацией (Джахиль, Олмаз, Интигам). Исходя из собранных материалов, можно сделать следующие выводы:

1) мужские антропони́мы в азербайджанском языке содержат такие качественные характеристики, как главенство, сила, мощь, красота, стойкость, храбрость, жесткость и т. д.;

2) женские антропони́мы отражают такие качественные характеристики, как красота, нежность, изящность, легкость, гармония и пр.

В качестве участников пилотажного эксперимента выступали носители русского языка (17 – 20 лет). Общее количество испытуемых – 50 человек. Реципиентам была предложена следующая инструкция: «Ориентируясь на звучание, попытайтесь дать характеристику каждому из антропони́мов азербайджанского языка, используя следующие прилагательные: хороший / плохой, грустный / веселый, умный / глупый, красивый / некрасивый и сильный / слабый».

Результаты проведенного нами психолингвистического эксперимента мы можем охарактеризовать в нижеследующих таблицах 2, 3 (в процентах).

Таблица 2

Мужские имена

<i>Имена</i>	<i>Качественная характеристика</i>									
	<i>хоро- ший</i>	<i>плохой</i>	<i>весе- лый</i>	<i>груст- ный</i>	<i>краси- вый</i>	<i>некра- сивый</i>	<i>умный</i>	<i>глупый</i>	<i>сильный</i>	<i>сла- бый</i>
Амир	82		68		68		62		91	
Аскер		67	54			53	57		62	
Бахтияр	66		57		55		52		63	
Гачаг		68		61		88		71	63	
Гудрат		72		67		72		51	69	
Дамир	98		86		89		71		71	
Дашгын		82		77	89		61			68
Джахиль	72		70		74			81	71	
Интигам		66		71		66		53		54
Махзун		74		71		74	54		58	
Олмаз	63		68		68		62		72	
Орхан	62		62		71		80		91	
Эльшад		51	69			56	70		70	
Этибар		68		56		58	64		63	
Янар	78		97		74		72		85	

Таблица 3

Женские имена

<i>Имена</i>	<i>Качественная характеристика</i>									
	<i>хоро- ший</i>	<i>плохой</i>	<i>весе- лый</i>	<i>груст- ный</i>	<i>краси- вый</i>	<i>некра- сивый</i>	<i>умный</i>	<i>глупый</i>	<i>силь- ный</i>	<i>сла- бый</i>
Айсель	97		87		98		90		51	
Айнура	84		76		85		90			66
Алима	92			53	89		85			52
Амина	92		53		92		86			61
Арзу		69		56			83		53	
Гезель	80		70		62		80			51
Гызылгюль		69		60		72		59		59
Зарифа	86		81				92		61	
Инджа		56		58	81			51	51	
Мехрибан		66		51			51		80	
Севиндж	84		51				85		77	
Севяр	84			56			51		61	
Солмаз	88		72		89		85		69	
Фахрия	91		72		94		92		69	
Эфсане		57	63		50	50	85		53	

Характеристики азербайджанских имен собственных, данные реципиентам, в целом близки к коннотативным значениям исходного лексического материала. Но есть исключения, которые можно объяснить теми или иными факторами. К примеру, антропонимы Аскер, Гачаг, Гудрат, Дашгын, Этибар, Арзу и Мехрибан носителями русского языка были восприняты негативно, хотя в азербайджанском языке эти антропонимы изначально содержат в себе положительную коннотацию. Разумеется, это связано с психоакустическими особенностями реципиентов. Звуки «р», «ы», «ш», «ч» в русском языке имеют больше отрицательное содержание, нежели положительное (выражают грубость, резкость и т. д.), поэтому в сознании испытуемых данные азербайджанские антропонимы получили именно такие качественные характеристики [2, с. 4].

Антропонимы Амир, Орхан, Янар и Дамир русскоязычными носителями были качественно определены как сильный, красивый, хороший, что действительно идентично с исходной коннотацией данных имен собственных. К примеру, антропоним Бахтияр – «счастливый», испытуемые объяснили таким образом, что при произнесении вслух данного имени они ассоциировали это со словами «яр», «яркий», в результате чего антропоним Бахтияр в сознании носителей русского языка получил положительные характеристики.

Анализируя женские имена собственные, содержащие в себе звуки «л», «и», «е», например Айсель, Алима, Гюзель, Солмаз, отмечаем, что данные антропонимы получили положительную коннотацию. Это явление опять связано с психоакустикой, т. е. психо-

акустическими данными в сознании русскоязычных реципиентов. Но интересен тот факт, что антропонимы Олмаз (запретный, нельзя) и Джахиль (невежа, неуч) испытуемые интерпретировали положительно, как в первом случае с женскими именами собственными, содержащими «мягкие звуки». [2, с. 5 – 7]. Реципиенты дали следующие качественные характеристики: хороший, красивый, слабый, веселый.

Проведя психолингвистический эксперимент и проанализировав его результаты, мы, несомненно, можем отметить тот факт, что в сознании реципиентов присутствует гендерный признак. Женские имена собственные получили определение «слабый», мужские – «сильный».

Резюмируя вышесказанное, мы можем утверждать, что, несомненно, звуки играют большую роль в сознании людей. За каждым звуком закреплены определенные характеристики, которые изучает психоакустика. Человек поневоле накладывает на звук эмоциональный оттенок, являющийся положительным или отрицательным. Эмотивная составляющая формируется на основе особенностей языковой картины мира, фонетических особенностей того или иного языка, менталитета, личного опыта и других факторов.

Литература

1. Исследовательский центр МГУ им. Ломоносова. – Режим доступа: <http://mgufam.ru/index.html>
2. Журавлев, А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1991.
3. Леонович, О. А. В мире английских имён. – Режим доступа: http://www.imena.org/name_eng.html
4. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь. – М.: Оникс, 2008.
5. Словарь азербайджанских имен. – Режим доступа: <http://beautiful-names.ru/slovar-azerbajdzhanskix-imen>.
6. Суперанская, А. В. Как вас зовут? Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1964.

Информация об авторе:

Абдуллаева Фатма Эйваз кызы – ассистент кафедры стилистики и риторики КемГУ, +7 (3854) 41-64-45, fatima2888@mail.ru.

Abdullayeva Fatma Eyvaz kыzy – Teaching Assistant, Department of stylistics and rhetoric KemSU.

УДК 811.161.1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОЙ ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

М. Б. Айтмагамбетова

THE GEOPOLITICAL SITUATION IN KAZAKHSTAN AS A FACTOR OF THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN COLOUR PICTURE OF THE WORLD

M. B. Aytmagambetova

В статье рассматривается трансформация русской цветовой картины мира в полиэтническом Казахстане в условиях русско-казахского двуязычия. Автор попытался проследить, каким образом на осмысление цвета в русском языке влияет также речевая практика использования цветономинаций в казахском языке.

The article considers the transformation of the Russian colour picture of the world in the multiethnic Kazakhstan under the condition of Russian-Kazakh bilingualism. The author tried to observe the verbal practice of colour naming in the Kazakh language affect the understanding of colour in the Russian language.

Ключевые слова: цветная картина мира, ассоциация, концепты цвета, русско-казахское двуязычие, лексическая интерференция.

Keywords: the colour picture of the world, association, the concepts of colour, the Russian-Kazakh bilingualism, the lexical interference.

Процессы интеграции в современном мире привели к языковой ситуации, когда неорганические языки, утверждаясь в качестве средства межкультурного общения, приобрели в неограниченном ареале высокий статус [5, с. 4]. Последние десятилетия русский язык в данном аспекте стал предметом комплексного изучения.

По мнению Д. Д. Шайбаковой, современное состояние русского языка позволяет выделить три основных аспекта в проблеме его функционирования:

- 1) использование языка на территории исконного этноса;
- 2) русский язык эмигрантов в дальнем зарубежье;
- 3) русский язык в странах СНГ.

«Казахстан – уникальное в этносоциодемографическом и геополитическом отношении государство, в котором сосуществуют 130 этносов со своеобразными культурными традициями, религиями, разнотипными языками» [5, с. 6]. В связи с этим особенно актуален вопрос функционирования русского языка в Казахстане в условиях контактирования с казахским языком.

В качестве важнейших факторов функционирования русского языка в Республике Казахстан ученые выделяют следующие:

- русский язык не является органическим для значительной части населения;
- в Казахстане русский язык находится в тесном контакте с казахским – государственным языком.

Носителями русского языка в Казахстане являются представители разных национальностей, разных культур и социальных слоев. Следует отметить, что специфику русского языка определяет не только взаимодействие языков при билингвизме, но и взаимодействие культур, их влияние на языковые картины мира носителей разных языков. Русский язык, являясь родным для части граждан Казахстана, сохраняет этнические черты и связь с этнической культурой, однако, функционируя в качестве средства межнационального

общения, он приспосабливается к отражению иноэтнических реалий (в частности, казахского языка). Таким образом, на русскую картину мира накладывается казахская картина мира и «мировоззренческие позиции казахов и русских, несомненно, находят отражение в смысловых трансформациях базовых концептов» [4, с. 146]. Так, к примеру, в аспекте ценностных ориентаций значимыми являются концепты цвета. Как неизменный компонент культуры цвет обрастает определенной системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей. Наша гипотеза заключается в том, что русская цветная картина мира в условиях полиэтнического Казахстана и русско-казахского двуязычия подвергается трансформации, обогащается дополнительными смыслами, ассоциациями под влиянием казахской цветовой картины мира и географически-исторических реалий, получая новое символическое осмысление.

На современном этапе развития когнитивного направления в науке особое внимание исследователей привлекает сфера когнитивной семантики, так как по совокупности концептов можно судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке и в сознании носителей языка. Новейшие когнитивные исследования в лингвистике направлены на вскрытие тонких механизмов языковой деятельности в её неразрывной связи с мышлением и реальностью. Человек воспринимает окружающую действительность сквозь призму языка.

С учетом такого подхода может быть осмыслена и группа слов-цветообозначений. Изучение номинаций цвета имеет давнюю традицию в отечественной и зарубежной лингвистической мысли. Проблема цветообозначений рассматривалась в историко-лингвистическом (А. Б. Бахилина, Е. М. Иссермен), этнопсихологическом (А. П. Васильев, Ф. М. Фрумкина), сопоставительном (О. Н. Каленкова, Ш. К. Жаркынбаева) аспектах, изучалась символика цвета как явления языка и культуры (В. И. Щерцль). Материал цветообозна-

чений весьма продуктивно использовался при изучении проблемы языка и мышления (Ф. Н. Шемакин, Н. Ф. Пелевина), проблемы детской речи (З. М. Истомина) и даже проблемы доминантности полушарий мозга (Н. Н. Николаенко).

Чем же можно объяснить неослабевающее внимание к небольшой, на первый взгляд, но специфичной группе слов, каковой является цветономинация? Они представляют собой компактную и легко выделяемую лексическую группу, что имеет немаловажное значение при обработке разных методических процедур лексического анализа. Одна из существенных причин актуализации интереса к проблемам цвета в лингвистике – неадекватность цветообозначений в разных языках и этнокультурах. Лингвисты уже давно зафиксировали существенные межъязыковые различия в лексике цветоименования. Важен также особый статус группы номинаций окраски как наиболее отражающей национальную специфику, с одной стороны, и очень активной в плане семантической трансплантации – с другой, так как они очень подвижны в смысловом и экспрессивном отношении.

Одна из главных причин, затрудняющих понимание цвета, – существующее мнение, что цвет представляет собой свойство предметов. Не всегда осознаётся, что цветовые ощущения человек испытывает лишь в результате сложной цепи физических, химических, нейрофизиологических и психических процессов. Именно поэтому проблема цвета изучается в современной физиологии зрения, физике, философии, психологии. Таким образом, проблема цветообозначений – вопрос не чисто лингвистический, и не удивительно, что изучение номинаций окраски актуально на современном этапе, связанном с появлением когнитологии.

Цвет – это межуровневая семантическая категория, насыщенная в русском языке образными смыслами и ассоциациями. Благодаря данной категории события, явления внутренней жизни человека уподобляются внешнему – физическому, природному и социальному миру, его процессуальным (и шире – событийным) и пространственно-предметным характеристикам. У каждого народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. Он служил обозначением важного в природе и наиболее ценного в человеке. Это обстоятельство отражается в ассоциативных связях языка, а также в национальной фразеологии, паремии и художественной литературе. Будучи сущностной характеристикой, соотносимой с морально-нравственной и эстетической оценкой, семиотической и ценностной картиной мира национальной культуры, цвет предстает одной из центральных категорий концептуальной и языковой картин мира, что позволяет говорить о цветовом восприятии, цветовых универсалиях и в целом о цветовой картине мира [1, с. 168 – 171].

Цвет – это семиотический феномен, обладающий постоянно развивающимся полем смыслов в результате расширения ассоциативного мира человека и увеличения сферы контекстуальных связей. Наиболее ярко это проявляется в том, что цвета характеризуются наличием ярко выраженных коннотативных признаков. Зафиксированные в языке наивные представления

человека о мире через призму цветовых ощущений могут отражать общие, типичные и национально-специфичные ассоциации. Например, белый цвет у разных народов связан с понятием чистоты, которое у казахов реализуется в семе «невинность». Концепты цвета в различных языках соотносятся с морально-нравственной и эстетической оценкой, семиотической и ценностной картиной мира данной национальной культуры. Цель нашей работы заключается в необходимости исследовать особенности *концептуализации цвета* в русской языковой картине мира в условиях полиэтнического общества Казахстана.

Изучение средств выражения *концептов* цвета в русском языке и рассмотрение динамики их в условиях полиэтнического общества позволит ответить на такие сложные вопросы, как специфика отражения окружающего мира, культура и менталитет народа в сознании человека и в концептах.

Концептосфера цвета выступает одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностями художественного видения мира» [3, с. 109]. Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры, который может служить «своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов» [3, с. 109]. Примером реализации ценностных установок, связанных с цветом в казахской культуре, могут служить стереотипные представления, связанные с культом цвета у тюрков. Концепт голубого цвета связан с представлением о небе, а небо, в представлении тюрков, — это место обитания Тенгри. «Соотнесенность “Тенгри – небо – синий” стала одной из наиболее значимых констант казахской духовной культуры» [3, с. 127].

Цветовая символика имеет древнейшее происхождение, возникнув в те времена, когда человек научился добывать и использовать природные краски. Символическими в культурах различных народов, как правило, выступают так называемые «основные цвета», к которым обычно относят белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый и фиолетовый. Содержание понятия «основной цвет» далеко не однозначно, поэтому список может меняться в зависимости от конкретной культуры. Попытки ввести жесткие критерии, позволяющие отнести тот или иной цвет к «основным», не увенчались успехом.

Обычно выделяют три основных типа цветовой символики. Цвет изолированно от других цветов и форм представляет собой первый тип цветového символа, отличающийся многозначностью и противоречивостью. В качестве второго типа цветového символа выступает цветové сочетание, содержащее два и более число цветов, составляющих символическое целое. Важно, что при таком цветovém сочетании смысл символа не сводится к сумме значений отдельно взятых цветов. Третий тип цветového символа представляет собой соединение цвета и формы. В качестве вариантов символики цветных форм можно рассматривать символы как абстрактных геометрических фигур, так

и конкретных физических предметов, например символику драгоценных камней. В таких случаях эстетическое осмысление цвета как бы надстраивается над его чисто конвенциональным использованием в культуре в качестве символа или знака, трансформируясь в его эмоциональное восприятие. Бессознательно-ассоциативное восприятие, сопряжение цвета с определенными человеческими ценностями и визуальными формами рождает эмоциональные реакции.

Кроме наглядно-чувственных форм цветового символа, существует и языковые, речевые «цветовые метафоры». Они широко используются в бытовой и литературной речи и стали неотъемлемым компонентом современных языков.

Цветовая символика имеет древнейшее происхождение, возникнув в те времена, когда человек научился добывать и использовать природные краски. С тех пор цветовой символизм прошел большой путь. Традиции цветовой символики сейчас во многом утеряны, особенно в индустриальных странах, в которых преобладает утилитарное отношение к цвету.

С момента своего возникновения цветовой символизм самым тесным образом был связан с магией и религией. В китайской символике, например, цвет выражал социальный статус человека. Цвета делились на «благородные» и для простого народа, как об этом говорится в «книге песен» («Ши цзин»). В учении о первоэссенциях Инь и Ян также присутствует цветовая символика. Ян имеет белый (желтый) цвет, а Инь – черный (синий). Способы концептуализации ментальной категории цвета являются процессом отображения в субъективном образе целостной картины мира, они могут отображаться через пространство, временные категории, ценностные характеристики. К примеру, отражение в цвете возрастных особенностей сохранилось у казахов с древности, когда о связи возрастных классов с цветом свидетельствовал обычай: «Если на юрте развешивается какой бы то ни было флаг, вы должны понять, что юрта эта лишилась одного из своих членов. Если флаг этот красный – умерший был молод, черный – средних лет, белый – старик» [2, с. 333]. «В современном казахском языке употребляются такие выражения, как *ақ сақал* (о старом седом человеке), *көк сақал* (о зрелом мужчине, только начинающем седеть), *қара сақал* (о мужчине средних лет), *сары қатын* (о женщине средних лет). Образное выражение «қырықтын қызыл-жасылы» (красно-зеленый мир сорока) используется казахами для обозначения возраста сорокалетних. В этом прослеживается философский аспект, своеобразное отношение к очень важному жизненному периоду, когда человек полон сил, энергии и желаний (пламенеющий огонь – красное), и вся окружающая действительность имеет свою притягательную красоту, мудрость и спокойствие (зеленое)» [4, с. 147].

Цвет рассматривался как атрибут магических, сакральных, божественных сил, а в определенных случаях – и как само божество. В наскальной живописи первобытных народов чаще всего встречаются три цвета – белый, черный и красный, что позволяет сделать вывод об особой роли этих цветов в жизни древних людей. Как подчеркивают различные исследователи, преобладание этих красок нельзя объяснить,

например, легкостью их добычи. Ведущее значение этих трех цветов подтверждается изучением магических обрядов первобытных народов современности, живущих в Африке, Южной Америке и т. д. Само деление магии на «белую» и «черную» свидетельствует о важнейшей роли цвета в магических ритуалах. Белая краска использовалась в особых магических ритуалах первобытных людей, когда они апеллировали к силам добра и жизни или защищались от воздействия злых духов и божеств. Белый цвет привлекал добрых богов и отпугивал злых. Наиболее важными из этих ритуалов были ритуалы, посвященные рождению, инициации, браку и смерти. Важную роль играл белый цвет и в ритуале жертвоприношения. Добрым богам и духам стремились приносить в жертву животных белого цвета.

Черный – это антипод белого. Если белый означал свет, жизнь и чистоту, то черный – мрак, смерть, грязь и хаос. Оптически, контраст белого и черного наиболее сильный; также контрастны и символические значения этих двух цветов. Так, в коллективном сознании многих этносов черный цвет устойчиво ассоциируется с силами зла, потусторонним миром духов. Оппозиция черного и белого с древних времен имела символическую значимость. Например, во французском языке, кроме прямого значения черного цвета (*noir*) наблюдаются переносные: «мрачный», «гнусный», «хандра», а глагол *noircir* имеет два значения: чернить (то есть делать черным и оклеветать). Номинации черного цвета в качестве частнооценочного этического предиката, равного «злой», «недобрый», «жестокий», «мрачный», нередко используется во фразеологических сочетаниях разных языков. Русские идиомы, содержащие слово «черный», также имеют отрицательную коннотацию: черный день, черные мысли, черная душа, черная дыра, черный юмор. В ряде переносных значений проявляются следующие значения:

- «грустный, безрадостный»: черное настроение, черная тоска, черные мысли, черный год, в черных красках, видеть все в черном свете и т. д. Сравните также: черная сторона жизни, черный (почерневший) от горя;
- «тяжелый»: черные дни, черный день, период, год, черная полоса жизни, черные страницы истории, черная работа (тяжелый неквалифицированный физический труд);
- «злой»: черная душа, черная зависть, черные деяния, черная измена, черные мысли.

Большая часть переносных значений реализуются как в русском, так и в казахском языках. Однако наряду с отрицательными значениями в номинации черного цвета присутствуют и положительные коннотации. Черный как признак практичности, стиля, красоты, высокой моды. На символическое осмысление черного цвета влияет также речевая практика использования номинации черного цвета в казахском языке. Сравним неоднозначность символики черного цвета в казахской культуре: «важность земли, которая, по представлению казаха-кочевника, отражается в наличии положительного значения лексемы *қара* (кара жер – родная земля)» [3, с. 44]. При проведении ассоциативного эксперимента на исходное слово

«черный» респондентами были даны единичные реакции «Слова назидания» Абая и «Ты зрачок глаз моих», которые нельзя объяснить с точки зрения ассоциативных связей номинации черного цвета в русском языке. Данные случаи можно объяснить, лишь обратившись ко второму языку: «Слова назидания» («Қара сөз» букв.: черные слова), «Ты зрачок глаз моих» («Көзімнің қарасы»).

Белый цвет у казахов концептуально связан с положительными духовными качествами и реализуется в ряде фразеологизмов: ақ жүрек, ақ көйлек, ақ көңіл и т. д. В ходе работы мы рассмотрели некоторые реакции на слово-стимул «белый», возникшие в результате лексической интерференции (белый путь, белый платок). Следует заметить, что проблема интерференции заявляет о себе в условиях активного двуязычия. Чаще всего термином «интерференция» именуются нежелательные изменения в структуре какого-либо языка (родного или второго, изучаемого) под влиянием другого, нарушающие норму. Реакции *платок* и *путь* возникли, по нашему мнению, в результате лексической интерференции. Реакция «путь» на стимул «белый» является национально специфичной и основана на казахском выражении «ақ жол» (пожелание доброго пути), в русском языке данное выражение невозможно из-за лексической валентности лексем. Рассмотрим ассоциацию *платок* у билингвов. В казахской семье существовал запрет на речевое общение между прямыми родственниками и исключалось прямое называние лиц, находящихся в семейно-бытовых отношениях. Так появился синонимический эвфемизм и понятие (жена, супруга) стало передаваться описательным оборотом, созданным на основе языковой метонимии: белый платок (ақ жаулық) – это головной убор замужней женщины.

Многие явления культуры не могут быть поняты без учета концептов цвета. Прилагательные-цветообозначения первоначально называют признаки, не зависящие от оценки говорящего. Постепенно утрачивая предметную связь и закрепляя «цветовые» значения, они совершают семантические скачки в результате метафорических переносных употреблений, имен-

но эти значения представляют наибольший интерес при сопоставительном анализе ассоциативных связей. Проведение ассоциативного эксперимента на материале цветообозначений позволит исследователям наблюдать за динамикой развития цветовой картины мира носителей того или иного языка. О динамике цветового фрагмента концептуальной картины мира можно судить по ассоциативным «срезам» среди представителей одной лингвокультурной общности. Подвижность ассоциатов, смена символических смыслов зависят от изменений, происходящих в политике, истории, культуре.

Таким образом, ассоциирование в условиях билингвальной ситуации влияет на качество реакций:

1) ассоциации билингвов могут отличаться некоторой стереотипностью;

2) у билингвов возможно появление реакций, «подсказанных» используемым языком;

3) Использование чужого языка как бы переключает канал производства ассоциаций, т. е. в ассоциативных полях гораздо чаще встречаются ассоциаты, указывающие на знание чужой культуры.

Однако язык влияет на этот процесс лишь частично. Появление в качестве реакций слов, раскрывающих метафорическое или символическое значение цветообозначений, в некоторых случаях можно объяснить влиянием не языка, а культуры.

Изучение цветовой картины мира в условиях полиэтнического Казахстана является перспективным направлением в изучении различных фрагментов языковой картины мира и образов сознания представителей разных лингвокультурных сообществ. Концепты цвета содержат в себе обусловленную этническим мироощущением когнитивную информацию, которая может подвергаться семантической компрессии под влиянием казахской языковой культуры и традиции.

Для получения полной картины необходимо провести развернутый ассоциативный эксперимент, однако даже рассмотренные примеры представляют значительный интерес для изучения трансформации русской цветовой картины мира в геополитической ситуации современного Казахстана.

Литература

1. Айтмагамбетова, М. Б. К вопросу о концептосфере цвета / М. Б. Айтмагамбетова // Вестник КазНУ. – Серия: Филология. – № 7 – 8. – 2009.
2. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. / Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1984. – Т. 1. – 357 с.
3. Жаркынбекова, Ш. К. Концепты цвета в казахской и русской лингвокультурах / Ш. К. Жаркынбекова. – Алматы, 2004.
4. Жаркынбекова, Ш. К. Специфические особенности восприятия мира сквозь призму языковых единиц / Ш. К. Жаркынбекова // Культура народов Причерноморья: научный журнал. – Симферополь: Крым. – 2006. – № 82. – Т. 1.
5. Шайбакова, Д. Д. Функционирование неорганического языка в полиэтническом обществе (на материале русского языка в Казахстане): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Д. Д. Шайбакова. – Алматы, 2006. – 50 с.

Информация об авторе:

Айтмагамбетова Марал Бейсетовна – старший преподаватель кафедры «Журналистика и русская филология» Инновационного Евразийского университета, 8(705)7609199, dogma19@mail.ru.

Aytmagambetova Maral Beysetayevna – the senior teacher at Department of Journalism and Russian philology of Innovative University of Eurasia

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ И ПРАГМАТИКА ДИСКУРСА

Н. Ф. Алефиренко

THE THEORY OF SPEECH GENRES AND PRAGMATICS OF DISCOURSE

N. F. Alifirenko

Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

Рассматриваются дискуссионные вопросы двухвекторного соотношения а) «речь (текст) – дискурс» и б) «речевой жанр – прагматика». Предпринимается попытка в разрабатываемой теории речевого жанра объединить языковые, лингвопрагматические и дискурсивные аспекты порождения художественного текста.

The article deals with the controversial points of bilateral correlation of a) “speech (text) – discourse” and b) “speech genre – pragmatics”. The author attempts to combine linguistic, linguopragmatic and discursive aspects of a literary text generation in the developed theory of the speech genre.

Ключевые слова: речевой жанр, речевой акт, дискурс, прагматика.

Keywords: speech genre, speech act, discourse, pragmatics.

Научная интрига данной темы состоит в противоречивости двух проблемных блоков: а) «речь (текст) – дискурс» и б) «речевой жанр (РЖ) – прагматика». Попытка если не разрубить, то хотя бы слегка развязать первый гордиев узел была предпринята в нашей коллективной монографии (ТиД, 2012).

Дискурс в широком его понимании – это субъективное речемыслительное отображение в нашем сознании картины мира. Важнейшим же средством объективирования такого отражения служит словесный текст. Не менее сложным является взаимоотношение второй пары понятий, где до конца не выявлены существенные свойства ни речевого жанра, ни прагматики. Начнем с последнего понятия. В лингвистическом осмыслении прагматики можно выделить три подхода. Два из них – «континентальный» и «англо-американский» – были намечены ещё ван Дейком [6]. Первый из них выстраивался на семиотике Ч. Морриса, согласно которой прагматика – часть семиотики, в ведении которой находится проблема отношения знаков к их интерпретаторам. А поскольку для большинства знаков интерпретаторами выступают носители языкового кода, то прагматика объективно оказывается «ответственной» за все составляющие дискурсивной деятельности человека – когнитивную, семиотическую и этнокультурную. Кроме этого, такое понимание лингвопрагматики открывает новые возможности для осмысления речевого акта, а также, как полагает Г. Г. Хазагеров, перебросить мост от речевого акта к дискурсу. Согласимся, что здесь пока больше вопросов, чем ответов на них. Будем исходить из известного: в 60 – 70 гг. XX века прагматика вышла на новый виток своего развития под влиянием теории речевых актов (Дж. Л. Остин, Дж.-Р. Серль, З. Вендлер и др.). В современной лингвопоэтике более чётко определены категориально-понятийные основы теории речевых актов, более или менее четко установлены фокусы сопряжения речевых актов и прагматики речи [10], тогда как теория РЖ находится в стадии становления в надежде обрести общепилологический статус.

В речевой интеракции активизируются средства дискурсивной бивалентности. Прагматика же текста, реализующего дискурс, отображает энергетику сугге-

стивного воздействия автора или персонажа на реципиента (на того, на кого направлено сообщение). В любом акте художественной коммуникации один из её субъектов использует такие языковые средства, которые способны передать его мысли, чувства и переживания. Отсюда вытекает, что главным условием удачного осуществления речевого акта служит вербализация авторских интенций и адекватное их восприятие адресатами.

Второй, «англо-американский», подход к пониманию прагматики выдвигает в качестве своего интеллектуального авангарда проблемы имплицатуры, пресуппозиции, речевых актов и дискурса. В этом своём ракурсе лингвопрагматика существенно расширяет свою проблематику, включив в том числе и те проблемы, которые ранее находились в ведении стилистики, коммуникативного синтаксиса, риторики, психолингвистики, теории дискурса и некоторых других наук. Однако такое расширение само по себе не решает проблемы взаимоотношения РЖ и прагматика дискурса. Для её решения разрабатывается третий подход: найти точки соприкосновения этих явлений через лингвопрагматику [3]. Весьма продуктивно в этом направлении работают А. Вежицкая, В. В. Дементьев, М. Ю. Федосюк, Ф. С. Бацевич и др. Их концепции выстраиваются главным образом на включении в ряд «речевой акт – речевой жанр» понятий ситуативного контекста и функций речевого высказывания. В такой парадигме дискурс – это и речевой акт, и высказывание, и текст. Причем такой речевой акт обычно сопровождается мимикой, жестами, пространственным поведением собеседников и другими экстралингвистическими факторами.

Однако, чтобы интегрировать все эти составляющие дискурсивной деятельности, сосредоточимся на их своеобразии. Важные ориентиры в столь непростом деле содержатся в концепции М. М. Бахтина – основателя теории РЖ. Под понятием «речевой жанр» учёный понимал особый тип высказываний, объединяемых общей тематической, композиционной и стилистической доминантой. Иными словами, это понятие получает достаточно откровенную текстопорождающую квалификацию дискурсивно-стилистичес-

кого характера. Можно говорить, что с точки зрения лингвопрагматики речевые акты – это прежде всего отдельные высказывания, суггестивно направленные на адресата, а РЖ – средства дискурсивного взаимодействия [ср.: 2]. Если речевые акты отображают лишь ситуативный фрагмент художественной коммуникации, то РЖ охватывают всю архитектуру дискурсивного общения. Отношения речевых актов и речевых жанров можно считать иерархическими, поскольку каждый РЖ состоит из совокупности определенных образом организованных речевых актов (В. В. Дементьев, Т. В. Шмелева, А. Вежицкая). Причём эти отношения непростые: структурными элементами одного РЖ чаще всего выступают несколько речевых актов. И, наоборот, в одном типе РЖ могут встречаться разные речевые акты [7].

В силу таких перипетий между речевыми актами и дискурсом нет прямой корреляции, поскольку дискурс включает не только высказывания, но и более масштабные категории – коммуникативные стратегии и речевые тактики коммуникантов, моделирующие дискурсивные ситуации. Последние категории непосредственно связаны с РЖ. Поэтому для адекватного понимания природы и сущности дискурса такая категория, которая бы могла интегрировать в себе не только самые общие интенции участников общения, но и другие составляющие художественной коммуникации. И как вытекает из предыдущих суждений, такой категорией, несомненно, является РЖ.

Это та категория, которая отражает собой характер художественной коммуникации, объединяет речевые акты как отдельные высказывания.

Итак, речевой жанр – это дискурсивный тип, объединяющий тематически, композиционно и стилистически маркированные речевые акты, характеризующиеся общностью коммуникативной цели, авторской интенцией, языковой личности адресата и архитектурой ситуативного контекста общения.

Коммуникативно-прагматическая стратегия [1, с. 16] исследования РЖ наилучшим образом способствует преодолению «абстрактного объективизма» Ф. де Соссюра и воплощению идей М. М. Бахтина о языке-речи как действительной реальности. Напомним методологически значимое суждение ученого: «Действительная реальность языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями. Речевое взаимодействие является, таким образом, основной реальностью языка» [2, с. 113]. Надо полагать, здесь под речевым взаимодействием имеется в виду функционально-смысловая связь языка-речи с событийными и прагматическими факторами устного и письменного общения. Бахтинские идеи получили достаточно плодотворное развитие в виде социолингвистического и лингвопрагматического исследования языка-речи. Первое направление изучает функциональные свойства языка: применение языка в конкретных речевых ситуациях, влияние коммуникативной компетенции того или иного этноязыкового коллектива. При этом речь идет о языке как норме, о семантических полях,

свойственных разным культурам, о языковом поведении и т. п. Во втором направлении в центре внимания оказывается прагматический потенциал языка-речи, коммуникативные ситуации и способы языкового воздействия. В рамках той или иной речевой ситуации рассматриваются иллокутивные и перлокутивные функции языка и их речемыслеобеспечение: перформативы, пресуппозиции, пропозиции и др. Все это, конечно, крайне важно для теории РЖ, однако, оставаясь вне системной интеграции, лишь косвенно с ними соотносится. Для понимания внутренних стимулов взаимодействия дискурса и РЖ важно найти скрытые дискурсивные нити, соединяющие историко-культурные, прагматические и собственно языковые аспекты РЖ. Такого рода интегративный подход базируется на том, что дискурсивное полотно соткано из языка. Однако дискурс – «это не просто язык на сверхфразовом уровне» [12, с. 192]. Его нелинейная организация выстраивается на совокупности таких понятий, как дискурсивные формации, интердискурс, интрадискурс, прекоконструкт. Последние связаны с парафразами и пресуппозициями, выводящими дискурс в сферу культуры.

Могла ль Биче словно Дант творить,

Или Лаура жар любви восславить?

Я научила женщин говорить...

Но, Боже, как их замолчать заставить!

(А. Ахматова «Эпиграмма»)

Как показывает предыдущий анализ, роль дискурса весьма значительна не только в статусном определении РЖ, но и в его культурной маркированности. В его рамках формируется основная единица РЖ, которую мы называем дискурсемой – некий квант амбивалентного знания, соответствующий одному фокусу дискурсивно-культурного сознания и являющийся носителем дискурсивной архитектуры РЖ. В приведенной выше «Эпиграмме» можно выделить три дискурсемы: (1) «Биче и Лаура не смогли», (2) «Я смогла», (3) «Как заставить женщин молчать». Дискурсема не всегда тождественна предложению-высказыванию. В каждой дискурсеме, как правило, содержится один двухслойный элемент новой информации, совмещающий в себе пропозициональные и пресуппозитивные знания.

Лингвокультурологический синтез в единой теории РЖ лингвистического и прагматического направлений позволяет, на наш взгляд, объединить диалогические и языковые аспекты РЖ в единое ценностно-смысловое пространство дискурса. В основе такого подхода лежит гипотеза, согласно которой в РЖ находит материальное выражение взаимное воздействие дискурса и культуры [11, с. 198]. Иными словами, РЖ является той категорией, в которой объективируются и дискурсивные, и лингвокультурные факторы речепорождения. Поскольку РЖ и культура находятся в опосредованных отношениях, то роль посредника здесь как раз и выполняет дискурс. Поэтому осмысление сущности взаимосвязи между РЖ и культурой осуществляется главным образом через анализ дискурса. Вместе с тем надо полагать, каким бы широким не было понимание дискурса он никоим образом не

может заменить собою лингвокультуру. Конечно, на дискурсе всегда лежит печать историко-культурной и лингвокультурной детерминированности, но по природе и сущности своей он не сводим к факторам своей обусловленности. Дело в том, что само понятие культуры, как и понятие языковой личности, наполняется в дискурсе иным содержанием. Культура здесь служит той пресуппозитивной средой, на фоне которой осуществляется дискурсивная деятельность. Субъект дискурсивной деятельности изначально связан с языком, в силу чего в лингвистике он получил название языковой личности. Таким образом, субъект дискурсивной деятельности является одновременно и субъектом языка, и субъектом культуры, между которыми существуют симптоматическое отношение. Их суть состоит в индетерминации: языковое сознание выступает специфическим воплощением дискурса, точнее, дискурсивных идеологий; а дискурс, в свою очередь, служит специфическим материальным воплощением культуры.

При этом следует помнить, что сознание языковой личности значительной частью погружено в подсознание. А поскольку языковое сознание – специфическое воплощение дискурса, то и в дискурсе не менее значительными оказываются речежанровые механизмы подсознательного управления процессами порождения текста (продукта дискурсивной деятельности).

*Из тюремных ворот, Под пасхальный звон,
Из заохтенских болот, Незванный,
Путем нехоженым, Несуженый, –
Лугом некошеным, Приди ко мне ужинать.
Сквозь ночной кордон,*

А. Ахматова «Заклинание»

Намерение выразить заклинание уже на подсознании предполагает наличие трех основных атрибутов данного РЖ: императива, подчинения, магии слова для преодоления всевозможных препятствий (*из тюремных ворот, из заохтенских болот, путем нехоженым, лугом некошеным, сквозь ночной кордон*).

Однако, хотя дискурсивное смыслообразование и предполагают наличие языковой личности, причастной к культуре и к подсознательному, дискурс не может и не должен их подменять. В нашем понимании, внутренняя связь дискурса и РЖ осуществляется через текст, который, собственно, и является объектом дискурс-анализа. Напомним, что дискурс-анализ – это, скорее, не столько анализ, сколько метод, применяемый для адаптации дистрибутивного подхода к изучению сверхфразовых единиц в том или ином тексте. При этом термин *анализ* при всей его многозначности не кажется избыточным, поскольку, во-первых, действительно предполагает разложение дискурса на части и, во-вторых, служит пистемологическим средством изучения произведения (поэтического, например) в лингвистическом, текстовом и собственно дискурсивном аспекте.

Имеющийся опыт лингвистического применения такого анализа Л. Альтюссером направлен на выделение и функционально-семантическое описание языковых единиц, конституирующих данный текст. Тексто-

вый анализ подчинен экспликации скрытых, подтекстовых, смысловых пластов содержания текста, микротекста или контекста. В этой части анализа под объективом исследователя оказываются прежде всего такие текстовые категории, как *когезия, тема, топики*, в центр внимания попадают разного рода интертекстуальные связи исследуемого текста. Поскольку текст является продуктом дискурсивной (речемыслительной) деятельности человека в ее историко-культурной обусловленности, собственно дискурсивный анализ призван раскрыть «под невинностью говорения и слушания скрытую глубину дискурса бессознательного» [17, с. 12]. Однако, несмотря на дискурсивную терминологию, альтюссеровский подход [16, с. 85 – 128] все же скорее применим к тексту, чем к дискурсу: он позволяет выявить и интерпретировать прежде всего «скрытые силы» текста. При всем текстоцентризме он все же дал необходимый импульс М. Фуко (1966) для разработки дискурс-анализа, ориентированного на описание дискурса «как механизма высказывания и как институционального механизма» [13, с. 25].

Для понимания связи дискурса с РЖ и культурой важны обе концепции – лингвистическая и прагматическая. Первая обращает нас в ментальную сферу бессознательного, а вторая – к скрытым, культурно обусловленным смыслам текста. И все же их методологические установки неприемлемы, поскольку не учитывают внутренней связи текста с порождающей его средой и, прежде всего, с типовой речевой ситуацией. В этом плане ценным оказывается замечание о том, что «любой дискурс существует лишь ради кого-то и в определенной ситуации» [12, с. 184]. Именно связь текста с речевыми ситуациями позволяет рассматривать дискурс как одно из важнейших условий лингвокультурологической дентификации того или иного РЖ. Для реализации такой концепции нужен такой дискурс-анализ, который позволил бы удерживать в поле зрения одновременно языковые, текстовые и культурно-ситуативные составляющие дискурса. Его создание будет способствовать формированию нового, как нам представляется, достаточно перспективного направления в теории РЖ – лингвокультурологического.

Соотношение РЖ и прагматики дискурса определяется тем, что дискурс, по одному из его толкований, – это высказывание, текст, понимаемый как дискурсивное событие, или речевые акты, сопровождаемые мимикой, жестами, пространственным поведением собеседников и другими экстралингвистическими факторами. Значит, как и текст, РЖ является прежде всего продуктом дискурсивной деятельности человека.

Лирико-прозаический РЖ характеризуется доминантным подчинением прозаического текстопорождения лирической архитектонике всего нарратива поэтической прозы. Это объясняется двуродовой сущностью поэтической прозы вообще, её принадлежностью к так называемому лиро-эпическому жанру словесного творчества. В литературоведении наиболее ярким его представителем стали «стихотворения в прозе». Кроме них, двуродовые признаки присущи «лирическим отрывкам в большой прозе» (И. С. Тургенев, В. Г. Короленко, В. М. Гаршин,

И. Ф. Анненский, С. Н. Сергеев-Ценский, А. Белый и др.).

В текстах такой архитектоники взаимодействуют не только разные роды литературного творчества – лирика и эпос, но и разные структуры нарратива – поэтическая и прозаическая. Причём их соотношение носит гетерогенный характер: по форме – прозаическая речь, а по семантико-стилистической архитектонике – поэтическая. Такое сопряжение в речепорождении получало неоднозначные оценки как со стороны исследователей, так и со стороны авторов, работающих в одном из литературных родов. Так, по мнению З. Гиппиус, беллетристы, приближая прозу к стихам, дают нечто смешное, лишённое обоих очарований, – очарования прозы и, отличного от него, очарования стихов [5, с. 69]. Правда, поэтесса признаёт, что любые искания новых форм праведны. Она, скорее, выступала против полумеханического сближения прозы и стихов. Разумеется, такое полумеханическое сближение недопустимо и в лингвопоэтике. Несмотря на интерес к поэтической прозе, как РЖ лирико-прозаический дискурс не получил однозначного истолкования, о чём свидетельствуют определения, данные в работах М. Л. Гаспарова, Н. М. Шанского, А. Квятковского, В. Жирмунского, Ю. Б. Орлицкого, С. А. Липина, В. Д. Пантелева и др.

Проникновение в нарративное своеобразие лирической прозы, обуславливающее её речжанровую специфику, начинается, прежде всего, с осмысления механизмов достижения композиционно-речевого единства текста, реализуемое через первичные РЖ (формы монолога, адресованную речь, диалог, риторические структуры). Это служит исходным пунктом понимания того, что за исследуемым текстом действительно стоит лирико-прозаический дискурс. Так, отнесение рассказа В. И. Белова «Весенняя ночь» к лирико-прозаическому дискурсу основывается именно на выявлении композиционно-речевого единства данного текста. Оно достигается прежде всего лирическим описанием ощущений и переживаний человека, его мысленного и чувственного проникновения в тайны природы. Причем так называемые «картины природы» даны в рассказе опосредованно: через глубоко личностное восприятие автора. Прозаической является форма повествования: внешний мир представлен в его денотативно-ситуативной репрезентации, что характерно для эпического нарратива. Лирическая составляющая не простая декоративно-стилистическая орнаментация текста. Она органически интегрирована в архитектуру текста: денотативно-ситуативное содержание подвергается художественно-образной и символической интериоризации.

Художественно-образной интериоризацией мы называем лингвокогнитивный перевод внешних по своей форме процессов номинации в процессы речемышления, протекающие в языковом сознании. При этом экстралингвистические объекты номинации подвергаются лингвокогнитивной трансформации: обобщаются, вербализуются, превращаясь в художественные концепты, и, как таковые, становятся способными к дальнейшей художественно-образной модификации. Причём доминантные концепты реализуют практически весь текстообразующий и сюжетобразующий

потенциал лирикопрозаического дискурса. При этом базовые художественные концепты лирико-прозаического дискурса настолько трансформируются, что описываемая денотативная ситуация выходит за рамки возможностей внешней деятельности, переходя в область символической интериоризации внешнего мира. И самое главное: сущность художественно-образной и символической интериоризации не в том, что внешняя денотативная ситуация лирико-прозаического дискурса перемещается в область языкового сознания, становится частью внутреннего мира автора и читателя. Хотя и такого рода метаморфозы художественного слова в лирико-поэтическом дискурсе имеют феноменальное значение. Художественно-образная интериоризация в поэтической прозе – это процесс, в котором этот внутренний план формируется и выражается. В этом, на мой взгляд, скрывается вековая тайна лингвокреативного мышления автора и читателя. Объективацию денотативной ситуации, интериоризацию и трансформацию, на мой взгляд, следует считать основными концептуальными структурами любого художественного текста, в том числе и лирикопрозаического. С одной существенной оговоркой: в лирикопрозаическом тексте их значимость представляет обратный порядок: *трансформация – интериоризация – денотативная ситуация*.

Под влиянием психологии принято считать, что наше мышление происходит в сети нервных связей коры головного мозга. Отсюда убеждение, что автор сначала объект художественного описания мысленно моделирует, а затем придает ему соответствующую словесную форму.

Анализ лирико-прозаического дискурса показывает, что чаще всего всё происходит в обратном направлении: из хаоса мыслей и чувств, из смутных и спонтанно рождающихся образов возникает упорядоченная художественным мышлением красота, гармония мысли, чувства и слова. Ещё Л. Витгенштейн обращал внимание на то, что наши мысли приобретают форму только тогда, когда мы говорим или пишем. До этого мы не обладаем заранее систематизированными и упорядоченными мыслями. Они кодируются в слова только в процессе их вербализации. Философ писал: «Когда я говорю или пишу, [...] возникает система импульсов, исходящих из моего мозга и связанных с моими произнесенными или написанными мыслями. Но почему надо считать, будто эта система распространяется и дальше к центру? Почему не предположить, что этот порядок возникает, так сказать, из хаоса?» [4, с. 608]. Однако не противоречат такого рода суждения креативности языкового сознания? – Если связь между мыслью и словами осуществляется не по заранее спланированному (упорядоченному) сценарию, а формируется при намерении выразить свои мысли и чувства для других, то такого рода умственная активность принадлежит *речевому сознанию*, природа которого в его исходной диалогичности. М. М. Бахтин разъяснял её так: «Я осознаю себя и становлюсь самим собой только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого... Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У

человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе" [2, с. 186]. Диалогичность (не диалог!) – центральное категориальное свойство лирико-прозаического дискурса, глубина и корректность воплощения которого определяет «высокую» поэтическую прозу от полумеханического сближения прозы и стихов, против которого выступала З. Гиппиус.

Если автору лирико-прозаического текста не удается осуществить «диалогического» упорядочения мыслей-высказываний, если он обращается к другим с тем, что не отвечает их ожиданиям, такая художественная коммуникация теряет всякий смысл, поскольку остается не реализованной главной когнитивно-поэтическая доминанта текста – диалогичность, без которой нет лирико-прозаического текста.

Всё это создаёт особую коммуникативную стратегию лирико-прозаического жанра, состоящую в органической интеграции трех линий, восходящих к сказанию, исповеди и словесно-креативной медитации. Сказательная линия придаёт лирикопрозаическому жанру повествовано-народный, исторический или легендарный характер (например: сказание о невидимом граде Китеже). Исповедь – кроме религиозного значения «обряд покаяния в своих грехах перед священником», в лирико-прозаическом дискурсе обретает переносный смысл «Откровенное признание в чем-н., рассказ о своих сокровенных мыслях, взглядах. Искреннее и полное признание в чем-н., покаянное, откровенное изложение чего-н. (Например: *авторская исповедь; исповедь горячего сердца*. – Ф. М. Достоевский).

Медитация (от лат. *meditatio* – размышление) – измененное состояние сознания. При этом сознание освобождается от мыслей, образов и чувств, которые связаны с обременительным внешним миром, когда психика человека приводится в состояние самоуглубленности и сосредоточенности, играющее важную роль для обретения возвышенных сфер познания [17]. Эта линия коммуникативной стратегии лирикопрозаического жанра приводит к расширению сознания до своего рода эйфории.

Такое композиционно-речевое триединство подчинено реализации многоаспектного интенциональ-

ного спектра лирикопрозаического жанра. В этом триединстве следует искать те различные по характеру речемыслительные установки, с которыми входят в «диалог» автор и читатель. Поскольку же эти установки не подлежат формальному анализу, их нужно выявлять косвенным способом – при помощи когнитивно-герменевтической методики исследования [9, с. 84], предназначенной для (а) выявления жанровых признаков лирикопрозаического текста, б) способов их языкового выражения и в) принципов взаимосвязи.

В наше время разрабатывается когнитивно-поэтическая теория РЖ на основе соотношения: а) литературно-жанровой природы произведения, б) его языковой материи, в) композиционно-речевой, г) семантико-стилистической архитектоники.

При этом когнитивная поэтика интегрирует в себе традиционные подходы к изучению жанра, учитывая, разумеется, новые идеи когнитивной стилистики. В центре внимания такие представления теоретиков формальной школы о жанре как о «группировке приемов» [15, с. 96], исторически сложившейся совокупности поэтических элементов, не выводимых друг из друга, но ассоциирующихся друг с другом в результате долгого сосуществования (М. Л. Гаспаров). На интегративное развитие понятия речевого жанра ориентируется и современная европейская лингвопоэтика. Ю. Кристева, например, пишет, что «всякая эволюция литературных жанров есть *бессознательная объективация лингвистических структур, принадлежащих различным уровням языка*» [8, с. 57]. Действительно, система языковых признаков РЖ обуславливается литературно-жанровым своеобразием произведения. Специфика каждого РЖ определяется целостной конфигурацией содержательной и формальной сторон текста. Развитие теории РЖ всё ещё осложняется отсутствием единого категориального критерия. Обращение же к нескольким критериям, хотя и не лишено поисковой целесообразности, не придаёт создаваемым теориям целостной завершенности. Решение этой проблемы – задача когнитивной лингвопоэтики будущего.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания. – М.: Флинта: Наука, 2011.
2. Бахтин, М. М. Собр. соч.: в 5 т. / М. М. Бахтин. – М., 1996. – Т. 5.
3. Бацевич, Ф. С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи / Ф. С. Бацевич. – Львів: Паіс, 2005.
4. Витгенштейн, Л. Философские работы: в 2 ч. / Л. Витгенштейн. – М., 1994. – Ч. 1.
5. Гиппиус, З. Литературный дневник 1899 – 1907 гг. / З. Гиппиус. – М., 1907. – 463 с.
6. Дейк, Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М., 1989.
7. Кожина, М. Н. Речеводческий аспект теории языка / М. Н. Кожина // Stylistika. VII. – Opole, 1998.
8. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М., 2004.
9. Озерова, Е. Г. Культурологические доминанты поэтической прозы / Е. Г. Озерова // Вестник Харьковско-го национального университета им. В. Н. Карамзина. – Харьков, 2009. – № 55.
10. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. XVII.
11. Пульчинеллы, О. Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса / О. Э. Пульчинеллы // Квадратура смысла: [пер. с фр. и порт.]. – М.: Прогресс, 1999.

12. Робен, Р. Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недоразумение / Р. Робен // Квадратура смысла: [пер. с фр. и порт.]. – М.: Прогресс, 1999.
13. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: [пер. с фр. и порт.]. – М.: Прогресс, 1999.
14. Текст и дискурс: учебное пособие / Н. Ф. ТиД-Алефиренко [и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2012.
15. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 333 с.
16. Althusser, L. "Contradiction and Overdetermination: Notes for an Investigation" in *For Marx* / B. Brewster, L. Althusser. – London; New York: Verso, 2005.
17. Rajneesh, B. S. Meditation: The Art of Ecstasy / B. S. Rajneesh. – New York, 1976.

Информация об авторе:

Алефиренко Николай Фёдорович – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского университета Белгородского государственного университета, 8-4722-33-65-08, n-alefirenko@rambler.ru.

Alefirenko Nikolay Fedorovich – Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Professor at the Russian language and teaching methodology Department of Belgorod National Research University.

УДК 81-114.2

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ СЕТЬ «ВКОНТАКТЕ»: ЖАНРОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Т. В. Алтухова

SOCIAL COMPUTER NETWORK "VKONTAKTE": GENRE CHARACTERIZATION

T. V. Altukhova

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12/14/42001а «Повседневная письменная русскоязычная культура Кузбасса: жанры речи».

В статье дается аспектная характеристика социальной компьютерной сети «ВКонтакте» как гипержанра Интернет-коммуникации. Рассматриваются такие параметры как «автор», «адресат», «функция жанра», «языковые особенности», «формальные характеристики». Делается вывод о роли нового носителя информации в формировании специфики исследуемого гипержанра.

In the article the aspect characterization of the social computer network "VKontakte" as an Internet genre is given. The parameters of "author", "addressee", "genre function", "stylistic features" and "formal characteristics" are described. The role of new media in the formation of the analyzed genre specificity is determined in conclusion.

Ключевые слова: Интернет-лингвистика, компьютерно-опосредованная коммуникация, Интернет-жанр, социальная компьютерная сеть.

Keywords: Internet linguistic, computer-mediated communication, Internet genre, social computer network.

Цель данной статьи – охарактеризовать социальную сеть «ВКонтакте» как Интернет-гипержанр Социальная Сеть. Характеристика дана нами по следующим параметрам: «образ автора», «образ адресата», «функциональный параметр», «языковые особенности», «структурно-медийные характеристики».

Перед тем как перейти к обобщенному описанию социальной сети «ВКонтакте», определим используемые в статье термины «Интернет-жанр», «формат», «гиперформат» и «интернет-гипержанр». Интернет-жанр формируется на основе формата, который входит в его состав как типичная программно-медийная структура для упорядочивания текстов. По словам О. Ю. Усачевой, формат выступает как внешние, экстралингвистические условия и ограничения, накладываемые носителем информации на коммуникативную деятельность пользователя и влияющие на особенности создаваемого им текста [8, с. 62]. Связанные гипертекстовым способом в рамках одного сайта, фор-

маты объединяются в функциональное и структурное целое – гиперформат. Интернет-жанр понимается нами, вслед за Л. Ю. Щипициной, как модель социокультурной деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации, реализуемую с помощью устойчивых типов текстов, различающихся медийными, прагматическими и лингвистическими характеристиками [10, с. 72]. Под Интернет-гипержанром в данной работе понимается жанровое макрообразование, сопровождающее социально-коммуникативные ситуации в Сети и объединяющее в своем составе несколько жанров [3].

Социальные компьютерные сети представляют собой комплексные образования, состоящие из форматов, ранее существовавших в Сети как автономные средства коммуникации. Однозначного определения границ понятия «социальные компьютерные сети» пока не выработано. Так, в работе Л. А. Браславец под социальными компьютерными сетями понимается

«Интернет-сервис, который предоставляет пользователю возможность создавать стандартизированную личную веб-страницу, установить и формализовать связи с прочими пользователями сервиса» [1, с. 10]. Понятые таким образом социальные компьютерные сети включают в себя анкетные социальные сети (сайты знакомств, собственно социальные компьютерные сети типа «Facebook», «ВКонтакте», «Одноклассники» и др.), блоги и файлообменники (социальные сети коллекционного типа) [там же]. К. О. Черняева и А. А. Селютин предлагают более узкое понимание исследуемого явления: «комплексное образование, сочетающее в себе черты форума, сетевого сообщества и ICQ» [7, с. 46], представляющее все многообразие связей человека с другими людьми [9, с. 9]. Социальная компьютерная сеть позволяет каждому пользователю образовать свою персональную социальную сеть как ее понимает современная социология: субъективная реальность межличностных взаимодействий человека со значимыми для него людьми [6, с. 3]. Персональные социальные сети отдельных пользователей (материализованные в списках «Друзья») вместе образуют цепочки, из которых и образуется вся сеть, позволяющая, с одной стороны, «организовать личное коммуникативное пространство», с другой – дающая возможность «отследить контакты человека и, при наличии общих знакомых, установить с ним неформальные отношения» [5, с. 292]. Главный принцип функционирования социальных сетей – практический или моральный эгоизм, мотивом человеческих действий является удовлетворение личных потребностей, который в сети становится основным двигателем пользовательской активности [2, с. 59, 62].

Перейдем к аспектной характеристике социальной компьютерной сети «ВКонтакте». Образ автора «ВКонтакте» может быть описан в экстралингвистическом и собственно лингвистическом аспектах, связанных друг с другом. *Экстралингвистический аспект.* Автор как пользователь социальной компьютерной сети «ВКонтакте» характеризуется наличием специальной компьютерной техники (ПК), доступа к сети Интернет, персонального аккаунта на сайте «ВКонтакте». *Лингвистический аспект.* Автор текстов, опубликованных в рассматриваемой социальной сети, характеризуется эксплицированностью (автоматической подписью) и может быть описан по разным основаниям. Далее мы опишем образ автора в рассматриваемой социальной компьютерной сети по типам создаваемой сетевой личности и по целевому компоненту коммуникативной деятельности.

Характеристика образа автора по типам создаваемой сетевой личности

Сетевая личность автора формируется при помощи трех типов средств коммуникации:

- 1) докоммуникативных форматов создания виртуального образа;
- 2) форматов непосредственной коммуникации, расположенных на Персональной Странице пользователя и моделирующих облик его личного пространства;

3) форматов непосредственной коммуникации, расположенных на Имперсональной Странице и формирующих облик коммуниканта в его социальном взаимодействии с другими пользователями сети.

В процессе коммуникации в социальной сети «ВКонтакте» пользователь формирует один из трех типов сетевой личности: сетевая реальная личность, сетевая реально-виртуальная личность, сетевая виртуальная личность. Общие особенности выделенных типов сетевой личности при коммуникации в социальной компьютерной сети «ВКонтакте» таковы.

Сетевая реальная личность. Данный тип сетевой личности формируется коммуникантом, который использует социальную сеть для восстановления утраченных связей и упрощения соединения с людьми, с которыми данный пользователь взаимодействует в реальной жизни. Сетевая реальная личность – это образ реальной личности, помещенной в социальную сеть без изменения своих свойств, что воплощается в указании достоверной фактической информации и отсутствии игровых и компенсаторно-эмоциональных средств конструирования образа. В процессе коммуникации в социальной компьютерной сети сетевая реальная личность характеризуется малой фатической активностью и сводима к реальной личности, стоящей за данным образом. Этот тип личности является периферийным для «ВКонтакте».

Следующие два описанных типа сетевой личности сформированы при помощи определенной доли виртуальной информации (не соответствующей действительной или не имеющей аналога в реальной жизни пользователя) и являются ядерными для рассматриваемой социальной сети.

Сетевая реально-виртуальная личность. В отличие от предыдущего типа, сетевая реально-виртуальная личность не сводима к стоящему за ней реальному человеку. Тем не менее существуют связи, соединяющие этот тип сетевой личности и человека, создавшего ее: достоверные данные или их часть, друзья-пользователи, знакомые с ним как с реальным лицом. Коммуникативная деятельность реально-виртуальной личности носит преимущественно фатический, в т. ч. социально-регулятивный и направленный на самопрезентацию, характер. Самопрезентация и социальное общение в сети усиливают или проявляют качества и свойства личности, которые скрыты в несетевой жизни:

1) индивидуальность и насыщенность внутреннего мира, проявляемая в повышенной эмоциональности, стремлении выставить напоказ свои переживания. *О себе: ленивый, временами эгоистичный, но добрый человек, с хорошим чувством юмора. Страдаю от депрессий из-за нехватки общения, из-за чего бываю агрессивным и могу наговорить гадостей;*

2) принадлежность какому-либо сообществу или субкультуре, проявляющаяся в приписывании себе или выделении тех качеств, которые одобряются в рамках данного сообщества, пример: *О себе: учитель английского языка, учу корейский, занимаюсь танцами, косплею)))) Косплéй м., скл. (яп. コスプレ косупурэ, сокр. от англ. costume play – костюмированная*

игра) – форма воплощения действия, совершаемого на экране. Костюмы шью сама;

3) включение игровых элементов. *Мировоззрение: пришельцы захватят нас!!!! О_о;*

4) построение идеального «Я» с коррекцией существующих недостатков, приписыванием себе социально одобряемых качеств и принятием соответствующей модели поведения: *Когда я боюсь чего-то – я бросаю этому вызов. Жить в страхе просто глупо;*

5) построение теневого «Я» [9] с приписыванием себе качеств, расцениваемых социумом как отрицательные, и принятием соответствующей модели поведения: *страдаю манией величия, психованная дурра; Злой ленивый рукожоп. Я люблю сиськи! И косятток! :D*

Эти свойства проявляются на фоне реального образа личности и дополняют, но не определяют его.

Сетевая виртуальная личность. Особенностью данного типа личности является отсутствие видимых связей между сетевой личностью и реальным человеком, стоящим за ней, сокрытие достоверной информации о пользователе. Стратегии построения личности в данном случае зависят от субъективных целей, преследуемых пользователем (установление контактов с единомышленниками, самоидентификация себя как члена того или иного сообщества, релаксация, самопрезентация и т. д.) и способствуют принятию той или иной запрограммированной модели поведения.

Характеристика образа автора по целевому компоненту коммуникативной деятельности

На данном основании мы выделяем следующие типы авторов: «Репрезентант», «Релаксирующий», «Участник взаимодействия».

Цель «Репрезентанта» – конструирование собственной сетевой личности, представление себя, своего внутреннего мира, переживаний. При этом сетевая и реальная личности этого типа автора могут не совпадать и не иметь видимых связей между собой. Деятельность «Репрезентанта» носит альтерадресатный и автоадресатный характер и направлена на саморефлексию и самонаблюдение и перенесение их результатов в сеть. Образ автора «Репрезентант» может реализоваться через демонстрацию богатства своего внутреннего мира и индивидуальности убеждений или через отнесение себя к определенному сообществу / течению, приписывание себе определенных качеств и свойств, одобряемых в рамках данного объединения людей или характерных для них, и принятие соответствующей модели поведения, например: *Я Няиных дел мастер ^^; Скуучно;; таки накатала некое подобие статьи... Почему работа начинает двигаться только в ночь перед сдачей?!11.*

В образе автора «Релаксирующий» выступает пользователь, пришедший в социальную компьютерную сеть для того, чтобы отвлечься от проблем реального мира. Данному образу автора присуще стремление к созданию карнавализованного, смехового виртуального мира, отличного от мира реального посредством реализации игровой интенции.

«Участник взаимодействия» стремится к установлению контакта и ведению диалога с другими пользо-

вателям, его цель – создание персональной социальной сети на основе взаимодействия с другими пользователями и вхождение в структуру какого-либо сетевого сообщества. Частными разновидностями данного образа автора, в зависимости от конкретной цели вступления в контакт, будут такие образы автора, как «участник диалога», «организатор взаимодействия» и «член иерархии сообщества». Цель «Участника диалога» – общение ради самого общения, для этого автора важен сам процесс речевого взаимодействия с другими пользователями, установление связей с ними. «Организатор взаимодействия» стремится скоординировать взаимодействие других пользователей для ведения дискуссии, формирования сообщества и др. Цель «Члена иерархии группы» – самореализоваться как участник сетевого сообщества среди других его членов посредством повышения личного рейтинга и значимости для сообщества.

Образ автора в течение его пребывания в социальной сети нестатичен и может переходить из одного типа сетевой личности в другой, его целевые установки могут меняться. В целом автор в социальной компьютерной сети «ВКонтакте» характеризуется эмоциональностью, субъективностью, усиление которых создает полноценный «живой» образ коммуниканта как индивидуальной личности со своими интересами и предпочтениями.

Образ адресата. Типичными адресатами в социальной сети «ВКонтакте» являются следующие группы пользователей: «сочувствующий друг», на которого направлена самопрезентационная и контактоподдерживающая коммуникативная деятельность автора: *Друзья, хливар начат! Да ладно тебе, Фотовале, ты всех с умаводишь, не бойся, прорвемся!); «единомышленник» или член того сообщества, в котором состоит или в которое хочет войти автор: Эта группа для всех, кому нравятся китайцы; оппонент, в дискуссии с которым автор проявляет индивидуальность и специфику своей позиции и в результате занимает определенное место в иерархии конкретного сетевого сообщества или в персональной социальной сети других пользователей Вот и следите за собой, своей жизнью, СВОИМИ друзьями, если мама с папой Вас ничему не научили, то мне Вас жаль. Сомневаюсь, что Вы отличите Блейка от Караваджо, но это не важно ведь, да?)).*

Так как большинство форматов «ВКонтакте» характеризуются полной или ограниченной публичностью, можно также говорить о выделении основных адресатов, к которым обращается автор, и косвенных (потенциальных) адресатов или наблюдателей [4], которые могут просматривать сообщение. Обращение к первой группе адресатов имеет функцию актуализацию и укрепление связей между пользователями, а учет второй группы ведет также к завязыванию новых контактов и повышению валентности сетевой личности.

Функциональный параметр. Основной функцией социальной компьютерной сети «ВКонтакте» является построение собственного виртуального социального пространства пользователя. Эта базовая функция

воплощается в частных (более конкретных) функциях:

– конструирования сетевого «Я», которое отразит индивидуальность и глубину внутреннего мира пользователя, через презентацию его личных качеств, актуального состояния, убеждений, интересов и принятие соответствующей модели поведения;

– установления и поддержания отношений через включение пользователя в определенное сообщество или группу единомышленников, построение персональной социальной сети посредством организации и регуляции взаимодействия с другими пользователями на основе желательности и добровольности контактов и повышение личного рейтинга как результат этого взаимодействия.

Языковые особенности. Для основного массива текстов, опубликованных в социальной компьютерной сети «ВКонтакте», характерно использование литературно-разговорной и обиходно-разговорной речи. Типичными стилевыми чертами текстов являются эмоциональность, субъективность и имитация разговорной спонтанности при помощи экспрессивно-окрашенной лексики, разговорного синтаксиса, звукового письма, эмодиконов и экспрессивной пунктуации. Степень проявления данных стилевых черт обусловлена языковой и культурной позицией пользователя и варьируется в зависимости от того, в каком формате данной социальной сети общается коммуникант.

Структурно-медийные и жанровые характеристики социальной компьютерной сети «ВКонтакте»

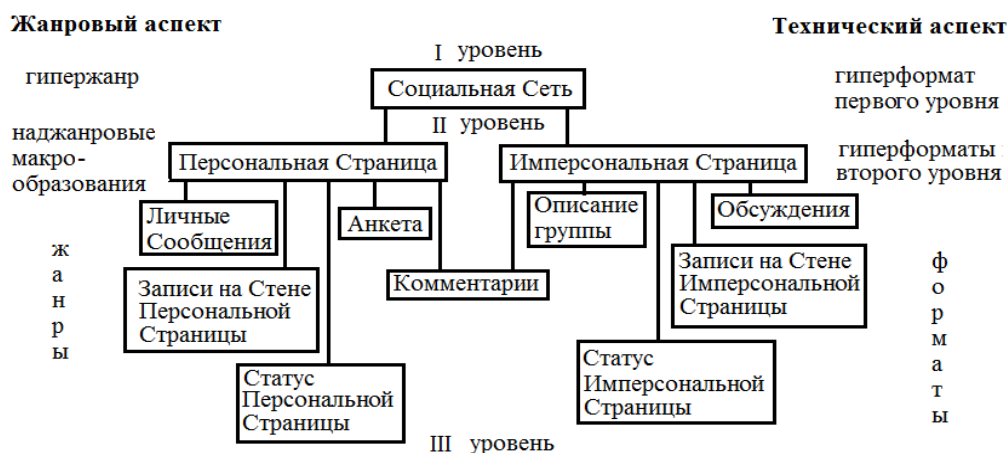
Рассматриваемая социальная компьютерная сеть характеризуется дискретной структурой: наличием множества основных Персональных и Имперсональных Страниц, вокруг которых группируются дополнительные страницы-вкладки (к примеру, списки аудио- и видеозаписей, фотоальбомов и т. д.).

Отдельные страницы, форматы и сообщения в форматах связаны гиперссылками, по которым можно перемещаться и / или сортировать содержимое. В целом гипертекстовый элемент объединяет отдельные элементы в единое коммуникативное пространство социальной сети.

Технически «ВКонтакте» является трехуровневой структурой, на верхнем (первом) уровне которой располагается гиперформат Социальная Сеть, представляющий собой креолизованное гипертекстовое интерактивное коммуникативное пространство, связывающее воедино гиперформаты среднего (второго) уровня – Персональные и Имперсональные Страницы, сформированные текстовыми форматами, находящимися на нижнем уровне социальной компьютерной сети.

Устойчивые формы речевого взаимодействия в социальной компьютерной сети «ВКонтакте» образуются на основе форматов, являющихся средствами общения с запрограммированными параметрами коммуникации. Форматы «ВКонтакте», вследствие изменчивости медийных параметров, образуют нестабильные жанры. Гиперформаты второго уровня – Персональная и Имперсональная Страницы – являются более устойчивыми макрообразованиями, так как сохраняют прагматическую, структурную и медийную целостность; изменения параметров коммуникации в форматах выступают как малозначимые колебания в структуре гиперформатов второго уровня. Гиперформат первого уровня Социальная Сеть выступает как наиболее стабильная структура, так как, по мере повышения структурного уровня изменения, вносимые в отдельные форматы, все менее отражаются на гиперформате «ВКонтакте».

Стабильность гиперформата первого уровня позволила сформироваться устойчивому гипержанру Социальная Сеть, где по мере понижения структурного уровня стабильность наджанровых макрообразований и жанров снижается.

Двухаспектная схема структуры социальной компьютерной сети «ВКонтакте»

Гипержанр Социальная Сеть «ВКонтакте» состоит из наджанровых макрообразований Персональная Страница и Имперсональная Страница, включающих в себя семь нестабильных жанров, соотносимых с форматами: Анкета, Статус, Записи на Стене, Личные Сообщения, Описание группы, Обсуждения и Комментарии.

Проведя поаспектное описание социальной компьютерной сети «ВКонтакте» мы можем сформулировать обобщенное определение нового Интернет-гипержанра Социальная Сеть. Итак, социальные компьютерные сети как устойчивая модель текстового взаимодействия представляют собой Интернет-гипержанр, являющийся совокупностью жанровых образований более низких уровней, имеющих свойства самостоятельных Интернет-жанров, таких, как форум, электронное письмо, мессенджер, блог, микро-блог и др., и связанных общими функциями конструи-

рования сетевого виртуального Я пользователя и включения его в определенное сообщество, построение персональной социальной сети.

В заключение отметим, что специфика формирования любой формы речевого взаимодействия в Интернет-коммуникации (в нашем случае – гипержанра Социальная Сеть) связана с ее технической стороной, а именно – с новым, компьютерным носителем информации. Это приводит к установлению зависимости устойчивости жанровых образований в компьютерно-опосредованной коммуникации от изменчивости или стабильности медийных признаков образующих их форматов. Так, динамичность изменений, вносимых в медийные характеристики форматов «ВКонтакте», приводит к неустойчивости жанровых характеристик отдельных моделей речевого взаимодействия в рассматриваемой социальной сети и подвижности всей ее жанровой системы в целом.

Литература

1. Браславец, Л. А. Интернет-сервисы социальных сетей в современной системе средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Браславец. – Воронеж, 169 с.
2. Будовская, Ю. Эгоизм как движущая сила пользовательской активности в социальных медиа и социальных сетях / Ю. Будовская // Социальная политика и социальное партнерство. – 2010. – № 11.
3. Горошко, Е. И. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24(63). – № 1. – Ч. 1.
4. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
5. Крестинина, Е. С. Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике / Е. С. Крестинина, Ю. Г. Чернышов // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4 – 3.
6. Матрехина, Н. В. Социальная сеть человека в контексте его жизненных ситуаций: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. В. Матрехина. – СПб., 2006. – 22 с.
7. Селютин, А. А. Коммуникативная толерантность в виртуальном пространстве: на примере анализа текстов социальных сайтов: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Селютин. – Челябинск, 2009. – 247 с.
8. Усачева, О. Ю. К вопросу о жанрах Интернет-коммуникации / О. Ю. Усачева // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2009. – № 3.
9. Черняева, К. О. Культурная идентификация в условиях глобализации: случай социальных сетей: автореф. дис. ... канд. соц. наук / К. О. Черняева. – Саратов, 2010.
10. Щипицина, Л. Ю. Понятие жанра компьютерно-опосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 3.

Информация об авторе:

Алтухова Татьяна Владимировна – стажер-исследователь кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 8-951-187-90-91, louvenna@mail.ru.

Altukhova Tatiana Vladimirovna – researcher at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemsU.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ТЕКСТАХ ЕГЭ

А. Г. Антипов, Е. Е. Рыбникова

FUNCTIONAL DERIVATION IN THE RUSSIAN STATE EXAM TEXTS

A. G. Antipov, E. E. Rybnikova

В статье рассматриваются процессы функциональной деривации современного русского языка, отражающие особенности динамики языковых норм. В центре внимания тексты ЕГЭ как объект деривационной ортологии в ее лингвокультурном и системном аспектах.

The article studies the active processes happening on the derivational level of the modern Russian language which are caused by democratization in all spheres of life causing violation of the established spelling norms. The article focuses on the Russian state exam texts fully and objectively reflecting the modern language situation.

Ключевые слова: языковая ситуация, семантика, грамматическая форма, деривация, деграмматизация.

Keywords: language situation, semantics, grammar form, derivation, de-grammatization.

Объект нашей статьи весьма противоречив. Мы уже обсуждали это в ряде публикаций (см., например, [1]). Повторим ещё раз свою позицию.

Школьные сочинения, конечно, всегда привлекали внимание русистов как оригинальный материал исследования динамики норм литературного языка, их речевой вариативности и особой аномальной выразительности. Действительно, какой ещё жанр дискурса может сравниться с письменной работой школьника в своей разнообразной палитре непреднамеренно комических уловок языка и стиля. Ср.: *«Горцы в произведениях Лермонтовна все гордые, как пернатые орлы», «Хороша русская поговорка – не лезь вперёд бабки в пекло!»* и т. п. Однако помимо спонтанных игровых практик работы учеников особенно интересны в аспекте отражения в них изменений, отличающих русский язык наших дней.

На наш взгляд, тексты ЕГЭ следует рассматривать как материал исследования функциональной динамики русской языковой нормы. Особая ортологическая направленность этих текстов, связанная с фиксацией строгой литературной нормы, предопределяет также её размывание в зоне речевой письменной реализации. Поэтому тексты ЕГЭ отражают не только следование или нарушение коммуникативных и системных правил, но и их динамическую природу, детерминированную качествами языковой личности и её представлениями о современной языковой ситуации. Таким образом, для нас тексты ЕГЭ – это, прежде всего, объект динамической ортологии, предметная область которой охватывает результаты функционирования норм русского языка, их изменения и трансформации.

Материалы ЕГЭ по русскому языку очень показательны в разных аспектах: их содержание не только даёт определённый срез русской речевой культуры XXI века, но и предоставляет бесценные данные по функционированию системы языка и коммуникативной компетенции русской языковой личности. Не менее интересен и лингвокультурный аспект описания школьных сочинений. В концептуальном и дискурсивном отношении эти тексты бесценны для фиксации картин мира и состояния стиля когниций и языка, актуальных срезов культуры и особенно повседневной речи, единицы которой явно конкурируют с

книжной нормой и даже претендуют на литературный статус. В этом – лингвокультурном – направлении ортологического анализа выпускных работ школьников мы сделали некоторые обобщения относительно активных процессов в области русской литературной нормы.

В качестве материала исследования используются выпускные работы учащихся Кемеровской области 2007–2012 гг. Главный итог наших пятилетних наблюдений – картотека языковых фактов, иллюстрирующих трансформацию современных норм на разных языковых уровнях (фонетическом, графическом, лексическом, грамматическом). Кроме того, важный раздел нашего архива включает данные современной русской стилистики во всем разнообразии традиционных и новейших речевых употреблений. К сегодняшнему моменту корпус трансформационных единиц русского языка составляет приблизительно 2 тысячи.

Проблемы создания классификации имеющегося корпуса языковых трансформов включают решение задачи поуровневого описания особенностей динамики языковых и текстовых норм. В настоящей статье остановимся на уровне функциональной деривации и рассмотрим типы словообразовательных новообразований, а также попытаемся установить их ортологический потенциал.

1. Понятие функциональной деривации

Под функциональной деривацией понимается инновационный уровень текстообразования, представляющий собой систему словообразовательных аномалий, функционирующих в дискурсивном пространстве школьного сочинения.

С прояснением оснований общего подхода к изучению проблем русской деривационной неологии связаны задачи предлагаемого исследования, обобщающего разноаспектный материал функционирования словообразовательных моделей в текстах ЕГЭ, а также основные результаты описания активных процессов функционирования этой языковой подсистемы ортологии текста.

Как представляется, специальное рассмотрение явлений вариативности словообразовательной нормы в текстах ЕГЭ отражает, с одной стороны, значение

динамических структур в построении текста, а с другой – формирование и функционирование этих структур в сознании языковой личности. Именно в таком теоретико-методологическом контексте предлагается особое направление описания процессов функциональной деривации, позволяющее (1) обосновать причины и характер вариативности инновационного уровня текста и лексикона языковой личности, (2) доказать лингвокультурное значение деривационных сдвигов в структуре новых дериватов, (3) определить типологические особенности деривационной вариативности и её роль в выявлении современных ортологических различий русского языка.

Основные результаты типологического описания уровня функциональной деривации должны отразить связи словообразования и современной российской лингвокультуры, с её установками на трансформации традиционных норм общения, которые влияют на формирование новых типов структур и стереотипов. Об этом свидетельствуют факты системы и нормы, а также феномены языковой памяти, раскрываемые в текстах ЕГЭ как в пространстве метаязыковой фантазии коммуникантов, а словообразование отражает эти условия естественных речевых актов в системе речевого пространства новообразований.

2. Изменения лингвокультурных стереотипов

Постмодернизм современных дискурсов, отличающий русский язык конца XX – начала XXI века, не только предопределил крушение норм официального языка новояза (усреднённой, клишированной подсистемы языка советской пропаганды), но и привёл к рождению новых речевых стереотипов, на которые ориентируется в своём построении современный молодёжный дискурс. И если в демократической России функции свободной, естественной речи выполняли произведения русской классической литературы, самиздат и разговорная речь, то теперь им на смену пришли новые речевые практики: различные типы медиадискурса, рекламы, Интернет-коммуникации, народных форм письменной и устной речи (вроде граффити, жаргонов и сленгов). Эти функциональные зоны современного русского языка влияют на тексты ЕГЭ, и по ним можно проследить некоторые изменения, происходящие в русской лингвокультуре.

Так, известной нормой письменной медиаречи стало совмещение кириллицы и латиницы по образцу рекламных слоганов «ВлиWля!» или «Тульский PRяник». Это приводит к появлению слов-гибридов, мотивированность которых соотносит разные лингвокультурные традиции, например, субкультурных кодов молодёжной коммуникации, как в зафиксированном нами случае графогибридизации «челобрак»: «Челобрак – это звучит гордо!» Подобные прецедентные высказывания, искажая каноническую русскую модель, довольно ярко иллюстрируют постмодернизм внутренней формы русского словесного знака. Иная ментальность и её роль в познании мира русскими уже не просто влияют на рождение новых стереотипов культуры, но способны влиять на структуру языка и в подвижных сферах нормы, и в инновационных сферах лексикона, включая правила слово-

производства. Подобные примеры межкультурной коммуникации, разумеется, во многом сложны для экспертной оценки, однако само по себе их включение учащимися в экзаменационные работы свидетельствует о влиянии современных моделей речевого общения на языковое сознание.

3. Аналитизм русской языковой формы

В области русского формообразования и словесной деривации сохраняется продуктивность аналитических конструкций как важнейшая динамическая тенденция функционирования структуры русского языка XX века. К структурно-функциональным проявлениям аналитизма обычно относят:

- рост агглютинативности в семантике и структуре производного слова (устранение многозначности словообразовательных морфем; ослабление чередований на стыке морфем; рост интерфиксации и интерференции (наложения) в морфемной структуре слова);
- потенциальное сокращение кода (уменьшение набора единиц: морфем и их вариантов);
- усиление регулярности словообразовательных типов (возможность образования от основ определенного типа производной единицы, имеющей аффикс со стандартным значением);
- изменение состава и характера парадигм разных частей речи (увеличение парадигм, объединяющих разные части речи);
- изменение характера некоторых словообразовательных оппозиций (преобразование оппозиций, в которых оба члена маркированы, в оппозиции, один из членов которых не маркирован);
- рост экспрессивности словообразовательных средств [5].

Отражение данных процессов в выпускных работах школьников охватывает случаи, типичные для молодёжного дискурса, с его особой экспрессивностью и смелой раскрепощённостью. Аналитичность структуры слова становится своеобразной фигурой речевого акта, как в номинации «*Супермегазажигалово*»: каждый из компонентов экспрессивной внутренней формы слова усиливает в пред- и посткорневой части деривата образность мотивирующей семантики глагола «*зажигать*» в сленговом значении ‘жесть / зажигать / отжигать на вечеринке’. Суперморфемный характер словообразовательной структуры подобных производных слов не противоречит структуре русского языка, экспансия подобных полиморфемных структур поддерживает появление аналитических многочленных конструкций, не характерных для структуры русского языка, типа: «*комет чистящий порошок антиржавчина*»; «*комет чистящий порошок лимон*».

На уровне слова эта закономерность ярко проявляется при создании поликорневых композитов неинтерфиксального типа (ср.: советское «*Первомай*» и новообразование «*Миртрудмай*»).

Речевое пространство новообразований ЕГЭ отражает инновационные сферы лексикона в целом. Например, высказывание «*Я уже сейчас работаю баристом*» может получить разную экспертную оценку вследствие низкой степени узуальности новой профессиональной номинации. С одной стороны, узуализация лексемы затрудняется явной словообразова-

тельной омонимией с узуальной номинацией «бармен». С другой стороны, системно-нормативный характер потенциального слова и устойчивый характер функционирования в текстах объявлений «*Требуются горничные, официанты, баристы*» приводит к семантической дифференциации моделей словопроизводства и постепенной узуализации заимствованной лексики в значении: «специалист по приготовлению кофе эспresso в кофейнях, барах, ресторанах, умеющий на вкус определять вид кофе, соотношение сортов зёрен в смеси и даже место произрастания зёрен». Освоению потенциального слова способствует и появление синонимических дериватов: *кофейщик, эспрессист, бармен-бариста*. Ср. текст объявления: «*Вакансия бармен-бариста! Обслуживание посетителей: приём заказа, приготовление кофе на кофе-машине, приготовление без алкогольных напитков, соков и десертов, подача клиентам заказа, расчёт гостей, поддержание порядка на рабочем месте!*»

Из неканонической орфографии этого контекста обращает на себя внимание вариант аналитического функционирования приставки *без-* – случай, типичный в ЕГЭ при написании иноязычных префиксов радиксоидного типа: «*супер автор*», «*супер роман*», «*книга супер*», «*мега супер ребёнок пианист*» и др.

4. Жаргонизация языкового сознания

Демократизация русского языка конца XX века, приведшая к изменению продуктивности ряда словообразовательных моделей, повлияла на рост индивидуального словопроизводства, а также предопределила усиление роли оценочных и количественных значений и перемещение в центральные сферы коммуникации явлений периферийных (сниженной разговорной лексики, просторечных форм, уголовного и молодёжного жаргонов) [2]. Ср., например, экспрессивное «на грани фола» формообразование глагола «ксерокопировать» в молодёжном дискурсе: «*ксерить*», «*отксерить*», «*ксерануть*», «*отксерачить*».

В современных текстах ЕГЭ жаргонизация связана в основном с функционированием так называемого «олбанского языка», нормы которого влияют на русское формообразование типа «*превед*», «*блондинко*», «*девушко*».

5. Потенциальное и окказиональное словообразование

С динамическими процессами в русском словообразовании начала XXI в., обусловленными развитием электронных средств массовой информации и коммуникации, обычно связывают: ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц; расширение сферы употребления разговорно-сниженных языковых элементов и жаргонизацию современного русского языка; расцвет языковой игры; резкое увеличение потока английских заимствований [4].

Этого рода изменения в системе и норме, характерные для всех современных славянских языков, приводят к росту потенциальной деривации.

Данный класс производной лексики, построенной по высокопродуктивным деривационным моделям, требует самой осторожной экспертной оценки по

шкале системно-нормативных или системно-ненормативных образований. От явных грамматических ошибок в сфере словообразования типа «*антисемист*» (*антисемит*), «*публицистиска*» (*публицистка*), «*оптимичные*» (*оптимистичные*), «*богатойсть*» (*богатство*), «*читание*» (*чтение*) следует отличать системно-нормативные и системно-ненормативные потенциальные дериваты.

1. Системно-нормативные потенциализмы обычно проходят основные этапы узуализации, пополняя инновационные сферы лексикона, т. е. становятся узуальными (реальными) словами (при условии выполнения ими номинативной функции): «*барист*».

2. Системно-ненормативные потенциальные дериваты, образованные чаще всего по активным моделям, дублируют уже имеющиеся в языке наименования: *целеустремление* (*целеустремленность*), «*упрямственность*» (*упрямство*), *парадёр* (*парадист*).

В текстах ЕГЭ такие дериваты часто заполняют лексические лакуны номинативной системы русского языка, поэтому не могут не передавать творческий характер автора выпускной работы. Ср.: «*прифантазировать*», «*оборонительность*», «*беспризорничество*», «*разнотематический*», «*прозаичка*», «*комплиментарный*», «*сверхлюбимый*» и др.

Как и нарушение грамматической нормы, потенциальное словообразование – это всегда некоторая тенденция, не всегда отражающая лингвистическую некомпетентность сознания. Более того, нарушения системных норм обусловлены моделью функционирования правил деривации. Так, в приведённом выше примере «*публицистиска*» отражается типологический для структуры современных индоевропейских языков процесс аффиксальной редупликации (называния аффиксов), являющийся базовым при формировании новых, более выразительных деривационных суперформантов. В тексте такие форманты выполняют важные стилистические функции прагматической оценки ситуации, как это и видно в оценочном контексте ЕГЭ: «*Какая-то там публицистиска!*»

Примеры, подобные «*антисемист*», связаны с ремотивацией заимствованной лексики, а образования типа «*парадёр*» объясняются конкуренцией словообразовательных моделей, обусловленной активностью иноязычного аффикса в производстве новообразований по модели *геймер, лузер*.

Рождение новых номинаций отражают и процессы деривационной игры, очевидные при создании окказионализмов. По нашим данным, в работах выпускников продуктивны все ведущие модели русской деривации окказиональных слов, произведённых с нарушением законов системной или эмпирической продуктивности словообразовательных типов.

В нашем материале зафиксирован удивительный по своему значению для русской лингвокультуры окказионализм «*фашистская зверепость*» (*звери, свирепость*), представляющий собой пример контаминации по конкретному образцу простого и производного слов. В структуре и семантике данной лексики запечатлён образ целой эпохи, переданы те истинные ценности, по которым можно судить о преемственности поколений и сохранности чувств русской культуры,

выстраданных в истории государства и судьбе каждого человека. Ср., например, образность песен военных лет: «От фашистской чёрной своры отстоим мы край родной», «И фашистской кровожадной своре не собрать вовек своих костей», «Прочь с пути, орда немецкая! Прочь с пути, разбойничья орда!», «На наш народ трудовой и весёлый напала чёрных злодеев орда», «Вперёд, друзья, смелее в бой, фашистской банде смерть несём», «С бандой фашистской сразится Родина смелых зовёт» и др.

Подобные примеры ЕГЭ убеждают в одном: какие бы потрясения ни охватывали русского человека, его язык всегда был и будет тем маяком в жизни, который направляет, помогая обрести себя. И поскольку, если воспользоваться метафорой М. В. Панова, русский язык сегодня «уже не озеро, не море, а океан», именно «сохранение языковых ценностей» как «важнейший результат истории русского литературного языка» не позволит социальным бурям его разрушить [3, с. 16, 17, 21].

Литература

1. Антипов, А. Г. Русская грамматика в зеркале ЕГЭ / А. Г. Антипов, Е. Е. Рыбникова // Вестник КемГУ-КИ. – 2011. – Вып. 1.
2. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) / под ред. Е. А. Земской. – М., 1996.
3. Панов, М. В. История русского литературного произношения XVIII – XX вв. / М. В. Панов. – М., 1990.
4. Петрухина, Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке / Е. В. Петрухина // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. – М., 2010.
5. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М., 1968.

Информация об авторах:

Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8(3842)373258, sante3@yandex.ru.

Antipov Alexander Gennadevich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

Рыбникова Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 8(3842)516987, ree-elena@yandex.ru.

Rybnikova Elena Evgenyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.

УДК 81'41

ЕДИНИЦЫ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА (на материале французских газетно-публицистических текстов) Л. А. Араева, М. А. Афанасьева

THE UNITS OF TEMPORALITY CATEGORY AS A MEANS OF THE AUTHOR'S MESSAGE REALIZATION (as revealed in the French newspaper texts) L. A. Araeva, M. A. Afanasieva

Представлен анализ форм настоящего, будущего и прошедшего времен во французских газетно-публицистических текстах в аспекте реализации ими замысла автора. Определена детерминационная значимость заголовка и первого абзаца статьи в плане употребления временных форм в тексте. Проявлена роль временных маркеров в линейной выстроенности вербализованных событий. Наличие/отсутствие временных форм и маркеров в заголовке рассматривается как языковая игра (по Витгенштейну), ориентированная на возникновение заинтересованности читателя.

The article is devoted to the analysis of the forms of present, future and past tenses in the French newspaper-publicity texts in the aspect of the author's message realization. The determinative significance of the heading and the article's first paragraph for the usage of tense forms in a text is represented. The role of temporal markers in the linear order of the verbalized events is shown. The presence/absence of tense forms and markers in the heading is considered as a lingual game (Wittgenstein) oriented at creating the reader's interest.

Ключевые слова: категория времени, темпоральная структура текста, заголовок, временные маркеры.

Keywords: temporality category, temporal structure of the text, heading, temporal markers.

Категория времени, реализуясь в тексте, проявляет интенции автора, его стремление выразить наиболее адекватно описываемые события, донести их до читателя. Представляется значимым выявление языковых средств, формирующих темпоральную структуру текста, которая в определенной мере обусловлена причастностью текста к определенному жанру. Показательными в этом плане являются газетно-публицистические статьи, ориентированные на массового читателя. Исследование вербальной реализации категории времени проводится на основе анализа газетно-публицистических текстов французской прессы (газеты: *Le Monde*, *L'Humanité*, *Le Figaro*, *Le Parisien*) за 2012 год.

Любой текст, с одной стороны, вписан в общую временную хронологию событий в мире; с другой – имеет свою грамматически оформленную темпоральную структуру. Применительно к тексту можно говорить об объективной и субъективной репрезентации времени. В первом случае отмечается стремление автора отразить реальные события (как правило, это тексты информативного содержания, представляющие констатацию фактов). Во втором – присутствует субъективная передача времени автором, которая способна исказить реальное время с целью выполнения определенной коммуникативной задачи.

Категория времени – одна из основных категорий глагола. Время – векторная категория, т. е. категория, имеющая свое направление, способная начинаться и заканчиваться в определенной точке. Кроме того, время в реальном мире идет в одном направлении: прошлое – настоящее – будущее. В тексте временная однонаправленность может отсутствовать. Грамматическое время, с которым мы имеем дело в текстах, способно «перескакивать» с будущего в прошлое, потом в настоящее, потом вновь возвращаться в будущее. Характерной чертой французского языка является многообразие видовременных форм глаголов: «одно настоящее время (*présent*), три будущих (*futur simple*, *futur antérieur* и *futur immédiat*) и ряд прошедших (*passé composé*, *imparfait*, *plus-que-parfait*, *passé immédiat*, *passé simple* и *passé antérieur*, *passé immédiat* и *future immédiat dans le passé*)» [3, с. 205]. Объяснить различие в количестве временных форм для каждого из трех временных пластов несложно. Говорить о прошлом, которое уже позади, проще всего, так как события известны и их линейность довольно легко выстраивается. Отсюда множество способов выражения временных деталей разными глагольными формами. Что касается настоящего, то оно происходит «здесь и сейчас», и в каждую новую минуту или секунду это настоящее будет меняться, но оставаться «здесь и сейчас». Будущее же время практически неизвестно, поэтому оно не может иметь такое же многообразие форм, как прошедшее, но в то же время человек всегда планирует свои действия, предполагает, выстраивает хронологию событий, поэтому количество видовременных форм более разнообразно, чем у настоящего времени, но менее разнообразно, чем у прошедшего. Но поскольку между тремя временными пластами нет четких границ, то и прошедшее, и настоящее, и будущее могут обозначать как действие точечное, так и действие длительное, а

также действие многократное. Кроме того, настоящее время может употребляться для обозначения прошедшего с целью «оживить» действие, придать ему движение и значимость; такое время условно называется *présent historique*; в то же время форма настоящего времени может быть использована для обозначения действия в будущем, если мы абсолютно уверены в том, что оно произойдет. Настоящее время, употребленное для обозначения повторяемого действия, будет «пронизывать» все три временных плана.

Глаголы составляют ядро категории темпоральности, они выстраивают линейную структуру текста. Благодаря грамматическим формам глагола, информация внутри текста упорядочивается. Грамматика помогает приблизить текст к реальной картине мира с помощью форм настоящего, прошедшего и будущего времен.

На периферии оказываются такие лексические единицы и словосочетания, как *le temps*, *l'heure*, *l'an*, *en un tour de main*, *au même instant*, *hier soir*, *autrefois*, *plus tard*, *toujours*, *ce soir-là*, *après dîner*. Лексические временные показатели могут выражать более конкретную дату, время (*à deux heures*, *en 1981*, *l'hiver dernier*) или неточные временные обозначения (*de temps en temps*, *rarement*, *autrefois*, *jadis*, *on ne sait quand*, *un peu après*, *un peu plus tard*, *quelques jours après*). Эти лексические единицы могут принадлежать разным частям речи. Оттенки темпоральности в тексте могут быть переданы с помощью наречий (*plus tard*, *récemment*, *il n'y a pas longtemps*, *tantôt*, *ensuite*), существительных (*années*, *age*, *mois*, *heure*), прилагательных (*ancien*, *antique*, *avancée*) и т. д. Существенную роль при определении времени выполняют предлоги (*jusqu'à*, *après*. *Depuis*, *pendant*). Самая большая группа предлогов – это группа со значением указания на какой-либо период времени, процесс, на всем протяжении которого совершается какое-либо действие: *à*, *sur*, *à (la)* *longer de*, *au fil de*, *au long de* [6, с. 20 – 21].

Эти временные маркеры можно разделить на группы по их значению:

1. «Предшествование во времени», которое может быть более или менее удаленным: *hier*, *autrefois*, *longtemps*, *la veille*, *il n'y a pas longtemps*, *jadis*, *ancien*.

2. «Следование во времени»: *demain*, *dans 2 ans*, *après*, *dès que*, *semaine prochaine*, *puis*.

3. «Одновременность во времени», что означает совпадение двух и более событий во времени, причем они могут быть как точечными, так и протяженными во времени: *en même temps*, *simultanément*, *pendant que*, *tandis que*, *pendant ce temps-là*.

4. «Повторяемость», а именно – редкость или частотность действия: *chaque jour*, *jamais*, *parfois*, *mensuel*, *souvent*, *toutes les heures* [5, с. 7].

В контекстах используются также названия исторических событий и реалий, имена исторически значимых персонажей и т. д., указывающих на определенный временной срез.

Концепт времени, как об этом уже писалось выше, может быть заложен в семантике слов разных частей речи, например: *moderne*, *contemporain*, *actuel*, что можно продемонстрировать на примерах анализируемых текстов:

«C'était déjà un libéro plus moderne, qui participait beaucoup plus à l'organisation du jeu»;

«Ne pensez-vous pas qu'il est nécessaire de mettre en avant le rôle de la transition écologique dans l'économie moderne?»;

«Il est loisible à tout un chacun d'estimer que la loi est mal faite, en ce qu'elle n'est plus adaptée aux mœurs contemporaines, concède la magistrate»;

«Mais Nicolas Sarkozy aurait besoin, pour espérer inverser le rapport de force actuel, d'un report beaucoup plus massif de ces électeurs du Front national».

Публицистические тексты, основываясь на объективном времени, одновременно создают социальный образ времени [4, с. 231 и др.]. Основные функции публицистического текста состоят в информировании читателя и воздействии на его сознание. Соответственно, в заголовке публицистического текста дается самая главная, ключевая информация. Задача заголовка состоит в том, чтобы обозначить проблему и привлечь внимание читателя. Как пишет Т. А. Ван Дейк: «Заголовок имеет в то же время и весьма специфическую тематическую функцию: он обычно выражает наиболее важную тему газетного сообщения» [там же, с. 229]. С заголовка начинается любая статья. Он вводит читателя в тему, а также задает тексту оценочность, темпоральность и локальность. Проанализируем несколько заголовков из газеты Le monde:

«RÉFORME – Ça gagne combien, un président à la retraite?»

«Le prix de l'essence ne sera pas bloqué tant qu'il baissera»

В этих заголовках время выражено простой глагольной формой. В первом случае используется глагол в Présent. Настоящее время может очень широко осмысливаться говорящим. В данном случае мы имеем дело с обобщенным представлением о событии, это значит, что действие протекает в неограниченных временных рамках. Во втором случае глагол стоит в Futur simple. Это означает, что заявленное в заголовке событие произойдет в ближайшем или далеком будущем, при этом степень отдаленности этого события от настоящего момента остается неизвестной, поскольку других временных указателей нет. Поэтому читатель может сделать вывод об отсутствии уверенности автора в том, что данное событие действительно произойдет, и постарается найти ответ в самом тексте. То есть употребление глагольной формы провоцирует заинтересованность читателя.

Если автор уверен в событии, которое было или будет иметь место, то чаще всего в заголовке указывается точная дата. Ср.: «La cérémonie du 8-Mai en images»; 10 mai: L'Europe d'abord». Однако при этом четко не называется событие, которое описывается в статье, что также вызывает интерес читателя.

В заголовке может присутствовать дата, указывающая на событие, при этом глагол может отсутствовать, потому как уже понятно, когда произошло событие. Временные указатели могут отсутствовать совсем. Ср.: «Bataille de chiffres autour de la réduction des salaires des ministres»; «Premier déplacement à l'hôpital pour la ministre de la santé». В данных заголовках нет ни глагола, отсылающего к какому-либо времени, ни других лексических средств, выражаю-

щих отнесенность ко времени. Темпоральность можно определить только из текста самой статьи.

Для статей политического и экономического характера характерна номинация события, о котором далее пойдет речь, ключевых лиц и даты. В большинстве случаев в первом же абзаце, то есть во введении, есть более или менее точная дата, поскольку задача вступления заключается в конкретизации темы, а также в том, чтобы задать её пространственно-временную развертку [7]. Ср. примеры первых абзацев статей:

«La ministre de la santé, Marisol Touraine, a réservé, jeudi 17 mai au soir, sa première visite au centre hospitalier de Saint-Denis (Seine-Saint-Denis). "Je voulais rendre hommage d'abord à celles et ceux qui travaillent dans le service public, s'engagent au service des autres", a déclaré Mme Touraine, qui avait pris dans la matinée ses fonctions de ministre de la santé et des affaires sociales»;

«Sur les trente-cinq membres qui composent le gouvernement – le premier ministre, dix-huit ministres et seize ministres délégués –, vingt-six se présenteront aux élections législatives des 10 et 17 juin. Avec le risque d'y être battus et, dans ce cas, dans l'hypothèse où la gauche remporte la majorité, de devoir quitter le gouvernement»;

«Comme tous les dirigeants européens, Olli Rehn devait prendre des pincettes vendredi 11 mai à Bruxelles pour présenter ce que d'aucuns pourraient considérer comme une "feuille de route" pour François Hollande. Le commissaire aux affaires économiques et monétaires a dévoilé vendredi 11 mai ses prévisions de printemps, un document très attendu par les capitales. Et qui sonne comme un rappel aux réalités pour le président élu».

Во всех примерах в первых абзацах указывается точная дата описываемого события, а также может присутствовать название ключевого события, лица, места. Ср.: «...à Bruxelles...».

На основе проанализированных статей можно утверждать, что самыми частотными формами глагола являются формы present и passé composé. Далее по частотности употребления следуют формы imparfait, plus-que-parfait и futur. В целом это не противоречит мнению Имбса относительно употребления времен в языке газет, которое приведено в «Теоретической грамматике французского языка» В. Г. Гака [2, с. 141 – 142]. Эти подсчеты позволили исследователю разделить времена на три группы: наиболее употребительные, по его мнению, охватывают более 80 % всех случаев (présent 47 %, passé composé 21 %, imparfait 9,43 %, future 8,84 %); к менее употребительным он отнес passé simple 7,39 % и plus-que-parfait 3,67 %; а к редким – futur immédiat, passé Immédiat и passé antérieur, которые в общей сложности составили 2,67 % [там же, с. 111 – 112].

Présent является самой употребительной формой по той причине, что это время сообщает актуальную для настоящего момента информацию, которая значима для читателя. Кроме того, статьи на политические и экономические темы перенасыщены цитатами, в которых дается завышенная прямая речь политиков, глав государств, дипломатов. Естественно, что эта речь насыщена формами настоящего времени. Для передачи фактов необходима форма прошедшего

времени. В данном случае мы имеем дело с формой *passé composé*. Эта форма приближает действие в прошлом к настоящему моменту, становится актуальной здесь и сейчас. На третьем месте по употреблению оказалась форма *imparfait*, которая выступает как в своем прямом значении, так и с целью согласования времен.

Проанализируем употребление времен в публицистическом тексте на примере статьи из «le Monde» под названием «Sarkozy n'a pas pu éviter le réquisitoire sur son bilan» общим объемом 15720 знаков. Данная статья опубликована 3 мая 2012 года. Заголовок задает тему, которая будет развиваться в статье. В нем уже обозначено ключевое лицо – Sarkozy, а также событие – *n'a pas pu éviter le réquisitoire sur son bilan* и время – *passé composé*. Из заголовка известно, что речь пойдет о том, что уже произошло, поэтому в статье зафиксировано значительно больше глаголов в прошедшем времени по сравнению с формами будущего или настоящего. На указанный объем знаков форма *passé composé* встретила 70 раз. При этом данное время употребляется в своем основном значении – обозначение действия, произошедшего в прошлом, но имеющего связь с настоящим.

Il a manqué cette démonstration, et il a manqué le KO qui lui aurait permis d'inverser l'état de l'opinion tel qu'il ressort des sondages. Dans ces conditions, je doute que ce débat lui ait permis d'engranger si peu que ce soit l'adhésion de nouveaux électeurs. Dès lors qu'il n'a pas gagné ce match, à mes yeux cela signifie qu'il l'a perdu;

Cette assurance, dans l'allure comme dans l'élocution, a rendu, me semble-t-il, sa prestation percutante. Il faut ajouter que François Hollande a, ces dernières années, réanalysé minutieusement les campagnes électorales de ces quarante dernières années et, en particulier, celles de François Mitterrand en 1981 et 1988. Il a d'ailleurs réussi, me semble-t-il, une synthèse des deux débats présidentiels de 1981 et 1988. En 1981, François Mitterrand avait opposé à Giscard d'Estaing son "passif" quand celui-ci accusait le candidat socialiste d'être un "homme du passé".

Из контекстов видно, что глаголы в *passé composé* встречаются довольно часто, они используются в своей основной функции – передаче действия в прошлом, которое актуально для настоящего. *Passé composé* выражает действие, которое началось и закончилось в прошлом.

Эта временная форма указывает на заверченный промежуток времени в прошлом, поэтому способна употребляться с временными маркерами. Приведем примеры из статьи:

"François Hollande a repris, hier, presque les mêmes mots en accusant son adversaire de "clanisme" et, sans employer l'expression, d'être responsable d'un "Etat Sarkozy";

Nicolas Sarkozy s'est retrouvé, au soir du premier tour, dans une position très difficile.

Il a d'ailleurs réussi, me semble-t-il, une synthèse des deux débats présidentiels de 1981 et 1988.

Из этих примеров следует, что временные маркеры необходимы для того, чтобы выстроить линейность в тексте. Без них не сложилась бы целостная

картина мира, они выстраивают события в том порядке, в котором происходили.

Форма *Présent* встречается в тексте 55 раз. Время *Présent* семантически более насыщено, чем *passé composé*. Оно способно выражать действие, которое происходит в момент речи, означать недавнее прошлое или ближайшее будущее, а также действие в будущем, которое обязательно произойдет. Кроме того, есть так называемое *Présent absolu*, которое употребляется с целью передачи действия, не связанного с определенным промежутком времени, что обуславливает его использование в пословицах и поговорках.

В статье «Sarkozy n'a pas pu éviter le réquisitoire sur son bilan» чаще всего настоящее время передает действие, происходящее в момент речи. С помощью глаголов в *Présent* как автор, так и авторитеты, речь которых цитируется, высказывают свою точку зрения. Чаще всего настоящее время используется с такими глаголами, как *sembler, penser, être*. В их семантике заложено выражение мнения. Так, в данной статье глагол *sembler* в настоящем времени встречается 12 раз:

Enfin, Nicolas Sarkozy s'est, en quelque sorte, trouvé pris à contre-pied. Depuis maintenant cinq ans, c'est lui qui, très souvent, a été, ici ou là, considéré comme agressif. Il avait donc choisi, semble-t-il, de ne pas adopter ce ton dans le débat d'hier, mais devant le ton offensif de son adversaire, il s'est trouvé ramené presque inévitablement sur ce terrain, et c'est, me semble-t-il, lui qui s'est retrouvé perdant dans ce registre-là : il ne me semble pas normal de traiter celui qui sera peut-être, dans quelques jours, le chef de l'Etat, de "petit calomniateur" et de marteler sans arrêt que son adversaire profère des "mensonges" quand lui-même, y compris lors du débat, n'est pas avare de contre-vérités manifestes.

Реже в статье встречаются глаголы в других временах. Но среди них чаще используются глагольные формы в прошедших временах, чем глаголы в формах будущих времен. К примеру, в тексте присутствуют глаголы в *imparfait*, а также в *plus-que-parfait*.

Mais je pense qu'ils ont eu, en réalité, le bon réflexe professionnel de la télévision. Ce débat, en effet, a été un vrai débat âpre, sans concession, brutal à bien des moments. Bref, une vraie confrontation comme il n'y en avait pas eue depuis 1988.

Plus-que-parfait используется в независимом предложении. Но, несмотря на это, глагол в форме *plus-que-parfait* используется в своей привычной функции предпрошедшего времени. Кроме глагольной формы, временным маркером является дата с предлогом: «*depuis 1988*». Благодаря этому читатель понимает, что речь идет о событии, которое имело место перед событиями, описываемыми ранее.

На основе проанализированных публицистических статей различных французских изданий можно сделать вывод о том, что употребление временных форм зависит от сюжета самой статьи. Как правило, ключевая тема заявлена уже в заголовке статьи. Поэтому, исходя из названия заголовка, можно определить примерное соотношение форм прошедшего и будущего времен. Если количество глагольных форм будущего и прошедшего времени зависит от того, произошло ли событие, заявленное в названии, количество глагольных форм в настоящем времени при-

мерно одинаково. Настоящее время используется чаще всего для выражения авторской точки зрения либо цитаты, где оно обозначает действие, происходящее в момент речи.

В целом можно заключить: употребление либо неупотребление временных глагольных форм, марке-

ров в заголовке являет собой языковую игру (по Л. Витгенштейну), направленную на реализацию основной цели средств массовой информации: вызвать заинтересованность читателя.

Литература

1. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1.
2. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В. Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1981а.
3. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология / В. Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1981б.
4. Дейк, Ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
5. Ларина, Л. И. Темпоральная структура французского художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Ларина. – Воронеж, 2004.
6. Суворцева, С. И. Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических предлогов со значением темпоральности в современном русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Суворцева. – Челябинск, 2006.
7. Трофимова, О. В. Лингвистический анализ: учебное пособие / О. В. Трофимова, Н. В. Кузнецова. – М.: Флинта, 2010.

Информация об авторах:

Араева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики КемГУ, 8 (3842) 582745, araeva@list.ru.

Araeva Lyudmila Alekseevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

Афанасьева Мария Александровна – студентка 4-го курса факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 8921 423 62 29, mary_14.92@mail.ru.

Afanasyeva Maria Aleksandrovna – 4th-year student at the Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University.

УДК 801.54

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТ «Г+ -ЛИВ» В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Л. А. Араева, А. А. Горланов

PROPOSITIONAL-SEMANTIC ORGANIZATION OF “V+ -LIV” WORD-FORMATIVE TYPE IN THE RUSSIAN DIALECTS

L. A. Araeva, A. A. Gorlanov

В статье рассматривается пропозиционально-семантическая организация словообразовательного типа, включающего отглагольные прилагательные с суффиксом -лив, анализ которой раскрывает ментальную природу данной категории, отражающей особенности процессов категоризации и концептуализации действительности.

The article studies the propositional-semantic organization of word-formative type including the verbal adjectives with the -liv suffix, which reveals the mental nature of this category reflecting the features of the processes of reality's categorization and conceptualization.

Ключевые слова: словообразовательный тип, ментально-языковая категория, пропозиционально-семантическая организация.

Keywords: word-formative type, mental-linguistic category, propositional-semantic organization.

Анализируя язык как определенную систему, многие лингвисты целесообразно уделяли большее внимание имени, обозначающему конкретный предмет или реалию. Тем не менее изучение субстантивов

на всех языковых уровнях указывало на необходимость расширения границ для дальнейших исследований имени, природа которого находится в тесной связи с категорией признака.

Обращение к проблеме семантической природы производного прилагательного на современном этапе развития науки о языке приобретает дополнительную актуальность. Во-первых, это объясняется меньшей изученностью адъективов по сравнению с субстантивами или глаголом, что подтверждает даже количественное соотношение работ по именному, признаковому, глагольному словообразованию. Во-вторых, рассмотрение пропозиционально-семантической организации производных адъективов тесно связано с общетеоретической языковедческой проблемой взаимодействия языка, сознания и действительности.

При изучении признаков слов исследователи, как правило, подвергают анализу их сочетаемость с именами существительными без учета пропозиционально-семантической связанности адъективов в пределах словообразовательных категорий (типа, гнезда, ниши). Между тем несомненна направляемая функциональной семантикой форманта системная связанность мотивирующих, мотивированных и обусловленных синтаксической ролью мотивирующих сочетаемых с прилагательным существительных.

То есть, с одной стороны, мотивирующее прилагательное слово и существительное, с которым в силу своей синтагматической природы семантически связано прилагательное, репрезентируют определенные актантные функции в границах пропозициональной структуры. Например: *стеклянная ваза* – ваза (результат), сделанная (предикат) из стекла (средство). С другой – в пределах каждого типа реализуется свойственный ему набор пропозициональных структур, провоцирующий типизированные пропозиционально-семантические сферы, позволяющие достаточно легко применять в речи и образовывать новые слова по аналогии с уже существующими (в частности, мясо животного, птицы, рыбы именуется с применением суффикса *-ин/а/* и его алломорфов: *-атин/а/*, *-овин/а/*: *свинина, коровятина, телятина, курятина, гусятина, сиговина* и др.).

Исследование имен прилагательных с точки зрения их пропозиционально-семантической природы в границах словообразовательного типа (СТ) как прототипической ментально-языковой категории предоставляет современное решение проблемы соотношения онтологических категорий вещи и признака. Словообразовательный тип в современном понимании является категорией с системно организованными уровнями словообразовательной семантики, от предельно абстрактного до предельно конкретного: грамматико-словообразовательное, частное словообразовательное (функциональное и характеризующее); собственно словообразовательное, включающее имена артефакта, натурфакта, лица; пропозиционально-словообразовательное, проявляющее предикативно-актантную связанность мотивирующего и мотивированного слов; лексико-словообразовательное значение, эксплицирующее дискурсивную связанность мотивирующего и мотивированного на уровне лексических объединений; индивидуальное лексико-словообразовательное значение [1; 3, с. 145 – 150; 4, с. 19 – 24].

Такое понимание данного метаязыкового феномена делает возможным системный подход к исследованию адъективных дериватов. В заданном ракурсе

исследования единицей анализа становится не только производное слово, но в целом специфика взаимодействия словообразовательных единиц и категорий, начиная от функционально-семантических возможностей форманта и заканчивая определением семантических сфер конкретного словообразовательного типа.

Для большей наглядности в рамках данной статьи представим пропозиционально-семантическую организацию диалектного адъективного словообразовательного типа «Г+*-лив*». Глагольная семантика мотивирующих единиц данного типа содержит указание на действие, которое под влиянием форманта и актантного существительного эксплицирует значения дериватов посредством динамичного признака, реализующегося в действии. Предельно абстрактное словообразовательное значение (СЗ), т. е. грамматико-словообразовательное, для данного словообразовательного типа формулируется следующим образом: «признак, имеющий отношение к предмету и действию» (*очливый, ругливый*). При этом суффикс *-лив* направляет мотивирующую семантику в сторону номинации характеризующего действия и признака, проявляет стремление формировать пересекающиеся значения.

Пропозиционально-семантический рисунок СТ «Г + *-лив*» достаточно четок, ядерными для типа являются именованная лиц в характеризующем аспекте. При этом именуемое лицо оказывается в большинстве случаев активным носителем признака: *Ну и галушливая же ты!* (Вят., Киров.); *Воплива-воплива была, ногой топце. Оны батько таки вопливья* (Арх.); *Такая лезливая баба, не люблю её, всё ей не любо, дома-то не живёт, дак ходит, шатается всё* (Перм.) и мн. др.

Имена натурфактов в характеризующем аспекте эксплицируют меньшее количество лексем при большом разнообразии их семантики на уровне словообразовательно-пропозиционального значения (СПЗ), что связано с включением в производную связь существительных, выступающих в аспекте объекта, места, части целого.

Например:

СПЗ «Натурфакт – объект, характеризующийся через другой объект» включает дериваты, характеризующие растения (*стручливый горох* (Пск., Твер., Новг.));

СПЗ «Натурфакт – часть целого по характеризующему действию» более присуща номинация части тела человека по отличительному действию (*лопотливый язык* (Смол.); *болтовливый язык* (Свердл.) и др.);

СПЗ «Натурфакт – объект, характеризующийся через действие» направлено на обозначение рыб, животных и насекомых (*бросливая рыбица* (Амур.), *кусливые мухи* (Перм.), *ластливая кошка* (Перм.); *накостливый кот* (Сиб., Пск.) и др.).

Яркой особенностью данного типа является отсутствие имен артефактов, что обусловлено сферой функционирования прилагательных с *-лив*, обозначающих признак в его динамике, степени проявления, а также склонности к некоторому свойству или обладанию каким-нибудь качеством. Соответственно носителем такого рода признака может быть одуше-

ленная многомерная категория: человек, животное, а также природа, режа – место или время.

Анализ пропозиционально-семантической организации типов имён прилагательных обуславливает выявление специфики лексической сочетаемости той или иной группы признаков слов. В каждом словообразовательном типе адъективов можно выделить ядерные и периферийные тематические группы сочетаемых слов, анализ которых важен при описании семантики того или иного типа. Это напрямую связано с тем, что прилагательные обращены к «миру» в процессах его концептуализации не непосредственно, а посредством языковых механизмов интерпретации признаков [5, с. 73], т. е. проявляют зависимость от имени существительного, а также имплицитно указывают на присутствие познающего мир субъекта. Таким образом, определение прототипических валентных связей, рассмотрение тематических групп существительных, с которыми сочетаются адъективы с конкретным формантом, помогает при описании специфики пропозиционально-семантического рисунка словообразовательного типа.

Что касается СТ «Г + -лив», то в качестве ядерного в его пределах представлено СПЗ «лицо по характеризующему действию», которое на лексико-словообразовательном уровне репрезентировано: а) признаками человека по действию, характеризующему черты характера; б) по манере общения; в) по отношению к труду и еде; г) по особенностям поведения.

При этом наиболее частотная сфера употребления прилагательных с данными значениями – характеристика человека в сфере семейных отношений: *Она, брат, такая охладливая* (неряшливая), *что стыдно* (Бурят.); *Мужик-от у нее гоношливый, позавидуешь*. (Вят., Киров.); *Свякорова хлопотлива*. (Смол.); *Какая ты, бабушка, галдливая. Что ты все гудишь, галдишь?* (Ряз.); *У нас отец-от был такой жавливый, всё жалел коровушек*. (Перм.); *Четвертая кручина – Да золотка смутлива* (Олон.); *Да въ большу семью несужитливу: || Да ко свекру журливому, || Да ко свекрови бранливой...* (Волог.; свад. притча) и др.

Второй по значимости и распространению сферой функционирования адъективов данного словообразовательного типа является номинация животных (реже – птиц, рыб, насекомых) по свойственному им действию. При этом большинство дериватов, имеющих СПЗ «натурфакт-объект по характеризующему действию», именуют признаки *собаки, коровы и лошади (коня)*: *Котора охотливая собака, сразу спокоится, когда придеши, а другая глупая, все лает и лает. Собака охотлива, умная, винтом ходит вокруг кедрача – следит, чтобы не ушел (соболь)*. (Краснояр.); *Как к тебе ходити – у тебя собаки брехливы* (Волог.); *Купил лошадь, а она артачлива* (Пенз.); *Моя корова – блыкливая (отстающая от стада) животина* (Пск.) и т. д.

Тематический круг сочетаемых существительных репрезентирует детерминанту сферы употребления адъективов с формантом -лив: в основном это лексемы, отражающие социальную языковую картину мира (прим. автора: *под социальной языковой картиной*

мира нами понимается по большей части сфера межличностных отношений, выраженная через язык и связанная с характеристикой человека, животного или другого объекта с позиции тех качеств, которые тем или иным образом определяют процесс общения или контакта с ним). Большинство контекстов, в которых функционируют производные единицы анализируемого типа, связаны с номинацией человека (или животного) по признаковому действию. При этом выделенные ЛСЗ «лицо по манере общения», «лицо по отношению к труду», «лицо по отношению к еде» и др. обнаруживают особенности поведения человека в процессе его взаимодействия с окружающим миром.

Специфика производных адъективов с -лив определяется как природой обозначаемого ими признака, проявляющегося через категорию действия и непременно содержащего элемент оценочности, так и особенностями тематических групп сочетаемых существительных.

Для дериватов, актуализирующих СПЗ «лицо – объект, характеризующийся через действие», можно выделить следующие наиболее распространенные группы сочетаемых слов:

1) одну из самых значимых групп определяемых существительных можно сформулировать как «Люди, состоящие в родственных отношениях»: *У меня муж был хорошим, работливым* (Перм.); *У меня беготливая сестра была, дак она не находится в избе, все где-то бежит* (Перм.); *Что старый – гудливый... Мать гудит и гудит: Что ж ты учился, учился, а ни работаешь?* (Ряз.); *Наши жёночки судливы – обсудят* (Смол.); *А уж Ляксунишина сноха – она баба щекотлива, ругачкая* (Ряз.) и др.;

2) второй является ТГ «Дети»: *Дитёныш плакливый* (Смол.); *Хлопец он капризливый – вишь нюни распустил*. (Смол.); *Дети, они сурочливы* (Смол.); *Сидела, вот у меня мальчик-то этот крикливый был. Что-то приболел он у меня немножко, я его сидела все вот так-то вот качала в люльки* (Ряз.); *Он ревливой был – я ночь-ночински не спала, намаялся с им* (Перм.);

3) ещё одну протипическую группу существительных, согласуемых с адъективами на -лив, можно обозначить как «Пожилые люди»: *Они зудливые, зудят и зудят... остарели* (Ряз.); *Рассудливой был старик-от, рассудил всё по порядку* (Перм.); *Старуха-то та шибко прихотливая, уж вы не сказывайте, что я направила вас* (Перм.) и т. п.

При номинации натурфактов через предмет, действие или другой признак в качестве определяемых существительных используются единицы ТГ «Домашние животные», «Дикие животные». Прилагательные с -лив, обозначающие признаки натурфакта, сочетаются с существительными *корова, конь, лошадь, собака, кошка, курица, коза*.

Тот факт, что в пределах СТ «Г + -лив» наряду с обозначением человека через характеризующее действие активно функционируют дериваты, именующие признаки животных, свидетельствует о своеобразии процесса категоризации, об особых связях категорий, включающих именованного человека и животного в диалектной подсистеме. Данный тезис опирается на

положение, высказанное Дж. Лакоффом, суть которого заключается в том, что «мы понимаем мир не только в терминах индивидуальных вещей, но также в терминах категорий» [6, с. 24]. При этом связи между категориями, наполненность категорий определенной системой смыслов у той или иной группы людей, проживающих на одной территории, всегда будут непохожими и отличающимися от категорий, присущих мышлению других человеческих объединений.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что для диалектной языковой картины мира характерно тесное переплетение таких категорий, как «человек» и «животное», в силу того, что для деревенского жителя любая деятельность непосредственно или опосредованно связана с представителями животными мира. В этом плане можно выделить ситуации ухода за домашними животными; их убой с целью получения мяса, шкуры, шерсти, приготовления кушанья, пошива одежды, изготовления обуви, предметов быта. Что касается диких животных, то это, прежде всего, ситуации охоты, где животное может выступать как объектом, так и средством (например, *лосья собака, волковья собака* и т. п.). Действительность обуславливает особый статус категории *животного*, её специфическое содержание, находящее своё выражение на языковом уровне. Категория *животного* осмысливается в диалектном дискурсе в максимальной близости к человеку, что дает основания наделять её особыми свойствами, признаками и качествами.

Проиллюстрируем этот тезис следующим примером: прилагательное *артачливый* в значении «упрямый, норовистый» в говорах может употребляться как по отношению к человеку, так и по отношению к коню: «*Артачливый, не сговоришься с ним*». «*Купил лошада, а она артачлива*» (Пенз.).

Подобные случаи возможны также и у других адъективов с суф. *-лив*, обозначающих свойства и действия, характерные для животного и человека: «*У тебя собаки брехливы*». «*Жена у него дюже брехлива*». (Волог.) <> «*Собачка звягливая – стоит держать*». «*Не бойся человека звягливого, а бойся молчаливого*». (Смол.) <> «*Моргливы (привередливы) вы горожки-те*». «*Моргливая корова. Моргливой кот, одну рыбу ел*». (Ср. Урал) и т. д.

Сравнивая пропозиционально-семантическую организацию адъективных и субстантивных дериватов, можно говорить о распределении сфер семантического влияния между субстантивными и адъективными словообразовательными типами. К примеру, для продуктивных словообразовательных типов существительных с суффиксами *-ист*, *-ник* именования лиц по характеризующему предмету или действию являются периферийными, их отличает семантическая направленность в сферу функционально значимых номинаций. Адъективы с *-лив*, наоборот, ориентированы на процесс характеристики человека через отличительное действие и признак, обладая большей оценочностью и вариативностью семантики. Это даёт основание полагать, что отсутствие в СТ «Г + *-лив*» имен лиц в функциональном аспекте может объясняться наличием в языке достаточного количества других словообразовательных типов (именно субстантивов),

наиболее полно реализующих процессы номинации в указанном аспекте.

При этом в ходе анализа признакового словообразования ни в коем случае не опровергается, а лишь ещё раз подтверждается тезис о том, что словообразовательный тип устроен по принципу естественных категорий Л. Винтгенштейна: в нем выделяются ядерные и периферийные пропозиционально-семантические зоны; члены этой категории имеют размытые формально-семантические границы, обеспечивающие связи между типами и провоцирующие синергетические процессы в языке. К тому же, тип, включающий адъективную лексику, имеет более широкие границы, включающие не только группы производных и мотивирующих единиц, но и валентные существительные (другими словами – *ближайший* контекст).

Обращаясь к вопросу о продуктивности СТ «Г + *-лив*», можно, сравнивая его с типом прилагательных на *-ий*, говорить о нем как о более продуктивном в силу большей количественной представленности производных единиц, а также в связи с выделением достаточно чёткой системы тематических групп сочетаемых слов. Более рациональным выглядит при анализе пропозиционально-семантической организации типа отход от понимания его абсолютной продуктивности [1, с. 56].

Каждый словообразовательный тип является продуктивным на одном из семантических уровней или на уровне образования производных в одном из ономастических аспектов. Анализируемый словообразовательный тип продуктивен на словообразовательно-характеризующем уровне семантики.

Специфика пропозиционально-семантической организации СТ «Г + *-лив*» заключается в возможности входящих в его состав производных сочетаться только с именами лиц и натурфактов. Таким образом, словообразовательный тип, являясь ментально-языковой категорией, отражает особенности процессов категоризации и концептуализации действительности.

При анализе пропозиционально-семантической организации СТ «Г + *-лив*» выяснилось, что в его пределах проявляется близость категорий человека и животного, обусловленная их совместным участием в разного рода деятельности, проявляющей особый статус представителей животного мира. В диалектах они наделяются чертами, качествами, действиями, которые присущи человеку. В рамках словообразовательного типа становится очевидным системный характер связи между категориями «человек» и «животное».

Следует отметить, что СТ «Г + *-лив*» ориентирован на образование производных, имеющих в основе своей семантики процесс характеристики человека через отличительное действие или признак, связанный с оценочностью. Кроме того, адъективный словообразовательный тип рассматривается как естественная категория, стремящаяся к расширению границ за счет валентных возможностей производных единиц, направляемых функциональной семантикой мотивирующих и форманта.

Литература

1. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы / Л. А. Араева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 223 с.
2. Араева, Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение / Л. А. Араева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2004. – № 4. – С. 110 – 115.
3. Араева, Л. А. Словообразование и синтаксис: типы пропозициональных структур / Л. А. Араева, И. В. Евсеева // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2010. – № 4.
4. Араева, Л. А. Пропозиционально-семантическая организация словообразовательного типа (на материале отсубстантивов с суффиксом -ин(а) в русских народных говорах) / Л. А. Араева, А. В. Проскурина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1.
5. Сулименко, Н. Е. Еще раз о семантике прилагательных Н. Е. Сулименко // Критика и семиотика. – 2007. – Вып. 11.
6. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Информация об авторах:

Араева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики КемГУ, 8 (3842) 582745, araeva@list.ru.
Arayeva Lyudmila Alekseevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Stylistics and Rhetoric of KemsU.

Горланов Александр Андреевич – студент 5 курса факультета филологии и журналистики КемГУ, araeva@list.ru.
Gorlanov Alexander Andriyovych – 5th – year student at the Faculty of Philology and Journalism of KemsU.

УДК 81'272

НЕЙМИНГ ОСТАНОВОК Г. КЕМЕРОВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ *А. Ю. Арышева, А. И. Гладилова, А. Р. Дегтярева, П. А. Катышев, К. А. Кудашкина, С. В. Оленев, И. Ю. Саятина, В. А. Сергиенко*

NAMING OF PUBLIC TRANSPORT STATIONS IN KEMEROVO: CONTEMPORARY CONDITION, PROBLEMS AND WAYS OF OPTIMIZATION *A. Yu. Arysheva, A. I. Gladilova, A. R. Degtyareva, P. A. Katyshev, Ks. A. Kudashkina, S. V. Olenov, I. Yu. Sayutina, V. A. Sergienko*

Исследование выполнено при поддержке администрации г. Кемерово.

Статья посвящена анализу нейминговой ситуации остановок общественного транспорта г. Кемерово. Данные для анализа получены в результате полевого сбора материала (с последующим сравнением с используемыми названиями в электронном справочнике 2GIS и на Интернет-сайте МБУ «Управление единого заказчика транспортных услуг» г. Кемерово – www.kemgortrans.ru), а также в результате социологического опроса. Оценка и анализ эффективности названий проводились участниками проектной группы (коллектив авторов статьи) с привлечением специалистов по лингвистике, социологии и истории (краеведению).

This article analyzes the situation of naming of public transport stations in Kemerovo. Facts for analysis were obtained from field collection of material (with a subsequent comparison to the names used in the 2GIS directory and the website of the Kemerovo «Management of the united customer of transport services» – www.kemgortrans.ru), and from a poll. Assessment and analysis of the naming effectiveness were conducted by the members of the project team (the authors of article) with the assistance of experts in linguistics, sociology, and history (local history).

Ключевые слова: нейминг остановок общественного транспорта, урбаноним, эффективность нейминга.

Keywords: naming of stations, urbanonim, naming effectiveness.

Изучением географических названий, закономерностей их возникновения, развития и функционирования занимается топонимика, входящая в состав ономастики – отрасли языкознания, анализирующей

имена собственные. Исследование проблем топонимики всегда будет являться актуальным, так как вместе с развитием и изменением общества происходит развитие и изменение пространства, в котором обще-

ство существует. Не одно поколение лингвистов занималось и продолжает заниматься вопросами топонимики и ономастики. Значительный вклад в разработку этих вопросов внесли такие языковеды, как И. И. Срезневский, Л. В. Успенский, П. В. Сытин, П. Л. Маштаков, Ю. А. Федосюк, А. И. Суперанская и др.

Существуют различные виды топонимов, среди которых выделяется группа урбанонимов – наименований внутригородских объектов (названия улиц, площадей, переулков, кварталов, отдельных домов, магазинов, кафе, ресторанов, бульваров, набережных, проспектов, мемориальных памятников, театров, музеев, кинотеатров, гостиниц и т. п.).

Урбанонимы выполняют две основные функции – назывную (идентифицирующую) и информативную. Идентифицирующая функция связана со способностью собственного имени именовать, выделять и различать однотипные объекты: урбанонимы называют отдельный внутригородской объект и выделяют его из ряда подобных. Информативная функция топонима связана с тем, что он должен ориентировать человека в окружающем пространстве, в городе, служить адресом. Информативная функция урбанонимов, помимо помощи горожанину в ориентации по городу, снабжает его еще и информацией об особенностях внутригородского объекта (виде деятельности, ассортименте услуг и товаров и т. д.).

В разные периоды развития общества, культуры, в частности в ходе процесса урбанизации, отдельные внутригородские объекты играли неодинаковую роль. Например, сейчас улицы представляются основным структурирующим фактором города, а до XVII в. они выделялись очень нечетко. На смену ранним топонимам (урочища, слободы) пришли более поздние, современные топонимы (проспекты, переулки, набережные).

С развитием общественного транспорта появляется еще один внутригородской объект – остановка общественного транспорта. Это, пожалуй, один из самых молодых видов урбанонимов. Общественный транспорт играет в жизни современного человека не последнюю роль, соответственно и все, связанное с ним, – тоже. И в первую очередь – остановки. Остановка – это один из важнейших ориентиров человека в городе, один из важнейших источников информации о том или ином месте города. И в качестве этого ориентира, источника информации выступает прежде всего не сама остановка как таковая, а ее название, к которому, ввиду его пространственно-ориентационной и информационной значимости, предъявляются определенные языковые (фонетические, орфографические, морфологические, смысловые, синтаксические), этические, эстетические и социально-правовые требования. К проблеме наименований остановочных павильонов обращаются во многих городах нашей страны – в Красноярске, Ярославле, Кургане, Томске, Набережных Челнах и др. Например, в Томске вопрос нейминга остановок поднимался еще в 2008 году, тогда им занимались лингвисты и этнологи [1]. Основные вопросы, поднимаемые в дискуссиях, – это актуальность названий, выполнение информатив-

ной и ориентирующей функций, произносительное удобство. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение нейминга остановок нашего города (материалом для исследования послужили названия остановочных павильонов Центрального, Ленинского, Рудничного, Заводского, Кировского районов города Кемерово и п.г.т. Кедровка – всего 331 наименования).

Упомянутое выше понятие «нейминг» обычно трактуется как коммерческий процесс создания названий компаний, торговых марок, предприятий и т. д. Главными критериями оценки эффективности и качества созданного имени становятся его уникальность, возможность передавать сущность того объекта, которому присваивается имя, простота и способность создавать визуальный образ и/или звуки, делающие название более легким для запоминания, способность вызывать положительные эмоции и привлекать внимание. Но сама внутренняя форма слова «нейминг», происходящего от английского «name» – «имя», указывает на более широкое понимание этого явления, не ограниченного пределами только коммерческого имятворчества, а охватывающего все процессы присвоения имени чему-либо. Однако, в зависимости от сферы деятельности имядателя [2], нейминг будет получать различное направление: например, для нейминга торговой марки будет характерна креативная деятельность ономастического сознания имядателя [2], допускающая языковую игру и другие средства выразительности для создания яркого и эффективного имени, в то время как деятельность имядателя в сфере нейминга остановок будет состоять лишь в выборе наиболее подходящего объекта городского пространства, имя которого можно присвоить остановке. Кроме того, процесс нейминга при создании названий торговых марок или фирм отличается высокой степенью субъективности, так как реализуется деятельность сознаний одного человека или группы лиц с определенными личными интересами. Нейминг остановок отличается большей объективностью, так как названия отражают непосредственную действительность городского пространства, хотя сам процесс выбора того или иного названия для остановки тоже не лишен некоторой доли субъективизма.

Мониторинг, проведенный нашей проектной группой, предполагал оценку эффективности существующих номинаций с опорой на следующие критерии. Во-первых, реализация названием остановок функции ориентира в городском пространстве. Во-вторых, уникальность названия, то есть отсутствие в районе или других районах города остановок с идентичным наименованием. В-третьих, ясность названия, под которой подразумевается то, насколько четко и однозначно раскрывается основание, по которому объекту (остановке) давалось имя. В-четвертых, удобство и благозвучие номинации при произнесении. Также учитывалось, насколько общеупотребительны официальные названия остановок. Особое внимание уделялось тому, как названия остановок отражают историю города и какие из названий представляют историческую ценность. Учет всего комплекса этих критериев давал показатель эффективности нейминга

остановок того или иного района и в целом всего города Кемерово. При этом эффективность наименований оценивали эксперты (члены проектной группы), опиравшиеся на сведения из собранного корпуса ответов испытуемых (пассажиров общественного транспорта) на вопросы анкеты о состоянии нейминга остановок г. Кемерово.

Наиболее высокий (по среднему значению) процент эффективности нейминга остановок показали Центральный и Кировский районы – 78 % и 76 % соответственно. На втором месте оказались Заводский (65 %), Ленинский (64 %) и Рудничный (60 %) районы. Названия остановок п.г.т. Кедровка имеют самый низкий процент эффективности.

Сложившуюся нейминговую ситуацию во многом можно объяснить возрастом районов. Центральный и Кировский районы являются одними из самых старых районов нашего города. Так, Кировский район образован в 1935 году, Центральный – в 1948 году. В этих районах названия остановок уже укоренились и стали общепотребительными. Названия остановок этих районов помогают ориентироваться в городе; многие из них имеют историческую значимость. А вот п.г.т. Кедровка является одним из молодых участков г. Кемерово: развитие и расширение населенного пункта является причиной нестабильности, отсутствия окончательного закрепления названий остановок.

Проблемы нейминга остановок города Кемерово в целом, т. е. с учетом всех районов, сводятся к следующим аспектам.

Во-первых, многочисленность названий остановок по улицам (ул. Невельская, ул. Антипова, ул. Космическая, ул. Краснофлотская, ул. Мичурина, ул. Новая, ул. Подгорная, ул. Октябрьская, ул. Поперечка, ул. Предзаводская, ул. Рабочая, ул. Свободы, ул. Радужная, ул. Шатурская, ул. Угловая, ул. Сибирская, ул. Киевская, ул. Каменская, ул. Заводская, ул. Железнодорожная, ул. Дружбы, ул. Бийская, ул. 9 января, ул. Асфальтная, ул. Литейная, ул. Тухачевского, ул. Волгоградская, ул. Весенняя и др.). Названия остановок по улицам представляются недостаточными в смысловом отношении, так как вполне могут создавать ситуацию непонимания: «К какой части улицы – началу, середине или концу – относится название остановки?» Подобные названия остановок чаще всего приводят к нарушению ориентирующей функции данных урбанонимов. Это одна из самых больших проблем в нейминговой ситуации города Кемерово, так как количество подобных остановок очень велико. Но есть и такие названия остановок по улицам города, которые несут историческую информацию, выполняют информативную и ориентирующую функции благодаря своей номинативной уникальности и «интересности», что делает их легко запоминающимися, о чем свидетельствуют данные социологического опроса (ул. Веры Волошиной, ул. Юрия Двужильного, ул. Н. Островского, ул. Сибиряков-Гвардейцев).

Во-вторых, недостатком остановочного нейминга является наличие многочисленных аббревиатурных названий: ТУЦР, ГРП, ТЭЦ, АЗС, АРЗ, ВОС, ЗМК, КОРМЗ, КУЗТАГИС, ПЗАБ, РМЗ, РТС, ПЖРО, ЦГДКБ, КГМИ, ПУВКХ, ГАЗС, ЗХВ, КШТ, КЗЭМИ,

ОВО УВД, ТУРР, МЖК, ДОСААФ и др. Конечно, среди подобных названий можно выделить группу понятных и легко расшифровывающихся, таких, например, как КГИК, КГМИ (хотя в этих двух названиях присутствует фактическая неточность в определении статуса вузов), КемГУ, ЖЭК. Но таких названий-аббревиатур очень мало. Сложносокращенные названия неудобны во всех отношениях – и в произношении, и в понимании смысла наименования. В ходе проведения социологического опроса большинство опрошиваемых информантов не могли расшифровать название-аббревиатуру, что является показателем невыполнения номинацией информативной функции. Обилие таких названий создает сложности в ситуации ориентирования в городе: так как существующие официальные названия неудобны для произношения и понимания, люди создают неофициальные названия, количество которых может значительно варьироваться и приводить к неоправданному усложнению нейминговой ситуации в городе и, как следствие, к дезориентации горожан и приезжих в пространстве.

Особо неудобными, неинформативными и дезориентирующими являются названия-аббревиатуры с добавлением чисел, которых в нашем городе тоже оказалось значительное количество: ИТК №29, УН 1612/40, ПАТП-3, СГПТУ №49, А/К 1962, а/к 1237 и др.

Функционально неоправданными являются названия, содержащие в себе отсылку к нескольким соседним объектам: м-н «Компьютерные системы» + Искитимский мост, ост. Швейная Фабрика + Развлекательный центр «Зимняя вишня». Это приводит к избыточности и, как следствие, к разочарованиям относительно того, где должен останавливаться транспорт. К этой проблеме примыкает вопрос о функциональности нескольких вариантов названия одного и того же остановочного павильона. Например, справочник ДубльГис в случае с остановкой м-н «Компьютерные системы» / Искитимский мост предлагает только один вариант названия – Искитимский мост, в то время как на остановочном павильоне и в тексте системы автоматического объявления остановок в троллейбусах присутствуют два названия. Вариативность официальных названий на противоположных остановках сводится не только к различию в написании, т. е. к вариативности на внешнем уровне (Городская ГИБДД / Гор. ГИБДД, остановка Гагарина / ул. Гагарина, ЭНЕРГОСБЫТ / остановка Энергосбыт, Страховое общество РЕСО гарантия, М-Н «КРИСТАЛЛ» / остановка «Кристалл»), но и к разноименности (например, название остановки Пищевой колледж / ПИЩЕВОЙ ТЕХНИКУМ). Разноименность элементов, составляющих название, серьезно влияет на идентификацию объекта и может дезориентировать в городском пространстве. Например, могут возникнуть вопросы: «Пищевой колледж и техникум это одно и то же заведение или два разных? По какому из них все же названа остановка?» Еще пример: одна из остановок Ленинского района называется ОВД УВД, что расшифровывается как «Органы внутренних дел Управления внутренних дел». Флажок близ остановки

дает такое название: *ОВО УВД*, где ОВО – это «Отдел вневедомственной охраны».

Сложности вызывает наличие названий остановок, утративших объект своей номинации, что делает их неинформативными, а также утратившими свою индексальную (указательную) функцию: *Компания НЭТА, ДЕПО – остановка ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТНАЯ компания, МЯСОКОМБИНАТ, поссовет, село*.

Негативно на нейминговой ситуации сказывается существование остановок с одинаковыми или мало отличающимися названиями: *Сады, Сады (ул. Троллейная), Сады, Сады возле переезда, поворот, поворот на с/о «Радуга», поворот на с/о «Заря»*.

В каждом из исследованных районов города указанные проблемы проявляются по-разному. Например, Центральный район как район с самым высоким показателем эффективности, характеризуется относительно гармоничной ситуацией, связанной с неймингом остановок. Функционирующие в этом районе остановки названы в основном по актуальным объектам (*Драмтеатр, Кузбассэнерго, Промсвязьбанк, Стадион Химик, Главпочтамт, магазин «Кристалл», городская ГИБДД, областная больница, редакция «Кузбасс», Цирк и т. д.*). Процент остановок, названных по улицам, очень мал (*ул. Кирова, ул. Сибиряков-Гвардейцев, ул. Терешковой, ул. Гагарина, ул. Волгоградская, ул. Заречная*), также мало названий-аббревиатур, и они характеризуются номинативной ясностью (*УЕЗТУ, КемГУ, КузГТУ, городская ГИБДД*). Немногочисленны в Центральном районе и остановки, утратившие объект своего именования (ср.: *«СКК Октябрьский», «Компания НЭТА»*). Названия остановок этого района характеризуются и высоким показателем произносительного удобства. Нет остановок с повторяющимися названиями. В противовес такой сбалансированной нейминговой ситуации Центрального района, в Заводском районе наблюдается большое количество названий-аббревиатур (*ЗМК, КОРМЗ, КУЗТАГИС, АК 1234, а/к 1237, АРЗ, ПЗАБ, РМЗ, РТС, СГПТУ №49, ТЭЦ, УЕЗТУ*) и названий по улицам (*ул. Шатурская, ул. Угловая, Совхозная, ул. Радужная, Поперечка, ул. Подгорная, ул. Мичурина, ул. Мартемьянова, ул. Космическая, Заводская, Железнодорожная, ул. Двужильного, ул. Веры Волошиной, Бийская, ул. Баумана, Асфальтная и др.*).

Практически в каждом районе города есть названия, которые могут дезориентировать гостей. Например, в Заводском районе – остановки *1-ая линия, 10-ая линия* и остальные «*линии*», *62-ой проезд*, многочисленные «*Сады*», *повороты, развилки*; в Кировском районе – *Поворот на с/о «Радуга», Поворот на с/о «Заря»*; в Рудничном – *Сады, Поворот*. Как видим, в разных районах часто повторяются одни и те же названия, характеризующиеся недостаточной информативностью для человека, не знакомого с местностью района. Для жителя района название зачастую становится чисто символическим, так как он ориентируется по местности, а не по номинациям остановок, и ему достаточно сказать: «На следующей» (и водитель, работающий на маршруте, поймет подобную просьбу и остановит в нужном месте), а не, например: «На пчелобазе».

Веяние времени – двойная официальная номинация остановок. Такие примеры пока редки, но на них (как на актуальную тенденцию) следует указать отдельно: *Искитимский мост / Магазин «Компьютерные системы», Швейная фабрика / Развлекательный центр «Зимняя Вишня»*. Если прибавлять к номинации «*Искитимский мост / Магазин «Компьютерные системы»*» существующее неофициальное название («*Комод*»), то получается тройная номинация. Создается ситуация номинативной избыточности, вследствие чего нарушается ориентирующая функция имени. Остановки, имеющие одно официальное название и одно или несколько неофициальных названий, можно разделить на две группы. Первая группа – это остановки, у которых официальное название и неофициальное существенно различаются содержательно, т. е. имеют в своих основаниях разные объекты именования (например, официальное название *к-р Юбилейный* – неофициальное название *Променад*). Вторая группа – остановки, неофициальные названия которых представляют собой производные от официального названия, имея словообразовательные, морфологические и/или фонетические отличия (например, официальное название *Главпочтамт* – неофициальный вариант *Главик*; официальное название *КГИК* заменяется неофициальным, но более соответствующим действительности названием *КемГУКИ*, а также дублетом *Культура*; официальное название *Областная больница* – неофициальными *Больница* и *Областная*). Случаи создания жителями города неофициальной номинации, существенно отличающейся от официального названия, свидетельствуют о том, что официально закрепленное за остановкой название не устраивает жителей города.

Как отмечалось выше, многие остановки города являются носителями исторической информации о нашем городе. Так, в микрорайоне Шалготарьян Ленинского района одна из остановок имеет одноименное название. История, отраженная и в названии микрорайона, и в названии остановки, очень интересна, но, к сожалению, известна далеко не каждому жителю города и тем более остается загадочной для его гостей.

Для обмена опытом в строительстве в 1980 году группа из Кемерово побывала в городе Шалготарьян (Венгрия). Ее интересовали архитектура и планировка новых микрорайонов, которая началась в Шалготарьяне в начале 1970-х годов. 27 апреля 1979 год на пересечении Восточного проезда и улицы Бульварной (нынешнего проспекта Октябрьского) состоялась закладка первого камня. Проходило это в торжественной обстановке; состоялся митинг, на котором присутствовали гости из Ноградской области Венгрии во главе с председателем облисполкома Иштваном Хоффером, руководители Кемеровской области и города. А 25 сентября 1979 г. горисполком принял решение № 229 о районе Шалготарьян, в котором отмечалось: «В ознаменование Советско-венгерской дружбы и успешно развивающихся культурных связей городов-побратимов Кемерово и Шалготарьяна исполком городского Совета решил:

1. Присвоить микрорайонам 18 и 27 г. Кемерово наименование район «Шалготарьян».

2. Обязать ПИ «Кемеровогорпроект» выполнить дополнительные проектные работы по оформлению района «Шалготарьян» в соответствии с архитектурно-художественными требованиями.

Общественным зданиям присвоить наименования: универсаму – «Ноград», школе на 1568 мест – «школа им. Петефи», кафе – «Шалготарьян», кооперативному гаражу на 300 стоянок – «Икарус», молодёжному комплексу – «Балатон», пешеходному бульвару – «Бульвар Белы Куна», детсадам-яслям на 280 мест – героев венгерских народных сказок». Эта история объясняет не только перечисленные названия различных объектов, но и название улицы Ноградской.

Наличие остановок, отражающих прошлое города, – это только одна сторона проблемы. Если посмотреть на этот вопрос с другой стороны, то многие существующие сейчас названия в перспективе могут стать носителями исторической информации о городе (*Главпочтамт, Драммтеатр, Киноцентр «Космос», Стадион Химик, Шахта Бутовская, Шахта Северная, ДК Шахтеров и др.*). С этой позиции изучение остановок представляется важным для дополнения исто-

рической картины города, многие белые пятна которой можно заполнить, изучая историю названия остановок. Кроме того, перспективным и значимым для расширения кругозора жителей и гостей города Кемерово в плане его истории может стать создание исторических «уголков», стендов на остановочных павильонах.

Можно заключить, что проведенный мониторинг названий остановок на предмет их эффективности показывает: нейминговая ситуация в сфере остановок общественного транспорта г. Кемерово в целом удовлетворительна, так как оценки результативности урбанонимов выше среднего показателя, хотя и в различной степени. Анализ эффективности отдельных номинаций остановок также дает достаточно хорошие показатели: в оценочном диапазоне от 51 до 100 % было зафиксировано 281 наименование, в диапазоне от 0 до 50 % – 73 наименования, что свидетельствует о том, что большая часть названий остановок выполняет функции ориентира в пространстве города и носителя информации о его отдельном участке.

Литература

1. Названия почти 60 остановок Томска будут переименованы или дополнены // Томский обзор. – Режим доступа: <http://obzor.westsib.ru/news/236270>

2. Трапезникова, А. А. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярска): дис. ... канд. филол. наук / А. А. Трапезникова. – Красноярск, 2010.

Информация об авторах:

Арышева Анастасия Юрьевна – бакалавр Кемеровского государственного университета, 8-951-607-5712, frau.arysheva@yandex.ru.

Arysheva Anastasia Yurievna – bachelor's degree student at KemSU.

Гладилова Анастасия Игоревна – студентка факультета филологии и журналистики КемГУ, 8-951-609-4210, nastya.gladilova@mail.ru.

Gladilova Anastasia Igorevna – student at the Faculty of Philology and Journalism of KemSU.

Дегтярева Алена Руслановна – магистрант КемГУ, 8-904-375-8425, degtyarjova@yandex.ru.

Degtyareva Alena Ruslanovna – master's degree student at KemSU.

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8-905-965-7111, katpa@rambler.ru.

Katyshev Pavel Alexeevich – Doctor of Philology, Professor at the the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

Кудашкина Ксения Андреевна – студентка факультета филологии и журналистики КемГУ, 8-905-070-8075, rechmaster@yandex.ru.

Kudashkina Ksenia Andreevna – student at the Faculty of Philology and Journalism of KemSU.

Оленев Станислав Владимирович – к.ф.н., докторант кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8-908-951-1109, deerson@mail.ru.

Olenev Stanislav Vladimirovich – Candidate of Philology, doctoral student at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

Саяutiна Ирина Юрьевна – студентка факультета филологии и журналистики КемГУ, 8-951-588-0066, rina.sayutina@yandex.ru.

Sayutina Irina Yurievna – student at the Faculty of Philology and Journalism of KemSU.

Сергиенко Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, 8-906-983-8325, school@kemcity.ru.

Sergienko Vladimir Alexeevich – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Russian History of KemSU.

УДК 808.5:811.161.1+81'276.6:34

ФОКУСНАЯ АНАФОРА В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: КОММУНИКАТИВНО-ОРТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Ю. Арышева, П. А. Катyshev

FOCUS ANAPHORA IN JUDGMENT TEXTS: COMMUNICATIVE AND ORTHOLOGICAL ASPECT

A. Yu. Arysheva, P. A. Katyshev

Статья посвящена рассмотрению особенностей употребления повторных номинаций в текстах судебных решений по гражданским делам. Особое внимание обращается на использование повторных местоименных номинаций. Повторные номинации трактуются в аспекте фокусной (дискурсивной) анафоры, т. е. как концептуализации точки референции. Через точку референции впервые вводится в текст информация об элементе, в дальнейшем подлежащем повторной номинации. Авторы рассматривают зависимость использования повторных номинаций от композиционной структуры судебного решения, формулируют предложения по оптимальному употреблению повторных номинаций истца и ответчика в изучаемых текстах.

The article focuses on the features of repeat nominations in the texts of judgments in civil cases. Particular attention is drawn to the repeated use of the pronominal nominations. Repeat nominations are treated in the aspect of focus (discourse) anaphora, that is, as conceptualizations of a reference point. The reference point introduces the information about the item that would be re-nominated further in the text. The authors examine the dependence of repeat nominations use on the judgment composite structure and formulate suggestions for the optimal use of repeat nominations of the plaintiff and the defendant in the studied texts.

Ключевые слова: фокусная анафора, повторные номинации, конвенциональное общение, судебное решение.

Keywords: focus anaphora, repeat nominations, conventional communication, judgment.

Употребление повторных местоимений в текстах судебных решений может быть осмыслено с точки зрения двух важных областей современного языкознания – юридической и коммуникативной лингвистики. При этом следует иметь в виду, что судебная коммуникация, будучи разновидностью институциональной коммуникации, продолжает оставаться во многом нерегламентированной, несмотря на преобладающие в ней тенденции стандартизации, унификации и повышения конвенциональности [2]. С этой позиции употребление повторных (особенно – местоименных) номинаций может показаться нежелательным. Но это только односторонний взгляд на проблему, которая требует комплексного рассмотрения.

Текст судебного решения имеет жесткую композиционную структуру; каждая часть этой структуры характеризуется определенным содержанием. Поэтому представляется важным рассмотрение взаимосвязи употребления повторных номинаций и композиционной структуры решения, соотношения первичных и вторичных номинаций в аспекте понимания судебной коммуникации как конвенционального процесса. Поиск взаимосвязи между особенностями композиционной структуры и употреблением повторных номинаций предполагает введение понятия *фокусной анафоры*.

Феномен анафоры изучался в лингвистике несколькими путями. Отечественное языкознание исследовало анафору с позиций теории референции и затрагивало её местоименную или именную разновидность (Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Радзиевская, О. Ю. Богуславская, И. А. Муравьева, Е. Д. Фатеева и др.). Большая часть зарубежных исследований по анафоре разработана под влиянием идей Н. Хомского, изложенных в книге «Лекции об управлении и связывании». Отдельное направление представляют психолингвистические исследования, направленные на выявление и описание текстовых и когнитивных факторов, оказывающих влияние на функционирование анафоры, а также механизмов ввода анафоры в текст сообщения и её декодирования адресатом (Т. Гивон, А. А. Кибрик, О. В. Федотова и др.).

Понятие «фокусная анафора» (дискурсивная анафора) появляется в 1970-х годах на фоне перехода лингвистики от рассмотрения отдельно взятого предложения к проблемам связного текста и к прагматике дискурса. Оно активно разрабатывается А. А. Кибриком, который определяет сущность фокусной анафоры тем, что есть «два вида промежуточных объектов, через которые анафорический элемент связывается со своим референтом, – синтаксический антецедент, кореферентный анафорическому элементу, и фокус

внимания» адресанта и адресата [1, с. 189]. Таким образом, понятие «фокусная анафора» заключается в том, что в текст может быть введена информация, значительно отдаленная от антецедента, либо сам сегмент текста, содержащий эту информацию, может быть очень велик и нечетко вербализован. Анафорический элемент удерживает эту информацию об антецеденте в фокусе внимания адресата текста.

Ключевыми категориями для раскрытия сущности процесса фокусной анафоры становятся понятия антецедента, анафорического выражения и анафора. Отметим, что понятия «фокусная анафора» и «анафора» не тождественны друг другу: понятие «фокусная анафора» значительно шире понятия анафора, и их отношения между собой можно определить как отношения целого (фокусная анафора) и части этого целого (анафор). О. Ю. Богуславская и И. А. Муравьева дают следующее определение антецеденту: «антецедент – номинат X, свойства которого говорящий имеет в виду, строя анафорическую номинацию для Y» [3, с. 81]. Под номинатом исследователи понимают «представление говорящего о фрагменте ситуации, для которой производится вербализация» [3, с. 81]. Механизм процесса анафорической номинации отражается в данном указанными выше лингвистами определении понятия «анафор» – «номинат Y имеет в качестве вербального коррелята отсылочную номинацию N(Y), в состав которой входит анафорическое средство» [3, с. 84]. В приведенном определении актуализуется такой способ вербализации, как отсылочная номинация, при которой «языковые выражения имеют в своем составе специальное лексическое средство, маркирующее отсылочный характер языкового высказывания в целом (или состоят только из этого средства). Эти языковые высказывания называются анафорическими» [3, с. 83]. Отсылочная номинация связана с понятием повторной номинации, в то время как с первичной номинацией связана прямая номинация, согласно которой «номинат Y обладает набором свойств, присущих, с точки зрения говорящего, и номинату X. Подразумеваемая прямая номинация N(Y) содержит вербальный коррелят этих свойств» [3, с. 104].

О. В. Федорова в работе «Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка)» раскрывает позицию Т. Гивона, согласно которой «текст представляется в виде сети связанных между собой узлов, каждому узлу приблизительно соответствует одна предикация» [3]. Эти связи могут иметь две направленности – анафорическую и катафорическую. Катафорическое связывание узлов сопровождается открытием или закрытием (активацией или дезактивацией) узлов для встраивания новой информации. При анафорическом связывании происходит поиск по нахождению референта в эпизодической памяти. Референт может существовать в тексте в виде точки референции, которую исследователь определяет следующим образом, ссылаясь на Р. Лангакера: «такая концептуализация, которая используется потом для доступа к другим концептуализациям» [там же]. В связи с этим текст

можно разделить на два фокуса внимания – глобальный фокус (гипертему) и локальный фокус (топик). В глобальном фокусе, или гипертеме, текста будет находиться тот референт, который будет существовать в виде точки референции, а в локальном фокусе – относящиеся к ней (точке референции) концептуализации. Если связывать это с представленным выше пониманием фокусной анафоры А. А. Кибрика, то точкой референции будет являться антецедент. «Другие» концептуализации в трактовках разных лингвистов могут иметь различные классификации. Так, К. И. Казенин и Я. Г. Тестелец под словами, которые могут иметь антецедент, подразумевают три следующих группы: анафоры (возвратные местоимения и взаимное местоимение друг друга), прономиналы (личные местоимения), R-выражения (референциальные выражения – имена, прямо называющие предмет в окружающем мире) [4, с. 82 – 84]. В этой классификации для нас представляются важными понятия прономиналов и референциальных выражений, так как именно эти виды концептуализаций преобладают в текстах судебных решений. О. Ю. Богуславская и И. А. Муравьева разграничивают слова, которые могут иметь антецедент по другому основанию – по тому, какая значимая для номинации характеристика референта актуализируется в процессе номинации. Упомянутые лингвисты используют термин «анафорическое выражение», аналогичный в нашем представлении понятию «другие концептуализации» Р. Лангакера. Для описания грамматических особенностей анафорического выражения они вводят понятие «анафорическое средство», которое может включать местоимения, усилительные слова и частицы. Само понятие «анафор» в их концепции обозначает тот вид номината, который участвует в процессе вторичной номинации. Их классификация содержит следующие виды анафорических выражений: объектные анафорические выражения (анафор – объект), ситуативные (анафор – ситуация в целом, мыслимая как факт), локативные (анафор – локализация некоторого события), темпоральные (анафор – временная характеристика некоторого события), причинные (анафор – причина некоторого события), целевые (анафор – цель некоторого события), атрибутивные (анафор – свойство некоторого объекта), нумеративные (анафор – количество некоторых объектов), предикативные (анафор – действие или состояние) [3, с. 100 – 101]. В нашем исследовании мы рассматриваем функционирование объектных анафорических выражений, хотя текст судебного решения, конечно, содержит и иные виды выражений, в зависимости от того, с каким антецедентом они связаны.

Обратимся к тексту судебного решения (в исследовании использовались судебные решения только по гражданским делам):

Истец обратился в суд с иском к ответчикам о восстановлении на работе, взыскании денежного довольствия за дни вынужденного прогула.

Свои требования мотивирует тем, что он состоял в трудовых отношениях с ответчиками с 25.12.2005 года по 17.10.2009 года. 17.10.2009 года он

был уволен из органов внутренних дел по п. «а» ч. 7 ст. 19 Закона РФ «О милиции» на основании рапорта об увольнении, поданного Плюснин Д. Л. 16.10.2009 года на имя работодателя. **Считает** свое увольнение незаконным в связи с тем, что **работодатель** вынудил **его** написать данное заявление об увольнении по собственному желанию, угрожая увольнением по инициативе работодателя. Добровольного волеизъявления **истца** на прекращение трудовых отношений не было. Кроме того, **считает**, что при увольнении **работодателем** был нарушен порядок увольнения, предусмотренный «Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации». **Просит** суд восстановить **его** на прежнем месте работы в прежней должности с 17.10.2009 года, взыскать в его пользу денежное довольствие за дни вынужденного прогула.

Приведенный отрывок взят из описательной части судебного решения, которой предшествовала вводная часть. Во вводной части истец и ответчики названы именами собственными: истец – *Плюснин Д. Л.*, ответчики – *Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел по г. Кемерово и Управление вневедомственной охраны при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области*. Эти номинации в тексте будут являться точками референции (антецедентами), находящимися во вводной части решения. В описательной и мотивировочной частях будут представлены концептуализации этих референтов. В приведенном отрывке таковыми для референта *Плюснин Д. Л.* будут являться номинации *истец, он, его*, а также формы глаголов третьего лица единственного числа – *мотивирует, считает, просит*, а для референта *Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел по г. Кемерово и Управление вневедомственной охраны при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области* – номинации *ответчики и работодатель*.

Возможна трактовка упомянутых случаев употребления глаголов третьего лица единственного числа как коммуникативно неудачных, так как они могут соотноситься в тексте с разными субъектами действия, из-за чего нарушается точность и связность текста. Но в приведенном примере этого не происходит по нескольким причинам. Глаголы третьего лица единственного числа могут относиться только к антецеденту *Плюснин Д. Л.*, так как другой антецедент (*Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел по г. Кемерово и Управление вневедомственной охраны при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области*) изначально представлен во множественном числе и не только во вводной части, в которой в качестве ответчика заявлены две организации, но и в самом начале описательной части номинацией *ответчики*. Используемая далее концептуализация *работодатель* в таком контексте получает два наполнения. С одной стороны, это собирательное обозначение двух организаций, заявленных в качестве ответчиков (такое конкретное наполнение становится возможным из-за употребляемых вместе с номинацией *работодатель* глаголов и дееспричастия *вынудил*,

был нарушен, угрожая). С другой стороны, это номинация с абстрактным значением, служащим для обозначения определенного юридического понятия (употребление таких номинаций характерно для мотивировочной части решения). Лексическое значение, сочетаемость глаголов третьего лица единственного числа *мотивирует, считает, просит* указывают на их употребление по отношению к одушевленным существительным. Это также делает невозможным их отнесение к антецедентам *Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел по г. Кемерово и Управление вневедомственной охраны при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области*. Частотно употребляемые номинации-местоимения не осложняют понимание текста, так как приведенный отрывок последовательно передает точку зрения истца с минимальным упоминанием другого объекта действия.

В тексте судебного решения точкой референции будут являться имена собственные (фамилия, имя, отчество для физических лиц, название организации как юридического лица), используемые во вводной части решения и определяющие процессуальную позицию субъекта – истец или ответчик. Используемые для повторной номинации анафорические элементы (концептуализации референта) будут разделяться на две группы – это полноценные номинации (по имени собственному, социально-правовому статусу, по роли в судебном процессе, термины родства) и неполноценные номинации, к которым относятся местоименные номинации, а также к этой группе будут примыкать номинации по гендерному признаку, так как в некоторых случаях они тоже будут являться нежелательными из-за нарушения конвенции точности (например, если в судебном разбирательстве и истцом и ответчиком будут являться женщины, номинирование одной из них в тексте *женщина* может создать трудности в понимании, особенно если контекстное окружение в плане номинаций является неудачным). В аспекте фокусной анафоры, когда за определенным именем собственным закрепляются определенные повторные номинации, которые будут характерны для этого имени собственного во всем тексте или в его конкретной части, никакая из этих групп не будет являться желательной или нежелательной. Характер употребления тех или иных концептуализаций в качестве повторной номинации должен напрямую зависеть от экстралингвистических факторов, то есть от количества участников дела, которые впоследствии будут фигурировать в судебном решении, категории дела, гендерных, социальных и прочих, значимых для номинирования особенностей участников процесса. В приведенном выше отрывке местоименные номинации не нарушали точности и связности текста. В данном случае их употребление является желательным, так как сокращение объема текста осуществляется не в ущерб его смысловой прозрачности, конвенциональные ожидания адресата не нарушаются и адресант выполняет функции своей коммуникативной роли.

Обратимся к другому примеру:

21 февраля 2009 г. у **Анны Владимировны** родилась дочь, **Шестакова Алина Сергеевна**. Сразу после рождения **ответчица** бросила своего ребенка, и **они с ее мужем** [речь идет о сестре ответчицы, являющейся истцом. – А. А., П. К.] взяли ребенка на воспитание. **Они** полностью содержат ребенка материально, **она** оформила опеку над Алиной, взяла отпуск по уходу за ребенком. **Родная же мать** совершенно не интересуется своей дочерью, **она** употребляет наркотики, у **нее** гепатит С, **она** нигде не работает, живет с гражданским мужем, который также нигде не работает и употребляет наркотики. За все время, что ребенок находится у них, **она** им ни разу не поинтересовалась.

Здесь употребление местоименных номинаций в качестве анафорических элементов является нежелательным, так как концептуализации разных референтов совпадают, и эпизодическая память адресата не может быстро и безошибочно соотнести местоименные концептуализации с точками референции.

Обратимся еще к одному примеру:

Администрация г. Кемерово обратилась в суд в интересах **несовершеннолетнего ребенка – Соколовой Виктории Александровны**, 23.04.2004 года рождения, с иском к **ответчикам** о лишении родительских прав, взыскании алиментов на содержание ребенка.

Свои требования **мотивирует** тем, что **ответчики** являются **родителями несовершеннолетнего ребенка Соколовой Виктории Александровны**, 23.04.2004 года рождения. **Ответчики** не создают условия для проживания и развития **дочери, ребенок** часто находится в обстановке, угрожающей его жизни. В квартире, где проживает **девочка**, антисанитарные условия, в ночь с 10 на 11 марта 2010 года произошел пожар, **ребенок** чудом остался жив. **Ответчица Высоцкая В. В.** злоупотребляет спиртными напитками вместе с **сожителем Соколовым А. Е.**, между ними часто происходят скандалы. **Девочка** часто бывает голодной, постоянно болеет. С 11.04.2010 года **девочка** находится в МУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних г. Кемерово», куда помещена на основании акта милиции. За все время нахождения **девочки** в муниципальном учреждении **родители** не навещали **ее** ни разу, не привозили подарков.

Поскольку **ответчики** уклоняются от выполнения обязанностей родителей, оказывают негативное влияние на своего **несовершеннолетнего ребенка**, **администрация города** обратилась в суд с настоящими исковыми требованиями, просит лишить **Высоцкую В. В. и Соколова А. Е.** родительских прав в отношении **дочери Соколовой В. А.**, 23.04.2004 года рождения, взыскать с **них** алименты на содержание **ребенка** в размере 1/4 части всех видов заработка.

В этом тексте, как и в предшествующем, действует несколько субъектов, разворачивается схожая ситуация действия, однако текст намного легче для понимания. Происходит это за счет грамотно подобранных повторных номинаций. Каждая точка референции имеет свои концептуализации: точка ре-

ференции **администрация г. Кемерово**, выступающая в качестве истца, имеет следующие концептуализации – **несовершеннолетний ребенок – Соколова Виктория Александровна, дочь, ребенок, девочка, ее, несовершеннолетний ребенок, администрация города** плюс глагол в форме третьего лица единственного числа **мотивирует** (имя девочки будет относиться к референту **администрация г. Кемерово**, так как этот референт защищает ее интересы); антецедент **Высоцкая Вероника Владимировна, Соколов Александр Евгеньевич – ответчики, родители несовершеннолетнего ребенка Соколовой Виктории Александровны, ответчица Высоцкая В. В. с сожителем Соколовым А. Е., родители, Высоцкая В. В. и Соколова А. Е., они (них)**. Наборы концептуализаций для каждого референта разные и не пересекаются, местоименные номинации минимальны. Все это в совокупности делает отраженный в тексте процесс номинирования коммуникативно удачным.

Таким образом, можно говорить об особом функционировании фокусной анафоры, о ее направленности на организацию и связывание элементов текста, ответственных за распределение актуальной информации. Это функционирование будет являться коммуникативно удачным при соблюдении определенных условий:

- во-первых, концептуализации (анафорические элементы) разных референтов не должны совпадать;
- во-вторых, характер концептуализаций в тексте судебного решения должен напрямую зависеть от структуры решения.

Вводная и резолютивная части должны содержать номинации только по имени собственному; эти элементы судебного решения строго регламентированы, и используемые в них номинации должны четко совпадать с точкой референции. Точка референции (антецедент) для тем истца и ответчика, находясь во вводной части, должна быть всегда представлена именами собственными. Подобные номинации для данного текста будут являться эталонными номинациями: «информация об антецеденте может быть представлена как совокупный вербальный коррелят Х, содержащий помимо собственно номинаций Х, также и информацию обо всех упомянутых в тексте ситуациях, в которых участвовал Х. Однако для того, чтобы отличить данный номинат Х от какого-либо другого, достаточно иметь информацию не обо всем совокупном вербальном корреляте Х, а лишь о его части, отражающей наиболее существенные свойства данного номината. Эта часть совокупного вербального коррелята является поисковым образом номината Х, его ярлыком в пределах данного текста, иначе – эталонной (для данного текста) номинацией». [3, с. 88 – 89]. Действительно, номинации во вводной части отражают наиболее существенные для данного текста свойства референта – закрепленность за определенным человеком (имя, фамилия, отчество), половую принадлежность (если речь идет о физических лицах), роль в судебном процессе. Например, номинация «по иску Открытого акционерного общества Банк ЗЕНИТ» является эталонной и отражает такие

существенные свойства для создания и понимания всех последующих анафорических выражений: роль в судебном процессе – истец (на что указывает словосочетание «по иску», по этой причине входящая в состав номинации), неодушевленный предмет – юридическое лицо, конкретный банк (название) с определенной формой централизации капитала. К этой группе обязательных характеристик могут добавляться и другие свойства, которые в том или ином случае приобретают значимость. Например, в эталонной номинации «в интересах несовершеннолетнего Полянского Даниила Андреевича» к значению закрепленности, роли в судебном процессе и половой принадлежности прибавляется важная характеристика, отражающая социально-правовой статус, – «несовершеннолетний». Интересно, что в подобных ситуациях роль в судебном процессе выявляется двумя способами:

– во-первых, словосочетанием «в интересах», которому предшествует название того, кто эти интересы представляет,

– во-вторых, субстантивированным прилагательным «несовершеннолетний», значение которого указывает нам на невозможность самостоятельного представления этого человека в суде.

Однако это не является избыточным указанием на один и тот же факт. Последующее за оборотом «в интересах» определение «несовершеннолетний» является своего рода уточняющим по отношению к словосочетанию «в интересах», так как лицо, группа лиц или организация могут выступать в чьих-либо интересах в силу различных причин (например, в силу недееспособности). Мотивировочная часть должна ограничи-

вать набор анафорических элементов за счет упоминания статей закона и сводить их по большей части к обобщенным категориям законов (например, номинации *работодатель, работник, гражданин, родители, ребенок* и прочее). Самой свободной является описательная часть, в которой излагается суть дела. В этой части могут использоваться достаточно развернутые множества дублирующих номинаций, и именно эта часть решения является средоточием всех концептуализаций, что делает ее наиболее уязвимой в коммуникативном плане. В частности, необоснованно частое употребление повторных местоименных номинаций вследствие их лексической опустошенности может приводить к нарушению конвенции точности и принципа оптимальности, т. е. к логическим погрешностям и неясности в изложении казуса и обстоятельств рассмотрения дела, а также к сложности в восприятии текста. В-третьих, местоименные номинации могут использоваться в качестве концептуализаций только в строго определенных случаях. Например, на небольшом участке текста, в котором речь идет только об одном субъекте действия, предварительно выраженном полнозначной номинацией. Возможно частотное использование номинаций-местоимений там, где такое номинирование является уместным и даже органичным (в частности, если в качестве противоположной стороны по роли в судебном процессе выступает группа лиц, называемая собирательным существительным или существительным во множественном числе, или некая организация, номинируемая по своему названию на протяжении всего текста).

Литература

1. Кибрик, А. А. Типология средств оформления анафорических связей: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Кибрик. – М., 1988. – 365 с.
2. Колтунова, М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения / М. В. Колтунова. – Режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/7563665>
3. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. – М., 1987. – 280 с.
4. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М., 2002. – 480 с.
5. Федорова, О. В. Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка) / О. В. Федорова. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/299.htm>

Информация об авторах:

Арышева Анастасия Юрьевна – бакалавр Кемеровского государственного университета, 8-951-607-57-12, frau.arysheva@yandex.ru.

Arysheva Anastasia Jurjevna – bachelor degree student at KemSU.

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8-905-965-71-11, katpa@rambler.ru.

Katyshev Pavel Alexeevich – Doctor of Philology, Professor at the the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

**ИССЛЕДОВАНИЕ СИБИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА
В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Э. М. Афанасьева

THE RESEARCH OF SIBERIAN FOLKLORE IN KEMEROVO STATE UNIVERSITY

E. M. Afanasieva

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Фольклорная ситуация Кемеровской области: локальные традиции» (региональный конкурс 2012 г.). Проект № 12-14-42003.

В статье восстанавливается история собирания и изучения фольклора Кузбасса сотрудниками Кемеровского государственного университета с 1960 по 2011 годы. Впервые представлена научная биография В. М. Потявина, основателя данного направления исследовательской деятельности в КемГУ. Публикуются результаты фольклорных практик и экспедиций фольклорной лаборатории.

The article is devoted to the history of gathering and studying of Kuzbass folklore in Kemerovo State University in 1960-2011. It's in this article that V. M. Potyavin's scientific biography is published for the first time. He is the founder of this scientific activity in KemSU. The results of folklore practices and expeditions of folklore laboratories are being published.

Ключевые слова: фольклор, история изучения народной культуры, экспедиции, Сибирь, Кемеровский государственный университет.

Keywords: folklore, the history of nation's culture studying, expeditions, Siberia, Kemerovo State University.

Фольклорные исследования Сибири велись на протяжении всей истории Кемеровского педагогического института, а позже – Кемеровского государственного университета. Системный характер это направление научной работы обретает с 1960-х годов, когда в Кемерово из Горьковской области переезжает В. М. Потявин. В КГПИ – КемГУ он работает с 1962 по 1979 гг. В сферу его научных интересов входила, прежде всего, песенная традиция. На сегодняшний день редкая работа, посвященная фольклорным песням, а также народному творчеству Горьковской области и Сибири (регионы, с которыми связана научно-практическая деятельность ученого) обходится без ссылок на его работы. Однако до сих пор еще должным образом не осмыслен вклад В. М. Потявина в изучение фольклора.

1960-е годы в истории русской фольклористики занимают особое место. Это время выработки новых принципов собирания произведений народного творчества, введение опыта картографирования материала, освоение возможностей ЭВМ (электронно-вычислительных машин) для обработки полевых исследований [16, с. 395 – 396]. Значительная роль в синтезировании возможностей практической и теоретической фольклористики принадлежит В. М. Потявину. На основании личного дела из архива КемГУ восстанавливаются следующие факты его биографии [17]. Он родился в 1914 году в селе Комаровка Саратовской области. В личном деле, согласно канонам советского времени, зафиксировано: из крестьян; род занятий родителей до Октябрьской революции – хлебопашцы, после Октябрьской революции – рабочие; б/п (беспартийный); колебаний в проведении линии партии не имел. Далее приводятся основные даты, связанные с обучением и преподавательской деятельностью.

1930 – 1932 гг. – учитель начальной школы в ауле Трехизбинка Камызякского района.

1932 – 1936 гг. – студент Московского областного пединститута; факультет языка и литературы.

1936 – 1939 гг. – преподаватель 8 – 10 классов 212-й школы (г. Москва).

1939 – 1942 гг. – старший преподаватель Тобольского учительского института.

1942 – 1944 гг. – преподаватель железнодорожного техникума станции «Защита Томской железной дороги».

1944 – 1947 гг. – старший преподаватель Ворошиловградского педагогического института (г. Ворошилов).

1947 – 1948 гг. – ассистент Томского государственного университета.

1948 – 1952 гг. – заведующий кабинетом Саратовского института усовершенствования учителей.

1952 – 1953 гг. – старший преподаватель Кабардинского пединститута.

1953 – 1962 гг. – доцент Горьковского госуниверситета.

1962 – 1979 гг. – работает в должности доцента Кемеровского государственного педагогического института, с 1974 г. этот вуз получает статус университета.

О научной деятельности в автобиографии В. М. Потявина значится следующее: «В 1947 году держал экзамен в аспирантуру Томского госуниверситета. По конкурсу не прошел. Был оставлен в Томском университете на кафедре русской литературы. Читал фольклор, древнерусскую литературу, литературу народов СССР. В 1948 г. принят в аспирантуру Томского госуниверситета, вскоре перевелся в заочную аспирантуру Ленинградского госуниверситета им. А. А. Жданова» [17].

В 1953 году В. М. Потявин защитил кандидатскую диссертацию «В. Г. Белинский и устное народное творчество» в Ленинградском государственном университете. По теме диссертации принял участие в филологическом споре о подлинности «Слова о полку Игореве» и фольклорных концепциях В. Г. Белинского и М. Н. Каткова (см. дискуссию в: [21, с. 113 – 130]).

Одним из направлений научной деятельности 1960-х годов стало исследование диахронического среза бытования песен в локальной традиции. Переехав в Кемерово, В. М. Потявин работает над докторской диссертацией: «Выдающийся собиратель фольклора А. В. Карпов и судьба его песен», которую планирует представить к защите в 1965 году. В связи с отсутствием необходимого материала, тема исследования меняется: «Фольклористика и русская общественная мысль 60 – 90 годов XIX века». Несмотря на то, что докторская диссертация так и не будет защищена, направления, обозначенные в процессе работы над ней, оказали влияние на методику фольклорных исследований.

В Кемерово В. М. Потявин приезжает, уже имея опыт организации экспедиционной деятельности на территории Горьковской области в 1955 – 1961 гг. [12, с. 3]. В архиве КемГУ есть личное письмо исследователя, где речь идет о том, что в период работы в Горьковском госуниверситете он нашел два тома песен, записанных А. В. Карповым в 70-х годах XIX века. В сборнике 1960 г. «Народная поэзия Горьковской области» В. М. Потявин писал: «А. В. Карпов собрал в середине 70-х годов XIX в. в б. Арзамасском уезде более 500 народных песен. Уже один этот труд, если бы он был в свое время опубликован, доставил бы ему почетное место не только в нашем краеведении, но и в истории русской фольклористики» [12, с. 405]. В 1960 – 1961 гг. под руководством В. М. Потявина в Горьковской области реализовался фольклорный проект, целью которого было исследование судьбы песен на конкретной территории за сто лет. С недавнего времени очевиден научный интерес к этой экспедиции. О. В. Бугрова пишет: «Два тома записей А. В. Карпова представляют большой научный интерес в силу своего объема. Скорее всего, это исчерпывающие в жанровом отношении материалы: здесь представлены как традиционные песни (колядки, хороводные, свадебные, голосовые и др.), так и позднеромансовые, городские» [5].

К началу 1960-х гг. В. М. Потявин уже апробировал формы экспедиционной деятельности, имел опыт проведения научных конференций, результаты научных разысканий публиковал в специальных тематических сборниках и ведущих журналах (в частности, в «Вопросах литературы», в ежегоднике «Русский фольклор» и др.). Накопленный научно-педагогический опыт позволил ему сформировать на базе Кемеровского пединститута, впоследствии – университета, традицию собирания, паспортизации, систематизации и изучения фольклора. С 1962 года исследование фольклорной ситуации Кемеровской области обретает системный характер, организуются экспедиции в Анжеро-Судженск, в Новокузнецкий район, в Горную Шорию [18, с. 41]. В поле внимания

В. М. Потявина оказывается рабочий фольклор Кузбасса [19, с. 296 – 313], а также народная песня в период перехода от традиционного фольклора к новым формам бытования (репертуар самодеятельных коллективов, обрядовая и необрядовая лирика, переделки авторских песен и др.) [15, с. 112 – 134; 20]. Исследовательский материал постоянно пополняется сибирскими источниками, ссылками на результаты экспедиций по территории Кемеровской области и шифрами создаваемого фольклорного архива. Хотя сфера научных интересов, несомненно, не сводилась к регионалистике.

В 1990-е годы исследования локальных фольклорных традиций на базе КемГУ ведутся под руководством ученицы В. М. Потявина Е. И. Лутовиновой, которая публикует работы по сибирской сказке о мачехе и падчерице, коллекции фольклорных записей Мариинского и Ижморского районов Кемеровской области [10, 11, 13, 26, 27]. В 1997 г. под ее руководством была составлена опись фольклорных записей [9], в настоящий момент хранящихся в Областном архиве.

Новый этап в исследовании фольклорной ситуации региона начинается с 2000 г., когда, после значительного перерыва, в КемГУ возобновляется традиция выездных практик, начинается анализ фольклорной ситуации Кузбасса постсоветского периода. Через пять лет на факультете филологии и журналистики открывается фольклорная лаборатория (открытие – 24 ноября 2005 г., первый руководитель – Э. М. Афанасьева, в настоящее время – Е. Ю. Поселенова). Деятельность лаборатории связана с анализом традиционного фольклора, постфольклорной ситуации, а также камеральной обработкой архивных материалов, что нашло отражение в ряде публикаций [2, с. 14 – 17; 14, 28, 29]. Базовой исследовательской стратегией стало описание фольклорной картины мира. Для этого были организованы долгосрочные проекты анализа жанровой системы и обрядовых традиций сел Промышленновского района: Ваганово, Журавлево, Тарасово. Акцент сделан на фиксации аутентичного материала с учетом сферы и специфики его бытования. Постоянным партнером в изучении народной культуры Сибири является Кемеровский государственный университет культуры и искусств [25; 30, с. 127 – 130].

Фольклорные практики начала XXI в. охватили Кемеровский, Крапивинский, Промышленновский, Беловский районы Кузбасса. В 2003 году при поддержке администрации Кемеровской области в рамках Кузбасской комплексной экспедиции был исследован Беловский район. Тема исследования: «Обрядово-религиозные жанры». Населенные пункты, охваченные за время экспедиции: село Старо-Бачаты, Бачатский разрез, село Евтино, село Ново-Дубровка, поселок городского типа Красный Брод. Наиболее ценными результатами стали записи религиозно-магических жанров и духовных стихов, бытующих на территории Беловского района, восполняя религиозный вакуум советского времени с момента массового разрушения церквей. Особое внимание уделялось изучению истории молельных домов, которые в середине XX в. стали средоточием народно-православной

духовности, сохранив основу религиозной обрядности. Подобные моленные дома существовали в Старо-Бачатах, Евтино. Итогами проекта стало описание локальных календарно-обрядовых и семейно-обрядовых циклов, фиксация сибирских рождественских, пасхальных, троицких гаданий [1, с. 583 – 585; 3, с. 586 – 597; 4, с. 605 – 611]; были исследованы региональные особенности крещенских обрядов и оберегов; записаны рецепты ритуальной еды (пасхи, куличей, «жаворонков» и др.), восстановлены традиции народной медицины [23, с. 51 – 53; 24, с. 98 – 604]. Кроме того, описана система детских и взрослых игр, бытовавших и бытующих в Кузбассе (например, пасхальных игр с яйцами зафиксировано около десятка). Результаты проекта опубликованы в «Трудах Кузбасской комплексной экспедиции». В работах участников экспедиции поставлена проблема подвижности календарно-обрядовых границ, введено понятие «новогодне-рождественского цикла» и восстановлена региональная специфика празднования старого Нового года. Отдельным направлением исследования стала проблема «обрядового цитирования» в праздниках советского времени. Так, в Старо-Бачатах первомайские праздники сопровождалась подготовительным ритуалом: за неделю до 1 Мая в домах ставили в воду срезанные тополиные ветки, что стимулировало «выгонку листвы». Тополиные ветви с первой зеленью служили украшением первомайских колонн во время демонстрации. Помимо эстетической функции, данные действия соотносимы с цитированием традиционных обрядов: в середине XX века на Новый год в дом приносили пихтовые ветки, на Вербное воскресенье – молодые вербы, на Троицу – ветви берез. Так что в праздновании 1 мая была включена знакомая модель почитания растительности, в частности, магии первой зелени. Подобную адаптацию в фольклорной среде прошел праздник советского времени – 7 Ноября. Многие информанты маркируют его как день урожая, когда в селах подводились итоги аграрного года.

Отдельным направлением научной деятельности последнего десятилетия является изучение детского фольклора. С 2003 года ведется наблюдение за игровым освоением одного из городских дворов г. Кемерова. Автор проекта Е. Е. Бычкова методом включенного наблюдения зафиксировала несколько сотен фольклорных текстов и обрядовых практик, связанных с локальной традицией [7, с. 106 – 109; 8, с. 48 – 50]. Уникальность данной работы связана с выявлением системы сезонных детских игр, изучением гендерных парадигм в освоении городского пространства, выявлением инициальных элементов в игровых практиках детей разного возраста. Анализ магических практик, бытующих в детской среде, стал объектом изучения А. П. Басниной [6, с. 95 – 101].

С 2000 года на факультете филологии и журналистики КемГУ ведется фольклорный семинар, прохо-

дят выездные практики и экспедиции, по итогам которых ежегодно организуются научные конференции и семинары. Экспедиционные материалы активно используются на лекциях и семинарских занятиях в контексте курса «Устное народное творчество», в формировании электронных образовательных ресурсов, а также становятся базой для дипломных работ и диссертационных исследований.

Направления и хронология фольклорных исследований 2000 – 2011 гг.

2000 – 2001 гг. – изучение фольклорной ситуации Крапивинского района Кемеровской области (поселок городского типа Крапивино, деревня Фомиха, город Зеленогорск). Тематика: «Религиозно-магические жанры и фольклорная картина мира».

2002 – 2005 гг. – исследование фольклорной картины мира села Ваганово Промышленновского района Кемеровской области. По итогам полевых исследований издан сборник: *Фольклор как форма творчества* / под ред. Э. М. Афанасьевой, Е. Ю. Поселеновой. – Томск, 2005.

2003 г. – организация и проведение экспедиции в Беловский район Кемеровской области в рамках региональной программы «Кузбасская комплексная экспедиция» (при поддержке администрации Кемеровской области). Руководитель проекта – доц. Э. М. Афанасьева, участники экспедиции – студенты 1 – 4 курсов: А. Баснина, Е. Зиминая, Т. Васильева, И. Рубина, С. Кузьмина, М. Осадчий, Е. Поселенова (Нефедова).

2006 – 2007 гг. – исследование фольклорной картины мира села Журавлево Промышленновского района Кемеровской области (руководство выездным отрядом – доц. Э. М. Афанасьева, асс. Е. Ю. Поселенова).

2008 – 2010 гг. – исследование фольклорной картины мира села Тарасово Промышленновского района Кемеровской области (руководство выездным отрядом – доц. Э. М. Афанасьева, Е. Ю. Поселенова, асс. П. С. Иванов, асс. А. Л. Калашникова).

2011 г. – исследование фольклорной ситуации поселка Береговой Кемеровского района (руководство выездным отрядом – ст. преп. Е. Ю. Сидорин; тематическое руководство, камеральная обработка – доц. Е. Ю. Поселенова, асс. А. Л. Калашникова).

С 2011 года разработан проект по исследованию фольклорной ситуации с. Тальжино, на территории которого в XX в. находилась толстовская коммуна «Жизнь и труд» (кураторы проекта: А. Л. Калашникова, Е. Ю. Поселенова, И. А. Юртаева).

С 2000 г. и по настоящее время ведется исследование детского фольклора, ежегодно формируются студенческие отряды для работы в детских садах г. Кемерово.

Литература

1. Афанасьева, Э. М. Обрядовая ситуация на территории Кемеровской области / Э. М. Афанасьева // *Труды Кузбасской комплексной экспедиции*. – Кемерово: Ин-т угля и химии СО РАН, 2004. – Т. 1.
2. Афанасьева, Э. М. Принципы циклизации частушек / Э. М. Афанасьева // *Живая старина*. – 2008. – № 1(57).

3. Афанасьева, Э. М. Новогодне-святочный цикл / Э. М. Афанасьева // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово: Ин-т угля и химии СО РАН, 2004. – Т. 1.
4. Афанасьева, Э. М. Троицкая обрядность / Э. М. Афанасьева // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово: Ин-т угля и химии СО РАН, 2004. – Т. 1.
5. Бугрова, О. В. Принципы описания текста при изучении судьбы песенного репертуара за вековой период (на примере нижегородских материалов собрания А. В. Карпова и экспедиции В. М. Потявина «по следам» исследователя) / О. В. Бугрова // Летняя школа по формальным методам в фольклористике-2004. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_bugrova1.htm
6. Баснина, А. П. Мифологическая картина мира в детской обрядовой культуре (на материале «вызываний») / А. П. Баснина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19.
7. Бычкова, Е. Е. Детское миромоделирование в современной городском дворе / Е. Е. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323.
8. Бычкова, Е. Е. Имянаречение в детской культуре / Е. Е. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 335.
9. Каталог коллекции фольклорных записей Кемеровского госуниверситета / сост. Е. И. Лутовинова, В. В. Палачева. – Кемерово, 1997.
10. Лутовинова, Е. И. Волшебные сказки Кемеровской области: указатель сюжетов / Е. И. Лутовинова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 37 с.
11. Лутовинова, Е. И. Сюжетный состав и принципы систематизации волшебных сказок с героиней-женщиной: монография / Е. И. Лутовинова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – 128 с.
12. Народная поэзия Горьковской области / сост. и редактор В. Потявин. – Горький, 1960. – Вып. 1.
13. Народный календарь Кемеровской области / сост. Е. И. Лутовинова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998.
14. Пословицы и поговорки о труде / сост. Е. Ю. Поселенова, Э. М. Афанасьева, А. Л. Калашникова. – Кемерово, 2011.
15. Потявин, В. М. Из наблюдений над вариантами песни о раненом комиссаре / В. М. Потявин // Современный русский фольклор. – М.: Наука, 1966.
16. Потявин, В. М. Каковы современные задачи и принципы картографирования фольклора в славянских странах? / В. М. Потявин // Русский фольклор. – М.; Ленинград: АН СССР, 1963. – Т. VIII.
17. Потявин, В. М. Личное дело № 3098 // Архив КемГУ.
18. Потявин, В. М. О собирании и изучении народной поэзии Кузбасса // Материалы научной конференции Кемеровского гос. пед. ин-та (февраль 1964) / В. М. Потявин. – Кемерово: Кузбасс, 1964.
19. Потявин, В. М. Рабочий фольклор Кузбасса / В. М. Потявин // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917 – 1963): сб. статей. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1965. – Вып. I.
20. Потявин, В. М. Современные русские народные песни: пособие для студентов филологов / В. М. Потявин. – Кемерово, 1976. – 136 с.
21. Прийма, Ф. К спорам о подлинных и мнимых статьях и рецензиях В. Г. Белинского / Ф. Прийма // Русская литература. – 1960. – № 1.
22. Русский фольклор Кузбасса: пособие для учителя / сост. Е. И. Лутовинова. – Кемерово, 1993.
23. Сафатова, Е. Ю. [Поселенова]. Пасхальная трапеза на территории Беловского района Кемеровской области (по материалам Кузбасской комплексной экспедиции) / Е. Ю. Сафатова / сборник трудов молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 30-летию Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2004. – С. 51 – 53.
24. Сафатова, Е. Ю. [Поселенова]. Пасхальная обрядность на территории Беловского района / Е. Ю. Сафатова // Труды Кузбасской комплексной экспедиции (Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы). – Кемерово, 2004. – Т. 1.
25. Тяче вода каламутна [Ноты]: сборник фольклорно-этнографического материала с. Большая Талда, Прокопьевского района Кемеровской области [сост. Т. А. Котлярова, Т. З. Дёмина; оцифровка, реставрация и набор нотного текста М. Г. Котлярова]. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Вып. 2.
26. Фольклор Ижморского района Кемеровской области [сост. Е. А. Лутовинова]. – Кемерово, 1990.
27. Фольклор Кемеровской области: хрестоматия [сост. Е. И. Лутовинова]. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 198 с.
28. Фольклор как форма творчества. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – 136 с.
29. Фольклорная картина мира: сборник научных работ. – Томск: Издательство ТГПУ, 2009. – 140 с.
30. Шунков, А. В. Вопросы невербальной семиотики и их рассмотрение в рамках академических чтений в КемГУКИ / А. В. Шунков // Вестник КемГУКИ. – 2011. – № 14. – С. 127 – 130.

Информация об авторе:

Афанасьева Эльмира Маратовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской литературы и фольклора КемГУ, 8 905 915 03 38, elmira_afanaseva@mail.ru.

Afnasieva Elmira Maratovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature and Folklore of KemSU.

УДК 82.01/09:82-22

СИНЕСТЕЗИЙНЫЙ АСПЕКТ КОМЕДИИ А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЁВЫЙ САД»

Э. М. Афанасьева, М. Е. Поселенов

SYNESTHESIA IN A. P. CHEKHOV'S "CHERRY ORCHARD"

E. M. Afanasieva, M. E. Poselenov

В статье исследуется синестезийный аспект комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад». Вводятся понятия «синестезийная атмосфера» и «синестезийное переживание». Принципиально важной установкой является ориентация на эмоционально-чувственный фон пьесы, который создается за счет наложения образов, содержащих разные уровни восприятия и познания действительности.

The article focuses on the «synesthetic» aspect of A. P. Chekhov's comedy «Cherry orchard»: the author differentiates the concepts of «synesthetic» atmosphere and «synesthetic» experience. The orientation at the emotional and sensual background, created by the stratification of images containing different levels of perception and knowledge of reality, is essential.

Ключевые слова: синестезия, поэтика, драматургия, ремарка, А. П. Чехов.

Keywords: synesthesia, poetics, dramatic art, note, A. P. Chekhov.

В поэтике пьес А. П. Чехова отразился ознаменовавший рубеж XIX – XX веков, кардинальный слом представлений о театре. Очевидным становится тяготение драматургии рубежа веков к синтезу разных видов искусств: литературы и музыки, литературы и живописи, литературы и скульптуры. В отечественном литературоведении уже было отмечено, что события в чеховских пьесах семантически, эмоционально двуплановы (на уровне «подводного течения»), они обращены к зрителю не только сюжетно-действенной, но также имплицитной стороной, одной из возможностей выражения которой является синестезия. Синестезия как художественное средство создания образов и художественного мира в целом связана с ситуацией апелляции автора к читательскому опыту восприятия окружающего мира.

Философы Древней Греции отмечали, что человек имеет несколько органов чувств, но одновременно с этим один сенсорный опыт. Аристотель, например, в трактате «О душе» [2, с. 141] полагал, что за так называемыми внешними ощущениями существует и *sensus communis*, то есть общее чувство, через которое мы и получаем представление об общих свойствах предметов окружающего мира. Позднее, в христианской теологии, у Августина Блаженного, возникает термин «шестое чувство», во многом совпадающий с аристотелевским положением об «общем чувстве».

Рассмотрение понятий «синестезия» и «синестезичность» формировалось под влиянием психологических и искусствоведческих концепций. Стоит подчеркнуть, что конец XX в. и рубеж тысячелетий отмечен ростом исследовательского внимания к синестезической проблематике в зарубежных и отечественных трудах по эстетике, филологии, искусствоведению. После достаточно длительного периферийного положения, которое занимал термин «синестезия», отмечается интерес к данному феномену. Проводятся научные конференции и конгрессы, издаются журналы (например, американский журнал «Leonardo»), публикуется большое количество

научных трудов (В. Рамачандран, Э. Хэббард, Ю. С. Степанов, А. И. Бардовская и др. [3, с. 16 – 27; 14, с. 47 – 53; 17]). Понятие «синестезия» сложно поддается точному терминологическому определению, поэтому неизбежным является столкновение тех сторон этого явления, которые актуализируются в той или иной науке. Существующие в разных научных дисциплинах определения взаимодополняют друг друга, но не дают четкого представления о феномене в целом.

В отечественной науке большой вклад в рассмотрение данной проблемы внесли труды коллектива авторов, развивающих тематику Казанского НИИ экспериментальной эстетики «Прометей» под руководством Б. М. Галеева (работы Б. М. Галеева, И. Л. Ванечкиной; материалы Международных конференций «Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии», «Электроника, музыка, свет», «Прометей-2000» и др. [4; 6; 7, с. 196 – 201]). Методы изучения синестезии в области искусства впервые были определены казанскими учеными, адаптирующими данный феномен к сфере эстетического. Отметим также плодотворные исследования лингвистов, анализирующие чувственное поле вербальных образов в аспекте психосемантики (В. Ф. Петренко [13]), психолингвистики (Р. М. Фрумкина [20]), фоносемантики (С. В. Воронин [5, с. 120 – 131]).

Отдельного внимания заслуживают работы Р. Якобсона, неоднократно обращавшегося к теме синестезии в языке и сделавшего вывод, что со звучанием слова рождается его смысл, поэтому малейшие изменения в звучании привносят новые семантические оттенки: «Как только некоторая последовательность фонем объявляется словом, она тут же начинает подыскивать себе значение» [22, с. 254]. Исследования П. А. Флоренского в области философии языка также содержат ряд наблюдений, связанных с темой вербальной синестезии. По мнению П. А. Флоренского, слово не просто рациональный способ передачи информации, но это и конкретный образ, художественное произведение в малом размере: «...каждому слову,

а равно и сочетаниям их, непременно соответствует некоторая наглядность...» [19, с. 214]. Представляют интерес работы Д. Дерриды, Ж. Делеза, М. Ямпольского [9; 10, с. 53 – 57; 23], в которых представлена чувственно-телесная модель языка в аспекте его синестезийной основы.

В литературном тексте автор, активизируя с помощью синестезии чувственное восприятие читателей, создаёт эстетический мир. Синестезией подчеркивается «плотность», материальность этого мира, который может быть познан и воспринят различными способами. Важным исследовательским ориентиром является установка Ежи Фарино, данная им в учебном пособии «Введение в литературоведение» в главе «Предметный мир, организующий характер текста»: «Предметы и явления окружающего нас мира попадают в мир художественного произведения как носители тех или иных смыслов, тех или иных качеств и свойств, то есть как манифестации определенных моделирующих категорий» [18, с. 279]. Данная установка особенно значима при анализе последней чеховской комедии, предметный мир которой формирует ее эмоционально-чувственный фон.

Несмотря на то, что творчество А. П. Чехова и явление синестезии активно исследуется отечественными и зарубежными литературоведами, комедия «Вишневый сад», насколько известно, в аспекте ее синестезийной основы оказалась на периферии исследовательского внимания, в отличие от прозы писателя. Так, например, в диссертации С. Б. Секачевой «Синестезия как средство поэтики в прозе А. П. Чехова» [15] анализируется процесс активизации эмоций и чувственных ассоциаций, фиксирующих в сознании читателей необходимый автору наглядно-чувственный образ.

В данной статье под синестезией понимается неразрывный комплекс образных средств, соотносённых с разными способами эмоционально-чувственного восприятия окружающего мира: обоняния, осязания, зрения, слуха, вкуса, – позволяющих создать объем и атмосферу драматургического действия. И в художественном тексте, и в его театральном воплощении на сцене синестезия проявлена в системе образов и мотивов, ориентированных на воссоздание эмоционально-чувственной атмосферы, формирующей рецептивный фон эстетического диалога читателя / зрителя с художественной реальностью.

В чеховедении традиционным стало определение драматургии писателя как «драмы настроения» [1, с. 82 – 92], для которой важно не столько само действие, сколько атмосфера события, что отражается на всех уровнях: от жанрово-текстологического до сценического воплощения. Для осмысления драматургической поэтики А. П. Чехова важной, как представляется, является синестезийная атмосфера, организуемая целым комплексом эмоционально-чувственных акцентов, что создает особое настроение чеховских пьес. Концептуально различными являются понятия синестезийной атмосферы и синестезийного переживания. Синестезийная атмосфера пьесы создается за счет авторских ремарок, композиционной

структуры текста, а синестезийные переживания персонажей реализуются в монологах и диалогах героев.

При явной театрализации (то есть стремлении автора воплотить на сцене жизнь как театр, а не сформировать театр как жизнь) в чеховских пьесах, по утверждению К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, важным оказывается максимальное приближение к «правде жизни». Принципиальными для драматурга являются внешняя будничность, отсутствие эффектных картин и героев и при этом – философская глубина, «подводное течение». В большинстве литературоведческих и театроведческих работ, написанных о драматургических традициях А. П. Чехова, акцент делается именно на сочетании внешнего жизненного правдоподобия с поэтической структурой его пьесы.

Формы сценического пространства определяются авторскими ремарками, ими же создается настроение комедии, эмоциональный фон развертывания действия. Кроме того, в драматургическом тексте всегда представлены указания на внесценическое пространство, не ограниченное условиями театра. Показательна в этом плане цитата Леви Ш.: «Иногда свободно используется для определенного рода отсутствия... для отрицания того, что «есть»... Образно внесценическое пространство можно представить в виде черной ауры сцены или особого типа пустоты, которая витает над сценой, иногда становясь чем-то вроде набивочного материала между действительностью как таковой и внутритеатральной действительностью...» [12, с. 244]. Это оказывается особенно значимым для пьесы «Вишневый сад», в которой основное событие (купля-продажа сада) вынесено за рамки драматургического действия.

Текстологические знаки возможного драматургического решения формируют контур сценического рисунка комедии. Поэтому ремарки в «Вишневом саду» представляют собой семантически емкий элемент пьесы. Они являются яркими выразителями того или иного эмоционально-чувственного настроения драматургического текста. В пьесе «Вишневый сад» некоторые интерпозитивные ремарки описывают целую сцену, напоминая самостоятельный прозаический фрагмент (приезд и отъезд Раневской, ремарка после оглашения результатов торгов, ремарка прощания Раневской и Гаева). Особая роль отводится авторскому указанию: «Звук, точно с неба, звук лопнувшей струны». Оставаясь необъяснимым и недосказанным символом, эта ремарка на протяжении всего драматургического действия создает напряжение, вызывая предчувствие трагического финала (ощущение усиливается двойным употреблением лексемы «звук»). Это создает особого рода синестезийную атмосферу пьесы.

Остановимся подробнее на обонятельных ориентирах «Вишневого сада», которые формируют и атмосферу действия, и обнаруживают особого рода восприятие героем мира. В комедии А. П. Чехова прежде всего актуализирован одорический код цветения вишни, раскрываясь через его зримое воплощение (т. о. возникает *флористическая модель запаха*), а позже – через обонятельное восприятие. В авторской

ремарке, предваряющей начало пьесы, имплицитно присутствует запах: «Уже май, цветут вишневые деревья...» [21, с. 197]. При этом первичным является восприятие визуального кода, через который проявляется тонкий аромат нежно-белых цветов. «Называется «Вишневый сад», четыре акта, в первом акте в окна видны цветущие вишни, сплошной белый сад» [16, с. 411] – пишет А. П. Чехов К. С. Станиславскому о замысле пьесы, акцентируя внимание на визуальном восприятии сада на сцене. Через визуализацию Чехов активизирует и обонятельный опыт читателя. В «Вишневом саду» сильными запахами отмечены моменты приезда и отъезда Раневской: войдя в дом, Гаев говорит о «пахулях», а уезжая – о запахе селедки. Запах – весьма эффективное означающее, он образует прочные ассоциативные связи как на сознательном, так и на бессознательном уровнях, закрепляя, таким образом, модели социальных взаимодействий и ситуаций.

У каждого из героев есть своя модель восприятия окружающей действительности. Персонажи, ощущающие запахи в пьесе, наделены особыми обонятельными реакциями. Одорический код комедии многомерен, он включает в себя и кулинарные запахи, и природные, и парфюмерные. Ароматы служат знаком ностальгических воспоминаний, резкие запахи – сильнейшим раздражителем. В общей атмосфере пьесы складывается впечатление одорической разобщенности: то, что чувствует один герой, не ощущают остальные. Так формируется зона личностного «камертона» восприятия мира, индивидуализация характера персонажа.

Эмоциональное переживание холода или тепла, реакция персонажей на те или иные запахи, создание сценической атмосферы весеннего цветения сада подготавливают зрителя к модели объемного восприятия комедии – многослойной и сложной. Большое количество образов, содержащих разные уровни восприятия окружающего мира, определяет фактор насыщенности текста, его протяженности в пространстве и во времени. Синестезия создает стереоскопичную картину мира художественного произведения, которая может быть воспринята в контексте «чувственных» кодов: визуального, аудиального, кинестетического, одорического, гастрономического, интуитивного. В рамках драматургического произведения подобного рода объемность реализуется на уровне воспроизведения на сцене.

Каждый персонаж чеховской пьесы «Вишневый сад» находится в особом рода синестезийной сфере. Набор чувственных ассоциаций и переживаний индивидуален, определяет настроение отдельного героя и пьесы в целом. К примеру, в комедии настойчиво повторяется мотив дискомфорта ощущения холода, зябкости, сырости, сильного жара и т. д. Герои находятся в дисгармонии с миром, их биоритмы, ощущение

не совпадают с природными. Холод и непонимание – одни из главных мотивов «Вишневого сада». Этот диссонанс реализуется в основной коллизии произведения: живущие в разладе с миром герои не совпадают с эпохой. Время вишневого сада уходит, а его хозяева живут прошлым, мир движется вне героев, они оказываются за пределами общего потока – исторического, природного, культурного. На примере кинестетических мотивов, внешне не очень заметных в тексте, можно обнаружить скрытый драматизм и значимую символику текста. Основной мотив, который неизменно сопровождает ряд кинестетических образов в комедии, – это разлад с миром, продуцирующий духовную дисгармонию.

Персонажи чеховского произведения находятся в замкнутом жизненном круге, из которого они не могут выйти и в котором вынуждены постоянно повторять уже пройденный путь. Это не поступательное движение, а непереносимое возвращение к одному и тому же, что формирует их неспособность выйти на новый уровень. Герои не могут найти себя в другой исторической эпохе так же, как и не эволюционируют внутренне.

В. Е. Головчинер в полемике с теоретиками драмы, акцентирующими внимание на понятии конфликта, выделяет категорию «действия» в качестве основной при анализе драматургических текстов: «...действие определяется такими параметрами, как развитие и напряжение. Анализ действия предполагает выяснение вопросов, с кем и с чем связано его развертывание (движение от начальной к конечной ситуации), ритм; что влияет на усиление, ослабление его напряжения» [8, с. 30]. Элементы, составляющие синестезийный аспект пьесы, являются факторами, влияющими на развитие и напряжение действия – как внутреннего, так и внешнего.

Эмоциональный фон оказывается ведущим элементом комедии, позволяющим читателю/зрителю воспринять атмосферу чеховской драмы. Специфика произведения проявляется в том, что план внутреннего действия становится доминантным в изображении жизни персонажей. Рецептивная модель восприятия атмосферы комедии и переживаний героев «Вишневого сада» определяется наличием эмоционально-чувственной синестезии, которая формирует особый тип читательского / зрительского восприятия. Синестезийные средства создания настроения комедии «Вишневый сад» становятся элементами проявленности закадровых, внесценических событий. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о необходимости поиска путей анализа и интерпретации чеховской комедии в сфере эмоционально-чувственной синестезийной атмосферы, возможно, как основания для нового подхода в ее прочтении и сценической реализации.

Литература

1. Анненский, И. Ф. Драма настроения / И. Ф. Анненский // Анненский И. Ф. Книга отражений. – М., 1979.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М., 1976. – Т. 1.

3. Бардовская, А. И. Различные подходы к исследованию синестезии / А. И. Бардовская // Психолингвистические исследования: слово и текст. – Тверь, 2002.
4. Ванечкина, И. Л. Поэма огня: концепция светомузыкального синтеза А. Н. Скрябина / И. Л. Ванечкина, Б. М. Галеев. – Казань, 1981. – 168 с.
5. Воронин, С. В. Синестезия и звуко-символизм / С. В. Воронин // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.
6. Галеев, Б. М. Искусство космического века: избранные статьи / Б. М. Галеев. – Казань, 2002.
7. Галеев, Б. М. О синестезии у Максима Горького / Б. М. Галеев // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1988. – Т. 135.
8. Головчинер, В. Е. Драма есть действие / В. Е. Головчинер // Література – театр-суспільство: збірник наукових праць: у 2 т. – Херсон, 2007. – Т. 2.
9. Делез, Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делез. – М., 1997.
10. Деррида, Ж. Письмо японскому другу / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – № 4.
11. Комина, Э. В. Синестезийные опыты в творчестве В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Комина. – М., 2006.
12. Леви, Ш. За пределами чеховской сцены: (сценическое представление пустоты) / Ш. Леви // Чеховиана. – М., 2001.
13. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. – М., 2010.
14. Рамачандран, В. Звуковые краски и вкусные прикосновения / В. Рамачандран, Э. Хаббард // В мире науки. – 2003. – № 8.
15. Секачева, С. Б. Синестезия как средство поэтики в прозе А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Б. Секачева. – Таганрог, 2007.
16. Станиславский, К. С. А. П. Чехов в Художественном театре / К. С. Станиславский // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960.
17. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики и философии искусства / Ю. С. Степанов. – М., 1985.
18. Фарино, Е. Введение в литературоведение / Е. Фарино. – СПб., 2004.
19. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. – М., 1990.
20. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М., 2003.
21. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974 – 1982. – Т. 13: Пьесы. 1895 – 1904.
22. Якобсон, Р. Тексты, документы, исследования / Р. Якобсон. – М., 1999.
23. Ямпольский, М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. Ямпольский. – М., 1995.

Информация об авторах:

Афанасьева Эльмира Маратовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской литературы и фольклора КемГУ, 8 905 915 03 38, elmira_afanaseva@mail.ru.

Afanasieva Elmira Maratovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature and Folklore of KemSU.

Поселенов Максим Евгеньевич – студент 5 курса факультета филологии и журналистики, КемГУ, poselenov-1990@mail.ru.

Poselenov Maksim Evgenievich – 5th-year student at the Faculty of Philology Journalism of KemSU.

УДК 80:391.395

ИНИЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МИФОЛОГО-ОБРЯДОВЫХ ПРАКТИК В ДЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале «вызываний» мифологических персонажей)

А. П. Баснина

THE INITIATIONAL BASES OF MYTHOLOGICAL RITUAL PRACTICES IN CYILDREN'S CULTURE (as revealed by rituals of "calling mythological characters")

A. P. Basnina

Статья посвящена исследованию детской культуры в аспекте мифолого-обрядового миромоделирования, восстанавливаемого на основе мифологических рассказов и практик. Материалом для анализа являются записи рассказов о «вызывании» мифологических существ, записанные автором работы (2002 – 2009 гг.). Выявляются инициальные функции и особенности обряда «вызывания» мифологических персонажей.

The article is devoted to research of children's culture in the aspect of world modelling, which is restored from mythological stories and practices. The stories from interviews about "calling mythological characters", recorded by the author in 2002 – 2009, are analysed as the material of the study. Initiational functions and features of the rituals of "calling mythological characters" ritual are exposed.

Ключевые слова: детская культура, картина мира, обряд, инициация.

Keywords: children's culture, picture of the world, rite, initiation.

В последнее время очевиден интерес культурологов, фольклористов, психологов к детской культуре. И. С. Кон пишет: «Раздельное изучение детства в рамках психологии развития, социологии воспитания, истории семьи, культурной и психологической антропологии (этнографии), истории литературы для детей и о детях, педагогики, педиатрии и других дисциплин дает очень ценную научную информацию. Но, чтобы правильно понять и осмыслить эти факты, необходим широкий междисциплинарный синтез» [7]. Подобный синтез возможен в рамках культурологии. Феномен детской культуры тесным образом связан с системой фольклорных действий и верований, распространенных среди детей школьного возраста. С одной стороны, процессы, происходящие в детской культуре, имеют огромное значение для «взрослых» культур, их воспроизводства, поскольку именно в детстве происходит интенсивное овладение знаниями и навыками, как «общекультурными», так и свойственными национальным традициям. В частности, процессы социализации ребенка изучались М. Мид [12]. С другой стороны, сложность изучения феномена детской культуры состоит в особенности, которую А. А. Белик определил следующим образом: «Детство – это особый мир, своеобразная культура в культуре, область, полная загадок и непознанных явлений. Это мир со своими правилами поведения, мир фантазии и игр, воспринимаемый как реальность» [1, с. 152]. С этой точки зрения исследователи подчеркивают «самоценность детства», рассматривая его как отдельный замкнутый мир со своей «внутренней насыщенности переживаниями, эмоциональными отношениями, невидимыми взрослому миру и не всегда осознаваемыми самим человеком» [6, с. 12]. Данная особенность накладывает отпечаток на деятельность ребенка, проявленную, в частности, в обрядово-мифологических практиках.

Обрядово-мифологические практики – гипотетические контакты с миром сверхъестественного в виде медиумических, гадальных, привораживающих и иных «волшебных» практик (определение С. Б. Борисова [2, с. 211]). Для них характерен ряд функций: миромоделирующая (участвует в построении картины мира), познавательная (аккумулирует знания об ирреальном), социальная (играет важную роль в организации детского коллектива), инициальная (посвящение в полноправные члены детского коллектива) и т. д. Одним из наиболее распространенных вариантов таких гипотетических контактов с «иным миром» в детской культуре является «вызывание» мифологических персонажей (Пиковой Дамы, Гномика-матерщинника и др.). Данный обряд функционирует среди детей 9 – 13 лет, иногда и более младшего возраста. В работах С. Б. Борисова [2], М. П. Чердниковой [16], С. М. Лойтер [10] поставлен вопрос о характере быто-

вания, происхождении обряда, его соотношении с психологическими потребностями ребенка, обрядовых функциях «вызываний». Не исследованны в настоящее время, как представляется, является проблема инициальной природы мифолого-обрядовой практики гипотетического «контакта с иным миром». Между тем одной из характеристик обрядово-ритуальной ситуации можно назвать преодоление лиминарной границы (А. Ван Геннеп [3, с. 24]), позволяющее неопиту (посвящаемому) получить некое новое знание, с помощью которого он утверждается в детском коллективе. В практике «вызывания» приобщение к «коллективному знанию» может соотноситься со следующими ситуациями: восприятие ребенком рассказов о страшных историях [4, с. 96 – 106], участие в «вызываниях», рассказ о собственном опыте «контакта» с потусторонним миром. Кроме того, инициальная функция обряда напрямую связана с трансляцией культурных знаний в детском коллективе.

Целью данной работы является анализ инициальных основ практики «вызывания» мифологических персонажей. Материалом стали записи более 200 текстов-описаний обряда, собранных в период с 2003 по 2010 г. Анализ собранных текстов позволяет говорить о том, что картина мира – «сетка координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [5, с. 25] – репрезентируется в детских «вызываниях». В своей основе она содержит дуальную парадигму, связанную с делением мира на реальный и ирреальный. По представлениям информантов, во время обряда возможно «вызвать» существо из «иноного» мира. Тем самым участвующий в мифолого-обрядовой практике ребенок осознает данное действие как таинство, приобщающее его к новому знанию о происходящих в мире явлениях, наполняющих его предметах и существах и о способах влияния на них. Это позволяет рассматривать данные обряды как магические [15]. В процессе обряда знание о потустороннем мире дается как бы извне: от других детей, чаще всего старших, а затем совершается своеобразная проверка существования потустороннего мира и его обитателей. Таким образом, участник «вызывания» представляет, что он способен разомкнуть границу между мирами, в результате чего мифологический персонаж обнаруживает себя. Осознаваемой мотивацией обрядовых действий ребенка в большинстве случаев является познание окружающей действительности – его желание убедиться в существовании «иноного мира».

Как правило, обрядовый опыт и знания о способах «вызываний» различных мифологических персонажей в записанных рассказах получают номинацию «колдовство». В детском коллективе подобное «колдовство» расценивается как тайное знание, носителя

ми которого являются либо дети постарше, либо кто-то из сверстников аккумулирует мифологические сведения и становится инициатором магических практик. Такие дети передают неофитам свои «знания» о существовании «иноного» мира, о мифологическом этикете [8, с. 11], о необходимых для «вызывания» условиях и действиях (цитата из интервью: «Однажды мы там в лагере школьном мы с двумя девочками, с близняшками, пошли играть. Они говорят: «Давайте чего-нибудь наколдую». А я еще не умела колдовать. Я говорю: «Я не умею колдовать». Они говорят: «А мы умеем...», Семашко Ира, 12 лет, запись в с. Мазурово, 2008 г.). Участие в «вызывании», таким образом, приобщает нового члена детской группы к тайному знанию о потустороннем мире и одновременно проверяет эти знания на практике (ср.: «Вот девочки, особенно эти, с которыми вызывали, вообще раньше ни во что не верили», Семенова Юлия, 11 лет, запись в с. Мазурово, 2008 г.). Кроме того, обряд создает условия включения ребенка в определенную социальную группу.

В процессе обрядово-магических практик ребенок проходит особого рода испытание – переживание страха. Кроме испытания страхом, создается ситуация проверки на практике мифологических знаний. Например, стремление совершить соответствующие обрядовые действия с точным соблюдением всех правил обусловлено следующей мотивацией: при ошибках в проведении обряда, по представлениям детей, мифологический персонаж может нанести вред «вызывающим». Таким образом, в результате совершения обрядовых действий у данной группы детей возникает общее «страшное» воспоминание и тайное знание о строении мира, что придает «вызыванию» инициальную функцию. Впоследствии возможны ситуации, когда дети делятся друг с другом способами «вызывания» тех или иных мифологических персонажей.

Данные особенности позволяют говорить об обряде «вызывания» мифологических персонажей как о переходном обряде со ссылкой на теоретические концепции А. Ван Геннепа [3]. Важной составляющей обрядового действия является переход участника из одного статуса в группе (в данном случае – в детском коллективе) – в другой. В «вызываниях» наблюдается своеобразное посвящение нового члена группы в «тайную» ситуацию познания мифологической картины мира посредством общего переживания страха. Как правило, в «вызывании» обязательно участвует «новичок»; чаще всего обряд происходит ради того, чтобы продемонстрировать тайное знание об ином мире неофиту. Инициальная функция подобного обрядового действия очевидна во временных детских коллективах (детские лагеря отдыха, санатории, больницы и т. д.), где совместное переживание страха способствует сплочению детской группы.

Для того чтобы восстановить инициальную природу обрядово-мифологической практики, представим основные черты инициации в традиционной культуре. Для преодоления лиминарной границы и получения нового статуса посвящаемый проходит ряд обрядовых стадий, описанных в работах Арнольда Ван Геннепа [3], Г. А. Левинтона [9, с. 543 – 544], В. Я. Проппа [14] и др. Общими моментами являются:

- испытание посвящаемого,
- «умирание» посвящаемого в старом статусе, обрядовый контакт с «иным» миром,
- обрядовое «возрождение» посвящаемого в новом статусе.

А. Ван Геннеп выделяет три обязательных фазы, которые проходит участник обряда: прелиминарный период (до перехода обрядовой границы между старым состоянием мира и новым, когда происходит собственно подготовка к переходу), лиминарный (момент перехода) и постлиминарный (после перехода границы, когда миру и участникам обряда необходимо восстановление в новом качестве) [3].

В прелиминарном периоде обряда «вызывания» в детской культуре происходят следующие действия. Начальный этап информанты обозначают, как правило, формулами: «Решили кого-нибудь вызвать» или «Хотели кого-нибудь вызвать», выражая намерение провести обряд. На следующем этапе происходит подготовка к обряду «вызывания», для успешного осуществления которого необходимо соблюдать некоторые условия. Подготовительная часть включает в себя поиски необходимых для обрядово-мифологических действий атрибутов – чаще всего, приманок для мифологического существа, либо предметов, считающихся их воплощением (например, карта пиковой дамы, помада, конфета и т. д.), и организацию хронотопа «вызывания». Во-первых, как и в традиционной обрядности, все действия проводятся обязательно вне присутствия людей, не посвященных в правила и обычаи детского коллектива, воспринимающихся чужими, — взрослых. Кроме того, все обрядовые действия совершаются в небольших темных локусах: в ванне, под лестницей, в кладовой и т. д. (цитата из интервью: «Мы там у кого-нибудь ...это ...часов в десять к кому-нибудь придем, в туалет или ванну зайдем. При свету, наверно, не получится»). Беляев Вова, 10 лет, запись в г. Ленинск-Кузнецкий, 2004 г.). Нередко место «вызывания» затемняется свет – создается имитация ночного времени (цитата из интервью).

Таким образом, локус вызывания максимально приближается к характеристикам потустороннего мира – темнота, тишина, опасность, – что делает возможным «инкарнацию» в нем мифологического существа.

Во время приготовлений к встрече с обитателем «иноного» мира нагнетается важная для инициальной традиции атмосфера страха. Кульминация такого состояния приходится именно на тот момент, когда мифологический контакт должен произойти либо происходит – тогда отмечаются признаки присутствия мифологического существа (различные следы, звуки, зрительные образы). Поэтому в лиминарный период, во время обрядового контакта с потусторонним, «вызывающие» стремятся прервать связь между двумя мирами (цитата из интервью: «Испугались, стерли это все, и все исчезло»). Крутикова Алена, 11 лет, запись в с. Мазурово, 2005 г.). Кроме того, данная ситуация переживается как своеобразное испытание. Важно не испугаться совершения самого обряда, прихода мифологического персонажа, вовремя успеть разрушить

связь между мирами и т. д. Проанализированные тексты позволяют говорить о том, что не все члены детского коллектива способны выдержать данную проверку. Такая ситуация характерна прежде всего для кратковременных детских групп, когда в одной больницы палате или в детском лагере собираются дети разного возраста, разного воспитания и т. д. В частности, возможны ситуации, когда младшие члены коллектива пугаются, зовут взрослых, тем самым разрушая обстановку проведения обряда. Знаковым является отношение других членов группы к не прошедшему испытание неофиту: к нему относятся как к младшему, т. е. неравноправному члену коллектива, начинают избегать и т. д. (цитата из интервью: «Там одна девочка маленькая была, она очень испугалась, плакала, все рассказала вожатым. Потом за ней мама приехала и забрала из лагеря. Нас ругали долго, вообще разбирательство было...». Третьякова Марина, 20 лет, по воспоминаниям детства, запись в г. Кемерово, 2005 г.) Инициальный страх, с одной стороны, является знаком обрядового испытания. С другой – создает условие для формирования опыта коллективной интерпретации ситуации встречи со сверхъестественным.

Важной структурной составляющей «вызывания» является момент закрытия обрядовой границы, четко фиксируемый участниками обряда и обязательно передаваемый в мифологическом рассказе. В постлиминарный период участники обряда изучают окружающие предметы, чтобы обнаружить следы пребывания мифологического персонажа, совершают действия по уничтожению этих следов (например, после «вызывания» Гнома-Матерщинника), а также фиксируют случившееся в мифологическом рассказе. Иногда такой текст функционирует самостоятельно, отрываясь от системы действий и превращаясь в поверье, где еще описывается ритуал «вызывания», или бывальщину, в которой внимание сконцентрировано на результате. Обязательным является фиксирование свершившегося удачно или неудачно обряда с подчеркиванием достоверности рассказываемого. Такие мифологические рассказы, освобождаясь от обрядовой части, функционируют в детской культуре как «страшные» истории.

Система обрядовых действий в детской культуре соотносится со структурой переходного обряда в традиционной культуре, с тем отличием, что они не зависят от календарного цикла (как, например, гадания взрослых в святочный период), а подчинены учебному циклу (период школьных каникул) или соотносены с формированием временных детских коллективов. Несущественной оказывается категория временной смерти и возрождения, которая в детском коллективе не осознается и заменяется формой приобретения нового опыта эмоционального переживания страха через гипотетический контакт с потусторонним миром.

В детской практике инициальными функциями наделены как обрядовые действия, так и рассказы о них. Так, «вызывание» нередко прерывается или на этапе решения провести обряд, или на этапе поисков необходимых предметов и обстановки. В таких случа-

ях происходит своеобразное «переключение» на повествование о мифологических персонажах. Рассказы о «вызываниях» также насыщаются инициальной функцией совместного переживания страха и приобщения к коллективному знанию, что условно можно соотносить с функцией инициальных мифов. Подобно тому, как в традиционной культуре обрядовый пласт дублируется и в некоторых случаях заменяется словесным сопровождением, в детских обрядово-магических практиках рассказ о «вызываниях» приобретает самостоятельный характер и может выполнять инициальную функцию в отрыве от обрядовых действий. Это происходит, например, в ситуации рассказывания «страшных» историй. Часто это происходит ночью, либо в темноте, в маргинальных пространствах (на чердаке, в лесу и т. д.), обязательно – в отсутствии взрослых. Ситуация рассказывания «страшных» историй также связана с испытанием и переживанием страха. Неофита часто нарочно пугают с помощью специальных страшилок-пугалок (рассказываются нарочито глухим голосом с резким выкриком в финале), уточнением достоверности рассказываемого, привязкой событий страшилки к местным условиям (например, повествование о событиях, произошедших якобы в «этом детском лагере») и т. д. Наряду со страшилками, «пугалками», традиционной несказочной прозой (быличками, бывальщинами и поверьями) в подобных ситуациях бытуют рассказы о «вызываниях». Необходимо отметить, что грань между ситуацией рассказывания «страшных» историй и обрядом «вызывания» мифологических персонажей довольно размыта, одно действие в процессе развертывания во времени может переходить в другое. Таким образом, слово, изначально сопровождающее ритуальную практику, становится самоценным и способно заменить обрядовый пласт. Подобное явление знакомо традиционной культуре, в частности, отражено в работах по сопоставлению мифа и заговора (Н. Ф. Познанский [13]), мифа и обряда (М. Е. Мелетинский [11]), мифа и сказки (В. Я. Пропп [14]).

Современные детские обрядово-магические практики соотносимы с традиционным обрядом посвящения, их посредством происходит приобщение к определенной группе через передачу мифологических сведений – «тайных знаний» о потустороннем мире и правилах взаимодействия с ним. «Вызывание» мифологических персонажей включает в себя основные составляющие обряда инициации: испытание, связанное с преодолением страха; временное погружение в «потусторонний мир» через его моделирование (темнота, ночное время, тишина, маргинальные локусы и т. д.); «общение» с потусторонним обитателем; возвращение в новом статусе полноправного члена коллектива. Данные мифолого-обрядовые практики играют важную роль в процессе социализации ребенка, включения его в ту или иную детскую группу и приобщения к мифологическому знанию данной группы о мире. Они являются одной из важных составляющих детской культуры. Одна из важнейших функций «вызываний» и рассказов о них – трансляция детской мифологической картины мира.

Литература

1. Белик, А. А. Культурология. Антропологические теории культур / А. А. Белик. – М.: РГГУ, 1998. – 241 с.
2. Борисов, С. Б. Мир русского девичества. 70 – 90 годы XX века / С. Б. Борисов. – М.: Ладомир, 2002. – 343 с.
3. Геннеп, А. Ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Ван Геннеп. – М.: Восточная литература, 2002. – 198 с.
4. Гречина, О. Н. Современная фольклорная проза детей / О. Н. Гречина, М. В. Осорина // Русский фольклор: фольклор и историческая действительность. – Л.: Наука, 1981. – Т. 20.
5. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984.
6. Иконникова, С. Н. Защитный пояс культуры и стратегия отношения к детству / С. Н. Иконникова // Дети и старики как группы риска: миссия социальной работы в обществе переходного типа: сб. ст. и мат. Международной конференции (15 – 17 мая 2000 г.). – Самара, 2001.
7. Кон, И. С. Ребёнок и общество: (историко-этнографическая перспектива) / И. С. Кон. – М., 1998.
8. Криничная, Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора / Н. А. Криничная. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. – 1008 с.
9. Левинтон, Г. А. Инициация и мифы / Г. А. Левинтон // Мифы народов мира: в 2 т. – Изд. 2-е. – М.; Минск; Смоленск: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1.
10. Лойтер, С. М. Русский детский фольклор и детская мифология / С. М. Лойтер. – Петрозаводск: КГПУ, 2001. – 295 с.
11. Мелетинский, Е. М. Мифологическое мышление. Категории мифов. От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский // Е. М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 2001. – 168 с.
12. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
13. Познанский, Н. Ф. Заговоры: опыт исследования происхождения и развития заговорных формул [ст., примеч., сост. списка источников Ф. С. Капицы]. – М.: Индрик, 1995. – 352 с.
14. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
15. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Дж. Фрэзер. – М.: Политиздат, 1983. – 704 с.
16. Чередникова, М. П. «Голос детства из дальней дали...»: (игра, магия, миф в детской культуре) / М. П. Чередникова. – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с.

Информация об авторе:

Баснина Анна Павловна – закончила в 2010 году аспирантуру КемГУКИ по специальности «Теория и история культуры» (24.00.01), 8-927-982-57-37, anna_basnina@mail.ru.

Basnina Anna Pavlovna – post-graduate student at Kemerovo State University of Culture and Arts.

УДК 81'23

КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ СОМАТИЗМОВ (на материале английского и русского языков)

Ю. А. Башкатова

CULTURAL MEANING OF BODY PARTS NAMES (in the English and Russian languages)

Yu. A. Bashkatova

Данная статья посвящена выявлению культурных смыслов единиц соматического кода в разноструктурных языках двух лингвокультурных сообществ – английского и русского. Соматизмы часто рассматриваются как этнокультурные тексты, которые могут быть прочитаны и истолкованы лишь в контексте культурных смыслов, передаваемых через те или иные знаки культуры: архетипы, мифы, стереотипы, эталоны, символы, обычаи, традиции, ритуалы.

The article focuses on the identification of ecultural meanings of somatic code items functioning in different-structure languages in two linguocultural communities – English and Russian. Somatisms (body parts names) are often regarded as ethnocultural texts which can only be read and interpreted in the context of cultural meanings rendered by certain cultural signs: archetypes, samples, symbols, customs, traditions, rituals.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, соматизм, коды культуры, культурный смысл.

Keywords: linguo-culturology, concept, somatism, codes of culture, cultural meaning.

Антропоцентрический поворот в лингвистике перевел в центр проблему взаимосвязи языка, культуры и человека как носителя языка и культуры. В работах лингвокультурологической направленности широко

используются такие понятия, как *культурная семантика, культурный компонент, культурная коннотация, концепт, культурная модель, культурный смысл*. Однако работы на эту тему показывают, что описание

культурного компонента в языке – область достаточно сложновывчленимая и не вполне устоявшаяся.

Ряд ученых (В. Г. Гак, С. Е. Никитина) настаивают на существовании и означивании в языке культурных универсалий; следовательно, культурное и национальное должно различаться. Этнолингвистами и лингвокультурологами для описания культурного компонента избирается панхронический (по В. Н. Телия) подход: ретроспективность описания культурного в языковом знаке соединяется с идеей «оживления» культурных смыслов в новых сочетаниях слов, с идеей существования и развития базовых метафор и тем самым осуществлением в языке трансляции культуры. Знания, установки, предписания культуры транслируются из поколения в поколение, осознанно или бессознательно, в зависимости от компетенции субъекта речи, от его способности улавливать в сказанном идеи культуры. Осуществляется воспроизводимость, трансформация и даже модификация культурных смыслов.

В современной этнолингвистике изучение традиционной культуры осуществляется на трех уровнях – собственно семантическом, который представлен лексическими значениями слов, мотивационном, который заключается в выявлении общей модели, мотивационного признака у слов, вещей и действий в обряде, игре и т. п. Наконец, третий уровень раскрывает культурную семантику вербальных и невербальных знаков. Е. Л. Березович называет его уровнем «культурной семантической надстройки» [2, с. 23 – 24].

Лингвокультурологи исследуют язык как вербальный код культуры, как важнейшее, оптимальное средство для означивания культурных смыслов, но средство не единственное – культура воплощает свои смыслы в разных семиотических знаках – предметах, действиях, изображениях и т. п.

В процессе становления культуры выработались концепты, образующие концептосферу, или духовное пространство, пространство культурных смыслов, ценностнозначимых для понимания мира. Концепты, по Н. Д. Арутюновой, это своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром. Особенно важными оказываются концепты, хорошо разработанные в той или иной культуре. Культурные смыслы, формирующие концепт, стали предметом разнообразной рефлексии в языке культуры, в разных ее кодах – в обряде, ритуале, живописи, скульптуре и, главное, – в языке.

В современной лингвистике получило широкое распространение предложенное В. В. Красных понятие культурного кода «как “сетки”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [8, с. 232]. О кодах культуры как понятийной и методологической основе лингвокультурологии см. также в [6, с. 30 – 33; 7, с. 60 – 65].

Соматический код культуры представляет собой чрезвычайно интересный и самобытный языковой пласт, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Существование этого кода является универсальным. Однако соматические коды разных лингвокультур, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием. Части тела, играя символическую роль в ми-

фопоэтической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека, отражают опыт народа, говорящего на данном языке. Например: в английской лингвокультуре живот символизирует храбрость и решительность: *have the stomach for something, a strong stomach, get enough guts to do smth.* В русской лингвокультуре живот – это (как гласит внутренняя форма слова) жизнь. Данное представление о животе находит отражение в образе фразеологизмов: *положить живот за кого-н.; класть душу и живот; даровать живот; не на живот, а на смерть; кончать живот; не щадить живота своего.*

Несмотря на универсальность понятийных значений соматизмов, английская и русская языковые картины мира обнаруживают определенную специфику в комбинаторике ассоциативных признаков данных концептов.

Так, например, в обеих культурах рот связывался с говорением и речью: *открыть рот ‘заговорить’, keep one’s mouth shut ‘keep quiet’, передавать из уст в уста ‘распространять слух, вести’, by word of mouth ‘orally’, золотые уста ‘о красноречивом человеке’, big mouth ‘loquacious’.*

В русских приметах и поверьях рот, особенно открытый, ассоциировался со сплетнями и болтовней: *На всякий роток не накинешь платок.* Тема «замыкания» чужих злых ртов – одна из самых популярных в заговорах, оберегах и проклятиях. В значительной мере она основана на метафорическом отождествлении рта с замком, который можно замкнуть и отомкнуть [1, с. 481]: *Чужой рот не свои ворота, не затворишь. Рот не огород, не затворишь ворот.*

В английских фразеологических единицах рот как орган речи связан с целым спектром значений: праздной болтовней (*run off at the mouth, diarrhea of the mouth*), хвастовством (*be a loud mouth, shoot off one’s mouth*), бестактностью (*foot in one’s mouth*), руганью (*to rail full mouth, foul-mouthed, (Do) you eat with that mouth?*), неискренностью (*talk out of both sides of your mouth, mealy-mouthed, butter wouldn’t melt in one’s mouth*).

Немногочисленные фразеологизмы с компонентом спина тем не менее важны для русского менталитета, ибо с ним связано, во-первых, понятие тяжелого, непосильного труда (*гнуть спину, ломать спину (хребет, горб), не разгибая спины*), а во-вторых, спина – это надежная защита, отсюда фразеологические единицы – *за широкой спиной, жить за чьей-либо спиной* и др.

В английских идиомах с компонентом back на первый план выдвигается идея уязвимости спины: *watch one’s back, with one’s back up against the wall, stab one in the back.* Но иногда спина может служить поддержкой и опорой: *have somebody at one’s back.* Спина в английской лингвокультуре также является символом силы и тяжелой работы: *strong backs, put one’s back into it.*

Символ – это продукт человеческого сознания. С древнейших времен человек прибегал к символизации окружающего его мира, таким образом, символ выступает специфическим элементом кодирования культурного пространства. Языковые символы имеют архетипическую природу. Они объединяют разные пла-

ны реальности в единое целое в процессе семантической деятельности в той или иной культуре [9, с. 97, 99]. Кодирование культурного пространства посредством символов человек начинает с самого себя, поэтому различные соматизмы выполняют функцию символов.

Согласно современным толковым словарям русского языка, *выя* является устаревшим или поэтическим обозначением шеи: «ВЫЯ (и, ж.) (книжн. устар.) Шея. *Над мглой космической он пел, развев власы и выгнув выя* (Белый)» [12]. «Выя – (и; ж.) трад. поэт. = Шея. * *Иные все ещё ласкают выи Каракулем своих воротников* (Мартынов) [5].

В Большом медицинском словаре *выя* определяется как задняя часть шеи (БМС). Сравните у В. Даля: «ВЫЯ ж. шея, а более хребтовая и боковые части ее; завой, замок. Высокая выя – гордость; непреклонная – упорство» [11].

Наряду с языковой семантикой, лексема *выя* характеризуется дополнительной культурной семантикой – определенной символической значимостью, утвердившейся в мировой культуре и имеющей свое преломление в представлениях русской национально-культурной общности.

Благодаря свойству сгибаться, клониться, *выя* (*шея*) часто символизирует гордость, упрямство (*Но они и отцы наши упрямыствовали, и шею свою держали упруго, и не слушали заповедей Твоих* (Неем.9:16) [3]), или подчинение: «Склонять/клонить, сгибать/сгнуть и т. п. *выю перед кем-л.* — покоряться, подчиняться кому-л.» (*Перед сатрапом горделивым Израиль выи не склонил* (Пушкин)). *Гнуть шею (перед кем-л.)* – унижаться, раболепствовать; угождать, заискивать. – *Неволя заставила его жениться, неволя заставила гнуть шею перед батюшкою, перед всем приходом* (Гл. Успенский).

Лексема *хомут*, т. е. надеваемая на шею часть конской упряжи, строго говоря, не является синонимом *шеи*, но в своем переносном значении употребляется для обозначения обузы, неприятных забот (*у него хомут на шее; как хомут на шее; надел на себя хомут*). Ср.: [Евгения:] *И не женись. Что тебе за неволя, хомут-то на шею надевать!* (А. Островский). — *Надел хомут, так тяни. Этак и всякий скажет, что хочу спастись, когда ему трудно покажется вести и кормить семью* (Л. Н. Толстой).

С данным культурным смыслом связан ряд пословиц и фразеологизмов с компонентом *шея*: *Подставь только шею, так и насядут. Была бы шея (плеча), а хомут найдем* [11].

Лексема *шея* фигурирует в некоторых пословицах о пьянстве: *Хоть шея коротка, а достает носом до дна. Шея чешется к пирушке либо к побоям* [11].

Кадык – передняя, выступающая часть щитовидного хряща шеи, выражен только у мужчин. Интересно, что выражение «залить за кадык» означает «выпить спиртного», «напиться»; из этого-то выражения и образовалось прилагательное *закадычный*, которое в сочетании *закадычный друг* первоначально означало «друг по застолью, по выпивке» и лишь впоследствии приобрело значение «задушевный», «близкий». Ср.: *Он с Титычем был приятель закадычный: пили, гуляли сообща* (П. И. Мельников). *Да знаешь ли, мы с*

твоим барином были друзья закадычные, жили вместе (М.Ю. Лермонтов). *Закадык у него не водилось, хотя и все были товарищи на "ты", и никто на него никогда не злобствовал* (Боборыкин) [4].

На формирование концепта *грудь* в русской языковой картине мира повлияла библейская традиция. *Библейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона* сообщает нам, что «в новозаветные времена люди за трапезой возлежали рядом друг с другом, опираясь на левую руку. Если возлежавший отклонялся назад, его голова оказывалась на уровне груди соседа по столу слева. Поэтому место справа от хозяина дома считалось особенно почетным. Во время Тайной Вечери это место занимал Иоанн (*Ин 13:23,25; 21:20*)». Для называния данного почетного места у груди хозяина в русском переводе Нового Завета используется синоним слова *грудь* – «лоно». Данная лексема входит в целый ряд устойчивых выражений, например, «лоно Авраамово» (*Лк 16:22,23*) или «в лоне церкви», «на лоне природы» [3].

Словарь Ушакова отмечает данное значение слова *лоно*:

«1. *Грудь, утроба, недра, как символ ласки, нежности, материнства, чаще в выражении:*

на лоне чьем — на коленях, на руках, у груди. Младенец... кормилицы к лону с криком припал (Гндч.). *На лоне матери.*

2. *То же в олицетворениях (первонач. о церкви, а затем ирон. или ирон. о какой-н. организации, каком-н. объединении и т. п.). Принять в л. католической церкви.*

3. *То же в поэтических образах в знач. поверхность; то, на чем можно возлежать, к чему можно прилечь и т. п. (редко). На лоне скуки безотрадной* (Пшкн.). *На красных лапках гусь тяжелый, задумав плыть по лону вод, ступает бережно на лед* (Пшкн.)» [12].

В английском языке большое распространение получило представление о груди как о символе ласки, тепла, заботы (очевидно, связанное с образом матери, держащей ребенка у груди): *in the bosom of the family; Abraham's bosom; Our Lord carries his lambs in his bosom, i.e., has a tender, watchful care over them* (Isa. 40:11) [13].

Идея интимности реализуется в атрибутивном использовании слова-синонима *bosom* в выражении *bosom friend* – *закадычный друг* (сравните с русским словом «наперсник»): *No second man on earth has such a bosom friend* [15].

Нитевидность и малая толщина волоса являются общими семами у лексем *волосы* и *hair*, что нашло отражение в большом количестве фразеологизмов русского и английского языков: *на волосок от смерти; ни на волос; В эту пору дружба моя с Дмитрием держалась только на волоске* (Л. Н. Толстой); *to lose by a hair; Enemy forces are within a hair's breadth of the city; John isn't failing geometry, but his passing grade is just hanging by a hair.*

Необходимо отметить, что *волосы-hair* тесно связаны с различными эмоциями. Так, например, и русская, и английская фразеология отражают связь между сильным страхом и соматической реакцией на него – встающими дыбом волосами: *take someone's hair*

stand on end; волосы дыбом становятся. Этноспецифичным для английского языка является ассоциативно-образная связь между волосами и сильным раздражением: *get in someone's hair; get someone out of one's hair.* Оба языка сохранили древние представления о ритуальной необходимости рвать на себе волосы (посыпать голову пеплом), глубоко скорбя о несчастье, ср. в англ. *tear one's hair.*

Для русской языковой картины характерно наличие большого количества пословиц, подчеркивающих приоритет душевных качеств перед привлекательной внешностью: *Личико беленько, да разуму маленько. Личиком беленок, да душой черненок. Личиком беленок, да умом простенок. С личика яичко, а внутри болтун. Лицо образ Божий. Непригож лицом, да хорош умом. Не гляди на лицо, а гляди на обычай. С лица не воду пить, умела бы пироги печь, жена [11].*

Этноспецифичным для английского языка является метафорическое переосмысление лица как бесстыдства, нахальства и дерзости: *had the face to question my judgment.* Еще одно интересное значение, заимствованное в китайском языке, но получившее широкое распространение в английской лингвокультуре – лицо как социальное понятие – ‘репутация, статус в глазах общества’: *Are the ministers involved more interested in saving face than telling the truth?* Из этого значения уже на английской почве развилось значение ‘уверенность в себе’: *The team managed to maintain a firm face even in times of great adversity.*

Особый интерес представляют так называемые «образные сравнения», большинство из которых не совпадают в разных языках. То, что представители одной культуры выделяют и подчеркивают одни свойства соматизмов, а представители другой культуры – другие свойства, нередко объясняется «мифологическим контекстом». Свойства, которыми наделены разные части тела в сказках, мифах, пословицах, литературе одной культуры, закреплены в сознании носителей данной культуры, и тот или иной признак впоследствии ассоциируется с конкретной частью тела. Сопоставительный анализ семантики соматизмов *лицо* и *face* в сравнительных конструкциях с союзом *like/as*, как, позволяет выявить подобные различия:

Лицо как полотно, лицо как мрамор, лицо как кипень, лицо как кора, лицо пылает как заря, лицо как день Востока, лицо как день, лицо как ночь, лицо как

яичко, лицо как стеарин, лицо как круглая луна, лицо как маска, лицо как у мадонны, лицо как воск, лицо как икона, лицо как огонь, лицо как солнце в тучах, лицо как персик, лицо как у лошади [10].

Face as a tin pie pan, face as a walnut, face as an autumn, face as a china plate, face clear as a cloud, face like thunder, face ... dry and immobile, like a mummy's, face ... heavy as a sack, face is like the Milky Way in the sky, face lean as a hatchet, face like a pie, face ... like a badly packed suitcase, face like a bad orange, face... like a beaked bird, face like a butcher's block, face like a fiddle and everyone who sees him must love him [14].

Итак, соматический код культуры, будучи составляющей языковой картины мира, закрепляется в лексике, фразеологии, паремиологии и, концептуализируя внешний и внутренний мир человека, среду его обитания, способствует выявлению универсальных и национально-специфических особенностей.

Соматические стереотипы, символы, образы, эталоны в английском и русском языках, выступая стимулятором эмоциональной реакции, являясь основой экспрессивного значения языковой единицы, отражают особенности коллективного сознания народов, т. е. являются этноспецифичными.

В зеркале соматических метафор и сравнений отражается духовная сфера: человек и его нравственная сущность, волевые, эмоциональные, интеллектуальные действия и состояния, черты характера, отношение к другим людям, к себе, к вещам.

Пересечение в области коннотации соматических метафор в разных языках свидетельствует о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, а также об определенной содержательной константе сопоставляемых языков.

Различие в области коннотации соматических метафор свидетельствует о различии путей, по которым развивались сравниваемые культуры. Специфический набор признаков, отражающих образное переосмысление лексики, называющей части тела, в каждом языке своеобразен. Непересечение коннотативной системы соматических метафор в сопоставляемых языках является следствием несхожести экстралингвистических факторов (истории, культуры, сознания, подсознания, религий, географии), что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур.

Литература

1. Агапкина, Т. А. Рот / Т. А. Агапкина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – Т. 4: П (Переправа через воду). – С (Сито). – М.: Международные отношения, 2009.
2. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
3. Библийская энциклопедия Брокгауза. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_bible
4. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
6. Ковшова, М. Л. «Культурный код» как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования / М. Л. Ковшова // Славянские языки и культура: материалы Межд. науч. конф.: в 2 т. – Т. 1: Знание. Язык. Культура / отв. ред. В. Т. Бондаренко. – Тула: ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2007.

7. Ковшова, М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М. Л. Ковшова // Известия РАН. Серия: Литературы и языки. – 2008. – Т. 67. – № 2.
8. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
10. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/index.html>
11. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – Режим доступа: <http://slovari.-yandex.ru/dict/dal>
12. Толковый словарь русского языка Ушакова. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.
13. Easton's Bible Dictionary, 1987. – Режим доступа: <http://eastonsbibledictionary.com>.
14. Similes Dictionary, 1st Edition. The Gale Group, Inc. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com>
15. Webster's New World Dictionary of Quotations Copyright Chambers Harrap Publishers Ltd. – Режим доступа: <http://www.yourdictionary.com/quotes>

Информация об авторе:

Баишкатова Юлия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2, докторант кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ, +7-906-985-05-26, stbua@mail.ru.
Bashkatova Yulia Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology № 2 of KemSU, Doctoral Student.

УДК 811.133.1'42:34

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. М. Белова

TO THE QUESTION OF LINGUISTIC MEANS USE IN THE FRENCH PUBLICISTIC DISCOURSE

T. M. Belova

В статье анализируются лингвистические средства оценивания события, используемые во французском публицистическом дискурсе, а именно – их конкретные формы, и устанавливается связь между частотностью их употребления в данном виде дискурса и важными событиями в обществе.

Linguistic means of the events' estimation used in the French publicistic discourse, namely their forms, are analyzed and connection between their use in this type of discourse and important events in the society is established.

Ключевые слова: лингвистические средства, публицистический дискурс, оценка, метафора.

Keywords: linguistic means, publicistic discourse, estimation, metaphor.

В данной работе предпринята попытка проанализировать лингвистические средства оценивания события, используемые во французском публицистическом дискурсе, а именно – их конкретные формы, и установить связь между частотностью их употребления в данном виде дискурса и знаковыми событиями в жизни общества.

Выбор данного вида дискурса объясняется тем, что это самый «подвижный», мгновенно откликающийся на перемены и процессы, происходящие в обществе. Изменения во внеязыковой деятельности находят своё отражение прежде всего на лексико-семантическом уровне. Помимо активизации определённых лексических пластов, находящихся ранее на периферии современного лексикона, а также заимствований, отражающих социально-политические, экономические и информационно-технологические процессы в обществе, изменениям подвергаются прагматические (оценочные) свойства слов. Оценочность возникает и типизируется вследствие употребления данного слова в контекстах ярко выраженного

положительного или отрицательного характера [6, с. 30 – 32].

В. В. Виноградов пишет, что экспрессивная направленность, формы убеждения, заинтересованность во впечатлении входит в структуру прагматической речи [3, с. 17].

Под дискурсом в данной статье, вслед за Н. Д. Арутюновой, понимается связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 125].

Итак, приёмом сплошной выборки из дискурсов современного французского публицистического издания «L'Express» за январь – май 2012 года были отобраны лингвистические средства оценивания такого

важного события для жизни общества, как президентские выборы.

Необходимо отметить, что публицистический дискурс, наряду с рекламным, политическим дискурсом, является неотъемлемой частью идеологического дискурса. Коммуникативной стратегией идеологического дискурса является аргументация.

Как утверждает А. А. Ивин, аргументация представляет коммуникативную стратегию дискурсивной практики, включающую систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-то мнения. Она обращена в первую очередь к разуму человека, который способен, рассудив, принять или опровергнуть это мнение [4, с. 7].

М. Ю. Рябова считает, что к числу дискурсивных тактик, или коммуникативных приёмов аргументации, можно отнести все виды эмфатических выделительных процедур, известных в языке как механизмы выдвижения (foregrounding). Под выдвижением принято понимать приём усиления коммуникативной экспрессивности и/или силы высказывания, которая может быть достигнута различными средствами языка: стилистическими, риторическими, синтаксическими, лексико-семантическими, фонетическими, дискурсивными и т. д. [7, с. 19].

Согласно М. Ю. Рябовой, наиболее часто в речевых жанрах встречаются такие виды выдвижения:

- фонологические фигуры стиля: аллитерации, ритм, рифма, наряду с приёмами синтаксического параллелизма;
- стилистические приёмы: метафора, ирония, гиперболы, литота и др. на семантическом уровне;
- уровень текстовой организации [7, с. 20].

Обратимся к примерам и рассмотрим, какие виды выдвижения встречаются в рассмотренных дискурсах и как они влияют на формирование мнения, выраженного данным дискурсом.

C'est le plus grand colin-maillard de l'Histoire de France: les yeux bandés, 44 millions d'électeurs avancent à tâtons au milieu du brouhaha des candidats, pour choisir leur prochain président de la République.

Autour d'eux, ils entendent le tohu-bohu des prétendants qui s'invectivent, des programmes qui s'effondrent et des promesses qui s'empilent. Nous savions déjà qu'il s'agissait d'une élection par défaut, cela finira par être un scrutin au hasard. Les semaines filent, la compétition s'aiguise, les sondages se contredisent et personne ne dit la vérité. (Par Christophe Barbier, publié le 29/02/2012 à 17:28).

[Это самая большая игра в жмурки в истории Франции: с завязанными глазами, 44 миллиона избирателей движутся вперед на ощупь, среди шума голосов кандидатов, чтобы избрать их будущего президента Республики.

Вокруг себя они слышат суматоху претендентов, которые поносят друг друга, программы, которые обваливаются и обещания, которые скапливаются. Мы знали уже, что речь шла о выборах за неимением более подходящего кандидата, это закончится выборами наобум.

Недели тянутся, соперничество обостряется, опросы противоречат друг другу и никто не говорит правду].

Президентские выборы во Франции 2012 года осмысливаются как игра в жмурки через метафору ИГРА. Использование таких эмоционально-окрашенных лексических единиц, как *à tâtons* – наощупь, *par défaut* – за неимением более подходящего, *au hasard* – наобум; разговорных существительных *brouhaha* – гул, шум голосов, *tohu-bohu* – беспорядок, суматоха; глаголов с отрицательно-оценочным значением *s'invectiver* – поносить друг друга, *s'effondrer* – обваливаться, *s'empiler* – скапливаться, нагромождаться; неопределённого местоимения *personne* – никто, придаёт объекту оценки определенную экспрессию, что позволяет более ярко и точно дать оценку событию.

Картина, возникающая у читателя: предстоящие выборы рассматриваются как самая большая игра в истории страны. Избиратели идут на выборы, не зная, за кого будут голосовать, кандидаты не имеют четких, определённых программ, количество обещаний растёт. Всё это на фоне растущей конкуренции, противоречивых опросов общественного мнения, взаимных обвинений кандидатов. Итог известен: в подобной ситуации выборы пройдут, как придётся.

Parce qu'il risque sa peau, Nicolas Sarkozy jouera son va-tout jusqu'à la dernière minute. Comme pour oublier sa déception: "Il a pu espérer un temps être très proche de son score de 2007", admet l'un de ses fidèles.

François Hollande abattra une autre carte, parce que sa position est plus confortable. Le 22 avril, à Tulle, il appelle ses lieutenants, réunis à son QG parisien, pour donner quelques consignes. (Par Eric Mandonnet, Benjamin Sportouch et Marcelo Wesfreid, publié le 26/04/2012 à 18:00, mis à jour à 18:38).

[Так как он рискует жизнью, Николя Саркози будет играть ва-банк до последней минуты. Как будто для того, чтобы забыть своё разочарование: «Он мог надеяться приблизиться к результатам 2007 года», – признаёт один из его приверженцев.

Франсуа Олланд открывает другую карту, потому что его положение более удобное. 22 апреля в Тюлле он звонит своим ближайшим помощникам, находящимся в его парижской штаб-квартире, чтобы проинструктировать их].

В данном дискурсе конкуренция между двумя кандидатами осмысливается через метафору ИГРА, а именно – через игру в карты. Также употребление глагольного выражения *risquer sa peau* (прям. значение – рисковать своей шкурой) в переносном значении играть, рисковать жизнью, помогает читателю точнее представить происходящее событие. А именно: действующий президент Николя Саркози находится в кризисном положении и будет делать всё, чтобы попытаться приблизиться к результатам предыдущих выборов 2007 года. Его соперник Франсуа Олланд находится в более выигрышном положении и ему, преобладающему в городе Тюлле, достаточно проинструктировать своих помощников в Париже по телефону.

Les deux favoris sont confortablement installés dans leur duopole confiscatore. Le sortant réchauffe ses plats de 2007, le favori mijote un ragoût d'ambiguïté, et tous les deux tombent d'accord sur la même recette pour le débat public: il faut le cuire à l'étouffée. Par Christophe Barbier, publié le 29/02/2012 à 17:28.

[Два фаворита удобно расположились в их грабительской конкуренции, пытаясь монополизировать рынок. Выбывающий подогревает свои блюда 2007 года, фаворит томит неясное рагу, и оба пришли к соглашению относительно рецепта государственных дебатов: нужно их готовить на пару].

Использование экономического термина *duopole* (конкуренция между двумя продавцами, монополизирующими рынок), отрицательно коннотированного оценочного прилагательного *confiscatoire* (подобный конфискации, грабительский) рисуют выборы Президента страны как грабительский делёж рынка, под которым подразумевается Франция.

Предвыборные действия двух фаворитов передаются через метафору ЕДА. На наш взгляд, данный стилистический приём является очень ярким и показательным, поскольку общеизвестно отношение французов к еде.

Отметим, что употребление следующих метафорических выражений – *réchauffe ses plats* – подогревает свои блюда, *mijote un ragoût d'ambiguïté* – томит неясное рагу, *recette pour le débat public* – рецепт государственных дебатов служит для выполнения прагматической интерактивной функции политической метафоры. Таким образом, благодаря своей фигуральности, небуквальности, она сглаживает наиболее опасные политические высказывания, затрагивающие спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом [5].

По сути, складывается следующая картина: нынешний президент не представляет какую-то новую программу своей деятельности, а всего лишь возвращается к своей предвыборной программе 2007 года, с которой ему удалось одержать победу. У его соперника тоже нет четкой ясной программы.

Pourtant, si une campagne présidentielle a besoin de concepts, du "lourd", à la fois des méga-idées et des propositions macro-économiques qui donnent un sens à un projet et espoir à un peuple, elle a également besoin de petites idées concrètes qui font frémir et réchauffent la vie. Il a besoin de ces "Small-bore ideas", ces idées de "petit calibre", qui avaient permis à Bill Clinton d'être élu. Il faut quelques concepts-paquebot peu nombreux qui montre le cap et de nombreuses petites idées frégates qui accompagnent le mouvement. C'est ce que j'appellerais les micro-politiques. (Par Frédéric Martel, publié le 25/01/2012 à 18:31, mis à jour le 26/01/2012 à 15:02).

[Однако, если президентская кампания нуждается в концептах, в тяжёлом грузе, одновременно в мега-идеях и макроэкономических предложениях, которые дают смысл проекту и надежду народу, ей равным образом нужны маленькие конкретные идеи, которые заставляют содрогаться подогревают жизнь. Ему нужны эти «идеи с маленьким отверстием», эти идеи «мелкого калибра», которые позволили выиграть Биллу Клинтону. Нужно немного концептов – пассажирских суден, которые указывают курс и много мелких идей-фрегатов, которые сопровождают движение. Это то, что я бы назвал микрополитикой].

Очевидно, что в вышеприведенном дискурсе предвыборная деятельность кандидата в президенты

Франсуа Олланда передается через метафору МОРСКОЕ ДЕЛО. Автор говорит о том, что предвыборная кампания должна заключать в себе серьёзные конструктивные долгосрочные проекты, которые он представляет как тяжеловесные пассажирские судна, а не ограничиваться мелкими реформами, сравнимыми с фрегатами. К тому же автор использует англицизм «Small-bore ideas», когда упоминает о схожей тактике Билла Клинтона, позволившей ему выиграть президентские игры. В данной речевой ситуации английское словосочетание, использованное в переносном значении, является более убедительным, чем французское. Оно подчеркивает высокий уровень информативности говорящего.

Картину описываемого события дополняют использованные приставки с противоположным значением – *mega*, *tasco*, *micro*.

Перед читателем данного дискурса предстаёт следующая картина: стране нужны масштабные предложения, которые определяют её курс и дадут веру народу, а не мелкие конкретные идеи, целью которых является лишь победа на выборах.

М. Ю. Рябова говорит о том, что уровень текстовой организации аргументативного дискурса располагает приёмами пространственного линейного выдвижения наиболее информативно значимых и ценностно-важных с точки зрения определённой идеологии элементов языковой структуры либо в начальную позицию, либо в конечную позицию предложения – высказывания, текста.

Так, мнение, выраженное в заголовке статьи, зачастую не просто оценочное суждение её автора, это позиция, которая навязывается читателю и которая автоматически формируется как следствие механизма когнитивного программирования [7, с. 22].

Рассмотрим примеры заголовков газетных статей.

Hollande, un méga-candidat et des micro-politiques.

[Олланд, мега-кандидат и микрополитика].

Очевидно, что речь в этом дискурсе пойдёт о кандидате в президенты Франции Франсуа Олланде. Можно предположить, что общая оценка данного человека будет отрицательно-коннотированной.

NKM et Najat Vallaud-Belkacem, artilleuses pour Sarkozy et Hollande

[НКМ и Нажа Валло-Белькасем, артиллеристки для Саркози и Олланда].

Для представления официальных представительниц двух кандидатов используется метафорическая модель ВОЙНА. Их деятельность осмысливается через такое занятие, как артиллерия. Даже из заголовка становится понятно, что статья посвящена противодействию указанных представительниц женского пола.

Sarkozy-Hollande: le duel

[Саркози – Олланд: поединок].

Данный заголовок выражает мнение автора о том, что Саркози и Олланд не союзники, а соперники. Понятно, что речь пойдёт об их противостоянии и борьбе за пост первого руководителя страны.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав публицистические дискурсы, посвященные выборам Президента Франции в 2012 году, можно предположить, что наиболее часто встречаются средства выдвижения на семантическом уровне, а именно – мета-

фора, сравнение, оксюморон, гипербола. Среди перечисленных стилистических приёмов метафора занимает лидирующее положение.

Что касается частоты употребления метафорических моделей, то первое место занимает метафорическая модель ВОЙНА, далее по убывающей, следуют метафорические модели МОРСКОЕ ДЕЛО, ИГРА, СПОРТ, МЕДИЦИНА, ЖИВОТНЫЕ, ИСКУССТВО, ИНСТРУМЕНТЫ.

Результаты проведённого исследования подтверждают вывод, сделанный А. Н. Барановым о том, что

в когнитивной лингвистике и прямо связанной с ней по методологии политической лингвистике метафора рассматривается как инструмент анализа состояния общественного сознания.

Мы, вслед за А. Н. Барановым, считаем, что существенное возрастание частоты употребления метафор наблюдается в периоды кризиса для категоризации проблемной ситуации и формирования набора альтернатив для решения проблемной ситуации [2]. Именно в таком кризисном положении находится в данный момент Франция.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – 511 с.
2. Баранов, А. Н. Коррупция: нетрадиционный взгляд. Метафорические грани феномена коррупции. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866967/Baranov.pdf>
3. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – М., 1980.
4. Ивин, А. А. Основы теории аргументации / А. А. Ивин. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
5. Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-2001-meta.rtf>
6. Рахманова, Л. И. Современный русский язык: учебное пособие по специальности «Журналистика» / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. – М., 1997.
7. Рябова, М. Ю. Лингвистические категории идеологического анализа медиа-дискурса / М. Ю. Рябова. – Томск, 2008. – 96 с.

Информация об авторе:

Белова Татьяна Мухорамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков КемГУ, 89511880878, tatbel42@mail.ru.

Belova Tatyana Mukhoramovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of KemSU.

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1.09

МИФ, ИМЯ, СУДЬБА ГЕРОЯ В ЭСТЕТИКЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

(на материале произведений В. О. Пелевина)

А. О. Белоконова

THE CHARACTER'S MYTH, NAME AND FATE IN POSTMODERNISM ART

(as revealed in V. O. Pelevin's works)

A. O. Belokoneva

В статье анализируются основные модели поведения героев (в зависимости от мифологического начала имени), реализуемые в текстах В. О. Пелевина; обсуждаются проблемы именования в лингвофилософской теории и художественной практике.

The article provides an analysis of characters' basic behaviour patterns (in relation to the mythological origin of their names) that are represented in V. O. Pelevin's works; the problems of naming in linguophilosophy and literary texts are discussed.

Ключевые слова: антропонимы, постмодернизм, модель поведения, мифологема.

Keywords: anthroponyms, postmodernism, types of anthroponyms, mythologem.

Меняются культурные парадигмы, ракурсы исследований, но проблема соотношения имени и вещи остается актуальной и в наши дни.

Имя и именуемое относятся к древнейшим объектам рефлексий, нашедшим свое отражение в мифологическом сознании человечества. С развитием философской мысли эта идея была подхвачена великими философами и заняла значительное место в философии

ской мысли. Проблемы соотношения имени и вещи, отражения в имени сущности вещи, воплощения мифологического начала в имени становятся объектами научно-философской мысли и разрабатываются в трудах известных философов (Платон, Ш. де Бросс, Ж. Ж. Руссо, Ф. Шеллинг, Г.-В. Ф. Гегель, Л. Мюллер, В. Гумбольдт, Э. Гуссерль, С. Булгаков, А. Лосев, П. Флоренский) и лингвистов (Ф. де Соссюр, А. По-

тебня, А. Суперанская, В. Виноградов, А. Реформатский, В. Бондалетов и др.). Подробный анализ развития лингвофилософской интерпретации проблемы соотношения имени и именуемого представлен в работах З. И. Резановой [1, с. 32 – 48; 2].

Параллельно с научной разработкой теории именования в обыденном сознании носителей языка бытует мифологическое представление о сущности именования, которое воплотилось в практическом использовании: мифологическая функция имени нашла свое отражение в толковании имен, в народной этимологии, в практике имянаречения. В установившейся системе христианского и мирского именования на Руси в имянаречении детей носители русской лингвокультуры воплощали представление о Божественном предопределении судьбы именем, данным ребенку. Даже после принятия христианства люди не перестают верить в мифологическую – сверхъестественную составляющую имени. Наречение младенцев по святым, когда ребенка защищает святой дух, чье имя он носит (имя становится Божественным оберегом человека), является подтверждением веры в связь имени и судьбы человека.

Художественная литература и личное имя отождествлялись с единым началом – «сакральным», поэтому в текстах художественной литературы находят отражение тайные смыслы и верования относительно имен собственных: «Поэтический язык был языком богов, языком выстроенным и оформленным. Личное имя, связывающее человека с его земными и небесными прародителями, обозначающее его место в мироздании также принадлежало к сакральному языку» [3, с. 141]. Писатели, основываясь на традиционных отношениях к имени собственному как к сакральному тексту, уделяют большое внимание антропонимам как значимым компонентам художественного произведения.

Ученые отмечают сложившуюся традицию художественной литературы – использования «говорящих» имен и фамилий. Так, А. А. Реформатский подчеркивал особую функцию литературного ономастикона: «Бывшее нарицательное значение может быть использовано характерологически. Имя и фамилия персонажа могут быть элементом его характеристики. Наиболее простой путь – это так называемые «говорящие фамилии», типичные для русской литературы XVIII в.» [4, с. 40]. В. С. Виноградовым предложен термин «смысловые имена»: «Смысловое имя – это своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды. Смысловые имена придумываются автором, преследующим определенные цели и опирающимся в своем словотворчестве на существующие в ономастике традиции и модели» [5, с. 161]. Так, в художественной литературе формируется практика именования, в основу которой легли представления о единстве имени и его носителя, об именованиях по природе вещей. В манере поведения и внутренних монологах героев в той или иной степени находят свое воплощение представление о мифологичности имени, а развертывание мифа имени играет одну из

главенствующих ролей в понимании всего произведения в целом.

К этим традициям восходит и интерес современного общества к семантике имени, к проблеме именования, что актуализируется событиями, происходящими в культурной жизни носителей языка. С одной стороны, с развитием взаимоотношения культуры и религии становится необязательным имянаречение младенца согласно календарному способу, также законодательно разрешается смена имен и фамилий (в угоду эстетике личного имени, как дань моде др.), что приводит к подрыву представлений о единстве имени и его носителя. С другой стороны, происходит укрепление традиционного мифологического восприятия имени, которое отчетливо прослеживается в множестве книг о толковании имен, в виртуальном пространстве сети Интернет, в текстах современной художественной литературы, в которых актуализируется мифологическая идея соотношения имени и вещи. Современная литература не настаивает на верности одной из теорий именования, она обращает внимание на древнейшую проблему, побуждает читателей к размышлению над ней.

Постмодернизм, как любое культурное явление, вобрал весь предшествующий культурный опыт и преломил его через призму современности. Актуальная проблема соотношения имени и вещи, воплощения мифологического начала имени в судьбе человека, носящего имя, раскрывается на страницах художественных произведений с помощью принципиально иных средств. Постмодернизм стремится воздействовать на сознание читателя посредством мифопоэтики и имитаторства, представляя рефлексии героев относительно семантики имен, создает окказиональные авторские антропонимы, которые не поддаются однозначной интерпретации. Подобные антропонимы являются целостным текстом, декодирование которого предполагает развертывание мифа имени.

Мифологическая функция антропонимов находит свое отражение в рефлексиях героев по поводу семантики имен собственных, воплощается в моделях поведения героев. Одной из особенностей литературы постмодернизма является использование в тексте произведения неоднозначных полисемантических имен собственных, дешифровка которых способствует развитию сюжета всего произведения.

Одним из ярчайших представителей постмодернизма является В. О. Пелевин. Творчество этого писателя получило высокую оценку со стороны критиков, которые отмечали новизну лингвопоэтики автора. Писатель использует различные типы имен собственных, включая окказиональные имена, для создания сложных противоречивых характеров героев.

Цель данного исследования – выявление и описание моделей поведения героев постмодернистского текста в их соотношении с мифологическим началом имен героев на материале романов В. О. Пелевина («Generation «П» [6], «Желтая стрела» [7], «Омон Ра» [7], «Шлем ужаса» [8], «П15» [9]. (Контексты далее цитируются по этим изданиям).

Как показал проведенный анализ, в данных произведениях реализуются две основные модели поведения героев: 1) герой следует предопределению, за-

ложенному в смысле своего имени, 2) герой отвергает предопределенность судьбы, отвергает мифологическое начало собственного имени, борется с ним.

Рассмотрим подробнее первую модель поведения героя. К героям, следующим за своими мифологическими / культурологическими прототипами в выборе модели поведения, можно отнести Romeo-у-Cohiba, IsoldA, Ariadna, Organizm. Например, фамилия и отчество героя романа «П5» (часть «Пространство Фридмана») – *Чингиз Платонович Каратаев* отсылает читателя к роману Л. Н. Толстого «Война и мир», где народный философ Платон Каратаев «проповедует» философию «жизни по совести». Герой Пелевина олицетворяет философию нового поколения – «философию денег», которая противопоставлена идеалам прошлого. Чингиз Платонович Каратаев, исходя из полного имени, является прямым потомком Платона Каратаева, который продолжает поиски философских идей и их практических воплощений в жизнь. Смена философских интересов обусловлена изменившимися идеалами современного поколения: в прошлом ценилась человеческая честь, в настоящем – деньги. Чингиз Платонович Каратаев – первый русский философ-баблонфт, решивший проверить на деле поговорку «деньги липнут к деньгам».

Имя *Чингиз* не входит в русский ономастикон и для носителей русской лингвистической культуры имеет мифологическое значение «чужеродности» – «принадлежащий другому народу», оно восходит к монгольскому *Чингис* – «великий, сильный, могущественный, всемирный господин». Также это имя в сознании читателя на основе ассоциативных связей соотносится со следующими лингвокультурами:

1. *Чингисхан* (Темучин) – основатель первой Монгольской империи, завоеватель, полководец, основоположник татаро-монгольского ига.

2. *Чингиз Айтматов* – знаменитый писатель, чье творчество пронизано философией поиска смысла жизни.

Чингиз Платонович Каратаев – выдающаяся личность, «первопроходец» в своей «отрасли философской мысли», стремившийся завоевать мир посредством денег, в чем видится сходство с мифологической личностью – Чингисханом, обязавшим платить дань многие страны. Значение «принадлежности другому народу», содержащееся в имени героя, акцентирует внимание на том, что «философия денег», пропагандируемая Каратаевым, является чужеродной для носителей русской культуры.

Леонид Азадовский – герой романа «Generation «П» – при рождении получил имя Легион, которое впоследствии им было заменено фонетически сходным – Леонид. Он гордится тайным смыслом, скрытым в имени, но не осознает до конца его темную природу:

– *Владимир Татарский, – сказал Татарский, приподнимаясь и пожимая пухлую вялую ладонь.*

– *Ты не Владимир, а Вавилен, – сказал Азадовский. – Я про это знаю. Только и я не Леонид. У меня папаша тоже мудака был. Он меня знаешь как назвал? Легионом. Даже не знал, наверно, что это слово значит. Сначала я тоже горевал. Зато потом выяснил,*

что про меня в Библии написано, и успокоился [6, с. 231].

В Библии от Марка (гл. 5) сказано:

⁸*Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека.*

⁹*И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много.*

¹⁰*И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той [10].*

В библейском тексте Легион – это злоевищий демон, которого Иисус изгнал из человеческого тела в стадо свиней. Фамилия *Азадовский* имеет аллюзию на лингвокультуру: Азадовский – русский фольклорист, историк. У Пелевина же Азадовский – начальник «Института пчеловодства», в котором создают рекламу (его миссия «собрать рекламу», он только руководит) и творят историю посредством создания виртуального правительства. Анализируя фамилию героя, необходимо отметить, что сегмент «а» (*Азадовский*) несет отрицание, второй сегмент «задовский» (*Азадовский*) имеет значение «в конце, сзади, последний», в итоге Азадовский – «не последний, один из первых». Легион Азадовский – демон во плоти, который посредством мультимедиа стремится завладеть умами миллионов людей, подчинить их искусственно созданной системе.

Имена героев романа «Омон Ра» – *Кривомазов Омон*, *Кривомазов Овир*, *Кривомазов Матвей* – сочетают аллюзии на образы классической литературы (на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») и советской реальности. Братьев подстерегает нелегкая судьба, а надежды отца относительно судьбы детей не оправдываются. Фамилия *Кармазов* изменена, сегмент фамилии «криво» указывает на значение «промах», «не в цель». В действительности герои идут по жизни «криво», не прямыми путями. Так, имя Овир, образованное от аббревиатуры ОВИР – отдел виз и регистраций иностранных граждан, не помогает выезду за рубеж: «Овир, которого отец хотел сделать дипломатом, умер от менингита в четвертом классе» [7, с. 8]. Глава семьи – Матвей, тоже является обладателем нелегкой судьбы. Главный герой романа – Омон – задумывается о влиянии имени на судьбу человека, но, исходя из семейного опыта, сомневается во взаимосвязи: «*Мне отцовские планы на мой счет особого доверия не внушали – ведь сам он был партийным, имя у него было хорошее – Матвей, но все, что он себе выслужил, это нищую пенсию да одинокое старческое пьянство*» [7, с. 8]. Герой делит имена на «хорошие» и «нехорошие», но не уделяет внимания значению имени: Матвей – божий человек. Материальное благополучие не связано с моральным удовлетворением.

Рассмотрим подробнее воплощение мифологического начала имени главного героя.

В тексте художественного произведения имя главного героя постепенно меняется, выстраивается парадигма имени: *Кривомазов Омон: Омка – Омон – Омон Ра – Ра – молодой человек.*

Имя *Омон*, образованное от аббревиатуры ОМОН – отдел милиции особого назначения, олицетворяет мифологические представления советского человека о сущности имени и влиянии его на судьбу: *Омон –*

имя не особо частое и, может, не самое лучшее, какое бывает. Меня так назвал отец, который всю жизнь проработал в милиции и хотел, чтобы я тоже стал милиционером.

– Пойми, Омка, – часто говорил он мне, выпив, – пойдешь в милицию – так с таким именем, да еще если в партию вступишь... [7, с. 7].

С детства Омона интересовало происхождение человека по образу и подобию бога, он сам выбрал бога, на которого хотел быть похож. Им стал бог Ра, «которому доверились много тысяч лет назад древние египтяне, ...у него была соколиная голова, а летчиков, космонавтов и вообще героев по радио часто называли соколами» [7, с. 73]. Омон в своих фантазиях представляет себя в качестве бога Ра («И с тех пор, хоть я и откликался на имя Омон, сам себя я называл Ра; именно так звали главного героя моих внутренних приключений...» [7, с. 74]). Имя главного героя имеет прямую аллюзию на мифологема – Амон Ра – полное имя древнеегипетского бога солнца. Значение имени Омон, олицетворяющее идеалы советской действительности, пересекаются с мифологемой Амон. Так, имя, данное при рождении, олицетворяет приземленность, поиски земной – меркантильной выгоды в условиях суровой действительности, а имя бога, к которому стремится герой – стремление к высшим идеалам.

Героя с детства интересовало небо, бог Ра, поэтому он стремился выполнить предначертанный путь и поступил в отряд космонавтов, где ему уготовано «стать небесным телом». Для полета на луну он выбирает позывной Ра – дает возможность герою своих внутренних фантазий ворваться в реальный мир. На один момент ему показалось, что он совершил великое дело, к которому шел с рождения, но, отступив от заданной траектории, герой осознает обманчивость всей ситуации. Разочаровавшись во всех идеалах, которые с упорством Омон себе внушал, он не расстается с идеей о полете. Человеческое существование – жизнь – тот же полет, а вместо лунохода может быть, что угодно, только значимый компонент, без которого все это не имеет значения – человек: «...когда подошел поезд, я без всяких колебаний шагнул в раскрытую дверь. Она закрылась, и поезд повез меня в новую жизнь. «Полет продолжается» – подумал я» [7, с. 162].

Герой следует за мифологическим началом того имени, которое выбрал сам, воплощая в стратегиях поведения мифологическое начало имени, данного при рождении. В конце произведения Омон видит в зеркале себя: Из зеркала на меня посмотрел молодой человек с очень давно небритой щетиной; его глаза были воспалены, а волосы сильно всклокочены. Одет он был в грязный черный ватник, в нескольких местах вымазанный побелкой, и имел такой вид, словно спал последней ночью черт знает где [7, с. 161 – 162].

Созданный образ «молодого человека» без имени напоминает о человеческой сущности, о рождении человека без имени и о выборе жизненного пути непосредственно самим человеком.

Помимо полной формы имени собственного, в текстах художественных произведений широко употребляются краткие формы, характерные для русской

системы имен. Краткие формы имен собственных (с уменьшительно-ласкательными суффиксами) являются маркированными и употребляются для обозначения особого отношения к герою. В рассматриваемых произведениях краткие формы антропонимов в большинстве случаев употребляются при обращениях ко 2 лицу. Употребление этих форм указывает на то, что герои хорошо знакомы, раскрывается ментальная аппозиция «свой – чужой». Также эта форма имен используется для определения социального неравенства людей как, например, в «П5» (часть «Зал поющих карриатид»):

– Они не поймут, – сказал майор. – Надо показать. Васек, иди сюда.

Мужчина в тренировочном костюме послушно подошел к майору.

– Покажи руки, – скомандовал доктор.

Васек вытянул руки перед собой. Они заметно тряслись [9, с. 23].

Герой не представляет ценности для говорящего, его используют в качестве испытателя неизвестной вакцины. Употребленная форма имени – Васёк – к взрослому мужчине свидетельствует о пренебрежительном отношении говорящего, указывает на социальное неравенство.

В русской ономастической системе выделяется особая форма имени – прозвище («дополнительное имя»), употребление этой формы нацелено на создание и разоблачение мифа о герое произведения. Использование прозвища всегда мотивировано текстом произведения. Например, герой романа «Желтая стрела» Хан получил кличку Стоп-кран.

Собственное имя Хан не входит в русский ономастикон, как следствие этого, несет мифологическое значение «не принадлежащий русской культуре», «чужой», так же, как и имена: Али, Алаудин («П5»), Гусейн («Generation «П») и др. С целью сближения разных языковых культур используется дополнительное именование героя – присвоение прозвища.

Использование нескольких имен для обозначения одного героя помогает автору создать смысловые наслоения, обозначая и «категорию родства», и культурную принадлежность. Рассмотрим трехчленное полное имя собственное одного из героев романа «Омон Ра»:

Начальника полета звали Пхадзер Владиленович Пидоренко. Он был родом из маленькой украинской деревни Пидоренки, и его фамилия произносилась с ударением на первом «о». Его отец тоже был чекистом и назвал сына по первым буквам слов «партийно-хозяйственный актив Дзержинского района»; кроме того, в именах Пхадзер и Владилен в сумме было пятнадцать букв, что соответствовало числу советских республик. Но все равно он терпеть не мог, когда к нему обращались по имени, и подчиненные, связанные с ним различными служебными отношениями, называли его или «товарищ генерал-лейтенант», или, как мы с Митьком, «товарищ начальник полета» [7, с. 60].

Анализируемый антропоним содержит несколько мифологем. Интерпретация имени Пхадзер, данная в тексте произведения, указывает на приверженность семьи героя советским идеалам (имя ребенка как

дань моде советского времени). Отчество героя – *Владиленивич* (Владимир Ильич Ленин) – подтверждает значение, заложенное в имени, удваивая его. Используемая фамилия – *Пидоренко* – имеет аллюзию на два явления: созданный автором миф о деревне с одноименным названием; ассоциации читателей (значение нетрадиционной сексуальной ориентации). Отрицание собственного имени может расцениваться как действие с целью сокрытия важной информации, являющейся достоверной.

Рассмотрим второй тип модели поведения героя – герой отвергает мифологическое начало антропона, борется с ним. К таким героям можно отнести, например, героев романа «Шлем ужаса»: *Monstradamus*, *UGLI 666*.

Например, *Monstradamus* не остается равнодушным к собственному имени, отрицает его: «*Nutscracker: ...Навуходоносор просто теоретизирует, верно? Monstradamus: Я не Навуходоносор... Я такой же Монстрадамус, как Навуходоносор, так что какая разница*» [8, с. 41]. Второе имя – *Навуходоносор* (царь Вавилона в 604 – 562 гг. до н. э., завоеватель Египта, Ассирии, Финикии и Палестины, создатель обширного Вавилонского царства), данное герою другими героями (*Romeo-y-Cohiba*, *Nutscracker*), хотя и отрицается *Monstradamus*, проявляется в поведении героя, которое соответствует представлениям о лидере, завоевателе, созидателе. Оказавшись в изолированном «мире», герой берет на себя роль вождя и пользуется собственной интуицией и знаниями для получения информации, способствующей выживанию. В качестве обращения к *Monstradamus* героями используется усеченная форма имени – *Монстр*, которая отвергается героем. Несмотря на то, что имя *Monstradamus* имеет семантику «монстр, ужасающий», она не находит своего подтверждения в поступках героя, в отличие от семантики «прорицатель» (*Monstradamus* → *Nostradamus* – французский врач, алхимик, знаменитый своими пророчествами). Герой, подобно Нострадамусу, отгадывает сложные ребусы, предсказывает появление Минотавра и Тесея,

занимается толкованием сновидений и прорицанием. *Monstradamus* читает и расшифровывает знаки, которые помогают героям.

Имена героев рассматриваемого типа не входят в русскую систему именослова, являются продуктом имьятворчества автора. Из-за сложной структуры имен (*UGLI 666* – состоит из аббревиатуры, имеющей различные прочтения, и цифр с мифологическим значением; *Monstradamus* – соединение лексем «монстр» и «Нострадамус»), соединяющей противоположные значения, герои, носящие эти имена, отвергают одну мифологическую составляющую и принимают другую. Анализируемый тип имен представлен малочисленными примерами.

Завершая анализ, подчеркнем следующее. Создавая сложные, замысловатые имена, автор текста стремится с их помощью «играть» с читателем, отправляя его по разным направляющим «интеллектуального лабиринта». Коды к пониманию имен прочитываются по-разному, в зависимости от уровня образованности читателя. Рефлексии героев относительно значения и происхождения имен – один из художественных приемов литературы постмодернизма, который обращает внимание на один из возможных вариантов интерпретации и создания дополнительного мифа.

Антропонимы рассматриваемых произведений могут быть как нейтральными, так и имеющими отсылку к мифологической составляющей. Развертывание мифа имени на страницах постмодернистских текстов – это воплощение заложенных именем стратегий поведения, отсылающих к связи с мифологемами и лингвокультурами, это воплощение социальных позиций героев (социальный миф).

Имена, соответствующие системе русского ономастикона, могут быть как нейтральными, так и мифологически наполненными, в зависимости от контекста употребления формы имени. Для имен, не входящих в русскую систему антропонимов и окказиональных имен, характерна маркированность значением «чужеродности».

Литература

1. Резанова, З. И. Имя и миф в лингвофилософской и позитивно-лингвистической интерпретации XX в. / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 3(5).
2. Резанова, З. И. Миф и наука: метаязыковые рефлексии о соотношении имени и именуемого в истории философии и языкознания. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты / З. И. Резанова / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – Ч. 1.
3. Литвина, А. Ф. Варьирование родового имени на русской почве. Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Именослов. Заметки по исторической семантике имени / сост. Ф. Б. Успенский. – М.: Индрик, 2003. – 280 с.
4. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский / под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 536 с.
5. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
6. Пелевин, В. Generation «П» / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 2003. – 368 с.
7. Пелевин, В. Омон Ра. Желтая стрела / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 2004. – 240 с.
8. Пелевин, В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре / В. Пелевин. – М.: Открытый Мир, 2005. – 224 с.
9. Пелевин, В. П 5 / В. Пелевин. – М.: Эксмо, 2008. – 288 с.
10. Библия // JesusChrist.ru Сервер Христианского общения. – Режим доступа: <http://jesuschrist.ru>
11. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.

Информация об авторе:

Белоконева Анна Олеговна – аспирантка Национального исследовательского Томского политехнического университета, эксперт учебно-методического отдела Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ, г. Томск, 8(3822)560-161, bela@tpu.ru.

Belokoneva Anna Olegovna – post-graduate student at Tomsk Polytechnic University, expert at the Educational and Methodical Department of the Institute of International Education and Language Communication of TPU, Tomsk.

УДК 801.54

**ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ ШЕСТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА
(на материале ассоциативного эксперимента)**

Л. А. Белякова

**PROPOSITIONAL AND FRAME MODELING OF 6-YEAR-OLD CHILDREN'S DISCOURSE
(as revealed in the free associative experiment)**

L. A. Belyakova

В статье рассматривается пропозиционально-фреймовое моделирование в качестве эффективного способа описания языкового миропонимания шестилетних детей. Методологическая основа исследования – базовые положения когнитивной лингвистики.

The article discusses propositional and frame modeling as an effective means of describing the language world of six-year-old children. The methodological foundations of this research are fundamental tenets of cognitive linguistics.

Ключевые слова: фрейм, пропозиция, дискурс, когнитивная лингвистика.

Keywords: frame, proposition, discourse, cognitive linguistics.

В современной лингвистике активно развивается когнитивно-дискурсивное направление. Когнитивный переворот в науке, связанный с именами Дж. Брунера, Дж. Миллера, Ж. Пиаже, У. Найсера, Г. Саймона, как ответ на кибернетический кризис, продемонстрировавший недостаточную изученность механизма функционирования интеллекта и психики человека, заставил учёных различных направлений вновь обратиться к изучению естественного интеллекта, что привело к смене общенаучной парадигмы. Когнитология объединила все дисциплины, связанные с изучением ментальных процессов. Возникновение когнитивной лингвистики «было вызвано новым пониманием языка и подчеркиванием в нём (в тесной связи с идеями когнитивной науки) его психического, ментального аспекта. Определение языка как явления когнитивного или когнитивно-процессуального, акцент на том, что язык передаёт информацию о мире, что он многосторонне связан с обработкой этой информации, что он имеет прямое отношение к построению, организации и усовершенствованию информации и способов её представления, что он, наконец, обеспечивает протекание коммуникативных процессов, в ходе которых передаются огромные пласты знаний и используются не менее значительные и сложные – всё это придало новое направление лингвистическим исследованиям» [5, с. 54]. Структурно-системное описание языка было заменено исследованиями глубинного уровня бессознательного. Значимым стал дискурсивный анализ предикативно-смысловой соотносительности слов, начала выявляется роль такой минимальной структуры знаний, как пропозиция, актуализирующаяся во фреймах. «Фрейм», «перформанс», «интеракция» – термины теоретической социологии, и в широком смысле обозна-

чают круг понятий, связанных со структурированием реальности. Впервые идея фрейма встречается в работах Грегори Бейтсона, который в своих исследованиях ориентировался на теорию коммуникации [1, с. 101]. Интерпретируя поведение выдр, имитирующих драку, Бейтсон предположил, что они обмениваются метакоммуникативными сигналами, обозначающими настоящую драку или игру. В книге «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта» И. Гофман представляет систему микросоциологических описаний, которые представляют собой схемы для интерпретации повседневной жизни: «Моя цель заключается в том, чтобы выделить некоторые базовые системы фреймов (frameworks), которые используются в нашем обществе для понимания происходящего...» [3, с. 70]. Именно фреймы, по мнению Гофмана, преобразуют рассыпанную на фрагменты эмпирическую реальность в определении ситуаций, структурируют восприятие социального мира, на основе чего и становится возможным взаимодействие, связанное с пониманием. Как правило, фреймы не осознаются субъектом, попытка их объяснения может привести к дезорганизации восприятия и поведения. Как отмечает исследователь, системы фреймов постоянно находятся в процессе своего формирования, происходит непрерывное «фреймирование» реальности, благодаря соотносению воспринимаемого события с его идеальным смысловым образцом. Фреймы предстают как определённые ситуации, посредством которых мы моделируем окружающую нас действительность. «Обычно люди правильно оценивают, чем должна являться для них ситуация, и действуют соответствующим образом. Верно, что мы сами активно участвуем в упорядочивании нашей жизни, но, однажды установив порядок, мы часто продолжаем его

механически поддерживать, как будто он существовал вечно» [3, с. 61].

М. Минский называет фреймом структуру знаний для представления стереотипной ситуации [6]. Фрейм имеет полевою структуру, в ядре которой находятся наиболее важные, наиболее значимые для данной языковой личности понятия.

Анализируя начальные стадии усвоения языка детьми, Дж. С. Брунер, в известной работе «Онтогенез речевых актов», перевод которой был сделан в 1984 г., перефразируя МакНейла, писал: «Факты усвоения языка не могли быть таковыми, если бы детям не были доступны фундаментальные схемы действия и внимания на начальном этапе процесса усвоения» [2, с. 29]. Браун (1973) выделял первые три вида отношений: *агент-действие*, *агент-объект* и *агент-объект*, которые он рассматривал как частичную реализацию триады *агент-действие-объект*. Следующими универсалиями на начальном этапе усвоения языка Браун считал *номинацию*, *отрицание существования*, *рекуррентность*, *локатив*, *посессив* и *установление атрибутивных отношений* [2, с. 30]. Наблюдая, как дети на ранней стадии овладения языком сочетают однословные высказывания с жестами и действиями, Шлезингер выделил первые восемь отношений: *вокатив*; *объект требования*; *действие, выполняемое агентом*; *неодушевлённый объект действия*; *действие неодушевлённого объекта*; *человек, подвергающийся действию*; *агент действия (или инструментальный агент)* [2, с. 30]. Как видно из приведённых примеров, речь ребёнка даже на начальном этапе усвоения родного языка достаточно системна и организована.

Представляется актуальным проанализировать вербальные ассоциации детей 6 лет, используя элементы фреймового анализа, который позволяет вскрыть стереотипные для человеческого общения отношения, отражающие связи явлений в мире. Помимо этого, фреймовый анализ – один из наиболее перспективных методов изучения значения слова, т. к. акцентирует внимание на том, что «для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объёмную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сценарий, событие, ментальную модель и т. п.» [4, с. 115].

В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 20 детей шести лет, посещающих подготовительные группы одного из детских садов г. Кемерово (МАДОУ № 36). Опрос проводился индивидуально, в хорошо знакомом помещении, не перегруженном игрушками и мебелью. Дети получали инструкцию: «Услышав слово, ответьте сразу, не задумываясь. Подумайте о слове, которое я назову, и назовите первое слово, пришедшее на ум». Дошкольникам были предложены глаголы, частотные в словаре детей: *бегать*, *дружить*, *знать*, *играть*, *мыть*, *открывать*. В ходе эксперимента важно, чтобы дети почувствовали искреннюю заинтересованность к своим высказываниям, необходима доверительность в отношениях с ребёнком.

Во второй части эксперимента, во избежание предвзятой трактовки ассоциативных реакций, непреднамеренного желания исследователя поставить себя на место реципиента, детям предлагалось отве-

тить на вопрос: «Почему ты ответил именно так?». Ответы на этот вопрос помогут вывести информацию с подсознательного уровня на уровень сознания, что позволит приблизиться к пониманию языковой личности ребёнка.

Фрейм «БЕГАТЬ» актуализован следующими пропозициями:

– действие – противоположное действие: «бегать – стоять, ходить, идти, сидеть»;

– действие – похожее действие: «бегать – прыгать» («Бегать и прыгать – это веселиться. И поэтому всегда бегают и прыгают. Всегда. Во дворе, на стадионе наперегонки с девочками мы бегали. Соня победил. Потому что она быстрее»; «Можно и побегать, и попрыгать»);

– действие – место действия: «бегать – на стадионе, по стадиону, на работе, по улице» («На работе можно бегать, когда работы много»);

– действие – его интенсивность: «бегать – быстро» («Часто кто-то бежит быстро. Я супербыстро бегаю. Я бегаю 30 км в час. Чаще всего мы бегаем на стадионе. Просто на стадионе... Он – любимое место, чтобы бегать»);

– действие – его продолжительность: «бегать кросс» («Мы кросс бегали с папой, а ещё с Пашей. Это долго»);

– действие – часть тела, выполняющая указанное действие: «бегать – ноги» («Ноги бегают»).

Ядро данного фрейма – пропозиция «действие – место».

Онтолингвисты, изучающие ассоциации детей дошкольного возраста, сходятся во мнении, что основная стратегия у ребёнка этого возраста – противопоставление. Однако опрос, проведённый после ассоциативного эксперимента, выявляет и иную тенденцию – шестилетки демонстрируют неоднородные отношения: наряду с противопоставлением, дети ищут общее в этих понятиях, проводят анализ на доступном им уровне. Категория смысла, смысловой близости или различия связана с понятием внутреннего контекста. Ребёнок, определяя для себя сходство или различие между объектами, опирается на свой жизненный опыт, на ту сумму знаний, которая доступна ему, на определённую ситуацию, что впоследствии и находит своё отражение в его речи.

Фрейм «ОТКРЫВАТЬ» представлен пропозициями:

– действие – противоположное действие «открывать – закрывать» («Можно открывать, а можно закрывать окно»);

– действие, происходящее за указанным «открывать – закрывать, брать» («Когда открываешь, надо потом закрыть. Шкаф. Туда может кошка забраться. А то я когда-то забыла шкаф закрыть, у нас Мура заскочила в шкаф и там лежала. Вся одежда потом была в шерсти»);

– действие – его характеристика «открывать – секретно» («Некоторые секреты открывают так, чтобы их никто не слышал»);

– действие-объект «открывать коробку, дверь, консервы, шкатулку» («Шкатулку можно открывать, холодильник. Шкатулку проще всего можно открыть, холодильник может заесть. Бриллиантики там»).

Ядро фрейма – пропозиция «действие – объект».

Анализ этого фрейма позволяет проследить появление в речи детей абстрактной лексики («открывать секреты»), которая в речи детей-дошкольников появляется сравнительно поздно. Мышление старшего дошкольника наглядно-образное. Появление в речи абстрактных слов отражает новую ступень в речевом развитии ребёнка: расширение социального опыта, знакомство с печатным словом – часть шестилеток читают, развитие мышления – дошкольник пробует осваивать операции анализа и синтеза – всё это позволяет ребёнку начать поиск основного дифференциального признака, пытаться сопоставить явления по существенному, не случайному, как ранее, признаку, что находит своё отражение в речи.

Фрейм «ИГРАТЬ» представлен следующими пропозициями:

– действие – противоположное действие «играть – не играть, спать, есть, учиться, писать, бегать» («Играть и бегать – это противоположность»);

– действие – действие, происходящее одновременно с указанным «играть – рисовать, дружить» («Когда рисуешь, можно сделать такую игрушку»);

– действие – субъект действия «играть – человек, с друзьями, дети, с другом» («Обычно играют с друзьями в какую-то игру. Из кубиков там дома строим, в песке ещё»);

– действие – объект действия «играть – в пазлы, с мишкой, с мячом, в машинки, в прятки, во что-то» («Я мишкой играю. Ну, за мишкой я ухаживаю, кормлю его, пеленаю»).

Приведённые ответы детей свидетельствуют о проявлении в их речи наглядно-образного мышления, для которого характерна конкретность – вспоминают наиболее яркие, с их точки зрения, события. Д. Б. Эльконин писал: «Шестилетний ребёнок в состоянии решать задачи не только путём непосредственных действий. Конкретность детского мышления выражается и в привязанности к ситуации, недооценке причинно-следственных связей, подмене их последовательностью во времени, в предпочтении ярких, а не существенных признаков объекта» [10, с. 18]

Ядро фрейма – пропозиция «действие – субъект действия». Фреймовый анализ позволяет увидеть элементы наблюдения ребёнка за своей речью – выражение «это противоположность» во время эксперимента звучало неоднократно.

Фрейм «МЫТЬ» в речи детей актуализован пропозициями:

– действие – противоположное действие: «мыть – не мыть» («Можно мыть, а можно не мыть. Если чистое»);

– действие – похожее действие: «мыть – стирать, мытьё, убирать, чистить» («Это похоже. Стирать... в таз водичку и вещи грязные. И шоркать. Моют окна. У меня дома есть такая специальная палочка, а можно – тряпкой»; «Можно мыть пол, а можно убирать мусор с пола»; «Когда моешь руки, можно и постирать»; «Мыть и стирать – это почти одно и то же. Стирать – это в машинке стирать, а мыть – это на руках. Стирать – это ложится в стиральную машину, да и стирается. Или на руках стирается. А мыть – это выдавливается мыло такое, да и моешь руки»);

– действие – действие, происходящее за указанным «мыть – вытирать» («Когда моешь, надо вытирать человека. Или он сам вытирается»);

– действие – субъект действия «мыть – человек» («Человек всегда моется»);

– действие – инструмент «мыть – душ, мылом» («Просто душ хорошо моет»);

– действие – объект «мыть – лицо, руки, тарелку, тарелки, посуду, человека, полы» («Лицо надо больше мыть. Всем. Чтобы быть чистым. Ну, чтобы не позориться»).

Ядро фрейма – пропозиция «действие – объект».

На примере данного фрейма («мыть, стирать, убирать, чистить») можно проследить процесс категоризации. Категоризация тесно связана с процессами мышления (сравнением, отождествлением, установлением сходства) и языком. «В любом языке мира специальными обозначениями выделены главные для него категории, да и наличие подобного наименования является ярким доказательством релевантности и существенности стоящих за ним концептов и реалий» [5, с. 46]». Процессы категоризации лежат в основе познания мира ребёнком, поскольку человеку, как указывал А. А. Потебня [7], вообще свойственно сравнивать всё со всем. Категоризация – «в узком смысле – подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определённую рубрику опыта, категорию, но в широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия» [5, с. 42]. Сталкиваясь в своей жизни с новым объектом либо пытаясь понять суть известного, ребёнок совершает несколько довольно сложных операций. Он выделяет интересующий объект из множества других, сравнивает этот объект с другими, выделяют в нём знакомые ему, привычные свойства, уже известные в других объектах, таким образом, объединяя их в одну категорию. По данным Ж. Пиаже [8], ребёнок легче усматривает различия, чем сходства, что вполне естественно, т. к. для ребёнка жизненно важны ощущения: чувство сытости или голода, холода или тепла, внимание взрослого или отсутствие его. Когнитивный переворот позволил пересмотреть процесс классификации явлений действительности с точки зрения обыденной, повседневной жизни, на категорию взглянули с позиций когнитивной деятельности человека. Л. фон Витгенштейн доказал, что естественная категоризация, в отличие от научной или логической, предъявляющей единые требования к каждому члену категории, может объединить неравноправные. Новые члены категории повторяют лишь некоторые из характеристик, их объединяет «фамильное сходство». Позже эти идеи были развиты Л. С. Выготским, а также Дж. Лакоффом, что нашло своё отражение в описанном им прототипическом подходе и прототипической семантике. Анализ описываемого фрейма позволяет увидеть, как дети, следуя принципу естественной категоризации, ищут общие черты и различия между понятиями. Названный пример демонстрирует поиск и выделение прототипических явлений детьми шестилетнего возраста, попытки обнаружить «фамильное сходство», объединить слова в одну катего-

рию на основе одного гипотазированного признака, чему способствует размытость формально-семантических границ категорий.

Фрейм «ДРУЖИТЬ» представлен пропозициями:

– действие – субъект: «дружить – с девочками, со всеми, с Мишкой, с другом, с мальчишками, с друзьями, друг»; («Дружить можно только с другом. Друг – он тебя не бьёт, всякие гадости не выдумывает»; «У меня мальчишек много друзей. У мальчиков игрушки мне больше нравятся. А девочки...некоторые просто не хотят играть. Много друзей – лучше. Есть с кем играть, лучшее настроение, игрушек можно больше выносить из дома»; «Иногда люди не дружат, ссорятся. Мы с Соней вообще один раз весь день не дружили. Вот Милана и Соня ...они весь день со мной не дружили. Потому что, видите ли, я Милане игрушку не одарила, а Соня подумала, что это ей не подарили игрушку»; «Друг, он всегда поможет. Один раз я упал в яму около «Байконура», а он помог меня вытащить»; «Друг со всеми дружит»; «Друзья любят друг друга и гуляют во дворе, а враги – нет»);

– действие – противоположное действие: «дружить – не дружить, расстаться, расставаться, вражда, грустить» («Можно дружить, а можно сидеть и грустить. Это значит – нет друга»; «Можно дружить, а можно расстаться. Ну, если поссориться. Например, если на столе одна корочка, кто-то первый взял, а кто не хочет делиться, он начинает ссориться»);

– действие – действие – следствие указанного: «дружить – играть, веселиться» («Когда дружишь, всегда играешь. Могу поссориться. Вдруг что-то неправильно сделала. Я помню случай, как всего лишь из-за стульчика Маша со мной поссорилась. Мне стульчик вместо микрофона поставили и всё. А Маша смеялась и бросила меня. Она всегда смеётся»);

– действие – его качество: «дружить – хорошо» («Если плохо дружить, то дружить уже тогда не получится. Хорошо дружить – это значит, дружить крепко. Ну, просто мы с другом никогда не ругаемся. Мы с ним просто в догонялки наперегонки бегаем»).

Ядро данного фрейма – пропозиция «дружить – субъект». Фреймовый анализ позволяет проследить

индивидуальные способы объяснения слов, как в этом случае – «от противного»: «Дружить хорошо» – «Если плохо дружить...» Фреймовый анализ позволяет проследить развитие концепции значения слова как достояние конкретной языковой личности, позволяет увидеть индивидуальную картину мира, выводя за рамки сугубо языкового знания [4].

В данном фрейме представлены те ценностные факторы, которые значимы для детей этого возраста.

Операция категоризации тесно связана с концептуализацией – процессом поиска смысла – «Что такое – дружить?» «Кто такой друг?» «Механизм категоризации надо отнести к уровню концептуальной структуры, ибо суждения о принадлежности к одной и той же или разным категориям – это итоги сопоставления двух концептуальных структур, принимающих форму высказывания «X – это пример категории Y» [5, с. 46]. Процессы категоризации и концептуализации позволяют раскрыть особенности речемыслительной и познавательной деятельности ребёнка. Способность к категоризации, умение классифицировать явления окружающей действительности проявляются у человека рано, ещё в дошкольном возрасте, с возрастом, с накоплением опыта, с усвоением языка эти способности развиваются, носят более совершенный характер. Категоризация мира осуществляется в пределах фрейма – именно он направляет мышление человека в любом возрасте, обеспечивая связное мировидение.

Анализируя количество парадигматических и синтагматических реакций (их по разным фреймам примерно равное количество), можно сделать вывод о том, что для шестилетних детей коммуникативная и познавательная функции речи одинаково актуальны.

Суммируя всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что основные пропозиционные структуры знаний в языковом сознании детей шестилетнего возраста уже сложились. Наполнение пропозиций лексическими единицами зависит от конкретной личности ребёнка, его жизненного опыта. Явно прослеживаются принципы естественной категоризации, когда ребёнок классифицирует предметы согласно их роли и прагматическому значению в жизни.

Литература

1. Батыгин, Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана / Г. С. Батыгин // И. Гофман. Анализ фреймов. – М.: Институт социологии РАН, 2004.
2. Брунер, Дж. С. Онтогенез речевых актов / Дж. С. Брунер // Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1984.
3. Гофман, И. Анализ фреймов / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2004.
4. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М., 1999.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996.
6. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979.
7. Потенция, А. А. Мысль и язык / А. А. Потенция. – М., 2007.
8. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребёнка / Ж. Пиаже. – М.: Римис, 2008.
9. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М., 2003.
10. Эльконин, Д. Б. Развитие речи в дошкольном возрасте / Д. Б. Эльконин. – М., 1958.

Информация об авторе:

Белякова Лариса Анатольевна – учитель-логопед МАДОУ № 36, г. Кемерово, 8-913-401-3203, belyakova_kedr@mail.ru.

Belyakova Larissa Anatolyevna – teacher and logopedist at Municipal Autonomous Pre-school Educational Institution № 36.

ПЕРЕВОД ТЕРМИНОВ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

С. В. Биякова, В. Ю. Гейер, А. А. Смирнова, А. Г. Строилова, О. П. Тукмакова

TRANSLATION OF TERMS: THE COGNITIVE APPROACH

S. V. Biyakova, V. Yu. Heyer, A. A. Smirnova, A. G. Stroilova, O. P. Tukmakova

В статье рассматриваются особенности перевода терминов с позиции когнитивной лингвистики. Эффективным способом решения переводческой задачи может быть построение когнитивной модели термина, что позволит выявить те компоненты, которые выходят на первый план в данном контексте, и найти эквивалент в языке перевода.

The article deals with the cognitive approach in translation of terms. The translation problem can be effectively solved by building a cognitive model of a term which allows to determine the explicit components in a given context and find the equivalent in the target language.

Ключевые слова: перевод, термин, когнитивная модель, контекст.

Keywords: translation, term, cognitive model, context.

С середины 70-х годов двадцатого столетия для изучения процессов терминообразования, организации терминосистем и интерпретации терминов начали привлекаться принципы когнитивной лингвистики, которые позволяют говорить о языке, в частности о терминологии, в тесной связи с различными аспектами опыта человека, то есть когнитивной (познавательной) деятельности, социальной и т. д.

«Nosce te ipsum» (Познай самого себя), – говорили древние, а когнитивный подход позволяет это сделать как нельзя лучше.

Данная статья посвящена рассмотрению интерпретации терминов и перевода их на другой язык с позиции когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика подходит к семантике термина, решая вопрос о связи языковых явлений с отражаемой ими действительностью и роли, которую играют эти языковые явления в познании данного отрезка действительности. Определение значения термина связывается с процессом познания мира, мыслительной деятельностью человека и его познавательными возможностями. Причем изучение целой терминосистемы той или иной области знания дает возможность создать "картину мира" данной области, понять ее внутреннюю структуру, т. е. собрать довольно полную информацию об имеющихся знаниях в этой области.

Многие исследователи отмечают, что термин является довольно сложным образованием, сохраняющим многие черты общеупотребительного слова, в то же время он должен обладать определенными систематизирующими свойствами, отражать необходимые и достаточные признаки понятия, которые, с одной стороны, создают общность понятий, с другой – их специфичность [7, с. 47]. Наиболее точным, на наш взгляд, является определение, данное В. М. Лейчиком: «Термин – это сложное, многослойное образование, состоящее из языкового субстрата – материально-идеальных элементов определенного естественного языка, логического субстрата, зависящего от признаков обозначаемого понятия, и терминологической сущности, которая включает концептуальную, функциональную структуру, представленную терминологическими элементами» [10, с. 28]. Важнейшей на современном эта-

пе развития терминоведения В. М. Лейчик называет когнитивную функцию термина. Именно благодаря когнитивной функции первоначально мысленные объекты или проявления чувственного познания получают вербальное выражение в процессе познания окружающей действительности и внутреннего мира человека. Термин характеризуется, таким образом, как результат дискурса, который реализует процесс познания [11, с. 67 – 73].

В свете современных подходов в лингвистике, а в частности когнитивного подхода, термин определяется как «динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процесс познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [11, с. 21 – 22].

При работе со специальными терминами в текстах переводчик сталкивается с большими трудностями, так как среди них могут встречаться неологизмы, многие термины не зарегистрированы в словарях. Это объясняется тем, что «термины по своей природе являются наиболее текучим, подвижным слоем словарного состава языка, который непрерывно пополняется. Это пополнение идет в основном за счет создания новых специальных терминов для выражения понятий, возникших в результате интенсивного развития за последние годы науки и техники» [9, с. 112].

Когнитивный подход позволяет все имеющиеся знания о том или ином явлении представить в весьма простой форме, в виде структур знаний, то есть упростить, формализовать, иными словами, смоделировать то или иное явление, знания о нем.

Построение моделей является наиболее удобным способом представления полученных данных о предмете изучения, которым пользуются в любой области современной науки. О. Е. Баксанский и Е. Н. Кучер выделяют три основных особенности построения когнитивных моделей:

– когнитивная модель не претендует на онтологическое описание объекта, она представляет его лишь в определенном контексте, поэтому её структура явля-

ется менее жесткой, нежели у других типов моделей. Основная её функция не описывать объект «как он есть», а «работать» аналогично его функционированию;

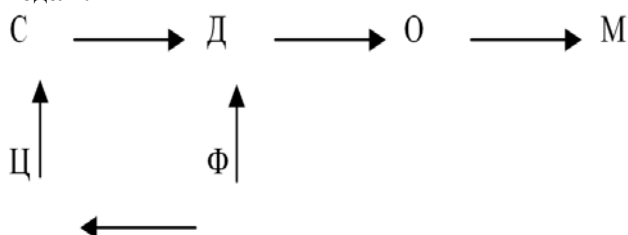
– когнитивные модели имеют междисциплинарный характер и основываются на метафорах и аналогиях из разных областей науки, искусства и практической деятельности;

– когнитивные модели могут иметь вид схемы-алгоритма, которые указывают направление организации процесса [3, с. 87].

Организация дискурсивного процесса научного сообщества может быть представлена в виде модели на основе исследования семантических отношений внутри терминологической системы данной науки. Субъектом дискурса в данном случае является сообщество исследователей, которые постоянно находятся в процессе обмена знаниями или когнитивными множествами. Термины эксплицируют в речи эти знания. Построение когнитивно-дискурсивной модели научной терминологии также поможет исследовать особенности формирования и функционирования терминологии в дискурсе, выявить основные компоненты, из которых складывается значение лексической единицы, благодаря чему она входит в терминологическую систему определённой области знания.

Компоненты когнитивно-дискурсивной модели терминологии складываются в результате категоризации знаний и тематизируются в процессе общения.

В любом термине свернута информация об отрасли знания, в которой термин функционирует, а также о самом человеке, его деятельности в данной области, о его отношении к тому или иному предмету, процессу и т. д. Для правильной интерпретации термина необходимо четко представлять, какое место данный термин занимает в терминосистеме, какое явление он фиксирует и какова роль человека по отношению к данному явлению. В связи с этим можно представить знания о предмете или явлении, которые зафиксированы в значении самого термина, через следующую когнитивную модель:

В данной модели компонентами являются:

С – субъект, который и производит какое-либо действие – Д, но прежде чем его осуществить, субъект имеет определенную цель – Ц (цель действия), которая возникает в результате того, что субъект должен выполнять какие-то обязанности, функции – Ф. Любое действие направлено на какой-то объект – О, находящийся или перемещаемый на определенное место – М.

В значении любого термина эксплицитно или имплицитно присутствует данная информация, но у каждого термина в его модели более значим будет тот или иной компонент, либо несколько, в зависимости

от того, какая информация выходит на первый план при его наименовании.

Рассмотрим, как будет работать подобная модель на примере терминов археологии и, в частности, исследований первобытного искусства, которые представляют собою одно из направлений в археологии. Одним из центральных в археологической науке является термин «памятник». В Археологическом словаре Н. Г. Матюшина памятники археологии определяются как «все материальные остатки деятельности человека, найденные при раскопках; главные из них поселения, погребения и святилища», а далее дается более подробный список примеров памятников: «городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производства, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населённых пунктов» [13, с. 198 – 199]. Из данного определения можно выявить основные, хотя, возможно, не все компоненты когнитивной модели термина «памятник»: прежде всего, «археологический памятник» – это объект (О) («материальные остатки») деятельности 1 (Д1) («деятельность») субъекта 1 (С1) («человек»), а также деятельности 2 (Д2) («раскопки») субъекта 2 (не указывается, но пресупонируется учёный, исследователь, археолог). В разных контекстах также могут актуализироваться и другие компоненты, например, место (М) и функция (Ф): термин «курган» обозначает как определённым место, где проводятся раскопки, так и указывает на функцию данного памятника – захоронение. Наиболее важным компонентом в модели данного термина является компонент «субъект 1» – «человек», так как при помощи археологических памятников изучается жизнь древних людей. Данный компонент всегда будет имплицитно присутствовать в семантике термина, но в контекстах на первый план могут выходить другие компоненты его когнитивной модели.

Очень часто таким компонентом является «место». Термином «памятник» в археологии могут называть то место, где были найдены интересные исследователей предметы, и оно обязательно должно иметь своё название, которое часто совпадает с названием данной местности: «Продолжающиеся раскопки памятника Бойсмана II экспедицией Дальневосточного университета под руководством А. Н. Попова в 2000 – 2001 гг. принесли новые находки, впервые позволившие выделить персонажи и отдельные сюжеты мифов» [4, с. 86]. В данном примере мы видим, что памятником называют определённое место, которому было дано наименование от названия местности, где данный памятник располагается – вблизи бухты Бойсмана в Приморье. Данный памятник является местом (М) поиска, раскопок, то есть деятельности 2 (Д2), которую ведут специалисты, субъект 2 (С2), с целью (Ц2) обнаружения объекта (О) деятельности 1 (Д1) древних людей, то есть субъекта 1 (С1) и выявить функцию (Ф) данных объектов – мифологические персонажи, сюжеты мифов. За всем этим раскрывается более глобальная цель Субъекта 2 (исследователей) – описать особенности духовного мира древнего человека.

В следующем примере в семантике термина «памятник» актуализируется когнитивный компонент «объект»: *«Шалаболинские петроглифы как опорный памятник наскального искусства Среднего Енисея в силу своей уникальности являются ценным источником, характеризующим как материальную, так и духовную культуру древнего населения и, соответственно, имеют свою, богатую содержанием открытиями историю исследований»* [7, с. 428]. В данном примере когнитивный компонент «место» в модели термина «памятник» уходит с первого плана, хотя и имплицитно присутствует, так как указывается и местность (Средний Енисей) и название памятника – Шалаболино (от названия близлежащего села). Однако памятником здесь называют не место, а сам результат деятельности древних людей и объект изучения исследователей. На первом плане когнитивной модели выделяются компоненты «объект» и «деятельность», так как термином «петроглиф» обозначают изображения, созданные на поверхности скалы или камня методом выбивки. Таким образом, термин «петроглиф» указывает здесь на сами изображения и на то, каким образом были созданы эти изображения, которые являются памятником первобытной изобразительной деятельности.

В других контекстах памятником могут называть только сам объект изучения: *«Устная передача мифа и его воплощение в памятниках изобразительного искусства всегда находились в тесном взаимодействии»* [7, с. 75]. В данном случае памятник – это само изображение, наполненное определённым содержанием, то есть объект (О), который был создан (Д1) для, возможно, иллюстрации мифа (Ц1) и изучается (Д2) для воссоздания мифа (Ц2). Мы видим, что здесь отсутствует когнитивный компонент «место», который не представляет особой важности, так как речь идёт об изображениях в общем, а не только о тех изображениях, которые навсегда привязаны к определённой местности, такие как изображения на скалах и пещерных стенах.

Процесс перевода термина с одного языка на другой можно представить как процесс передачи информации, заложенной в одной языковой форме, в другую форму другого языка. Что же происходит с когнитивной моделью? Данная модель функционирует в одном культурном пространстве, а её необходимо передать в другое. Чем больше эти культурные пространства отличаются друг от друга, тем в большей степени будет отличаться национально-культурная специфика в той или иной терминологии, которая, в свою очередь, будет влиять на особенности вербализации вышеописанной когнитивной модели.

Если культурные пространства близки друг к другу, то актуализация когнитивной модели термина средствами другого языка не вызывает затруднений, то есть легко находится соответствующий эквивалент. Если культурные пространства значительно отличаются, то во времени трансляции информации в другое культурное пространство происходит сбой, то есть диссонанс. Задача переводчика преодолеть возникший диссонанс, а точнее, когнитивный диссонанс, когнитивный, поскольку он возникает в процессе по-

знания переводчиком иного культурного пространства, то есть в уме переводчика.

Выше мы рассмотрели, как функционирует когнитивная модель термина «памятник» в области археологической терминологии и, в частности, в терминологии исследований первобытного искусства, которое во многом изучается именно в рамках археологии. Данный термин является одним из центральных, базовых и используется с большой частотностью (2 случая употребления на 1 страницу текста), таким образом, переводчику текстов по первобытному искусству и археологии довольно часто приходится сталкиваться с этим термином. Для того чтобы перевести любой термин с одного языка на другой, необходимо отыскать эквивалент термина ИЯ (исходного языка) в ПЯ (в языке перевода). Однако, как уже было сказано, в контексте разных культурных пространств, даже в области научной терминологии, их когнитивные модели могут различаться, что значительным образом затрудняет для переводчика поиск эквивалента нужного термина в ПЯ. Именно с такой проблемой и сталкивается переводчик при передаче на английский язык русского термина «памятник» в текстах по первобытному искусству и археологии. В английской терминологии отсутствует термин, который бы был настолько всеобъемлющ, как термин «памятник». Однако нельзя сказать также, что он является абсолютно безэквивалентным, и его невозможно перевести на английский язык.

Эффективным способом решения данной переводческой задачи может быть построение когнитивной модели термина, что позволит выявить те компоненты, которые выходят на первый план в данном контексте, и найти эквивалент в ПЯ. Таким образом, в разных контекстах, где проявляются разные компоненты когнитивной модели термина «памятник», данный термин следует переводить разными терминами ПЯ.

В словаре Мультитран [www.multitrans.ru] предлагается переводить термин «памятник» в значении «памятник археологии» как «significant site». В словаре Merriam-Webster [www.merriam-webster.com] слово «site» определяется как «the area or space occupied by or intended for something» (область или пространство, занятое чем-то, либо предназначенное для чего-то), то есть через семантику данного слова актуализируется когнитивный компонент «место». Поскольку, как было показано выше, именно данный компонент выходит на первый план во многих случаях употребления термина «памятник», можно заключить, что именно термин «site» может быть использован для его перевода. Данное заключение подтверждается в англоязычных текстах по археологии и первобытному искусству, где используются такие терминологические сочетания, как «rock art site» и «archaeological site»:

«For instance, the local religious cult known as the 'antap was assumed to have produced rock art, and to have functions involving rock art, and some rock art sites are assumed to have been places of power» [2, с. 66].

«The majority of urban archaeological sites are composed of 'stratigraphic sequence'» [1, с. 7].

Однако в тех случаях, когда в русском языке на первый план в контексте выходит другой когнитивный компонент, например «объект» или «деятель-

ность», использование термина «site» не будет правомерным. Таким образом, в примере «Устная передача мифа и его воплощение в памятниках изобразительного искусства всегда находились в тесном взаимодействии» [8, с. 75] словосочетание «памятники изобразительного искусства», на наш взгляд, можно перевести более общим термином «visual art».

В некоторых контекстах, когда при употреблении термина «памятник» на первый план выходит когнитивный компонент «объект», можно прибегнуть и к приёму конкретизации при переводе. Например, сочетание «памятники мелкой пластики» можно перевести как «portable art objects».

Итак, основная проблема перевода терминов с русского языка заключается в унификации терминов в самой стране, а также «стыковка» терминов, выражающих одни и те же понятия в двух языках.

Как отмечает И. Д. Люткин, основная причина ошибок, допускаемых переводчиком при переводе специальных терминов, заключается в непонимании научной или технической сути предмета перевода в целом и термина в частности [12, с. 18]. Тем самым при актуализации когнитивной модели в рамках другой культуры на первый план выходит не тот компо-

нент, что ведет к неверному выбору термина, а следовательно, к искажению смысла.

Другим источником ошибок в переводе специальных терминов является полное несходство терминов в русском и английском языках [12, с. 18]. В данном случае, в разных лингвокультурах при актуализации когнитивной модели необходимо выделить разные ее компоненты, что связано в какой-то степени с традициями в данной области знания в том или ином языке.

Таким образом, перед переводом термина с одного языка на другой необходимо выяснить суть термина, выстроив его когнитивную модель. Далее следует уяснить значимость того или иного компонента для данной области знания в одной и другой культуре, затем попытаться найти соответствия терминов в разных лингвокультурах с учетом значимости компонентов, традиции в этой области в разных культурах.

Итак, учет когнитивной модели как механизма интерпретации термина позволит повысить качество перевода, поскольку при анализе данной модели просматриваются и учитываются причинно-следственные связи компонентов модели, которые, в свою очередь, раскрывают причинно-следственные связи, имеющие место в определенной области знания, то есть в реальной действительности.

Литература

1. Archaeological Site Manual. – London: Museum of London, 1994 – 128 p.
2. Bahn, P. Save the Last Trance for Me: An Assessment of the Misuse of Shamanism in Rock Art Studies / P. Bahn // The concept of Shamanism: Uses and Abuse. Edited by Henri-Paul Frankfort and Roberte N. Hamayon. Bibliotheca Shamanistica, vol. 10. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. – С. 51 – 94.
3. Баксанский, О. Е. Когнитивные науки. От познания к действию / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер. – М.: КомКнига, 2005. – 184 с.
4. Бородянский, Д. Л. Ворон, хозяйка моря и другие персонажи мифов в бойсманском искусстве / Д. Л. Бородянский // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – 4(12).
5. Дейк, Ван Т. А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов / Т. А. Ван Дейк // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 12 – 40.
6. Дианова, Г. А. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения) / Г. А. Дианова. – М.: ЕВРОШКОЛА, 2000. – 184 с.
7. Дроздов, Н. И. История исследования Шалоболинской писаницы / Н. И. Дроздов, А. Л. Заика // Мир наскального искусства: сб. докладов Международной конференции / под ред. Е. Дэвлет. – М.: Институт археологии РАН, 2005.
8. Дэвлет, Е. Г. Мифы в камне / Е. Г. Дэвлет, М. А. Дэвлет // Мир наскального искусства: сб. докладов Международной конференции / под ред. Е. Дэвлет. – М.: Институт археологии РАН, 2005.
9. Калашникова, Н. В. Термин как основная единица лексического состава научно-технических, военных и почтовых текстов / Н. В. Калашникова // Вестник Московского государственного областного университета. – № 2. – 2009.
10. Лейчик, В. М. К определению философских основ терминоведения // Отраслевая терминология и ее экстралингвистическая обусловленность: межвузовский сб. науч. тр. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1986.
11. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
12. Люткин, И. Д. Научно-технический перевод с русского языка на английский / И. Д. Люткин. – М., 1991. – 126 с.
13. Матюшин, Г. Н. Археологический словарь / Г. Н. Матюшин. – М.: Просвещение: Учеблит., 1996. – 304 с.

Информация об авторах:

Биякова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода КемГУ, 8 9131287988, smirnovanastia@inbox.ru.

Biyakova Svetlana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Interpretation and Translation of KemsU.

Гейер Виктор Юрьевич – ассистент кафедры теории и практики перевода КемГУ, 8 9236181099, yheyer@mail.ru.

Geyer Victor Yurjevich – assistant lecturer at the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

Смирнова Анастасия Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода КемГУ, 8 9133049910, smirnovanastia@inbox.ru.

Smirnova Anastasia Aleksandrovna – senior lecturer at the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

Строилова Алевтина Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода КемГУ, 8 9132884688, 310061@mail.ru.

Stroilova Alevtina Georgiyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

Тукмакова Оксана Петровна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода КемГУ, 8 9132991930, otumakova@yahoo.com.

Tukmakova Oksana Petrovna – senior lecturer at the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

УДК 811.167

КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА

И. А. Братухина

KINDS OF INFORMATION IN COURT SENTENCES

I. A. Bratukhina

В статье на материале судебного приговора анализируется текстовая категория информативности, которая с позиции коммуникативно-прагматического подхода понимается как единство трех компонентов: когнитивного, модального и текстуального. Рассматривается специфика каждого из них в тексте судебного приговора.

The article is devoted to the analysis of different kinds of information in court sentences. The author describes the semantic structure of the text which comprises three components: cognitive, modal and textual.

Ключевые слова: текст, категория информативности, когнитивный, модальный и текстуальный компоненты.

Keywords: text, information, cognitive, modal and textual components.

Начиная со второй половины XX века, текст становится основным объектом исследования лингвистов. Сложность и многомерность данного феномена предопределили формирование нескольких подходов к его анализу: грамматического, семантического, прагматического и коммуникативно ориентированного, а в последнее время – когнитивно-дискурсивного. Очевидно, что для каждого из подходов характерны свои собственные цели и задачи.

Первоначально в рамках структурно-семантического подхода особое внимание лингвистов было направлено на выявление формально-грамматических критериев организации текста и формальных способов выделения, соединения и функционирования его фрагментов на гиперсинтаксическом уровне. Становление коммуникативно-прагматической парадигмы в языкознании привело к тому, что текст стал пониматься как деятельность, как единица, несущая когнитивную, информационно-семиотическую, психологическую и социальную нагрузку.

В современных исследованиях текст рассматривается как важный элемент коммуникативной системы, существующий в системе дискурса, внимание лингвистов переключается от внутриязыковой структуры к процессам ментального отражения действительности и переработки знаний.

Целью данной работы является попытка переосмысления категории информативности текста с позиции коммуникативно-прагматического подхода.

Информативность – это важнейшая текстовая категория, которая выделяется абсолютно всеми исследователями, несмотря на то, что в целом перечень текстовых категорий в работах разных лингвистов может не совпадать.

При структурно-семантическом подходе к исследованию текста признак информативности рассматривался в статическом («общезыковом») аспекте. Так исследовался характер передаваемой информации, выделялись ее разновидности, анализировалась степень информационной насыщенности сообщения (см. работу Гальперина).

И. Р. Гальперин, ориентируясь прежде всего на художественный текст, выделил три вида смысловой информации: содержательно-фактуальную (СФИ), в которой эксплицитно представлены в четкой хронологической и логической последовательности все события и факты, изложенные в тексте; содержательно-концептуальную (СКИ), которая раскрывает замысел автора (концепт текста), она выражается опосредованно, имплицитно; содержательно-подтекстовую (СПИ), которая складывается из отдельно дистантно расположенных импликаций, относящихся к тексту в

целом, она связана с имплицитным способом организации информации в тексте.

Судебный приговор – жанр официально-делового стиля, конструктивным принципом которого считается предписующе долженствующий характер, точность, не допускающая инотолкования, и однозначность, поэтому в данном тексте единственно возможной является содержательно-фактуальная информация, подтекст и концептуальная информация в документе неуместны.

В рамках коммуникативно-прагматического подхода к тексту эта языковая единица стала пониматься как особая информационная система, функционирующая в процессе коммуникации, и признак информативности стал трактоваться не просто как способность текста к передаче какой-либо информации, а как признак, определяемый позициями участников коммуникации.

Так, Т. М. Дридзе замечает, что «оценкой информативности текста служит мера адекватности интерпретации реципиентом замысла, цели, основной идеи сообщения, коммуникативного намерения его автора» [4, с. 85]. Информативность предполагает не просто какое-то количество информации в тексте, а лишь ту смысловую информацию, которая будет адекватно воспринята реципиентом и при этом будет отвечать замыслу автора. В соответствии с этим выделяют первичную и вторичную информативность текста. Наличие первичной информативности в тексте признается в том случае, если адресат речи сумел распознать коммуникативное намерение автора. Если же реципиент не смог адекватно интерпретировать авторский замысел, но при этом получил для себя новую информацию, которую Т. М. Дридзе называет «побочной», то тогда говорят о вторичной информативности текста. Очевидно, что условием эффективной коммуникации является способность адресата вычленив из текста именно то содержание, которое формирует первичную информативность речевого произведения.

Судебный приговор относится к тому виду текстов, которые бесспорно обладают первичной информативностью, поскольку авторская интенция в нем репрезентирована максимально эксплицитно. Третья часть судебного приговора, называемая резолютивной, четко формулирует авторский замысел – предписать адресату речи модус поведения, причем данное предписание носит жесткий характер – оно должно быть выполнено независимо от воли субъекта. Это предписание всегда передается следующей речевой формулой: «На основании изложенного и руководствуясь статьей (или статьями ...), судебная коллегия приговорила...».

Т. В. Матвеева, рассматривая функциональные стили современного русского языка через призму текстовых категорий, использует понятие «информационная программа», которая трактуется как отражение в тексте одной из трех составляющих акта коммуникации – говорящего, слушающего и предмета речи [5, с. 15]. В зависимости от характера информации и аспекта коммуникации выделяется рациональная, прагматическая и оценочная информации.

Рациональная программа содержит информацию о предмете речи, т. е. отражает связь «текст – денотат

текста»; оценочная программа эксплицирует точку зрения говорящего, т. е. отражает связь «текст – субъект текста»; прагматическая программа репрезентирует авторский расчет на восприятие текста адресатом.

Данные информационные программы характерны для всех текстов, но степень важности и представленности каждой из них зависит от функционально-стилевой и жанровой принадлежности текста. Так, например, в текстах научного стиля ведущую роль играет рациональная программа (за исключением некоторых жанров, где на первый план может выдвигаться оценочная программа); в официально-деловом стиле в большинстве случаев рациональная и прагматическая программы одинаково важны, при том, что оценочная иногда может быть свернута практически до нуля, для публицистического стиля характерно равное положение всех трех видов информации при ведущей роли оценочной. В анализируемом тексте судебного приговора представлены все три вида информации.

Очевидно, что ведущей является прагматическая программа, цель которой – предписать способ поведения подсудимому. Однако это предписание возможно только после оценки совершенных деяний. Данная оценка носит особый характер, ее можно определить как рациональную, интеллектуальную, аргументированную, основанную на правовых нормах. Все действия подсудимого оцениваются не с позиции хорошо/ плохо, не с позиции моральных или этических норм, а с точки зрения соответствия поступков Уголовному кодексу Российской Федерации. При этом оценке подвергаются не только поступки подсудимого, но и поведение всех участников судебного процесса: свидетелей, потерпевших, представителей стороны обвинения. Например: «Суд **критически** относится к показаниям свидетеля С, данным им в судебном заседании, **поскольку** суд считает, что С. дал неправдивые показания с целью зацелить позицию подсудимых, **потому что** является их знакомым»; «Суд **критически** относится к непризнанию вины подсудимыми, **поскольку** их пояснения опровергаются протоколом осмотра места происшествия и заключением эксперта»; «Суд **согласен** с квалификацией действий подсудимых, предложенной органами предварительного следствия»; «Показания подсудимых в части непризнания вины и оказания на них давления **опровергаются** протоколами задержания, согласно которым подсудимые были задержаны в присутствии адвокатов, с задержанием были согласны». Из представленных примеров видно, что оценка суда выражается всегда прямо, недвусмысленно, с приведением аргументов.

Чтобы оценить совершенные деяния, необходимо подробно описать все обстоятельства дела, поэтому рациональная программа в тексте судебного приговора представлена полно и развернуто. Фрагмент действительности, в рамках которого произошло преступление, воссоздается во всех подробностях, в четкой хронологической последовательности, что способствует проявлению такой стилиевой черты официально-делового стиля, как объективность.

М. А. К. Халлидей, рассматривая текст как «семантический концепт», определяет три основные характеристики ситуации, в которой он функционирует:

- 1) социальная деятельность, в которую включен текст;
- 2) ролевые отношения между участниками коммуникации;
- 3) лингвистический способ представления информации.

В соответствии с ними он выделил идеационный, интерперсональный и текстуальный компоненты содержания текста [1, с. 86]. Опираясь на данную схему, учитывая достижения коммуникативного синтаксиса и внося некоторые терминологические уточнения, А. Г. Баранов включает в информационное пространство текста такие компоненты, как **когнитивный, модальный и текстуальный**.

Когнитивный компонент «отражает фрагмент действительного или / и возможного мира в его преломлении в сознании субъектов текстовой деятельности, соотносённый с конкретной социокультурной средой и замыслом автора» [1, с. 87]. Это информация о предметах, объектах действительности и их связях.

Когнитивный компонент текста судебного приговора репрезентируется как подробное, детальное, всестороннее (т. е. с учетом показаний всех свидетелей) описание фрагмента действительности, в рамках которого произошло преступление. В общем-то, это то, что в гносеологической традиции исследования текстов называют особенностями диктумного содержания.

В содержательном плане выделяют, как правило, два вида модальности – объективную и субъективную. Объективная модальность – это отношение содержания высказывания к действительности. Значение ее определяется противопоставлением «реальность/ ирреальность». Последняя может иметь ряд частных значений – возможности, необходимости, желательности и т. д. Субъективная модальность выражает отношение говорящего к содержанию высказывания. Основное ее значение формулируется как субъективная уверенность в достоверности информации. Функционально-прагматическое направление рассматривает категорию модальности через призму отношений субъектов текстовой деятельности – автора и реципиента. Данный подход опирается на изучение модальности в логике и психологии. По мнению многих ученых, именно логический взгляд на проблему модальности оказывает огромное влияние на современную лингвистику. В рамках функционально-прагматической парадигмы формируется текстоцентрическая концепция модальности, в которой содержание и объем данной категории определяются разнообразными отношениями между компонентами и участниками текстовой деятельности: автором, реципиентом, текстом и действительностью. Отношение автор – адресат предопределяет характер **межличностной (интерсубъективной)** модальности; отношение автор – текст формирует специфику **субъективной** или **субъективно-оценочной** модальности и, наконец, отношение текст – действительность репрезентирует характер **референтивной** модальности.

Исходя из основных положений функционально-прагматической концепции текста, попытаемся опре-

делить специфику категории модальности судебного приговора.

Отношения межличностной субъективной модальности являются «проявлением гносеологически-психологических установок автора текста, направленных на описание мира, изменение мира и его оценку с целью повлиять на интеллект, волю и эмоции реципиента» [Баранов, 1993, с. 101]. Соответственно выделяют деонтический, эпистемический и аксиологический типы межличностной модальности.

Интерсубъективная модальность судебного приговора – деонтическая (т. е. предписывающая), но при этом содержащая элементы эпистемической (описывающей) и аксиологической (оценивающей). Очевидно, что доминирующей будет являться именно деонтическая модальность, поскольку главная цель анализируемого текста – вынести приговор, но при этом действия подсудимого оцениваются судом (квалифицируются в соответствии с законом), поэтому аксиологическая модальность также проявляется в данном речевом произведении.

Субъективная или субъективно-оценочная модальность обусловлена отношением автора к содержанию текста. Для автора судебного приговора характерна модальность полной уверенности в справедливости выносимого приговора и полное отсутствие какого-либо эмотивного компонента. Анализируемый жанр не допускает никаких авторских субъективных оценок.

Третий тип модальности (референтивная) задается отношениями когнитивного компонента текста к действительности и характером интерсубъективной модальности. В данном случае основная дихотомия в содержании модальностей – реальность// ирреальность. Содержание анализируемого текста приговора всегда отражает только реальные факты и события действительности, причем эта реальность, как уже было отмечено, всегда доказывается, фиксируется в тексте как бы с разных углов зрения. В данном случае референтивную модальность можно определить как четкое соответствие действительности содержанию текста.

Текстуальный компонент «репрезентирует текстоформительный потенциал, при помощи которого автор придает тексту структуру» [1, с. 87]. Можно сказать, что этот компонент предопределяет собственно лингвистическое своеобразие текста.

Судебный приговор – один из жанров официально-делового стиля. Строго определенная тематика, целевая установка на констатацию и предписание, ситуация официального общения определяют преимущественное использование языковых средств делового стиля. Но, кроме того, язык этого документа испытывает значительное влияние разговорной речи.

Это обусловлено, на наш взгляд, противоречием между письменной формой реализации приговора и устным источником той информации, на основе которой приговор создается, а также содержательными особенностями этого жанра. Процедура составления приговора не проста и имеет свою специфику. Это итоговый документ, завершающий судебное разбирательство, он продуцируется на основе обвинительного заключения, включает в себя данные различных экс-

пертиз, показания свидетелей, потерпевших и т. д. Отсюда и причудливое переплетение стилистических средств разных функциональных стилей – официально-делового, разговорного, а в некоторых случаях и научного.

Как показывает анализ материала, при описании бытовых подробностей произошедшего чаще всего используются элементы разговорной речи, поскольку довольно трудно передать низменные поступки, выходящие за рамки понимания нормальных людей, мелкие бытовые подробности, используя при этом только средства литературного языка. И судьи, как правило, не утруждают себя поисками литературного варианта, а активно используют разговорные, а иногда и просторечные элементы.

Вводная и резолютивная части приговора наиболее полно отвечают требованиям, предъявляемым официальному документу. Они имеют четко оформленную структуру и довольно устойчивы в плане языкового воплощения и содержания: в первой части дается информация о составе суда и необходимые сведения о подсудимых, в последней – формулируется решение суда. В обоих случаях существует уже отлаженная схема передачи этой информации. Судья со стажем очень хорошо владеет данной схемой и трудностей при оформлении вводной и резолютивной части не испытывает. Именно здесь активно используются устойчивые клишированные конструкции и общепринятые в деловом стиле сокращения: ст. – вместо статья, ч. – часть, п. – пункт, УПК – уголовно-процессуальный кодекс и т. д.

Можно сказать, что первая и последняя части приговора создаются по типу документа-трафарета: в них можно выделить информацию постоянного характера и переменные данные. «Трафарет – традиционная, линейная запись, но с пробелами, которые заполняются переменной информацией» [6, с. 7].

Наиболее сложна описательная часть приговора, что обусловлено как объемом, так и характером передаваемой информации. Именно здесь наблюдается использование элементов разговорной речи, а в некоторых случаях – научного стиля.

Обычно элементы научного стиля эксплицируются в тексте приговора через выдержки из данных судебно-медицинских экспертиз. Например: «Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы потерпевшей была причинена закрытая черепно-мозговая травма в виде ушиба головного мозга тяжелой степени, церебральная форма первой степени, субарахноидальное кровоизлияние, ушибленные раны левой теменной височной и затылочной областей, гематома в области левого глаза».

Элементы разговорной речи, как уже было отмечено, чаще всего используются при описании обстоятельств произошедшего. Кроме того, это происходит, когда события описываются со слов свидетелей. Специфика содержания судебного приговора такова, что совершенное преступление или преступления освещаются с позиции всех его участников: потерпевших, самих подсудимых, свидетелей и, плюс к этому, все эти свидетельства подтверждаются (либо не подтверждаются) данными различных экспертиз, результатами осмотра места происшествия и т. д. Именно в тех

случаях, когда о преступлении рассказывают свидетели, потерпевшие или подсудимые, в текст приговора проникают элементы разговорной речи и просторечия: «Допрошенный в судебном заседании подсудимый Ч. вину в совершении преступления признал частично и показал, что... (далее с его слов подробно описываются все обстоятельства совершенного им деяния; приведем в качестве примера лишь те предложения, которые представляют для нас интерес в связи с вышесказанным). «Чтобы потерпевшая перестала кричать, он придавил её подушкой, порвав ночнушку, и, возможно, ударил при этом локтем». Использование номинации *ночнушка* вместо *ночная рубашка* характерно именно для устной разговорной речи, а не для письменного кодифицированного языка. «Поскольку Ф. был слабее, он боялся Иванова и старался ему не перечить» (глагол *перечить* имеет разговорную окраску).

Иногда, вероятно, сознавая неуместность употребления разговорной и просторечной лексики в официальном документе, авторы приговоров берут в кавычки подобные лексемы: «По словам свидетеля, подсудимый ворвался в дом, держа в руках нож и угрожая тем, что всех будет "мочить"». «Допрошенный С. суду пояснил, что он видел, как подсудимый бил потерпевшего по голове каким-то предметом, а затем сообщил всем, что он, т. е. С., "вырубил" потерпевшего». Можно предположить, что появление подобной лексики вызвано стремлением судей подчеркнуть циничность совершенных преступлений и желанием негативно охарактеризовать подсудимых.

Интересен тот факт, что при изложении результатов экспертизы, при ссылке на протоколы выемки или осмотра места происшествия элементов разговорной речи значительно меньше, и довольно часто одни и те же предметы в тексте приговора обозначаются разными по своей стилистической окраске лексемами, в зависимости от источника информации: если это подсудимый или свидетель, то чаще употребляется вариант, характерный для устной разговорной речи, если же это данные из протокола выемки или осмотра места происшествия, то, как правило, появляется литературный вариант. Например, в показаниях подсудимого используется метонимическая номинация *золото*, характерная для устной речи, а при упоминании протокола выемки в тексте приговора появляется другой вариант – *золотые изделия*. «По словам подсудимого, придя домой, он спрятал золото в печи, а куртку, которая была в крови, бросил в колодец», «В протоколах выемки зафиксирована выемка куртки из колодца и золотых изделий из печи». На наш взгляд, это объясняется спецификой создания судебного приговора, который в силу своей вторичности базируется как на письменных документах (протоколы осмотра места происшествия, протоколы выемки, результаты судебно-медицинской экспертизы, и в этом случае элементов разговорной речи в тексте приговора очень мало), так и на устных показаниях участников судебного разбирательства (о чем уже было сказано выше).

Таким образом, судебный приговор – это жанр официально-делового стиля, информационное поле которого представляет собой сложное единство когнитивного, модального и текстуального компонентов.

Литература

1. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов на/Д, 1993.
2. Гак, В. Г. О семантической организации текста / В. Г. Гак // Лингвистика текста: материалы науч. конф.: в 2 ч. – М., 1974. – Ч. 1.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1982.
4. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т. М. Дридзе. – М., 1984.
5. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990.
6. Рахманин, Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов / Л. В. Рахманин. – М., 1988.

Информация об авторе:

Братухина Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8-913-304-40-80, jap72@mail.ru.

Bratukhina Irina Anatolyevna – senior lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 811

ПОЛИСЕМИЯ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА КАК РЕЗУЛЬТАТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НОМИНАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

О. А. Булгакова

POLYSEMY OF A DERIVATIVE WORD AS A RESULT OF THE REALITY CATEGORIZATION IN THE HUMAN NOMINAL ACTIVITY

O. A. Bulgakova

В статье поднимаются вопросы когнитивного описания полисемии. На примере полисемии производного слова обсуждается проблема прототипического характера полисемантических структур.

The article considers the questions of cognitive description of polysemy. The problem of prototypical character of polysemous structures is discussed through the example of polysemy of a derivative word.

Ключевые слова: полисемия, категоризация, прототип, пропозиция, концептуальные структуры.

Keywords: polysemy, categorization, prototype, proposition, conceptual constructions.

Речевая деятельность человека по созданию номинаций опирается на его знания о языковом видении мира. Языковая картина мира двуедина по своей природе. С одной стороны, она отражает отношения внеязыковой действительности, с другой стороны, воплощает результат восприятия мира говорящим. Впервые наблюдаемое событие мы осознаём через восприятие, через сравнение с уже знакомой, прошедшей через восприятие ситуацией. Возникающие у человека ассоциации по сходству (сравнения) или ассоциации по смежности позволяют рассмотреть языковые механизмы мышления человека.

Представления, возникающие в мозгу индивида, ассоциируясь друг с другом, группируются в некоторые постоянные и вместе с тем подвижные системы. В производном слове системные связи реализуются через соотношение с семантикой мотивирующего и форманта. Подведение нескольких смыслов под одну форму, отражающее асимметрию языкового знака, проявляет особенности языкового мышления, жесткую логику референции и ассоциативных переносов. Язык, репрезентируя адекватное представление знака в различных интерпретациях, способен вместить в себя всё богатство и разнообразие концептуальной картины мира за счет существования полисемантов, по-

скольку полисемия – способность формы категоризовать различные знания.

Вторичная номинация, созданная по определённым ономазиологическим правилам, выявляет формально-семантическую обусловленность производного слова. Как правило, морфемы многозначного деривата сами по себе уже полисемантны, что даёт возможность развиваться полисемии (ср. значения аффиксов -к(а), -ник, -чик, -л(о), -ин(а) и др.). Если же суффикс однозначный, то полисемия развивается за счет конкретизации содержания в результате неоднократной мотивации в одном аспекте. Так, в Кемеровских говорах производные с формантом -к(а) неоднократно номинируются в аспекте результата или средства действия. Например, долблѣнка – «Были лодки – долблѣнки, выдалбливали их из лесины». «Долблѣнки – лодки выдалбливают, потом корыта свиней кормить». «Долблѣнку выдолбят для пчёл» или тѣрка – «На тѣрке натрѣшь картошку, яичко разобьѣшь, мучки подсыплешь и жарить на сковородке». «Очищают шишки специальным приспособлением – вертушкой. И тѣрки специальные применяют». Отсылочная часть, выявляемая во вторичной номинации, также может реализовывать многообразные смыслы, заложенные в ней самой природой языка, и перехо-

дять в производный знак. Ср.: в Кемеровских говорах полисемант выборка, лексический и синтаксический дериваты которого не соотносятся друг с другом, так как образованы от разных ЛСВ глагола выбирать, относящихся к разным ЛСГ глаголов: выборка 1 – «Дно портили у реки: выборку гравия делали» – выбирать 4 (ЛСГ глаголов физического воздействия) «Мы выбрали камни с поля, а отец пахал», выборка 2 – «Она у нас выборка: тот жених ей не хорош, этот не нравится» – выбирать 1 (ЛСГ глаголов интеллектуальной деятельности) «Раньше женихов не выбирали, просят родители и всё...».

Исследователи сходятся во мнении, что значения слов соотносимы с определенными блоками знаний, что способствует лучшему восприятию информации. Эти когнитивные механизмы Ч. Филлмор и М. Минский называют фреймами, Ж. Фоконье и Дж. Лакофф – ментальными пространствами, а Р. Лангакер – когнитивными областями [3; 4; 10, с. 123 – 131; 12, с. 1 – 25].

Из всех структур представления знаний в лингвистике наибольшее распространение получило понятие «фрейм», которое первоначально использовалось в области моделирования искусственного интеллекта, предтечей которого считают «схему» Ф. Барлетта, полагающего, что при восприятии любой информации индивид использует готовые структуры, которые значительно облегчают запоминание и хранение в памяти. Получая новую информацию, человек сравнивает её с уже имеющейся, определяя место этого нового в системе существующих данных [9].

В качестве лингвистической концепции фреймовая семантика была предложена Ч. Филлмором и М. Минским в середине 1970-х гг. Понятие фрейма как структуры данных, предназначенной для представления в голове человека определенной стереотипной ситуации, было введено М. Минским [12, с. 1 – 25]. По мнению Ч. Филлмора, лексическое значение слова передает определенную сцену (или ситуацию), которая соотносится с фреймом знания посредством «перспективы» или фокусировки внимания на отдельных элементах фрейма. Каждый фрейм содержит множество терминалов, к которым присоединяются другие фреймы. Внутренняя структура фрейма представлена разветвленной конфигурацией слотов и признаков и их значений, которые могут иметь статус «по умолчанию», «по выбору» или представлять собой другой фрейм. Значения «по умолчанию» представляют типичные знания, которые считаются истиной во всех случаях, кроме тех, на которые отдельно указано. Вершинные уровни фрейма (его ядро) соответствуют постоянным для данной ситуации понятиям [10]. Каждый индивид имеет свой набор фреймов, который формулируется на протяжении всей жизни человека под влиянием различного культурного, социального и профессионального окружения. Фреймы одновременно являются носителями как универсальной, так и специфической информации.

Сложность структуры фреймов, трудность определения границ между ними потребовали рассмотрения этого понятия через призму теории прототипов. В

этом случае фрейм интерпретируется как сущность, в основе которой лежит какая-то норма, прототип, формирующий концепт, имеющий абстрактный характер, иерархически организованный и эксплицирующий стандартное положение дел.

В основе многозначного деривата всегда лежит прототипическое соединение формы и содержания. Разветвление семантической структуры производных полисемантов определяется отклонением от «семантических примитивов» и показывает, как может трансформироваться прототип. Человеческое мышление через референцию к прототипу способно преобразовывать языковую единицу за счёт её обрастания новыми смыслами.

Сторонники экспериенциальной лингвистики полагают, что полисемантическая структура слова представляет собой прототипическую категорию, являясь наиболее ярким и в то же время самым распространенным ее видом, в котором значения слова входят в категорию на правах ее членов.

Теория прототипов позволяет глубже понять сущность лексического значения и полисемии как языкового явления, найти объяснение многим ее свойствам, описываемым в лингвистической литературе. Так, теория о прототипическом характере концептуальной структуры позволяет решить многолетний спор о наличии/отсутствии инварианта в семантической структуре слова следующим образом: оба случая могут иметь место, поскольку концептуальные категории могут иметь как классический, так и прототипический характер. Полисемант может представлять собой категорию, где все значения разделяют или не разделяют общее ядро признаков, образующее некий семантический инвариант, но связаны при этом каким-либо другим образом, при котором значения могут соотноситься одно с другим лишь опосредованно. Такая характеристика прототипической концептуальной категории, как центральность и периферичность входящих в нее членов, определяемая степенью их близости к прототипу, объясняет такие свойства семантической структуры слова, неоднократно указываемые лингвистами, как разный статус лексико-семантических вариантов, возможность их ранжирования, выделения центрального/центральных членов и периферии.

Такое свойство прототипической категории, как открытость, готовность к включению новых членов, достаточно отдаленных по характеру и свойствам от прототипического, позволяет понять причину семантической варьированности слова, а также способности к высокой степени полисемии и возможности присутствия в ней самых разнообразных, в том числе нетипичных, индивидуальных для каждого слова, или сингулярных, значений.

Само наличие полисемии объясняется возможностью существования в сознании категорий прототипического характера, т. е. возможностью существования такого концептуального объединения, в котором отдельные члены находятся в отдаленной и не обязательно непосредственной связи один с другим, связи, напоминающей семейное сходство.

Именно отношения семейного сходства связывают между собой лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначных дериватов, сформировавшихся на основе межсловной деривации двумя способами:

а) в результате неоднократной реализации словообразовательной модели (например, свекольник – «суп из свеклы», «квас из свеклы», «пирог из свеклы», «сорная трава с красным корнем, как у свеклы»), т. е. в результате межсловных метонимических и метафорических переносов от одного или нескольких ЛСВ мотивирующего слова, при этом ЛСВ производного слова соотносятся друг с другом только через образующий их мотиватор;

б) вследствие мотивации от разных слов гнезда (например, грибник → грибница «женск. к грибник», гриб – грибница «место, где растут грибы», «споры грибов», «жареные грибы»).

Многозначный дериват, имея единое ономаσιологическое строение, способен подвести под одно «тело знака» несколько ЛСВ, точкой сопряжения которых является значение мотивирующего слова, входящее в семантику мотивированного, тем самым в структуре производного отображаются в знаковые функции интегративные концептуальные пространства. Полисемантическая структура проявляет все признаки прототипической категории, но не исчерпывается ими. В прототипической категории составляющие ее члены могут различаться по параметру близости к прототипу, но тем не менее все они в большей или меньшей степени представляют этот прототип и образуют одну категорию, поскольку не относятся сознанием к другой, граничащей и соперничающей с ней категории.

Производное значение в слове в значительной степени ожидаемо, предсказуемо. Так, формирование семантики производного полисеманта, на наш взгляд, определяется следующими факторами:

- 1) частеречной принадлежностью мотивированного и мотивирующего,
- 2) принадлежностью мотиваторов к определенной тематической или лексико-семантической группе,
- 3) репертуаром типизированных пропозиций, составляющих фреймы мотивирующих лексем,
- 4) функциональной семантикой форманта, оформляющего данное слово (подробнее см. [1]).

Таким образом, характер отношений между членами полисемантической категории, с нашей точки зрения, иной, нежели простое отношение сходства. Полисемантическое слово относится к макроструктурам – объединениям нескольких категорий на основе логических заключений, между которыми имеют место самые разнообразные отношения: от подобия (условной эквивалентности) и гиперо-гипонимии до импликации и фреймового охвата.

Полисемия – это одно из основных свойств языка, и она является результатом таких важнейших когнитивных процессов, как концептуализация, категоризация и номинация.

Каждый естественный язык членит мир по-своему, т. е. имеет свой специфический способ его концептуализации. «В основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в со-

ответствии с этой моделью» [6, с. 3]. Ономаσιологическая структура, осознаваемая говорящим в процессе порождения и воспроизведения слова, способствует фиксации в полисеманте различных интерпретаций, удерживаемых формой. Ономаσιологический принцип «двусторонней референции» производного слова (к миру слов и к миру действительности) позволяет компактно представить определённый фрагмент картины мира во всём многообразии таксономических закономерностей.

Ассоциации по сходству и смежности (метафорический и метонимический переносы) отражают логику не только языкового механизма, но и устройства человеческого мозга, поскольку в противном случае многозначный дериват «не прижился» бы в узусе. Человек рождается с уже «встроенным» механизмом абстрактных категорий, эти категории либо заложены в сознании изначально, либо приобретаются человеком в первые годы жизни, но так или иначе присущи всем [7]. Данные категории реализуются в пропозициях, заполнение которых рождает определённую семантическую интерпретацию картины мира. Процесс формирования пропозиций как универсальных когнитивных единиц включает, по У. Чейфу, выделение предметов из событий и ситуаций и приписывания ролей этим предметам [8]. Поэтому пропозиция представляет собой промежуточное звено в процессе категоризации, связывающее событие или ситуацию с языковой единицей, которой она репрезентируется. Расположение информации в виде пропозиции удобно для функционирования памяти, поскольку происходит экономия её ресурсов, а суждения, содержащиеся в дефинициях каждого многозначного деривата, становятся возможными благодаря наличию предиката, в результате чего объяснение устройства производного полисеманта происходит за счет экспликации фреймовых структур. В зависимости от того, какую схему выберет человек для построения своего высказывания, экспонируется тот или иной «сценарий», фрейм, обыгрывается та или иная ситуация.

Использование пропозиционального подхода позволяет дать системное видение деривационных процессов, поскольку актуализированные в мотивированном слове компоненты пропозиции, представленные эксплицитно, и связывающие их отношения составляют суть словообразовательного значения производных слов. В рамках одного словообразовательного типа может реализовываться несколько событийных пропозиций, что создаёт предпосылки для развития многозначности у производных лексем. Например, ночник 1 – слабо горящая лампа, зажигается ночью – «субъект – инструмент – предикат – время»; ночник 2 – человек, который выполняет какой-нибудь вид работы ночью – «субъект – предикат – время»; ночник 3 – вечеринка, проведение времени где-либо ночью – «предикат – субъект – время». Полисемия развивается за счет конкретизации субъекта (лампа – человек) и действия (зажигать – работать – проводить время, развлекаться). Такой путь развития семантической структуры характерен для полисемантов, образованных в результате межсловной деривации.

Вторым продуктивным механизмом в образовании производных полисемантов является взаимодействие межсловной и внутрисловной деривации. На уровне словообразования продуктивен механизм межсловной метонимии, а на уровне семантики – метафорический перенос. Например, заклёпка 1 – действие по глаголу заклепать – «действие – субъект – объект – средство» – «Заклёпку обода я сам делал» (Кем., Ел.); заклёпка 2 – металлическое приспособление для соединения деталей – «средство – действие – субъект – место» – «На ней заклёпки механические» (Кем., Ел.). Третье значение лексемы заклёпка «человек, который во всё вмешивается» – «Заклёпка он, в каждое дело суётся, без него ничё не обойдётся» (Кем., Ел.) – появилось в результате внутрисловного метафорического переноса, реализующего пропозицию логического типа:

- 1) человек вмешивается (суёт свой нос) в каждое дело,
- 2) приспособление, применяемое для соединения металлических частей путём засовывания его в специальное отверстие,
- 3) человек и приспособление имеют сходство в функциональном предназначении.

Пропозициональный анализ показывает, как представляют в сознании человека концептуальные структуры.

Когнитивный подход предлагает свой способ описания многозначности, в каком-то смысле промежуточный: «Введение инвариантного значения в лингвистическое описание считается в принципе допустимым, поскольку инвариант может существовать в сознании носителей, облегчая человеку восприятие концепта...; инвариант, однако, не покрывает всего разнообразия употребления языковой единицы – это только некая абстрактная идея, связанная с данным значением» [5, с. 382]. Не покрывает всё многообразие контекста употреблений полисеманта и прототипическое значение, так как оно охватывает только самые типичные и частотные употребления. ЛСВ многозначного слова образуют «цепь» или «сеть» значений языковой единицы, так как они не случайны и не произвольны и могут «порождать», в свою очередь, одно или несколько новых значений. Например, значения производного полисеманта попуччик:

1. Спутник в пути, дороге.
2. Человек, который временно присоединяется к какому-либо обществу.
3. Аксессуар, нечто сопутствующее чему-либо, связаны двумя типами отношений:
 - во-первых, это отношения спецификации: ЛСВ 1 «спутник в пути, дороге» и ЛСВ 2 «человек, который временно присоединяется к какому-либо обществу» – виды «лиц – спутников»;
 - во-вторых, это отношения расширения значения: ЛСВ 3 «аксессуар» – это не «лицо – спутник», а «нечто сопутствующее в чём-либо».

Таким образом, отношения между значениями не равноправны, неравноправны и сами значения: «нечто сопутствующее в чём-либо» – инвариант, а «спутник в пути, дороге» – прототип.

С позиций когнитивизма лексическое значение рассматривается как отражение определённых, зафиксированных в языке пластов знаний и опыта, тесно связанных с деятельностью человека. Когнитивный подход предусматривает систематизацию всех типов знаний, заложенных в структуре слова и связанных с познавательной деятельностью человека. Когнитивный анализ позволяет выявить, какая структура знаний фиксируется в лексической единице, как осуществляется в слове сжатие и развертывание знания и как проявляется различная степень его детализации.

Таким образом, полисемия производного слова с позиций двустороннего антропоцентризма есть категоризация, потому что «значения слов образуют категории и вступают друг с другом в отношения семейного сходства» [2, с. 15]. Само наличие полисемантичных схем, фиксирующих информацию о мире, показывает, что эти схемы семантической памяти «разворачивает» человек. Используя готовые модели полисемантов, индивид создаёт новые многозначные дериваты, осознавая ту концептуальную информацию, которую несёт полисемант, его ономазиологическую структуру, релевантность каждого составляющего уровня иерархии производного знака культурным традициям и стереотипам.

Литература

1. Булгакова, О. А. Полисемия суффиксальных субстантивов (на материале кемеровских говоров): дис. ... канд. филол. наук / О. А. Булгакова. – Кемерово, 1994.
2. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М., 1995.
3. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – Вып. XXIII.
4. Лангаккер, Р. У. Когнитивная грамматика / Р. У. Лангаккер. – М., 1992.
5. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М., 2002.
6. Урысон, Е. С. Языковая картина мира VS. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. С. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2.
7. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М., 1972.
8. Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. – М., 1983. – Вып. 12.

9. Bartlett, F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology / F. C. Bartlett. – Cambridge, 1932.
10. Fillmore, Ch. J. An alternative to checklist theories of meaning / Ch. J. Fillmore // BLS. – 1975. – Vol. 1.
11. Fillmore, Ch. J. The case for case reopened / Ch. J. Fillmore // Grammatical relations. – New York, 1977. – С. 59 – 81.
12. Minsky, M. A. Framework for representing knowledge / M. A. Minsky // Frame conceptions and text understanding. – B., 1980.

Информация об авторе:

Булгакова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8(3842)71-40-70.

Bulgakova Olga Anatolyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 81'23

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ

О. В. Буракова, Е. В. Кушина

A POLITICAL TEXT AS THE REFLECTION OF THE AUTHOR'S AXIOLOGICAL PRESUMPTION

O. V. Burakova, E. V. Kishina

В статье анализируются особенности отражения оценочных высказываний в политической коммуникации. Выделяются факторы, влияющие на характер, тип и средства выражения оценки с позиции автора политического текста.

The article deals with the peculiarities of axiological statements in political communication. The factors influencing the character, type and means of expressing assessment by the author of a political text are pointed out.

Ключевые слова: политический текст, категория оценки, авторское оценивание.

Keywords: political text, the category of assessment, author's assessment.

Ядерное положение категории оценки в смысловой организации политических текстов обуславливает активное рассмотрение оценочных высказываний в политической коммуникации (А. Н. Баранов, О. И. Воробьева, Д. Б. Гудков, И. М. Кобозева, Г. Г. Почепцов, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Оценка как выражение одобрения / неодобрения характерна для социального взаимодействия вообще, но в политической коммуникации она играет особую, структурообразующую роль. Без оценки невозможна экспансия политических взглядов. Оценочность в политическом дискурсе служит зеркалом, в котором можно увидеть взаимоотношения между властью и обществом и шире – между действительностью и человеком.

Политическая коммуникация отражает не только информацию, но и оценку рассматриваемых реалий. Это объясняется прежде всего тем, что цель политического дискурса состоит не в объективном описании ситуации, а в убеждении адресата и побуждении его к политическим действиям. Ведущим средством этого побуждения служит оценка субъектов политической деятельности, политических институтов, ситуаций и действий.

Интерес к функционированию оценочных высказываний в политических текстах и сложность их квалификации обусловлены тем, что в данной сфере использование оценочности тесно связано с функцией воздействующе-информационной, с акцентом на аспекте воздействия. В частности, специфика газетной

речи заключается прежде всего в особой и намеренной ее выразительности, экспрессивности высказываний, а также в открытой оценочности речи публициста. Исследователями подчёркивается именно способность оценочных суждений выступать в качестве мощного фактора речевого воздействия, направленного на формирование общественного мнения в отношении какого-либо факта, события или субъекта [6, с. 393 – 402].

В целом оценка в политической коммуникации выражает систему ценностей и антиценностей политического сознания отдельного человека, социума или нации. В данном случае ценность – это то, что субъекты политической деятельности (конкретные люди, политические движения, партии и др.) считают наиболее важным для себя, к чему они стремятся, за что готовы бороться. Соответственно антиценность – это то, что воспринимается как нежелательное, вредное, против чего борются субъекты политической деятельности [3, с. 48 – 53].

Политический дискурс, по своим онтологическим признакам направленный на внушение, учитывает систему взглядов потенциального интерпретатора с целью модификаций намерений, мнений и мотивировок действий аудитории. У каждого текста политического дискурса есть автор, который целенаправленно воздействует на адресата и внедряет в его сознание ту или иную концептуальную информацию. Автор конструирует дискурс таким образом, чтобы читатель

воспринимал информацию под определённым углом зрения. Для этого он использует все возможные ресурсы языковой системы.

Ярким проявлением обыденных оценочных представлений являются Интернет-комментарии как вторичные тексты к текстам политического содержания. Отклики на тексты политического содержания отражают реальное восприятие и оценивание происходящих политических событий рядовым носителем языка. Описанное в статье политического содержания событие получает разветвлённую систему оценок в комментариях Интернет-пользователей. В этом отношении Интернет-комментарии могут быть рассмотрены как выразители обыденного оценочного мнения адресатов политической коммуникации.

Анализ, направленный на выявление оценочной составляющей Интернет-комментариев к текстам политического содержания, иллюстрирует несовпадение как характера оценивания, так и способов выражения оценки с позиции адресанта и адресата текста. Как правило, преобладающая положительная оценка текста статьи сменяется резко отрицательным оцениванием в Интернет-комментариях. Как показывают результаты проведённого анализа, в 90 % случаях политические события в комментариях оцениваются отрицательно. Обыденное политическое сознание в целом характеризуется негативным оцениванием происходящих политических и социальных процессов в стране. Политическую картину формируют такие ценностные доминанты рядового носителя языка, как социальное неравенство; оппозиция «народ-власть»; лживость, коррупционность власти; утрата мощи и силы России; пассивность народа; засилие мигрантов и т. д.

При этом оцениванию в Интернет-комментариях подвергается гораздо большая тематическая группа, чем в первичном тексте, что свидетельствует о множественной интерпретации исходного текста. Адресант начинает оценивать те события, которые в исходной статье только констатировались, то есть выполняли чисто номинативную функцию. Помимо этого, оцениваться в комментариях начинают те события, о которых речь не шла непосредственно в статье.

Анализ текстов политического содержания и комментариев к ним позволяет выявить несколько ракурсов авторского оценивания тех или иных событий:

- 1) с позиции автора как индивида (личности);
- 2) с позиции автора как представителя определённой группы (политической, социальной, профессиональной и т. д. общности);
- 3) с позиции субъекта как представителя определённой политической организации или властной структуры. Подобная оценочность проявляется в рефлексиях, интервью, отдельных фразах и высказываниях политических лидеров, общественных деятелей, активистов. Оценочные высказывания субъектов политической коммуникации могут либо подвергаться комментированию (с присущей аксиологической составляющей) адресанта, либо просто констатироваться (без рассуждений адресанта).

Оценка любого события, описанного в политическом тексте, дается прежде всего сквозь призму субъективно-оценочного авторского комментирования,

цель которого – формирование общественного мнения и ответной реакции субъекта речи. Функционирование авторских оценочных высказываний в политической коммуникации обусловлено рядом факторов, ядерными из которых являются: 1) интенциональные установки автора текста; 2) содержательные особенности политического текста; 3) позиция автора текста (как индивида, представителя определённой группы, журналиста, фиксирующего речь политического субъекта).

Рассмотрим подробнее отражение авторской аксиологической установки в её обусловленности определёнными факторами на примере анализа статей, расположенных на официальном сайте газеты «Комсомольская правда» (www.kp.ru).

Содержательные особенности политических текстов как формирование авторской оценочности

Содержательные особенности политических текстов во многом обуславливают оценочный ракурс статьи. Собственно содержательные и оценочные ракурсы находятся в прямой зависимости. При этом, как показывает анализ, характер оценочности часто задаётся уже в рамочных элементах политических текстов (заголовках и лидах), а далее развивается на протяжении всей статьи.

Так, в статье «*Никита Белых опять плеснул воду в улей общественного мнения*» (КП от 24.04.2012) отрицательная оценочность, выраженная в метафорической форме (*улей общественного мнения*), организует модус заголовка и следующего за ним лида: *Политический обозреватель Владимир Ворсобин снова поехал на Вятку, где бывший оппозиционер, а ныне губернатор Кировской области Никита Белых, уже четвертый год пытается взрастить гражданское общество... ругая его на чем свет стоит. То ли из расчета, то ли из-за отчаяния.*

Заявленный модус поддерживается преобладающей пейоративной коннотацией текста в целом. Подобный характер оценочности обусловлен тематикой материала, представляющего собой обсуждение политических взглядов депутата-оппозиционера Кировской области Н. Ю. Белых.

В статье доминирует эксплицитная аргументированная отрицательная оценка. Функцию оценки в данном материале выполняют ключевые слова, выражающие разные типы оценочности, например:

– утилитарная, моральная, интеллектуальная эксплицитная оценка, выраженная лексическими средствами: «*Более деструктивного, несговорчивого, неадекватного и тупого института, чем общество, не существует!*»; «*Как ты можешь взаимодействовать с «гражданским обществом»? Там же только горлопаны и бездары?*»...

– моральная, интеллектуальная, эстетическая оценка, выраженная лексическими средствами: «*Как ты мог пойти во власть? – написал он недавно в своем блоге. – Там же одни бездельники, взяточники и уныри!*»;

– моральная, эстетическая оценка, выраженная в образной форме: «*политик – та же акварель. Все зависит от точки зрения. Смотришь издали – вроде*

симпатично! Подходишь поближе, думаешь: боже, да тут мазок на мазке!»;

– нормативная, идеологическая оценка, выраженная синтаксическими и лексическими средствами: *«Вы видите микробов под ободком унитаза каждый день. А представьте, что видят они!»* Так складывается, что власть судит об обществе и общество о власти по не самым достойным и репрезентативным представителям этих категорий»;

– утилитарная, нормативная оценка, выраженная лексическими средствами: *«Общественная палата, когда-то созданная по инициативе губернатора, проводит сонные заседания по таким животрепещущим темам, как подсчет тиражей местных газет»; «Попытки власти привлечь граждан к диалогу проваливаются одна за другой»;*

– утилитарная оценка, выраженная в форме иронии, антифразиса: *«Кстати, охлаждение миллиардера к Ильинскому, возможно, спровоцировал опять-таки злостный вредитель – вятский люд»; «Попытка привлечь Лебедева к строительству муниципального жилья вызвала волну публикаций в колючей Кировской прессе. Дескать, Белых дает московскому другу заработать» и т. д.*

Помимо эксплицитных форм выражения, в анализируемом тексте присутствует отрицательная оценочность и в завуалированной, имплицитной форме: *«Третье интервью с губернатором, который надеется построить гражданское общество в отдельно взятом уголке России... Об этом я с надеждой писал в 2009-м, когда Белых только вступил в должность. Потом – когда здесь появилась Мария Гайдар... И уже было понятно – у либерала с обществом что-то не заладилось»* и др.

Независимо от форм репрезентации и выражаемых ценностей, оценка в данном материале отличается явным негативным характером, обусловленным прежде всего тематикой материала – размышлениями губернатора об обществе, *«с которым у него не заладилось отношения»*.

В целом же характер оценочности не ограничивается только содержательными особенностями. Помимо тематической составляющей, на модус влияют интенциональные установки и позиция автора текста.

Интенциональные установки авторов политических текстов как формирование оценочной составляющей

Характер оценочности во многом обусловлен интенциональными установками авторов политических текстов. В большинстве случаев текст отражает именно авторскую модусную направленность. Автор задаёт ракурс и характер оценивания. От авторского представления зависит не только содержательное наполнение текста, но и его коннотация.

Так, в статье *«Инструкция: как вести себя в публичной дискуссии на стороне либералов»* (КП от 18.04.1012), посвящённой описанию правил поведения в телевизионных дебатах, интенциональная направленность автора, связанная с неприятием и осуждением «прописанных» действий в теледебатах, становится очевидной с первых фраз материала: *«Я стараюсь не участвовать в шумных теледискуссиях.*

Так как не считаю, что в них рождается истина. И еще потому, что не являюсь большим любителем перекрикивать других».

Обозначенная в лиде оценка организует модусную направленность текста, проявляющуюся в резком неприятии описываемых явлений. Критикуемые автором *«восемь правил поведения в теледискуссиях»* построены на иронии и сарказме, что отражает их полное неприятие и осуждение: *«Если вы не можете ответить на какие-то логические доводы противника, то произнесите несколько раз подряд: "высурковская пропаганда". Если в аудитории есть ваши сторонники, то им необходимо подхватить эти слова и скандировать их столь долго, сколько возможно»* и т. д.

Заданная интенциональность текста мотивирует преобладание аргументированной отрицательной оценки эксплицитного и имплицитного характера, выраженной ключевыми словами и лозунгами: *«Любую дискуссию необходимо свести к обличению нынешнего диктаторского режима», «Нынешняя власть авторитарна, а в стране царит коррупция», «В каждой дискуссии на любую тему постоянно говорите о "сталинском терроре", "голодоморе", "выселении народов", "геноциде"; «Святым отцам из команды противника постоянно напоминайте об их греховности, ученым – об их некомпетентности»* и т. д.

Зависимость интенциональной и оценочной составляющей проявляется в каждом из проанализированных нами текстов. Так, в статье *«Никита Михалков: происходит оскотинивание людей»* (КП от 17.04.2012), характер оценочности задаётся цитируемой эмоциональной речью Н. Михалкова, обращённой к деятелям культуры. Автор в данном случае не задаёт оценочного ракурса, не подвергает рефлексии высказывания известного российского режиссёра. Выбор в качестве заголовка ярко негативной, агрессивной фразы из речи Н. Михалкова отражает повышенный эмоциональный характер его обращения к Союзу кинематографистов.

Обличительный настрой Н. Михалкова отражается в исключительно отрицательной оценке, выраженной эксплицитным способом через ключевые слова и лозунги. Поскольку в статье затрагивается тема культуры России, её духовности, творчества, то и оценка используется эстетическая и моральная: *«В стране, породившей Пушкина и Лермонтова, народ скатился к низменному целеполаганию, культу наживы любой ценой, деградации отношений между мужчиной и женщиной»; «Современное отечественное искусство деструктивно, люди перестали смотреть отечественное кино, потому что оно унижает их достоинство»; «Положение культуры просто катастрофично, сейчас происходит оскотинивание людей», «СМИ пропагандируют порок»* и т. д.

В данной статье не выражено авторское оценивание описываемой ситуации. Как представляется, подобный случай может быть признан нечастотным, так как в большинстве случаев адресант выражает своё видение той или иной ситуации. В таких случаях может возникнуть столкновение оценки с разных позиций: автора и субъекта политического дискурса.

Позиция автора текста как формирование оценочной составляющей

Как уже было отмечено выше, в текстах политического содержания можно выявить несколько ракурсов авторского оценивания тех или иных событий: с позиции автора как индивида (личности) и с позиции автора как представителя определённой группы (политической, социальной, профессиональной и т. д. общности).

При этом в большинстве случаев автор выступает именно как индивид, подвергающийся субъективному оцениванию те или иные события политической жизни. Авторское оценивание отражает личностные представления, установки адресанта, его взгляды на описываемые явления.

В таком представлении оценка может носить самый разнообразный характер:

– положительная интеллектуальная оценка: *«Инновационная, основанная на интеллекте, экономика создается умными, творческими, критически настроенными людьми»;*

– положительная утилитарная оценка: *«По моему мнению, это принесёт реальную пользу экономике страны»;*

– отрицательная эстетическая и утилитарная оценка: *«Недоверчиво разглядывая гриппозно-мокрый Киров, я не мог понять – он на самом деле изменился или я подознательно что-то ищю... Что-то утешительное. Что по идее уже давно должно быть, но – вот такая обескураживающая штука! – все нет и нет...»;*

– отрицательная идеологическая оценка: *«Об этом я с надеждой писал в 2009-м, когда Белых только вступил в должность. Потом – когда здесь появилась Мария Гайдар... И уже было понятно – у либерала с обществом что-то не заладилось»;*

– отрицательная идеологическая и эстетическая оценка: *«Впрочем, думал я, политик – та же акварель. Все зависит от точки зрения. Смотришь издали – вроде симпатично! Подходишь поближе, думаешь: божже, да тут мазок на мазке!»* и т. д.

Оценивая события как представитель определённой политической, социальной группы, автор выражает не только своё субъективное, но и общественное мнение: *«Мы показали себя зрелой, творческой, уверенной в себе нацией»;* *«Мы могли бы просто отмолчаться. Но это была бы неправильная позиция»;* *«Именно несокрушимо духу национальной свободы и мужеству в защите собственной самостоятельности мы обязаны самыми яркими страницами нашей истории, самыми великими её достижениями»* и т. д.

Помимо выражения авторской модальности, в политических текстах часто приводится оценивание со-

бытий со стороны субъектов политической коммуникации: политиков, респондентов, деятелей культуры и т. д. Оценочный ракурс в данном случае очень часто строится по принципу неприятия и критики представлений автора и субъекта политического текста.

Так, например, статья *«Нургалiev пообещал прозрачные стены в полицейских участках»* (КП от 13.04.2012), представляющая собой описание отчёта главы МВД в Госдуме, отражает противоположность восприятия описываемых ситуаций с позиции автора текста и представителя власти. Весь текст построен на выражении недоверия автора к тем фактам, о которых докладывал глава МВД: *«Отчет был долгим, насыщенным цифрами. Думаю, с точки зрения министра – он нес заряд оптимизма. Правда, для слушателя – это было не очевидно»;* *«Затем министр, конечно же, предчувствуя нападки оппозиционеров за «татарское шампанское», коррупцию в полиции и «провал реформы», обратился за защитой к... Западу. (Кстати, это только кажется странным – очень распространенный прием)»* и т. д.

Функционируют в политической коммуникации и тексты, отражающие «чистое» оценивание событий со стороны представителей власти, бизнеса, науки, т. е. тексты, без авторской оценки. Как правило, подобные тексты представляют собой фрагмент речи субъекта политической коммуникации. Например, в статье *«А у нас – в Европу газ!»* (КП от 08.11.2011), повествующей о запуске газопровода «Северный поток», субъектом выступает Президент России – Дмитрий Медведев, который оценивает сотрудничество со странами ЕС с эффективной и целесообразной точки зрения: *«реальное партнерство», «стратегическое партнёрство», «реальные партнёрские отношения»* (телеологические оценки), чтобы *«укрепить энергетическую безопасность»* (прагматическая оценка) и *«сделать жизнь европейцев более комфортной»* (утилитарная оценка).

Таким образом, политический текст как отражение авторской аксиологической установки отражает многообразие принципов моделирования и функционирования оценочных высказываний в политической коммуникации. В свою очередь, авторская оценка формирует и во многом предопределяет характер оценивания на уровне массового адресата.

Множественность интерпретации оценочной составляющей политического дискурса позволяет описать не только механизмы образования вторичных текстов, но и выявить оценочную картину политических реалий на уровне обыденного представления. Подобные тексты отражают реальное восприятие и оценивание происходящих политических событий рядовым носителем языка.

Литература

1. Баранов, А. Н. Политическая лингвистика / А. Н. Баранов // Введение в прикладную лингвистику. – М., 2000.
2. Голев, Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – С. 66 – 68.
3. Кишина, Е. В. Категория "свой-чужой" в политической коммуникации (на материале политических дискурсов разных исторических формаций) / Е. В. Кишина. – LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 181 с.

4. Кишина, Е. В. Смысловая модель категории «своё-чужое» на уровне политического дискурса / Е. В. Кишина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2009. – № 1(5). – С. 47 – 53.
5. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата / Т. В. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 293 с.
6. Чернышова, Т. В. Публичная речь сквозь призму инвективности (типологический этюд) / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика-8. Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. статей / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул, 2007.
7. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.

Информация об авторах:

Буракова Ольга Викторовна – магистр филологии, факультет филологии и журналистики КемГУ, only_secret_666@mail.ru.

Burakova Olga Viktorovna – master's degree student at the Faculty of Philology and Journalism of KemSU.

Кишина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка КемГУ, 8-905-913-6925, kishina@mail.ru.

Kishina Elena Valeryevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Russian Language Department of KemSU.

УДК 008 (1-6)

ДЕТСКИЙ ИГРОВОЙ ФОЛЬКЛОР КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. Е. Бычкова

CHILDREN'S GAME FOLKLORE OF THE KEMEROVO REGION

Е. Е. Bychkova

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Фольклорная ситуация Кемеровской области: локальные традиции» (региональный конкурс 2012 г.). Проект № 12-14-42003.

В статье проводится анализ детского игрового фольклора Кемеровской области. Базой исследования стали записи детских игр 1990 – 2010 гг. Локальная традиция выстраивает свой хронотоп игры, позволяет осуществлять передачу фольклорного знания следующему поколению детей.

The article is devoted to the analysis of children's game folklore of the Kemerovo region. The research is based on the records of children's games descriptions of 1990 – 2010. The local tradition of playing models a new game situations and transmits folklore knowledge to the next generation of children.

Ключевые слова: дети, культура, фольклор, игра.

Keywords: children, culture, folklore, game.

Региональный аспект изучения фольклора является одним из важнейших в работах исследователей последних лет, так как «систематическое освоение регионального материала позволяет получить более или менее целостное представление о его жизни в том или ином районе, дает важнейшие источники для решения научных проблем принципиального значения – о судьбах фольклора в целом и отдельных жанров, миграции сюжетов, своеобразия и многообразия художественной культуры районов и ее исторического развития» [5, с. 5].

Отдельный интерес представляет изучение в региональном аспекте детской культуры и фольклора, что даёт возможность оценить своеобразие общенациональных и местных особенностей в русле общего развития русского фольклора. В отечественной традиции интерес к миру ребенка появляется во второй половине XIX века, о чем свидетельствуют сборники

детского фольклора П. А. Бессонова, Е. А. Покровского, П. В. Штейна. Теоретическое осмысление фольклорных традиций, закреплённых в детской культуре, отмечается в 1920-е гг. в работах Г. С. Виноградова и О. И. Капицы. Г. С. Виноградов метафорически соотнёс детское сообщество с первобытным племенем: «Эту “новую”, “неведомую” страну населяет недолговечное племя, каждый представитель которого живёт 12 – 14 лет. Оно имеет свой жизненный уклад, свою общественность, определённый круг знаний, довольно своеобразный язык, своё искусство. Это племя – наиболее первобытное из всех, изучением которых этнография занималась и должна заниматься; оно очень мало интересуется отношением к нему соседящих и совместно живущих “народов”, которые мнят себя выше стоящими, более культурными и т. д.» [2, с. 6]. В начале XX в. уже поставлен вопрос о детской культуре, в частности фольклоре, как явля-

нии самодостаточном, отличном от творчества взрослых.

Г. С. Виноградов занимался активной собирательской деятельностью, записывая рассказы о тайных языках, детском календаре, играх. Суть его методики определялась чётко поставленной целью: «Изучать все детские игры: игры одиночные и групповые, игры с установленными правилами и игры данной местности – импровизации; игры с игрушками и принадлежностями и игры, не связанные с ними; игры с пением и без пения; сезонные игры (весенние, летние и т. д.); игры, происходящие в комнате (юрте), и игры под открытым небом» [3, с. 7]. Исследователь стремился добиться всестороннего и обстоятельного осмысления детской культуры. В 1922 г. он издаёт программу «К изучению детских народных игр у бурят», которая во многом определяет методику записи устных текстов. Примером систематизации фольклорно-игрового материала может послужить его работа «Русский детский фольклор», первый том которой посвящен одному из элементов игры – «игровым прелюдиям» (считалкам, жеребьевкам) [4].

Об интересе к детскому фольклору в конце двадцатых годов XX в. свидетельствует деятельность О. И. Капицы, организовавшей в 1927 году при Русском географическом обществе специальную комиссию по детскому фольклору, быту и языку, работавшую около десяти лет. «Главное место в работе Комиссии уделялось устной поэзии и быту крестьянских детей России, причём во главу угла здесь ставился региональный принцип изучения» [6, с. 242].

Последующие годы были периодом длительного затишья в разработке «детской» темы. Как отмечает А. М. Мартынова, «на несколько десятилетий была «заморожена» фольклорно-этнографическая работа о детстве» [8, с. 238].

Во второй половине XX века ситуация меняется. Выходят работы М. Н. Мельникова «Русский детский фольклор Сибири» и «Русский детский фольклор», в которых систематизация материала ориентирована на фольклорно-филологическую традицию записи и интерпретации текстов. С 1987 г. начинают проводиться Виноградовские чтения, объединяющие исследователей разных профилей, развивающих идеи Г. С. Виноградова. Публикуются неизвестные статьи и работы учёного. С. М. Лойтер пишет: «Виноградовские чтения стимулировали обновление методик полевых исследований, ввели в научный оборот материалы по этнографии младенчества, участию детей в традиционных крестьянских обрядах, народной медицине, которые долго находились на периферии полевой фольклористики XX века» [7, с. 9]. Тематические конференции помогли определить круг основных проблем в исследовании детского фольклора. В это же время за рубежом выходят монографии Айоны и Питера Опи «Детские игры на улице и на игровой площадке» [11, с. 15], Мэри и Герберта Кнапп «Детский фольклор Америки» [9].

Особую значимость представляют концепции последнего десятилетия, посвящённые разным аспектам детской культуры и фольклора. Одно из актуальных направлений современной науки – исследование обрядовых элементов в контексте детского осмысления

жизненных явлений. Работы С. Б. Адоньевой, К. А. Богданова, С. Б. Борисова, В. А. Коршункова, Д. А. Несанелиса связаны с анализом как мифолого-обрядовой основы детской игры, так и прагматики фольклора. Многие детские игры связаны с группой обрядов, получивших название переходных (А. Ван Геннеп), или, в другой терминологии, обрядов посвящения (В. Я. Пропп), инициации (Дж. Дж. Фрезер), что представляет отдельную тему для изучения. Исследования С. М. Лойтер, М. П. Чередниковой, М. В. Осориной свидетельствуют о теоретической разработке методики анализа детской мифологии и фольклора. В поле зрения учёных попадают такие явления, как страшные рассказы («страшилки»), «вызывания» мифологических персонажей, садистские стишки, детские пародии, «заманки» и другие прозаические и стихотворные жанры, репрезентирующие детскую мифологию.

Одной из самых основательных классификаций жанров детского фольклора является классификация Г. С. Виноградова. Она основывается не только на жанрово-тематическом, но и на этнографическом аспекте. Несколько модифицируя данную классификацию, исследователи [1] выделяют следующие группы детского фольклора:

1. Детский календарный фольклор.
2. Детский магический фольклор (заклички, приговорки, загадывания).
3. Детский игровой фольклор:
 - а) фольклор игры: считалки, ролевые тексты (всех играющих, группы или водящего, диалоги), тексты игрового права, игровой магии и наказаний;
 - б) фольклор словесных игр: словесные игры (сечки, молчанки и пр.); «игры ума», речи (небылицы-перевертыши, шутливые приговоры, дразнилки, заманки, подделки и пр.).
4. Детский бытовой фольклор.

В данной работе исследуется детский игровой фольклор Кемеровской области, анализируются хронология, структуры игры, а также её мифопоэтические составляющие (в т. ч. образ голящего / водящего).

Данное исследование базируется на нескольких источниках:

1. Архивные материалы из фонда фольклорной лаборатории Кемеровского государственного университета.
2. Полевые материалы автора, статьи, записанные в 2003 – 2010 годах. Всего к анализу было привлечено около 300 текстов считалок и словесных формул, сопровождающих ход игры, а также около 400 описаний детских игр. Хронологический охват материала – с 1990-х гг. до 2010 г. Географически представлены записи, сделанные в различных населённых пунктах Кемеровской области: Кемерово, Новокузнецке, Прокопьевске, Междуреченске, Ленинске-Кузнецком, Киселёвске, Белово, Юрге, Берёзовском, Топках, Таштаголе, Бачатском, селах Ваганово и Тарасово и т. д.

Зафиксированные вербальные тексты имеют тесную связь с разыгрываемым игровым действием, образуя в своём единстве семиотическое, коммуникативное поле. Вместе с тем игра является более широким фактором общения, нежели речь: «Play is one of human beings' first languages. A little child wanders around his / her environment creating and inventing

games, connecting him / herself to the world by means of expressions related to play. Through play they communicate with each other, with people around them and with the environment» [16]. В игре заложено мощное организующее начало, которое творит небольшое иерархически выстроенное общество, микромир со своими правилами, в границах которого дети получают первоначальную подготовку общественного поведения.

Анализ подвижных игр, в основе которых находятся разного рода модификации догоняшек / догонялок, таких, как «Сифа», «Догоняшки», «Прятки», «Кот и мыши», «Слепая обезьяна» (голящий догоняет участника игры и передает ему свои функции), выявляет их устойчивый сценарий. Это свидетельствует об особой системе регулирования взаимоотношений между детьми.

Стержневой моделью организации игрового действия является:

1. Подготовительный этап (сбор желающих играть, объявление названия игры, выбор голящего, объявление и закрепление правил).
2. Ход игры.
3. Завершающий этап игры, выход из игрового поля.

Подготовительный этап вбирает в себя группу текстов, условно обозначенную как игровые прелюдии. Жанры, образующие эту группу, – «зазывалки» / «собиралки», «считалки» и специальные словесные формулы для определения антагониста (термин В. Я. Проппа) игрового действия. Обозначенные жанры являются необходимой частью большинства детских игр, организованных по правилам. Игра как таковая и тексты, ей сопутствующие и её оформляющие, образуют единый структурно-семантический комплекс. «Зазывалки» или «собиралки» определяют потенциальных участников игры, например: «Кто будет играть? / В интересную игру, / А в какую – не скажу. / Догадайтесь сами, / Котики с усами!» (Овчинникова Тома, 9 лет, г. Кемерово). Следующим важным событием становится выбор «голи» или голящего, данное событие восстанавливает иерархические отношения внутри детского коллектива, несёт в себе элементы испытательно-посвятительных действий. Необходимо сразу оговорить, что слово «голя» в детской игре неоднозначно: им обозначается как ребёнок, избранный на роль голящего, так и свойства «голящего», которые в момент передачи будто бы начинают жить самостоятельной жизнью. Чтобы передать эти свойства, необходимым условием становится касание ладонью (т. н. «чика»), а также зрительный контакт и фиксирование им нарушений правил игры кем-либо из игроков.

При выборе голящего с помощью словесной формулы действенными считаются следующие комбинации слов: «Кто последний, тот и голит!» (Ивашенко Стас, 8 лет, г. Новокузнецк), «Кто про голю вспоминает, тот голить и начинает!» (Лузгин Серёжа, 8 лет, г. Кемерово), «Я за старенького!» (Ивашенко Руслан, г. Кемерово) и т. д. Подобные выражения демонстрируют представление о ценностных ориентирах, основных оппозициях, которыми осмысливается окружающий мир. Это и запрет на нетерпеливое требо-

вание действия (подобная невыдержанность расценивается информантами как исключительно «детское» поведение), а также оппозиция «старенького» («своего») и «новенького» («чужого») участника игры. Вход «новичка» в игровое семиотическое поле, таким образом, вербально маркирован. Игра позволяет новичку преодолеть свою непосвящённость, вникнуть в таинство игры. В обозначении «новенький-голенький» присутствует семантика некоторой открытости и беззащитности игрока перед остальными, уже прошедшими игровые испытания. Оппозиция участника «нового» и «старого» синонимична оппозиции «своего» и «чужого» человека. Так, «старые» игроки становятся теми, кто посвящает в игру «новеньких». Отказ голить, как правило, наказуем. Например, дразнилкой: «Неотвожа, красна рожка, / На татарина похожа. / Семьсот поросят / Все на (имя) висят!» (Исаев Влад, 12 лет, г. Киселёвск).

Кроме обращения к словесным формулам при выборе голящего, также используется считалка. Право считать, по мнению информантов, является почётным, и его можно присвоить игровой закличкой: «Курица болела, / Мне считать велела!» (Иванова Настя, 9 лет, г. Анжеро-Судженск) и т. д. Наиболее частотными текстами для Кемеровской области стали тексты с зачином «Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять», «Ехала машина темным лесом / За каким-то интересом», «За стеклянными дверями / Стоит мишка с пирогами», «На золотом крыльце сидели», «Вышел месяц из тумана». Лексика, характерная для данного жанра, избирательна: в ней находят отражение реалии, близкие информантам. Возможно, именно поэтому лексический состав считалки склонен к наибольшему варьированию и обновлению. Например, «Во дворе стоят машины: «Мазда», «Опель», «Ламборджини», от какой берёшь ключи?» (Заиков Антон, г. Кемерово) и текст советского периода: «Во дворе стоят машины: «Нива», «Волга», «Жигули».

Второй этап – сама игра. Она также вербально организована. Группа текстов, структурирующих игру, включает приговорки, песни, заклички и т. д. Так, например, отдых во время игры должен быть словесно маркирован. Произнесение этикетной формулы как бы временно выводит ребёнка из игрового действия: «Шишки, шишки, я на передышке!» (Лузгин Серёжа, 8 лет, г. Кемерово); «Я в домике!» (Овчинникова Тома, 9 лет, г. Кемерово). Однако так как детский мир в целом характеризуется большим вниманием к современным реалиям, в игровую ситуацию встраиваются новые формулы, отражающие дух времени. Одной из интересных тенденций, зафиксированной в ходе наблюдения за подвижными играми, является, например, введение формулы: «Я в стопе!», – служащей символической заменой словесной модели: «Я в домике!». Создаётся ощущение перемещения игрового поля в компьютерный мир, где позиция «Стоп» позволяет игроку передохнуть некоторое время и с новыми силами возобновить игру. Формула обеспечивает временную неприкосновенность: голящий не может «зачикать» его после её произнесения. Словесная формула сопровождается соответствующими жестами. Если выкрик: «Я в домике!», – фиксировался скрещением рук на груди или же поднятыми руками в

виде крыши домика над головой, то во время формулы: «Я в стопе!» – игрок держит руки параллельно друг другу, подняв кисти рук, сжатые в кулаки. Второй случай дублирует застывший знак паузы на мониторе.

Помимо вводимых в ход игры словесных формул, новые реалии фиксируются и в названиях детских подвижных игр: «Бомж», «Скелетоны» / «Скелетики», «Трансформеры», «Зомби», «Машина едет-едет, стоп!» и т. д. В целом можно говорить о создании игр на основе уже существующей модели, в которой образ голящего наделяется новым семантическим наполнением, взятым детьми из современных фильмов, компьютерных игр, окружающей социальной среды и т. д. Так, особой популярностью в детской среде пользуется игра в «Зомби». Высокий интерес к ней, в частности, обусловлен простыми правилами, а с другой стороны, – возможностью играть в неё как зимой, так и летом. Приведу пример объяснения правил детьми: «Да мы не в похороны играем сейчас! Это мы зомби закапываем. Алиса – это зомби. Её надо закопать, только чтобы аккуратно. Лицо нельзя трогать. А ещё для удобства надо сзади, как под голову – такую подушечку, как бы из снега. А ещё руки и ноги надо аккуратно. Как у фараона гроб, вот так же сделать. А мы археологи. Мы её начнём откапывать, а она глаза откроет. Да когда захочет! И она вскакивает и бежит нас чикать. Кого зачикает – тот ложится и мы его закапываем снова» (*Коробко Даша, 10 лет, г. Кемерово*). Модель игры воспроизводит сюжет фильмов об археологических раскопках. Голящий в ней принимает функции экранного «ожившего мертвеца». Подобного рода «похоронные» игры являются достаточно распространенным явлением в детской культуре. Они обусловлены одновременно и страхом, и интересом к явлению смерти, попытке ребёнка так или иначе его осмыслить. «Иномирность» природы голящего в данной игре подчёркивается предшествующими ей символическими похоронами: зарыванием ведущего игрока в снег или листья, устройством своеобразного «гроба». Ключевым моментом игры становится «восстание» зомби из могилы под радостные крики окружающих. Затем оживший мертвец гоняется за игроками. Тот, кого он задевает, занимает его место.

Третий этап – выход из игрового поля также может быть вербально маркирован. Так, если непосредственно начало игры в некоторых случаях фиксируется словесной формулой: «Рыба-карась, / Игра началась!» (*Овчинников Максим, 8 лет, г. Кемерово*), то финал игры маркируется формулой: «Рыба-акула, игра утонула!» (*Овчинников Максим, 8 лет, г. Кемерово*). Об игре как о некоем самодостаточном микрокосме пишет Й. Опи: «Childhood is a time more full of fears and anxieties than many adults care to remember, and play is a way of escape. A game is a microcosm, more powerful and important than any individual player; yet when it is finished it is finished, and nothing depends on the outcome» [11]. Игра, таким образом, осмысливается ею как некий путь освобождения от страхов, владеющих ребёнком, как некий микрокосм, ценностный сам по себе, развёртывание которого не сводится к реализации какой-либо прагматической цели.

Словесные формулы, организующие ход игры, вне игрового действия теряют свою значимость. Их функциональное наполнение возникает только во время игры. Её структурно-семантическая организация начинается с подготовительного этапа, представленного набором считалок и других форм жеребьёвки. Пространственные и временные границы формируются лишь после определения голящего. Игровой хронотоп, при освоении его участниками игры, обретает внутреннюю организованность и замкнутость. Он регламентируется особыми правилами, маркируется оппозициями «верха» и «низа» (например, игра «Король железа», г. Кемерово), «центра» и «периферии» (игра «Заяц, заяц, сколько время?», г. Таштагол), «своего» и «чужого» (игра «Чай-чай, выручай!», г. Белово). В целом хронотоп игры соотносим с мифологической моделью мира и обусловлен правилами взаимоотношения между игроками и голящим. Образ голящего несет на себе функции мифологического персонажа (ср. «Зомби», «Бомж», «Слепая обезьяна» и т. д.), маркирован чертами неполноценности: слепотой («Слепая обезьяна»), нечистотой («Бомж»), одноногостью («Тапкоснималки»). Подготовительный и завершающий этапы определяют кольцевую композицию игрового действия, представляющего собой единое структурно-семантическое целое, соотносимое со структурой переходного обряда.

Литература

1. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения / А. Ф. Белоусов [и др.]. – Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/luriem10.pdf
2. Виноградов, Г. С. Детский народный календарь (из очерков по детской этнографии) / Г. С. Виноградов. – Иркутск, 1924. – 34 с.
3. Виноградов, Г. С. К изучению народных детских игр у бурят / Г. С. Виноградов – Иркутск, 1922. – 11 с.
4. Виноградов, Г. С. Русский детский фольклор / Г. С. Виноградов. – Иркутск, 1930. – 234 с.
5. Довженок, Г. В. Поэтические жанры украинского детского фольклора: дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Довженок. – Киев, 1981. – 215 с.
6. Колесникова, И. М. Детский фольклор в работах 1930-х годов (неизвестные статьи А. М. Астаховой и Г. С. Виноградова) / И. М. Колесникова, И. М. Иванова // Из истории русской фольклористики. – СПб., 1998.
7. Лойтер, С. М. Русский детский фольклор и детская мифология / С. М. Лойтер. – Петрозаводск, 2001. – 296 с.
8. Мартынова, А. Н. Научное наследие Г. С. Виноградова / А. Н. Мартынова // Из истории русской фольклористики. – СПб., 1998.

9. Knapp, H. One Potato, Two Potato: the Secret education of American children / H. Knapp. – N. I., 1976. – 466 p.
10. Öfele, M. R. Traditional games and learning / M. R. Öfele // South America Representative of Austrian Institute for Research in Play and Games, Argentina. – Режим доступа: http://www.geocities.com/childrenfolklore/land_regina2.html
11. Opie, I. The People in the Playground / I. Opie – N. Y., 1993. – P. 15: «Детство – это период, наполненный страхами и волнениями даже более, чем могут вспомнить многие взрослые, и игра во многом становится способом освобождения от этих страхов. Игра есть микрокосм, более могущественный и важный, чем один единственный игрок. Она заканчивается только тогда, когда заканчивается. И ничто не зависит от обстоятельств» (перевод мой. – Е. Бычкова).

Информация об авторе:

Бычкова Екатерина Евгеньевна – учитель литературы МБОУ «Гимназия № 71» («Радуга»), г. Кемерово, 8-905-915-03-38, elmira_afanaseva@mail.ru.

Buchkova Ekaterina Evgenyevna – teacher of literature at Municipal Budgetary Educational Institution "Gymnasium №. 71", Kemerovo.

УДК 81'367

СТАРЫЙ НЕМЕЦКИЙ ФОН СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Харри Вальтер

OLD GERMAN BACKGROUND OF NEW RUSSIAN PHRASEOLOGY

Harry Walter

В статье рассматриваются вопросы славяно-германского фразеологического взаимодействия, а также принципы сопоставления немецкой и русской фразеологии, положенные в основу „(K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie“ (Walter, H., Mokienko, V. M. – Greifswald, 2011) – «Книга (не) за семью печатями. Историко-этимологические очерки по немецкой фразеологии».

The paper describes the problems of slavonic-german interaction in the field of phraseology as well as the principles of confrontation of Russian and German phraseological units, described in the dictionary “(K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie“ (Walter, H., Mokienko, V. M. – Greifswald, 2011. (No) Book of Seven Seals. Historic-etymological studies in German phraseology“.

Ключевые слова: фразеология, языковые контакты, немецкие корни русских оборотов, русский язык как «консервант» забытых немецких форм.

Keywords: phraseology, language contact, German sources of Russian sayings and phrases, Russian language as “preserving agent” of forgotten German forms.

В комплексе многообразных аспектов изучения европейской фразеологии историко-этимологические исследования до сих пор занимают весьма скромное место. Русистика здесь выгодно отличается от германистики, романистики и т. д., поскольку в последние 40 лет усилия некоторых фразеологов были сосредоточены именно на этой проблематике. Именно при анализе русского материала была создана последовательная и достаточно строгая методика историко-этимологического анализа фразеологических единиц, соизмеримая с младограмматическими и другими методами историко-этимологического анализа и лексикографического описания лексики.

В исследовании проблем славяно-германского фразеологического взаимодействия инициатива принадлежит славистам. Кажется, однако, что для германистики такие исследования имеют не меньшее значение, чем для славистики как по результатам анализа конкретного фразеологического материала, так и по методологии его интерпретации. Особо продуктив-

ным может оказаться использование славистических данных для исторической фразеологии немецкого языка. Во-первых, постоянные и длительные контакты славян и германских народов сделали фразеологические системы многих славянских языков своеобразными “консервантами” старых форм и значений немецкой идиоматики. Во-вторых, индоевропейское языковое родство породило многие общие славяно-германские идиомы, уже имеющие на славянской почве убедительную историко-этимологическую расшифровку. В-третьих, длительные славяно-германские культурные контакты оставили мощный отпечаток в виде идиоматики «крылатого» происхождения (античная культура, мифология, Библия, литература, современный политический дискурс и т. п.), исследование которого в сопоставительном ключе помогает многое уточнить в постижении эволюции общего европейского фонда идиоматики.

Наконец, лингвистическая методика историко-этимологического анализа фразеологии, разработан-

ная на славянском материале (напр., метод структурно-семантического моделирования) может оказаться полезным и при аналогичных германистических штудиях.

Немецкая же фразеография и паремиология, к сожалению, практически не обращается к опыту историко-этимологического описания славянской идиоматики, в современных трудах германистов практически не встречаются параллели из славянских языков, а, что особенно важно, собственно лингвистическая методика историко-этимологического анализа ФЕ, основанная на принципе структурно-семантического моделирования, практически игнорируется. Все это приводит к тому, что даже в объемистых, наполненных массой ярких культурологических и языковых фактов словарях немецкой фразеологии их этимологическое прочтение остается на уровне фольклористики и этнографии, а интерпретация внутренней формы нередко остается нераскрытой. Доминирование этнографических (нередко – "псевдоэтнографических") интерпретаций фразеологических единиц порождает до сих пор этимологическую «всеядность». Не случайно поэтому самыми основательными по объему и материалу до сих пор в Европе остаются историко-этимологические словари пословиц и поговорок, созданные именно этнографами, а не лингвистами. Таков, например, фундаментальный труд Лютца Рёриха [12], без которого невозможно диахроническое исследование ни одной немецкой идиомы. Всё больше фразеологов осознают необходимость взвешенной оценки соотношения собственно лингвистического и экстралингвистического аспектов в диахронической фразеологии. Отсюда – дискуссия о том, является ли историческая фразеология этнографией или лингвистикой, закончившаяся в славистике объективной констатацией возможностей различных подходов при поисках этимона ФЕ: и от лингвистических фактов, и от этнолингвистических.

Наступило, как кажется, время применить этот опыт и для анализа европейской фразеологии. Тем более, что германистика накопила массу добротного конкретного диалектного, фольклорного, литературного и другого материала, позволяющего с успехом применять диахроническую методику, разработанную славистами. Можно лишь удивляться, что до сих пор этот богатый материал почти не подвергался проверке в сопоставительном ракурсе, особенно славистическом. Единственным исключением, пожалуй, является названный тезаурус Лутца Рёриха "Das große Wörterbuch der sprichwörtlichen Redensarten" [12], в котором даются английские, французские и реже – итальянские и латинские параллели. Славянский же материал и здесь фактически отсутствует.

Как оказалось, немецкая и славянская фразеологии обнаружили намного больше общего, чем обычно считается. Надо констатировать, что большинство немецких справочников по идиоматике исходят из экстралингвистических (этнографических, фольклорных и тому подобных) культурологических факторов. Новизной же нашей работы стала его принципиальная языковая направленность [17]. Исходным объектом описания в нашем словаре является немецкая фразео-

логия идиоматического типа, т. е. обороты, внутренняя форма которых затемнена, непонятна носителям языка: *den Amtsschimmel reiten, wissen, wo Barthel den Most holt, wüten wie ein/die Berserker, keinen/nicht einen Deut, es zieht wie Hechtsuppe, etw. wieder ins [rechte] Lot bringen, sein Scherflein beitragen, den heiligen Ulrich anrufen (rufen), Zicken machen* и др. В словарь были включены преимущественно такие устойчивые выражения немецкого языка, которые вызывают острые дискуссии среди фразеологов и культурологов-германистов и являются своеобразной "загадкой сфинкса" для специалистов.

Репрезентативное выявление иноязычных эквивалентов для немецких фразеологизмов заставляет задуматься и над некоторыми общелингвистическими и общекультурологическими проблемами. Одной из них является достаточно парадоксальная картина, имплицитно вырисовывающаяся при обозрении корпуса нашего словаря: немецко-славянские фразеологические параллели оказываются гораздо более многочисленными, стойкими и структурно-семантически системными, чем немецко-английские. Разумеется, это лишь первое впечатление и какие-либо общие выводы здесь преждевременны, однако для славистов данный факт может стать стимулом поисков германизмов в славянской идиоматике, чего до сих пор пока практически не делалось, ибо усилия были сосредоточены прежде всего на германизмах лексических – типа рус. *парикмахерская*, укр. *рахунок*, чеш. *klika* и т. п. Для германистов же насыщенность германо-славянского фразеологического континуума может немало дать в историко-этимологических интерпретациях немецкой идиоматики: во-первых, многие славянские фразеологизмы-кальки стали консервантами старых форм и значений средневековых немецких идиом (ср. др.-чеш. *v dlúhu truhlu klásti*, рус. *положить в долгий ящик* и нем. *etw. auf die lange Bank schieben*).

Немецкая и русская идиоматика, взаимодействуя, продолжают развивать всё новые и новые оттенки смысла. Но исходная же форма в немецком языке уже не существует, а сохранилась в славянских языках.

Кроме того, немало таких схождений отражают древнее культурологическое (resp. генетическое) взаимодействие германских и славянских языков (ср. рус. *красный нетух* и нем. *roter Hahn* 'пожар', отсутствующее в романских языках и отражающее общие мифологические реминисценции); в-третьих, обилие общих немецко-славянских оборотов, образованных по общим структурно-семантическим моделям, дает хороший методологический инструментарий для отбора наиболее вероятной этимологической интерпретации (ср. рус. *пускать пыль в глаза* и нем. *Sand im Augen streuen* – [1, с. 583 – 584]). Разумеется, немалая квота такой общности обусловлена и постоянным прямым культурным, экономическим и политическим взаимодействием Германии и Славии. Большая масса библеизмов, общие мифологические и литературные сюжеты из античности, классическая литература и современные средства массовой информации – всё это внесло весомую лепту в общую фразеологическую сокровищницу славян и немцев. Вот почему, например, даже такой специфический и тесно привязанный к собственно национальной

культуре разряд языковых единиц, как немецкие крылатые слова и выражения, обнаруживают достаточно большую близость к аналогичному материалу русского языка.

Типичный пример – фразеологизм *auf die lange Bank schieben* (разг.) – ‘оттягивать исполнение какого-л. дела на неопределённое время; медлить, откладывать на потом что-л. неприятное’ (букв.: отодвигать на длинную скамью). Русскими эквивалентами являются обороты *отложить (положить, откладывать) в долгий ящик; класть/ положить под сукно; разводить (тянуть) канитель; тянуть время; тянуть кота за хвост*.

Немецкое выражение известно уже с 1500 г. Его происхождение связывают со средневековой юридической практикой. Судебные заседатели сидели на длинных скамьях (*lange Bänke* – ср.-в.-нем., др.-в.-нем. *banec* ‘скамья’, ‘стол’, первоначально – ‘возвышение’), на которых лежали папки с судебными делами. Папки с маловажными делами (особенно дела неимущих обвиняемых или жалобщиков) клали на самую удалённую, свободную часть скамьи [14, с. 78]. В этой связи интересны некоторые исторические факты, приводимые Александром Остеном [15, с. 38]: «Корни этой фразы восходят к старой правовой системе, которая была учреждена в период после введения римского права. С XV в. выражение употребляется в форме *etwas auf die lange Truhe legen* (букв.: класть что-л. на длинный сундук), отражающей медлительную юридическую практику. Сундук был «предшественником» сегодняшних шкафов для хранения документов и мог, как и они, превратиться в «кладбище бумаг». Процессы в верховном суде Римской империи тянулись бесконечно долго, иногда по несколько десятилетий. Возможно, позднее произошла контаминация слов *Bahn* (путь) и *Bank* (скамья), что усилило образное представление о длительной судебной процедуре как об очень длинной скамье. С XVII в. выражение закрепилось в его современной форме» (перевод – Х. В.).

Л. Рёрих описывает образование оборота следующим образом: «Нельзя исключить, что скамья употреблялась вместо сундука (*Truhe*), который, как предшественник шкафа для хранения бумаг, вмещал в себя все документы, предназначенные для хранения. Первое описание судебного процесса, в котором фигурирует наше выражение, даёт княгиня Анна Бранденбургская: “Kombt it herauß, so underwindt sich der vater, euer sach zu treiben, damit sie zu einem end kombt ... sußt wurd es dortinnen in die langen truchen gespilt” (Оказывается, как свидетельствует отец, надо ускорить движение судебного процесса, чтобы он был завершён, иначе же его унесёт поток в долгий сундук. Steinhausen, Privatbriefe des Mittelalters I, 233). Слово *Truhe* здесь означало и сундук, и судебную скамью, внутри которой хранили папки с делами. Близко к этому и употребление оборота Лютером: “Laßt der armen leüt hendel nit jar und tag in der langen truchen ligen zu irem mercklichem verderben” (Давайте споры между богатыми и бедными отложим в длинные сундуки до тех пор, пока они там окончательно не сгниют)» [12; 1, с. 140 и сл.]. Для полного понимания обо-

рота следует добавить, что во время вынесения приговоров заседатели обязаны были сидеть на лавках-сундуках в соответствии с определённым порядком и чиновничьей иерархией. Судья же обычно восседал в кресле. Отсюда различные названия таких лавок: *bankes bidden*, *Schöppenbank* (скамья народных заседателей), *banca scabinorum*. Обычно имеются в виду четыре скамьи, которые соответствуют чину заседателей: „*klagen binnen ver benken*“ (Бременский Статут); „*binnen die vier benke*“ (Gaupp: *Das alte magdeburgische und hallische Recht* [1826], 281).

По римскому праву слушание судебного дела нельзя было проводить до восхода солнца, а приговор необходимо было выносить и исполнять до его заката. Если приговор в указанное время не выносили, то процесс отменялся, что приводило к длительным отсрочкам. В знак того, что судебный процесс остался незавершённым, в судебном зале переворачивали стулья и скамьи, чтобы показать незаконченность судебных дел: «*Und man warf allenthalben stuel und benk ein, damit nichts aus der sach werde*» [12; 1, с. 140 и сл.]. Постепенно выражение стали употреблять в обобщённом смысле – ‘тянуть, затягивать процесс’. Старое немецкое выражение вместе с распространением в Европе судопроизводства по римскому образцу было заимствовано многими европейскими языками, в том числе и славянскими, напр.: рус. отложить (положить, откладывать) в долгий ящик; бел. адкладаць (адкладываць) у доўгі яшчык; укр. видкладати/ видкласти у (в) довгий ящик (на дно довгого ящика); видкладати/ видкласти у довгу шухляду.

Историю русского выражения большинство русистов не связывают с немецким. Традиционно, начиная с В. И. Даля, оборот возводят к обычаю, заведённому царём Алексеем Михайловичем (1629 – 1676) в его подмосковной резиденции в Коломенском. Перед царским дворцом был прибит длинный ящик, куда могли опускать челобитные, т. е. просьбы, все, кто хотел. Разбирались такие прошения царскими боярами и думскими дьяками, которые не слишком торопились это делать. Большинство челобитных вообще оставались без ответа. Полное структурное и семантическое тождество с устаревшим немецким *etw. in die lange Truhe legen*, однако, опровергает «исконно русское» происхождение фразеологизма отложить в долгий ящик и свидетельствует о том, что он – калька с немецкого. Во-первых, как мы видели, немецкий оборот гораздо древнее, чем период царствования Алексея Михайловича. Во-вторых, как калька с немецкого, он известен и в др.-чеш. *v dlúhú truhlu klásti*. В-третьих, выражение до сих пор сохраняет прямые коннотации с бюрократической волокитой, восходящей к немецкому судопроизводству [1, с. 653].

В немецком языке выражение *etw. in die lange Truhe legen* стало устаревшим уже в XIX в. и употребляется в варианте *etw. auf die lange Bank schieben*. В русском же языке оно законсервировалось в том же образном виде, в каком было актуально в немецком средневековье. Более того, слово ящик, которым было переведено нем. *Truhe*, у русских вызывало ассоциации не только с ящиком для челобитных, но и... с гробом. У некоторых писателей первой половины XIX в.

(П. А. Вяземского, А. А. Бестужева-Марлинского) выражение значило 'похоронить кого-, что-л.' Ср. также обороты типа сыграть в ящик [6, с. 103 – 106]. Так, немецкая и русская идиоматика, взаимодействуя, продолжают развивать всё новые и новые оттенки смысла. В европейских языках то же значение выражается и иными, более современными, образными характеристиками – ср. укр. *видкладати/ видкласти у довгу шухляду*; пол. *odłożyć na półkę, odłożyć na potem (róźniej)*; англ. *to put smth. off* [17, с. 51 – 53].

Третий пример «старых» немецких оборотов – это выражение (получить, раздобыть, купить, сделать что и т. п.) *по блату*. Слово *блат* и соответствующее выражение имеют разные этимологические расшифровки [1, с. 73]. По мнению некоторых – особенно русских филологов оно создано уже в эпоху Петра I и связано с насильственным пострижением боярских бород по указу царя. Кто имел деньги и хотел откупиться от этого "срама", тот якобы включался в особый список, по-голландски именовавшемся "*блат*" (ср. нем. *Blatt* – 'лист бумаги'). После революции 1917 г., когда голод стал доминировать в стране, эта "традиция" была возрождена: М. Горький, напр., носил В. И. Ленину списки лиц, которых хотел в виде исключения спасти "для русской культуры", и вождь приказал наркомун снабжения Цюрюпе "срочно изыскать дополнительные пайки для товарищей, указанных в списке Горького".

Такая трактовка, однако, скорее всего – народная этимология, поскольку не находит материального подтверждения: лингвисты и лексикографы отмечают экспансию слова *блат* с производными и выражения *по блату* лишь на рубеже XX века, причем – в стабильной связи с воровским аргом. При этом, единодушно ставя такой диагноз, ученые расходятся в трактовке исходного семантического "толчка", приведшего к образованию переносного значения и выражения *по блату*.

Слово *блат* многозначно, причем одной из первых его фиксаций (точнее, производного *блатные*) является очерк А. И. Куприна "Вор" (1905 г.), где оно обозначало 'пособничество, покровительство преступникам'. В словарях арга [9 и др.] оно характеризует 'всякое преступление, какого бы рода оно не было: кража, убийство, грабеж' или даже является «общим названием всего преступного, имеющего отношение к воровской среде». В. Ф. Трахтенберг считал, что слово *блат* "происходит от немецкого *Blatt* – 'лист' (открытый лист, сопровождающий арестанта, и в котором вписано совершенное им преступление), либо искаженное *Blut* – 'кровь' [10, с. 8]. В языке немецких мазуриков *Blatt* – 'укрыватель краденного', нем. *platt* – 'доверенный, подружившийся'. По мнению В. В. Стратена (со ссылкой на немецких и польских ученых), термин *блатной* "перешел через польское арг из немецкого", где есть однокоренные слова *platt* 'доверенный, дружеский', *Blatter* 'вор', евр. *blat* 'доверенный, согласный на что-л.' [8, с. 44]. Эта гипотеза развивается Б. А. Лариным в 1931 г., подчеркнувшим, что слова *блат*, *блатной* 'преступный, преступник' связаны со старым европейским воровским аргом: польск. *blat, blatny*; нем. *platt* 'свой,

заслуживающий доверия'; *platten* 'говорить' и *Blatte* 'воровское арг' [3, с. 320]. Убедительно показывает Герд Хентшель [13, с. 87 – 117], как все это произошло, каким путём из идиша и немецкого блат смог попасть и в русский. Интересно, что в немецком такого выражения сегодня нет. Им, как и многими принимается расшифровка слова *blat* из идиша как 'посвященный' или 'близкий': сначала оно перешло в польский язык, где *blatt* значит 'мошенник, укрывающий по знакомству, укрыватель' или 'взятка', а отсюда – в русское воровское арг, где стало означать 'преступление', а в сочетании *по блату* – 'незаконным образом', т. е. "как у *блатных*" [15; 1, с. 91]. Поскольку в словарях современного польского языка названное слово не зафиксировано, нельзя отрицать и прямую возможность перехода немецкого арготического термина в русское арг.

Таких примеров масса, особенно в жаргоне, напр., *на цугундер [притянуть]*, *цирлих-манирлих, попадать / попасть в цейтнот*, смотреть сквозь пальцы *на кого, что*. И даже выражение вроде бы из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина (1835) *золотая рыбка*, которое пришло с территории немецкого Поморья, из Мекленбурга и Передней Померании, где до XVII века еще жило славянское население – *венды (венеты, винды)*, близкие по языку и культуре современным полякам и кашубам. Как убедительно показывает Валерий Михайлович Мокиенко, ее записал в городе Волгаст (недалеко от моего старинного университетского города Грайфсвальда) один из основателей немецкого романтизма художник Филипп Отто Рунге (1777 – 1810). Записанная им сказка о рыбаке и его жене (*Von den Fischer un siine Fru und Van den Machandelboom*) принадлежит к одной из старейших записей этого фольклорного сюжета. Сказка эта вдохновила не только фольклористов, но и некоторых европейских писателей на ее вольное переложение. Среди них был и А. С. Пушкин. Время написания сказки русским поэтом и его известное увлечение европейским «романтическим» фольклором как будто также подтверждают такой путь померанской сказки к русскому читателю [5, с. 3 – 15].

Для германистов насыщенность германо-славянского фразеологического континуума может немало дать в историко-этимологических интерпретациях немецкой идиоматики: во-первых, многие славянские фразеологизмы-кальки стали консервантами старых форм и значений средневековых немецких идиом; во-вторых, немало таких схождений отражают древнее культурологическое (resp. генетическое) взаимодействие германских и славянских языков (ср. рус. *красный нетух* и нем. *roter Hahn* 'пожар', отсутствующее в романских языках и отражающее общие мифологические реминисценции); в-третьих, обилие общих немецко-славянских оборотов, образованных по общим структурно-семантическим моделям, дает хороший методологический инструмент для отбора наиболее вероятной этимологической интерпретации. Разумеется, немалая квота такой общности обусловлена и постоянным прямым культурным, экономическим и политическим взаимодействием Германии и Славии.

Историку немецкой фразеологии такой материал открывает обширное поле реконструкций внутренней и внешней формы многих современных оборотов.

Рассмотрение таких фактов под микроскопом славянских языков, как кажется, немало может дать исторической фразеологии немецкого и славянских языков.

Литература

1. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; СПбГУ: межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Художественная литература, 1957. – 992 с.
3. Ларин, Б. А. Западноευропейские элементы русского воровского аргю / Б. А. Ларин // Б. А. Ларин. Филологическое наследие: сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 314 – 326. (Переизд. статьи из: Язык и литература. Т. 7. – Л., 1931).
4. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Даведчае выдфана / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2004. – 448 с.
5. Мокиенко, В. М. Пушкинская золотая рыбка до и после Пушкина / В. М. Мокиенко // Пушкин. Альманах / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, 2002. – Вып. 3.
6. Николаева, Е. К. «Долгий ящик» А. А. Бестужева-Марлинского / Е. К. Николаева, С. И. Николаев // Русская речь. – 1999. – № 6. – С. 103 – 106.
7. Поливанов, Е. Д. Стук по блату / Е. Д. Поливанов // За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – С. 152 – 160.
8. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. – Т. 1: А-Г. – М.: Институт славяноведения РАН, 1995. – 584 с.
9. Стратен, В. В. Об аргю и аргюизмах / В. В. Стратен // Русский язык в советской школе. – 1931. – № 5. – С. 39 – 54.
10. Трахтенберг, В. Ф. Блатная музыка (жаргон тюрьмы) / В. Ф. Трахтенберг, И. А. Бодуэн де Куртенэ (ред., предисл.). – СПб., 1908.
11. Mokienko, V. M. Prinzipien einer historisch-etymologischen Analyse der Phraseologie / V. M. Mokienko // Wer A sägt, muss auch B sägen. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis / Hrsg. von Dietrich Hartmann und Jan Wիրrer (= Phraseologie und Parömiologie. Hrsg. von W. Eismann, Peter Grzybek, W. Mieder. Bd. 9). – Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2003. – С. 231 – 254.
12. Röhrich, L. Das große Wörterbuch der sprichwörtlichen Redensarten / L. Röhrich. Bd. 1 – 5. – Freiburg-Basel-Wien: Herder, 2001. – 1910 s.
13. Hentschel, G. Zur Komplexität deutsch-"jiddisch"-slavischer Lehnkontakte: Über ein deutsches oder auch nicht-deutsches Lehnwort im Polnischen und Russischen: *blat* / G. Hentschel // Kłańska, M. & P. Wiesinger (Hrsg.): Vielfalt der Sprachen. Festschrift Aleksander Szulc zum 75. Geburtstag. – Wien: Praesens, 1999.
14. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. – Stuttgart; Dresden: Klett, 1993. – 959 s.
15. Osten, A. Das große Buch der Redewendungen / A. Osten. – Wien: Tosa, 1997. – 435 s.
16. Vasmer, M. Russisches etymologisches Wörterbuch / M. Vasmer. – Erster Band: A-K. – Heidelberg, 1976. – XLVII. – 712 s.
17. Walter, H. (K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie / H. Walter, V. M. Mokienko. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2011. – 460 s.

Информация об авторе:

Харри Вальтер – профессор, доктор философских наук, старший научный сотрудник. Институт филологии современных иностранных языков, славистика, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия; почетный доктор Санкт-Петербургского государственного университета, почетный профессор ун-та им. Некрасова, г. Кострома, +49-3835-863210, walter@uni-greifswald.de.

Harry Walter – Prof. Dr. Dr. h.c., Senior researcher at the Institute of Philology of Modern Foreign Languages, Slavistics. Ernst-Moritz-Arndt-University of Greifswald, Germany. Doctor Honoris Causa of Saint Petersburg State University. Professor Honoris Causa of Nekrasov University, Kostroma, Russia.

УДК 81 '373. 225: 81 '282

ОБРАЗНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТЕОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

В. П. Васильев, Е. В. Васильева

FIGURATIVE REALIZATIONS OF THE METEONYMIC CONCEPT IN DIALECTAL SPEECH

V. P. Vasilyev, E. V. Vasilyeva

В статье даётся описание и анализ образных реализаций метеонимического концепта, объективированного в диалектной речи различными изобразительными средствами; предлагается характеристика образных представлений метеоявления с точки зрения их принадлежности к диалектным и общерусским моделям образотворчества.

The article presents the description and analysis of figurative realizations of a metonymic concept, objectivized in dialectal speech by different tropes. The author characterizes the imaginary perceptions of the meteo phenomenon as belonging to the dialectal and general Russian models of image creation.

Ключевые слова: метеоним, концепт, образное представление, образные средства языка, речевая коммуникация, русские говоры Сибири и Дальнего Востока, традиционная лингвокультура.

Keywords: metonym, concept, imaginary perception, tropes, speech communication, the Far East and Siberia Russian dialects, traditional linguoculture.

В современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии утвердилось положение о том, что «формирование обязательных в познавательном отношении содержаний осуществляется в сознании носителей языка в направлении от глубинных языковых когнитивных структур к поверхностным языковым, от образов – к концептам» [1, с. 2]. В соответствии с этим языковая реконструкция концепта как целостного единства предполагает учёт двух форм кодирования информации – образной и пропозициональной, раскрытие их роли в формировании языковой картины мира и выявление менталитета её носителей.

В данной статье продолжается рассмотрение образных реализаций концепта *ДОЖДЬ*, характерных для речи диалектоносителей сибирского и дальневосточного культурного ареала [2]. Основной акцент при этом делается не на «элементарной поэтичности языка» в его оформленных элементах [3; 4; с. 43 – 46; 5], а на образах, созданных из «сочетаний слов, всё равно, образных или безобразных» [6, с. 20].

Речевая образность метеонима выступает непосредственным постижением сущности явления в наглядных образах. Она служит переводом в речь образов как языковых когнитивных структур.

Мышление образами (эйдосами, образными представлениями, эмпирическими образами), выливающееся в сравнение подходящих друг для друга объектов, в создание образной модели (ОМ) «то, что сопоставляется (субъект сопоставления)» – «то, с чем сопоставляется (объект сопоставления)», при речевом овнешнении эксплицируется в синтаксических конструкциях с разной степенью развёрнутости (ср. *питательный ... дождь ... барабанил в окно, молотил хорошо, прошёл грядой, сеял как мукой, лил как из ушата и пр.*).

Выведение образов в речь направлено «не столько на то, чтобы передать собеседнику характер образов, имеющихся в сознании говорящего..., сколько на то, чтобы усилить образы, сделать их более впечатляющими» [7, с. 21]. При речевом выражении образа, не-

избежно связанном с его анализом, достигается более отчётливое и более содержательное оформление чувственно воспринятой реалии. Кроме того, использованием при его объективации выразительных средств достигается образное обобщение. Следовательно, «в образном ... мышлении речь служит не для формирования образов, а для усиления, углубления их и придания им обобщающего свойства» [7, с. 28].

Речевые способы уподобления элементов, названные образными (концептуальными) моделями и включённые в парадигму образов [8, с. 358], при системном описании рассматриваются по их целостности, по субъекту сравнения или по отождествляемому объекту [9, с. 29, 108–109]. Путь интегрального осмысления ОМ предпринимается в рамках криптокласса, в котором его элементы организуются «фамильным» сходством [10]. Заострённое внимание на субъекте модели открывает возможность выявления спектра образных обозначений для понятий одной семантической группы [8; 9, с. 29, 108 – 109]. Объектная ориентация в исследовании модели ведёт к осознанию объёма образного лексико-семантического поля, направленного на выражение концептуальной сущности субъекта сравнения [11].

В данном исследовании реализуется установка на целостный подход к изучению ОМ как билатеральной единицы: план выражения маркируется номинацией объекта сравнения (ср. конкретная артефактоморфная модель «дождь-как-стена»); план содержания, определяемый формальными границами ОМ, сводится к реконструируемому «плювионимическому» образу субъекта сравнения (ср. 'о дожде в виде отвесно падающей сплошной массы воды'). Подобной линии развития исследования отвечают следующие задачи:

а) систематизировать обобщённые наглядно-чувственные образы, выясняя предметные сферы, объекты которых отождествляются с метеоявлением;

б) рассмотреть образные представления о дожде, объективируемые в речевой коммуникации диалектоносителей, в рамках общих, инвариантных образных моделей;

в) установить языковые средства, участвующие в речевой реализации образной информации о метеоявлении;

г) охарактеризовать речевые образы метеонима с точки зрения их соответствия диалектным и общерусским моделям образотворчества.

Многоликость образных представлений о дожде, активизируемая носителями языка в речи, определяется широтой аналогий метеоявления с разнородными предметами действительности, номинации которых относятся к различным категориальным сферам, таким как живое существо, растение, вещество, неживая природа, питание, сельское хозяйство, строительство, искусство, техника и т. д. Их роль в раскрытии образных характеристик метеоявления дождь 'атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды' символизируется анимоморфными («дождь-как-живое существо»), вещественными («дождь-как-пыль»), натурморфными («дождь-как-ручей») и артефактоморфными («дождь-как-стена») образными моделями. Специфика построения и систематизации в каждой из них обуславливается, с одной стороны, особенностями проявления образов в речи, а с другой – набором конкретизируемых объектов сравнения.

1. Анимоморфные образные модели дождя

Эти образы отражают укоренившуюся в языке традицию одухотворения дождя, поэтапно представляемого в виде живого существа, а затем животного и человека [12, с. 21].

Модель «**дождь-как-живое существо**» воспроизводится путём линейного соположения метеонима с лексико-семантической группой глаголов движения (*валить, идти, семенить, трусить / трусить*), послуживших основой для метафорического переноса на функциональное состояние метеоявления, типичное проявление которого в языковом выражении воспринимается человеком как движение сверху вниз. Приводимые далее глаголы функционального состояния, наделённые узуальными и окказиональными значениями, обладают семантической двуплановостью и тем самым живописуют конкретные, картинные и яркие качества явления: *идти* 'выделяться из атмосферы, падать на землю (об осадках)' < 'двигаться в пространстве в определённом направлении, ступая ногами, делая шаги (о человеке и животном)'. Ср. *Вот сейчас бы грибом. Уйма было бы. Дожж идёт, а тепла-то нет. Они любят тепло, грибы* (Кем. Яшк. Солом.). *Перед Иван Купало хорошие дожжы шли* (Кем. Юрг. Зел.);

валить 'двигаться (подниматься, лететь, падать и т. п.) сплошной массой, потоком (о снеге, дыме, дожде и т. п.)' < 'идти, двигаться толпой, массой (о людях, животных)'. Ср. *Вот там дождь идёт, валит прямо, а здесь один-два раза брыкнет – и долой* (Том. Крив. Ишт.);

семенить 'идти, падать быстро мелкими частыми каплями. О дожде' < 'двигаться, идти в каком-л. направлении быстро мелкими, частыми шагами, суетливо (обычно о незначительном или небольшом человеке или животном)'. Ср. *О-от он и семенит, и семенит, и семенит. А те-то лишиного дожжа тоже никуда не надо* (Кем. Яшк. Солом.);

трусить / трусить 'идти, падать мелкими частыми каплями. О дожде' < 'бежать мелкой рысью (о лошади и др. животных)'; 2. // 'идти, бежать мелким, частым шагом (о человеке)'. Ср. *Ить сёдни как дожж трусил, сильный, как припустит, как припустит* (Том. Зыр. Черд.). *Бывает другой раз [дождь], так трусит как туман. Но он не вредный такой-то* (Кем. Юрг. Ал.).

В высказываниях диалектоносителей дождь отличается также дискретными зооморфными образами. Он моделируется по подобию с копытными животными и дикими зверями: *Вот там дождь идёт, валит прямо, а здесь один-два раза брыкнет – и долой* (Том. Крив. Ишт.). *И в сентябре люты дожжы пойдут. Коды не надо-то, идут* (Кем. Юрг. Асан.). В связи с увязкой семантики глагольного слова *брыкнуть* 'стукнуть, ударить ногой или задними ногами вместе; лягнуть (о лошади, корове, олене и т. п.)' с метеорологической мифологией возникает предположение о доминировании при нём субъектной номинации, обозначающей облачных дойных коров, молоко которых «проливается в виде плодоносного дождя» [14, с. 162; 15, с. 159]. Этому не противоречит «плювионимичное» метафорическое значение 'внезапно быстро пройти, выпасть (о сильном дожде)' рассматриваемого предиката, дающего возможность сохранить в сознании наглядный образ выпадения стремительно льющегося дождя.

Образ стремительно и обильно льющегося дождя сопрягается также с моделью «**дождь-как-дикий зверь**», материализованной в адъективной сочетаемости метеонима, в которой метафорическое прилагательное *лю-тый* сохраняет свою семантическую двуплановость 'очень сильный по степени проявления' (мороз, ветер, вьюга, дождь) < 'свирепый, кровожадный (о животных: звере, псе и – др.-рус. *лютыи* 'лев'; *лютый звѣрь* 'хищный зверь')', повторённую также в его синониме *свирепый* 'чрезвычайно сильный в своём проявлении (о явлениях природы, стихиях)' < 'кровожадный, хищный, лютый' (о животных)'. Ср. *В понедельник был лютый дож, больша ливень* (Том. Том. Верш.).

Изображение дождя в облике птицы иллюстрируется наличием при метеониме олицетворяющего предиката, обозначающего способность передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев. Ср. *Хлеб возили, клади клали. В осень моя работа была на кладях. Клали, хыть и дождь летит, хыть и чё летит, мы на кладях кладём* (Кем. Прок. Кот.). Образная модель «**дождь-как-птица**», реализуясь также в речи носителей литературного языка, раскрывает метеоявление со стороны движения как его функционального состояния – 'идти, выпадать (о дожде, снеге)', осложнённого в иных случаях большой скоростью выпадения капель (*пролётывать* 'быстро проезжать, проноситься' // 'быстро проходить, выпадать (о дожде, снеге)' > 'летя, совершать путь мимо кого-, чего-л, куда-л. или где-л.' и – том. *летучка* 'о том, кто быстро передвигается', лит. устар., поэт. *пролётная* 'быстро пролетающая, проносящаяся, проходящая'... *гроза*). Ср. *Или идёшь и смотришь: то солнце светит и дождь реденький, такой крупненький летит* (Кем. Кем. Маз.).

В антропоморфной интерпретации дождя усматриваются его аналогии с разными ипостасями конкретных действий человека, что удостоверяется, например, такими глаголами, как: *сыпать*, *сорить* (перемещение объекта), *сеять* (помещение объекта), *брызгать* (покрытие объекта), *накупать*, *полоскать* (очищение... объекта), *пробивать* (повреждение объекта) и др. Видение дождя со стороны человека действующего обеспечивает образную квалификацию дождя как природного явления или как явления, воспринимаемого в прагматическом ракурсе.

Ряд образов 'о мелком частом дожде', 'о мелком дожде' сигнализируется координированными с метеонимом глагольными метафорами *сыпать* 'идти, падать (о мелком частом дожде, снеге)' < 'заставлять что-л. сухое и сыпучее струей перемещаться (падать, лететь) сверху вниз во что-л.'; *сорить* 'идти, падать мелкими каплями (о дожде)' < 'бросать сор (= мелкие сухие отбросы) где-л.'; *сеять* 'идти, падать (о мелком дожде, снеге)' < 'разбрасывать семена (= зёрна 'мелкие плоды растений') на подготовленную для посева почву'; *брызгать* 'идти, падать (обычно о мелком дожде)' < 'покрывать водой, окроплять (обдавать что-л. брызгами, каплями), опрыскивать жидкостью'. Ср. *Дождь мелконький сыпет* (Г.Алт. У.-Кан. Син.). *Иш, каг бус, сыпет [дождь]*, *ровна скрость ситечка* (Ирк. Черемх.). *Сенозной – это раньше был. Идёт дождж не дождж, сорит так* (Кем. Юрг. Иск.). *Нонче хорошая трава. Лучшие намного. Дожджы вовремя сеют* (Кем. Яшк. Итк.). *Дожджа нету долго, а в уборошну мелкий сеет – говорят, ситник идёт, паря, сенозной идёт* (Хаб. Окт. Пуз.). *А я картошки таскаю, дожджык брыжжът, дош паиол* (Кем. Н.-Куз. Шор.).

Другая подборка наглядных образов, раскрываемых в предикатных синтагмах метафорическими значениями глаголов *накупать* 'вымочить, сделать совсем мокрым' < 'вдоволь, много покупать кого-л. (в воде)', *полоскать* 'сильно литься, хлестать (о жидкости, дожде)' < 'промывать, обмывать, погружая в воду, вода из стороны в сторону в воде', *пробивать* 'проникать, просачиваться сквозь чего-л.' < 'повреждать что-л. ударами какого-л. орудия, сделав отверстие, проём', включает в себя следующие образные преставления о дожде – 'об обильном дожде, промачивающем одежду человека', 'о стремительно льющемся дожде', 'о дожде, разрыхляющем почву и увлажняющем её', 'о дожде, проникающем внутрь неплотно сложенного стога', в которых на ассоциативной основе в первую очередь акцентированного признака "вода" достраиваются другие признаки. Ср. *Дожджа не было долго. Говорят, ходили по полям, и смотришь: пойдёт дождж, накупат дождж* (Кем. Яшк. Полон.). *Дождж пойдёт, прольётся, а развернётся и опять пойдёт* полоскать (Кем. Пром. Тарас.). *Дошьть не расходитца. Лучь землю пръмачил*, сполошшит (Красн. Енис. Плод.). *Опять дождж заполоскал* (Том. Пар. Нов.). *Сухота-то была, а сейчас пробило землю-то. Дожди хлестали сильно* (Бурят. Каб. Бык.). *Хороший дождж, пробоистый такой, тихий. Ну маленький дожджык, мелкий, – говорит, – хороший, пробоистый такой, промачивает землю* (Кем. Яшк. Н. Тайм.). *Травой сырой или сеном вывершивают. Вывершить стог – значит выровнять его, чтобы его дождём не*

пробило (Амур. Скв. Алб.). *Если утужить [делать вершину стога, зарода] не мастер, дождём всё сено пробьёт* (Чит. Шел. Кав.).

II. Вещественные образные модели дождя

Явление дождя, отображённое в речи в его отождествительной соотнесённости с пылью 'взвешенными в воздухе или осевшими на поверхности предметов мельчайшими твёрдыми частицами', воспринимается как вид дождя, мельчайшие капли которого <в силу недостаточной тяжести> медленно опускаются на землю. Ср. *Иной раз, как пыль, мелкий-мелкий дождж идёт* (Кем. Яшк. Колмог.). *Дош бусить, быт-та пыль идёт* (Бурят. Тарб. Б.Кун.). Регулярная воспроизводимость подобного образа с помощью сравнительного оборота *как пыль*, характерная для общерусского речевого обихода, запечатлевается лишь в переносном словозначении *пыль* 'мельчайшие капельки воды, влаги' литературного языка. Ср. *Дождевая, водяная ... пыль...дождя, воды*. Закономерность аналогии, продемонстрированная моделью «**дождь-как-пыль**», подтверждается семантической историей метафорического сателлита *порошить* 'идти, падать мелкими частыми каплями; моросить (о дожде)', соотносимого с первичным значением 'сыпать, рассыпать, пылить, бусить' < диал. *порох* 'всякое сыпучее вещество, пыль, бус' < прасл. **porx* 'пыль'. Ср. *Порошит на улице дожджик* (Н-сиб. Маслян. Бочк.). *Уж затянетца кода, сено долго лежит, меленький порошит дожджык...* (Кем. Яшк. Полон.).

III. Натурморфные образные модели дождя

Эти модели конкретизируются категориями объектов из сферы «неживая природа», а именно: водным потоком, атмосферными осадками, оптическим явлением, номинации которых употребляются в виде сравнительных оборотов, компаративных наречий или входят в состав сравнительных придаточных. Ср. ... *а вот уливный – это дождь, ручьём льёт, ливняк* (Тыва. П.-Хем.). ...*ну о-о-о, пошёл сенозной. Морок и тепло, и он так не дождж, а как роса падат и падат, и не сушит ничего* (Кем. Юрг. Митр.). *Когда дожджик пройдёт как туман, из земли как воспарение* (Кем. Крап. Бан.).

Гидроморфная модель «**дождь-как-естественный водный поток**» включает в себе осмысление дождя через призму категориального образа *ручей* 'водный источник, текущий быстрой струей', что способствует закреплению за номинирующей его лексемой переносного значения 'о любой жидкости (слезах, крови, поте, дожде), обильно текущей, струящейся', которое осознаётся по соотнесённости с первичной семантикой как его смысловой вариант.

Метеоморфные модели («**дождь-как-туман**», «**дождь-как-роса**») формируются на основе внутри- и межтематического сопоставления их элементов. В конструкциях, отражающих рассмотрение дождя в проекции его сравнения с туманом (см. толкование: 'оптическое явление, нарушающее видимость, обусловленное скоплением в приземных слоях воздуха мелких водяных капелек или ледяных кристаллов'), воссоздаются вариативные образы разной психологической яркости, неодинаково поддерживаемые усло-

виями контекста. О мелком или очень мелком дожде свидетельствуют такие речевые произведения, как: *Дождж* как туман, *бусовой*. Или говорят: *"Бусит дождж"* (Кем. Яшк. Мох.), дополнительно содержащие оправдательные для этого образа слова *бусить* 'идти, падать мелкими или очень мелкими частыми каплями (о дожде)', *бусовой* 'являющийся бусом'. В других высказываниях диалектоносителей, имеющих в своём составе сравнительные придаточные с сигнальным словом *садиться* 'оседающая, сгущаясь, опускаться к поверхности земли, воды (о тумане)', рисуется картина выпадения мельчайшего частого дождя. Ср. ...как туман *дождж* садится (Кем. Яшк. Солом.). *Осенью такой дождж бывает. Да моросит так*, как туман садится. *Осенним его называют* (Кем. Крап. Каб.).

Благодаря сравнению дождя с росой 'атмосферными осадками в виде (мелких) капель влаги, оседающих из влажного воздуха на растениях, почве, предметах при их охлаждении в вечерние или утренние часы' в наглядных образах – 'мелкий <продолжительный> дождь' и 'мелкий <продолжительный> дождь, <во время> сенокоса', – создаваемых в контекстах, подчёркивается его характеристический признак, связанный с размером водяных капель. Ср. *Дождь затяжной бывает мелкий*, как роса, *может идти полсутки и полмесяца* (Кем. Юрг. Кир.).

IV. Артефактоморфные образные модели дождя

Более подробно данные модели анализируются в другой работе [2]. Здесь внимание сосредоточивается дополнительно на двух моделях образной концептуализации: «**дождь-как-пронзающее или режущее орудие**» и «**дождь-как-пищевой продукт**».

Орудийный статус дождю приписывается на основе его сочетаемости с глаголами и прилагательными, в первичном значении относящимися к темам субъектного или объектного помещения и повреждения объекта – *врезать* 'глубоко, силой вонзить что-л. острое, режущее (лопату, косу)' < *резать* 'разделять на части, отделять от целого острым орудием (ножом,

лезвием и т. п.)' и – см. тул. *резака* 'нож'; *втыкаться* 'входить внутрь чего-л., куда-л. острым, тонким концом; вонзаться (о стреле, занозе, багре, шипе); *пронзительный* 'способный пронзить, проколоть, прорезать; острый' < *пронзить* (стрелой, штыком, пикой) / *пронзать* (стрелами, кинжалом, копьём) 'наносить сквозную рану, делать в чём-л. сквозное отверстие чем-л. остроконечным, колющим; прокалывать' < др.-рус. *нъзити* 'колоть, резать' < прасл. **nožь* < **nozъ* < и.-е. **neg'h* 'удар', 'рана'. На роль прототипных субъектных или объектных актантов для данных глаголов претендуют, по всей вероятности, существительные, обозначающие ещё в праславянском языке холодное оружие: *нож*, *копье*, *стрелу*. Это удостоверяется исторической последовательностью их появления и культурно-исторической приуроченностью обозначаемых ими объектов к атрибутам громовержца (слав. Перуна ~ балт. Перкунаса) [13, с. 306]. Ниспосланные на землю Перуном *стрелы*, *копья дождя*, являясь обозначением мужского начала [14, с. 159, 360], самим фактом протыкания земли символизируют её оплодотворение. Миропонимание, пронизанное идеей плодородия, естественное для земледельческого общества, выражается в образах дождя ('о стремительно льющемся дожде', 'о дожде, глубоко увлажняющем почву', 'о дожде, проникающем в почву'), высвечиваемых метафорической семантикой синтагматических партнёров метеонима: *врезать* 'с силой, стремительно идти, лить', *пронзительный* 'хорошо увлажняющий', *втыкаться* 'проникать, просачиваться в почву'. Ср. *Вот заходит чёрна туча, только я успел зайти, пришёл, как врежет* [дождж]. *Добежал вот до селы, добежал и обратно. Значит, как ещё приурезал дождж* (Кем. Юрг. Ал.). *Дождж, который прошёл, его нет – это добрый дождж. Как косит из сита, маленький, пронзительный ...* (Кем. Яшк. Итк.). *Раньше бывали дожди в мае – июне. Как ливанут, всё пухнет, всё растёт. Бывает и с ветром, а бывает тихий. Это лучше. Он в земельку втыкается, корнеплод к нему тянется, и всё растёт хорошо* (Кем. Крап. Сар.).

Названия образных моделей	Виды образных моделей	Представленность ОМ в формах национального русского языка	
		литературный язык	диалектный язык
Анимоморфные ОМ	«дождь-как-живое существо»	+	+
Зооморфные ОМ	«дождь-как-копытное животное»	+	+
	«дождь-как-дикий зверь»	–	+
	«дождь-как-птица»	+	+
Антропоморфные ОМ	«дождь-как-человек действующий»	+	+
Вещественные ОМ	«дождь-как-пыль»	+	+
Натурморфные ОМ	«дождь-как-естественный водный поток (ручей)»	–	+
	«дождь-как-туман»	–	+
	«дождь-как-роса»	–	+
Артефактоморфные ОМ	«дождь-как-пронзающее или режущее орудие»	+	+
	«дождь-как-пищевой продукт (мак)»	–	+

Трофоморфная (<греч. *trophē* ‘питание’) модель, или «**дождь-как-пищевой продукт**», раскрывается в дискурсе путём актуализированной аналогии дождя с маком – ‘пищевым продуктом, представляющим собой высушенные [мелкие] семена..., обычно употребляемым для приготовления изделий из теста’. Ср. *Изморек, он маленький такой дождж идёт, он моросит так. Как дождж маленький идёт. Бусит маленько так, как мак всё равно* (Кем. Яшк. Солом.). Содержание текстового образа дождя укладывается в семантические границы гипонима *изморек* ‘мелкий, мельчайший дождь’.

Воссоздание образного мира метеонима *дождь*, установленного на основе отождествления разнообразных предметных сфер с метеоявлением, осуществляется путём описания и анализа 11 конкретных образных моделей (см. таблицу), которые в большинстве своём носят общерусский характер [ср.: 8, с. 353 – 366]. Их своеобразие сводится к наличию и разработке натурморфных образных моделей, что определяется особой значимостью для повседневного бытия сельских жителей природного фона и глубиной его знания, а также моментами более жёсткого противопоставления своего и чужого миров (см. ОМ «дождь-как-дикий зверь»). Колорит образных представлений просматривается в более конкретных способах видения атмосферных явлений, в системе конкретных процессов и субстанций, используемых в качестве ценностно-смысловой призмы для физического и ментального освоения природного мира. Будучи включёнными в материальную деятельность человека и культурные практики деревни, они отягощаются особым шлейфом традиционного культурно-исторического опыта, нехарактерного для представителей элитарной урбанической культуры (см. лексемы *мак*, *полоскать*, *бус* ‘мучная пыль’ и др.).

Анализируемые образные модели в зависимости от уровня категориальной принадлежности слов, обозначающих объект сопоставления, отличаются разной экспликационной возможностью метеонимических образов: а) базовые слова категорий, как правило, синтагматически маркируют метеонимический образ одним признаком (ср. *дождь идёт*), который доращивается воспринимающим за счёт знания атмосферной реалии, б) суббазовые слова лексических категорий наделяют образ многопризнаковостью (ср. *дождь семенит*).

Литература

1. Берестнев, Г. И. В поисках семантических универсалий / Г. И. Берестнев. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
2. Васильев, В. П. Метеоним *дождь* в образно-речевой системе диалектного языка / В. П. Васильев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Серия: История. Филология. – 2012 (в печати).
3. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992.
4. Симашко, Т. В. Эмпирический компонент в единицах денотативного класса / Т. В. Симашко // Динамика языка в синхронии и диахронии. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002.
5. Словарь образных слов и выражений народного говора. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001.
6. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972.
7. Савченко, А. Н. Речь и образное мышление / А. Н. Савченко // Вопр. языкознания. – 1980. – № 2.

Принципиальной чертой образных моделей метеонимической картины является то, что, с одной стороны, одно и то же образное содержание метеонима многообразно кодируется разными видами моделей. К примеру, образ мелкого дождя передаётся натурморфными (*дождь был как туман*), артефактоморфными (*дождь... бусит так, как мак*) и антропоморфными (*дождь... сеял, сыпал, сорил*) моделями. Однако в большинстве случаев наблюдается пересечение образных впечатлений, что ставит их образные экспоненты в отношения коммуникативной дополнительности.

Особой информативностью обладает систематизация образных моделей в связи с воплощением в них бинарных оппозиций «небо – земля», «природное – социальное», «свой – чужой», «сакральное – профанное» и др., служащих древним средством усвоения мира. По первой оппозиции преобладают земные образные модели над небесными («дождь-как-птица», «дождь-как-роса», «дождь-как-туман»). По второй оппозиции перевес приходится на образные модели, кодирующие дождь в природно-естественном аспекте (8 ОМ против 3, к которым относятся «дождь-как-пронзающее или режущее орудие», «дождь-как-пищевой продукт (мак)», «дождь-как-человек действующий»). Согласно третьей оппозиции, полюс чужого бесспорно воплощает модель «дождь-как-дикий зверь». Вместе с тем, чтобы окончательно типологизировать этот материал, необходимо исчерпывающее и представительное во многих отношениях собрание образных моделей.

Инвентаризация образных представлений метеонимов, которые, реализуясь в речи, получают опору с помощью соположенных с ними метафор и олицетворений, сравнений (творительного сравнения, сравнительных оборотов, компаративных наречий) и эпитетов, позволяет воссоздать общую модель мировидения традиционного языкового коллектива и получить представление об особенностях его менталитета. Причём важность изучения ОМ возрастает в связи с актуальностью реконструкции мифологической картины мира и освещения той части мировоззрения, при котором «уже приобретало свои права земное и человеческое» [13, с. 291].

8. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII – XX веков / Н. В. Павлович. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – Т. 1 – 2.
9. Купчик, Е. В. Картина образного мира Александра Городницкого / Е. В. Купчик. – Тюмень: Мандр и К^а, 2006.
10. Борискина, О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003.
11. Юрина, Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005.
12. Мишанкина, Н. А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Мишанкина. – Томск, 2002.
13. Мифы народов мира / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – Т. 1 – 2.
14. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: Фаир-Пресс, 2001.
15. Афанасьев, А. Н. Сказка и миф / А. Н. Афанасьев // Афанасьев А. Н. Народ-художник. – М.: Сов. Россия, 1986.

Условные сокращения территорий распространения

Амур. – Амурская обл.: Скв. – Сковородинский р-н (Алб. – Албазино); Бурят. – Бурятия: Каб. – Кабанский р-н (Бык. – Быково), Тарб. – Тарбагатайский р-н (Б. Кун. – Большой Куналей); Г.Алт. – Горный Алтай: У.-Кан. – Усть-Канский р-н (Син. – Синагашкино); Ирк. – Иркутская обл.: Черемх. – Черемховский р-н; Кем. – Кемеровская обл.: Кем. – Кемеровский р-н (Маз. – Мазурово), Крап. – Крапивинский р-н (Бан. – Банново, Каб. – Кабаново, Сар. – Сарапки); Н-куз. – Новокузнецкий р-н (Шор. – Шорохово), Прок. – Прокопьевский р-н (Кот. – Котино), Пром. – Промышленновский р-н (Тарас. – Тарасово), Юрг. – Юргинский р-н (Ал. – Алаево, Асан. – Асаново, Зел. – Зеледево, Иск. – Искитим, Кир. – Кирово, Митр. – Митрофаново), Яшк. – Яшкинский р-н, (Итк. – Иткара, Колмог. – Колмогорово, Мох. – Мохово, Н.Тайм. – Нижняя Тайменка, Полом. – Поломошное, Солом. – Соломатово); Красн. – Красноярский кр.: Енис. – Енисейский р-н (Плод. – Плодбище); Н-сиб. – Новосибирская обл.: Маслян. – Маслянинский р-н (Бочк. – Бочкари); Том. – Томская обл.: Зыр. – Зырянский р-н (Черд. – Чердаты), Крив. – Кривошеинский р-н (Ишт. – Иштан), Пар. – Парабельский р-н (Нов. – Новосельцево), Том. – Томский р-н (Верш. – Вершинино); Тыва – Тыва: П.-Хем. – Пий-Хемский р-н; Хаб. – Хабаровский кр.: Окт. – Октябрьский р-н (Пуз. – Пузино); Чит. – Читинская обл.: Шел. – Шелопугинский р-н (Кав. – Кавыкучи).

Информация об авторах:

Васильев Василий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, 8 (3842) 72-82-89, wwpetrovich@rambler.ru.

Vasiliev Vasily Petrovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Slavonic Languages of KemSU.

Васильева Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, 8 (3842) 72-82-89, eww85@yandex.ru.

Vasilieva Elena Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Slavonic Languages of KemSU.

УДК 800:159.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ «ЗАКОНА РАЗРЫВА ШАБЛОНА» В НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Б. Воропаева, Е. Б. Трофимова

THEORY AND EXPERIMENTAL ILLUSTRATION OF «THE LAW OF THE PATTERN/MODEL BREAKING» IN UNPREPARED SPEECH ACTIVITY

A. B. Voropaeva, E. B. Trofimova

В данной статье представлено обоснование и иллюстрация основных положений экспериментально-теоретической работы, посвященной исследованию спонтанного речепорождения в стрессовых условиях. Результаты проведенного психолингвистического эксперимента нашли свое отражение в когнитивном моделировании спродуцированного текста, а также была предпринята попытка классифицировать полученные в ходе анализа модели.

The article represents the explanation and illustration of the principal statements of the experimental and theoretical work devoted to the research of spontaneous speech production in stressful situations. The results of the

psycholinguistic experiment are expressed in the form of cognitive modeling of the text produced during the experiment and there is an attempt to classify the models.

Ключевые слова: сознание, психолингвистический эксперимент, спонтанное речепорождение, стрессовая ситуация, когнитивное моделирование.

Keywords: consciousness, psycholinguistic experiment, spontaneous speech production, stressful situation, cognitive modeling.

Специалисты в области историографии любой науки отлично знают, что как в формировании идей, так и в практической сфере их реализации можно выделить эпохи интеграции и дифференциации. Если не уходить в глубь истории, то 1960-е годы в нашей стране (за рубежом несколько раньше) обозначили явное стремление к интеграции знаний, а с конца 1970-х по нарастающей идет дифференциация, которую не смогла остановить даже синергетика, по-видимому, из-за ее слабой вписанности в гуманитарную сферу.

В настоящее время все отчетливее звучит мысль о том, что пора перейти от решения узких вопросов, отражающих частные интересы той или иной конкретной науки, к проблемам, которые одинаково значимы для специалистов разного профиля: лингвистов, физиков, математиков, культурологов и, конечно же, филологов. Имеются в виду исследования на стыке феноменов *сознание – мышление – язык*. Внутри этой триады сосуществуют (создаваемые взаимодействием ее составляющих) фреймы, концепты, языковые картины мира, метаязыковое сознание, парадоксальное сознание (порождающее гениев и безумцев), мозговые структуры с их нейронными сетями и прочими нейрофизиологическими явлениями.

В обозначенной выше триаде наиболее труднодоступной составляющей является сознание, недаром этот феномен так часто употребляется в сочетании «тайна сознания», причем во вполне серьезных научных исследованиях [4, с. 150 – 164]. Синергетики и специалисты в области динамической когнитивистики рассматривают состояние сознания как хаотические аттракторы, то есть «как некий постоянно изменяющийся процесс, явно не статический и даже не следующий по фиксированному циклу ... Воспоминания приходят и уходят, мысли проходят через сознание только чтобы исчезнуть и возвратиться позднее... Они являются элементами некоторого психического тумана или точнее психической погоды с соответствующими ей постоянно колеблющимися температурой, влажностью, ветром и так далее» [2, с. 53].

Тем не менее нейрофизиологами достаточно давно было установлено, что человеческий мозг живет как бы в трех различных режимах. Во-первых, при выполнении автоматизированных действий сознание вообще «отдыхает»; во-вторых, оно включается «в работу», когда происходит «изменение сенсорных входных сигналов, в связи с тем, что необходимо обработать новую информацию» [5, с. 100 – 104], при этом сама информация при всей своей новизне, как и ситуация ее доставки, должна проходить в условиях соблюдения причинно-следственных отношений. Иными словами, «любой самостоятельный умственный процесс может быть продуцирован взаимодействием других умственных процессов, которые сами яв-

ляются продуктами третьих умственных процессов» [там же]. Полагаем, что данное состояние функционирования сознания может быть охарактеризовано как его нормативная деятельность. Наконец, третий этап связан с нарушением причинно-следственных отношений, в результате чего ситуация оказывается непредсказуемой. В. М. Аллахвердов для обозначения такого рода явлений использует понятие «закон разрыва шаблона» [1, с. 331]. Автор отмечает, что «нарушение ситуативной закономерности ведет к разрушению привычных схем поведения, к затруднению в принятии самых простых решений, вызывает сбой в поведении и хаотические попытки избавиться от навязанной ситуацией закономерности» [там же: 329].

До настоящего времени «закон разрыва шаблона» исследовался преимущественно психологами, психоневрологами, нейрофизиологами. Наиболее крупной и интересной работой в этом направлении, по нашему мнению, следует признать монографию В. М. Аллахвердова «Сознание как парадокс» [1]. Языковеды находились в стороне от исследования данной проблемы, однако еще Аристотель указывал на тесную связь языка и мышления, хотя и не считал их «равноправными партнерами». Спустя 21 столетие, Г. Лейбниц призвал философов исследовать естественные языки, дабы понять законы логики. А в наши дни в клинической психиатрии врач получает информацию о психическом состоянии пациента, наблюдая и анализируя его спонтанную речь, но при этом сетует, что «до сих пор анализ речи больного, а через него оценка организации всей его речемыслительной деятельности проводится часто по плохо систематизированному, субъективно оцениваемым отклонениям от речевой и логической нормы узуса». Весьма странно звучит следующее определение «патологического текста». Патологическим следует считать текст, принадлежащий психически больному человеку, и в котором отражены симптомы психического заболевания данного человека» [3, с. 48]. Не правда ли, оригинальное определение! Используя его, мы попадаем в замкнутый круг. Между тем «при проведении судебно-психиатрической экспертизы и дифференциальной диагностики постоянно ощущается необходимость в таких объективных и независимых лингвистических приемах, приложение которых к ПТ (патологическому тексту. – А. В., Е. Т.) давало бы возможность определить характер патологии сознания у автора этого текста» [3, с. 51].

Некоторые факты в области когнитологии и синергетики, обнаруженные в последние десятилетия преимущественно зарубежными исследователями, свидетельствуют о глубинной связи сознания и языка. «У человека имеется очевидная сильная тенденция осмысливать действительность в терминах объектов. Причиной этого отчасти может быть влияние языка...

Когда маленькие дети узнают названия вещей, они немедленно начинают формировать строго определенные категории, на основе которых осуществляются точные предсказания относительно реальных физических объектов» [2, с. 49]. По-видимому, такое объективированное восприятие как в онтогенезе, так и в филогенезе формируется достаточно рано. А. Комбс отмечает, что состояние сознания можно рассматривать как «такое состояние, к которому система стремится по своей собственной природе» [2, с. 52]. В мире много циклических явлений – смена времен года, приливы и отливы, суточная цикличность и так далее, однако А. Комбс полагает, что наиболее интересны не циклические, а те системные явления, которые не могут быть точно предсказаны. Именно они получили название «хаотических аттракторов», которые характеризуют дестабилизацию сознания.

Все вышеизложенное приводит к мысли, что в исследовании онтологических свойств «закона разрыва шаблона» наряду с психологами и другими специалистами в области высшей нервной деятельности должны активно участвовать лингвисты, специализирующиеся в психолингвистике и когнитивистике. Изучение речи и поведения индивидов в условиях разных форм проявления фактора психической нестабильности даст возможность приблизиться к пониманию «тайны сознания». Встает вопрос: на чем базируется данное предположение? Хорошо известно, что человек воспринимает, хранит и перерабатывает гораздо большее количество информации, чем он осознает. Но неосознаваемые смыслы тем не менее в скрытой форме присутствуют в сознании. На данном этапе работы мы ставим весьма скромную задачу: определить, какие модификации в процессах вербальной и невербальной коммуникации происходят при действии «закона разрыва шаблона». Исследование же связано с объяснением полученных результатов (то есть переход от «как» к «почему») и будет затем продолжено с привлечением специалистов по ВНД (высшей нервной деятельности).

Ниже представлено обоснование и иллюстрация основных положений экспериментально-теоретической работы, посвященной исследованию спонтанного речепорождения в экстремальных условиях. Под экстремальными условиями здесь понимается реализация вынужденно неподготовленного устного текста на заданную тему. Поставленный в жесткие временные и тематические рамки речевой трансляции продуцент может использовать, в первую очередь, те языковые ресурсы, которые отражают содержание его оперативной памяти. С другой стороны, в тех случаях, когда от реципиента удастся получить текст достаточной протяженности, вероятно, оказываются подключенными и некие (психофизические? речевые?) механизмы, исследование которых позволит в какой-то степени понять иерархию организации языковых представлений в сознании носителей языка. Такого рода исследования представляют гораздо большие возможности проникнуть в «тайны сознания» по сравнению с простым ассоциативным экспериментом, использующим, как правило, одиночные стимулы и порождающим, чаще всего, одиночные реакции.

Нестандартный подход к анализу материала исследования потребовал ввести собственную терминологию, предваряющую описание самого психолингвистического эксперимента.

Мыслеблок представляет собой один или несколько однородных предикативных актов. Под предикативным актом, рассматриваемым как микротекст, подразумевается отношение между стимулом и реакцией, однородными же акты являются тогда, когда они направлены на осмысление одного и того же объекта. Когнитивная модель спонтанного речепорождения в стрессовой ситуации в условиях психолингвистического эксперимента представляет собой структуру отношений между стимулом и реакцией с позиции реципиента.

В роли реципиентов в данном эксперименте выступили студенты отделения «Иностранный язык» Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета г. Комсомольска-на-Амуре. Характер эксперимента с испытуемыми заранее не обсуждался, работа проводилась индивидуально с каждым участником в изолированном помещении при полной тишине. Реципиенту предлагалось сразу же после оглашения словосочетания, не задумываясь, по возможности избегая пауз, проговорить все, что придет в голову в связи с заданной темой. Только после такой инструкции сообщался стимул и сразу же включался диктофон.

Так как конечной целью психолингвистического эксперимента являлось когнитивное моделирование порождаемого текста, представим далее модели, сопровождаемые в качестве примера реакциями 22 реципиентов на стимул *малиновый пиджак*. Модели изображены в виде схем, расположенных по принципу от простых к более сложным. Дадим расшифровку символов, используемых в моделях.

Символ S обозначает стимул, выступающий в качестве номинации, а R указывает на реакцию, которая в данном случае играет роль предиката. В совокупности мы получаем микротекст, который и подлежит моделированию. Стрелки указывают на характер отношений между стимулом и реакцией. Rn(Sn) указывает на реакцию, которая является стимулом для последующих реакций (n в первом случае (Rn) – номер реакции, которая выступила в роли стимула, во втором случае (Sn) – это номер такого стимула). Номер реакции в схеме соответствует цифре в скобках рядом с каждой реакцией в тексте продуцента, представленного в качестве иллюстрации. R₀ – это реакция, не вербализованная в ходе эксперимента, но обозначенная при пояснении продуцентом неоднозначных реакций в беседе после эксперимента. Различными видами линий и цветовыми оттенками в схемах определены границы мыслеблоков.

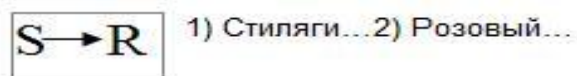

Схема 1

Когнитивная модель, соответствующая схеме 1, представляет собой базовую структуру, входящую в состав последующих более сложных структур. Данная

схема передает отношение между стимулом и реакцией, выраженное в предикативном акте, рассматриваемом как микротекст. Переводя схему в слова в соответствии с первым примером, получаем утверждение *Малиновый пиджак – это стилиги*, вариантами которого в речи могут быть такие высказывания, как *Малиновый пиджак связан со стилигами*, *Малиновый пиджак являлся атрибутом стилиг*, *Малиновый пиджак символизирует стилиг*. Данная модель, как и передающее ее в речи высказывание, представляет собой один мыслеблок.

В отличие от схемы 1, состав схемы 2 расширяется до двух реакций, которые являются неоднородными, так как, определяя один и тот же стимул, характеризуют его с разных сторон, таким образом представляя разные мыслеблоки.

Аналогичная предыдущей схеме, но имеющая в своем составе на одну реакцию больше, когнитивная модель, соответствующая схеме 3, представляет собой три разнородных смысловых образования или мыслеблока.

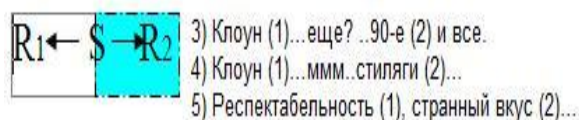

Схема 2

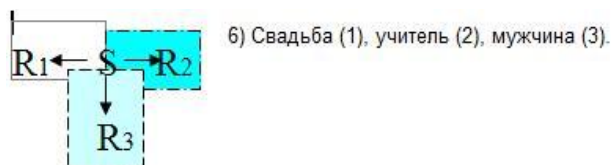

Схема 3

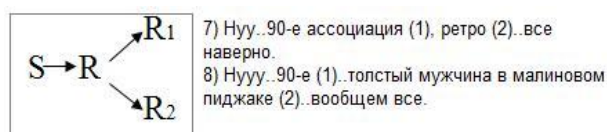

Схема 4

Принципиальным отличием четвертой когнитивной модели от двух предыдущих является то, что все реакции, ее составляющие, однородны, то есть определяют один и тот же объект или ситуацию, таким образом формируя один мыслеблок. В схеме однородность реакций передана символом R, от которого отходят пронумерованные R₁ и R₂, соответствующие реакциям в тексте продуцента.

Последующие схемы 5, 6 и 7 являются аналогами схемы 4, но с расширенным составом однородных реакций.

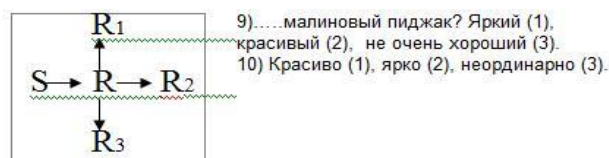

Схема 5

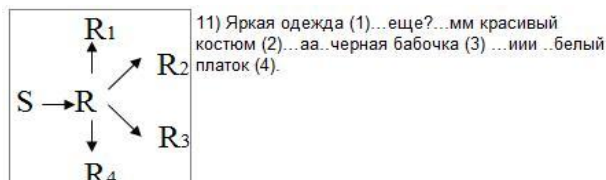

Схема 6

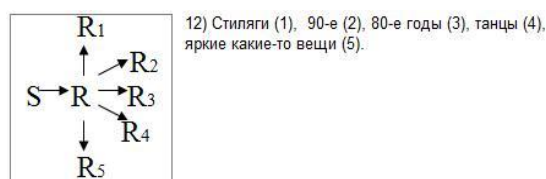

Схема 7

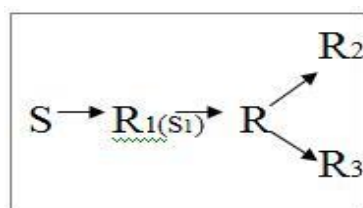
Когнитивная модель, соответствующая схеме 8, представляет собой комбинацию двух мыслеблоков, один из которых состоит из единственной реакции, другой – из нескольких однородных реакций. Основанием для деления на два блока послужило то, что R₁ является реакцией на первую составляющую сочетания *малиновый пиджак*, так как передает ассоциацию по цвету, а все остальные реакции характеризуют предмет в целом, то есть относятся ко всему словосочетанию.

Схема 8

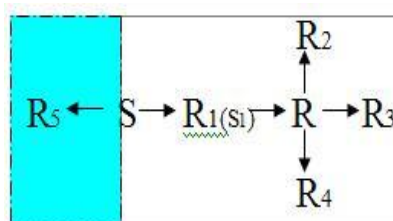
Отличительным признаком следующей когнитивной модели (схема 9) является то, что реакция на основной стимул становится стимулом для последующих реакций. В данной схеме такая реакция-стимул, обозначенная R₁(S₁), порождает еще две однородные реакции (R₁ и R₂), образуя вместе с основным стимулом *малиновый пиджак* единый мыслеблок.

Когнитивная модель в виде схемы 10 представляет собой два мыслеблока, один из которых содержит единичную реакцию, другой аналогичен схеме 9.

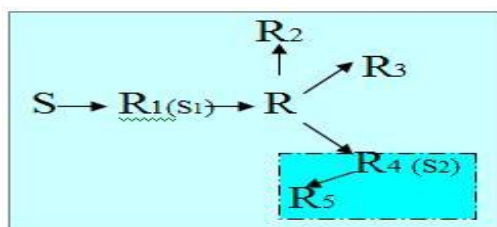
14) Новый русский (1)...ксех(смех)... там...богатство (2)
...власть (3).

Схема 9

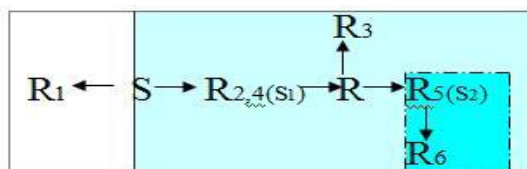
15) Новый русский (1), шикарная золотая цепь (2),
Мерседес (3)... эээ...наглое поведение (4), ну там
допустим стиль (5)...все.

Схема 10

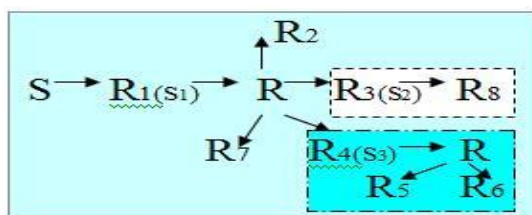
16) Новый русский (1)...эээ Мерседес (2), 90-е (3)
...эээ...Брайтон Бич (4), Нью Йорк (5).

Схема 11

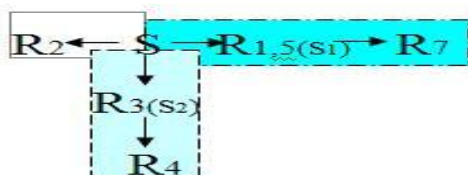
17) 90-е (1)...малина (2)...розовый (3)... малина (4),
тепло (5), лето (6).

Схема 12

18) Эээ...90-е (1)...э...рэкетирство (2), а-авторитет (3),
группировки (4), организованные (5),
преступные (6)...ам. много денег (7)...власть (8).

Схема 13

19) Эээ...малиновая роща (1), малиновая свитер (2)...
(смех)...висит пиджак (3) ...аа...бабушки (4)...роща (5)...
аа...роща...в поле (7), может быть...

Схема 14

Принцип построения модели в схеме 11 идентичен модели в схеме 9, но является его усложненным вариантом. Мыслеблок, образованный однородными реакциями, включает в себя еще один микроблок, ко-

торый стал результатом того, что одна из реакций основного мыслеблока, обозначенная как $R_4(S_2)$ послужила стимулом для реакции вторичного мыслеблока

(R₅). Таким образом, один мыслеблок как бы «вложен» в другой.

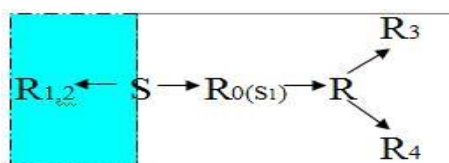
Когнитивная модель, соответствующая схеме 12, включает два мыслеблока, первый из которых образован по предыдущему типу (схема 11), а второй содержит единственную реакцию и тождественен базовой структуре (схема 1). Также примечательным является повтор реакции, послужившей стимулом для других реакций. Данный повтор обозначен цифрой через запятую – R_{2,4}(S₁).

Следующая модель (схема 13) представляет собой усложненный вариант схемы 11, в которой один мыслеблок «вложен» в другой наподобие письма в конверте, только в случае со схемой 13 количество таких «вложенных» мыслеблоков возрастает до двух, причем один из них содержит более одной реакции.

Когнитивная модель по схеме 14 является вариантом схемы 3, в которой каждая реакция образует со

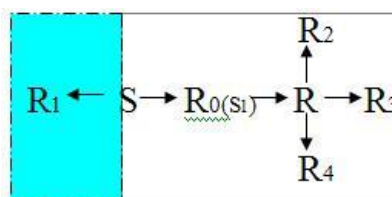
стимулом отдельный мыслеблок. Модификация данной модели состоит в том, что как и в схеме 9, реакция становится стимулом для последующей реакции, тем самым усложняя структуру мыслеблока.

Реакции в следующих трех случаях (схемы 15, 16, 17) не позволяли однозначно представить структуру когнитивной модели, так как было неясно, к чему они относятся и какой объект описывают. Неоднозначность ситуации была устранена в ходе полученных пояснений от реципиентов сразу после окончания эксперимента. Невербализованный предмет речи обозначен в схемах как R₀, а следующий за ним знак S в скобках и с номером является показателем того, что данная реакция послужила стимулом для других реакций в тексте продуцента. Так в схеме 15 неозвученный в ходе эксперимента стимул представляет собой выражение *человек в яркой одежде*, а в схеме 16 – слово *малина*.

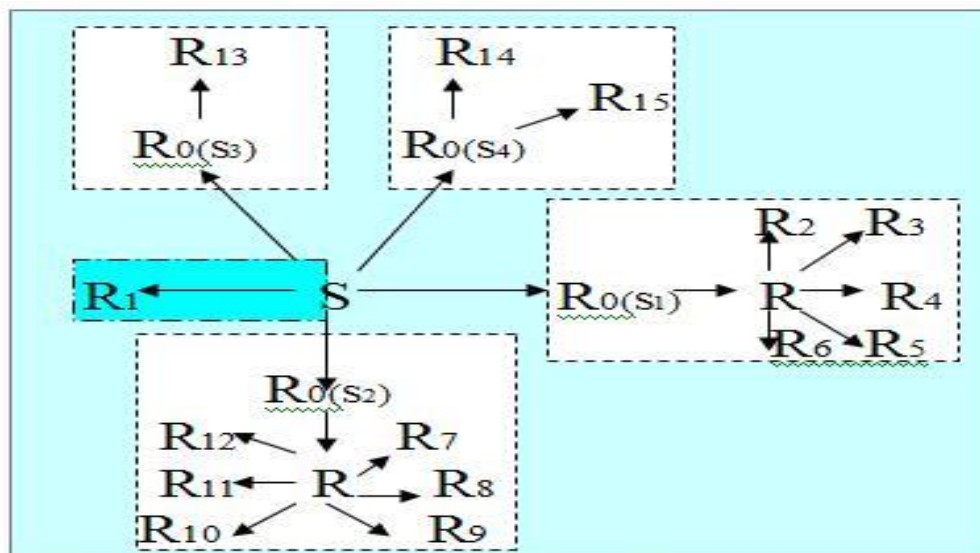
20) Клоун (1), шут (2), 90-е (3)...дискотека (4).

Схема 15

21) ...так яркий (1)...так яркий (2), приятный (3), вкусный (4).

Схема 16

22) Э...красный (1), вредный (2), богатый (3), дешевый (4), глупый (5)...ээ...некрасивый (6)...ээ...юморной (7), смешной (8)...ээ...забавный (9), безвкусный (10), гадкий (11), мерзкий (12)...кхек(смех)...сочный (13)... ууу...дорогой (14), бриллиантовый (15).

Схема 17

В отличие от предыдущих двух схем когнитивная модель, соответствующая схеме 17, представлена це-

лым комплексом мыслеблоков, стимулами для которых послужили невербализованные реакции. К дан-

ным неозвученным в ходе эксперимента реакциям относятся следующие: $R_0(S_1)$ – *олигархи в 90-е годы*, $R_0(S_2)$ – *Гарик из Comedy Club*, $R_0(S_3)$ – *малина*, $R_0(S_4)$ – *Пэрис Хилтон*.

Таким образом, все вышеперечисленные модели можно свести к нескольким основным типам:

- а) стимул и единичная реакция (схема 1);
 - б) стимул и несколько однородных реакций (схема 4);
 - в) стимул и реакция, которая служит стимулом для последующих реакций (схема 9);
 - г) стимул и неозвученная реакция, которая служит стимулом для вербализованных реакций (схема 15).
- Остальные модели представляют собой варианты и комбинации основных четырех типов.

Тем не менее, на более высоком уровне обобщения модель, лежащая в основе всех остальных, соответствует схеме 1, то есть является инвариантом когнитивной модели спонтанного речепорождения в стрессовой ситуации, в то время как схемы 2 – 17 представляют собой ее варианты.

Здесь представлен лишь первый опыт моделирования речевой деятельности в ситуации психической нестабильности. В настоящее время подготовлена развернутая программа по проведению психолингвистических экспериментов, отражающих «закон разрыва шаблона» на разном материале, чему и будут посвящены следующие публикации.

Литература

1. Аллахвердов, В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания / В. М. Аллахвердов. – СПб.: Речь, 2003. – 368 с.
2. Комбс, А. Сознание: хаотическое и странно-аттракторное / А. Комбс // Синергетика и психология. Тексты. – Вып. 3. Когнитивные процессы. – М.: Когито-Центр, 2004.
3. Пашковский, В. З. Психиатрическая лингвистика / В. З. Пашковский, В. Р. Пашковский, Р. Г. Пиотровский. – Изд. 2. – М.: URSS, 2009. – 168 с.
4. Юлина, И. С. Тайна сознания. Альтернативные стратегии исследования / И. С. Юлина // Вопросы философии. – 2004. – № 10 – 11.
5. Loftus, E. F. Misinformation and memory: The creation of new memories / E. F. Loftus, H. G. Hoffman // Journal of Experimental Psychology. – General. – 1989.

Информация об авторе:

Воропаева Анастасия Борисовна – аспирантка ФГБОУ ВПО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», worldroads@rambler.ru.

Voropayeva Anastasia Borisovna – post-graduate student at Amur State University of Humanities and Pedagogy.

Трофимова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры восточных языков и методики преподавания иностранных языков ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина», 89609534141, eltrofimova@mail.ru.

Trofimova Elena Borisovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Oriental Languages and Methodology of Foreign Language Teaching of V. M. Shukshin Altay State Academy of Education.

УДК 811.161.1'42

МЕДИЦИНСКАЯ КАРТА АМБУЛАТОРНОГО БОЛЬНОГО КАК ЖАНР ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ С. Ф. Галкина

OUTPATIENT'S CARD AS A NATURAL WRITING GENRE (THE PROBLEM FORMULATION) S. F. Galkina

В статье анализируется медицинская карта амбулаторного больного. Документ рассматривается в рамках лингвопрагматики, дискурсологии, как «продукт» естественной письменной речи. Описаны экстралингвистические аспекты, влияющие на процесс создания медицинской карты. Проанализированы лингвистические особенности текстов. Выявлены признаки официально-делового, профессионального медицинского и разговорного стилей в текстах медицинской карты.

Outpatient's card is analyzed in the article. The document is considered as an object of pragmatics, discourse and as a natural writing "product". The extralinguistic aspects influencing the process of medical card creation are described, the linguistic features of texts are analyzed. The signs of official, professional medical and conversational style in the medical card text are outlined.

Ключевые слова: естественная письменная речь, речевой жанр, профессиональный медицинский дискурс.

Keywords: natural written speech, speech genre, professional medical discourse.

В последние десятилетия в различных направлениях лингвистики активно изучаются объекты речевой деятельности, ранее находившиеся на периферии традиционно исследуемых текстов. На данном этапе развития науки «...наибольшую значимость имеет изучение обычных текстов, которые создаются рядовыми носителями языка в обыденных ситуациях, не предполагающие тех или иных форм контроля со стороны специалистов...» [3, с. 99]. Тексты, которые создаются рядовыми носителями языка, изучаются с позиций антропологической лингвистики, лингвопрагматики, лингвоперсонологии, жанроведения, психолингвистики и т. д. Одним из подходов, применяемых к создаваемым рядовыми носителями языка результатам речевой деятельности, является жанровый подход. Актуален он и при изучении текстов, написанных в официально-деловом стиле, поскольку практически все они относятся к тому или иному жанру. М. М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров» писал, что «богатство речевых жанров необозримо <...> в самом деле, к речевым жанрам мы должны отнести <...> и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный)» [1, с. 237 – 238]. Официальные документы в сейчас изучаются [см: 7, 11], но достаточно большое количество бытующих в официально-деловой сфере текстов остается еще не описанным. Т. В. Шмелева ставит в своей работе [11] вопрос о создании энциклопедии речевых жанров. В настоящее время в рамках научной школы «Естественная письменная речь: жанроведческий, лингвоперсонологический и семантический аспекты» ставится вопрос о создании энциклопедии письменных речевых жанров.

С позиций жанроведения мы обратились к такому объекту речевой деятельности, как медицинская карта амбулаторного больного. Медицинская карта – одно из важных составляющих документации медицинского учреждения. Нашей целью является исследование данных позиций исследовательских стратегий жанроведения в прагмалингвистическом аспекте. Необходимость учета этой составляющей обусловлена условиями его создания и функционирования, «влиянием речевой ситуации на тематику и формы коммуникации» [9].

Исходя из требований лингвопрагматики, остановимся сначала на экстралингвистических условиях функционирования медицинской карты амбулаторного больного. Это официальный документ, «основной первичный медицинский документ больного». В нем выделяются две зоны:

1. «Официальная зона», состоящая из институционально обусловленных, регламентированных компонентов; жесткие предписания в оформлении касаются титульной и второй страниц карты, описания хирургических вмешательств, эпикризов и уточненных диагнозов. Это зона официально-делового стиля, она может быть напечатана или заполнена вручную.

2. Записи текущих наблюдений специалистов. Текущие наблюдения специалистов пишутся от руки

врачом и используются в профессиональной деятельности врачом и средним медицинским персоналом. В этой части тоже есть «официальные» составляющие, например, дата наблюдения, анамнез, диагноз, назначения и, при необходимости, данные о физическом развитии, клинические данные, результаты произведенных анализов, заключения специалиста.

Поскольку медицинская карта амбулаторного больного является рукописным (по большей части) документом, то мы считаем целесообразным ее изучение в рамках научной школы «Естественная письменная речь: жанроведческий, лингвоперсонологический и семантический аспекты» (барнаульско-кемеровская школа). Методология описания и анализа текстов естественной письменной речи была предложена Н. Б. Лебедевой и применена при изучении таких жанров, как «Книга отзывов и предложений» [11], «ежедневник» [12]. В данном направлении разграничены четыре речевые сферы: естественная устная речь (разговорная), искусственная письменная речь (профессиональная и подготовленная), искусственная письменная речь (профессионально подготовленный и напечатанный текст), естественная письменная речь, признаками которой являются письменная форма выражения и естественность изложения [5, с. 8 – 14]. К параметрам естественности относятся «признак живого» (исправления, поправки, дополнения и т. п.) спонтанность, непрофессиональность, значимость «всех субстанциональных характеристик» [5, с. 17].

Поскольку медицинская карта – институционально обусловленный документ, мы не будем подробно останавливаться на первом этапе методической процедуры жанровой квалификации текста ЕПР, который должен подтвердить выделенность и устойчивость такого типа текста, поскольку его функционирование предписано, регламентировано, этот речевой объект обладает определенной структурой, написан в определенном стиле, сами записи обладают определенной композиционной устойчивостью. Для жанровой квалификации медицинской карты амбулаторного больного воспользуемся коммуникативно-семиотической моделью, разработанной для текстов естественной письменной речи [5, с. 54] и рассмотрим типичные коммуникативные условия создания описываемого объекта с учетом ее фациентов.

Автор. Институционально обусловленные компоненты (первая и вторая страницы, где изложены официальные данные) записываются, а в настоящее время чаще печатаются, средним медицинским персоналом. Количество записей текущих наблюдений (записей врачей) обусловлено экстралингвистическими параметрами и не ограничено по количеству субъектов речи.

Коммуникативно-целевой фациент. Ведение медицинской карты обусловлено практическими (прагматическими) факторами. Главная цель – фиксация и сохранение информации.

Адресат. Медицинская карта предназначена для среднего и врачебного медицинского персонала. По-

этому в данном случае мы можем обозначить профессиональную деятельность адресата и охарактеризовать саму запись как авто- и полиадресную.

Объект коммуникации представляет собой записи наблюдений за состоянием больного в период его лечения, назначений лечебно-диагностического характера и результатов их применения. Объект коммуникации в данном случае непосредственно отсылает нас к профессиональной деятельности субъекта речи. Лингвопрагматический аспект создания и функционирования такого жанра, как медицинская карта амбулаторного больного, обуславливает необходимость анализа этого материала с точки зрения дискурсологии. Сейчас еще нет устоявшегося определения дискурса. В нашем исследовании мы пользовались следующим: дискурс – это «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [6, с. 6]. При этом изучение жанра в данном случае требует учета как экстралингвистических составляющих, так и дискурса, в котором создается текст.

Типологии дискурсов разнородны и выделены по различным основаниям [4]. В рамках статусно-ориентированного общения на основании цели и социальной сферы общения противопоставляются институциональные типы дискурсов (политический, административный, военный, педагогический, научный, деловой, рекламный и т. п.). Поскольку медицинская карта амбулаторного больного отражает работу специалиста-медика, профессионала, использующего специальные знания и умения, терминологию и лексику, то в ней можно выделить профессиональный медицинский дискурс, детерминированный сферой профессионального общения и взаимодействия медицинских и врачебного персонала. Одним из показателей профессионального медицинского дискурса в этих текстах является использование латинских терминов и терминологических элементов, например: *Cor et pulm б/о*. (Мы говорим в данном случае о терминологическом элементе, так как *pulm* написано без требуемого нормами грамматики латинского языка окончания.)

Графико-пространственный параметр. Тексты медицинской карты в институционально-обусловленной зоне могут быть напечатаны, могут быть написаны вручную. Записи текущих наблюдений специалистов сделаны вручную, на кириллице или латинице. При этом использование той или иной графической системы чаще всего связано с использованием соответствующей лексики, например: *Arteria basilaris*. Такая особенность использования латинской и кириллической системы письма обусловлена дискурсивным аспектом функционирования медицинской карты. Данный параметр включает и ортологические особенности материала. Так, частотная характеристика анализируемых записей – неразборчивость, отсутствие аккуратности. Гораздо реже встречаются каллиграфически правильные записи.

Еще одна характеристика данного параметра – расположение записей. Здесь можно наблюдать не-

сколько типичных вариантов: институционально обусловленная композиционная структура, состоящая из следующих компонентов: дата, наименование специальности врача, осмотр/результаты осмотра (вариативная часть), диагноз, рекомендации/лечение, подпись врача. Врач может дополнительно структурировать запись: нумеровать ее, дополнять графическими знаками, например:

Р-ции:

1 – Конс. ортопеда. ФЗТ (ИРТ), психиатра

2 – Гл. дно

3 – Фенибут 0,25

1 т x 2 р 1 мес.

Субстрат, материальный носитель знака в медицинской карте амбулаторного больного может быть различным. Во-первых, можно выделить напечатанные типографским способом листы различного типа (тип зависит от институциональных компонентов) с соответствующими графами, строками, входящие в носитель субстрата: медицинскую карту, представляющую собой скрепленные листы. При этом автор текста может и не соблюдать отведенные строки и графы («заходить» за них, использовать не по назначению и т. д.). Он также может ставить знаки в определенных графах или подчеркивать нужное/зачеркивать ненужное. К носителю субстрата могут присоединяться и чистые, неразграфленные листы бумаги подходящего для вклеивания в МК формата, и тетрадные линованные листы. В этом случае врач сам «организует пространство записи».

Среда. Сфера создания и использования медицинских карт амбулаторного больного уже частично охарактеризована (см. выше) и является профессиональной.

Время восприятия знака. Поскольку медицинская карта амбулаторного больного используется для хранения информации, причем информации профессионально-значимой, то всегда указана дата создания записи текущих наблюдений. Временной промежуток между возникновением записи и ее восприятием может быть как относительно кратким (до следующего визита пациента к этому врачу, или другому врачу этой же специальности), так и весьма продолжительным. К записям в карте врач может обратиться спустя много лет после их создания.

Фациент «Ход коммуникации». В рассматриваемом случае коммуникация является официально-деловой и профессиональной (это обусловлено средой функционирования).

Фациент «Социальная оценка». Мы считаем, что этот параметр, применительно к медицинской карте амбулаторного больного не является определяющим, поскольку речь идет об официальном документе. Но медицинская карта может оцениваться с позиций достоверности/недостоверности зафиксированной информации, возможна оценка профессиональной деятельности врача на его основании, документ может приобрести статус юридически значимого в судебном процессе.

Рассмотрим доминанты текстов медицинской карты амбулаторного больного, опираясь на описание коммуникативно-семиотической модели. Круг авторов и адресатов, хотя и потенциально, является мно-

гочисленным, ограничен таким фактором, как среднее и высшее медицинское образование и занятость в данной профессиональной сфере. Следовательно, этот параметр можно отнести к одному из доминантных. Коммуникативно-целевой параметр и объект коммуникации обусловлены экстралингвистическими параметрами функционирования данного речевого жанра. Графико-пространственный параметр обусловлен исторической традицией (использование русского и латинского алфавитов) и определенным цейтнотом на записи текущих наблюдений (время приема ограничено). Пациенты «субстрат» и «носитель субстрата», «среда», «ход коммуникации» имеют жанрово-релевантное значение [5, с. 61], заданы экстралингвистическими и коммуникативно-целевыми параметрами. Поскольку мы имеем дело с официально-деловым документом, выполняющим предписанную ему функцию, созданным в рамках профессионального медицинского дискурса, то можно предположить, что создаваться «объект коммуникации» будет в рамках искусственной письменной речи, несмотря на то, что записи в медицинской карте относятся к периферии (с точки зрения подготовленности) профессиональных медицинских текстов. В ядерной зоне находятся статья, монография, учебник. Это положение связано с тем, что медицинская карта создается не только с целью хранения информации, потенциально возможной является проверка записей врача заведующим поликлиникой и представителями медицинских страховых компаний.

Проанализируем языковое воплощение диктумного содержания медицинской карты амбулаторного больного. Часть рассмотренного языкового материала представляет собой орфографически, грамматически, стилистически и ортологически «правильный текст», например:

Ds: врожденная внутренняя гидроцефалия в стадии субкомпенсации. Оперативное лечение не показано.

Рекомендовано консервативное лечение.

Но есть записи следующего типа:

Заболел вчера, насморк, покашливает...

Сост удовл., в зеве – гиперемия...

Использование общеупотребительных слов, использование форм прошедшего и настоящего времени обуславливает необходимость анализа коммуникативной ситуации, в которой создается текст.

Диалог «врач – пациент» осуществляется в официальной ситуации. Но если речь врача в определенной степени можно отнести к искусственной, подготовленной речи, поскольку диалог «врач-пациент» имеет достаточно наработанную структуру, обусловленную прагматической направленностью данного акта, то речь пациента не является искусственной. Даже если пациент продумал, «прорепетировал» ее, для него это не сфера профессионального общения. Исходя из этих соображений, речь пациента можно охарактеризовать как естественную устную речь. Коммуникативная ситуация, в которой пишется текст, подразумевает не только записывание наблюдений и результатов осмотра врача, но и фиксирование жалоб пациента.

Несмотря на официальность документа, фиксация текущих наблюдений врача, описание симптоматики и диагноз не регламентированы жестко требованиями к ведению подобной документации. Анализируя экстралингвистическую составляющую коммуникативной ситуации «врач-пациент», можно зафиксировать ее следующие особенности. Врач заполняет эти данные частично со слов больного, ответов на вопросы, его спонтанной устной речи, в которой он вычленяет профессионально значимые для него факты. В ситуации первичного приема врач сначала выслушивает описание симптомов, излагаемых больным, задает дополнительные и наводящие вопросы, после чего осмысливает полученные сведения и записывает данные в медицинскую карту. При этом врач не просто фиксирует естественную устную речь пациента. Эти факты он осмысливает, интериоризирует и переносит на материальный субстрат, носитель информации – медицинскую карту, переводит дискурс устной речи в профессиональный медицинский. «Перевод слов» пациента из естественной устной речи в естественную письменную речь – один из путей «проникновения» разговорного дискурса в данный официальный документ. Косвенным подтверждением этого является использование врачом цитирования: *Жалобы на «похрипывание»* (прим. кавычки поставлены врачом).

Поскольку записи включают описание жалобы больного, то здесь может проявляться и разговорный дискурс в противовес научному, медицинскому. Так, в некоторых материалах прослеживается тенденция врача записывать симптомы так, как это озвучено пациентом, перемежая профессиональные термины со словами из общенародного языка: «нечеткая речь» и «дизартрия», «дрожание конечностей» и «тремор конечностей». Таким образом, можно зафиксировать влияние разговорного дискурса на записи врача в МК амбулаторного больного.

В данном корпусе текстов присутствует такой яркий признак естественной письменной речи, как креолизованность. Тексты, обладающие этими признаками, представляют собой «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (речевой) и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [8, с. 180 – 181]. Н. С. Валгина отмечает, что «взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект» [2]. К элементам креолизованности в исследуемых текстах были отнесены сокращения и графемы. Так, были зафиксированы следующие символы: +, –, ↑ *температуры*, ↓ *температуры*.

Сокращения – достаточно частотный факт в записях врача. Возможные типы сокращений описаны в справочниках русского языка. Разумеется, носители языка образуют и свои окказиональные сокращения. Особенно это характерно для текстов естественной письменной речи. Так, исследователи, занимающиеся текстами, относящимися к естественной письменной речи, описывают типы сокращений слов и словосочетаний, которые встречаются в том или ином жанре [12]. Медицинская карта амбулаторного больного тоже характеризуется этим жанрово-нерелевантным, но

частотным признаком. Приведем некоторые варианты сокращений: *б/о* (без особенностей), *б/и* (без изменений), *б/б* (безболезненный), *н* и *Н* («норма» и деривационные варианты этого слова), *хр* (хрипов). Сокращения встречаются и латинских терминов: *Ds* от латинского «*Diagnosis*».

Интересно, что пунктуация часто опускается, особенно, если этим разграничением становится пространственное расположение на странице, например:

Жалоб нет.

На момент осмотра передний отрезок обоих глаз без видимых патологических изменений

Ds двухсторонний конъюнктивит, выздоровление

Пунктуационные знаки также могут выполнять не интонационно-грамматическую функцию, а нести дополнительную семантическую информацию, например, «сомнение». В приведенном ниже примере постановка вопросительного знака переквалифицирует диагноз в предположительный: *Паразитоз?*

По нашим наблюдениям, на соотношение медицинского и разговорного дискурсов влияют экстралингвистические и лингвоперсонологические факторы. Одни врачи больше склонны к фиксации лексики, используемой пациентом, другие в основном используют профессиональную лексику.

Еще одним влияющим фактором является статус врача и медицинского учреждения. Чем они выше, тем меньше проникает в записи врача разговорный дискурс, текст становится менее креолизированным. Например, в диагнозе невролога муниципального психоневрологического центра зафиксированы только сокращения общеупотребительных слов, профессио-

нальной лексики и одна аббревиация клинического термина: *DS: C/d ММД (гиперактивное пов-ие Снижение когнитивных ф-ий, интеллектуальная нед-сть, психоллабильность), наружная и внутренняя гидроцефалия, субкомпенсированная, с/d периферической цервикальной нед-сти на резидуально-органическом фоне Р-ции: ... (ММД – минимальная мозговая дисфункция, с/d – синдром; прочие сокращения «прозрачны», не относятся к профессиональным и могут быть использованы в научном и/или учебном дискурсах корпуса текстов ЕПР).*

В результате исследования текстов медицинской карты амбулаторного больного было выявлено, что данный речевой жанр, являясь официально-деловой документацией, содержит ряд жанрово-релевантных и жанрово-нерелевантных, но частных признаков естественной письменной речи. Конечно, теоретически такая «речь» ближе к «искусственной письменной речи», но все же ею не является, поскольку переносится на материальный субстрат вручную, а не полиграфическим способом. Этот процесс происходит без внешней редактур и в условиях определенного цейтнота (поскольку время приема регламентировано). Перечисленные экстралингвистические факторы позволяют говорить о нахождении данных текстов на периферии жанров естественной письменной речи. Анализ языкового воплощения диктумного содержания показал, что медицинская карта амбулаторного больного включает в себя официально-деловой, профессиональный медицинский и разговорный дискурсы в силу специфических особенностей своего создания и бытования.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 424 с.
2. Валгина, Н. С. Понятие креолизованного текста / Н. С. Валгина. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/25.htm>
3. Голев, Н. Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания / Н. Д. Голев // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: межузовский сборник научных трудов. – Новосибирск, 1999. – 287 с.
4. Кибрик, А. А. Дискурс / А. А. Кибрик, П. Б. Паршин. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html?page=0,11
5. Лебедева, Н. Б. Теоретические основы исследования естественной письменной речи / Н. Б. Лебедева // Жанры естественной письменной речи. – М.: URSS, 2011.
6. Манаенко, Г. Н. Текст, речевая деятельность, дискурс / Г. Н. Манаенко // Языковая система – текст – дискурс: категории и аспекты исследования. – Самара, 2003.
7. Сологуб, О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте: монография / О. П. Сологуб. – Новосибирск, 2008. – 332 с.
8. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990.
9. Терминологический словарь. – Режим доступа: http://student.siberia-expert.com/board/terminologicheskij_slovar/lingvopragmatika/12-1-0-41
10. Шмелева, Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? / Т. В. Шмелева. – Режим доступа: http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0114396.pdf
11. Шуматова, Т. В. Книга отзывов и предложений как явление естественной письменной русской речи: жанровый аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Шуматова. – Кемерово, 2012. – 28 с.
12. Юркевич, А. С. Ежедневник как жанр естественной письменной речи: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Юркевич. – Кемерово, 2001. – 232 с.

Информация об авторе:

Галкина Светлана Федоровна – преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации НГМУ, 8(383)226-24-64, port.artur@mail.ru.
Galkina Svetlana Fedorovna – lecturer at the Department of Linguistics and Intercultural Communication of Novosibirsk State Medical University.

УДК 81'25

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКО-ПОЛЬСКОГО ПЕРЕВОДА

В. Г. Гасек

PRAGMATIC ASPECTS OF RUSSIAN-POLISH TRANSLATION AND INTERPRETATION

B. G. Gasek

В настоящей статье рассматриваются основные прагматические аспекты русско-польского перевода. Сделана попытка выявить закономерности межъязыковых отношений на уровне отдельных лексем, целостных фраз, реплик речевого этикета. Обсуждаются основные приемы прагматической адаптации текста перевода.

The article aims to present the main pragmatic aspects of Russian-Polish translation and interpretation. The starting point for the analysis is the pragmatic meaning of words and collocations (stylistic characteristics, stylistic register, and context of use). Special attention was given to pragmatic adaptation.

Ключевые слова: прагматическое значение, прагматическая адаптация, межъязыковая асимметрия, адекватный перевод, речевой этикет.

Keywords: pragmatic meaning, pragmatic adaptation, interlingual asymmetry, adequate translation, language etiquette.

Перевод – это сложный процесс, требующий учета различных факторов, среди которых можно назвать не только денотативное и коннотативное значение исходных единиц, элементы страноведческого и культурологического характера, присущие единицам исходного языка (ИЯ), но также прагматическую составляющую. Под прагматическим значением принято понимать «специфическое восприятие заключенной в языковом высказывании информации со стороны различных получателей и групп получателей» [8, с. 163]. Необходимо отметить, что советский переводовед Л. С. Бархударов, рассматривая проблему прагматического значения, включал в эту категорию стилистическую характеристику слова, его регистр и эмоциональную окраску. Упомянутый нами ученый понимал стилистическую характеристику как закреплённость слов за определенными речевыми жанрами. На этом основании были выделены следующие виды стилистической характеристики слова: нейтральная (стилистика не принужденные слова), обиходно-разговорная (слова, употребляемые в устной речи в «неофициальной обстановке» и не употребляемые, как правило, в письменной речи), книжная (употребляемые только в письменной речи), поэтическая (слова, употребляемые преимущественно в языке поэзии), терминологическая (слова, употребляемые прежде всего в официально-научном жанре). Понимая под регистром слова состав коммуникантов и ситуацию общения («условие, в котором протекает процесс коммуникации»), Л. С. Бархударов выделил фамилярный, непринужденный, нейтральный, формальный, возвышенный регистры. Эмоциональная окраска, в свою очередь, подразумевала подразделение лексики на три группы – отрицательно-эмоциональная, ней-

трально-эмоциональная и положительно-эмоциональная [2, с. 108 – 115].

Прагматическое значение в широком плане подразумевает учет таких параметров, как: нормы правильного употребления единиц, их стилистическая характеристика, отношение говорящего к предмету высказывания, желание повлиять на поведение получателя сообщения (см., например, [10, с. 137]).

Расхождение вышеуказанных характеристик слов и других единиц перевода в двух языках зачастую делает необходимой так называемую прагматическую адаптацию, понимаемую в соответствии с одной из многочисленных дефиниций: «система действий переводчика с использованием приемов, направленных на приспособление текста ПЯ к восприятию его адресатом, являющимся носителем другой культуры» [6, с. 142].

Мы попробуем проследить на русско-польском материале некоторые закономерности, касающиеся упомянутого нами явления. Итак, сравнивая лексику русского и польского языков, следует заострить внимание на парах слов, которые при сходстве в плане выражения и плане содержания, различаются оттенками значения, отнесенностью к конкретному стилистическому регистру, частотностью употребления и т.п. Этот тип отношений, рассматриваемый Н. К. Гарбовским в рамках типологии межъязыковой асимметрии, получил название равнообъемности [3, с. 342 – 346]. Более подробный анализ данного явления позволяет констатировать существование следующих закономерностей.

Некоторые старые славянские слова относятся в русском языке к поэтическим архаизмам, а в польском – к общеупотребительной лексике (ср.: [5, с. 26]),

напр.: **чело, длань, очи, перси, уста** и **czolo, dłoń, oczy, piersi, usta**. Разумеется, что, несмотря на совпадение денотативных значений, приведенные нами пары лексем не являются в типичном контексте эквивалентами, что вынуждает переводчика использовать приемы трансформации. При переводе с польского языка для указанных лексических единиц в виде эквивалентов чаще всего используются слова **лоб, ладонь, глаза, грудь, губы**.

Следует также отметить, что при совпадении денотативного значения и сходстве внешней формы слово одного языка может относиться к устаревшей, а другого к нейтральной лексике (ср.: **лекарь, оборотить, покой** и **польск. lekarz, obrócić, pokój**).

Продолжая указывать группы слов, совпадающих при сходстве внешних оболочек в плане денотативного значения, но различающихся в плане значения прагматического, необходимо выделить пары, одно слово в которых относится к нейтральному стилю речи, а второе к разговорному: **работа, рыжий, танцевать** и **польск., разг. robota, ryży, tańcować**. Следовательно, не приходится говорить об эквивалентности фраз, типа:

Я нашел другую **работу**.
Znalazłem inną **robotę**.

Несомненно, лексема **robota** принадлежит к разговорному регистру. Правильным соответствием может послужить предложение: Znalazłem inną **pracę**.

Еще более убедительный пример – это пара фраз:
Я **работаю** на заводе.
Robię w fabryce.

Польское **robię** в отличие от русского глагола придает высказыванию не только оттенок разговорности, но одновременно в более широком контексте может выражать отрицательное отношение к выполняемой работе или иронию. Нейтральный переводной эквивалент исходной фразы – это: **Pracuję** w fabryce.

Еще одной закономерностью, рассматриваемой нами в рамках отношения равнообъемности, следует считать сходство звучания / написания и денотативного значения пары слов при значительных расхождении в плане частотности употребления, **напр., журналист, фактор, тротуар** и **żurnalista, faktor, trotuar**. Частотность употребления напрямую влияет на восприятие конкретной лексемы и, таким образом, она относится к важнейшим параметрам переводческой эквивалентности. Итак, польское **żurnalista** употребляется редко, иногда в шутку или с оттенком иронии. Слово **faktor** характерно для речи специалистов и специальных текстов, а **trotuar** ассоциируется с устаревшей лексикой.

Поясним, что точными эквивалентами указанных русских лексем являются слова **dziennikarz, czynnik, chodnik**.

Исходные лексические единицы, характеризующиеся равнообъемностью, требуют отдельного решения на перевод, позволяющего сохранить присущие им оттенки значения. Данное положение хорошо просматривается на примере пар слов **азер, жид, Ruski (Rusek) – Azer, Żyd, русский**, первое из которых носит уничижительный оттенок значения, вследствие чего в качестве эквивалента должна быть выбрана другая единица. Отметим, что иногда переводчик вы-

нужден прибегать к приему описательного перевода или к другим типам трансформаций, включая добавление, переводческий комментарий, компенсацию и т. п. По нашим наблюдениям, источниками неточного перевода могут, в частности, стать лексемы **армия** (во многих контекстах правильнее **wojsko**, чем **armia**), **афера** (в словосочетаниях типа **политическая афера** – **skandal polityczny**, а не **afery**), **беременный** (устойчивым переводческим соответствием является словосочетание **w ciąży**, а отнюдь не **wysok. brzemienno**), **вундекинд** (в польском языке в качестве эквивалента используется выражение **cudowne dziecko, wunderkind**, скорее всего, употребляется в шутку), **думать** (**myśleć**, а не **dumać**), **киллер** (чаще всего переводится как **płatny zabójca**, в то время как **killer** остается в польском языке жаргонизмом), **профессия** (чаще **zawód**, чем **profesja**), **сторонник** (чаще **zwolennik**, чем **stronnik**), **социальный** (в многочисленных случаях не **socjalny**, а **społeczny**), **фактор** (в нетерминологическом употреблении намного лучше **czynnik**, чем **faktor**), **футбол** (чаще **piłka nożna**, чем **futbol**), **экономика** (часто не **ekonomika**, а **gospodarka**).

В переводных статьях, публикуемых в польской прессе, а также в телевизионных сообщениях, касающихся постсоветского пространства, часто появляются определения **stronnicy Putina, stronnicy Łukaszenki**, хотя для исходного **сторонники Путина, сторонники Лукашенко** точнее соответствие в виде фразы: **zwolennicy Putina, zwolennicy Łukaszenko**. Нейтральным соответствием рус. лексемы следует считать **польск. zwolennik**, в то время как **stronnik** относится к высокой лексике [4, с. 49], а в некоторых контекстах может иметь уничижительный оттенок значения.

Суть рассматриваемого нами явления можно проследить, сравнивая следующий отрывок статьи с ее переводом на польский язык:

«Вот **диапазон интереса** Ростроповича к человечеству – от королевы Елизаветы до продавца на рынке...»

[7]. „W **diapazonie jego zainteresowań** mieści się i królowa angielska, i sprzedawca na targu” [9].

В исходном тексте мы видим слово **диапазон**, которое довольно часто встречается в составе выражения **диапазон интересов**. В текстах на польском языке лексема **diapazon** редко появляется в нетерминологическом значении. Следовательно, мы имеем дело с выбором неточного – в силу расхождения прагматических значений – эквивалента. Добавим, что выбранное переводчиком соответствие не мешает пониманию текста перевода и не меняет значения исходного текста, но нарушает его стилистику.

Сходные в плане выражения и содержания лексемы двух языков могут отличаться особенностями функционирования в речи. Сравним слова **инвалид, слепой, глухой** и **польск. inwalida, ślepy, głuchy**. С формальной точки зрения, они образуют пары межъязыковых эквивалентов. Однако приведенные польские слова считаются некорректными и как таковые в нейтральных контекстах, официальных текстах, публичных выступлениях чаще всего заменяются лексемами **niepełnosprawny, niewidomy, niesłyszący**. Итак, Международный день **инвалидов** – это по-польски

Międzynarodowy Dzień Osób Niepełnosprawnych, а Международный шахматный комитет **głuchich** – это Międzynarodowy Komitet Szachistów **Niesłyszących**. Отметим, что в последнее время также в русском языке наметилась тенденция к эвфемизации речи – СМИ довольно часто вместо слова **инвалиды** пользуются формулировкой **люди с ограниченными возможностями**.

Подчеркнем, что рассматривая отношение равно-объемности, мы оставляем в стороне рассуждения об эквивалентности типа: **бдительное око; беречь как зеницу ока; в мгновение ока; бить челом; око за око, зуб за зуб; сытый голодного не разумеет; спасать свою шкуру; не так страшен чёрт, как его малюют; с улыбкой на устах; на устах у всех; бить себя в перси; время – лучший лекарь; красный как бурак и czujne oko; strzec jak żrenicy oka; w mgnieniu oka; bić czołem; oko za oko, ząb za ząb; syty głodnego nie zrozumie; ratować własną skórę; nie taki diabeł straszny, jak go malują, z uśmiechem na ustach; na ustach wszystkich; bić się w piersi; czas jest najlepszym lekarzem; czerowny jak burak**, потому что в таких случаях мы имеем дело с эквивалентностью на уровне целостных фраз, а не их отдельных компонентов.

Считаем нужным добавить, что задача переводчика усложняется, когда он имеет дело с сверхсловными единицами (разного рода устойчивыми оборотами или даже целыми высказываниями). Сравнивая русский и польский языки, можно отметить существование некоторого числа фраз, буквальный перевод которых, не нарушая нормы переводящего языка (ПЯ), может привести к изменению стилистики сообщения. Итак, русский оратор, ссылаясь на слова своего собеседника, оппонента, предыдущего докладчика и т. п., может сказать: «Он сказал, что ...». Его реплика, переведенная на польский язык как: „On powiedział, że ...”, звучит грубо. Иными словами, правильный на уровне лексики и грамматики перевод изменяет прагматическое значение высказывания. В таком случае переводчик вынужден прибегнуть к приему прагматической адаптации. На практике это может означать необходимость использования стандартной фразы, употребляемой в аналогичной ситуации носителями ПЯ. При соблюдении данного правила указанная нами реплика может быть переведена как: „Jak powiedział mój **przedmówca** ...” / „Jak stwierdził mój **kolega** ...” / „Jak zaznaczył poprzedni **prelegent** ...”. Аналогичную ситуацию видим в случае естественных для русского покупателя в разговоре с продавцом фраз – «**Покажите мне пальто!**», «**Я хочу купить костюм!**» [1, с. 145]. Несомненно, для польского рецептора данные фразы звучали бы грубо, так что, ради сохранения нейтральности высказывания, следует выбирать типичные польские реплики, например, „Czy mogę obejrzeć **plaszcz**?”, „Chciałbym kupić **garnitur**” и т. д.

Внимания заслуживает типичная русская реплика переспроса – «**что?**» При нейтральном употреблении (например, преподавателем в учебной аудитории во время беседы со студентами) ее эквивалентом следует считать *польск.* „**Proszę?**”, а не словарное, но невежливое в качестве реплики – „**co?**”. Неучет прагматиче-

ского значения фраз приводит к изменению стилистики высказывания, что препятствует достижению адекватного перевода.

Потенциальным источником переводческих ошибок могут стать некоторые разговорные формы обращения к незнакомым людям, напр., **дядя!; тётя!; командир!**, поскольку для польского языка нехарактерно употребление аналогичных лексем ***wujku!; ciociu!; dowódcu!** в указанной функции.

Вне всяких сомнений, трудности при переводе вызывают специфические для русского речевого этикета формы обращения – по имени-отчеству. При художественном переводе, а также – спорадически в случае других типов перевода – возможна передача этих форм путем транскрибирования, но намного более распространенным следует считать перевод с помощью эквивалента-аналога. Поскольку русскому обращению по имени-отчеству часто соответствует *польск.* обращение по учёной степени / названию занимаемой должности / званию, в русско-польском переводе допустимы такие соответствия, как: **Ирина Павловна! – Pani doktor!** (в вузовской среде), Андрей Николаевич – **Panie prezesie!** (обращение к председателю фирмы), Игорь Валентинович – **Panie kierowniku!** (обращение к начальнику), Анна Михайловна! – **Pani profesor!** (в среднем учебном заведении), **Уважаемый Виктор Николаевич! – Szanowny Panie Dyrektorze!** (в заглавии письма) и т. п. Намного сложнее дело обстоит с разговорной репликой речевого этикета отчество / стяженная форма отчества + обращение на ты (**Степаныч, скажи**), а также – с передачей дифференцированности форм: **Александр Александрович, скажите / Александр Саныч, скажите, Сан Саныч, скажите / Александр Александрович, скажи / Саша, скажите / Александр, скажи / Саша, скажи / Сашка, скажи / Сашенька, скажи.**

Подводя итоги наших рассуждений, хочется подчеркнуть значимость прагматических аспектов перевода для пары близкородственных языков. По нашему мнению, необходимо отметить, что на уровне профессионального перевода грубые смысловые ошибки встречаются относительно редко, поскольку коренные расхождения значений лексем в двух языках известны профессионалу по определению. Намного большая вероятность того, что злую шутку сыграют с переводчиком те единицы ИЯ и ПЯ, которые, при сходстве формы и денотативного значения, различаются особенностями функционирования в речи, принадлежностью к стилевому регистру, частотностью употребления. Игнорирование прагматического значения обязательно приводит к появлению серьезных переводческих ошибок, но может стать причиной неточностей на уровне стилистики или сочетаемости слов, нарушая, таким образом, естественность звучания ТП и органичность его восприятия носителем языка. Таким образом, вопрос о прагматическом значении должен стать объектом пристального внимания любого практического переводчика. Хочется выразить надежду, что все более эффективным подспорьем для переводчика будут становиться современные двуязычные словари, при составлении которых надлежащим образом будет учитываться прагматическое значение эквивалентов. В свою очередь, начинающему

переводчику хотелось бы посоветовать не только работать над постоянным расширением лексического запаса иностранного и родного языков, но также – изучать лексические системы обоих языков «вглубь»,

что подразумевает анализ оттенков значений, эмоциональной окраски и нюансов употребления отдельных лексем.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 352 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Гарбовский, Н. К. Теория перевода: учебник / Н. К. Гарбовский. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2007. – 544 с.
4. Гасек, Б. Г. Межъязыковая симметрия и асимметрия в переводе (русский и польский языки) / Б. Г. Гасек // Актуальные вопросы филологии и культурологии: материалы Международной заочной научно-практической конференции (03 мая 2011 г.). – Новосибирск: ЭНСКЕ, 2011.
5. Ерановска-Гронческа, Э. Лексико-семантическая интерференция: на примере устной и письменной речи поляков и петербуржцев польского происхождения в Санкт-Петербурге: дис. ... канд. филол. наук / Э. Ерановска-Гронческа. – М., 2005. – 109 с.
6. Захарова, Л. Д. Прагматическая адаптация перевода / Л. Д. Захарова // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник / отв. ред. М. Б. Раренко. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 260 с.
7. Независимая газета. – 2007. – 27 марта.
8. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 320 с.
9. Forum. – Nr 17/18. – 2007.
10. Jarosz, J. Duńskie ekwiwalenty tłumaczeniowe polskich przyimków we frazach temporalnych / J. Jarosz. – Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT: Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe, 2008.

Словари

- Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.; М.: Рипол-Норинт, 2008. – 1536 с.
- Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- Chwatow, S. Wielki słownik polsko-rosyjski, rosyjsko polski / S. Chwatow, M. Timoszuik, E. Szędzielorz, B. Walczak-Seroczyńska. – Wyd.: REA, 2008.
- Hessen, O. Wielki słownik polsko-rosyjski. t. 1-2, wyd. V / O. Hessen, R. Stypuła. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001. – 1659 s. – T. 1-2.
- Język polski. Współczesny słownik języka polskiego / гл. ред. B. Dunaj. t. 1-2. – Warszawa: Langenscheidt, 2007. – 2250 с. – T. 1-2.
- Miodek, J. Słownik ojczyzny polszczyzny / J. Miodek. – Wrocław: Wydawnictwo EUROPA, 2005. – 811 с.
- Mirowicz, A. Wielki słownik rosyjsko-polski, t. 1-2, wyd. VI / A. Mirowicz, I. Dulewiczowa, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa. – Moskwa; Warszawa: Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 1999. – 1500 с.
- Nowy słownik poprawnej polszczyzn / гл. ред. A. Markowskiego. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2002. – 1786 s.
- Wielki słownik polsko-rosyjski / гл. ред. J. Wawrzyńczyk. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2005, [электронная версия].
- Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / гл. ред. J. Wawrzyńczyk. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2004 [электронная версия].

Информация об авторе:

Гасек Богумил Генрикович – кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры русского языка, Институт славянской филологии, Вроцлавский университет, Польша, г. Вроцлав, +48 71 375 45 66, bogdan156@rambler.ru.
Gasek Bogumil – PhD in linguistics, assistant professor at the Russian Language Department at the Institute of Slavic Studies, University of Wrocław.

УДК: 81'373.61

СТАТУС И МЕСТО АСЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В МОРФОДЕРИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА. СТАТЬЯ 3. ПРОБЛЕМА МОРФЕМИЗАЦИИ НЕСТАНДАРТНЫХ «ОТРЕЗКОВ» – МОТИВАНТОВ-УНИФИКСОВ

Н. Д. Голев

NON-SEMANTIC ELEMENTS' STATUS AND RANK IN MORPHODERIVATIONAL WORD STRUCTURE. PAPER 3: THE PROBLEM OF MORPHEMIZATION OF NON-STANDARD «UNITS» – MOTIVANTS-UNIFIXES

N. D. Golev

Статья является продолжением публикаций автора, посвященных изучению вопроса о статусе и месте асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова (статья 1 и 2 опубликованы в предыдущих выпусках журнала «Вестник КемГУ»). Статья представляет собой переработанный и расширенный вариант ранее опубликованной статьи автора «Фонетические мотиванты» [6]. В настоящей статье анализируется вопрос о нестандартных аффиксоподобных отрезках, остающихся после процедуры отождествления основ по корню, например, -ас (морда – мордасы), -здр' (нос-ноздря), -блат (цифра – циферблат), му- (сор – мусор), ши- (ворот – шиворот). Такие отрезки обычно обозначают термином «унификс». Обсуждаются различные решения данного вопроса в зависимости от подхода к нему: морфемного (структурно-семантического) или деривационного (структурно-функционального), лексического или системно-словообразовательного, синхронного или генетического, парадигматического или синтагматического. Особое внимание в статье обращается на проблему морфемизации унификсов – трансформации их в обычные аффиксы.

This article continues the series of publications devoted to the problem of status and rank of non-semantic elements in the morphoderivational word structure. The article deals with non-standard similar-to-affixes units which remain after the procedure of stem identification on the root, e. g.: -ас (морда – мордасы), -здр' (нос-ноздря), -блат (цифра – циферблат), му- (сор – мусор), ши- (ворот – шиворот). Such units are usually called «unifikes». Different solutions to this problem are discussed depending on the approach chosen: morphemic (structural-semantic) or derivational (structural-functional), lexical or systematic-derivational, synchronous or genetic, paradigmatic or syntagmatic. Special attention is paid to the problem of unifikes morphemization – their transformation into common affixes.

Ключевые слова: морфодеривационная структура слова, асемантические элементы, словообразовательная модель, субморфы, унификсы, мотивант, морфемизация.

Keywords: morphoderivational word structure, non-semantic elements, derivational model, submorphs, unifikes, motivant, morphemization.

В статье описываются процессы и результаты приобретения неморфемными отрезками статуса словообразовательного средства. Ранее мы использовали для дериватизированных отрезков термин «фонетические мотиванты» [6, с. 106 – 114]. Под мотивантами понимались отрезки, которые различают исходную единицу, или мотиватор, и вторичную единицу, обусловленную мотиватором. Так, в паре (микро- – связанная основа) – *микроб*, отрезок *б* представляет собой своеобразный формант, если иметь в виду широкое определение «Русской грамматики»: формант это то, что отличает мотивированную единицу от мотивирующей [17, т. 1, с. 134]. Это сугубо структурное определение, которое основано на статических отношениях двух лексических единиц (основ), связанных смысловой общностью и мотивационными отношениями (одно выводится по смыслу из другого) и которое не предполагает учета синхронно-словообразовательной функции такого рода отрезков. Случаи попадания фонетических средств и способов в мотивационную позицию весьма разнообразны – как по форме и содержанию (вещественному, стилистическому; семантическому и прагматическому) мотивационной «сцепки», так и по происхождению, назна-

чению и функционированию, ср.: *проект – прожект*, *цифра – цифирь*, *песня – песнь*, (совмещение мотивантов двух типов: фонетического – вставка фонемы, и морфологического – (мена парадигм): *пламя – пламень*, *чужой – чуждый*, *тот – этот*, *не – нет*, *да – мда*, *тысяча – тыща*, *мать – матерь*, *пускать – пуцать*, *антиномия – антимония*, *слушать – слышать*, *сидиться – сесть*, *хаос – хаОс*, *гол – г-о-о-л!*, *ФМШ – фымышша*, *дворянин – творянин*, *принцип – прынцып*, *сейчас – цаз!*, *укрошение – курошение*, *вертолет – ветролет*, *волк – лвок*. Расширение состава мотивантов может идти по линии включения в них сугубо звуковых модификаций, включая просодические, поскольку интонация способна менять смысл слова на противоположный, и сугубо графические, современные формы письменной коммуникации (онлайн-общение в Интернете, рекламная и медийная формы коммуникации) демонстрируют весьма огромные возможности выражения прагматических смыслов, оттенков смысла, успешно конкурируя в этом со звуковой речью. Такое широкое понимание фоно- и графодериватологии предполагает другую модель описания деривации и другой его (описания) понятийно-терминологический аппарат, который должен ставить

во главу угла функцию и разноуровневые (синтаксические, морфологические, фонетические, графические) средства ее воплощения. Позволим себе предположить, что эффективным путем такого моделирования может стать использование модели функционально-семантических категорий в грамматике, предложенных А. В. Бондарко [1] (см. попытку такого описания, предпринятую нами в [5, с. 19 – 25]).

При представлении мотивации (в широком смысле) как функционально-семантической категории ядерную позицию в ней «должны занять» специальные словообразовательные средства – аффиксы, характеризующиеся возможностью структурирования означаемого и покомпонентного его выражения в морфной структуре слова, причем это выражение осуществляется в достаточно типовых формах: определенностью отношений означаемых исходного и производного слов, включенностью производного слова в систему, позволяющую прогнозировать его. Средства остальных уровней: фонетического, лексико-фонетического (отрезки звуковых оболочек слов), морфологического, лексического (основы) – даже будучи единственным средством маркирования новизны в данном мотивированном слове, лишь в разной степени приближаются к мотивационно-словообразовательному ядру, но только при особых условиях включаются в него. Большинство нестандартных мотивантов, проиллюстрированных выше, обнаруживают себя в единичных парах «мотиватор – мотиват». Однако далее будут рассмотрены и случаи приобретения подобными соотношениями признака регулярности и, как следствие, некоторых свойств обычной словообразовательной модели. Например, достаточно высокой продуктивностью и системной организованностью фонетическая мотивация обладает в разговорной речи, где различные деформации звуковых оболочек слова типа *гравитационник*, *мамерлат* используются для маркирования стилистической сниженности [18, с. 177 – 179]. В других случаях проявления системности возникает лишь фрагментарно, например, при выражении каузативности: *сидеть – садить*, *пить – поить*, *стоять – ставить*, хотя и эта системность угасающая, поскольку проявляется в непродуктивной модели. Возможно и обратное направление взаимодействия мотивационного ядра и периферии – утрата словообразовательными аффиксами своих свойств. Эти направления и являются предметом анализа в настоящей статье на примере форм мотивантов, промежуточных между фонетическими и словообразовательными.

На наш взгляд, одной из таких промежуточных форм являются так называемые унификсы – аффиксы, не обладающие типичностью формы: *тр-ио*, *ши-ворот*, *чай-хана*, *выкрут-асы*, *солдаф-он*, *ал-химия*, *ба-хвалиться*, *му-сор*, *овс-юг*, *бел-есый*, *мач-еха*, *орлан*, *годов-алый*, *чист-оган*, *аван-сцена*, *кафе-терий*, *маск-арад*, *рук-ав*, *бур-ав*, *почт-амт* и др. (прим. автора: *Достаточно полный список слов, содержащих унификсы, представлен в учебном пособии Г. А. Вое-*

*водиной (приложения 1, 2, 3). Считаем, однако, нужным подчеркнуть, что этот список, на наш взгляд, содержит значительное число избыточных единиц. Так, вряд ли в число унификсов как разновидности аффиксов следует относить меч- (меч-рыба), луна- (луна-парк), бари- (баритон), ляпис- (ляпис-лазурь), -банд (джаз-банд) и под.; такое стирание границ между основами как мотивирующими базами и аффиксами не оправдано системой языка, в которой аффиксы онтологически дистанцированы от основ (скажем, чудо-рыбак – сложение основ, а архирыбак и сверхрыбак – префиксация); при подходе Г. А. Воеводиной, термин «унирадксонид» теряет свой смысл. Неясна логика квалификации как унификсов обычных суффиксов в сложных словах типа -ни(е) в дуракаваляние, -атин(а) в отсебятина и под. Вряд ли уникальны аффиксы типа по-...-от (позевота), по-...-ушк (побегушки), за-...-и(з) (заветрие) и т. п.; в лучшем случае здесь уникальны комбинации аффиксов, но комбинации такого рода – это уже не собственно аффиксы (единицы структурного плана языка), а форманты (единицы функционального плана). Наконец, много вопросов вызывает квалификация как самостоятельных унификсов комбинаций двух или трех суффиксов и комбинаций суффиксов с наращениями, в т. ч. – финалями основ: -ежник (валежник), -алищ(седалище), -арк (кухарка), -анец (багрянец, ср. багровый /почему не багряный? – Н. Г.) и т. п. [2]). Унификсы отличаются от других фонетических мотивантов лишь более типичной для русских аффиксов позицией (в начале или в конце слова) и неоднородной формой, отчего унификсальные производные более ясно структурируются. Но как те, так и другие являются мотивантами, не будучи формантами, поскольку маркируют производное без выражения определенного значения, в лучшем случае лишь намекая на него возможностью «вычитания» семантики мотиватора из семантики мотивированного слова. Получаемое таким образом значение следует определить как потенциальное. Нельзя считать семантикой унификса отношения подобия (*орел – орлан*) или смежности (*рука – рукав*), так как, во-первых, эти отношения являются глобальными, организующими всю мотивационную систему, собственно же значения могут появиться лишь при их конкретизации (*омнибус... автобус... троллейбус...*), а, во-вторых, подобие и смежность как частные проявления общности выражаются не мотивантами, а мотивирующими базами, как раз и олицетворяющими общность.*

Ближе к ядру поля мотивантов расположены унификсы, накладывающиеся на стандартные для языка значения, например, женскости (попадья, свекровь, королева), субстанциональности действия (*любовь, выкрутасы*), субстанциональности качества (*синева, чистоган*), лица (*скупердяй, дуралей, юноша, юниор*), собирательности (*детвора, жулябия* – окказиональное). Вероятность прогнозирования таких значений, понятно, более высока.

Переход унификсов в собственно словообразовательный аффикс, вероятно, не типичен для русского языка, но не исключен, а возникновение слов с унификсами в речи и их узуализация более естественна и имеет много различных форм, ср.: *нянюття, ребентуш, глазенаны* [19, с. 67, 155, 156], *жулябия* (А. Черноусов), *улетабль* (Д. Данин), народно-этимологические *гульвар* и *спинжак*.

Выскажем несколько замечаний о переходе явлений фонетического плана в сферу мотивации, который осуществляется прежде всего за счет способов преобразования звуковых оболочек готовых слов, т. е. на лексико-фонетическом уровне. Нередко такой переход сопровождается спонтанным образованием унификсов. Так, усечение *типа спокоен* – *спок*, *пинг-понг* – *пи-по*, включены в сферу стилистической модификации с явно определенным оттенком и рассматриваются как особый способ словообразования. Иную, но тоже определенную стилистич. окрашенность придает усечение личных имен: *Елена* – *Лена*, *Станислав* – *Слава*. Своеобразную семантику имеют прозвища в форме усеченных фамилий: *Бочкарев* – *Боца*, *Зинченко* – *Зина*. Определенным мотивационным значением обладали усеченные фамилии внебрачных детей дворян: *Репнин* – *Пнин*, *Елагин* – *Агин*, *Трубецкой* – *Бецкой* [12, с. 57]. Имеют свое семантическое «чуть-чуть» и аббревиатуры, оно связано с меньшей, чем у полных наименований, официальнойностью. Шуточно-пренебрежительное отношение ко значимому создают повторы типа *танцы-шманцы, фокус-покус, йоги-моги* (их фонетический характер очевиден). С древнейших времен редупликация используется для оформления звукоподражаний (*тю-тю, пиф-паф*) и усиления признака (*скрип-поскрип, чин-чинарем*). Противоположные явления обозначают, как правило, ретроспективные наименования: *фонема* – *нофема*, *Ом* – *мо*, *Генри* – *Ирнег*, *Оля* – *Яло*, *телефон* – «*Нофелет*» (название фильма, герой которого использовал слово-палиндром *нофелет* для знакомства) [19, с. 81; 12, с. 94, 95, 155; 11, с. 72]. Контаминированные звуковые оболочки двух слов нередко представляют наименования вещей с двоякой природой: *магнитофон* и *радиола* – *магнитола, стекло* и *кристалл* – *ситалл*. Отрезки *-ола, -алл* – здесь иллюстрируют унификсы.

В ряде случаев фонетическая мотивация перечисленных типов усиливается взаимодействием ее с лексической мотивацией, например: клуб любителей бега – «*Колобок*» (одновременно аббревиатура и метафора), *Бельская* – *Белочка*, *Рыжкова* – *Рыжая*, *страсти-мордасти, вирусы* – *вредилусы* (усечение и редупликация извлекает реально существующие слова, которые являются косвенно мотивирующими). Отрезки *-асти, -илусы* – унификсы.

Возможность перехода нестандартных фонетических отрезков в словообразовательные аффиксы иллюстрируют терминологические суффиксы типа *-бус, -ан, -он, -ема, -ол, -ин, -ит* [19, с. 143], [12, с. 150], образованные в своем большинстве через аналогию: *омнибус* – *автобус, троллейбус*; *нейлон* – *поролон* и

т. д. Приобретают свойства аналитических средств словообразования некоторые из наиболее активных аббревиатурных отрезков: *-хоз, -гос, -орг* и др.

Далее рассмотрим некоторые промежуточные формы, возникающие в результате утраты аффиксами своих ядерных свойств и становящиеся явлениями фонетического порядка или, напротив, – их приобретения. Одной из таких переходных форм являются консонантные наращенные открытых глагольных основ-производных типа *крыша, бита, кров, продажа, сдача, стеклотув, смех, старожил*. В ряде случаев их рассматривают как морфологические явления в конце основ: *тлен, клюв, одежда, сев, смех, соня, бита, водолив* (при нулевом суффиксе), *убыт-ок, кормил-ец* (при материальном суффиксе) [9, 12]. В др. случаях они отрываются от основы и определяются как самостоятельные суффиксы: *сдача, добыча, пря-ха, кожемя-ка* [13, 12], интерфиксы *пе-в-ец, поня-т-ливый* [9], или как наращение суффиксов *разви-тие, поня-тливый, убы-ток* [7, 22, 24].

Рассматривая слова типа *сдача*, В. В. Лопатин не исключает двоякой интерпретации сегмента *-ч-* как суффикса или наращенного, но отдает предпочтение первому решению, т. к. «сегмент *-ч-* повторяется в ряде слов с определенным словообразовательным значением, а это уже признак материально выраженного словообразовательного аффикса – носителя данного значения» [13, с. 126]. На наш взгляд, прикрепленность данного сегмента к узкому кругу глагольных основ, морфонологические, а не семантические мотивы его выбора, возможность выражения значения субстанциональности субстантивной парадигмы существенно отдаляет его от словообразовательного статуса.

В этимологических словарях многие из подобных сегментов определяются как суффиксы: *сме-х, пря-х-а бра-нь* [25, 28]. В настоящее время их суффиксальные свойства значительно ослаблены, и это находит отражение и в лингвистике*. Разумеется, статус перечисленных выше сегментов неоднозначен. Такие из них, как, например, *-х (а)*, обладают многими признаками суффиксов: наличием продуктивности, ядерного значения и определенной стилистической отнесенности. Развитием формальной и семантической инвариантности, ср.: *неуме-ха, выпив-оха, показ-уха, неразбер-иха*.

Аналогичные проблемы ставит Е. А. Земская в статье «Чередование или суффиксация», в которой сопоставляются соотношения типа *баран* – *барашек* и типа *магазин* – *магазинша, бассейн* – *бассееша*. Автор убедительно доказывает, что в первом случае имеет место чередование, во втором же случае следует видеть суффикс *-ш(а)*, который характеризуется экспрессивно-семантической общностью, связью с определенной системой флексий, присоединением к фонетически разным финалям [9].

Противоречивый статус у компонентов, оформляющих и классифицирующих глагольные основы: *сол-и(т)ь, сид-е(т)ь, чит-а(т)ь*. В настоящее время

они являются средоточием разнопорядковых функций: номинативной, мотивационно-словообразовательной, приспособляемостной, классифицирующей в формальном плане, которые неоднозначно и в различных сочетаниях реализуются в разных глаголах. Скажем, сегменты *-и-* и *-е-* в глаголах типа *рулить* и *шуметь* выступают как мотиванты и форманты с определенным значением, отражающим смысловую связь их означаемых с означаемыми мотивирующих имен, одновременно они включают данные глаголы во внутриглагольные оппозиции, ср. *рульнуть*, *шумнуть* [20, с. 22 – 24]; с ними же связано противопоставление двух вариантов основы: вокализованного (рули-, шуме-) и невокализованного (рул-, шум-), выбор которых обусловлен фонетически. В глаголах типа *козырять* и *чуметь* данные сегменты уже не разграничивают варианты основ, не участвуют непосредственно в приспособлении основы к парадигме, поскольку сохраняются в обоих вариантах основы. В глаголах типа *катить*, *лететь* сегменты *-и-* и *-е-* обладают морфологической функцией, ясным номинативным значением, ср. *катать*, *летать*, но роли мотивантов и формантов они не играют в силу отсутствия определенных мотивирующих единиц для них. Более сложную природу имеет суффикс *-ова-*: разграничивая варианты основ, он достигает уровня синонимии (*-ова-/уй-*), достаточно устойчивая связь с мотивирующими именами усиливает его словообразовательный статус, но во внутриглагольных оппозициях его роль незначительна.

Ослабление позиции большинства суффиксов в сфере внутриглагольных противопоставлений является общей тенденцией в развитии глагольной системы. Оно определяется актуализацией приставочных образований и выдвиганием на первый план суффикса *-ыва/-ива*, маркирующего неопределенные действия [21]. Глагола с прочими суффиксами при отсутствии префиксов становятся немаркированными членами внутриглагольных оппозиций и играют в основном морфологическую или формально-классификационную роль, поэтому их уже нельзя назвать собственно суффиксами. У них нет определенной семантики и позиции, например, *-и-* и *-е-* обнаруживаются в глаголах несовершенного вида (курить, висеть) и совершенного вида (решить, велеть), в том числе в приставочных глаголах, где значение суффикса вообще нейтрализовано. Не деление данных суффиксов общепроцессуальным значением [14, с. 85] может вызвать возражение в том плане, что это значение может быть отнесено к глагольной парадигме (ср. *руль*, *руля*, *о руле...* *-рулю*, *рулишь*, *рулит...*) или даже к некоторым корням [14, с. 66]. К этому же следует добавить, что разнообразие форм (*-а-*, *-е-*, *-и-*, *-у-*, *-о-*, *-ова-*) не может не ослабить семантических позиций данных сегментов.

Сказанным далеко не исчерпывается описание форм взаимодействия фонетического и словообразовательного уровней. Так, нельзя рассматривать в отрыве от фонетических процессов образование линей-

ных вариантов суффиксов, ср: *молод-ежь* и «*старо-дежь*», *однополч-анин* и *завод-чанин* и т. п. Расширение состава субморфов – незначимых отрезков в структуре слова – прежде всего связано с деаффиксацией, т. е. движением аффиксов в сторону явлений фонетического плана: *низ-м-енный*, *пер-н-атый*, *нов-ш-ество*, *черт-ых-аться*; *лис-ица* (ср. *лиса*), *репей-ник* (ср. *репей*), *цвет-ок* (ср. *цветы*), *кур-ица* (ср. *куры*) и т. п. Сравнимые единицы подчеркивают возможность рассмотрения выделенных сегментов как вариантообразующих в формальном плане, поскольку собственного значения они не имеют. Подробнее данные явления рассмотрены нами ранее в книге [4, с. 59 – 65, 80 – 97]; см. об этом также [8, 23].

Отдельная подтема в теме нестандартных «отрезков» – статус уникальных элементов в системе словоизменения. Словоизменение, разумеется, менее подвержено тенденции сохранения нестандартных форм, (стандартность – один из системообразующих признаков морфологии), однако в закрытых и давно сложившихся группировках слов такие элементы легко обнаруживаются в любом языке, таковыми группировками являются, например, местоимения и числительные. Рассмотрим, в частности, морфодеривационную структуру местоименных словоформ *кто*, *что*, *ты*, *мы*, *вы*, *я*, *нас*, *вас*. На фоне парадигмы словоизменения конкретной лексики *кто* (= *что*) отрезок *-то* в именительном падеже можно трактовать как окончание (*к-то*, *к-ого*, *к-ому...*), однако его уникальность в системе окончаний и – главное – типичность нулевого окончания для именительного падежа единственного числа в местоименном типе склонения делают такое решение далеко не самоочевидным, при акценте на этом обстоятельстве гораздо предпочтительней решение *к(то) #*, где *то* имеет статус вариантообразующего наращения основы. Такая же логика применима для *мы*, *вы*, *я*. Казалось бы, в *мы* и *вы* флексивный статус *ы* бесспорен: *стол-ы*, *ос-ы*; однако наличие *ы* в *ты* ставит под сомнение тот факт, что *ы* – флексия именно множественного числа; она на этом фоне, скорее, имеет морфологическую природу, то есть – *мы #*, *вы #*; заметим, что если основной статус *в* (в *вы*) не вызывает особых сомнений (*в-ас* (прим. автора: *Нужно признать, что наличие нестандартного -ас несколько осложняет развиваемую нами логику квалификации отрезка как флексии, поскольку в родительном падеже множественного числа (ям #, ос #) довольно типично нулевое окончание, однако не для лексем такого типа), в-ам, в-ами*), то статус *м* в *мы* не столь однозначен из супплетивизма основы (*мы*, *нас*, *нам*, *нами*), однако аналогичский характер словоизменительных парадигм предполагает пренебречь этим различием, как и в случае с *я*, *меня*, *мной*, где также с системных позиций предпочтительней видеть структуру *я #*, ибо супплетивизм в современном русском языке не является словоизменительным формантом, а лишь вспомогательным средством наряду с морфологией. В словоформах числительных *двумя*, *тремя*, *четырьмя* (ср. *обеих*, *обоих*), в которых и по линейным и по парадигматическим отношениям, включенным в грамматические аналогии, гораздо больше основания выделять самостоятельные флек-

сии *-е-* и *-и-* с родовым значением, чем мало поддерживаемые аналогией громоздкие *-еих*, *-оих*) (прим. автора: «Русская грамматика» [17, т. 1, с. 579] предлагает иной вариант членения словоформ этого числительного, включая отрезки *-о-* и *-е-* в косвенных падежных формах в состав основы (*обо-их*, *обе-их*), а в именительном падеже – в состав флексии (*об-а*, *об-е*). Такое решение нам представляется нелогичным: оппозиция по роду, зафиксированная в именительном падеже, сохраняется и в косвенных падежах, перенесение ее на основу никак не согласуется с морфологической системой русского языка, в котором род в словоизменительных парадигмах маркируется именно

флексией, а не различием основ. Разумеется, наш вариант требует ответа на вопрос о способе выражения падежного значения в словоформах *оба* и *обе*. Аналогическое продолжение ряда словоформ *об-о-их*, *об-е-их* предполагает формы с нулевой флексией именительного падежа: *об-а#*, *об-е#*, что слишком выпадает из типовых структур русских словоформ; гораздо больше в духе русского языка признание квалификации флексий *-а* и *-е* как синкретических, совмещающих род и падеж по типу *он-а*, где *-а-* флексия, выражающее одновременно грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа).

Литература

1. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971.
2. Воеводина, Г. А. Уникальные аффиксы в современном русском языке: учебно-методическое пособие / Г. А. Воеводина. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. – 144 с.
3. Голев, Н. Д. Антиномический анализ системы способов словообразования в русском языке / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей / под общ. ред. Л. А. Араевой. – Вып. 4. – Кемерово, 2011. – С. 35 – 46.
4. Голев, Н. Д. Введение в теорию и практику морфемно-словообразовательного анализа: учеб. пособие / Н. Д. Голев. – Барнаул, 1980.
5. Голев, Н. Д. Лексическая мотивация как функциональная семантическая категория (к постановке проблемы) / Н. Д. Голев // Словопроизводственный процесс и функционирование производных единиц в языке и речи. – Курск: Изд-во КурПИ, 1986.
6. Голев, Н. Д. Фонетические мотиванты (взаимодействие разных уровней языка в сфере мотивации) / Н. Д. Голев // Семантика и системность языковых единиц / межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1985.
7. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
8. Зиновьев, В. Н. Проблемы фонетико-морфологического словообразования в русском языке / В. Н. Зиновьев // Учен. зап. Горьковского ун-та. – Серия: Историко-филологическая. – 1961. – Вып. 52.
9. Земская, Е. А. Чередование или суффиксация (к изучению словообразования в русской разговорной речи) / Е. А. Земская // Памяти академика В. В. Виноградова. – М., 1971.
10. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Высшая школа, 1973.
11. Карпенко, Ю. А. Названия звездного неба / Ю. А. Карпенко. – М.: Наука, 1981.
12. Лейчик, В. М. Люди и слова / В. М. Лейчик. – М.: Наука, 1982.
13. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977.
14. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980.
15. Панов, М. В. Русский язык / М. В. Панов // Языки народов СССР. – М., 1966. – Т. 1.
16. Петрухина, Е. В. Структура и членимость русского слова / Е. В. Петрухина. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru>
17. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980.
18. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983.
19. Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982.
20. Соколов, О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка / О. М. Соколов. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1972.
21. Силина, В. Б. История категории глагольного вида / В. Б. Силина // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М., 1982.
22. Тихонов, А. Н. Школьный словообразовательный словарь / А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1978.
23. Хужина, А. Ф. Варианты или суффиксы (о качественных прилагательных с основой на *-лив-* и *-чив-*). / А. Ф. Хужина // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. – 1970. – Т. 278. – Вып. 17.
24. Цыганенко, П. П. Словарь служебных морфем русского языка / П. П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1982.
25. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971.
26. Шарандин, А. А. Актуальные и спорные вопросы русской морфематики / А. А. Шарандин. – Тамбов, 2012.

27. Шидловская, И. А. Уникальные конститuentы лексических единиц современного немецкого языка / И. А. Шидловская // Вестник Башкирского гос. университета. – 2008. – Т. 13. – № 4. – С. 944 – 947.
28. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – Вып. 2 / Н. М. Шанский. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1965; Т. 1. – Вып. 5 / под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973; Т. 2. – Вып. 8 / под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982.

Информация об авторе:

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ, 8(3842) 31-84-26, ngolev@mail.ru.

Golev Nikolay Danilovich – Doctor of Philology, Professor at the Russian Language Department of KemSU.

УДК 808.5

НЕЧЕТКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛИ В ТЕКСТАХ ПРАВОВОЙ И КОММЕРЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий

FUZZY QUALIFIERS IN TEXTS OF LEGAL AND COMMERCIAL DOCUMENTATION

N. N. Golub', M. A. Osadchiy

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 11-34-00324a2).

В статье рассматривается такое явление, как нечеткие определители, представляющие собой клишированные выражения, выполняющие функцию смысловых компрессоров. Основная функция нечетких определителей в языке – служить информационными компрессорами, позволяющими говорящему в целях экономии речевых усилий ввести в свою речь большой блок информации, не детализируя ее. По результатам исследования выработана функциональная классификация нечетких определителей современного русского языка. Исследуемые феномены классифицированы по двум принципам – по степени точности передаваемого понятия и по типу герменевтической опоры. В ходе исследования установлена частотность реализации различных типов нечетких определителей.

This article discusses the phenomenon of fuzzy qualifiers, which are typical expressions performing the function of semantic compressors. The main function of the fuzzy determinants in speech is to serve as an information compressor, allowing the speaker to put a large block of information in the utterance without detailing it in order to save the speech effort. Interpretive “destabilizer” is a side (but inevitable and systematic) aspect of fuzzy qualifiers. This aspect forms the potency of non-uniqueness of interpretation. These units increase the potency of the text’s conflict interpretation by compactness of utterances and “unexpressiveness” of semantics. The phenomenon was studied on the material of commercial contracts and legal texts. Basing on the study, a functional classification of fuzzy qualifiers in Russian has been developed. The investigated phenomenon is classified according to two principles - the degree of accuracy of the transmitted concept and the type of hermeneutical basis.

Ключевые слова: нечеткий определитель, правовой риск, конфликт.

Keywords: fuzzy qualifiers, legal risk, conflict.

«Нечеткий определитель» («неточное определение», «нечеткий множитель», «нечеткий определение», «нечеткое множество») – термин, первоначально возникший в сфере математики и мягких вычислений [3, с. 208 – 247], но со временем прочно закрепившийся и в лингвистике. В языке под этим термином целесообразно понимать переменные, преимущественно лексемы и фраземы, имеющие вариативное толкование объема и рамок каких-либо предметов, процессов, условий (*куча дел, толпа народу, пара-тройка книг, погодите минуточку, при известных условиях и т. п.*). Нечеткие определители являются узуальными, активно используемыми лексемами и фраземами. Размытость, точнее, нечеткость семантики таких единиц не является следствием коммуникативной неудачи или особенностей контекста. Основная функция нечетких определителей в языке – служить информационными компрессорами, позво-

ляющими говорящему в целях экономии речевых усилий ввести в свою речь большой блок информации, не детализируя ее. Побочным, но при этом неизбежным и системно обусловленным свойством нечетких определителей как информационных компрессоров является свойство интерпретативного дестабилизатора, формирующего потенциал неединственности интерпретации высказывания.

В ходе исследования нами разработана классификационная модель нечетких определителей современного русского языка. Данная классификационная модель включает классификации по трем основаниям.

I. По степени точности передаваемого понятия:

1) нечеткий определитель с относительно ограниченным объемом интерпретаций (*в соответствии с действующим законодательством РФ*);

2) нечеткий определитель с неограниченным объемом интерпретаций (*или в условиях недостаточной видимости; в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного)*);

II. По типу герменевтической опоры:

1) нечеткий определитель с внутритекстовой ссылкой (*в соответствии с разделом «21 правило»*);

2) нечеткий определитель с внешней текстовой ссылкой (*в случаях, предусмотренных частью 1 статьи 27.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях*);

3) нечеткий определитель с отсылкой к внетекстовому пространству (*при наличии технических возможностей, при подходящих погодных условиях*).

III. По степени клишированности:

1) дискурсивные клише (*если иное не предусмотрено законом или договором; в соответствии с законодательством Российской Федерации*);

2) минимально клишированные (ситуативные) (автомобиль в состоянии соответствующем отраженному в акте приема-передачи, с учетом нормального износа; договор будет считаться законченным после выполнения взаимных обязательств).

В ходе исследования проанализировано 45 договоров различной тематики, в которых выявлено 249 случаев употребления нечетких определений разного типа. Проследив, какое место занимает употребление нечетких определений в общей картине коммерческих договоров, мы обнаружили, что из общего количества слов, составившего 26075 единиц (98 %), 579 слов (2 %) стали реализациями нечетких определителей. Изначально может показаться, что данному языковому явлению отводится небольшой процент реализаций. Это служит доказательством того, что нечеткие определители по своей природе являются семиотическими компрессорами. При компрессии наблюдается сокращение текстового пространства за счет преобладания объема означаемого над объемом означающего. Но условия речевой прагматики часто ограничивают компрессионные возможности [2, с. 241 – 244]. Следовательно, нарушается главный принцип информационной компрессии-построения текста, при котором максимально выражается необходимый смысл при минимальной затрате речевых средств. Наличие нечетких множителей в коммерческом договоре обусловлено природой самого явления – по своей сути это элементы так называемой процедурной лексики (лексики с обобщенным значением), представляющей в тексте документа конкретное действие, предмет или признак в официально-правовой интерпретации. Например, нечеткое определение «*нарушение трудовой дисциплины*» может рассматриваться как опоздание, прогул, явка на работу в нетрезвом виде.

В ходе исследования также установлено, что определители могут быть локализованы практически во всех составных частях договоров. Наиболее часто они встречались в пунктах «Права и обязанности сторон», «Предмет договора» и «Прочие условия». Стоит обратить внимание на то, что все эти группы имеют особо значимый характер при правильном истолковании текста договора, так как в них прописываются моменты, исключительной важности. Неправильная трак-

товка текста с самого его начала является залогом конфликтной ситуации. Нечеткие определители обусловливаются самим языком, а именно – системой норм письменного делового дискурса. В большинстве случаев нечеткость определений зависит от особых стилистических характеристик языка. Язык коммерческого документа не приемлет широких отступлений, пространных пояснений.

В плане отражения практической реализации множителей в текстах делового дискурса, наиболее частотными среди нечетких определителей стали репрезентанты с внутритекстовой формой ссылки – 117 случаев, с внешней текстовой ссылкой – 57, с отсылкой к внетекстовому пространству – 7 реализаций. Среди определителей, различающихся степенью точности передаваемого понятия обширное распространение получили определители с ограниченным объемом – 82 случая, определители неограниченного объема зафиксированы 15 раз. Это сопряжено с тем, что коммерческий договор – явление формально-логическое, и тип его организации проявляется в рубрикации простого предложения, на графическое членение текста по составным частям. Текст объединяет логика развития темы, дробящаяся на микротемы, каждая из которых рассматривается самостоятельно.

При этом неизбежным оказывается использование параллельных логических конструкций, которыми и становится переход от одной части текста к другой при помощи нечетких определений. По степени клишированности наиболее распространенными стали дискурсивные клише: 31 реализация, ситуативное клише зарегистрировано 4 раза. Здесь находит свое отражение историческая реальность делового дискурса. Устоявшиеся формы продолжают использоваться в текстах, несмотря на то, что недостаточно объективно

и точно передают суть вещей. На этом же основании в текстах реализуется большое количество определителей с относительно ограниченным объемом интерпретаций.

При анализе материала выявлено, что в условиях договора определенного типа доминировала та или иная модель нечётких множителей. Так, в учебных договорах частотную реализацию нашли определители с различной герменевтической опорой. Наибольшее распространение получили множители с внешней текстовой отсылкой: «совершения виновных действий, несовместимых с пребыванием на государственной гражданской службе, *согласно статье 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации"*», «применять к Студенту меры поощрения и налагать взыскания в пределах, *предусмотренных Положением о медицинском колледже БелГУ, а также в соответствии с локальными нормативными актами колледжа*», «Бережно относиться к имуществу Исполнителя. Возмещать ущерб, причиненный Потребителем имуществу Исполнителя *в соответствии с законодательством Российской Федерации*». В данных примерах содержатся нечеткие определители, так как для полного и точного понимания условий договора необходимо воспользоваться дополнительными объемными текстовыми источниками. При этом в тексте договора нет указания на конкретные пункты и параграфы этих текстов.

Малоупотребимой оказалась модель с внутритекстовой ссылкой, например: «Заказчик вправе требовать от колледжа предоставления информации по вопросам, организации и обеспечения надлежащего исполнения *услуг, предусмотренных разделом 1 настоящего договора*, а также образовательной деятельности колледжа и перспектив ее развития», «В счет полного возмещения затрат на подготовку Студента вносить годовую оплату за обучение *в сроки и в порядке, установленные п. 5 настоящего Договора*», «Своевременно *в соответствии с п. 6.3 договора* производить оплату обучения». Наличие данной модели ожидаемо, так как процесс обучения сопряжен с множеством внешних факторов, и регулирование отношений между Заказчиком и Исполнителем ведет к неизбежному обращению к «внешним» нормативным актам. В процитированных положениях договоров мы видим определители, являющиеся нечеткими в силу того, что содержание пунктов, на которые делается ссылка, не раскрывается. Интерпретация данных нечетких определителей осуществляется на основе читательского перехода по внутритекстовой ссылке. От того, насколько точно будет осуществлен этот переход, зависит степень совпадения точек зрения сторон договора.

Анализ брачных договоров даёт несколько иную картину. В них превалирующими оказываются множители с неограниченным количеством интерпретаций: «Каждый супруг обязан проявлять *надлежащую заботу* о совместном имуществе и об имуществе, принадлежащем другому супругу, *принимать все необходимые меры* для предотвращения уничтожения

или повреждения имущества, а также для устранения угрозы уничтожения или повреждения, в том числе производить *необходимые расходы* как за счет общих денежных средств, так и за счет *иных доходов*», «Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и *других предметов роскоши*, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался», «Расходы на *неотделимые улучшения*, сделанные в период брака в квартире, в случае расторжения брака возмещению не подлежат». Такое положение дел идет вразрез с жанровыми требованиями гражданско-правового договора: в документе сочетаются признаки письменно оформленной сделки, четко регулирующей имущественные отношения супругов, с элементами, допускающими семантико-логические инотолкования (множественные толкования).

Правила дорожного движения (ПДД), относимые к нормативным документам, заключенные в письменной монологической форме, относятся к письменному официально-деловому дискурсу. Продуцирование и восприятие письменного дискурса происходит не одновременно и соответственно нет непосредственного контакта между реципиентом и продуцентом, следовательно, нет вовлеченности сторон в коммуникативную ситуацию. Для данного типа дискурса характерен также исключительно визуальный способ восприятия.

В ходе исследования данного нормативного документа установлено, что в основном тексте ПДД доминировали нечеткие определители с относительно ограниченным объемом интерпретации (по классификации 1), с внутритекстовой отсылкой (по классификации 2): «...могут отступать от требований дорожных знаков (*кроме знаков 2.2, 2.4-2.6, 3.11-3.14, 3.17.2, 3.20*), а также пунктов 9.4-9.8 и 16.1 *настоящих Правил*», «...осуществляется *в соответствии с пунктом 12.1 Правил*», «...за исключением случаев, *оговоренных в пунктах 12.1, 24.2 Правил*». Как и в случае с договорами, зафиксированные примеры являются нечеткими определителями в силу того, что для понимания высказываний, содержащих внутреннюю ссылку, адресат речи (читатель) вынужден совершать внутритекстовые переходы. В результате чего процесс понимания текста осложняется этапом обязательного ассоциирования двух фрагментов, что неминуемо увеличивает интерпретационный потенциал текста.

В дополнительном материале, нередко не включаемом в основной текст правил дорожного движения, а именно в разделе «Права и обязанности сотрудников ДПС», несколько иной тип нечетких определителей – определители с внешней текстовой отсылкой. Примерами могут служить следующие высказывания: «*При наступлении условий, предусмотренных статьями 12 – 15 Закона Российской Федерации «О Милиции»*»; «*за исключением условий, предусмотренных пунктами 109, 131, 187. 193, 216 регламента*»; «...нарушении, *предусмотренном статьей 12.24 или частью 2 статьи 12.30 Кодекса*»; «*Приказ МВД России от 1 августа 2002 г. № 720*».

Следовательно, нарушается одна из центральных для официально-делового дискурса и коммуникации функций текста – регулятивная [7].

Схожей чертой данных типов договоров явилось то, что в них превалировали определители интертекстуального характера. Под интертекстуальностью мы понимаем категорию, обеспечивающую связь текстов, благодаря которой тексты могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга [4, с. 52 – 55]. Интертекстуальные связи являются одним из средств превращения делового документа в единое целое. Подобное свойство является свидетельством того, что данная категория также обеспечивает целостность дискурса, например: «В случае, если стороны не достигнут договоренности, их споры и разногласия будут переданы на рассмотрение в суд *в соответствии с действующим законодательством*»; «В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения сторонами обязательств по настоящему договору они несут ответственность,

предусмотренную Законом Российской Федерации "О защите прав потребителей" и иными нормативными правовыми актами». Примечательно и место расположения данных множителей – преимущественно это пункт «Прочие условия». Нечётким определителям, имеющим более четкое семантико-логическое истолкование, отведено отнюдь не центральное место в текстах договоров. Это связано, в первую очередь, с установкой на лаконичность и типизированность, но в то же время несет конфликтогенный потенциал, задавая множественность интерпретаций текста [5; 6, с. 63 – 71].

Проведенное исследование позволяет заключить, что тематика оказывает влияние на частотное распределение и тип реализуемых в тексте нечетких определителей. В связи с этим есть основания полагать, что между тематикой текста и его интерпретационным потенциалом существует корреляция. Более полное изучение данной корреляции является перспективой нашего исследования.

Литература

1. Алексеенко, В. Г. Бюрократический язык как социокультурное явление / В. Г. Алексеенко // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – С. 90.
2. Валгина, Н. С. Семиотические и коммуникативные способы компрессии информации в тексте / Н. С. Валгина // Валгина Н. С. Теория текста. – М.: Логос, 2003.
3. Заде, Л. А. Размытые множества и их применение в распознавании образов и кластер-анализе / Л. А. Заде // Классификация и кластер / под ред. Дж. Вэн Райзина. – М.: Мир, 1980.
4. Коновалова, М. В. Прагматическая специфика интертекстуальности как глобальной текстовой категории / М. В. Коновалова // Прагматические аспекты коммуникативной лингвистики и стилистики (проблемы общего и романского языкознания): сборник научных трудов факультета лингвистики и перевода Челябинского гос. ун-та. – Челябинск: Образование, 2007.
5. Осадчий, М. А. Тактики ухода от правовых рисков в политической и бизнес-коммуникации / М. А. Осадчий // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – Режим доступа: www.science-education.ru/100-4893
6. Араева, Л. А. Тактические приемы ухода от правовых рисков в современной публичной коммуникации / Л. А. Араева, Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2012. – № 1.
7. Сологуб, О. П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Сологуб. – Кемерово, 2009.

Информация об авторах:

Голубь Николай Николаевич – студент Кемеровского государственного университета, nik_golub@mail.ru.
Golub Nikolay Nikolaevich – student at KemSU.

Осадчий Михаил Андреевич – докторант Кемеровского государственного университета, кандидат филологических наук КемГУ, osadchij@mail.ru.
Osadchiy Mikhail Andreevich – Candidate of Philology, doctoral student at KemSU.

УДК 800.72

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ

М. Н. Гордеева

PECULIARITIES OF COHESION REALIZATION IN OFFICIAL TEXTS

M. N. Gordeeva

В статье рассматриваются особенности проявления категории связности и средства ее выражения в официально-деловых текстах, созданных как профессионалами, так и рядовыми носителями языка. Особое внимание уделяется реализации лексической связности в различных ее проявлениях: отношениях инклюзивности, эксклюзивности, идентичности.

The article focuses on the peculiarities of cohesion realization and expression in official texts written by professionals that work in official organizations and by ordinary native speakers. Special attention is paid to the lexical type of cohesion, which comprises the relations of inclusion, exclusion and identity.

Ключевые слова: официально-деловая коммуникация, текстовые категории, лексическая связность, текстовая компетенция.

Keywords: official communication, textual categories, lexical cohesion, textual competence.

Понятию связности как текстовой категории посвящено большое количество работ, раскрывающих как общетеоретическую сторону проблемы, так и вопросы, посвященные характеристике связности отдельных видов текстов.

Связность признается исследователями конституирующим признаком текста, его центральной категорией, отражающей его внутреннее единство: «не бывает бессвязного текста» [7, с. 42]. По мнению Т. В. Милевской, связность есть «норма порождения дискурса и необходимое условие успешности коммуникации» [6, с. 13], ведь связь фактов в текстовом сообщении предопределяет его понимание адресатом. Как отмечает исследователь, текстопорождение сопровождается превращением ментального представления человека в линейную текстовую структуру, что делает связность главной стратегией говорящего при создании текста. Иначе говоря, целью построения текста «должно быть стремление собрать такие узлы и связи, которые легко воспринимаются внешней воспринимающей средой или системой» [4, с. 95]. М. А. К. Хэллидей и Р. Хасан, посвятившие свою работу когезии в английском языке, подчеркивают, что именно когезия, предполагающая связность по смыслу и по форме элементов текста не меньших, чем предложение, определяет текст как законченное целое [1; 11, с. 108 – 115]. Основу связности текста составляет референция: референтом становится некая модель ситуации действительности, которую говорящий / пишущий репрезентирует в виде линейной структуры: «План содержания категории связности – это отражение в мысли и передача в линейном потоке речи некоей общности, свойственной двум или более явлениям, с одной стороны, и соединение этих феноменов в некое смысловое целое – с другой» [7, с. 46].

Сущность категории связности более четко выявляется на фоне категории целостности. Категория связности играет решающую роль в формировании целостности текста: в исследовательской литературе (Б. М. Лейкина, Ю. А. Сорокин, А. А. Леонтьев, Е. В. Шпар и др.) признается взаимосвязанность и взаимообусловленность этих категорий, целостность получает материализацию в связности, а связность есть

одно из оснований целостности: «Целостность – это некоторая характеристика результата восприятия связанного текста, а сама связь – это средство, позволяющее получить данную характеристику» [12, с. 223]. Связность есть категория лингвистическая, и ее частные языковые проявления обусловлены общей семантической идеей текста, тогда как целостность является содержательной категорией, которая обусловлена законами восприятия текста и стремлением реципиента к объединению всех текстовых частей. Категорию связности можно назвать языковой базой, на которой основывается категория целостности.

Лингвистический характер категории связности и ее проявления на разных языковых уровнях позволяют выделить виды связности. Так, М. А. К. Хэллидей и Р. Хасан описывают следующие виды когезии: лексическая, грамматическая (референция, субституция, эллипсис) и соединение, которое исследователи относят к переходным случаям [1]. Лексическая когезия подразумевает связность текста с помощью повторов слов и словоформ (*Henry presented her with his own portrait. As it happened, she was always wanted a portrait of Henry* [1, с. 284]), слов одного семантического поля (*wool – sheep*), синонимов (*moment – minute*), антонимов (*avoid – follow*). Под референцией подразумевается замена в тексте наименования, свойства или действия местоимениями, словами с количественным или качественным значением: *the first / the second, as many, such, the same, identical, different* и др. Например, в скороговорке *There were two wrens upon a tree. Another came, and there were three* [1, с. 31] местоимение *another* замещает существительное *wren*, позволяя избежать повтора: *There were two wrens upon a tree. Wren came, and there were three*. Субституция, в отличие от референции, предполагает замену групп слов, предложений словами *the same, likewise, that, be, so, not*, причем, находящиеся в отношении субституции элементы принадлежат к разным языковым уровням. Так, в примере *Has Barbra left? – I think so* [1, с. 90] наречие *so* служит указанием на мысль, высказанную в предыдущем предложении. При таком виде связности, как эллипсис, особенно часто встречающемся в разговорной речи, опускаются

предложения или их части, при этом содержание высказывания следует из контекста. Так, во втором предложении примера *I've used up those three yellow folders you gave me. Can I use the other?* [1, с. 160] отсутствует существительное *folder*, что никаким образом не влияет на рецепцию адресанта, так как предыдущий контекст помогает заполнить лауну. Соединение заключается в связи предложений с помощью различных союзов и сочетаний: *and, but, neither, nor, on the contrary, in such an event, I mean, in spite of, previously, afterwards* и др., например: *They fought a battle. Previously, it had snowed* [1, с. 228].

Опираясь на эту классификацию, современные исследователи, в частности, В. А. Лукин [5], предлагают выделять следующие типы связности:

1) связность на уровне одноплановых единиц и форм знаков, под которой имеется в виду повтор зрительно воспринимаемых образов (линий, точек и др.). Этот тип связности позволяет распознать в последовательности этих единиц текст, такая связность необходима для существования текста, так как является формой его выражения;

2) связность знаковых элементов текста, которую В. А. Лукин называет значимым «в гораздо большей степени для понимания смысла текста и его последующей интерпретации» [5, с. 22]. В нем участвуют элементы текста, которые получатель расценивает как знаки. В роли таких знаков могут выступать не только слова, но также кавычки, курсив и пр.;

3) лексическая связность, включающая в себя связность на уровне индексальных знаков (местоимения, частицы, наречия и др.), которые указывают на референт, не характеризуют его; условных знаков (слова, буквы, цифры, слоги, грамматические формы слов, части слов); имен собственных, которые к концу текста приобретают коннотации и могут концентрировать в себе содержание значительной части текста (подтемы, идеи);

4) семантико-синтаксическая, подразумевающая явления пресуппозиции («такие компоненты высказываний, которые, судя по их оформлению, отправитель текста считает истинными и уже известными адресату» [10, с. 19], то есть в содержательном отношении это часть высказывания, характеризующаяся очевидностью и истинностью), импликации («такие сообщения, которые выводятся получателем из содержания текста или его компонентов» [10, с. 21]; импликации представляют собой выводы, которые делаются по большей части на основании внетекстовых и внеязыковых знаний), эллипсис и актуальное членение предложения, подразумевающее выделение в тексте темы и ремы, построение тематических прогрессий;

5) грамматическая, которая заключается в повторе каких-либо грамматических форм. Особенно ярко грамматическая связность проявляется в художественном тексте, когда тот или иной грамматический повтор является значимым для семантической структуры текста.

В диссертационном исследовании, посвященном проблеме связности дискурса и текста, Т. В. Милевская предлагает выделять микрополе лексической когезии и микрополе когезии грамматической, мотивируя это различием в способности языковых средств выполнять

связующую функцию [6]. Описывая функционально-прагматическое поле связности, исследователь акцентирует внимание на лексических средствах выражения данной категории в тексте: лексическом повторе (*Осень – пора умирания осенних листьев... Пора умирания для человека – круглогодична* [6, с. 25]), синонимии (*Есть одно явление, ускользнувшее от вездесущей статистики: двуязычие многих собак <...>. Вот, например, наш пес при слове «собака» немедленно бросается к окну; при слове «dog» – та же реакция* [6, с. 26]), антонимии (*Иногда говорят исключительно о поколении москвичей и ленинградцев <...> [там же]*); кроме того, исследователь упоминает дейктическую когезию, средствами которой являются местоимения, модальные слова и частицы.

Таким образом, исследователи выявляют средства связности на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом, фонетическом (такой тип связности характерен для поэтических текстов), а также на уровне семантики.

Особенности проявления категории связности на разных языковых уровнях рассматриваются на примере текстов, функционирующих в различных сферах коммуникации. Так, связность художественного текста изучается И. А. Сыровым, М. П. Котуровой и др.; связности научных текстов посвящены работы Т. И. Востриковой, Е. С. Кузьминой, Р. Н. Сукач; реализация категорий связности и цельности в разговорной речи изучается Л. В. Сахарным, И. А. Бариновой. Несмотря на большое количество исследований, посвященных анализу особенностей проявления категории связности в различных типах текстов, некоторые сферы все еще малоизученны; таковой является сфера официально-деловой коммуникации. Свойство связности должно быть присуще официально-деловому тексту, может быть, даже в большей степени, чем какому-либо другому, ведь для эффективного управления производством необходима предельная точность в отражении ситуации, установлении связей между фактами и событиями. Однако, несмотря на важность этой характеристики для официально-делового текста, последний в данном аспекте практически не рассматривался.

В связи с вышесказанным мы ставим целью нашего исследования рассмотрение особенностей проявления категории связности в официально-деловом тексте. При этом наше внимание будет сосредоточено на средствах связности, проявляющихся на лексическом уровне. Анализируя особенности реализации лексической связности на примере широкого круга официально-деловых документов: от наиболее официальных (устав, договор, инструкция) до полуофициальных, оперативных (деловое письмо, доверенность, докладная и служебная записка, заявление, жалоба), – мы устанавливаем типичные случаи проявления категории связности в текстах документов, степень устойчивости представления о них в сознании составителей документов различного ранга.

Самым распространенным видом лексической связности в рассмотренных нами текстах документов является связность, осуществляемая на основе одного и того же референта. Такая связность устанавливается в рамках отношений идентичности, которые находят вы-

ражение в официально-деловой речи в употреблении повторов. По мысли М. И. Откупщиковой, повтор – одно из основных условий, при котором обеспечивается связность текста, «настолько характерное для языка, что некоторые считают его единственным условием связности» [9, с. 54].

Явление повторной номинации в официально-деловой речи широко распространено. В профессионально исполненных документах его можно наблюдать как на уровне отдельных реквизитов, так и в основном тексте документа. Так, часто совпадают сведения, содержащиеся в реквизитах «наименование организации», «подпись», «оттиск печати». Название предприятия, как правило, отражается в оттиске печати, который является способом дополнительного удостоверения документной информации. В случае если организация функционирует как индивидуальное предприятие, то ее наименование коррелирует с подписью и ее расшифровкой в конце документа, ср.: *Индивидуальный предприниматель Кузнецов Петр Михайлович* (реквизит «наименование организации») и *Индивидуальный предприниматель* (подпись) *П. М. Кузнецов*. Порой имеет место точный либо частичный повтор реквизита «название организации» в тексте документа, например, в тексте доверенности: *Общество с ограниченной ответственностью «Декстра»* (реквизит «наименование организации») – *Общество с ограниченной ответственностью «Декстра» в лице директора Зарецкой Алины Геннадьевны <...> доверяет Гордиенко Марине Петровне <...>; или: Группа компаний «Юмикс»* (реквизит «наименование организации») – *Настоящей доверенностью Общество ООО «Юмикс ТМ», в лице Генерального директора Ермака Ю. М., действующего на основании Устава, уполномочивает Князева Олега Борисовича <...> на совершение следующих действий <...>* (в примерах документных текстов сохраняются авторские орфография и пунктуация). Такой повтор обеспечивает связность основного текста документа с остальными реквизитами, способствуя формированию целостного характера всего документа.

Высока частотность повторов в основном тексте документа; особенно ярко это проявляется в текстах уставов, положений, договоров, что обусловлено необходимостью создания предельной ясности в этих документах, обладающих повышенной юридической значимостью. Приведем пример: *Заказчик обязуется: принять исполненные Услуги путем подписания акта об оказании Услуг либо отказаться от подписания акта об оказании Услуг путем направления заказным письмом с уведомлением мотивированного отказа от подписания указанного акта в течение 5 (пяти) календарных дней с даты, указанной в п. 1.1 настоящего Договора. В случае невыполнения Заказчиком обязанности по подписанию акта об оказании Услуг либо не направления отказа от подписания в течение указанного времени исполнение Услуги признается надлежащим*. Большое количество точных повторов (*акта, Услуги*), корневых (*обязуется – обязанности, исполненные – исполнение*) и повторов словоформ (*Заказчик – Заказчиком*), а также повторов целых конструкций (*подписание акта об оказании Услуг, отказа от подписания*) удовлетворяет требованию точности документа.

Замена повтора синонимом или местоимением нежелательна в целях исключения возможности интолкования текста. Несмотря на это, вопреки высокой концентрации повторов, текст не воспринимается как перегруженный.

Повтор является наиболее востребованным средством лексической связности в официально-деловой документации, он присутствует и в текстах документов, созданных носителями языка, например, деловых письмах, заявлений, жалоб: *Вся внутренняя система отопления находится на обслуживании школы. Обслуживание и ремонт системы отопления на должном уровне службы школы осуществить не могут, т.к. нет нужных запасных частей, механизмов и штатных сотрудников этого профиля; Прошу предоставить выписку из Единого государственного реестра юридических лиц <...> Выписка необходима для открытия расчетного счета*. Повторная номинация также сопровождается различными списками, содержащими точные данные (суммы, количества, технические характеристики и пр.), например: *На склад поступила бланкета <...> по счету № 879 на сумму 8945 руб. <...> Прошу Вас оплатить остаток по счету № 879 в сумме 8945 руб. и получить инструмент; Дополнительные требования к изготавливаемому валу: 1. Радиальное биение корпуса вала (без установки на вал клиньев) <...> 2. Радиальное биение корпуса вала при установке на вал клиньев <...>*. Присутствие повтора помогает предотвратить возникновение вопросов и обеспечивает предельное понимание при прочтении текста адресатом. Точный повтор (*отопления, школы, по счету № 879, 8945 руб., радиальное биение корпуса, клиньев*), корневой повтор (*обслуживание – службы*) и повтор словоформ (*система – системы, обслуживание – на обслуживании, выписка – выписки, валу – вала – на вал*) обеспечивают спаянность предикативных единиц и тематическое единство текста. Широкое использование лексических повторов свидетельствует о том, что эффективность данного средства связности при выражении официально-деловых отношений достаточно хорошо осознается авторами документов.

Однако следует заметить, что частое использование повторной номинации не всегда благоприятно сказывается на рецепции текста: 09.04.99 г. Взял справку для оформления субсидии, но ее не приняли. 02.07.99 г. После отпуска. Оформил справку, опять не правильно, не приняли. Съездил дооформил и опять не приняли. 14.09.99 г. Четвертая справка, наконец-то приняли. 09.09.99 г. Не смог встать на учет в центре занятости центрального района, не правильно оформлены документы. 14.09.99 г. Встал на учет. 16.09.99 г. Справка неправильно оформлена бухгалтером Ситниковой Натальей Степановной. Последний раз препятствовала выдаче документов; получил документы с помощью начальника отдела образования. Ни одна справка не была оформлена как надо, при увольнении не оформлены документы на пенсию и в трудовой нет приказа увольнения. Явление повторной номинации способствует высокой степени связности данного текста, однако плотность ряда повторяющихся единиц делает его перенасыщенным повторами, что затрудняет понимание содержания документа: формы слова справка встречаются пять раз, словоформы оформить / оформление –

семь раз, принять (не принять) – четыре раза. Пониманию препятствует и числовой повтор, фиксирующий даты описываемых в документе действий, отвлекая на себя внимание адресата.

К повтору исследователями причисляется и местоименная, или прономинальная, референция: Л. М. Андросова называет местоименную референцию разновидностью смыслового повтора, при котором при указании на антецедент дублируется его значение. При этом, как отмечает исследователь, «идентичность планов содержания имени и местоимения выражается формально корреляцией на морфологическом и лексическом уровнях» [2, с. 24]. Служа средством связи, местоимения выполняют дейктическую функцию, то есть только указывают на референт, расположенный в последующем или предыдущем фрагменте текста, однако сам референт не характеризуют: «Прономинальная референция отличается <...> полным совпадением значений антецедента и местоимения без возможности расширения информации» [2, с. 25]. Конструкции с местоимениями, указывающими на антецедент, который может быть выражен отдельной словоформой имени существительного или словосочетанием, встречаются в документных текстах очень широко.

Наиболее распространенным видом местоименной связности в официально-деловых текстах являются падежные формы личных местоимений 3-го лица (*он, она, оно, они*), как, например, в следующих фрагментах из актов и инструкций: *В результате осмотра и диагностики кондиционера было выявлено, что из строя вышла управляющая плата наружного блока CU-B43DBE8 в результате подачи на нее повышенного напряжения; Бригадиром Э. И. Самойловым 16.04.2004 установка «Веprь» использовалась в нерабочее время в личных целях без соблюдения требований инструкции по эксплуатации, что в результате привело к выходу ее из строя; В период временного отсутствия Начальника отдела кадров, его обязанности возлагаются на <...>. Личные местоимения частотны и в текстах рядовых носителей языка: Если администрации магазина всё равно, то где же доблестные представители СЭС? Или они ждут эпидемии лептоспироза, туляремии и т. п. со смертельными исходами для принятия мер?; и 4 раза моей дубленке пришлось подвергнуться химобработке, после чего она очень похожа стала на тряпку. Можно сделать вывод, что личная местоименная референция отвечает стилевым канонам официально-деловой коммуникации, способствуя точности передачи информации.*

Еще одним типом местоименной референции являются прономинализованные единицы (*данный, указанный, вышеуказанный, вышеназванный, следующий, нижеследующий*), которые замещают в тексте указательные местоимения (*этот, такой* и пр.): *В соответствии с распоряжением Губернатора Новосибирской области от 14.12.2005 № 1103-р <...> установить дежурство руководителей подразделений департамента информации в период с 00.00 часов 31 декабря 2005 года до 9.00 10 января 2006 года согласно следующего графика <...>; Данная доверенность выдана сроком на один год без права передоверия. Описанная выше замена вызвана тем, что указательные местоиме-*

ния обладают меньшей референциальной точностью, чем прономинализованные единицы, и приводят к затемнению смыслов, что противоречит такому свойству официально-делового текста, как точность. В оперативных документах указательные местоимения используются активнее, что связано с полуофициальным характером этих документов: *Я обратилась за помощью к Юрченко Игорю Петровичу. Он пришел к нам и провел беседу с Варанкиным. После этой беседы Варанкин на второй же день бросил пить, убрал комнату, балкон. Заметим, что указательные местоимения могут иметь вмещающее значение: Помогите пожалуйста нам выйти из этого положения. С подобным явлением мы сталкивались при описании особого случая лексического повтора, при котором завершающая текст фраза вмещает смысл всего предыдущего текста. В приведенных нами примерах указательное местоимение заключает в себе изложенную в тексте информацию о предмете речи. Следует отметить, что использование в официально-деловой речи местоимений *такой, этот, тот* и под. придает ей разговорный характер, что не соответствует канонам официально-делового стиля.*

Отношения идентичности, помимо лексического повтора, выражаются и в повторе семантическом – синонимии. Вследствие необходимости обеспечения лексического однообразия и точности официально-делового документа, явление синонимии в официально-деловой документации встречается нечасто и в большинстве случаев заменяется лексическими повторами. Это связано с тем, что синонимы привносят в речь изменение оттенков смысла, что противоречит предельной точности и терминированности официально-деловой речи. Однако в текстах оперативных документов (например, в служебных и докладных записках), допускающих относительно свободное, с минимальным числом штампов, описание ситуации, они могут присутствовать: *Было бы здорово, передать подготовку следующих выпусков сборника на профессиональную кафедру, что значительно повысило бы качественный уровень этого издания. В данном фрагменте наблюдается пара семантических синонимов *сборник – издание*, значение второго члена которой несколько шире значения первого: изданием называют продукцию, содержащую информацию любого (не только печатного) характера, однако в данном контексте это никак не сказывается на общем смысле сообщения.*

Другие ряды репрезентируют явление контекстной синонимии, подразумевающей сближение значений в конкретном тексте вследствие отнесенности к одному предмету, например: *<...> принято решение учредить с 1 января 2001 г. ежегодный членский взнос <...> Деньги следует переводить до 1 декабря каждого года на расчетный счет МГУ им. М. В. Ломоносова (реквизиты прилагаются). Сумма перевода рассчитывается по следующей формуле <...>; Просьба отгрузить УВП, оплаченные нами по Вашему счету <...> В накладной, в графе № 4 «Особые заявления и отметки» обязательно надо указать непосредственного получателя груза <...>. В данных примерах в роли контекстных синонимов выступают *членский взнос – деньги – перевод; УВП* (устройства вытяжные пылеулавливающие) – *груз*.*

Следует заметить, что в текстах, авторство которых принадлежит рядовым носителям языка, (например, в жалобах), употребление синонимов нарушает требование неэмоциональности официально-делового документа, что объясняется отсутствием у составителя текста знаний стилевых норм. Такое нарушение мы можем наблюдать, обратившись к следующему примеру: *У одной официантки без имени (бело-черные волосы) 2-ю неделю ПМС, судя по тому как она всем грубила, огрызалась и шипела «Вы остаетесь?! Если остаетесь – берите меню!»* В приведенном примере реализуется ряд стилистических синонимов: *грубила* – *огрызалась* – *шипела*. Слово *грубить* является стилистически нейтральным; слово *огрызаться*, напротив, стилистически окрашено и имеет в словаре помету «просторечное»; слово *шипеть* имеет словарную помету «разговорное», в данном документе оно употреблено в переносном значении. Употребление стилистически окрашенных слов не характерно для текстов официально-деловой коммуникации, и в данном примере такую синонимическую связность можно оправдать только эмоциональным состоянием автора текста на момент составления документа.

На основании вышеизложенного можно выстроить следующую градацию видов повторов, в зависимости от того, насколько каждый из повторов соответствует специфике официально-делового текста, способствует реализации его конститутивных качеств (точности, ясности, безэмоциональности и т. д.): точный повтор – местоименная референция – семантические синонимы – контекстные синонимы – стилистические синонимы. Повторная номинация и местоименная референция, в отличие от синонимии, удовлетворяют канонам официально-делового стиля, тогда как синонимия вносит в содержание сообщения нежелательные дополнительные смыслы, тогда как в документах, особенно, юридических, важен любой смысловой нюанс. Синонимия, в особенности, стилистическая, придает тексту разговорный характер и может вызвать непонимание и искажение смыслов. Несмотря на нежелательность использования синонимов в официально-деловой речи, в реальной языковой практике встречаются оперативные документы с синонимической связностью, но в таких случаях синонимы обычно не препятствуют пониманию верных смыслов.

Описанные нами виды повторов представляют собой основные случаи реализации отношений идентичности между предикативными единицами, однако можно говорить о существовании лексических связующих показателей, которые относятся к целым отрезкам текста. По мнению К. Кожевниковой [3], отношения идентичности имеют еще одно проявление: смысловым целым, на которое дается указание посредством лексической единицы (в документе это, как правило, речевые клише *в связи со сложившейся / описанной ситуацией, в связи с изложенным выше* и под.), может служить как отрезок текста, так и весь предыдущий текст или его значительная часть. Это явление можно наблюдать в текстах служебных и докладных записок, а также деловых писем. В этом случае в заключительной части текста происходит указание на предыдущие текстовые фрагменты, содержание которых вмещается в одно из приведенных сочетаний: *До-*

вожу до Вашего сведения, что в связи со сложившейся ситуацией занятия срываються на протяжении уже трех дней; В связи с изложенным прошу не применять штрафных санкций по отношению к кафедре русского языка и литературы.

Следующим типом лексической связности являются отношения включения (инклюзивности), основанные на соотношении разных по объему понятий. Примерами таких отношений в языковой системе служат гиперогипонимическая парадигма – способ иерархического объединения номинативных единиц, сгруппированных на основе объединяющего понятия, – и лексико-семантическое поле, подразумевающее объединение лексем на основе архисемы. Первый вариант таких отношений реализуется в следующем отрывке из служебной записки: *В связи с необходимостью обеспечения качественной подготовки студентов по ряду специальностей гуманитарного факультета, в частности, филологии <...> и регионоведения (преподавание восточных языков – китайского, корейского, японского и др.) выпускающие кафедры вынуждены привлекать специалистов из других вузов, СМИ, предприятий города <...>*, где гипероним выражен словосочетанием *восточные языки*, а гипонимы – субстантивами *китайский, корейский, японский*. Употребление последних в документе обусловлено необходимостью уточнения содержания документа, конкретнее – преподаватели каких именно дисциплин являются приглашенными.

Некоторые документы, составленные рядовыми носителями языка, содержат одновременно проявления отношений инклюзивности и идентичности, как, например, следующий фрагмент из жалобы: *К моему глубокому сожалению, город меня разочаровал своей нечистоплотностью. Грязь повсюду: на остановках общественного транспорта, в парках, подъездах домов и т. д. Выбрали для проживания один из самых зеленых микрорайонов города – Затулинский жилмассив. <...> Конечная остановка общественного транспорта «ул. Полевая» ежедневно завалена мусором, который оставляют, по большей части, водители маршруток. Они здесь перекусывают в перерывах между рейсами. После них горы одноразовых стаканчиков, окурки и прочий мусор, который они выбрасывают прямо из окон автобусов.* Родовым понятием в представленном фрагменте является *мусор*, а видовые представлены лексемами *стаканчики, окурки*. Кроме того, гипероним является одним из семантических синонимов: *мусор* – *грязь*, и все описанные лексемы, в свою очередь, входят в лексико-семантическое поле *нечистоплотность*. Все это расширяет содержание сообщения, внося уточнения в семантику гиперонима и способствуя детальному описанию ситуации. Схожей цели помогает достичь и лексико-семантическое поле *город*, отражающее городские реалии: *остановки, парки, подъезды, микрорайон, жилмассив*. Такое разнообразное лексическое наполнение частей текста служит их тесной спаянностью, обеспечивая высокую степень связности и способствуя ясному выражению содержания. С точки зрения автора документа, именно такое выражение содержания наиболее эффективно, так как должно произвести наилучший эффект на адресата и побудить его предпринять меры по исправлению ситуации. Однако в рас-

смотренном нами примере оказывается нарушенной такая черта официально-делового стиля, как лаконичность: избыточность и чрезмерная подробность данных противоречат требованию краткости предоставляемой в официально-деловом документе информации.

Еще один тип лексической связности – отношения исключения (эксклюзивности), выражающиеся в тексте в явлении антонимии. Рассмотренные нами профессионально исполненные административные документы антонимических пар не содержат, что объясняется характером предоставляемой в документе информации, которая не требует противопоставления, не отражает противоположные интересы сторон. Что касается документов, в которых отношения исключения присутствуют (служебные и докладные записки, жалобы), употребление антонимов можно назвать уместным и корректным. Антонимы обладают свойством поддерживать противительные и сопоставительные отношения между предикативными частями. Так, сопоставительные отношения реализуются в следующем фрагменте докладной записки: <...> *Записи в журнале подтверждают, что ключ от 502 был вчера, 19.05., а сегодня взят техничкой, запись в журнале «охраны» – 6-20 час. <...>*. В этом примере контрадикторные антонимы *вчера – сегодня* способствуют реализации противопоставления, необходимого для ясности ситуации (потеря ключа от аудитории). Наглядной демонстрацией фрагмента действительности служит антонимическая связность (*правый – левый, легковой – грузовой*) и в следующем текстовом фрагменте: *Машины, которым нужно следовать по правой стороне дороги, по направлению к гостинице «Геолог», проезжают по левой, так как там дорога песок – обкатана <...> Детям играть негде: машины движутся по «бетонке», бывает с огромной скоростью, и не только легковые машины, но и грузовые, КамАЗы, и проч.* Распространенным явлением в документах можно назвать использование пары антонимов, которые образуются путем присоединения *не* к одному из членов оппозиции, например: *Мы сельские учителя, работаем в Евсинской средней школе. Сейчас пенсионеры-инвалиды. Живем в неблагоустроенной квартире. <...> У нас основная масса учителей (~ 60 чел.) живут в благоустроенных квартирах, где прекрасные условия.* Использование таких антонимов облегчает продуцирование и последующее восприятие текста, поскольку данный вид антонимии в сознании носителей языка является наиболее простым в образовании. Антонимия характерна, в основном, для документов, созданных рядовыми носителями языка. Это обусловлено их жанровой спецификой: предметом речи в них становятся ситуации, содержащие негативную информацию, которую автор документа противопоставляет желаемому.

Таким образом, лексическая связность является одним из основных способов связности официально-

деловых текстов. Наиболее распространенным средством лексической связности выступает лексический повтор. Использование повторной номинации характерно для большинства рассмотренных нами официально-деловых текстов, особенно частотно это явление в административных документах: договорах, уставах, положениях и др. Явление повтора способствует формированию точности, недвусмысленности излагаемого содержания, однако перенасыщенный повторами текст может быть труден для восприятия. Если связующая роль повтора закреплена в сознании носителей языка, то нежелательность его избыточности осознается ими не в полной мере, что можно проследить в создаваемой ими документации. Одной из разновидностей повтора является местоименная референция, частным проявлением которой можно назвать местоимения с вмещающим значением, обыкновенно расположенные в конце текста. Тексты профессионально составленных документов обладают большей степенью официальности, чем тексты документов, составленных рядовыми носителями языка, что находит отражение в свойственной им местоименной связности.

Другое проявление отношений идентичности – синонимия – встречается в официально-деловых документах редко: требования официально-делового стиля приводят к ограничению использования синонимов или их полному отсутствию. Иногда в текстах, например, деловых писем встречается семантическая или контекстная разновидность синонимии, в случае контекстной синонимии происходит сближение слов и словосочетаний в рамках конкретного текста, за пределами которого указанные слова синонимами не являются. Использование синонимов в текстах документов нежелательно, так как противоречит таким канонам официально-делового стиля, как ясность, точность, исключающая интолкование, безэмоциональность.

Отношения включения и исключения, представленные в текстах документов, соответственно, в виде гипогиперонимических парадигм, лексико-семантических полей и антонимических пар, встречаются в официально-деловой документации гораздо реже, чем отношения идентичности. Эти типы отношений наиболее характерны для непрофессионально выполненных, оперативных документов, таких как заявления, жалобы, служебные и докладные записки и др. Наличие и верное использование составителем документа таких отношений способствует более четкому отражению в тексте ситуации действительности, однако нарушает требование краткости официально-делового текста. Упомянутые нами нарушения связаны с тем, что непрофессиональные составители документов не осознают всех особенностей официально-делового стиля в полной мере и нередко пренебрегают той или иной его чертой.

Литература

1. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London: Longman Group LTD, 1976. – 374 p.
2. Андросова, Л. М. Имплицитные средства связности поверхностной структуры текста / Л. М. Андросова // Язык как функциональная система: сб. статей к юбилею проф. Новеллы Александровны Кобриной. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. университета, 2001.

3. Кожевникова, К. Об аспектах связности в тексте как целом / К. Кожевникова // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 49 – 67.
4. Леонтьева, Н. Н. Общесемантический компонент в системе понимания текста / Н. Н. Леонтьева // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики: сб. статей. – М.: Азбуковник, 2001.
5. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.
6. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Милевская. – Ростов н/Д, 2003а. – 43 с.
7. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) / Т. В. Милевская. – Ростов н/Д, 2003б. – 336 с.
8. Назарук, Ю. А. Категория связности в аспекте внутритекстовой повторной номинации / Ю. А. Назарук // Вестник СамГУ. – 2006. – №10/2 (50). – С. 197 – 203.
9. Откупщикова, М. И. Синтаксис связного текста / М. И. Откупщикова. – Л.: Наука, 1982. – 250 с.
10. Федосюк, М. Ю. Неявные способы передачи информации в тексте: учебное пособие по спецкурсу / М. Ю. Федосюк. – М., 1988. – 82 с.
11. Хэллидей, М. А. К. Когезия в английском языке / М. А. К. Хэллидей, Р. Хасан // Исследования по теории текста: реферативный сборник. – М., 1979.
12. Шпар, Е. В. Основные проблемы исследования связности текста в отечественной лингвистике / Е. В. Шпар // Коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа, 2003.

Информация об авторе:

Гордеева Мария Николаевна – аспирантка кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета, 8(383) 351-75-80, aglie-svr@yandex.ru.

Gordeyeva Maria Nikolaevna – postgraduate student at the Department of Philology of Novosibirsk State Technical University.

УДК 81'276. 6: 070

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РЕЧИ ТЕЛЕВЕДУЩЕЙ МАРИАННЫ МАКСИМОВСКОЙ

Н. Г. Гордеева, И. А. Крым

MEANS AND WAYS OF EXPRESSING ASSESSMENT IN THE SPEECH OF THE TELEVISION PRESENTER MARIANNA MAKSIMOVSKAYA

N. G. Gordeeva, I. A. Krym

В статье анализируется оценка в медийном дискурсе на примере языковой личности телеведущей Марианны Максимовской. Рассматриваются как абсолютная (эксплицитная) оценка, так и имплицитная: сравнение, прецедентные феномены, ирония.

The article analyses the assessment in the media discourse as exemplified by the linguistic personality of the television presenter Marianna Maksimovskaja. Both absolute (explicit) and implicit assessments are considered: comparison, precedential phenomena, irony.

Ключевые слова: языковая личность, оценочность, абсолютная оценка, имплицитная оценка, прецедентные феномены.

Keywords: linguistic personality, assessing, absolute assessment, implicit assessment, precedential phenomena.

Сегодня очевидно, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [4, с. 3]. Если раньше учёных интересовало, как устроен язык сам по себе, то теперь на первый план вышли вопросы о том, как связан язык с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств.

Сегодня мы живем в мире информации, основным источником которой являются СМИ, в первую очередь, – телевидение. В силу этого медийный дискурс

становится актуальным предметом исследования. Возрастающий интерес к языковой личности автора на экране определил тему нашей работы. На наш взгляд, небезынтересно рассмотреть, как М. Максимовская, автор и ведущая программы «Неделя», которая позиционируется как оппозиционная, выражает оценку событий, фактов, персон.

В каждом конкретном случае журналист по-разному выражает свое отношение: или явно, через слово, или скрытно, через содержательно-концептуальную или подтекстовую информацию.

Оценка Максимовской проявляется уже на уровне выбора тематики выпуска, отбора сюжетов, выстраивания их в определенной последовательности, приглашении тех или иных героев в программу, построении беседы с ними. Так, в выпуске «Недели» за 19 мая 2012 г. Марианна Максимовская обходит стороной такие важные для итоговых программ на других каналах темы, как Саммит G-8, встреча президента и премьера по структуре нового правительства и кандидатам на ключевые посты, вторая волна экономического кризиса. Зато очень подробно и с большим сочувствием к протестующим рассказывает о действиях полиции и оппозиции во время массовых протестов и так называемых «народных гуляний» (в отличие от программ Е. Ревенко и П. Толстого). Совпадение с другими программами в выборе темы есть только в сюжете о неожиданном назначении Игоря Холманских полномочным представителем Президента в Уральском федеральном округе. Однако ведущая с присущей ей долей иронии освещает это событие и сама комментирует видеокдры, посвящённые визиту президента на Урал и встречу В. В. Путина с И. Р. Холманских. Весьма показателен следующий факт: все центральные каналы посвятили сюжеты юбилею В. Кулистикова, а М. Максимовская в своей программе рассказывает о 55-летию Ю. Шевчука, неординарной и порой скандальной личности.

Однако наиболее наглядно оценку М. Максимовской на происходящие события мы видим в подводках, предваряющих сюжеты журналистов, а также в интервью с приглашенными в студию «Недели» респондентами.

Основной отличительной чертой, характеризующей речь М. Максимовской, является, на наш взгляд, высокая степень оценочности в ее подводках, репликах и комментариях. Именно «оценочность изложения является неотъемлемым инструментом идеологического воздействия. Именно она в немалой степени способствует формированию системы социально-значимых ценностей: журналист убеждает фактами, оценивая то или иное явление действительности» [7, с. 34]. Причем телеведущая, в отличие от коллег, нередко использует классическую абсолютную оценку, открыто, без намеков выражающую позицию автора: *Масштабы коррупции в сфере земельной собственности огромные, а забота властей о дачниках на поверку оказывается серьезным испытанием. Пятница стала поистине чёрным днём в новейшей истории Украины.*

В некоторых случаях можно проследить и так называемую двойную абсолютную оценку, например: *«Сказать, что это страшно несправедливый приговор, – это еще ничего не сказать».* Абсолютную оценку телеведущая использует даже в представлениях героев программы: *«Одна из самых обсуждаемых тем в блогосфере: зачем главный интернет-разоблачитель страны Алексей Навальный, автор нашумевшего проекта «Распил», принял участие в «Русском марше». «Демарш Навального»: в интервью нашей программе главный разоблачитель нашей страны рассказал, зачем он стал в один строй с националистами».* От своих респондентов автор про-

граммы нередко требует прямого оценочного ответа: *«Национализм для России это хорошо или плохо?»; «Среди ваших коллег сенаторов очень много людей, которые занимались бизнесом, ну, скажем так, во времена приватизации. Хорошо ли это, что люди будут работать в состоянии страха, ожидая возможной расправы и над ними тоже?»*

По мнению Н. Д. Арутюновой, «оценка – это категория, представляющая прагматическое значение в языке, соотносящая предметы и события с нормативной картиной действительности, зависящая от определенных факторов и устанавливающая определенные качества предметов, характер действий, процессов, значение того или иного факта» [1, с. 21]. Делая акцент на ненормативности представленных в программе фактов, М. Максимовская в большинстве случаев абсолютную оценку облачает в особую экспрессивную форму: *Эта история началась несколько месяцев назад, но в крупный международный скандал превратилась только на этой неделе. Накануне двадцатой годовщины черновильской трагедии в Европарламенте взорвалась настоящая бомба. Грандиознейшая драка на стадионе стала предметом специального разбирательства. Громкий скандал разгорается в Саратове. История получилась необычная и стала неожиданно громкой. Начало нового дачного сезона выдалось на редкость скандальным. Парламентские выборы в Италии, закончившиеся в этот понедельник, стали одними из самых скандальных за послевоенную историю. Что-то похожее уже было – пресловутый нерушимый блок коммунистов и беспартийных (Прилагательные скандальный и пресловутый являются самыми частотными оценочными лексемами в речи исследуемой языковой личности).*

Все приведенные примеры являются первым предложением текста, подводящего зрителя к сюжету, то есть это оценка-стимул, цель которой «состоит в том, чтобы дать оценку лицу, событию, положению дел и тому подобное для её дальнейшего обоснования, развернутого суждения о затронутом» [5, с. 120].

Оценка-стимул нередко основывается на сопоставлении двух явлений, на проведении параллели описываемого события с прецедентной ситуацией, по поводу которой у аудитории уже сформировалось определенное мнение: *Станет ли Фукусима вторым Чернобылем? Футбольная «Кущевка» (Скандал вокруг избития иностранных футболистов на Кубани). Может ли Адыгея стать второй Чечней? Начнет ли Запад новую «Бурю в пустыне? Безусловно, данные примеры иллюстрируют так называемую имплицитную оценку, не менее частотную в речи телеведущей. Главным средством её выражения являются сравнения и прецедентные феномены.*

Использование оценки, построенной на основе сравнения двух разнородных явлений по общему для них признаку, дает возможность проследить отношение Марианны Максимовской к происходящим событиям: *«В пятницу исполнилось ровно пять лет событию, которое одни называют силовой сменой власти на старом НТВ, другие – началом конца эпохи независимого телевидения в России. Это же событие мож-*

но считать и началом выстраивания вертикали власти в стране. Так что получается, что и у этой пресловутой вертикали тоже юбилей». Абсолютная авторская оценка власти в стране, выраженная лексемой «пресловутый», усилена прецедентным текстом «начало конца» и тем самым соотносением событий, которое позволяет аудитории сделать определенный вывод из слов ведущей.

Именно в подборе сравниваемых фактов ярко отражается языковая личность М. Максимовской, её умение выявить и показать абсурдность оцениваемых реалий: *Тур для иностранцев по радиационным тропам стоит как путевка на феешенебельные морские курорты.*

Для дискурса исследуемой языковой личности характерно использование прецедентных текстов, нацеленных на усиление активности телеаудитории, со-творчество. По мнению Т. А. Трипольской, при использовании подобного приема адресату «самому дается возможность «вывести» оценку, он более свободен в ее интерпретации» [7, с. 30]. Так, проведенный нами опрос показал, что практически все респонденты интерпретировали фразу из речи М. Максимовской «*Люди гибнут за метан*» как оценочную. При этом одни удивлялись, «зачем нужно гибнуть ради какого-то метана», другие считали, что «неверно избран предлог, надо из-за метана», третьи же, вспомнив продолжение прецедентного текста, ждали ответа, «кто же сатана, правящий бал?» Именно они оказались ближе всех к авторской интерпретации: «*Вячеслав Кус выяснял, кому выгодно нарушать правила техники безопасности на шахтах*».

Иными словами, причиной использования прецедентных текстов может являться «подсознательное нежелание говорящего (пишущего) обеспечить однозначность декодировки создаваемого им текста. При этом отчетливо прослеживается стремление обозначить некий эмоциональный фон заинтересованности говорящего (пишущего) в вопросе» [3, с. 112]. Например, создавая такой эмоциональный фон, М. Максимовская может прибегнуть к языковой игре: «*Как тело мастера боится, испытал на своей шкуре наш корреспондент*». Именно так ведущая представляет сюжет об искусстве татуажа. Прецедентная единица трансформирована посредством фразеологической параномазии: *тело — дело*. Замененный компонент, казалось бы, не несет оценочной семантики. Но высказывание в целом через авторскую эмоцию выводит зрителя на ироническое осмысление факта, чему не в малой степени способствует буквализация метафоры «испытать на своей шкуре».

Таким образом, использование прецедентных текстов в речевой деятельности М. Максимовской, на наш взгляд, обусловлено не только функцией создания образности и экспрессии. Прецедентные единицы несут на себе еще и функцию оценки описываемых событий. Например, прецедентное высказывание «*В бой идут одни старики*», прозвучавшее в начале подводки, в контексте приобретает оценочность: «*Поразительно, но факт: у страны, где хватает денег на парады, не хватает средств, чтобы выделить квартиры всем нуждающимся ветеранам. В эти празд-*

ничные дни несколько ветеранов войны попытались привлечь внимание властей к своим проблемам».

В обычной речи прецедентные единицы отличаются постоянством состава и значения, в той или иной степени становятся привычными, поэтому журналист, пытаясь вернуть фразеологизму образность, использует для этого различные приёмы авторского варьирования. Трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны:

Наш корреспондент выяснял, почему курица не птица, а Тула не заграница.

Короли бензоколонок. Вячеслав Николаев узнал, что стоит за дефицитом топлива.

Их адрес — не дом, и не улица. Почему оленеводы на Ямале борются за прописку в тундре.

Тайны, покрытые хиджабом.

Защита Лужкова.

От тюрьмы и судьбы не зарекайся. Новый скандал вокруг гибели заключенных в СИЗО.

О том, что зарекаться не надо не только от сумы и от тюрьмы, но и от биржи труда.

Примеры свидетельствуют, что в арсенале М. Максимовской не только богатый запас прецедентов (это цитаты из кинофильмов, песен, произведений литературы, пословицы и поговорки, афоризмы, высказывания политиков, рекламные слоганы, собственно фразеологизмы), но и разнообразные приемы их трансформации: в большинстве случаев она прибегает к лексической замене одного из компонентов высказывания, а в последнем примере — к расширению прецедентной единицы. Причем синтаксическая и лексическая трансформации могут применяться ею одновременно: «*Наш обозреватель Евгений Матонин провел исследование на тему об отношении к братьям нашим меньшим и убедился — человек не всегда друг собаке*». Приведенный фрагмент выражает авторское ироническое отношение за счет нескольких прецедентов, как бы наслаивающихся друг на друга: *провел исследование на тему* (стандарт из научной речи), *братья наши меньшие* (поэтическая цитата), *человек не всегда друг собаке* (строка песни из мультфильма «Бобик в гостях у Барбоса»). В последнем случае, чтобы подчеркнуть неоднозначное отношение людей к животным, утвердительная конструкция заменена на отрицательную, в текст добавлено новое слово «всегда».

По словам Л. П. Сугоняевой, включение прецедентных единиц «способствует диалогизации текста и эксплицитно или имплицитно выражает оценку» [6]. Примером может служить подводка к сюжету об обманутых вкладчиках финансовых пирамид: «*Во вторник миллионы россиян убедились — не в миллиардах счастье*». Замена нейтральной лексики «деньги» в исходной пословице «Не в деньгах счастье» на оценочный компонент «миллиарды» позволяет увидеть масштабы потерь вкладчиков. На эту же идею работает коррелирующая пара «миллионы-миллиарды».

Безусловно, «степень речевого воздействия преобразованной единицы повышается, если автор заменяет нейтральный компонент его оценочным вариатором» [2, с. 38]. Однако авторский компонент, вводи-

мый в прецедент, чаще всего у М. Максимовской не является оценочным. Его семантика нейтральна. Например, во фразе *«Какую угрозу несёт миру «обогащенный Иран», выяснял наш обозреватель Евгений Матонин»* название химического элемента заменено на созвучный с ним топоним Иран. Тем не менее нейтральная окраска замененного слова придает высказыванию оценочный характер за счет наложения смыслов.

В другой подводке – к сюжету о приватизации дачных участков – манипуляция с одним из элементов фразеологизма «яблоко раздора» позволяет оценить описываемую ситуацию как крайне напряженную и конфликтную: *«Наш корреспондент Сергей Митрофанов выяснял, кому и почему опасно иметь домик в деревне, и с воздуха разглядел пресловутую дачу раздора»*. Здесь же использована нетрансформированная, на первый взгляд, прецедентная единица из рекламного текста «домик в деревне». Однако контекст программы выявляет оценочность и этой номинации, ибо речь идет скорее о дворце, а не о домике.

При такой семантической трансформации состав прецедентной единицы остается неизменным, но в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений. Например: *«Наш корреспондент вместе с Машей Малиновской репетировала, как бывшая телеведущая будет расчищать авгиевы конюшни Белгородчины»*. Данный текст сопровождается видеоряд, демонстрирующий уборку Машей Малиновской реально существующей конюшни. Речь же в сюжете идет о получении бывшей телеведущей мандата депутата Белгородской области. Таким образом, прецедент совмещает прямое и переносное значения: героине сюжета придется наводить порядок не только в конюшне, но и во всей Белгородчине. Появляется второй, скрытый план высказывания.

М. Максимовская может специально акцентировать внимание телезрителей на изменение семантики прецедентного текста: *«На этой неделе ленинская фраза «Низы не могут, а верхи не хотят» обрела новый смысл»*; *«Раньше про этот день принято было говорить, что это «праздник со слезами на глазах»*.

Эмоциональный фон нередко создается за счет включения прецедентного высказывания в совершенно непредсказуемый контекст: *«Всё для фронта, всё для победы. Идет работа по формированию Народного фронта. По инициативе Путина»*; *«Если завтра война? Чем ответит Каддафи?»*

Выбор прецедентного феномена обусловлен опять же его оценочно-эмоциональной коннотацией. Так, оценочная семантика известной булгаковской цитаты, вполне соответствующей нынешним реалиям, rozpoзнается даже без отсылки к источнику: *«Нормальные люди, квартирный вопрос только их испортил»*. В словарном ироничном значении используются и фразеологизмы «ломать копыя» и «подсластить пилюлю»: *Другой вопрос, вокруг которого сейчас ломают копыя российские политики, – пресловутый вопрос о льготах. Похоже на попытку подсластить пилюлю – власть понимает, что отмена отсрочек – мера весьма непопулярная»*.

Итак, в речевой деятельности М. Максимовской прецедентные тексты являются средством создания экспрессии и оценки, причем чаще всего оценки иронической. Следует отметить, что ирония – отличительная черта телеведущей, это уже не только и даже не столько стилистический прием, сколько способ её мировосприятия, способ мышления.

В самой иронии как приеме уже заложена функция выражения оценки, в силу этого журналист, используя иронию, выполняет, как минимум, две задачи: выражает свое отношение к описываемым событиям и тем самым оказывает воздействие на зрителя: *«На неделе очередной виток скандала вокруг грузинских вин. Масла в огонь подлил министр обороны Ираклий Окруашивили. Министр произнес фразу, которую с удовольствием цитировали СМИ. Смысл её в том, что если на российский рынок вынести фекальные массы, то и они продадутся. На массы в России сильно обиделись, а в Грузии забеспокоились. Окруашивили даже пришлось объясняться – дескать, его не совсем правильно поняли... Но главный санитарный врач России Онищенко после вина уже взялся за «Боржом», и это только начало. Геннадий Онищенко нашел время заехать к нам в студию и рассказать – есть ли у «Цинандалы» политический привкус и почему пить его опасно для жизни»*.

Как уточняет А. А. Щербина, «необходимый элемент иронии – стремление скрыть истинный смысл сказанного, но скрыть так, чтобы об этом можно было догадаться» [8, с. 25]: *«В среду на разгон автолюбителей, которые вышли на улицы с синими ведёрками – символом протеста против использования мигалок – были брошены лучшие милицейские силы, включая и ОМОН»*; *«Вообще-то до того, как зачистить политическое поле, в Думу могли избираться беспартийные граждане. Теперь их в парламент вернут, но только тех, кто согласится попасть туда под эгидой «Единой России»*. Поэтому сила убеждения иронии формируется за счет того, что выраженная в ней оценка, с одной стороны, очевидна, с другой, – эта оценка не навязывается, а угадывается, «прочитывается» самим адресатом:

Весеннее настроение борьбы за нравственность овладело депутатами Мосгордумы.

Весеннее обострение у водителей машин с мигалками.

Музыкальный скандал с политическим подтекстом.

Демонстрируя свое критическое отношение к обсуждаемым явлениям, М. Максимовская использует стилистический контраст при описании политических реалий:

Через неделю с хвостиком президент покинет свой пост.

Фронт получается не то что народный, а всё тот же – единый.

Так уж получилось, что не внесистемная оппозиция, а автолюбители проводят самые организованные и масштабные акции. Что сильно не нравится властям.

Языковая игра, тропы, риторические фигуры – все эти средства становятся способом создания иронии:

Сергей Митрофанов удивлялся, почему система исполнения наказаний не слушается президента Медведева.

Президент Медведев начал реформу пенитенциарной системы. Но система пока не слушается.

Война писем плавно перешла в войну фильмов.

Ксения, Вас обвинили едва ли не в нарушении Конституции, а точнее, статьи, которая запрещает использовать изображения граждан без их ведома. Так что, Ксения, Вы нарушили Конституцию?

Таким образом, оценочность является основной особенностью высказываний исследуемой нами язы-

ковой личности. Оценка, выражаемая различными способами и средствами, пронизывает всю речь телеведущей. Эта категория прослеживается и в монологической речи, состоящей из подводок М. Максимовской к сюжетам журналистов, и в ее репликах и вопросах, употребляемых в рамках диалога с гостями «Недели». Оценка позволяет М. Максимовской не только выражать собственную позицию, но и стимулирует телезрителей к просмотру программы, настраивает их на особое восприятие тем, освещаемых в «Неделе», формируя позицию аудитории.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988.
2. Вакуров, В. Н. Речевое мастерство журналиста / В. Н. Вакуров // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – М., 1994. – № 3.
3. Гананольская, Е. В. Свободное слово или эзопов язык? (Фразеология как средство современной политической коммуникации) / Е. В. Гананольская // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб., 2004.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987.
5. Коньков, В. И. Структура газетного текста / В. И. Коньков. – СПб., 1995.
6. Сугоняева, Л. П. Роль прецедентных текстов в формировании языковой личности / Л. П. Сугоняева. – МГТУ, 2000. – Режим доступа: webmaster@mstu.edu.ru.
7. Трипольская, Т. А. Роль «человеческого фактора» в эволюции воздействующей функции современной газеты / Т. А. Трипольская // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. – Екатеринбург, 1995.
8. Щербина, А. А. О двуплановости и противопоставлении смысла в иронии / А. А. Щербина // Филологические науки. – 1976. – № 2.

Информация об авторах:

Гордеева Нина Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 8(3842) 54-60-18, nina_gordeeva@mail.ru.

Gordeeva Nina Georgiyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the XX century of KemSU.

Крым Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8(3842) 31-48-30, krim99@mail.ru.

Krym Irina Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 811.111'42:004.738.5

БЛОГИ О САМОРАЗВИТИИ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БЛОГА СТИВА ПАВЛИНЫ «PERSONAL DEVELOPMENT FOR SMART PEOPLE»

А. А. Горелова

PERSONAL DEVELOPMENT BLOGS IN COMMUNICATIVE PRAGMATIC ASPECT EXAMPLIFIED BY STEVE PAVLINA'S BLOG «PERSONAL DEVELOPMENT FOR SMART PEOPLE»

A. A. Gorelova

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 годы (тема: "Профессиональный иностранный язык в формировании универсальной компетентностной модели выпускника технического вуза"; Государственное соглашение: 14.B37.21.2129).

Статья посвящена исследованию коммуникативно-прагматических характеристик стратегий и тактик, свойственных Интернет-дискурсу. Блог рассматривается как сетевая коммуникативная структура. Прагматическая направленность блогов реализуется через стратегии и тактики, позволяющие добиться необходимого отношения читателей.

This article analyzes the communicative and pragmatic functions of strategies and tactics, which are common for Internet discourse. Blog is analyzed as a network communicative structure. Pragmatic orientation of blogs is presented through the strategies and tactics, which help to gain necessary attitude from readers.

Ключевые слова: Интернет-дискурс, блог, саморазвитие личности, коммуникативные стратегии, сетевая коммуникативная структура, прагматическая направленность.

Keywords: Internet discourse, blog, personal development, communicative strategies, network communicative structure, pragmatic orientation.

В современной лингвистике существует потребность в исследовании не только традиционных проблем языковой коммуникации. С развитием глобальной сети Интернет и использованием Интернет технологий, практически во всех сферах деятельности современного общества неизбежно возникает понятие Интернет-дискурса. В целом к разработке понятия «дискурс» в наши дни в лингвистике проявляется большой интерес. Существует достаточно много трактовок данного понятия. Вслед за Т. А. Ван Дейком дискурс понимается как «коммуникативное событие», которое рассматривается с учетом пространственного и временного контекста. Кроме того, считается, что дискурс – это явление промежуточного порядка между речью, общением и языковым поведением, с одной стороны, и зафиксированным текстом, с другой стороны. Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими факторами); текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 458].

В нашем исследовании под дискурсом понимается (вслед за Т. А. Ван Дейком) «коммуникативное событие», которое рассматривается с учетом пространственного и временного контекста, а также характеризуется целенаправленностью действия, тематической связностью, понятностью для всех участников [3]. Так же можно охарактеризовать и виртуальную реальность в целом. А дискурс есть связный текст, представленный в процессе речевого общения и неразрывно связанный с реальностью или, в данном случае, с виртуальной реальностью.

Исследователи выделяют различные типы дискурса, в том числе и Интернет-дискурс, представляющий собой дискурс, отличающийся прежде всего каналом коммуникации – сетью Интернет [2, с. 71 – 76]. Кроме того, это глобальный способ коммуникации, объединяющий в единое сообщество наибольшее количество участников.

Блог может быть рассмотрен как сетевая коммуникативная структура, представляющая отдельный жанр Интернет-дискурса. Базой для его формирования стали дневник, письмо, газетная статья или заметка.

Термин «блог» был создан путем сокращения Питером Мерхольдзом слова «веблог» (англ. weblog – «сетевой бортовой журнал»). Термин «веблог» был создан Йорном Баргером 17 декабря 1997 года для описания списка ссылок на его сайте Robot-Wisdom.com. Эти ссылки были своего рода записями в бортовом журнале (англ. log) виртуального путешественника, по аналогии с бортовыми журналами на кораблях.

В 1999 году слово «блог» стала использовать компания Pyra Labs, они образовали производный термин «блоггер (blogger)» – «человек, ведущий блог». Название проекта Blogger.com, в рамках которого пользователям предоставлялось место для размещения блогов и программное обеспечение, очень способствовало распространению термина «блог». Впоследствии появился также ряд аналогичных веб-сайтов: LiveJournal.com, OpenDiary.com, DiaryLand.com.

В словаре «Мерриам-Уэбстер» приводится следующее определение блога: «веб-сайт, содержащий сетевой частный дневник с размышлениями, комментариями и часто гиперссылками, предоставляемыми автором» [9].

С. Херринг определяет блоги как «часто обновляемые веб-страницы, в которых датированные записи располагаются в обратном хронологическом порядке» [8].

В данной работе, вслед за А. А. Калашниковой, блог рассматривается как «веб-сайт (или раздел веб-сайта), содержащий датированные записи мультимедийного характера, расположенные в обратном хронологическом порядке, с возможностью оставления комментариев к записям и просмотра любой записи на отдельной веб-странице» [5]. Это определение объединяет особенности, отмеченные в словаре «Мерриам-Уэбстер», а также мнение С. Херринга, и более полно раскрывает характерные черты блога. Помимо термина «блог», существуют такие синонимичные понятия, как Интернет-дневник (ИД), онлайн-дневник. Однако термин «блог» наиболее употребителен.

Следует отметить, что как пространственный, так и временной контекст не препятствуют коммуникации между блоггером и читателями. Общение с реципиентами ведется в режиме реального времени, при этом тематика блога часто определяет использование коммуникативных стратегий. Объектом нашего исследования выступает блог о саморазвитии Стива

Павлины “Personal development for smart people” («Саморазвитие для толковых людей»).

Стив Павлина известен как основатель и исполнительный директор Dexterity Software, а также создатель компьютерной игры Dweep, выигравшей в 2000 году Shareware Industry Award и ZDNet Shareware Award. Для нашего исследования Стив Павлина представляет интерес в качестве автора статей по развитию личности и одного из самых успешных блоггеров в данной области, согласно New York Times. В своих статьях Стив Павлина делится с читателями своими наблюдениями и результатами развития личности, тем самым влияя на восприятие людей самих себя, собственного опыта и успехов.

Коммуникативная стратегия представляет собой концептуально положенное в технологии мировоззренческое намерение и его действенное осуществление относительно производства содержания коммуникативного процесса, то есть выбор того или иного коммуникативного пространства, той или иной среды коммуникации, того или иного типа взаимодействия, того или иного места порождения смысла и тем самым одного или нескольких дискурсивных измерений. Важно отметить, что понятие «стратегия», заимствованно из военного искусства и подразумевает не поиск совместного решения, а победу, которая понимается как результативное воздействие на реципиента, трансформация его модели мира в желательном направлении [4]. Выделяют три основных типа коммуникативных стратегий, использующихся в Интернет-коммуникации, поскольку именно они являются концептуально описывающими основные социальные процессы, порождающие коммуникативные действия – стратегии презентации, манипуляции, конвенции.

Для блогов о саморазвитии характерен определенный набор стратегий и тактик, соединяющих в себе универсальные и неуниверсальные черты. При этом тактика занимает подчиненное по отношению к стратегии положение. По мнению И. В. Певневой, «тактика представляет собой ряд способов и приемов, отобранных для решения конкретной поставленной задачи, а также непосредственную их реализацию на практике» [6, с. 179 – 185]. Принимая во внимание тот факт, что решение поставленной задачи часто представляется возможным несколькими способами, тактики всегда имеют отношение к выбору из множества альтернативных решений. Выбор коммуникантом той или иной тактики основан на анализе вариантов с точки зрения их эффективности.

В нашей работе мы опираемся на теоретические разработки О. С. Иссерс [4] в области функционирования прагматических стратегий и тактик и выделяем:

- конвенциональную стратегию, которая рассматривается как тип интерактивной коммуникации, призванной обеспечить связь текста с аудиторией, вызвать интерес,

- презентационную стратегию (сюда включены стратегия презентации и самопрезентации), являющую собой способ представления коммуникативного пространства и относящуюся к пассивному типу коммуникации,

- манипуляционную стратегию (стратегия конфликта) – тип активной коммуникации, направленной на получение конкретного отклика от реципиентов.

Каждая из представленных прагматических стратегий характеризуется конкретными речевыми тактиками и реализующими их приемами. Рассмотренные далее примеры коммуникативных стратегий и тактик взяты из блога Стива Павлины “Personal development for smart people” («Саморазвитие для толковых людей»).

Конвенциональная стратегия характеризуется следующими прагматическими тактиками и приемами:

- тактика комплимента реализуется тактическими приемами выражения симпатии к образу жизни читателей, формирования эмоционального настроения: “Non-dummies often start out on the traditional income for dummies path. So don’t feel bad if you’re just now realizing you’ve been suckered” (Так называемые антиболваны, часто начинают свой путь с дохода обычного болвана-работяги, поэтому не расстраивайтесь, вдруг осознав, что вы были обмануты). Прием позволяет убедить читателя в наличии у него успешных достижений, воодушевляет на продолжение работы над собой;

- тактика интеграции предполагает использование приема очерчивания своего круга и присоединения адресата к группе «своих»: “We are all smart enough. All you really need is the courage to be yourself” (Все люди достаточно сообразительны. Все что вам нужно, так это набраться смелости и быть собой). Данный прием укрепляет в читателе чувство общности с автором и с определенным кругом людей, члены которого стремятся к улучшению образа жизни, знаний или других аспектов их деятельности.

Стратегии презентации и самопрезентации характеризуются следующими тактиками и входящими в них приемами:

- для прагматической тактики оппозиционирования основным конституирующим приемом является построение четкой оппозиции «Я – Они»: “I write each article just once (fixed time investment), and people trade time for money every single day” (Я пишу любую статью только один раз (фиксированная инвестиция времени), люди же меняют свое время на деньги каждый день). Этот прием устанавливает четкую грань между автором, достигшим определенного желаемого результата и обществом, позволяет реципиенту сделать выбор, чьей тактики стоит придерживаться для достижения поставленных целей.

Манипуляционная стратегия и типы данной стратегии представлены следующими тактиками с характеризующими их приемами.

- Тактика аффективного реагирования отражает эмоции, настроения, чувства говорящего, переживание человеком своего отношения к высказыванию и окружающему миру: “Neither of us have had jobs since the ’90s (my only job was in 1992), so we’ve been self-employed for quite a while. In our household it’s a running joke for one of us to say to the other, “Maybe you should get a job, derelict!” (Ни у одного из нас нет постоянной работы, начиная с девяностых (последний раз я работал в 1992 году), то есть мы работаем на се-

бя в течение порядочного количества времени. Этот факт превратился для нас во внутрисемейную шутку, когда один периодически говорит другому: «Может, пора уже найти постоянную работу, отступник!»). Данный прием позволяет понизить официальность статьи и блога в целом и напомнить читателям о важности эмоциональной составляющей процесса саморазвития.

– Тактика оценочного реагирования содержит различные типы оценок (нормативных, интеллектуальных, эмоциональных): “Getting a job and trading your time for money may seem like a good idea. There’s only one problem with it. It’s stupid! It’s the stupidest way you can possibly generate income! This is truly income for dummies” (Наличие постоянной работы и обмен времени на деньги может казаться хорошей идеей. Есть только одна проблема. Это глупо! Это самый глупый способ зарабатывать на жизнь! Получать доход подобным образом и впрямь годится для болванов). Чередую положительные и отрицательные суждения по отношению к описываемым понятиям, автор привлекает внимание читателей, подчеркивает свою причастность к проблеме и к коммуникативному акту.

– Основными приемами при применении тактики шутки является смещение фокуса внимания, формирование эмоционального настроя: Just for fun I recently asked Erin, “Now that the kids are in summer school, don’t you think it’s about time you went out and got yourself a job? I hate seeing you wallow in unemployment for so long. She smiled and said, “Wow. I have been unemployed a really long time. That’s weird... I like it!” (Ради смеха я недавно спросил Эрин: «Теперь, когда дети в летней школе, ты не думаешь, что пора найти постоянную работу? Мне надоело наблюдать, как ты болтаешься без работы». На что она улыбнулась и ответила: «Ух ты. Я действительно живу без работы уже очень давно. Это странно... и мне определенно нравится!») Вышеописанный прием снимает напряжение и излишнюю серьезность реципиента, привлекая при этом его внимание.

– При использовании тактики диффамации применяются различные *приемы* негативной оценки: прием «отстранения», прямое оскорбление, косвенное оскорбление: “In fact, if you’re reasonably intelligent, getting a job is one of the worst things you can do to support yourself”. There are far better ways to make a living than selling yourself into indentured servitude” (На самом деле, если вы вполне разумны, устройство на работу – это самое худшее, что вы можете сделать для собственной поддержки. Существуют способы зарабатывания себе на жизнь гораздо лучше, чем продажа себя в рабство). Использование прямой негативной оценки призвано привлечь внимание читателя, а также дать ему возможность посмотреть на себя с критической точки зрения.

– При применении тактики дегуманизации основным *приемом* является создание и внедрение в сознание аудитории общих элементов модели мира, а именно – некоей фобии, причиной которой является партнер по коммуникации: “It’s funny that when people reach a certain age, such as after graduating college, they

assume it’s time to go out and get a job. But like many things the masses do, just because everyone does it doesn’t mean it’s a good idea” (Забавно, но когда люди достигают определенного возраста, например, после окончания колледжа, они заключают, что пора отправиться на поиски работы. Но как и в большинстве случаев стадного поведения, идея не становится лучше просто потому, что ей следуют все). Данный прием позволяет убедить реципиента взглянуть на стереотипы с другой позиции, даже отказаться от них как от препятствия на пути саморазвития.

Исходя из проведенного исследования, видится возможным дополнить имеющуюся классификацию коммуникативной тактикой, которую целесообразно отнести к манипуляционной стратегии, так как ее целью выступает убеждение реципиентов в определенном суждении.

– Тактика поэтапного внушения, при применении которой автор использует прием постепенного убеждения читателя в правильности центральной мысли статьи. При этом интересующее утверждение повторяется через относительно равные текстовые отрывки. Примером может послужить статья Стива Павлины “10 Reasons You Should Never Get a Job”. Автор доказывает читателям, что постоянная офисная работа на полный день не стоит потерянного времени. Помимо 10 основных причин, приведенных автором, в тексте статьи используются следующие утверждения:

1) “It’s funny that when people reach a certain age, such as after graduating college, they assume it’s time to go out and get a job” (Забавно, но когда люди достигают определенного возраста, например, после окончания колледжа, они заключают, что пора отправиться на поиски работы);

2) “You might think it’s important to get a job to gain experience. But that’s like saying you should play golf to get experience playing golf” (Вы, возможно, думаете, что наличие работы важно для получения опыта, но вы же не играете в гольф, чтобы получить опыт игры в гольф);

3) “Getting a job is like enrolling in a human domestication program. You learn how to be a good pet” (Устройство на работу похоже на зачисление в программу по приручению) [10]. Таким образом, автор внушает остальным участникам коммуникации основную мысль своей статьи: фиксированная работа в качестве подчиненного – это глупо.

Использование автором трех стратегий и чередующихся тактик не просто позволяет манипулировать читателями, но также помогает разбить существующие стереотипы, заинтриговать читательскую аудиторию, подготовить базу для создания определенной модели мотивации. Наличие комментариев в качестве особенности Интернет-дискурса дает автору возможность быстро оценивать и реагировать на заинтересованность читателей и эффективность тех или иных стратегий.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
2. Аникина, Т. В. Имя собственное в Интернет-коммуникации / Т. В. Аникина // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 2(75).
3. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса / Т. А. Ван Дейк. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>. (1998)
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М., 2002. – 135 с.
5. Калашникова, А. А. Блог как гибридный речевой жанр / А. А. Калашникова // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2010. – № 3.
6. Певневой, И. В. Конфликтообразующие факторы в коммуникации / И. В. Певневой // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы VI Международных Березинских чтений. – М.: ИНИОН РАН: МГЛУ, 2008. – Вып. 14.
7. Рублева, Е. В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии / Е. В. Рублева // Вопросы филологических наук. – 2006 – № 3. – С. 106 – 108.
8. Herring, S. C. Bridging the gap: A genre analysis of weblogs / S. C. Herring // L. A. Scheidt, S. Bonus. – Wright Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences, 2004.
9. Merriam-Webster Online [Website]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>
10. Steve Pavlina. “Personal Development for smart people” [Website]. – Режим доступа: <http://www.stevpavlina.com>

Информация об авторе:

Горелова Анна Александровна – аспирантка КемГУ, 8 923 614 01 87, Vrag_1@mail.ru.
Gorelova Anna Aleksandrovna – post-graduate student at Kemerovo State University.

УДК 81.1

ОБРАЗ СВЯТОГО КАК КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА ТЕКСТА ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

(языковые особенности выражения)

И. В. Грекова

THE IMAGE OF A SAINT AS A KEY FIGURE IN A BIOGRAPHY TEXT

(linguistic features of a phrase)

I. V. Grekova

В статье рассматривается языковая реализация образа святого в тексте жизнеописания. Показывается зависимость различных средств концептуального составляющего образа миссионера от жанра. Описывается взаимодействие языковых средств друг с другом, которые, функционируя комплексно, организуют концепт святости. Выявляются типичные, доминирующие качества личности преподобного. Делается акцент на антинормативном характере образа человека как центрального фрагмента языковой картины мира религиозного дискурса.

This article is devoted to language implementation of a saint's image in a biography text. The dependence of various conceptual components of a missionary's image on the genre is revealed. The interaction of language tools that are intergrated to organize the concept of holiness is described. Typical and predominant features of a saint's personality are revealed. The antinomic character of the image of a man as a central fragment of the picture of the world in religious discourse is emphasized.

Ключевые слова: текст, жизнеописание, концепт святости, образ святого.

Keywords: text, biography, concept of holiness, image of a saint.

В настоящее время многие лингвисты все чаще обращают свое внимание на тексты религиозного содержания, ставшие достоянием широкого круга российского населения. Значительное место среди подобных текстов занимает житийная литература, которая описывает жизнь подвижников, причисленных церковью к лику святых в XX – начале XXI вв. Эти произведения стали относить к жанру жизнеописания,

своей основой восходящих к древнерусскому житию. Данные тексты изучаются с разных точек зрения. Одним из важных направлений является описание образа святого через концептуальную сферу религиозного сознания и его языковая репрезентация в текстах.

Целью данной статьи является рассмотрение репрезентации в тексте жизнеописания образа святости

с опорой на лингвоантропологические исследования, в которых предстает описание языкового образа человека как центрального фрагмента языковой картины мира.

Значимым для нас является то, что лингвокультурология изучает язык и культуру в их взаимодействии (В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов и др.). С этим направлением тесно связаны этнолингвистика, когнитивная лингвистика и социолингвистика.

Отметим, что в современной лингвоантропологической семантике существует несколько аспектов изучения языкового образа человека. От одноаспектных до многоаспектных интерпретаций образа человека в языке (Г. А. Золотова, Л. А. Уфимцева, М. П. Одинцова, Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов и др.).

Во всех названных обобщенных моделях человека он характеризуется как субъект, являющийся центром двух реальностей: внешней и внутренней (положительной и отрицательной), которые в текстах агиографического характера представляют, по определению В. П. Завальникова, *антиномичный аксиологический образ человека* [6, с. 28].

В связи с верой в загробную жизнь в христианстве культивируются такие внутренние нравственные качества человека, как *праведность, доброта, жертвенность, самоотречение, любовь к ближнему* и т. п. Безусловно, эти составляющие актуализируются и в текстах жизнеописаний, где на примере образа святого выстраивается модель идеализированного облика человека.

Конечно, наиболее полно рассмотреть репрезентацию образа человека в языке, его связь с культурой и мышлением невозможно, на наш взгляд, в рамках какого-то одного направления. Поэтому необходимо интегрировать разные направления лингвоантропологии (работы В. П. Завальникова, О. В. Коротун, Л. Б. Никитиной, Н. А. Седовой и др.).

Итак, при анализе лексико-семантических единиц, а также различных текстовых фрагментов, мы опираемся на лингвоантропологический описательный метод, в который входит прием вычленения анализируемых смыслов и средств их экспликации путем контекстуального анализа лексических единиц, семантических структур текста, коммуникативных параметров и привлечения нелингвистических данных [6]. Описание образа алтайского святого в русской ЯКМ обуславливает обращение к тем единицам языка, которые являются для русского национально-культурного сообщества традиционными средствами характеристики святого человека, предопределенных жанровыми особенностями, в том числе строгого агиографического канона. Такими средствами являются слова и словосочетания, связанные с понятием «святость» [11].

Через призму лингвокультурологического понимания концепта, языковой образ рассматривается как воплощение ментальной сущности, несущей на себе национально-культурный отпечаток. Следовательно, в языковом образе человека отражена национально-культурная специфика интерпретации человека как одного из объектов внеязыковой действительности [9].

В качестве примера мы взяли «Жизнеописание преподобного Макария (Глухарева) первоапостола Алтая» [5; 7] и «Жизнеописание святителя Макария Невского» [12].

Для нас большое значение имеет такой важный признак текста, как его коммуникативная направленность. При рассмотрении текста жизнеописания с точки зрения его коммуникативности мы, в первую очередь, опираемся на понятие концептуальной структуры текста, которая словесно воплощается в нем.

Трактовке термина «концепт» посвящено большое количество работ (Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, И. А. Стернин), но единого мнения по этому вопросу еще не сформировано. Под концептом, вслед за С. Г. Воркачевым, мы будем понимать единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющих языковое выражение и являющуюся одной из единиц мышления [3]. Следовательно, концептуальное содержание сознания и текста эксплицируется именно через язык. Заметим, что концепт может и не иметь обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами.

В тексте жизнеописания концепт святости выражается при помощи номинативных полей, объединяющихся в следующие тематические блоки: благо, добро, смирение, кротость, самоотверженность, вера, учительство; благовоспитанный, благочестивый, сердечный, ласковый и т. д. Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа [9].

Следует отметить, что концептуальные составляющие образа, передающие как портретное, так и внутреннее состояние святого, принимают в тексте различные формы, имеют разное категориальное значение. Если автор говорит о таком важном качестве святого человека, как «смирение», то здесь наглядно проявляется некое постоянное качество, без которого человека к лику святых причислить невозможно. Другое дело, когда автор употребляет глагол «смирися». В этом случае уже проявляется процессуальность, делается акцент на том, что человек привел себя в это качество усилием воли, показывается его духовная борьба не только с окружающим миром, но и с самим собой.

В жанре жизнеописания, как и в жанре жития, концепт святости, с нашей точки зрения, является текстообразующим. От его воплощения зависит композиционное построение текста, его идейно-семантическое содержание, а также построение самого образа святого с помощью языковых единиц, выражающих духовное содержание как главнейшее свойство человека в жизнеописании [2].

М. Н. Казеннова в концепт святости включает следующие компоненты: вера в Бога и любовь к ближнему; постоянная молитва и пост; смирение, кротость и терпение; постоянное наблюдение за своими помыслами и действиями; послушание; отсутствие всякого излишества и т. д. [8, с. 93 – 100]. Перечисленные выше добродетели рожают особое отношение к смерти как началу новой жизни. Сви-

детельством обретения святости также является указание на различные чудесные дарования, которые обретает подвижник как награду за неустанный духовный труд. На наш взгляд, целесообразным будет добавить в этот список ряд положений, касающихся жизни именно святителя-миссионера. Это активная деятельность обучения грамоте и церковному писанию непросвещенных народов, перевод на их языки богослужебных книг, строительство храмов, постоянная борьба с природными стихиями и др. [4, с. 16 – 19]. Следует обратить внимание на тот факт, что большая часть слов, составляющих идеальный образ человека в агиографической литературе, в современной языковой картине мира частично или полностью утрачивают отпечаток сакральности и переходят в обиходное употребление (мудрый, хитрый, блаженный, святой) [6].

Итак, картина мира, эксплицируемая в жанре жизнеописания, формируется при помощи определенных контрастных характеристик. Религиозный художественный мир жизнеописания представлен в виде строгих ментальных и этических оппозиций: земное – небесное; истинное – ложное; обыденное – сакральное; любовь к Богу – страх перед Богом и т. д. Подобные антиномии являются, на наш взгляд, своеобразным каркасом, на котором строится содержательный план произведения. Мы постигаем сущность концепта не только через набор конкретных лексических единиц, но и через очевидное противопоставление таких признаков, вводимых в произведение как святость, послушание, детскость, духовное начало, с одной стороны, и гордыня, грех, зависть, непросвещенность – с другой.

Автор не просто вводит в текст данные антиномии, он наделяет их специфическими признаками, которые передают мировосприятие коренного населения. Ведь именно из жизнеописания мы узнаем, что в основе религиозных взглядов алтайцев-язычников прослеживается дуализм, то есть присутствие двух начал: светлого Ульгеня и темного Эрлик.

Антиномии в тексте жизнеописания могут проявляться и косвенно, что видим в следующем примере: «И его спокойный и ясный голос *точно обухом* ударил подлелевших на конях инородцев» [5, с. 18]. В этом предложении словно три части, которые может выделить читатель, оперируя своим когнитивным опытом, полученным в результате прочтения данного текста: 1) спокойный и ясный голос Макария Глухарева; 2) дерзкие и грубые инородцы; 3) «точно обухом» – ключевое, на наш взгляд, сочетание слов к пониманию данного противопоставления.

В нашем сознании отчетливо выстраивается логическая цепочка: человек, причисленный к лику святых, наделен особой Божьей благодатью, особыми качествами, с которыми даже темное человеческое начало бороться не в состоянии. Это два разных полюса, и либо человек принимает учение миссионера, меняет себя, либо остается непросвещенным всю жизнь. Иными словами, через восприятие всех средств выражения концепта, формируется не только представление о святости, но и приходит осознание таких важнейших его компонентов как кротость, любовь,

терпение, доверчивость, бескорыстие, учительство, гуманность и т. д.

Важным моментом, на наш взгляд, является то, что антиномии могут выражаться в тексте и в форме диалога [5, с. 24]:

– Зачем идешь опять? – забыв долг гостеприимства, сказал он (Борис) с ненавистью. – *Мне противно глядеть на тебя и речи твои мне постыли.*

– *А я тебя люблю,* – сказал с кротостью отец Макарий, и сел, по обычаю, на крылечко, со своими кроткими словами о праведном Боге.

Весь смысл, все учение Божие заключил автор в речь Макария. Через нее он словно передает основную Заповедь Христа о любви к своему врагу.

Таким образом, антиномии, выражающие концепт святости, прежде всего, репрезентируются через систему отношений элементов понятийной сферы, которые связаны между собой не только прямым, но и косвенным образом в рамках текста жизнеописания.

«Миссионерская жизнь – это дорога, бесконечные переезды, порой по местам необычно диким и непроходимым, в любую погоду, не взирая ни на что», – говорит автор [5, с. 28]. А для этого приводит в качестве достоверности своих слов свидетельства протоиерея о. Стефана Ландышева, преемника святого Макария по Миссии. В этих свидетельствах представлено поведение Макария Глухарева в борьбе с природными стихиями: «А молнии, все продолжавшие сверкать ослепительными змеями, освещали речную пучину; на лицах моих спутников было тоже выражение страха и нерешимости, и только этот маленький сильный духом человек дернул поводья своей дрожащей лошади, и та покорно скользнула с берега в воду... Я помню эту минуту и теперь, ясно помню... он слабый и не молодой показал пример нам, молодым и сильным; его лицо, освещенное молниями, было кротко и покойно» [5, с. 30]. Данный отрывок текста является собой ёмкую антиномию, обрамляющую словесный каркас формирования в сознании читателя концепта «святость». Макарий Глухарев «слабый и не молодой» с кротким и спокойным лицом, в то время как его спутники достаточно молоды и сильны, но с выражением страха и нерешимости на лице. Или: «Имея невеличавую внешность и физически немощное, слабое тело, преподобный Макарий был человеком твердого духа, сильной воли и подлинной апостольской ревности» [7, с. 11].

Также рассматриваемый нами образ находит свое выражение в монологах, представленных проповедями святого, в диалогах миссионера с самим собой. Даже несмотря на то, что монолог – это одностороннее явление, автору через использование подобной формы удается нагляднее донести до читателя главную мысль.

Таким образом, в тексте жизнеописания концепт святости реализуется как прямо, так и косвенно. В тексте есть слова с прямым значением, которые непосредственно указывают на проявление святости, как правило, понятные читателю даже изолированно. Косвенное же восприятие требует от человека большего внимания и сосредоточенности, так как косвенное выражение концепта святости возможно понять только в системе, а не отдельно взятыми фразами и

словами. О косвенном представлении концепта мы уже говорили ранее, но не следует упускать из виду специфическую и устаревшую лексику, окружающую образ святости и текст жизнеописания в целом: склеп, рясы, аскет, келья, просфора, раскольник, семинария, кончина и т. д.

Прямое же воплощение святости представлено конкретными лексемами через описание внешности и духовного мира Макария Глухарева: «В семинарии инспектор Глухарев с его *бескорыстием, гуманностью, честностью* выгодно выделялся на общем фоне своих сослуживцев. Мягкий по природе, он чуждался всякой грубости и в свои отношения к воспитанникам ввел тон самый *дружелюбный, самый сердечный, ласковый, обнадеживающий*» [5, с. 7]. Отметим, что духовный облик святого выражается в тексте жизнеописания не только при помощи лексических и синтаксических средств, но и единицами морфологического уровня, в первую очередь благодаря словам разной частеречной принадлежности: «Он заметно выделялся и скромностью и вместе отсутствием всякого подобострастия... и простотой, и безыскусностью обращения во время служения, и особенно кротким и приятным выражением в чертах лица. В глазах его светилось искреннее, благоговейное настроение души» [5, с. 54].

Именно при описании внутреннего состояния миссионера наблюдается скопление лексем, выражающих его качественную характеристику. Как правило, это сосредоточение в одном простом предложении однородных определений, последовательно идущих друг за другом. Это свидетельствует о том, что концепт святости, являясь текстовой доминантой, включается в произведение и получает свое распространение в разнообразных лексических единицах. В тех же местах, где говорится о том, сколько трудов и ответственности возлагается на плечи миссионера, наблюдается сосредоточение существительных, выполняющих глагольную функцию: «Миссионерам приходилось заниматься всем: обучением вере и навыкам земледелия, преподаванием грамоты детям и взрослым, поставками сельскохозяйственного инвентаря, продовольствия и одежды, лечением и даже принятием родов» [5, с. 52]. Отметим, что обилие повторов союза «и» создает особое стилистическое восприятие фрагмента. Это усиливает восприятие слов в тексте, придает особую семантическую экспрессию и динамичность. Как справедливо заметил В. П. Завальников, это своеобразные «интенсификаторы», репрезентирующие значение неустанной работы святого не только над самими собой, но и усиливающие активную миссионерскую деятельность [6].

Заканчивая произведение, составитель не забывает отдать дань традиции. В заключении прописаны точные даты кончины преподобного, дни его памяти с последующим акафистом. Это происходит по причине того, что перед нами – церковная литература, которая сама диктует правила своего написания, ведь в текстах подобного рода раскрывается сущность не простого человека, а именно святого. Следовательно, мы видим зависимость лексических элементов, их связей и отношений от коммуникативного намерения автора и общей целевой программы текста. С помощью такого по-

нятия, как «святость» в жизнеописании отражается концептуальная картина мира, которая является результатом всей духовной активности человека.

Таким образом, мы видим, что существует ряд понятий, с помощью которых репрезентируются характеристики, определяющие человека и окружающие его материальные и нематериальные ценности. Совокупность этих единиц составляет семантику ментального мира. Так, в своих работах В. П. Завальников использует понятие языковой аксиологической доминанты, определяющее языковой образ человека применительно к житийной литературе. Это понятие «характеризует типичные, доминирующие качества личности святого. Это значения лексем, синонимических рядов, тематических групп, развернутых контекстуальных характеристик, определяющих личность святого и оценивающих его в определенном аспекте» [6, с. 30]. Для образа миссионера это такие доминанты, как бескорыстный, трудолюбивый, боголюбивый, смиренный, ангельский и т. д. В текстах современных жизнеописаний подобные доминирующие аксиологические смыслы часто вычлениаются на уровне развернутых описательных характеристик: «Высоко нравственный характер Макария, его строгость в отношении себя, постоянный и неустанный труд при больших лишениях, вызывали всеобщее удивление, а помощь местным жителям в их нуждах и болезнях доставили ему общую любовь» [7, с. 5].

Определяя языковую доминанту как аксиологическую, следует обратить внимание на ценностные по содержанию языковые характеристики образа святого. Ведь образ миссионера представляет собой строгий набор религиозных морально-нравственных установок, предписываемых древнерусским агиографическим канонам. Таким образом, мы имеем дело с прагматическим (оценочным) когнитивным компонентом семантики слова, словосочетания, фрагмента текста, текста в целом. А поскольку содержание текста воплощается вербально, то смысл художественного произведения может быть понят, прежде всего, через его лексическую структуру. Рассмотрение лексической структуры текста, то есть многообразия ассоциативно-семантических, логических и концептуальных связей и отношений элементов лексического уровня в перспективе текста (от отдельных высказываний до целого произведения) позволяет конкретизировать его семантику и смысл [2, с. 52].

О подвижничестве преподобного Макария свидетельствуют следующие ключевые лексические доминанты его образа – *строгость и требовательность к самому себе, молитвенные подвиги, довольство самым необходимым, глубочайшее смирение и самоотвержение*: «С молодых лет, приучив себя к духовной брани, он не угождал своей плоти ни пищей, ни сном, ни одеждой: жил в маленькой комнатке, в еде был постнически строг, зачастую по целым суткам вкушая лишь просфору и несколько чашек чаю, спал очень мало, в быту был скромнен и невзыскателен, – пишет его биограф. – Личных вещей, кроме самой необходимой одежды, книг, чернил и пера, у него не было» [7, с. 16]; «Святитель стяжал дар умной сердечной Иисусовой молитвы, был строгим монахом-аскетом, обладал большой духовной силой» [12, с. 340]. То

есть, прослеживается еще один доминирующий признак образа святого – аскетический образ жизни, который находит свое воплощение в таких лексемах как *терпение, пост, кротость, воздержание* и т. д.

Смысл жизни преподобного заключался в просветительской работе, в служении истине. Поэтому и его образ жизни при большой силе его духа, отличается *смирением, простотой, бескорыстностью и доступностью* для всех: «Действуя по закону любви, он для себя лично ничего и не искал – напротив, сам отдавал ближним решительно все, что имел» [7, с. 106]. Как отмечал биограф архимандрита Макария Д. Д. Филимонов, «усвоив истинное значение Христианства и духа Христова, он шел непоколебимо к намеченной им себе цели...; чему он учил, что он проповедовал, то он сам выполнял и даже с большей строгостью..., нежели требовал или искал того в других. И будучи архимандритом, он носил не шелковую рясу, а плохонькую шерстяную, как самый бедный монах; не изысканным, не сытным рыбным столом возмещал воздержание от мяса, а довольствовался самой простой пищей. И не из фарисейства, и не из юродства поступал он так, а потому, что признавал как *искренно верующий*, что так должно. «*Вера без дела мертва*»» [7, с. 24]. Мы видим, что подобные синтаксические конструкции усиливают противопоставление мирских и духовных ценностей для святого человека, важнейшими из которых для образа подвижника веры являются вторые.

Огромное место в деятельности миссионера занимает учительство. «Свет Христов просвещает всех» [7, с. 103] – эти последние предсмертные слова отца Макария были девизом, программой деятельности и пасторским завещанием памятного Архимандрита, который постоянно стремился к нравственному очищению, самосовершенствованию, распространению идей Христа, идей добра, любви, света и истины. Отсюда берут свое начало и метафорические сравнения в тексте жизнеописания, показывающие роль миссионера как посредника между простым человеком и Богом: «*За свою деятельность и благочестивую жизнь* народ назвал его «*Апостолом Алтая*» и «*Сибирским столпом Православия*», «*Белый клубок на Алтае!*» [12, с. 340].

Обратим внимание на то, что в жизнеописании показано последовательное восхождение человека к свя-

тости. И одной из самых ярких доминант образа святого предстает вера, которая является центральной для любого религиозного учения. Вера является связывающим звеном между Богом и человеком: «Архимандрит Макарий при жизни своей... являл одного из...угодников Божиих. Все свойственные миру выгоды, самолюбие, житейское преуспеяние были совершенно чужды его благочестивой и честной душе. *Вера, главное содержание преподобного Макария, давала направление и его характеру, и поведению, и отношению к людям*» [7, с. 9]. Заметим, что в религиозной концепции веры прослеживается дихотомическое представление о любви к Богу и страха перед ним, что эксплицируется в семантической составляющей текста.

Читатель постигает смысл текста и образа, в первую очередь, через различные связи лексических единиц, поэтому они и имеют первостепенное значение для коммуникативной стороны текста, в частности, плана интерпретации. Лексическая структура текста – это основа к пониманию текста, это форма репрезентации семантического и смыслового уровня жизнеописания [2]. Вся эта сложная система гармонизируется на морфологическом и синтаксическом уровнях текста, которые находятся в отношениях взаимодействия и взаимообусловленности.

Таким образом, текст жизнеописания является системой, состоящей из избирательно вовлеченных элементов, которые различными способами и на разных уровнях текста репрезентируют концепт святости. Выделенные нами языковые составляющие образа святого с опорой на лингвоантропологические исследования и экстралингвистические знания наглядно показывают репрезентацию образа миссионера в тексте как некоего образца поведения и носителя нравственных идеалов христианства. Языковая реализация образа святого проявляется в определенном наборе инвариантных номинативных смыслов, усиливающих восприятие этого образа и помогающих решить важнейшие задачи религиозного дискурса.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 1999.
2. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н. С. Болотнова. – Томск, 2001. – 331 с.
3. Воркачев, С. Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов: монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2005. – 214 с.
4. Грекова, И. В. Жанр жития и жизнеописания святого: проблема тождества и различия / И. В. Грекова // Наука и образование: проблемы и перспективы / мат-лы XIII Региональной научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся: в 2 ч. – Ч. 2. – Бийск, 2011.
5. Жизнеописание преподобного Макария (Глухарева) первоапостола Алтая с акафистом. – Бийск, 2009. – 75 с.
6. Завальников, В. П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии (проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации): дис. ... канд. филол. наук / В. П. Завальников. – Омск, 2003. – 162 с.

7. Зенина, С. В. Заря бессмертья блещет: из жизнеописания преподобного Макария Глухарева / С. В. Зенина. – Орел, 2007. – 160 с.
8. Казеннова, М. Н. Некоторые особенности бытования житийной литературы: вопрос эволюции жанра / М. Н. Казеннова // Церковь и проблемы современной коммуникации: сб. статей по мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Нижегородская Духовная семинария, 5 – 7 февраля 2007). – Н. Новгород, 2007.
9. Карасик, В. И. Антология концептов / В. И. Карасик и др. – М., 2007. – 512 с.
10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
11. Никитина, Л. Б. Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира: монография / Л. Б. Никитина. – Омск: ОмГПУ, 2004. – 148 с.
12. Святитель Макарий (Невский), митрополит Алтайский // Патерик сибирских святых. – Единецко-Бричанская епархия, 2006.

Информация об авторе:

Грекова Инга Валерьевна – аспирантка Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина, г. Бийск, +7(3854) 412990, grekova-inga@mail.ru.
Grekova Inga Valeryevna – postgraduate student at V. M. Shukshin Altay State Academy of Education.

УДК 81'23

ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕНГА

М. В. Грекова, С. В. Оленев

EXPRESSION OF NATIVE SPEAKERS' SOCIAL AND AGE CHARACTERISTICS THROUGH SLANG USE

M. V. Grekova, S. V. Olenev

Статья посвящена экспериментальному изучению способности сленговых лексических единиц, используемых в речи, отражать социальные характеристики носителей языка – субъектов высказывания. На основе анализа данных, полученных в ходе анкетного опроса двухсот информантов делается вывод о том, что социальная маркированность сленга не имеет четкого характера, а характеризуется размытыми границами, обозначает нечеткие «социальные области», которые выступают усредненными общностями носителей единиц русского сленга. Поэтому функционирование русского сленга, с одной стороны, предполагает объединение всех носителей литературного языка, а с другой – выделение среди них социально-возрастных групп, в которых владение сленговой лексикой и ее распространение наиболее активно.

The article is devoted to the experimental study of slang lexical units' ability to reflect social characteristics of native speakers – subjects of the speech. Basing on the analysis of the questionnaire data received from two hundred informants, we can conclude that the social specificity of slang has no accurate character, and is characterized by dim borders and designates indistinct «social areas» which act as average societies of Russian slang units users. Therefore, on the one hand, the functioning of Russian slang assumes association of all the literary language users, while on the other hand some social and age groups, which use the slang lexicon most actively, can be identified.

Ключевые слова. Социоллингвистика, сленг, общий жаргон, эксперимент, социальный статус, русский язык.

Keywords. sociolinguistics, slang, common jargon, experiment, social status, the Russian language.

Особым объектом изучения современной социоллингвистики и, в частности, жаргонологии является так называемый русский общий жаргон, или сленг (прим. автора: *О синонимичности данных терминов и о предпочтительности второго из них см. [10, с. 100 – 103]; см. работы Е. И. Бегловой, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, А. Т. Липатова, Р. И. Розиной, Н. В. Хорошевой и др.*), который традиционно определяется как «тот пласт современного русского жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или, по крайней мере, понимается) всеми жителями большого города, в частности, образованными носителями русского литера-

турного языка» [11, с. IV]. Сленг интенсивно изучается с точки зрения описания состава этого лексического пласта, установления источников и механизмов его происхождения, особенностей функционирования в различных форматах дискурса и т. д. (см. [1, с. 28 – 31; 3, с. 42 – 45; 4, с. 116 – 119; 5, с. 68 – 71; 6, с. 449 – 454; 8; 9 и др.]).

Сленговая лексика полностью сосредоточена на сферах повседневного бытия человека и его отношениях с другими людьми и может использоваться при устном и письменном, контактном и дистантном способе коммуникации. Она является тем элементом, который способен разрушать статусную дистанцию и объединять, сближать представителей различных социальных слоёв, отличающихся уровнем образования,

родом деятельности, интересов и др.; характерна для носителей языка как с низкой, так и с высокой языковой культурой; употребляется в различных ситуациях (например, в ситуации семейного завтрака, на вечеринке, на свидании и т. д.). Другими словами, сленговая лексика трактуется как социально немаркированная часть повседневно используемого словарного запаса, объединяющая всех носителей литературного языка и в процессе устного и, в некоторых случаях, письменного общения.

Гипотеза проведенного нами исследования заключается в том, что сленговые единицы, несмотря на общепризнанное понимание и использование их в устной и письменной речи всеми носителями русского литературного языка, все же способны выступать социальными маркерами и индикаторами. Социальная маркированность сленга предположительно заключается в его использовании не конкретными социальными или профессиональными группами (ср. с социальными и профессиональными жаргонами), а некими постоянно варьирующимися «усредненными коллективами», имеющими размытые, накладывающиеся друг на друга социально-возрастные границы. В качестве индикаторов сленгизмы способны сигнализировать о неформальности коммуникативной ситуации, о степени знакомства коммуникантов и характере отношений между ними.

Индивид, находясь в обществе, обладает тем или иным социальным статусом, т. е. «формально установленным или молчаливо признаваемым» [2, с. 137] «положением человека в социальной системе, включающим права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [7, с. 3]. Это может быть выпускник престижного частного заведения или представитель городской бедноты, наркоман или мастер, занимающийся ремонтом обуви и т. д. Важнейшей характеристикой социального статуса человека является его речь. «Соблюдение статусной дистанции достигается путём использования специальной речи – жаргона» [7, с. 66], функция которого, как отмечалось, заключается в процессах унификации (индикации и опознании «своих») и дифференциации (создании оппозиции «свой – чужой»). Сленг же, которым в относительно равной мере владеют все носители языка, не обладает столь сильной способностью к социальному разграничению представителей общества. Для того чтобы выяснить, каков потенциал сленга в передаче социальной информации, нами был проведен своеобразный социопсихолингвистический эксперимент.

Материал для исследования был получен при помощи анкетного опроса. Информантам необходимо

было указать свой пол и возраст, а также, опираясь на свою «социальную интуицию» и «социальное воображение», охарактеризовать возможных авторов представленных текстов с точки зрения их половой принадлежности, возраста и наличия / отсутствия высшего образования. Для рассмотрения предлагалось пять микротекстов, полученных в ходе другого социопсихолингвистического эксперимента, в ходе которого информантам предлагалось составить контексты употребления предъявленных им слов, одновременно имеющих литературное и сленговое значения (результаты этого эксперимента подробно представлены в статье [5]). Анализируемые тексты и социально-возрастные характеристики их реальных авторов отражены в таблице.

В анкетировании приняли участие 200 информантов мужского и женского пола двух равновесных по количеству опрошенных представителей возрастных групп (18 – 25 лет и старше 25 лет). Возрастные границы опрашиваемой выборочной совокупности обусловлены расхожим представлением лингвистов о том, что основным пользователем сленга выступает молодежь (см., например, [8, с. 8]). Именно поэтому для практической проверки данного положения были выбраны две возрастные группы: молодежь от 18 до 25 лет и люди старше 25 лет.

Описывая образы авторов сленговых слов в текстах по указанным характеристикам, информанты предлагали следующие ответы:

а) пол (мужской, женский, мужской / женский);
б) возраст (все зафиксированные варианты были объединены нами в несколько основных возрастных промежутков, позволяющих отразить максимально возможные возрастные рамки и выявить наиболее «интенсивные» возрастные отрезки авторов текстов с единицами сленга);

в) наличие / отсутствие высшего образования (наличие в/о, отсутствие в/о, наличие / отсутствие в/о).

Соответственно, задача исследования заключается в установлении того, насколько чётко могут «считываться» социально-возрастные характеристики носителей русского языка через использование сленговой лексики с точки зрения самих носителей языка (информантов). Важно было также определить зависимость этих параметров от характеристик самих информантов и сравнить полученные данные с «реальными» сведениями об авторах текстов. Перейдем к анализу практического материала, рассматривая: а) пол, б) возраст авторов, в) наличие / отсутствие у них высшего образования.

Текст	Характеристики автора текста		
Текст	Пол	Возраст	Наличие / отсутствие высшего образования (в/о)
По моему мнению, <u>качалка</u> – это замечательное место, в котором люди приводят свои мышцы в порядок.	Женский	18	Наличие в/о
Программа 2GIS поможет <u>вычислить</u> координаты любого объекта.	Женский	29	Наличие в/о
И тут из машины выскочили эдакие <u>шкафчики</u> с антресолями.	Мужской	20	Наличие в/о
«Ты кого <u>мусором</u> назвал, скотина?!» – прокричал человек в кителе и начал методично бить воришку в область живота.	Мужской	26	Наличие в/о
Для поднятия настроения Игорь купил у неизвестного человека в черном плаще <u>колеса</u> под названием LSD.	Мужской	37	Отсутствие в/о

1. По моему мнению, качалка – это замечательное место, в котором люди приводят свои мышцы в порядок.

1. Все информанты определяют пол автора предложения как мужской. Опрошенные мужского пола второй возрастной группы на второе место ставят ответ «женский», на третье – «мужской / женский», все остальные почти в равной степени предлагают варианты «женский» и «мужской / женский».

2. Возраст автора высказывания информанты устанавливают не очень определенно: ориентировочно от 10/15 до 50/60 лет. В большинстве случаев опрошенные характеризуют автора как 15 – 30-летнего.

3. Все информанты, кроме опрошенных мужского пола второй возрастной группы, говорят об отсутствии высшего образования у автора, на второе место ставят автора с наличием высшего образования и почти не предлагают варианта «наличие / отсутствие в/о». Информанты мужского пола старше 25 лет характеризуют автора как имеющего высшее образование, второе место отводят вариативному ответу «наличие / отсутствие в/о», третье – «отсутствие в/о».

Таким образом, по результатам анкетирования сленговую единицу «качалка», по мнению большинства информантов, в речи употребляют лица мужского пола в возрасте от 15 до 30 лет, не имеющие высшего образования. По нашему мнению, это обусловлено тем, что посещение «качалок» (спортивных клубов), а следовательно, и использование в речи подобной лексики (жаргонной по своему происхождению), более характерно для молодых лиц мужского пола, возможно, без высшего образования.

2. Программа 2GIS поможет вычислить координаты любого объекта.

1. Информанты, определяя пол автора высказывания, почти в равной степени предлагают два варианта ответа: «мужской» и «мужской / женский». У всех информантов, кроме лиц мужского пола старше 25 лет, незначительно преобладает ответ «мужской», а у лиц мужского пола от 25 лет, наоборот, неоднозначный ответ «мужской / женский». И только небольшое количество опрошенных всех категорий характеризует автора как лицо женского пола.

2. Возраст автора текста, как и в первом примере, определяется приблизительным отрезком от 10/15 до 60/80 лет. В большинстве случаев информанты описывают автора как 18/20 – 30/35-летнего человека.

3. Опрошенные единогласно говорят о наличии высшего образования у автора рассматриваемого предложения. При этом информанты мужского пола на второе место ставят ответ «наличие / отсутствие в/о», на третье – «отсутствие в/о», а опрошенные женского пола, наоборот – «отсутствие в/о» и «наличие / отсутствие в/о».

В результате, единицу сленга «вычислить» в анализируемом высказывании употребляют, по мнению большинства опрошенных, либо лица мужского пола, либо лица мужского / женского пола (рассматриваемый пример отражает ситуацию, когда пол автора текста не имеет значения) в возрасте от 18/20 до 30/35 лет, получившие высшее образование. С нашей точки зрения, предложенные социально-возрастные характеристики автора объясняются тем, что профессиональное владение компьютером и Интернетом более характерно для молодого поколения, имеющего высшее образование, независимо от половой принадлежности.

3. И тут из машины выскочили эдакие шкафчики с антресолями.

1. Информанты всех категорий характеризуют автора высказывания в предложении как лицо женского пола. Второе место опрошенные отдают ответу «мужской», третье – «мужской / женский».

2. Возрастные рамки автора высказывания вновь в целом определяются информантами как безграничные (примерно от 5/10 до 60/70 лет). В большинстве предложенных ответов возраст автора текста ограничивается отрезком 15/18 – 30 лет.

3. Все опрошенные отмечают у автора отсутствие высшего образования. Информанты женского пола двух возрастных групп второе место отдают ответу «наличие в/о», третье – «наличие / отсутствие в/о», а мужского – почти в равной степени предлагают варианты «наличие в/о» и «наличие / отсутствие в/о».

Итак, пользователем сленговой единицы «шкафчик» предположительно выступает лицо женского пола 15/18 – 30 лет, не имеющее высшего образования.

Представленный вывод, по нашему мнению, доказуется, во-первых, наличием уменьшительно-ласкательной формы у единицы сленга («*шкафчик*»), считающейся лингвистами характерной для употребления в женской речи, и, во-вторых, использованием жаргонной по своему происхождению лексики, наиболее свойственной молодым лицам, зачастую без высшего образования.

4. «*Ты кого мусором назвал, скотина?!*» – *прокричал человек в кители и начал методично бить вооружением в область живота.*

1. Информанты, описывая автора единицы сленга в высказывании, определяют его как лицо мужского пола. Второе место занимает вариативный ответ опрошенных «мужской / женский», а третье – вариант женский пол.

2. Возраст автора текста, как и в рассмотренных выше случаях, не имеет четких границ и устанавливается в пределах от 15/18 до 60/70 лет. В качестве основного возрастного отрезка автора сленга в анализируемом предложении информанты чаще предлагают промежуток от 15/18 до 30/40 лет.

3. Все опрошенные, кроме информантов мужского пола 18 – 25 лет, говорят об отсутствии высшего образования у автора высказывания. Второе место, по результатам анкетирования, занимает характеристика автора «наличие в/о», третье – «наличие / отсутствие в/о». Опрошенные мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет почти в равной степени предлагают два варианта ответа: «отсутствие в/о» и «наличие в/о», с небольшим преобладанием первого. На второе место они ставят вариативный ответ «наличие / отсутствие в/о».

Таким образом, пользователь лексической единицы «мусор» в анализируемом тексте зачастую воспринимается информантами как лицо мужского пола 15/18-30/40 лет без высшего образования. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что использование жаргонной по своему происхождению лексики наиболее свойственно молодым лицам мужского пола, не обязательно имеющим высшее образование.

5. *Для поднятия настроения Игорь купил у неизвестного человека в черном плаще колеса под названием LSD.*

1. В большинстве случаев информанты описывают автора единицы сленга в анализируемом предложении как лицо мужского пола. Второе место занимает вариативный ответ «мужской / женский», третье – вариант «женский».

2. Возраст автора текста вновь не имеет четких границ и определяется приблизительным отрезком от 10/15 до 50 лет, но чаще – в промежутке 15 – 30/35 лет.

3. Информанты характеризуют автора текста как лицо, не имеющее высшего образования. Опрошенные женского пола всех возрастных категорий на второе место ставят ответ «наличие в/о», на третье – «наличие / отсутствие в/о», информанты мужского пола в почти равной степени отводят этим ответам второе место.

В результате складывается следующий социальный образ пользователя сленговой единицы: лицо мужского пола в возрасте 15 – 30/35 лет без высшего образования. По нашему мнению, это обусловлено, во-первых, тем,

что проблема наркомании в наибольшей степени затрагивает молодое поколение, а во-вторых, владение жаргонной по своему происхождению лексикой и её использование в большей степени свойственно молодым людям мужского пола, не имеющим высшего образования.

Полученные в ходе анкетирования социально-возрастные параметры авторов единиц сленга в высказываниях в двух случаях из пяти совпадают с «реальными» характеристиками носителей языка: пол (при вариативном ответе информантов), возраст и уровень образования автора сленговой единицы «вычислить»; пол и возраст автора лексической единицы «мусор». В остальных случаях информанты только ориентировочно, приблизительно определяют возраст авторов текстов. С точки зрения рядовых носителей русского языка, единицы сленга в своей речи употребляют лица как женского, так и мужского пола любого возраста, имеющие или нет высшее образование. Таким образом, сленг действительно выступает элементом, разрушающим статусную дистанцию и объединяющим людей разных социально-возрастных характеристик. Но при этом использование сленговых единиц наиболее свойственно лицам мужского пола в возрасте от 15 до 30/35 лет без высшего образования, поэтому представленные параметры (пол, возраст и уровень образования) выступают факторами, влияющими на более интенсивное распространение и употребление сленга.

В результате, можно утверждать, что выражение социально-возрастных параметров носителей языка через использование сленговой лексики (то есть социальная маркированность сленга) не имеет четкого характера. Устанавливаемые социальные рамки имеют размытые границы, пересекаются друг с другом, формируя, таким образом, некие нечеткие «социальные области», которые выступают усредненными общностями носителей единиц русского сленга. Отсюда, частично опровергается принятое в лингвистике мнение о том, что сленговая лексика выступает средством общения абсолютно всех носителей русского литературного языка. Также из полученных данных следует, что характеристики самих информантов (пол и возраст) не влияют на успешность определения социально-возрастных параметров авторов единиц сленга в предложениях. В результате, можно утверждать, что если жаргонная лексика одновременно объединяет членов определенной социальной или профессиональной группы и выделяет их из всего общества в целом, то русский сленг, наоборот, с одной стороны, объединяет всех носителей литературного языка, с другой – выделяет среди них социально-возрастные группы, в которых владение сленговой лексикой и ее распространение наиболее активно. В последнем случае речь идет о социальной маркированности сленговой лексики.

Литература

1. Алексеева, Т. М. Сленг в системе социальных диалектов / Т. М. Алексеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2 (4).
2. Белл, Р. Т. Социоллингвистика / Р. Т. Белл. – М.: Международные отношения, 1980. – 319 с.
3. Грекова, М. В. Общежаргонные наименования монет и банкнот в речевом узусе разных социовозрастных групп / М. В. Грекова, С. В. Оленёв // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: труды Международной научно-практической конференции (Кемерово, 4 июля 2008 года). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.
4. Грекова, М. В. О прагматических условиях употребления сленговых наименований денег (на материале текстов современной русской литературы) / М. В. Грекова, С. В. Оленёв // Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы реализации, перспективы: мат. III Междунар. науч.-практ. конф. 7 – 8 июня 2010 года. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – Ч. 2.
5. Грекова, М. В. Особенности функционирования единиц сленга (на материале показаний языкового и метаязыкового сознания) / М. В. Грекова // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов / сб. науч. статей. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2010. – Вып. 2.
6. Грекова, М. В. Особенности экспрессивного словообразования наименований денежных купюр и монет в разных социально-возрастных группах / М. В. Грекова, С. В. Оленёв // Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. статей. – Кемерово, 2011. – Вып. 4.
7. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Институт языкознания АН СССР: Волгоградский педагогический институт, 1991. – 495 с.
8. Липатов, А. Т. Сленг как проблема социолектики / А. Т. Липатов. – М.: Элпис, 2010. – 318 с.
9. Орлова, Н. О. Сравнительная национально-специфическая характеристика американского и русского сленга: лексико-грамматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. О. Орлова. – Ярославль, 2006. – 20 с.
10. Розина, Р. И. Сравнительный анализ семантических процессов в литературном языке и в сленге / Р. И. Розина // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX – XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 100 – 166.
11. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона / Е. А. Земская, О. П. Ермакова, Р. И. Розина. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.

Информация об авторах:

Грекова Марина Владимировна – магистр филологии, факультет филологии и журналистики КемГУ, marina_grekova1987@mail.ru.

Grekova Marina Vladimirovna – master's degree student at the Faculty of Philology and Journalism of KemSU.

Оленев Станислав Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, deerson@mail.ru.

Olenev Stanislav Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 811.161.1'355

О ПОЛИМОТИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НИШАХ С ФОРМАНТАМИ -НИК И -НИЦ/А/

Н. В. Гришина

POLYMOTIVATION PROCESSES IN THE WORD FORMATION NICHES WITH THE RUSSIAN FORMANTS -NIK AND -NITS/A/

N. V. Grishina

В статье рассматриваются особенности полимотивационных процессов в словообразовательных нишах с формантами -ник и -ниц/а/, их влияние на развитие словообразовательной ниши и полисемии. Рассматриваются различные подходы к изучению явления полимотивации.

The article deals with some special features of polymotivation processes in the word-formation niches with the Russian formants *-nik* and *-nits/a/*, their influence on the development of the word-formation niche and polysemy. Different methods of polymotivation study are considered.

Ключевые слова: полимотивация, полисемия, производное слово, словообразовательная ниша, пропозиция.

Keywords: polymotivation, polysemy, derivative, word-formation niche, proposition.

Вопрос неединственной мотивации русские лингвисты затрагивали уже в XIX веке, когда словообразование еще не существовало в качестве самостоятельной дисциплины.

Особое внимание на явление множественной мотивации обратил академик В. В. Виноградов, отметив возможность «вариаций или вариантных форм суффикса в пределах одного и того же словообразовательного типа», если в его пределах имеются производные с неединственной мотивацией, что является причиной «двойного морфологического членения слов в пределах одного и того же словообразовательного типа», которое «во многих случаях зависит от различной направленности смысловых связей этого слова» [3, с. 6].

На проблему соотношения словообразовательного типа с множественной мотивацией обращали внимание многие лингвисты, среди которых Л. А. Араева, Е. А. Земская, И. С. Улуханов, М. Н. Яценецкая и др.

В своей работе «Словообразование как деятельность» Е. А. Земская приходит к выводу, что критерий тождества частеречной принадлежности мотивирующих единиц не является значимым при определении словообразовательного типа, поскольку мотивирующие могут быть синтаксическими дериватами [4].

В книге «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания» И. С. Улуханов отмечает, что «слова, мотивированные словами разных частей речи, но имеющие формально и семантически тождественные аффиксы, можно рассматривать в качестве одной из единиц классификации и описания словообразовательной системы» [7, с. 113], называя такую единицу «словарной нишей». При этом он ссылается на исследования Л. Вайсгербера, который впервые обратил внимание на подобное явление в немецком языке. Немецкий ученый привел в пример образование наименований ребенка, незрелого существа с помощью суффикса – *ling* (*Zwillinge* – «двойняшки» от числительного *zwei*, *Fläschling* – «ребенок, которого кормят из бутылки» от существительного *Flasche*, *Säugling* – «ребенок, которого кормят грудью от глагола *säugen*).

Л. А. Араева предлагает рассматривать явление множественной мотивации в пределах словообразовательной ниши, понимая ее как совокупность производных с тождественным формантом, имеющих в основе мотивирующие различной частеречной оформленности и объединенных инвариантно-словообразовательным значением [1, с. 214 – 230]. Различают полные, неполные и нулевые словообразовательные ниши [там же]. Полными считают словообразовательные ниши, которые включают производные, мотивированные существительными, глаголами и прилагательными. В неполные ниши входят производные от двух частей речи: например, отглагольные и отсубстантивные. Нулевые ниши представлены производными с мотивирующими одной части речи.

Л. А. Араева определяет полимотивацию как «одновременное действие в рамках лексемы внутрисловной и межсловной дериваций» [2, с. 122]. Исследователь подчеркивает, что «такое понимание мно-

жественной мотивации значимо при изучении глубинных процессов порождения ЛСВ полисемантов, семантической структуры словообразовательных типов и характера соотношения между этими языковыми единицами» [там же].

В данной статье процессы полимотивации исследуются нами на примере словообразовательных ниш с формантами –*ник* и –*ниц/а/*. Данные словообразовательные ниши являются полными, и в их пределах разнообразным образом проявляется множественная мотивация (источниками для извлечения необходимой лексики послужили толковые словари русского литературного языка, а также «Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова. Источники указаны в конце статьи).

Многие производные с суффиксами –*ник* и –*ниц/а/* могут восприниматься носителями языка равно мотивированными как глаголом, так и отглагольным существительным.

В первую очередь, это номинация лиц в функциональном аспекте, где одновременно выступают в качестве мотивирующих глагол и существительное как род занятий, будучи включенными в одну пропозициональную структуру:

– *защитник* (защитить/защита): человек, который *защищает* что-либо (кого-либо) / человек, который осуществляет *защиту* – «*Мой друг – защитник в команде, он ворота защищает, на защите стоит*»;

– *охотник* (охотиться/охота): человек, который *охотится* / человек, который занимается *охотой*;

– *путешественник* (путешествовать/путешествие): человек, который *путешествует* / человек, который совершает *путешествие* – «*Путешественник – это тот, кто много путешествует, вот в наше время, например, Конюхов – он все время в путешествиях*»;

– *исповедник* (исповедовать/исповедь): священник, который *исповедует* / священник, который выслушивает *исповедь*;

– *работник* (работать/работа): человек, который *работает* / человек, который выполняет *работу*;

– *отделочница* (отделывать/отделка): работница, которая *отделывает* (помещение) / занимается *отделкой* и др.

Глагол и одновременно отглагольное существительное также могут являться мотивирующими при номинации лиц в характеризующем аспекте

– *заботник* (заботиться/забота): человек, который *заботится* о ком-либо / человек, который проявляет *заботу*;

– *пакостник* (пакостить/пакость): человек, который *пакостит* / который совершает *пакости* – «*Вот одноклассник у нас был – такой пакостник – всем пакостить успевал, всякие пакости устраивал*»;

– *клеветник* (клеветать/клевета): человек, который *клеветает* на кого-либо / который высказывает *клевету*;

– *блудница* (блудить/блуд): женщина, которая *блудит* / занимается *блудом*;

– *забавница* (забавлять/забава): женщина, которая *забавляет* / женщина, любящая *забавы* и др.

Номинация реализуется в рамках одной пропозициональной структуры, но мотивирующие равно могут быть отнесены к различным частям речи.

Такие же процессы происходят и при номинации артефактов:

– *подъемник* (поднимать/подъем): устройство, которое *поднимает* что-либо / устройство для *подъема* чего-либо;

– *холодильник* (холодить/холод): устройство, которое *холодит*, охлаждает / устройство, которое вырабатывает *холод*;

– *приемник* (принимать – прием): устройство, которое *принимает* (звук, свет) / устройство для *приема* (звука, света);

– *парник* (парить/пар): сооружение, которое *парит* / сооружение, которое вырабатывает *пар*, тепло;

– *заварник* (заваривать/заварка): посуда, в которой *заваривают* чай / посуда для *заварки*;

– *дойник* (доить/дойка): ведро, в которое *доят* / ведро для *дойки* – «Вот у бабушки *дойник*, она по утрам берет его и идет на дойку, корову доить» и др.

и натурфактов:

– *проводник* (проводить/провод): вещество, которое может *проводить* ток / вещество, которое может служить *проводом*;

– *капельник* (капать/капля): сосулька, с которой *капают капли*;

Мотивация в результате синтаксической деривации существительным и прилагательным в чистом виде реализуется не столь часто:

– *трезвенник* (трезвый/трезвость): человек, ведущий *трезвый* образ жизни / человек, предпочитающий *трезвость*;

– *садовники* (сад/садовый): обувь для работы в *саду* / *садовая* обувь;

– *мачтовник* (мачта/мачтовый): лес, из которого изготавливают *мачты* / *мачтовый* лес;

– *золотник* (золото/золотой): монета из *золота* / *золотая* монета;

– *золотарник* (золото/золотой): растение *золотого* цвета, растение цветом, как *золото* и др.

В большинстве случаев полимотивационные процессы происходят на пересечении ниш с формантами -ник, -ниц/а/ и -ик, -иц/а/:

– *транзитник* (транзит/транзитный): человек, путешествующий *транзитом* / *транзитный* пассажир;

– *грудник* (грудь/грудной): ребенок, которого кормят *грудью* / *грудной* ребенок;

– *умник* (ум/умный): человек, обладающий *умом* / *умный* человек;

– *парусник* (парус/парусный): судно, которое передвигается с помощью *парусов* / *парусное* судно;

– *кофейница* (кофе/кофейный): мельница для перемалывания *кофе* / *кофейная* мельница;

– *лиственница* (листва/лиственный): хвойное растение, у которого иглы подобны *листве* / хвойное дерево, похожее на *лиственное* и др.

В случаях, когда полимотивация происходит через синтаксическую деривацию глагол/прилагательное, также наблюдается пересечение вышеназванных словообразовательных ниш:

– *отказник* (отказаться/отказной): ребенок, от которого *отказались* / *отказной* ребенок;

– *пьяница* (пить/пьяный): человек, который много *пьет* / человек, часто бывающий *пьяным*.

В некоторых случаях в результате синтаксической деривации лексема может быть мотивирована равно и существительным, и глаголом, и прилагательным:

– *врачебник* (врач/врачевать/врачебный): книга для *врачей* / книга для того, чтобы знать, как *врачевать* / *врачебная* книга;

– *жертвенник* (жертва/жертвовать/жертвенный): место, где *жертвуют* / приносят *жертву* богам / *жертвенный* алтарь;

– *ударник* (ударить/удар/ударный): механизм, который *ударяет* / наносит *удар* по бойку / *ударный* механизм и др.

В некоторых случаях, однако, мы можем говорить не только о разной частеречной принадлежности мотивирующих, но и о разных пропозициональных структурах:

– *печатник* (печатать/печатать): человек, который *печатает* что-либо (субъект – действие) / человек, который работает в сфере *печати* (субъект – действие – место).

Явление полимотивации особым образом действует в пределах многозначного слова. В некоторых случаях невозможно однозначно определить, какой частью речи мотивирован дериват, и отдельные ЛСВ многозначного слова могут восприниматься как производные от разных частей речи. Здесь чаще всего мы имеем дело и с различными по частеречной оформленности мотивирующими, и с различными пропозициями, в которые они входят.

Так, в словарях представлено два значения деривата *хороводник*: «запевала в *хороводе*» и «любитель *хороводиться*». Отчетливо видно, что в первом случае производящим является существительное, во втором же – глагол, которые соответственно входят в пропозиции «субъект – действие – место» и «субъект – действие».

Слово *морковник* имеет три значения. Если в значениях «*морковный пирог*» / «*пирог из моркови*» и «*морковная ботва*» / «*ботва моркови*» исходным словом может быть и существительное, и прилагательное, то лексико-семантический вариант «*сорняк, похожий на морковь*», вероятнее, мотивирован существительным.

Дериват *парусник* имеет несколько значений: «*тот, кто шьет паруса*», «*бабочка, похожая на парус*», «*парусный корабль*», «*моряк на парусном корабле*». Мы видим, что одни значения скорее мотивированы существительным, другие – прилагательным.

Производное *зольник* в значении, используемом в археологии, «*скопление золы на местах жертвоприношений в древних поселениях человека*» явно имеет в качестве исходного слова *зола*, то есть мотивировано именем существительным. В значении «*чан для золених шкур*» мы скорее определим производящее слово как глагол *золить*. Значение же «*зольный раствор*», «*раствор из золы*» может быть равно мотивировано как прилагательным, так и существительным.

Слово *промышленник* имеет два значения: «*владелец промышленного предприятия*» и «*человек, который промышленяет чем-либо* (как правило, охотой)». В первом случае мотивирующим является прилагательное (точнее, словосочетание прилагательное + суще-

ствительное), во втором случае – глагол. Лексико-семантические варианты реализованы, соответственно, пропозициями «субъект – действие – объект» и «субъект – действие»

В словообразовательной нише с суффиксом –ниц/а/ наблюдается такая же картина. Для примера возьмем дериват *кофейница*. Значения «емкость для хранения *кофе*», «любительница *кофе*» мотивированы существительным, в то время как значения «мельница для *кофе*» / «*кофейная* мельница», а также «гадалка на *кофейной* гуще» / «гадалка на *кофе*» равно могут быть мотивированы как прилагательным, так и существительным.

В слове *грибница* лексико-семантические варианты «женщина, собирающая *грибы*», «теплица для выращивания *грибов*», «вегетативное тело *гриба*» мотивированы существительными, в то время как это же слово в значении «*грибная* похлебка» / «*похлебка из грибов*» – прилагательным или существительным.

Таким образом, полимотивацию можно рассматривать как источник развития словообразовательной ниши.

Новый, когнитивный подход к проблеме полимотивации разработал П. А. Катышев.

Исследователь считает необходимым уравнивать в правах на полимотивированность единицы, традиционно принадлежащие к категории полимотиватов, и производные, в значении которых одно и то же производящее репрезентирует разные глубинные суждения (пропозиции), либо выступает в разных синтаксических функциях в одной и той же пропозиции [6]. При традиционном подходе такие производные оказываются за рамками категории полимотивации, потому что в качестве мотивирующего выступает одно слово. Исследователь рассматривает полимотивацию как стратегию речемыслительной деятельности индивида, говорит о том влиянии, «которое оказывает языковой знак на процессы мыслительной деятельности субъекта» [там же, с. 193].

Чтобы раскрыть, каким образом полимотивация преломляется через сознание носителей языка, нами был проведен психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие студенты в возрасте от 18 до 22 лет (всего 30 человек).

Для эксперимента нами были отобраны наименования лиц с формантами –ник и –ниц/а/, где подобный вид полимотивации встречается наиболее часто. Испытуемым было предложено письменно ответить: *Почему человека так называют? Что лежит в основе названия? Пример: шляпница изготавливает шляпки и продает их.*

Результаты психолингвистического эксперимента отразились в следующих высказываниях:

Литература

1. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы: дис. ... д-ра филол. наук / Л. А. Араева. – М., 1994.
2. Араева, Л. А. Словообразовательный тип / Л. А. Араева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 272 с.
3. Виноградов, В. В. Вопросы современного русского словообразования / В. В. Виноградов // Русский язык в школе. – 1951. – № 2.
4. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992.

– *булочник* – это пекарь, он печет булки, а если это мини-пекарня, то и продает их;

– *лодочник* – это человек, у которого есть лодка, хозяин лодки; он перевозит на ней людей через реку, работает на ней;

– *цветочница* – это женщина, которая любит цветы и разводит их; девушки-продавщицы в цветочных киосках – тоже цветочницы;

– *ягодник* – человек, который любит ягоды, ходит в лес собирать ягоды; на рынке люди торгуют ягодами, в саду или в лесу собирают и продают;

– *ларечник* – хозяин ларька, человек, который торгует в ларьке, киосочник.

Поскольку испытуемым предлагались знакомые слова, в их сознании возникло множество определенных образов, которые и были описаны через разнообразные пропозициональные структуры. В данном случае полимотивированность дериватов приводит к их многозначности.

Так, дериват *булочник* объективирует одновременно фреймы «Приготовление пищи», с пропозициональной структурой «субъект – действие – результат» и «Торговля» – «субъект – действие – объект». Подобно данной лексеме, одновременно могут входить в эти два фрейма такие слова, как *калачник*, *пирожник*, *колбасник* и др. Производное *ягодник* включается во фреймы «Сбор даров природы» и «Торговля». Приведенное выше производное *шляпница* объективируется фреймами «Изготовление одежды и обуви» и «Торговля», как и такие дериваты, как *шапочница*, *чулочница*.

Помимо включенных в эксперимент слов, можно привести немало примеров. Так, *пасечник* – это человек, который владеет пасекой (субъект – действие – объект) и работает на ней (субъект – действие – место); *соколятник* – это человек, который обучает ловчую птицу (субъект – действие – объект) и охотится с ней (субъект – действие – средство).

П. А. Катышев считает явление множественной мотивации процессом, который обеспечивает «гибкое функционирование производного слова в дискурсе» [5, с. 14]. Человек осмысляет окружающий мир и актуализирует множество смыслов в речемыслительной деятельности.

В данной статье мы рассмотрели различные виды полимотивации в пределах словообразовательных ниш с суффиксами –ник и –ниц/а/. В то время как полимотивация через синтаксическую деривацию является источником развития словообразовательной ниши, множественная мотивация одним словом, но через различные пропозициональные структуры развивает многозначность слова, проявляя особенности мышления человека.

5. Катышев, П. А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы / П. А. Катышев. – Томск, 2001. – 128 с.
6. Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / П. А. Катышев. – Томск, 2005. – 260 с.
7. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.

Словари

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997.
2. Словарь русского языка: в 20 т. – М.: Русский язык, 2000.
3. Словарь языка современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. – М., 2003.

Информация об авторе:

Гришина Надежда Викторовна – соискатель кафедры стилистики и риторики КемГУ, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков, филиал ОмГПУ в г. Таре, 8 905 0985865, grishinanv@rambler.ru.
Grishina Nadezhda Viktorovna – post-graduate student at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU, senior lecturer at the Department of Russian and Foreign Languages of the Tara Branch of Omsk State Pedagogical University.

УДК 811.11

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК КОНЦЕПТА *FAMILIE* ПОСРЕДСТВОМ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ МЕТАФОР

Г. А. Гуняшова

THE INTERPRETATION OF AXIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT *FAMILY* THROUGH ACTIVITY-CONCEPTUAL METAPHORS

G. A. Gunyashova

Предметом исследования в данной статье является один из способов концептуализации и категоризации семейной сферы – акциональный культурный код концепта *FAMILIE*, объективируемый в языке через различные деятельностные метафоры. Анализируются наиболее продуктивные концептуальные метафоры, отражающие комплекс ценностных смыслов, приписываемых концепту в немецкой культуре, и его этнокультурное своеобразие.

The subject of research in the article is one of the ways of conceptualizing and categorizing of the family sphere – the actional cultural code of the concept *FAMILY* objectivized in a language through different activity metaphors. The most productive conceptual metaphors, reflecting the value senses that are linked to the concept in the German culture and its ethnocultural peculiarity, are analyzed.

Ключевые слова: лингвокультурология, концептуализация, концепт, языковая картина мира, дискурс, концептуальная метафора, культурный код.

Keywords: linguoculturology, conceptualization, concept, linguistic picture of the world, discourse, conceptual metaphors, cultural code.

Исследование синтагматических связей номинантов концепта, контекстуальный анализ позволяют выявить и описать способы переосмысления языковых единиц, объективирующих концепт. Один из способов – выражение концепта посредством метафоры. Признание того факта, что метафора играет основополагающую роль в концептуализации реальности, составляет суть когнитивной концепции метафоры. Являясь орудием мышления и познания мира, она отражает также фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном мировидении [3, с. 91]. Термин «концептуальная метафора» был введен в научное описание Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Учёные суть метафоры определяют

как «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [2, с. 25]. В структуре концептуальной метафоры выделяют область-источник (исходная сфера) и область-цель (конечная сфера). Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, и получили название концептуальных метафор [1, с. 11]. В теории концептуальной метафоры важное место занимает понятие метафорического моделирования. А. П. Чудинов пишет о том, что «метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует» [4, с. 31].

Метафора является, таким образом, важнейшим культурным кодом, способом и средством получения нового знания о действительности путём переосмысления одной сферы в терминах другой.

Предметом исследования в данной статье является один из способов концептуализации и категоризации семейной сферы – акциональный культурный код концепта FAMILIE, объективируемый в языке через различные концептуальные метафоры, областью-источником которых являются различные виды человеческой деятельности, зафиксированные в физическом и культурном опыте немецкого этноса. Материалом исследования послужили разнотипные языковые единицы вторичной номинации, репрезентирующие концепт FAMILIE в нормативном (далее – НД) и публицистическом (далее – ПД) дискурсах. Акциональный культурный код концепта FAMILIE актуализирует один из важнейших базовых сегментов этого многоаспектного явления – совместное проживание членов семьи / Zusammenleben. Процесс семейной жизни / Zusammenleben в представлениях немецкого этноса динамичен, протекает во времени и пространстве и концептуализируется различными видами деятельности: сосуществование, проживание с кем-то, ведение хозяйства, налаживание быта и отношений внутри семейного коллектива, рождение и воспитание детей и т. д. Осмысление процесса семейной жизни происходит через целый ряд акциональных метафор, которые легко выделяются и категоризируются в метафорические модели. Рассмотрим эти модели.

1. FAMILIE – Gründung / Aufbau (семья – создание / строительство). Создание семьи ассоциируется в немецкой ЯКМ с созидательной деятельностью, вербальным признаком которой являются глаголы и существительные со значением созидания: eine Familie gründen (Familiengründung), bilden (Bildung einer Familie) [8, с. 1 – 10]. Выстраивание отношений в семье уподобляется строительству и описывается строительной лексикой: aufbauen, zusammenbauen, wiederherstellen, Baustelle, Vollendung [6, с. 23]. Одна из самых важных культурно значимых ценностей семьи для немецкого этноса – её сплочённость – актуализируется через строительную метафору ‘склеивания, сваривания, цементирования’: ... Ernährer-Ehe zu zementieren versucht [5, с. 86]. Семье порой не хватает цементирующих, склеивающих средств: in dieser Ehe fehlt der Kleister [8]. Семья-здание требует в этом случае ремонта, восстановления: Familie ist ein Sanierungsfall [12, с. 70]. Семья – это трудная работа, на которую осознанно решаются, это итог напряжённой работы и требует дисциплины: ... das ist harte Arbeit und erfordert viel Disziplin [14, с. 51]. Для немецкого языкового сознания эта созидательная деятельность является, прежде всего, результатом совместных усилий: ... soll dann das große Gemeinschaftswerk werden [12, с. 90].

Создание семьи, гармоничных супружеских отношений может уподобляться действиям по созданию произведения искусств, например, музыкального, в котором отдельные мелодии, ноты сливаются в гар-

моничные созвучия: Jede Familie hat ihre eigene Choreografie. ... Den ersten Takt ... geben die Eltern vor – die wiederum Grundnoten aus ihrem eigenen Familienuntergrund mitbringen. Jedes Kind sucht sich seine Lücke im Gesamtkunstwerk – und ergänzt es damit [11, с. 16]; или передаваться метафорой создания скульптурного шедевра: Als Gegenmodell empfehlen Paartherapeuten die Haltung Michelangelos: Die Figur stecke immer schon im groben Stein, er lege sie nur frei [12, с. 90].

2. FAMILIE – Weg / Reise (семья – путь / путешествие). Семья описывается метафорой пути, вербальными признаками которой являются глаголы движения и существительные со значением пути, движения. В семью приходят: eine Ehe eingehen; eintreten [8]; возвращаются: in die Familie zurückkehren [15, с. 43]; расстояние до неё измеряется шагами: sieben Schritte zur neuen Familie [7, с. 17]. Создание семьи осмысляется как совместный шаг пары, как путь вдвоём: der gemeinsame Weg, den man miteinander beschritten hat [15, с. 45]. Показательны в этом смысле обозначения людей, с которыми живут, спутниками, попутчиками – лексемы Lebensgefährte, -in [8]. Отказ от долгосрочных союзов закрепляется в языке лексемой Lebensabschnittsgefährte – спутник периода жизни, спутники жизни могут меняться.

Жизнь человека издавна ассоциировалась с путешествием, с плаванием по морю. И в немецкой языковой картине мира (далее – ЯКМ) создание семьи описывается также морским путешествием, заканчивающимся тихой, безопасной гаванью: den Hafen der Ehe ansteuern; in den Hafen der Ehe einlaufen [8].

Семья в представлениях немецкого этноса ассоциируется также с домом, родиной. Измены в семейных отношениях уподобляются путешествию в чужую страну: fremdgehen; ‘прыжку в сторону’: Seitensprung [8]. Разлад в отношениях супругов может осмысляться как тупик: ‘Sackgasse’, ‘eingefahrene Ehe’ [15, с. 64]. Новые тенденции развития семьи (спад рождаемости как результат осознанного отказа от детей) передаёт метафора пути человека в будущее без семьи (детей), семья остаётся на обочине: Nur logisch, dass dabei einiges auf der Strecke bleibt. Eben die Familie [9, с. 78].

3. FAMILIE – Krieg (семья – война). Отдельные этапы семейной жизни актуализируют признаки войны. Это, прежде всего, касается актуализации межличностных отношений внутри семьи: конфликтов между супругами или родителями и детьми. Показательны лексемы Kleinkrieg в значении: dauernder Streit um Kleinigkeiten, ständige Reibereien [8]; Rosenkrieg в значении особо жестокая борьба [8]. Ситуации развода, раздела имущества, детей описываются через основные понятия и сценарии войны: ‘Kampf’, ‘Front’, ‘Frieden’, ‘Waffen’, ‘Sieg’, ‘Niederlage’, ‘Gegner’, ‘Feind’, ‘Grenzenüberschreitungen’, ‘schießen’ и т. д. В терминах войны описываются и отношения в сообществе родственников: Millie und Tante Linchen ... beide mit der Familie auf Kriegsfuß (Lentz, Muckefuck, 326) [8]; и отношение общества к семье как определённой

регламентируемой общественными ценностями совместной формы жизни людей на разных этапах его развития: der Krieg um die Familie war entbrannt; Verteidigung der bürgerlichen Familie; ... ein neuer Kreuzzug, der „Familienwerte“ beschwört [6, с. 9].

4. FAMILIE – Spiel (семья – игра). Семья, семейная жизнь ассоциируется в немецкой лингвокультуре также с игрой: Die guten alten Tugenden kehren zurück und sollen das Familienspiel entscheiden [11, с. 42]. Очень важна в семейной жизни-игре сыгранность игроков – членов семьи: Die Partner spielen sich aufeinander ein [12, с. 13]. Организация семейной жизни актуализируется в немецкой ЯКМ через такие важные составляющие любой игровой деятельности как распределение ролей и правил игры: klassische Rollenverteilung in der Familie [6, с. 37]. Подчеркивается, что в каждой семье свои правила, признак ‘правила’ самый частотный, когда идёт речь об успешной организации семейной жизни. Семейная жизнь описывается различными видами игр: игрой в карты, настольными играми с кубиком: Dabei war es ja eine recht zusammengewürfelte Familie, eher eine Kommune (Ernu, Kellerkneipe 157) [8]; составление пазл-картинок: „Eltern-Kinder-Puzzle“ [6, с. 17]. Обозначение современной формы ‘лоскутной’ семьи (Patchworkfamilie) через вышеназванные метафоры актуализирует такие признаки игры как ‘случайность и воля судьбы’. В такой семье действуют другие правила: объединение частей в единое гармоничное целое означает выигрыш: Gewonnen! Aus dem „Flickwerk“ ist eine intakte Patchwork-Familie entstanden [7, с. 17], т. е. главный смысл семьи для немецкого языкового сознания в её сплочённости и единении.

5. FAMILIE – Theater (семья – театр). Композиты Familiendrama, Familientragödie, Familienrolle, Familienspiel [8], а также выявленные в исследовательском материале примеры: ... dass die Familie, ..., die kleine Bühne des großen Lebens ist [10, с. 13]; Die Darstellung soll darauf hinweisen, wie die Ehe ein Drama in verschiedenen Akten ist, ein Drama voller Spannung, voller Glück und Unglück... [15, с. 46] – позволяют интерпретировать концепт FAMILIE через метафору театра, театрального действия.

6. FAMILIE – Unternehmen (семья – экономическое предприятие). Семья часто (особенно это характерно для ПД) представляется предприятием (экономическим), функционирование которого требует определённых действий и концептуализируется через признаки и лексику рыночной экономики: organisieren, managen, funktionieren, Stabilität, stabile Familie, Krise, Familienplanung, durchgeplante Familie, Monopol, investieren, Gewinn, Konkurrenz, kalkulieren, Balans, Aufstieg und Abstieg, Partner gewinnen, hoch im Kurs stehen, Familienbudget и т. д. Члены семьи номинируются в ПД обозначениями профессиональных должностей и позиций: ‘der große Boß’; ‘die Topmanagerin’; ‘die Familienmanagerin’; ‘Geschäftsführerin der Familie’ [10, с. 128].

Организация семейной жизни описывается метафорой менеджмента промышленного предприятия: das Familienmanagement. Примечательно, что вот уже четыре года в Германии проходит инициатива под названием „Familien-Managerin des Jahres“. Победитель конкурса награждается орденом Федеративной Республики Германии за заслуги в организации семейной работы, что является общественным признанием семейного труда. Семья-предприятие актуализирует признаки производства продукции: ‘продукция’ – самоотверженность, альтруизм, умение делиться – превращает её в ‘фабрику по выживанию’: Familien erweisen sich ... als „Überlebensfabriken“. Sie produzieren Altruismus [13, с. 85].

7. FAMILIE – Staat (семья – государство). Семья актуализирует признаки государственности, геральдических символов, объективирующихся в языке лексемами Familienwappen, Wappentier: Über dem Eingangstor zum Palast thront das Familienwappen; der Falke ist das Wappentier der Familie [8].

Семья предстаёт также в образе государственной деятельности: в семье-государстве членам семьи приписываются различные государственные функции и действия: Finanzminister der Familie [16, с. 38]; Oberhaupt der Familie [8]; ... wo der Mann quasi das Außenministerium, die Frau das Innenministerium der Familie übernimmt [15, с. 25]; ‘die Politikerin’ [10, с. 161]. Здесь часто происходит, как в любом государстве, борьба за власть. Семья может актуализировать различные формы государственного правления: Demokratie in der Familie [6, с. 54]. Семейные отношения между родителями и взрослыми детьми, отдельно живущими, могут описываться сценарием межгосударственной дипломатической деятельности, имеющей цель сохранения мира и спокойствия. Семья осмысливается в общественно-политической деятельности социума как политическая сила, партия, у которой нет лобби в законодательных органах: Die Familie hat keine Lobby [16, с. 40]; как ‘потенциал голосов’, о котором вспоминают только к выборам, а потом забывают.

8. FAMILIE – Schule (семья – школа). Семья в немецкой ЯКМ описывается концептуальной метафорой образовательного учреждения, процесса обучения. Семья, её члены выступают в роли учеников, родители обучаются азам семейной жизни: ... wie sie Eltern das Einmaleins des Familienlebens beibringen versuchte [14, с. 44]; рождение и воспитание детей осмысливается родителями как экзамен, испытание: Das Paar muß lernen, wieder ohne Kinder zu leben [10, с. 88]. Испытанием для пары становятся конфликты, ссоры: Ein banaler Konflikt – und doch eine der Zerreißproben moderner Ehe [12, с. 92]. Семья ищет правильные решения, в процессе обучения накапливается опыт, достигается зрелость: Das geht nicht ohne Konflikte ab. Aber nur durch deren Lösung ist Reifung möglich [10, с. 92]. Как в школе, здесь прогуливают занятия: Ein Mann, der seine Ehe schwänzt, geht fremd, solange er noch Saft hat (Bieler, Mädchenkrieg 433) [8]. Главный учебный материал для детей – это усвоение знаний, ценностей и норм, необходимых для становления

личности в обществе, семья учит ответственности, самопожертвованию, взаимопомощи, учит межличностному общению: Das Grundbesteck aus Geben und Nehmen, aus Verantwortung, Selbstaufopferung und Hilfe lässt sich nur in der Familie lernen [9, с. 80]; семья ‘тренирует’ чувства: Die Familie ist ein Trainingsgelände für Gefühle, für Nächstenliebe, und das verwaist zusehends? [9, с. 81]. Без семьи-школы общество разучится любви, разучится общению с детьми: ohne Familie verlernt die Gesellschaftschicht weg die Liebe; Das heißt im Klartext, dass unsere Gesellschaft dabei ist, den Umgang mit Kindern zu verlernen [13, с. 76]; общество живёт уроками семьи: Aber der Staat bedient sich der Lektionen, die aus der Familie kommen [9, с. 86].

8. **FAMILIE – Experiment (семья – эксперимент).** Новые исторические реалии рожают новый опыт и новое понимание совместных форм жизни. Жизнь современного человека всё больше напоминает ‘индивидуальный проект’ – das Leben als Planungsprojekt [6, с. 58]. Планирование, расчёт, мобильность, стратегии минимизации возможных рисков становятся новыми ценностными ориентирами современного индивидуалистического общества. Меняется жизнь людей, меняются и формы их совместной жизни. Жизнь – проект допускает эксперименты, пробы, в языке появляются и закрепляются метафорические выражения: ‘die Partnerschaft, die Ehe proben’, ‘Ehe auf Probe’, ‘Elternschaft planen’ и даже ‘Schwangerschaft auf Probe’ [6, с. 123].

Выявленные метафорические модели представлены в следующей таблице.

Метафорические модели	НД	ПД
Семья – созидание (строительство)	7	16
Семья – путь, путешествие	22	25
Семья – война, военные действия	9	19
Семья – игра	11	37
Семья – театр	7	8
Семья – экономическое предприятие	2	43
Семья – государство	8	12
Семья – школа	3	19
Семья – эксперимент		9
Итого	69	188

Литература

1. Баранов, А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя / А. Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
4. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
5. Baumgarten, S. Ich bin glücklich / S. Baumgarten // Bella. – 2006. – № 29.
6. Beck-Gernsheim, E. Was kommt nach der Familie / E. Beck-Gernsheim. – München: Beck, 2000. – 196 s.
7. Deine, meine, unsere Kinder // ELTERN for family. – 2005. – № 11.
8. Duden. Das grosse Woerterbuch der deutschen Sprache – 2000. In zehn Baenden [elektronische Version]. – Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut Duden Verlag, 2000.

Большая разница в количественной представленности деятельностных концептуальных метафор (в НД – 69 примеров, в ПД – 188 примеров) объясняется, с одной стороны, их наполняемостью в ПД новыми концептуальными признаками, с другой – новыми тенденциями социально-экономического и культурного развития общества, что рождает новый опыт, новое осмысление форм совместной жизни.

Таким образом, деятельностные метафоры отражают представления немецкого этноса о семье как о сложном динамическом процессе, основу которого составляют различные виды деятельности, концептуализируемые в терминах пути, созидания, войны, экономического предприятия, игры, театра, государственной деятельности, школы и эксперимента. Концептуальные метафоры репрезентируют культурно значимые смыслы семьи для немецкого этноса: создание и функционирование гармоничной семьи – итог напряжённой созидательной деятельности, работы, совместных усилий всех членов этой малой социальной группы, успех семьи в её сплочённости, умении организовать функционирование семьи во внутреннем и внешнем социуме. Их своеобразная образность отражает этноспецифичность немецкого концепта и специфику выраженных языковыми средствами ценностей культуры. Во многом это универсальные для европейской культуры области концептуализации семьи, но особая немецкая образность, вербальная наполненность метафорических моделей становится маркером этнокультурной специфики.

Для ПД метафоры ‘семья – игра’, ‘семья – экономическое предприятие’ самые частотные, они отражают, с одной стороны, новые современные тенденции осмысления семьи, с другой – являются отражением традиционных для немцев ценностей: любви и стремлению к порядку, отрицанию стихийности и неуправляемости процессов, стремлению упорядочить, отрегулировать, проконтролировать (игра, как известно, предусматривает правила, предприятие – чёткую организацию).

9. Gattenburg, A. Unter Wölfen / A. Gattenburg, M. Matusse, M. Wolf // Spiegel. – 2006. – № 10. – 6. März.
10. Papstein, P. von. So finden wir die Kinderbetreuung, die zu uns paßt / P. von Papstein, H. Zimmermann-Seitz. – Düsseldorf; Wien: ECON Taschenbuch Verlag GmbH, 1996. – 361 s.
11. Report der Woche // Lisa. – 2005. – № 15.
12. Sehnsucht nach ewiger Liebe // Stern. – 2005. – № 24. – 9 Juni.
13. Spiegel-Gespräch mit F. Schirmacher. Wir wurden umprogrammiert // Der Spiegel. – 2006. – № 10. – 6 März.
14. Wegner, T. Ernstfall Scheidung / T. Wegner, A. Griesch // Focus. – 2006. – № 1. – 2 Januar.
15. Willi Jürg. Die Zweierbeziehung. – Hamburg: Rowolt Taschenbuch Verlag, 2004. – 290 s.
16. Woher komme ich? Das Familienheft // Fluter. – 2003. – № 6.

Информация об авторе:

Гуняшова Галина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 89235100536, gunjaschowa@mail.ru.

Gunyashova Galina Anatolievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of German Philology of KemSU.

УДК 808.5

ЛЕГЕВФЕМИЗМ КАК ТАКТИКА УХОДА ОТ ПРАВОВЫХ РИСКОВ В НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ

А. Р. Дегтярёва, М. А. Осадчий

LEGEUPHEMISMS AS A TACTICS OF LEGAL RISK AVOIDANCE IN NEWS INTERNET MEDIA

A. R. Degtyareva, M. A. Osadchiy

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 113400324a2).

Легевфемизм рассматривается как частный случай эвфемии, направленной на минимизацию правовых рисков в публичной коммуникации. В исследовании особое внимание уделено правовому риску как одной из активных детерминант развития эвфемии в публичной коммуникации современной России. Легевфемизм (правовой эвфемизм) является объектом эвфемологии, поскольку является номинацией, позволяющей говорящему минимизировать риск правовой ответственности. Легевфемизм целесообразно понимать как номинацию любого объема и семиотического статуса: слово, словосочетание, предложение. Легевфемия может реализоваться на лексическом, стилистическом и композиционном уровне. В ходе исследования выделены такие типы легевфемизмов, как синтетические и аналитические.

A euphemism is a less risky nomination, replacing a more risky one in the speech. The research focuses on the legal risk as an active determinant of euphemy development in public communication in modern Russia. A legeuphemism (legal euphemism) is an object of euphemology, as it is a nomination, allowing the speaker to minimize the risk of legal liability. A legeuphemism should be understood as a nomination of any scale and semiotic status: word, phrase or sentence. Legeuphemisms can be used at the lexical, stylistic and compositional level. In the current research two types of legeuphemisms are described – synthetic and analytic ones.

Ключевые слова: эвфемизм, легевфемизм, риски, публичная коммуникация.

Keywords: euphemism, legeuphemism, risk, public communication.

В современной эвфемологии принято считать, что эвфемизм – это корректная лексическая единица, подменяющая в речи некорректную лексическую единицу, «улучшающая» денотат. Однако при первом же подробном рассмотрении категория корректности, обобщающая родственные оппозиции этичный / неэтичный, обидный/необидный, приличный / неприличный, не удовлетворяет понятию эвфемизма в его полном современном функционировании. Так, лексические оппозиции *умер / уснул*, *ФСБ / компетентные органы*, *наказать / сделать оргвыводы* нельзя рассматривать в пропорции к оппозиции корректный /

некорректный. Такого рода эвфемизмы в принципе не соотносятся с категорией этики.

Категория этики не является для эвфемии имманентной. Первичные эвфемизмы-дэизмы, заменяющие номинации богов, тотемов, демонов, атрибутов культа, а также номинации смерти, основаны на категории риска. Прямые номинации были запретны не в силу их некорректности (обидности, неприличности), а в силу опасности. Таким образом, подменные номинации как лексический класс возникли под влиянием коммуникативной стратегии ухода от риска. Коммуникативная стратегия стремления к корректности,

этичности включилась в процесс формирования эвфемии на позднейших стадиях развития лексики.

Коммуникативные стратегии ухода от риска и стремления к корректности являются, в известной степени, противоположными. Уход от риска – это стратегия, основанная на адресантоцентризме, стремлении говорящего обеспечить свою собственную безопасность. Стремление к корректности – это стратегия, основанная на адресатоцентризме, желании говорящего не навредить слушающему или предмету речи, не смутить окружающих, не поставить их в неловкое положение.

Определение эвфемизма требует уточнения. Можно предположить, что эвфемизм – это менее рискованная номинация, заменяющая в речи более рискованную. При этом особого исследования заслуживает типология рисков, осознание которых носителем языка и языковым коллективом в целом приводит к развитию эвфемии.

В исследовании особое внимание уделено правовому риску как одной из активных детерминант развития эвфемии в публичной коммуникации современной России. В современном обществе публичная речевая деятельность является сферой риска: велика опасность нанести вред государству, ущемить права и свободы другого гражданина, нанести урон активам предприятия, что неминуемо влечет за собой как административную, гражданскую, так и уголовную ответственность. Осознание языковыми носителями публичной речевой коммуникации как сферы риска приводит к формированию в языковой культуре отдельных носителей языка и целых языковых сообществ алгоритмов легального речевого поведения, включающих формулы ухода от правовых рисков. Легевфемизм (правовой эвфемизм) является объектом эвфемологии, поскольку является номинацией, позволяющей говорящему минимизировать риск правовой ответственности. Легевфемизм целесообразно понимать как номинацию любого объема и семиотического статуса: слово, словосочетание, предложение. Легевфемия может реализоваться на лексическом, стилистическом и композиционном уровне.

В ходе исследования публичной устной и письменной коммуникации установлены типовые формулы ухода от правового риска и их частотность. Исследование проводилось в течение 2011 года.

Формула № 1 – «Манифестация субъективности», занимает лидирующую позицию – порядка 43 % от общего числа зафиксированных случаев. В качестве примеров реализации данной формулы можно привести следующие высказывания: *«Мне все больше кажется, что менеджмент ведет компанию к банкротству»* вместо *«Менеджмент ведет компанию в банкротству»*. Элемент «мне все больше кажется» формально указывает на субъективность, гипотетичность сообщаемой информации, что снижает риски правовой ответственности. Хотя стиль, интонация и контекст позволяют адресату речи понять, что элемент «мне все больше кажется» является лишь маской говорящего, попыткой себя обезопасить. Фактически же оратор хорошо разбирается в проблеме, о которой говорит, и полностью уверен в сообщаемом факте.

Формула № 2 – «Затемнение денотата», реализуется в 22 % случаев. В качестве примера можно привести высказывание *«Всем нам хорошо известный депутат шел на выборы с лживыми обещаниями»*. Элемент *«Всем нам хорошо известный»* является затемненным указанием на денотат. Отсутствие в высказывании прямого указания на характеризуемое лицо является гарантией безопасности оратора. При этом люди, присутствующие на пресс-конференции, хорошо поняли, о ком говорит оратор.

Формула № 3 – «Разорванная предикация», реализуется в 18 % случаев. Суть данной формулы сводится к тому, что субъект и предикат, которые составляют в интенции говорящего единство, разводятся по разным высказываниям: *«Сегодня многие строительные компании не могут выполнять свои обязательства перед кредиторами. Компания «СтройИнвест» давно должна стать объектом пристального внимания»*. Из контекста ясно, что говорящий имел в виду, что компания «СтройИнвест» не может выполнять своих обязательств перед кредиторами. Однако предикат «не может выполнять обязательств» и субъект «компания СтройИнвест» разведены по двум разным предложениям, которые являются самостоятельными. В этом случае компании СтройИнвест потребуется долго доказывать в суде, что информация о том, что компании не могут выполнять своих обязательств, относится именно к ней. Суд будет рассматривать это как спорный и неоднозначный момент.

Формула № 4 – «Ссылка на непроверяемый источник», реализуется в 17 % случаев. Примером могут служить высказывания с элементами *«Всем известно, что...»*, *«Не раз приходилось слышать о том, что...»*, *«Никто не будет спорить, что...»*. Такого рода ссылки невозможно проверить, однако сам факт наличия ссылки формально делает критическое высказывание более безопасным с точки зрения правовой ответственности за сказанное.

Осознание того, что речевая коммуникация является полем правовых отношений, становится массовым. Опросы показали, что 80 % носителей русского языка осознают, что за критические высказывания в адрес людей или компаний может наступить правовая ответственность в связи с ущербом репутации. Умение намеренно уходить от правовой опасности в публичной речи становится важной составляющей коммуникативной компетенции современных носителей языка. Таким образом, в алгоритмах речевого поведения формируется особая зона интенций, которые систематически влияют на стиль, лексику и грамматику речи.

На сегодняшний день в лингвистике нет единого подхода к классификации эвфемизмов. Насчитываются десятки классификаций, типы которых варьируются в зависимости от аспекта, положенного в основу: уровневая и лексико-семантическая классификация [3, 5, 7, 9]; мотивационная классификация [1, 2, 5, 9]; классификация по степени сложности зашифровки [6]; морфологическая классификация [5].

Предпосылки функционального рассмотрения эвфемизмов в общем виде представлены в работах

М. Л. Ковшовой, которые рассматривают природу эвфемизмов с точки зрения коммуникативных функций, выполняемых данными единицами [4]. При рассмотрении эвфемизмов с функциональных позиций мы выделяем в модели зону говорящего и слушающего, посылы и реакции которых должны быть взаимными при различии коммуникативных стратегий и тактик.

Каждый из участников коммуникации реализует специфический комплекс стратегий: говорящий / пишущий, использующий в речи легевфемизмы, стремится замаскировать, сгладить конфликтогенное высказывание с целью минимизировать возможную правовую ответственность; при этом в речи одновременно реализуется побочная стратегия, состоящая в стремлении строить маскирующее высказывание таким образом, чтобы слушающий/читающий без труда смог пробиться сквозь заслоны эвфемии и понять истинный смысл, который вложен говорящим. Борьба этих двух стратегий (маскирующей и подсказывающей, скрывающей и приоткрывающей, затемняющей и подсвечивающей) составляет суть коммуникативного напряжения в публичной коммуникации. Стратегия слушающего/читающего состоит в стремлении декодировать высказывание, в котором использован легевфемизм, актуализируя фоновые знания для «вычленения» эвфемистических замен на основе языковой игры, прецедентной базы и реминисценций.

Обобщив исследованный материал, мы разработали классификацию легевфемизмов, в которой учтены направления тактико-стратегического взаимодействия говорящего и слушающего в ходе публичной коммуникации.

Функциональная классификация легевфемизмов с позиции говорящего:

Синтетические легевфемизмы (*вся эта история производит впечатление крайней непрозрачности вместо является обманом; используя свои ресурсы, риелтор заставляла людей расставаться с квартирами вместо совершала незаконные сделки с недвижимостью, используя угрозы и давление в отношении собственников*) – легевфемизмы данного типа представляют собой высказывание, в котором рискованная часть полностью заменена на риторически обработанную формулировку (метафору, намек).

Аналитические легевфемизмы (*есть основания полагать, что деньги были попросту украдены; бывший директор намеренно довел предприятие до банкротства, но это лишь мое мнение*) – легевфемизмы данного типа представляют собой двучастное высказывание, в котором рискованная часть выражена прямо, но снабжена добавочным компонентом, нейтрализующим потенциальный риск.

Функциональная классификация легевфемизмов с позиции слушающего:

По способу корреляции между языковым знаком и денотатом:

Непрозрачные (*разные поведенческие стереотипы вместо межнациональная рознь*) – декодирование легевфемизмов данного типа является слабо прогнозируемым, основанным на широком ассоциативном поле.

Прозрачные (*«обогатился» на политзаключенных вместо незаконно получил доход*) – декодирование легевфемизмов данного типа является легко прогнозируемым, основанным на нормативных значениях и узусных сочетаемостях компонентов.

По типу герменевтической опоры:

Прецедентные (*у них в ресторане авгиевы конюшни вместо грязно*);

Непрецедентные (*в обществе перечеркнута надежда на мирную революцию, возможно, есть необходимость в решительных действиях с использованием чего-то менее демократичного*).

Данные классификации коррелируют между собой, отражая компоненты коммуникативного акта – зоны адресата и адресанта, посылы и реакции которых являются взаимными.

В качестве материала исследования избраны российские новостные Интернет-издания «Lenta.ru» и радио «Свобода». В период за сентябрь–ноябрь 2011 года в данных СМИ зарегистрировано 167 случаев использования легевфемизмов.

Аналитический тип легевфемизмов, представленный по шкале слушающего как **прозрачный, непрецедентный**, реализован в следующем типе высказывания: *«Депутаты отдельно попросили поручить проверку "ответственным работникам центрального аппарата" МВД и СК, так как есть основания полагать, что проверки, проведенные на местах, не будут объективными и всесторонними»*. Легевфемичная конструкция содержит конфликтогенную часть, выраженную прямо, нарочито заостренно (*«проверки, проведенные на местах, не будут объективными и всесторонними»*), и нейтрализующую часть, позволяющую автору избежать правовой ответственности за распространение порочащей информации (*«есть основания полагать»*). Нейтрализующая часть, введенная в ироническом контексте, указывает не на наличие у автора сомнений, а – напротив – на уверенность автора в передаваемой информации. Использование нейтрализатора позволяет автору подчеркнуть, что передаваемая информация настолько негативна, что требуются меры предосторожности. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: использование вводных конструкций со значением гипотетичности, неуверенности в качестве нейтрализаторов в составе легевфемизма трансформирует их семантику вплоть до обратного по смыслу прочтения.

Данную гипотезу можно подтвердить еще одним примером из Lenta.ru – *«Проблема безопасности журналистов ужасает. Однако не секрет, что существуют "желтые" журналисты, которые работают на определенных людей и льют грязь на конкурентов своих работодателей. В случае чего – эти люди прячутся за громкими лозунгами о свободе слова, праве на журналистскую неприкосновенность»*. Автор данной фразы, использует в пределах одного высказывания одновременно два типа легевфемизма – синтетический и аналитический. Синтетический легевфемизм при помощи эпитета и метафоры маскирует содержание, делает эго экспрессивным и нефактологичным, сохраняя при этом негативную основу. При помощи эпитета «желтые журналисты» охарактеризована ос-

новая форма проявления некачественной журналистики – заказные статьи, которые сообщают ложные сведения о заказных лицах. Метафора «льют грязь на конкурентов своих работодателей» экспрессивно и нечетко указывает на недобросовестность в профессиональной деятельности. Нейтрализатор «однако не секрет» снимает с автора ответственность и риск быть привлеченным к ответственности.

Синтетические легевфемизмы в исследованном материале преобладают на фоне аналитических в пропорции 137/30. Это связано с тем, что в данном типе легевфемизмов потенциальная конфликтогенная часть выражена с помощью заранее проработанного, намеренно подобранного автором риторического приема. Например, во фразе *«Песков отреагировал на заявление Маккейна о том, что смерть ливийского лидера Муаммара Каддафи – повод "начать нервничать" для диктаторов»* автор заменяет рискованное прямое значение – «бояться за свою жизнь» экспрессивной метонимией – повод «начать нервничать». Автор эффективно решает две задачи: *суггестивную* – воздействуя на слушающего/читающего посредством экспрессивной, но нечеткой по смыслу метонимии, и *правовую* – исключая возможность быть наказанным за распространение ложных фактов. Данный тип **синтетического легевфемизма** с позиции слушающего является **непрецедентным, непрозрачным** и по количеству зарегистрированных типов семантической сочетаемости является наиболее частотным (65 – «Lenta.ru» / 55 – радио «Свобода»).

Синтетический, прозрачный, прецедентный легевфемизм реализован в следующем высказывании: *«Начальника камчатской почты посадили за то, что он принял на работу "мертвые души"»*. Данный тип легевфемистической замены был зарегистрирован в единичных случаях (1 – «Lenta.ru» / 2 – радио «Свобода»). Для понимания данного высказывания читатель должен актуализировать в своем интерпретативном поле известный сюжет. При этом фактически большая часть негативного смысла остается невыраженной, снижая правовые риски, однако общеизвестность прецедентного текста оставляет высказывание в целом прозрачным для понимания.

Синтетические, непрозрачные, прецедентные легевфемизмы не могут быть легко прочитаны слушающим, декодирование легевфемизмов данного типа является слабо прогнозируемым, так как они подвержены широкой ассоциативной интерпретации и зависят от индивидуальных речемыслительных и лингвокреативных способностей слушающего. Данный тип легевфемизмов реализован в следующем высказывании: *«Расследование громкого теракта в минском метро завершено. Автора и исполнителя теракта вместе с сообщником поймали на следующие сутки. По данным следствия, "за спиной Ковалева и Коновалова каких-либо спонсоров или заказчиков" не было. "Даже косвенных данных нет", – вынужден был признать Швед. Вероятно, эта информация расстроила президента Лукашенко, который 13 июля намекнул на причастность к теракту представителей оппозиции. "Я поручил рассмотреть все заявления*

от политических деятелей. Мы ищем соучастников и заказчиков. Эти деятели от так называемой "пятой колонны", может, раскроют карты и укажут, кто заказчик", – заявил он». Перед нами прецедентная, непрозрачная легевфемистическая замена с позиции слушающего. Легевфемизм (*деятели так называемой «пятой колонны»*) не может быть легко распознан адресатом. «Пятая колонна» – шпионы, наименование фашистской и нацистской агентуры в различных странах накануне и во время Второй мировой войны, если ее вовремя не убрать, она может восторжествовать и привести к очень трагическим последствиям. Таким образом говорящий характеризует политических деятелей. Высказывание автором нарочито затемнено, и если слушающий не обладает определенным багажом фоновых знаний, он попусту не распознает конфликтного смысла. Данный тип сочетаемости легевфемизмов был зафиксирован в единичных случаях (1 – «Lenta.ru» / 3 – радио «Свобода»).

Проанализировав реализованные комбинации типов легевфемизмов, удалось зафиксировать следующие типы сочетаемости (табл.).

<i>Тип сочетаемости легевфемизмов</i>	<i>Частотность реализации, %</i>
Синтетические / непрозрачные / прецедентные	2
Синтетические / непрозрачные / непрецедентные	72
Синтетические / прозрачные / прецедентные	2
Синтетические / прозрачные / непрецедентные	6
Аналитические / прозрачные / непрецедентные	18

Статистический анализ позволяет заключить, что на реализацию типов легевфемизмов влияет ряд факторов: речемыслительные и лингвокреативные способности слушающего; степень прозрачности / непрозрачности денотата; тактико-стратегическая составляющая коммуникации.

Использование правовых эвфемизмов (легевфемизмов) численно превалирует в данных изданиях над случаями реализации этических эвфемизмов (167/35), что вполне объяснимо. Этические эвфемизмы используются преимущественно в устной коммуникации и осуществляют функцию ухода от этико-этикетных рисков (стремление не задеть эмоции слушающего), что на сегодняшний день не столь востребовано в медийном дискурсе. Явление легевфемии как тактики ухода от правовых рисков в публичной Интернет-коммуникации активно функционирует и непрерывно трансформируется, что говорит о несомненной востребованности исследованного тактического приема в современных медийных коммуникативных практиках.

Литература

1. Булаховский, Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. – М., 1953. – Ч. 2.
2. Варбот, Ж. Ж. Табу / Ж. Ж. Варбот // Русский язык: энциклопедия. – М., 1997.
3. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л., 1988.
4. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007.
5. Ларин, Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. Проблемы языкознания / сб. статей, посвящ. 75-летию акад. И. И. Мещанинова. – Л.: ЛГУ, 1961.
6. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Волгоград, 1999.
7. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка // В. П. Москвин. – 2-е изд. – М.: Ленард, 2007.
8. Осадчий, М. А. Тактики ухода от правовых рисков в политической и бизнес-коммуникации / М. А. Осадчий // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – Режим доступа: www.science-education.ru/100-4893 (проверено: 19.12.2011).
9. Сенечкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка: учебное пособие / Е. П. Сенечкина. – М.: Высшая школа, 2006.

Информация об авторах:

Дегтярева Алёна Руслановна – магистрант Кемеровского государственного университета, degtyarjova@yandex.ru.

Degtyareva Alena Ruslanovna – master's degree student at KemSU.

Осадчий Михаил Андреевич – докторант Кемеровского государственного университета, кандидат филологических наук, osadchij@mail.ru.

Osadchiy Mikhail Andreevich – Candidate of Philology, doctoral student at KemSU.

УДК 81'37

ЛОКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. М. Дементьянова, Н. Б. Лебедева

LOCATIVE CONSTRUCTIONS IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

A. M. Dementyanova, N. B. Lebedeva

Публикация выполнена при поддержке РГНФ (проект 12-14-42001а).

В статье рассматривается семантическая структура локативных конструкций в древнерусском языке с помощью методики полиситуативного анализа. Выявляется количество и характер ситуаций, входящих в состав полиситуативного комплекса древнерусских глагольных сочетаний со значением пространства. Делается вывод о специфике семантической организации синтаксических локативных конструкций.

The article covers the semantic structure of locative constructions in the Old Russian language with the technique of polisituational analysis. The authors analyze the number and nature of the situations that are part of a complex of ancient polisituational verb combinations with space meaning. The specifics of the semantic organization of locative syntax constructions is outlined.

Ключевые слова: полиситуативность, ситуатема, имплицитные смыслы.

Keywords: polisituational, situateme, implicit meanings.

Цель настоящей статьи – проследить изменение семантической структуры локативных конструкций в древнерусском языке. Для достижения поставленной цели нами будут выявлены особенности глубинной организации таких конструкций в древнерусском языке путем представления их как полипропозициональной структуры. В качестве гипотезы данного исследования выступает положение о том, что в древнерусском языке синтаксические конструкции с пространственным значением имели более сложную

семантическую организацию, включающую большее количество имплицатур (этот термин будет определен далее), т. е. произошло уменьшение полиситуативности локативного глагола. Единицей анализа являются локативные ситуации, выраженные глагольным словосочетанием, то есть синтаксические конструкции, представленные глаголом со своими «сателлитами» [15]. Под «сателлитами» понимаются зависимые слова, которые уточняют значение глагола, указывают на имплицитные, а также привносят свои смыслы, т. к.

имеют собственные независимые от контекста значения.

Категория полиситуативности рассматривается нами в качестве «универсальной, глобальной категории, охватывающей не только лексику, но и грамматику, а лексику не только признаковую, но и предметную» [11, с. 3]. Язык, являясь средством передачи мысли, выполняет функцию «упаковки» знаний о мире. Стремясь отразить сложность устройства мира, язык может быть представлен как полиситуативное пространство. С полиситуативным фрагментом действительности соотносится прежде всего глагол в силу метонимической природы его семантики, поскольку «именно метонимические переходы и метонимические трансформации лежат в основе номинации глаголом целой ситуации» [9, с. 89].

В качестве основной операционной единицы исследования мы берем ситуацию – «особую структуру, состоящую из комплекса ситуаций, имеющих статус как конвенциональных, так и имплицитных элементов плана содержания глагольной единицы» [11, с. 32]. Ситуатема является нелимитируемой единицей плана содержания. Понятие имплицитных компонентов, скрытых смыслов (пресуппозиций, следствий, фоновых компонентов) является определяющим для данного исследования. План содержания лексем, синтаксических конструкций может быть представлен как полиситуативный комплекс, отражающий передачу смены одних состояний, ситуаций другими, так как несет информацию и о первых, и о вторых [11], поскольку происходящее членится на отдельные события. По мнению Н. Д. Арутюновой, «умножение событий» происходит не только в результате распределения по разным жизненным сферам, но также вследствие выполнения в одной сфере разных функций или отнесенности к разным аспектам происходящего. Осуществляя одну и ту же акцию, можно быть участником разных событий» [2, с. 174].

Обратимся к понятию имплицитных смыслов (имплицитур). Е. В. Падучева определяла имплицитурой как «неассертивные семантические компоненты предложения», синтаксической конструкции или лексемы [12, с. 236]. Имплициты делятся на семантические и коммуникативные имплициты (прагматические, имплициты дискурса). Семантические имплициты конвенциональны, входят в значение слов данного языка, в собственно смысл предложения и оказываются сильнее контекста. Коммуникативные же имплициты – менее стабильные семантические компоненты высказывания, которые не входят в значение слов данного языка, а вытекают из общих постулатов коммуникации, поскольку не вся информация, что слушатель извлекает для себя в том или ином высказывании в контексте речевого акта, входит в собственно смысл предложения. Некоторые компоненты содержания не заложены в структуре предложения, а вычитываются слушателем в высказывании исходя из контекста [12]. Имплицитные смыслы, вытекающие из контекста, будут нами учитываться при проведении анализа конструкций с пространственным значением для того, чтобы вскрыть количество и соотношение пропозиций, входящих в структуру поли-

ситуативного комплекса древнерусских этих конструкций.

Рассмотрение глубинной семантической структуры пространственных конструкций проводится с помощью метода полиситуативного анализа, заключающегося в «разбиении анализируемого фрагмента действительности на ситуации, а тех – на более мелкие ситуации» [11, с. 14]. В рамках данного исследования применяется методический прием исследовательской интуиции, поскольку, мощным «источником знаний о языке является интуиция, интроспекция, открывающая нам добытые путем бессознательной индукции обобщения» [18, с. 19]. А. Вежицкая также обосновывала и использовала прием внутренней интроспекции, так как при следовании интуиция и индукция действуют вместе [5].

Источником материала являются памятники древнерусской письменности XI – XVII веков, в частности: «Повесть временных лет» (ПВЛ), «Сказание о Борисе и Глебе» (СБГ), «Моление Даниила Заточника» (МДЗ), «Повесть о разорении Рязани Батыем» (ПРРБ) и «Житие Сергия Радонежского» (ЖСР). Выбор материала обусловлен интересом к восприятию мира древними славянами, с одной стороны, и отсутствием научных работ с применением методики полиситуативного анализа для описания локативных значений на материале древнерусского языка – с другой.

Методика полиситуативного анализа, с помощью которой далее будет рассмотрен эмпирический материал, и представляет собой типологию полиситуативности, содержащую следующие параметры:

1. Отношение к временной оси, а именно – таксисные отношения внутри полиситуативного комплекса: соотносительность ситуаций во временном плане, «признак зависимой ориентированности действия во времени» [1, с. 72]. С этой точки зрения, полипропозиционные структуры распадаются на два класса: следования (ретроспективные – обнаруживаются тогда, когда дополнительная ситуация, повторное действие, дополнительное действие предшествует основной, – и проспективные ситуатемы – при следовании дополнительной ситуации после основной) и одновременности.

2. Способ семантической «упаковки» полиситуативности представляет собой информацию о том, являются ли отдельные ситуации равноправными или имеется обобщение более мелких ситуаций, гомогенных и гетерогенных, а также тип соотношения этих ситуаций. Так, ситуации одного уровня могут «упаковывать» несколько ситуаций более глубинного уровня. Кроме того, к способу «упаковки» ситуаций относится коммуникативный статус микроситуаций (ассерции, пресуппозиции, имплициты, сильные, слабые фоновые компоненты, субъективно-модальные смыслы, объективно-модальные смыслы и т. д.). При этом внутри ассертивной ситуации также выделяются центральные, ядерные и периферийные зоны.

3. Способ формальной упаковки полиситуативности. На собственно языковом уровне представленность предикативного полиситуативного денотата может различаться формальной выраженностью, а именно лексическим, морфемным, грамматическим, синтаксическим, комбинированным способами.

Анализ с учетом трех вышеперечисленных параметров позволит представить семантическую структуру локативного глагола в виде ситуатемы, раскрывающей количество и характер пропозиций, включенных в значение глагола и обосновать выдвинутую нами гипотезу. Ситуатема позволяет рассматривать динамический фрагмент действительности в трех масштабах: лексикализованной ситуации, микроситуации и макроситуации. Лексикализованный масштаб «включает рассмотрение того объема экстралингвистической реальности, который попал... в коммуникативный фокус» [11, с. 62] Микромасштаб включает микроситуации, из которых состоит денотативная структура лексикализованной ситуации, в макромасштаб попадают перечисленные ситуации и разные смежные с лексикализованной ситуации, многие из которых имплицитны [11].

Перейдем к анализу фрагментов текстов, содержащих локативные конструкции. Возьмем для анализа синтаксическую конструкцию: «*И егда людие придоша близь монастыря*» [ЖСР] (*И тогда люди пришли и стали жить близ монастыря*).

Первая ситуация выделяется на лексикализованном уровне – это эксплицитная (выраженная глаголом перемещения *придоша*) локативная ситуация: «субъекты преодолели расстояние, то есть переместились из одного пространства в другое».

Вторая и третья ситуации выделяются на макроуровне. Вторая ситуация – «остались в новом пространстве» – имплицитная, проспективная, метонимически связанная с первой (частично выражена префиксом *при-*, т. е. достигли результата, частично – словосочетанием *близь монастыря*, но в основном – широким контекстом – для того, чтобы получить исцеление, приобщиться к благодати святого, необходимо определенное оставаться при монастыре).

Третья ситуация – назовем ее «ситуацией жизни и жизнедеятельности» – также имплицитная, метонимически связанная со второй и также выделяется на макроуровне. Но в рамках этой ситуации мы спускаемся на микроуровень, поскольку она включает неопределенное множество имплицитных, метонимически связанных друг с другом и с ситуацией макроуровня (жизни и жизнедеятельности) ситуаций.

Имплицитные ситуации микроуровня выделяются тогда, когда взгляд исследователя как под микроскопом рассматривает наполнение обобщенной ситуации, включающей множество более мелких гетерогенных (неоднородных) микроситуаций. В нашем случае – это ситуации коммуникации, добывания воды, приготовления пищи, молитвы, сна и т. д.; так как люди живут на территории монастыря продолжительное время, значит они взаимодействуют с другими предметами и лицами, с самим локусом, таким образом, ситуация жизнедеятельности обобщает неопределенное множество микроситуаций. Заметим, потенциально исследователь всегда может спуститься на этот уровень микроситуаций в зависимости от своих целей, поскольку почти все глаголы (кроме самых семантически выхолащенных типа глаголов отношений, бытийных и связочных) имеют эту семантическую перспективу. В данном исследовании мы рассматриваем микроуровень для того, чтобы подчеркнуть глубину

полиситуативного комплекса древнерусских локативных глагольных конструкций.

Четвертая ситуация бытийности-существования субъектов и объектов, о которых говорится в данной фразе (а именно о людях, пришедших к монастырю, и самого монастыря), находится в ретроспективной, presupпозитивной зоне.

В целом описываемая ситуатема относится к проспективным, так как, кроме второй и третьей бытийных пропозиций, она имеет еще пропозиции, квалифицируемые нами как дополнительные и следующие за основной и обусловленные фациентом (факторообразующим компонентом ситуации) цели. Они находятся в проспективной зоне структуры ситуатемы, поскольку люди приходили в монастырь и оставались неопределенное количество времени на территории монастыря для того, чтобы преподобный Сергий исцелил их, помог советом или чтобы просто увидеть его и тем самым получить смысл своего существования.

Таким образом, локативная конструкция «*И егда людие придоша близь монастыря*» в древнерусском тексте, кроме пропозиции «пришли», как в современном русском тексте, содержит имплицитные пропозиции «остались и стали жить», включающие и другие, метонимически связанные с ними, пропозиции. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в древнерусском языке глагол «придоша» в сочетании с предлогом «близ» имеет в своей семантической структуре такой набор пропозиций, который в современном языке распределяется на два предиката. Необходимо также отметить, что в современном русском языке сочетание «прийти близ/близко» невозможно, так как префикс глагола указывает на приближение к какой-либо четкой границе (ср. «прийти к», «прийти в»), а предлог «близ/близко» обозначает неопределенность границ объекта, их расширение.

Для построения структуры ситуатемы необходимо учитывать тип полиситуативности. Типы представленности полиситуативности выделяются на основе сочетания трех параметров анализа, которые были нами перечислены ранее. Выделяется четыре типа представленности полиситуативности: конситуативность, длительность, сегментированность и квантификация. Рассматриваемая ситуатема «*И егда людие придоша близь монастыря*» реализуется по принципу конситуативности, которая выявляется в содержательной структуре, соотносимой с лексемой или синтаксемой и предстает перед нами в случаях, когда «семантика высказывания дает нам знание не только о ситуации, непосредственно ею описываемой, но и некоторых других, тем или иным образом сопутствующих» [8, с. 80]. Конситуативность, в свою очередь, может быть последовательной (в случае, когда на хронологической оси ситуации следуют друг за другом) и параллельной (если ситуации существуют одновременно). В анализируемой ситуатеме пропозиции расположены последовательно на временной оси: сначала пришли к монастырю, затем стали там жить – перед нами последовательная конситуативность. Однако, если говорить о глубине полиситуативного комплекса, следует отметить, что ситуация жизнедеятельности отдельно представляет собой квантифика-

тивную полиситуативность. Квантификация является еще одним способом представленности ситуатемы и встречается тогда, когда лексема или синтаксема передает обобщенную ситуацию, которая состоит из более простых. В эту группу могут включаться действия, вознесенные над осью времени, например, глаголы «качества, свойства (привычки, умения, род занятий)» [4, с. 84].

Изобразим в виде схемы результаты проведенного анализа.

На этой схеме: субъект (С), локус (Л), объект (О), лексикализованная ситуация (Л-ситуация), микроситуация (м-ситуация), макроситуация (М-ситуация), проспективная ситуация (проспект-ситуация). Аналогичные обозначения используются в дальнейших схемах.

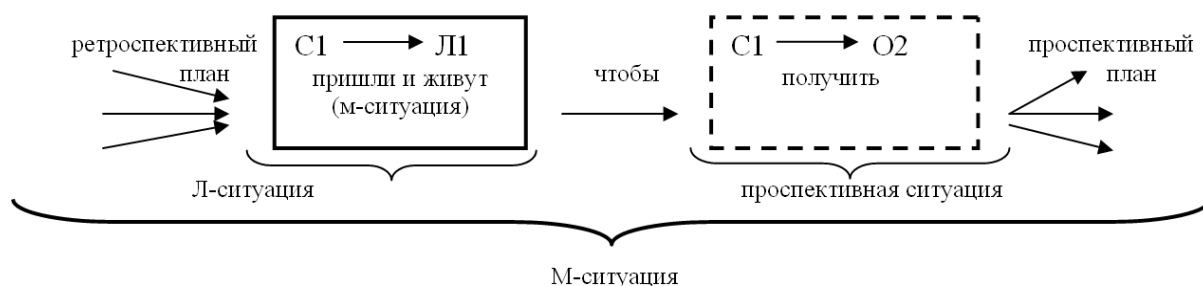

Схема 1. Структура проспективно направленной ситуатемы «И когда люди придюша близ монастыря»

Обратимся к другому примеру: «*Потом же пришедшем воем от востока <...> обидюша русь около*» [ПВЛ] (Затем воины, пришедшие с востока <...> окружили Русь). В этом фрагменте для данного исследования представляет интерес локативная конструкция «обидюша русь около».

Первой ситуацией на лексикализованном уровне является локативная ситуация — «распределились, остановились вокруг захватываемой территории». Эта ситуация является эксплицитной (внешне она выражена префиксом *об-*, т. е. воины окружили территорию, предлогом *около*, а также контекстом: осадить — значит окружить и зафиксировать свое местоположение).

Вторая ситуация «жизни и жизнедеятельности» выделяется на макроуровне и является имплицитной, метонимически связанной с первой локативной ситуацией. В рамках этой ситуации вскрывается микроуровень: она объединяет множество гетерогенных ситуаций, таких, как общение, приготовление пищи, сон, болезнь, ведение переговоров, военные действия и т. д.

Относительно приведенного примера необходимо обратить внимание на следующую особенность структуры ситуатемы: поскольку осада города — это двусторонний, двусубъектный процесс, обозначающий не только «обложение укрѣпленнаго мѣста непріятельскими военными силами», но и «защиту укрѣпленнаго мѣста отъ нападенія или отъ осады» [19, с. 712]. Поэтому в имплицитную зону рассматриваемого полиситуативного комплекса входит также ситуация жизнедеятельности (представленная гетерогенными микроситуациями) русских людей, вынужденных защищаться.

Также в макромасштабе выделяется две ретроспективные имплицитные ситуации: бытийная (воины и Русь есть, существуют), которая находится в пресуппозитивной зоне содержательной структуры любого глагола, обозначающего действие, состояние или отношение, и локативная ситуация: «воины перемес-

тились из одного пространства в другое» (выражена глаголом *обидюша*).

Отметим, что рассматриваемая ситуатема является одновременно ретроспективно и проспективно направленной, поскольку в структуре этой ситуатемы выделяются две дополнительные ситуации. Первая находится в проспективной зоне и обусловлена фациентом цели (осада городов, определенно, имеет перспективу, события, направленные в будущее: воины хотят поработить русский народ, завоевать территории, богатства и т. д.). Вторая дополнительная ситуация находится в ретроспективной зоне и обусловлена фациентом условия. Ситуатема является ретроспективно направленной, если «следы былого» актуальны для ассертивных компонентов [11, с. 64], так, осада четкого плана, военного приказа, долгих сборов и подготовки.

Анализируемый полиситуативный комплекс представляет собой такой способ «упаковки» полиситуативного фрагмента, как длительность, так как осада города — это однородный процесс, включающий беспрерывную смену ситуаций. Е. В. Падучева отметит, что «процесс, предельный или непредельный есть последовательность фаз, которые все могут в принципе называться тем же глаголом, что и процесс в целом» [12, с. 16]. Эти «кусочки глагольной действительности» [3, с. 234 – 242] можно оценивать как микроситуации, они «имеют пофазное существование, т. е. в каждый момент времени возникает следующая фаза существования состояния, но она абсолютно идентична предыдущей и не требует энергии для своего возникновения» [13, с. 126].

В современном русском языке отсутствует форма глагола «обойти» в значении «встать вокруг; расположившись вокруг, остановиться». В древнерусском языке глагол «обойти» может представлять собой комплекс сем движения и состояния, а не только движения, что выявляется из контекста. Таким образом, в современном языке глагол «обойти» обозначает последовательное перемещение из одного пространства в другое (обойти все музеи) или перемещения вокруг

объекта, но он не содержит значения статальности: в современном русском языке мы говорим «обойти и встать вокруг», то есть добавляется статальный глагол. Как пишет Л. В. Табаченко, «в истории языка исчезли приставочные глаголы со значением статальности (положения в пространстве относительно поверхности) <...> Первичным значением приставок являются пространственные. В современном русском языке пространственные приставки не могут соединяться с глаголами состояния, поскольку у префиксов в славянских языках развилось значение предельности, которое несовместимо со статальной семантикой основы» [16, с. 178]. Характеризуя специфику денотатов статальных глаголов, исследователи указывают, что «в процессе пребывания в таком состоянии ничто не возникает, ничто не изменяется, не перемещается, только время течет мимо этого состояния, указывая его продолжительность» [7, с. 75]. Как видно из примера, в древнерусском языке существовали словообразовательные типы, включающие пространственные приставки и основы позиционных глаголов, только противоречие между предельностью приставки и статальностью основы стало причиной исчезновения этих словообразовательных типов, как указывает Л. В. Табаченко.

Представим схему описанной ситуатемы (схема 2). Рассмотрим следующую локативную конструкцию: «*Изяславу тогда сущю... Новугороду*» [ПВЛ] (*Изяслав тогда княжил в Новгороде*). На лексикализованном уровне первой ситуацией является локативная ситуация – Изяслав физически находится на территории Новгорода – формально выраженная глаголом *сущю*.

Второй ситуацией на лексикализованном уровне является ситуация «жизни и жизнедеятельности» (также выраженная глаголом *сущю*) является метонимически связанной с локативной ситуацией (Изяслав находится в Новгороде долго, а значит там живет).

Третьей ситуацией на этом уровне является по-сессиивная и властная ситуация. Поскольку Изяслав – князь, значит, он приобретает права на место, в котором живет, и предметы: чем выше социальный статус и активность лица (князь), тем на большее количество и размер объектов (вплоть до всего города) он приобретает владельческие права. Вторая и третья ситуации углубляются до микроуровня.

В макромасштабе в имплицативной зоне пресуппозитивной ситуацией является ситуация бытийности (Изяслав есть, существует).

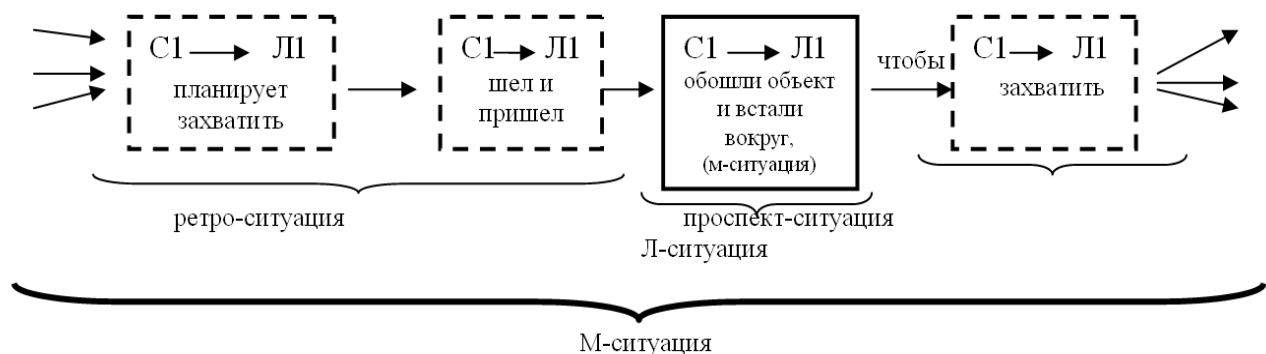

Схема 2. Структура ретро- и проспективно направленной ситуатемы «Потом же пришедшем воем от востока <...> обидоша русь около»

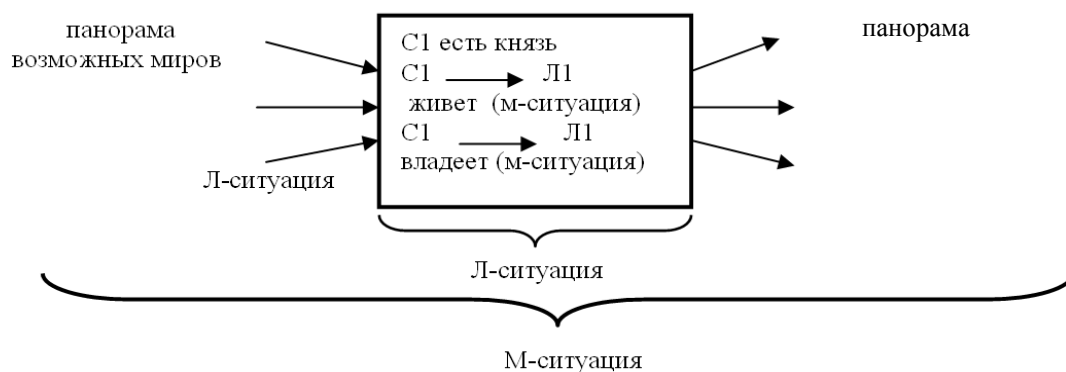

Схема 3. Структура интраспективно направленной ситуатемы «Изяславу тогда сущю <...> Новугороду»

Данная ситуатема является интраспективно направленной (так как коммуникативный фокус концентрируется в ассертивном элементе и дополнительные смыслы неопределенны [11]) и представляет собой

конситуативно представленный полиситуативный комплекс, все ситуации существуют и воспринимаются читателем одновременно. В современном русском языке глагол «быть» в значении «править» даже в

контексте с правящим субъектом не употребляется, отсутствует посессивная пропозиция.

Схематически проанализированную ситуатему можно представить следующим образом (схема 3).

Подводя итоги, отметим, что нами рассмотрены языковые случаи в древнерусском языке, при переводе которых на современный язык добавляется еще один предикат или заменяется на слово, обладающее меньшим набором пропозиций в своей глубинной структуре. Общее развитие русского языка имеет тенденцию к усилению аналитизма. Более древнее состояние языков (не только русского, но и других) в письменной форме существования имеет вектор развития «от синкретизма к аналитизму».

Проведенный полипропозитивный анализ показал, что в древнерусском языке локативный глагол был более емким, включал большее число пропозиций, причиной этого явилось то, что становление словообразовательно-видовой (аспектуальной) системы в древнерусском языке не было завершено. К статель-

ным глаголам еще могли присоединяться префиксы со значением предельности: «эти словообразовательные типы были возможны до развития у приставок значений предельности и результативности, но с появлением у префиксов этой семантики стали непродуктивными, так как возникало противоречие между стательностью основы и совмещением пространственности и предельности в приставке, поскольку глаголы состояния обозначают действие, которое никуда не распространяется» [17, с. 302]. Наличие таких словообразовательных типов было почвой для пропозитивного насыщения: одна лексема могла заключать несколько разных и, с точки зрения современного языка, иногда противоречащих друг другу значений. В синкретизме семантики проявляется нерасчлененность мировосприятия. Вскрыть это помогла методика полиситуативного анализа, предполагающая раскрытие содержания локативных конструкций на разных уровнях: микроситуаций, макроситуаций и на лексикализованном уровне.

Литература

1. Акимов, Т. Г. Семантические признаки в сфере качественной аспектуальности и функционирование видо-временных форм английского глагола / Т. Г. Акимов // Теория грамматического значения и аспектологические исследования / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
3. Бондарко, А. В. Общая характеристика и структура поля таксиса / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987.
4. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в современном русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
5. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая / под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I – XII. – 780 с.
6. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 367 – 395.
7. Грубор, Д. Из книги «Видовые значения» / Д. Грубор // Вопросы глагольного вида. – М.: Иностранная литература, 1962.
8. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 311 с.
9. Кубрякова, Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992.
10. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
11. Лебедева, Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики / Н. Б. Лебедева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 192 с.
12. Падучева, Е. В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
13. Селиверстова, О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка / О. Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
14. Семантические вопросы словообразования. Производящее слово. – Томск: ТГУ, 1991. – 271 с.
15. Соколов, О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка / О. М. Соколов. – М.: РУДН, 1997. – 203 с.
16. Табаченко, Л. В. Глаголы достояти и достоити в истории русского языка / Л. В. Табаченко // Русская историческая лексикология и лексикография. – Л.: ЛГУ, 2008. – С. 117 – 186. – Вып. 7.
17. Табаченко, Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка / Л. В. Табаченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 336 с.
18. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 400 с.

Словари

19. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. – Т. 2: Л-П. – 1802 ст.

Информация об авторах:

Дементьянова Анна Михайловна – аспирантка кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 8-904-966-4958, anna-d78@mail.ru.

Dementyanova Anna Mikhailovna – post-graduate student at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 8-906-925-0151, nlebedevab@yandex.ru.

Lebedeva Natalia Borisovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.

УДК 81'373.611

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АНОМАЛИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Э. С. Денисова

DERIVATIONAL ANOMALIES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

E. S. Denisova

Проблема выделения уникальных элементов в структуре производного слова традиционно входит в ряд проблем, связанных с членимостью основы и – шире – членимостью слова. Данная статья посвящена исследованию стратегий идентификации единиц с нетиповой и уникальной словообразовательной структурой (словообразовательных аномалий) носителями языка. Результаты психолингвистического эксперимента позволяют подтвердить морфемный статус унификсов, а также описать деривационный потенциал единиц, в структуре которых вычлениваются уникальные или малопродуктивные морфемы.

The problem of unique items identification in the structure of the derivative word is traditionally associated with the problems related to stem dividedness and word dividedness. This article is devoted to the study of native speakers' strategies for identifying the units with atypical and unique derivational structure (derivational anomalies). The results of a psycholinguistic experiment allow us to confirm the morphemic status of the empty morphs, as well as to describe the derivational potential of the units in whose structure unique and unproductive morphemes are encoded.

Ключевые слова: теория языковой аномальности, словообразование, уникальные единицы.

Keywords: theory of linguistic anomaly, word formation, unique units.

В любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением её креативного потенциала. Поэтому изучение разного рода нарушений и отклонений от известных закономерностей функционирования языка (языковых аномалий) позволяет глубже понять как природу самого объекта, так и уровень знания о нем.

Изучение проблемы языковой аномальности в лингвистике невозможно без обращения к ортологическому аспекту. Как отмечает И. А. Шидловская, с одной стороны, «норма – это ряд тождественных, однородных явлений», с другой стороны, «уникальность – это то, что выходит за рамки этого ряда, за пределы нормы, является особым вариантом нормы» [17, с. 5 – 6]. Одним из первых лингвистов, обративших внимание на эту закономерность, был Л. В. Щерба. Именно им в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» был предложен термин «отрицательный языковой материал», под которым он понимал прежде всего неудачные высказывания в речи («так не говорят») [18, с. 24 – 39]. Л. В. Щерба отмечал, что онтологическая сущность

данного явления определяется через дихотомию «норма – не-норма»: при отсутствии осознанной нормы отсутствует и отрицательный языковой материал. Многочисленные примеры нарушения языковой нормы характерны прежде всего для сферы устной речевой деятельности, где большинство ошибок социально обосновано, является привычным и не останавливает на себе внимания адресата в повседневной речи. Поэтому логичным выглядит определение языковой аномалии в ортологическом ключе как «диалектически противоречивого единства неконвенционального употребления единицы или модели языка и креативного потенциала такого употребления в речевой практике» [12, с. 8].

Проблема установления сущности, объема и границ языковой аномальности не теряет своей актуальности и в современной лингвистике. Как отмечает в своих работах Л. А. Араева, исследователи постоянно сталкиваются с языковыми феноменами, не вписывающимися в жесткие правила, но оставить их без внимания не получается, поскольку они оказываются слишком распространенными, «составляя в определенной мере скорее системное явление, нежели исключение из правил» [4, с. 39]. Подобное утверждение оказывается релевантным не только по отношению к полимотивации (именно о ней шла речь в

статье Л. А. Араевой), но и к большинству аномалий языка, которые представляются таковыми только с точки зрения современного состояния норм и правил системы русского литературного языка (ср. анализ языковых аномалий в различных коммуникативных сферах письменной речи, например, в текстах ЕГЭ [3, с. 31 – 36], рекламе [9]).

На уровне языка аномальность представляется, по мнению многих исследователей, закономерным явлением, обусловленным целым рядом причин, как лингвистического, так и экстралингвистического характера, – системно-языковых, социолингвистических и коммуникативно-прагматических. Аномалии зачастую являются не собственно инновациями, а результатом сложившейся этимологической картины, т. е. «своеобразной инкорпорацией в синхронию рефлексов исторического развития языка или интерференции литературного языка и нелитературных подсистем русской речи, а также заимствований» [12, с. 34].

Уникальные морфемы (унификсы) – это тоже своего рода нарушения и отклонения от известных закономерностей функционирования языка (точнее словообразовательной подсистемы), поэтому можно соотнести понятие деривата с нетиповой и уникальной словообразовательной структурой с термином «словообразовательная аномалия». К **словообразовательным аномалиям** в нашей работе относятся производные лексические единицы, являющиеся результатом структурного, семантического и прагматического преобразования стандартной словообразовательной единицы или модели. Как правило, структура подобных единиц содержит уникальные или малопродуктивные морфемы.

С одной стороны, слова с уникальными элементами являются производными, мотивированными единицами языка, которые и по форме, и по смыслу связаны со своими производящими, обусловлены ими, зависимы от них. С другой стороны, их производность оформлена нестандартно, точнее, недооформлена. Как отмечал А. Н. Тихонов, слова с уникальными элементами выделяются на фоне всей системы мотивированных слов именно ущербностью выражения своей производности [15, с. 653].

Наиболее распространенной в лингвистике является точка зрения, восходящая к работе Е. А. Земской, согласно которой унификс не имеет морфемного статуса, поскольку не обладает значением и свойством повторяемости [10, с. 3 – 13]. Данная концепция получает свое подтверждение в работах Н. Д. Голева, отмечающего, что унификсы суть формы мотивантов (под мотивантами понимаются «средства, которые различают исходную единицу, или мотиватор, и вторичную единицу, обусловленную мотиватором» [7, с. 106]), занимающих промежуточное положение между фонетическим и словообразовательным уровнем (например, номинация передачи на телевизионном канале МУЗ-ТВ *Кризис-Шмизис* образована посредством фонетической редупликации, что придает слову шуточно-пренебрежительную семантику).

Противоположная точка зрения обоснована в работах Г. О. Винокура, Н. М. Шанского, А. И. Моисеева, А. Н. Тихонова, Л. В. Рацибурской, В. Г. Головина и др. Интересной представляется точка зрения

А. Н. Ростовской [13], опирающейся в своих работах на данные метаязыкового сознания (МЯС) носителей языка. Как отмечает А. Н. Ростова, несмотря на отсутствие серийности и повторяемости смысловых и формальных отношений, определяющих меру автоматизма воспроизведения (или произведения) в речи языковых единиц, производные единицы, обладающие неповторяющимися, нерегулярными типами отношений, воспроизводятся в речи и фиксируются в МЯС. Значения же подобных слов, относящиеся к периферийной семантической теме, могут осознаваться и через мотивирующее слово, и как целостные, не соотносимые со значением мотивирующих компонентов, ср.: *Змея оставляет шкуру – выползун* [13, с. 150].

Гипотеза нашего исследования состоит в экспериментальном подтверждении тезиса о том, что слова с уникальной или нетиповой структурой являются в сознании носителей языка производными и мотивированными единицами (обладают морфемным статусом). Проведение эксперимента призвано доказать вероятностный характер четкого отнесения лексических единиц к определенной степени членимости (по классификации М. В. Панова – Е. А. Земской) и необходимость выделения еще одной – альтернативной – классификации, базирующейся на данных психолингвистического эксперимента.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами был проведен эксперимент по идентификации слов с уникальной и нетиповой структурой. Опрашиваемую аудиторию составили носители литературного языка в возрасте 18 – 25 лет, студенты 1 – 5-х курсов гуманитарных факультетов КемГУ. Общее количество информантов составило 70 человек.

Информантам был предложен список из десяти слов-стимулов, включающий следующие лексемы: *захрапин, перехрюк, полисвин, свинарня, свинарь, свинтус, свинчатка, тихохрюн, хапёж, хлопкопыт*. При отборе материала нами учитывались следующие ценностные характеристики анализируемых слов:

1) частеречная принадлежность слов-стимулов: все предложенные для анализа слова являются субстантивами, что облегчает процесс их идентификации носителями языка;

2) способ образования деривата: характеристика слов экспериментального списка в аспекте характеристики способов словообразования позволила выявить особенности идентификации каждой отдельной единицы;

3) степень членимости структуры деривата (по классификации Е. А. Земской – М. В. Панова): слова списка включали единицы разной степени членимости (ср. *захрапин, перехрюк* и *свинтус, свинчатка*);

4) ступень деривации слов-стимулов и сложность их морфемной структуры: в нашем списке были полиморфные слова как первой ступени деривации (*свинья* → *свинарь, свинец* → *свинчатка, хапать* → *хапёж*), так и последующих ступеней деривации (например, *храпеть* → *захрапеть* → *захрапин*);

5) тип словообразовательного значения: большинство слов, структура которых содержит уникальные элементы, относится к сфере лексической деривации (модификации, мутации).

Большинство слов списка относятся к классу полумотивированных единиц, т. е. обладают неполной, частичной мотивированностью согласно концепции мотивологического анализа О. И. Блиновой [6, с. 44].

При составлении экспериментального списка мы придерживались следующего направления: часть слов входила в Толковый словарь русского языка и должна была быть знакомой информантам (*свинарня* 'помещение для свиней', *свинарь* 'работник, ухаживающий за свиньями', *свинтус* 'тот, кто по-свински поступил', *свинчатка* 'кость для игры, налитая свинцом') [11, с. 703], другая часть слов относилась к группе агнонимов (*захрапин*, *перехрюк*, *полисвин*, *тихохрюн*, *хапёж*, *хлопкопыт*). Последние были взяты из настольной карточной игры «Свинтус» (разновидность американского «Дурака»). Лексема *свинтус* послужила своеобразным связующим звеном между двумя частями материала, поскольку была представлена и в Толковом словаре, и в одноименной игре «Свинтус».

Общепотребительные единицы из Толкового словаря мы включили в экспериментальный список в качестве опоры для носителей языка: опираясь на их семантику и/или форму (структуру), респондентам нужно было сформулировать значение незнакомых слов-стимулов.

В число экспериментальных были включены задания, выявляющие метатекстовые стратегии толкования производных слов: метод субъективных дефиниций (*Что может означать данное слово?*); а также задание, направленное на выявление степени понятности словообразовательной структуры (*Знакомо ли Вам данное слово?*). Различные задания, предложенные в ходе экспериментального исследования, позволили, на наш взгляд, эксплицировать основные уровни идентификации незнакомого для носителей языка слова (ср. схожую методику эксперимента по семантизации производных агнонимов в работах [1; 5; 14]), а также проследить функционирование опорных элементов осознания слова, поскольку уже после третьего-четвертого символа информантами вырабатывается индивидуальная стратегия реагирования.

Разграничение полученных идентификационных стратегий происходило с опорой на формальные прототипы: фоносемантические, морфодеривационные и морфонологические [2, с. 15]. Однако следует учитывать, что выбор той или иной стратегии носит достаточно условный характер, т. к. все они действуют параллельно, в тесной взаимосвязи друг с другом, «высвечивая» значение слова на пересечении нескольких мотивационных опор.

Анализ экспериментальных данных показал, что морфодеривационная идентификационная стратегия является доминирующей при толковании слов-стимулов. Данная стратегия отражает прежде всего принципы словообразовательной мотивированности, выводимости не только формально закреплённых, но и имплицитных компонентов семантики. При обращении носителей языка к морфодеривационной стратегии актуализируется фактор полиморфемности, выявляющий доминирующую роль деривационной членности производного знака, что позволяет подтвердить статус уникальных элементов как полноценных

языковых знаков. К данной стратегии нами отнесены следующие приемы опознания слова-стимула:

а) через использование отсылочной части производного слова (ср.: *захрапин* – тот, кто *храпит*; тот, кто сильно *храпит*; человек, который *храпит* по ночам; человек, который *храпит*; человек, который постоянно *храпит*; человек, издающий *храп*; *храп*, связанный с болезнью; лекарство для *храпа*; лекарство от *храпа*; что-то связанное с *храпом* и др.);

б) с опорой на словообразовательную модель слова-стимула; при этом осознание смысла лексической единицы может происходить с имплицитной опорой на конкретную модель словообразования, посредством указания на неё через слова-маркеры *по типу*, *похоже* (ср.: *захрапин* – название *по типу* снотворного; *похоже* на лекарство);

в) посредством отсылки к определенной категории, связанной с двойной референцией (термин Е. С. Кубряковой) производного слова: к знаниям языковым (опознание словообразовательных моделей, значимых морфемных компонентов, звукобуквенных комплексов) и феноменологическим (подведение под определенную рубрику опыта, мыслительную категорию). Ср.: *захрапин* – лекарство; снотворное, лекарственные препараты; лекарство для сна; что-то из аптеки; что-то, чтобы уснуть; химическое вещество; таблетки; фамилия; может, служащий и др.

Фоносемантическая и морфонологическая идентификационные стратегии были менее актуализированы в полученном материале, что обусловлено наличием во внутреннем лексиконе индивида определенных идентификационных образцов, отвечающих за хранение информации о представленных для анализа словообразовательных моделях.

Актуализация фоносемантической стратегии происходит в том случае, когда носитель языка «подменяет» слово-стимул на близкую ему по формальным признакам единицу. При обращении к фоносемантической стратегии информант осознает слово-стимул как неизвестное, т. е. обладающее повышенной степенью условности. Наиболее актуальна при анализе незнакомого слова опора на консонантные звуки, поскольку они несут большую семантическую нагруженность, чем гласные. Так, в слове *хлопкопыт* информант осознает слово-стимул как неизвестное ему и, определяя его семантику, опирается прежде всего на звуковую форму слова, ср. полученные дефиниции: *исследователь хлопка*; человек, занимающийся выводением новых сортов *хлопка*; машина, которая собирает *хлопок*; человек, работающий с *хлопком*; собиратель *хлопка* и др. В данных толкованиях на слово-стимул, как мы видим, можно проследить явление семантической полимотивации: мотивирующее актуализировано одним и тем же словом, входящим в разные суждения (см. подробнее работу [4, с. 42 – 45]).

Морфонологическая стратегия представляет собой корректировку производного слова-стимула – подмену его формы, либо самого слова в целом на более подходящую, с точки зрения носителя языка, форму, либо на более подходящее (знакомое) слово. Так, исходя из восприятия слова информантами, можно уточнить индивидуальное написание слова

стимула *хлопкопыт* как *хлоп_копыт*, *хлоп-копыт*, *хлопкАпыт*. К одной из разновидностей морфонологической стратегии идентификации нового слова нами отнесена стратегия привлечения знаний иностранного языка [8, с. 214], состоящая в сопоставлении компонентов интернационального характера исходного деривата с их значением в предполагаемом информантом языке-источнике, что уточняет объем смыслового поля слов-стимулов, ср.: *полисвин* – *город вин* (ср. англ. *police* – город).

Особое место при анализе экспериментального материала занимает реактивная стратегия, актуализирующаяся в том случае, когда последующая лексема является своеобразной «реакцией» на предшествующий / последующий контекст: ее семантика выявляется посредством отнесения к значениям лексических единиц из предъявленного списка слов-стимулов, уже «вошедших» в языковое сознание испытуемых [8, с. 152 – 153]. Подобная стратегия осознания информантов связана с иконичным характером подачи материала: расположение слов-стимулов на отдельных строках, соответствующих модусу прошлого (для исходного, первого слова списка) и будущего (для конечного, последнего слова списка).

Эксплицитная реактивная стратегия проявляется посредством отсылки слова-стимула к другому слову предложенного списка: *свинарь* – «то же самое, что *свинарня* 'место, где держат свиней'». Имплицированная реактивная стратегия реализуется через описание семантики предшествующих лексем списка. Так, поскольку большинство слов списка можно отнести к лексико-тематической группе «Животные (свиньи)», как и соотносимые с ней понятия (помещение, где содержатся свиньи; работники, ухаживающие за свиньями и т. д.), то и незнакомые носителю языка слова объясняются через «понятные», известные: например, на единицу *захрапин* дается следующее значение – «человек, занимающийся *разведением скота*» (ср. значение слова списка *свинарь* – человек, ухаживающий за свиньями, разводящий свиней).

Реализация стратегии отказа связана с определенными коммуникативными затруднениями носителей языка и реализуется при восприятии незнакомых слов, обладающих наименьшей степенью понятности. Это подтверждает и материал нашего эксперимента. Наименьшее число отказов было зафиксировано у следующих слов: *свинарня* (5), *свинтус* (6), *свинарь* (28), *хапёж* (31), *захрапин* (38); а наибольшее – у слов *хлопкопыт* (66), *полисвин* (63), *свинчатка* (61), *тихохрюн* (54), *перехрюк* (48) (числа в скобках указывают количество информантов). Закономерным является то, что большое число отказов зафиксировано у слова «*свинчатка*», несмотря на то, что данная единица взя-

та из Толкового словаря и должна быть понятна носителям языка. Но, поскольку данная единица не является общеупотребительной, а также поставлена в один ряд со словами, объединенными смысловым полем игры «Свинтус», то и носители языка относят это слово к данной тематической группе (на это указывают такие реакции, как «*полная девушка*», «*свинья женского рода*», «*свинья с бомбой*», «*посуда для свиней*» и др.). В целом отказ от ассоциирования трактуется в нашей работе как восприятие немотивированности и непроизводности слова-стимула.

Таким образом, анализ экспериментального материала показал, что все слова-стимулы, даже в условиях нулевого окружения (отсутствия контекста), расширяют свой семантический потенциал благодаря опоре носителей языка на их словообразовательную модель, тем самым исходные единицы реализуют имеющиеся в их мотивационном пространстве смы-

Для носителей языка вероятность прогнозирования и понимания словообразовательной структуры основ первой и последующих степеней членности является практически равноценной. Большую сложность для идентификации представляют собой дериваты нетиповой словообразовательной структуры, поскольку, в отличие от основ второй – пятой степени членности, их уникальность носит имплицитный характер. Подобные примеры доказывают вероятностный характер четкого отнесения унификсов к ядру или периферии системы языка, по-видимому, нужно говорить о выделении еще одной – промежуточной – степени членности, к которой будут относиться дериваты, обладающие абсолютным формальным членением основы и повторяемостью аффиксальной части (1 степень), при единичности семантики последней (3 степень).

В целом теоретическая и практическая значимость обсуждаемых в лингвистике проблем, связанных с языковыми аномалиями, продиктована прежде всего их соотносительностью с общим контекстом исследований тенденций языкового развития, обсуждением вопросов нормативного описания языка и оценки языковой ситуации. В частности, по мнению Н. М. Шанского, «важность всестороннего анализа нерегулярных аффиксов и моделей для познания словообразовательной системы современного русского языка ...объясняется тем, что без этого невозможно точное и верное описание регулярных моделей» [16, с. 157]. Поэтому словообразовательные аномалии следует рассматривать не только как нарушение системных правил языка, но и как материал, отражающий динамическую природу языковой нормы.

Литература

1. Аносова, К. М. Когнитивное моделирование актов номинативной деривации (на материале фитонимов русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. М. Аносова. – Кемерово, 2009. – 24 с.
2. Антипов, А. Г. Протоформальность производного слова / А. Г. Антипов // Русский язык. Теория. История. Риторика. Методика: материалы X филологических чтений имени проф. Р. Т. Гриб. – Вып. 5. – Красноярск, 2005. – С. 12 – 17.
3. Антипов, А. Г. Русская грамматика в зеркале ЕГЭ / А. Г. Антипов, Е. Е. Рыбникова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 15.

4. Араева, Л. А. Теория полимотивации в отечественной лингвистике / Л. А. Араева // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Кемерово: ИНТ, 2009.
5. Батурина, О. В. Идиоматичность словообразовательной формы (на материале микологической лексики русского языка): дис. ... канд. филол. наук / О. В. Батурина. – Кемерово, 2004. – 253 с.
6. Блинова, О. И. Русская мотивология: учебно-методическое пособие / О. И. Блинова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Томск, 2004. – 66 с.
7. Голев, Н. Д. Фонетические мотиванты (взаимодействие разных уровней языка в сфере мотивации) / Н. Д. Голев // Семантика и системность языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1985. – С. 106 – 114.
8. Денисова, Э. С. Особенности речевого и ментального функционирования окказионального слова (на материале газетного дискурса): монография / Э. С. Денисова. – Томск: Издательство ТГПУ, 2008. – 232 с.
9. Денисова, Э. С. Воздействующий потенциал способов и приемов графодеривационной игры (на материале наружной рекламы г. Кемерово) / Э. С. Денисова, Е. А. Василенко // Вестник КемГУ. – Кемерово, 2012. – № 2. – С. 133 – 138.
10. Земская, Е. А. Унификсы (об одном виде морфем русского языка) / Е. А. Земская // Вопросы филологии. Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М.: Изд-во МГПИ, 1969. – Т. 341.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
12. Радбиль, Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте / Т. Б. Радбиль. – М.: МПГУ, 2006. – 320 с.
13. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири): монография / А. Н. Ростова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – 194 с.
14. Соколова, С. К. Полимотивация деривата в аспекте влияния его структурных свойств на речемыслительную деятельность носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. К. Соколова. – Кемерово, 2011. – 26 с.
15. Тихонов, А. Н. Русская морфемика / А. Н. Тихонов // Морфемно-орфографический словарь. Русская морфемика. – М.: Школа-пресс, 1996. – § 23.
16. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М.: МГУ, 1968.
17. Шидловская, И. А. Уникальные элементы в словообразовании современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Шидловская. – Уфа, 2011. – 22 с.
18. Щерба, Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Информация об авторе:

Денисова Эльвира Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, 89236112910, elvdenisova@yandex.ru.

Denisova Elvira Stepanovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 811.161.1'271

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКЕМЫ «ЧЛЕН» В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И. А. Долбина

THE FEATURES OF THE LEXEME “LIMB” FUNCTIONING IN THE MEDICAL DISCOURSE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY I. A. Dolbina

Данная статья посвящена изменениям, произошедшим в семантической структуре и парадигматико-синтагматических связях лексемы «член» в диахронно-нормативном аспекте. Основным языковым материалом послужил Толковый словарь В. Даля.

This article focuses on the changes occurring in the semantic structure and paradigmatic-syntagmatic connections of the lexeme “member” in the diachronic-normative aspect. As the main language material V. Dahl's explanatory dictionary served.

Ключевые слова: нормативный аспект, медицинский дискурс второй половины XIX века, изменения в семантической структуре лексемы “член”.

Keywords: the normative aspect, the medical discourse of the second half of the XIX th century, the semantic structure changes of the lexeme “member”.

Сопоставление языка текстов второй половины XIX века, тематически связанных с медицинскими знаниями, с современными лексическими нормами, создает впечатление, что произошли существенные сдвиги в словоупотреблении – в частности, в выборе слова, предпочтительности тех или иных конструкций, в семантике слов.

Настоящая статья посвящена анализу такого рода изменений в словоупотреблении лексической единицы *член* в сопоставлении с современным узусом, выявлению особенностей ее функционирования в медицинском дискурсе второй половины XIX века. Языковой базой исследования послужили толковые словари В. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, мемуары русского врача Н. И. Пирогова, сестры милосердия Крестовоздвиженской общины Е. М. Бакуниной, письма Ф. М. Достоевского, дневник миссионера В. Вербицкого. При обращении к словарно-справочным источникам для удобства в скобках указывается автор или составитель словаря и в случае необходимости название словарной статьи (например, ст. *Почка*).

В первую очередь, обращает на себя внимание такая особенность, как включенность единицы *член* в конструкции, описывающие разные состояния человеческого организма. Об активности их употребления в медицинском дискурсе второй половины XIX века свидетельствуют лексикографический материал словаря В. Даля, иллюстративный материал статьи *член* в словаре Д. Ушакова (цитаты из произведений А. П. Чехова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина), эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского.

Обратимся к языковому материалу. Так, состояние недомогания и разбитости передают сочетания: *разбиты члены* (*Не свежа голова и все члены разбиты. Был припадок из сильных, так что до сих пор темно в голове и разбиты члены.* [3, 28.1 т., 303; 29. 1 т., 250]), *болят члены* [Даль, ст. *Ломать*, *Разламывать*], *все члены болят, ломят* [Даль, ст. *Член*], *тяжелина в членах* [Даль, ст. *Тянуть*]. В словаре Даля отмеченные выражения представляют собой синонимические варианты лексикографических единиц, отражающие фразеологию самого составителя словаря:

Ломать «...». *Меня ломает*, бзлч. знобит болезненно, *члены болят*, как в лихорадке.

Разламывать или **разламливать**, «...». *Разломался от работы*, пск. *болят члены*.

Тянуть, «...». **Тяжень** ж. смб. пнз. *тяжелина в членах*. *Тяжень все в ногах стоит*.

Чувство усталости описывают сочетания *расслабление и усталость во всех членах* (*Одно желание мочiona порождает уже расслабление и усталость во всех моих членах*. Салтыков-Щедрин [Ушаков, ст. *Член*]), *не может шевельнуть ни единым членом*. [Ожегов, ст. *Член*], чувство онемелости – сочетание *члены немеют* («Его члены сладко немеют от наступавшего сна». Чехов [Ушаков, ст. *Член*]). Также при указании на негибкость тела используется выражение *не сгибаясь ни одним членом* (*Медленно, не*

сгибаясь ни одним членом, отклонилась она назад и опустилась на ту плоскую плиту. Тургенев [Ушаков, ст. *Член*]).

Данный материал демонстрирует изменение общепринятого способа выражения указанных смыслов. В современном языке аналогичное содержание было бы выражено такими сочетаниями: *всё тело разбито, чувствую разбитость (усталость)*, *всё (тело) ломит, всё (тело) болит, тяжесть в теле* – при описании недомогания и разбитости; *усталость во всем теле, не может шевельнуться (пошевелиться)* – при описании усталости; *тело немеет, всё онемело* – при описании онемения. Относительно последнего тургеневского контекста (*не сгибаясь ни одним членом*) необходимо указать на изменение в области глагольного управления: в СРЯ глагол *сгибаться* не имеет управления, в отличие от глагола *сгибать* (кого или что), требующего винительного падежа. Поэтому в контексте современных норм это выражение звучало бы следующим образом: *не сгибаясь или не сгибая чего-л. (спины, тела и т. д.)*.

Таким образом, лексическое оформление этих смыслов в современном узусе позволяет говорить о «выпадении» единицы *член* из современной фразеологии, при этом в некоторых выражениях допускается замена ее лексемой *тело*.

Вторая особенность выражается в синонимичном использовании лексем *член* и *конечность* (*часть тела*) в контекстах, описывающих судороги, онемение, отморожение, ранение, ампутацию, отсутствие, омертвление конечностей (или частей тела). Такое употребление широко представлено в словарных статьях В. Даля, в воспоминаниях о Крымской войне Н. И. Пирогова и Е. М. Бакуниной, «Записках» протоиерея В. Вербицкого. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров из названных текстов:

1) «может ли раненый **член** быть сохранен или же нужны ампутация» [6, с. 99]; «лежавших с оторванными, раздробленными **членами**» [6, с. 120]; «отнятые **члены** лежали грудями», «раненые, которым врачи присудили сохранить поврежденные **члены**» [6, с. 121] и т. д.;

2) «делали ампутации двух **членов** зараз», «у кого нет ноги, тому 50 руб., у кого нет руки – 40 руб., а у которых нет двух **членов**, то 75 руб.» [1, гл. 1];

3) «во время демонослужения они действительно являются как бесноватые, с мутными, блуждающими глазами, с конвульсиями в помраченном лице и во всех **членах**, ничего не видят, не слышат и не чувствуют» [4, с. 64].

В словаре В. Даля слово *член* встречается в лексикографическом описании таких единиц, как *Ампутация*, *Антонов-огонь*, *Апоплексия*, *Бесчленный*, *Вода* (*Водяная болезнь*), *Выбаливание*, *Вывихивать*, *Гангрена*, *Дергать*, *Застуживать* и т. д. Приведем один пример: *Ампутация* ж. лат. – отъятие, отъем, отсечение *члена*, части тела.

Безусловно, такая синонимичная замена выглядит весьма архаично и не соответствует современным

лексическим нормам. Широкий корпус текстов, в которых встречается данная синонимичность, свидетельствует о ее нормативности в XIX веке.

Третья особенность касается функционирования лексемы *член* в значении *половой орган*. Если обратиться к толкованиям семантики этого слова в словарях разных хронологических срезов (словарь В. Даля → словарь Ушакова → словарь Ожегова), то можно заметить интересную вещь: данное значение никогда не называется прямо в словарных дефинициях – оно как бы «спрятано» в широком значении таких слов, как *часть*, *орган*, завуалировано, но возникает в иллюстративном материале (*детородный член* [Ушаков], *мужской член* (мужской половой орган) [Ожегов]). В словаре В. Даля, в отличие от словарей Ушакова и Аванесова, даже в лексикографическом материале отсутствует такого типа словосочетание:

Член м. – связанная часть целого; член животного тела, уд, снаряд, орудие, данное природой, особ. руки, ноги, пальцы, иногда и голова, если членом зовут все, что наружно приставлено к телу. «...». *Все члены болят, ломят* [Даль].

Член «...». 2. Отдельный орган тела у животного (чаще о конечностях). *Его члены сладко немеют от наступавшего сна* [Чехов]. *Медленно, не сгибаясь ни одним членом, отклонилась она назад и опустилась на ту плоскую плиту* [Тургенев]. *Одно желание мочiona порождает уже расслабление и усталость во всех моих членах* [Салтыков-Щедрин]. *Детородный член* [Ушаков].

Член «...». 3. Часть тела (чаще о конечностях). *Не может шевельнуть ни единым членом. Мужской ч.* (мужской половой орган) [Ожегов].

Составители словарей при этом прибегают к непрямому, перифрастическому, смягчающему способу обозначения мужских гениталий. Эвфемизация реализуется также в таком сочетании, как *чаще о конечностях* (непроизвольно возникает вопрос: какое значение используется реже?).

На наш взгляд, такие дефиниции не соответствуют современным нормам употребления данного слова. Очевидна ретроспективность иллюстративного материала, представленного в словарной статье Ожегова, – приводится контекст из художественного текста, явно относящийся к XIX веку, но не отражающий живое употребление слова. Сейчас никто не скажет: «У меня болят члены». Непосредственное наблюдение за функционированием лексемы в речевой практике современного носителя русского языка показывает, что она используется исключительно в номинации мужского полового органа, а значение *конечность* (*верхние и нижние*) / *часть тела* реализуется только в производных словах терминологического характера – *членовредительство*, *членистоногие*. Частое же употребление СМИ данной единицы в контекстах порнографического содержания привело к формированию своего рода «радиационного» ассоциативного поля, распространяющегося на другие значения, не связанные с медицинской темой, и создающего устойчивый обценный подтекст. В результате складывается тенденция по возможности заменять данное слово синонимичными понятиями в публичной речи (необходимость такой синонимичной замены возникает

преимущественно в профессиональной деятельности педагогов, имеющих дело с детской и подростковой аудиторией).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что произошли существенные сдвиги как в значении слова *член*, так и в его правилах сочетаемости. Наблюдается сужение диапазона номинации словом *член* разных частей тела: если в XIX веке оно использовалось при обозначении как конечностей, так и полового органа, то в настоящее время оно семантически специализировалось – реализуется исключительно в значении *половой орган*. Номинативная специализация, «выпадение» лексемы из фразеологии, описывающей состояние организма, разрушение синонимической парадигмы *член* / *конечность* – процессы взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Считаем, что традиционно сложившийся лексикографический способ описания данного слова в связи с отмеченными изменениями в его семантике (т. е. активное выдвигание значения *половой орган* за счет архаизации значения *конечность* и закрепление его в качестве основного в семантической структуре лексемы) требует пересмотра.

В завершение отметим еще один факт нестандартного – с точки зрения нормы нашего времени – употребления лексемы *член* в словаре В. Даля. При объяснении значения слов, называющих венерические заболевания и половые органы, автор словаря использует в качестве синонима преимущественно лексему *часть* в форме множественного числа (*части*) в сочетании с прилагательными – *половые, мужские, женские, тайные, природные, срамные, соромные, детородные*:

Гонорея греч. болезненное течение из половых частей.

Мусьво, арх. т. е. мужество, мужские части.

Причинять, «...». *Причинные места*, важные, существенные, ипр. крепкое, в военном отношении, либо требующее укрепы, защиты. *Причинное место, в народе, природные, тайные части тела*.

Промеж, «...». / **Промежек**, место, называемое так, от порошцы до соромных частей. Промежный, промежуточный, к понятию о промежуточности относящийся; промежковый, к промежку, пространству между чем относящийся.

Пуп «...». **Пупырь** м. **пупырь**, **пупырыш**, –шек, *пупырок*, прыщ на теле, твердый, переходящий иногда в нарывчик; вообще волдырь, шишка. *Не почешешь, и пупырь не вскочит*, на все причина. || Пен. губа, гриб. Пошли бабы по пупыри. «...». || ***Мужские части**.

Пучина ж. водоверть, водоворот, «...», крутень, закрутень, выбивающий воды из бездны, или поглощающий их. || *Брюхо. *Набить пучину*. || Раскльн. женские части.

Скользить, «...». **Слизеотдельные**, –зетворные *железы* –теченье, слизотеча, слизотек, усиленное отделение и теченье слизи, со слизистых оболочек тела, из легких, из кишек или из половых частей.

Снасть (от *надо, снадобье*?) орудие, снаряд, прибор, сбруя; «...». || Природные части, откуда *двуснастный*.

Сором, *сором*, юж. зап. прм. вят. **срам**, стыд, позор, поруганье, безчестье, «...». || *Сором, соромные*,

срамные части тела, срамота, детородные; сорма тмб. женские.

Тель «...». **Телесно** сщ. ср. и *телесна* мн. арх. половые части.

Зафиксированы единичные случаи употребления словосочетаний *мужской член*, *мужские черева*, *место на теле*.

Тупой, «...». **Тупырь** прм. орнб. мужской член.

Яйце, яйцо ср. глухая, плотная оболочка, в коей вынашивается или спеет детеныш; «...». || Одно из парных мужских черев, у животных, ятро, ядро, шуля, шульно.

Периней м. врчб. место на теле, зовомое промежек или так.

В словарных статьях, посвященных описанию лексем *Орган*, *Пола* (Пол, Половой), отсутствует какое-либо упоминание о гениталиях как в толковании, так и в иллюстративном материале (ср. *половые органы* [Ожегов, ст. *Пол*; Ушаков, ст. *Половой*]):

Орган – муж., лат. орудие, снаряд, средство: более о части животного тела, у коего свое назначение. Орган кровообращения, сердце; орган зренья, глаз. Органический, -ничный, орудный, снарядный [Даль].

Пола ж. – половина. «...». // Пол, о животн. и челов. – одна из родовых половин, род, мужской или женский. *Какого пола это животное? Прекрасный пол, нежный пол, слабый пол – женский, женщины*. «...». **Половой** – отнсщс. к полу, в разн. знч. *Половые отношения человека основаны на божественных началах* [Даль].

В статье *Уд* значение полового органа завуалировано присутствует в указании *и прочее* (то же самое наблюдаем и в словаре Ушакова):

уд м. снасть, снаряд, орудие, сбруя, сосуд (откуда уда, удила, и пр.); но бол. || член, часть тела, всякое отдельное, по наружности, орудие тела, как: нога, рука, палец и пр. [Даль].

Уд, уда, муж. (старин.). Член тела (рука, нога и т. п.) [Ушаков].

Таким образом, В. Даль в лексикографическом описании единиц указанной тематики практически не использует иностранное слово латинского происхождения *organ* (несмотря на то, что в словаре это слово зафиксировано), отдавая предпочтение лексеме *часть* в форме мн. ч. Безусловно, такое употребление расходится с современными нормами. В СРЯ словоформе *части* соответствуют такие нейтральные номинативные варианты, как *член* или *орган* в сочетании с прилагательными *половой*, *мужской*, *детородный*. В связи с этим возникает вопрос о том, нормативно ли такое словоупотребление для узуса того времени или является индивидуально-авторским.

Архаичность использования церковно-книжной лексики *черева* в функции обозначения мужских гениталий становится очевидной, если обратиться к мемуарам современника В. Даля, известного хирурга второй половины XIX века Н. И. Пирогова. В своих воспоминаниях об университетских профессорах он пишет следующее: «Мухин, однако же, добросовестно, по-своему, конечно, исполнял обязанности профессора и прочитывал свою физиологию на лекциях от доски до доски, и если что из своих лекций откладывал, то потом не оставался в долгу у слушателей;

откладывал же он постоянно чтение о половых женских органах, приходившееся обыкновенно в великий пост: "Нам следовало бы теперь говорить, – повторял он ежегодно в это время, – о деторождении и половых женских органах; но так как это предмет скоромный, то мы и отлагаем его до более удобного времени" [6, с. 296]. Данный фрагмент интересен не только в лингвистическом отношении, но и с точки зрения характеристики отношения людей XIX века к темам, связанным с «человеческим низом». Если вспомнить, что В. Даль и Н. Пирогов были не только современниками и врачами, но и сокурсниками по Дерптскому университету (что предполагает владение общей медицинской терминосистемой того времени), то стилистический диссонанс единиц *половой орган* – *черева* бросается в глаза. Также не встречается единица *черева* в статье *Размножения органы* в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, издававшемся с 1890-го года и имевшем справочно-научную ценность. Из этой статьи приведем только определение: «**Размножения органы** – (или воспроизведения органы) — органы, имеющие непосредственное отношение к размножению. С этой точки зрения и столон, служащий для бесполого Р. (см.), тоже является органом Р. Но обыкновенно под именем органов Р. разумеют лишь органы полового Р., т. е. иначе половые органы».

Статьи *Почка*, *Селезенка*, *Печень* (ст. *Печь*), *Сердце* тоже демонстрируют активное употребление В. Далем вместо латинского термина *organ* русского инварианта *черева* в качестве родового понятия, даже в то время воспринимавшегося как архаичное:

Печь «...» // *Печенка*, *печень* ж. *печенец* стар. Черево в животном теле, отделяющее желчь от крови и передающее ее в кишки, по цвету похожее на печенку крови.

Почка ж. у животн. одно из брюшных черев, «...».

Селезенка брюшное черево, «...».

Сердце ср. (сог, cordis?) – грудное черево, принимающее в себя кровь из всего тела, очищающее ее чрез легкие и рассылающее обновленную кровь по всем частям, для питания, для обращения ее в плоть.

Такая стилистическая особенность, несомненно, обусловлена лингвистическими взглядами лексикографа в отношении заимствованной лексики и является их воплощением. Как известно, В. Даль, защищая идею создания русского литературного языка на народной основе, призывал художников слова активно воздействовать на нормы литературного языка, опираясь на запасы народные, не останавливаясь перед тем, что некоторые их нововведения окажутся бесплодными и преходящими [8].

Остается неясным, почему из двух русских инвариантов *член* / *часть* В. Даль отдает предпочтение лексеме *часть* при номинации гениталий, соответствует или не соответствует узуальным нормам второй пол. XIX века такой выбор, а если соответствует, то каков стилистический статус единицы, в каких сферах преимущественно она использовалась. Ограниченность текстового материала не дает нам право делать какие-либо выводы относительно поставленных вопросов. В перспективе исследования планируется расширение эмпирической базы – привлечение худо-

жественных текстов, мемуаров, дневников и писем разных авторов, словарей XIX века.

Возможно, данный выбор обусловлен не лингвистическими, а культурно-этическими причинами в силу специфики тематики такого рода номинантов, связанных с табу и потому нуждающихся в эвфемизации. Можно предположить, что в выборе лексемы сыграл роль и присутствующий в их семантике такой компонент, как градация по степени неопределенности, неконкретности в наименовании частей тела (в высшей степени неконкретно в этой функции слово «часть»).

Вопрос о том, насколько такое употребление репрезентативно для данного времени в целом, также остается открытым. Нужно при этом учитывать тот факт, что, в силу более высокой степени табуированности такой лексики по сравнению с современными нормами, сфера ее функционирования была сосредоточена преимущественно в устной живой речи, а потому многое осталось незафиксированным в письменных источниках и, следовательно, недоступным для исследования.

Литература

1. Бакунина, Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854 – 1860 гг.). // Милосердие.ru (Православный портал о благотворительности и социальной деятельности). – Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=20&s=22&id=109>
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 2000.
3. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972 – 1988.
4. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / сост. прот. Игорь Кропачев. – Новокузнецк: Сретение, 2008. – 372 с.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 798 с.
6. Пирогов, Н. И. Севастопольские письма и воспоминания / Н. И. Пирогов. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 652 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935 – 1940.
8. Чикова, Т. В. Лексические заимствования в произведениях В. И. Даля: Казака Луганского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Чикова. – Владивосток, 2003. – 27 с.

Информация об авторе:

Долбина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной истории, теории и истории культуры КузГТУ, 8-950-590-2099, iad1973@mail.ru.

Dolbina Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian History, Theory and History of Culture of KuzSTU.

УДК 81'42:82 – 96 Лосский

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ Н. О. ЛОССКОГО Е. В. Евпак

N. O. LOSSKY'S PHILOSOPHIC TEXTS IN TERMS OF LINGUOPERSONOLOGY E. V. Evpak

В статье рассматривается лингвоперсоналогическая проблематика философских текстов известного русского эмигранта, философа Н. О. Лосского.

The article deals with the philosophic texts by the famous Russian emigre philosopher N. O. Lossky in terms of linguoperpersonology.

Ключевые слова: персонология, лингвоперсонология, философский текст, языковая личность.

Keywords: personology, linguoperpersonology, philosophic text, language personality.

В современной парадигме знаний на междисциплинарном уровне наметилась тенденция к углубленному изучению индивидуальных особенностей человека, которые, собственно, и дают неповторимый (уникальный) профиль индивида. Акценты смещаются к персонализму. По словам В. А. Сулимова, «одним из наиболее ярких проявлений персонологической революции конца XX – начала XXI вв. является формирование персонологических черт текстов куль-

туры, становящихся новым самостоятельным (и = самодетальным) интеллектуальным субъектом. В этом случае антропотекст (термин, предложенный Н. Д. Голевым) предстаёт перед нами не как реализация сообщения на каком-либо языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как трансформационный генератор,

обладающий чертами интеллектуальной личности» [21, с. 45 – 53].

Сказанное определило нашу главную цель – исследовать этот самостоятельный субъект в его лингвоперсонологическом ракурсе, сравнительно недавно получившем свою научную верификацию в лингвоперсонологической гипотезе языка: «имеется в виду прежде всего тот аспект, который создаётся разнообразием ментально-языковых типов личностей (как носителей языковой способности определённых качественных типов) и тем непрерывным спектром, который это разнообразие формирует» [8, с. 20]. В настоящей статье наш лингвоперсонологический интерес сфокусирован на философском наследии Н. О. Лосского, обращение к которому не случайно. Н. О. Лосский является одним из самых ярких представителей русской мысли в зарубежье. По мнению учёных, он по достоинству занял почётное место в истории русской философии и в истории мировой мысли. Его можно без сомнений причислить к личностям, сыгравшим ключевую роль в формировании славяно-русской философии XX в. [17, с. 66 – 79].

Лингвоперсонологическое означивание философского дискурса, согласно Эпштейну может быть определено «так называемыми знаками универсальных индивидуальностей», на что указывают их именные термины. «Эти именные термины, или терминырованные имена, указывают на личные коды их создателей: не просто на индивидов в биографическом и историческом плане, но на выстроенные ими универсумы, модели мироздания. "Шекспировское" или "толстовское" (или "Лосскианское") примечание наше. – Е. Е.) – это знаки универсальных индивидуальностей, или индивидуальных универсумов, и они-то представляются решающим связующим звеном между личными именами и общими терминами, которыми оперируют гуманитарные науки (философия, филология, психология, история, культурология, искусствознание)» [23, с. 10 – 11].

О роли личности в русском философском тексте начинают говорить уже в начале XX века: «Начиная с Шопенгауэра, мы стали замечать в философе ещё поэта... цельную личность вместо хорошо отпечатанной, переплетённой и поставленной на полку книги" (Розанов)» [1, с. 28]. В высказываниях отечественных философов оформилось также мнение, согласно которому философия есть творчество: «Философствование, как... творческая жизнь души» (Ильин). Здесь мы говорим о сближении философских текстов с художественными на основе эстетической функции. Философия неоднократно высказывалась идея красоты мысли, эстетики мысли, кроме того, эстетическая функция в философском дискурсе способна соотноситься с онтологией абстракции и целостности мысли и текста. Уместно здесь суждение С. Франка, что «наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в литературных формах» [1, с. 22]. Русские философы, одновременно с освоением философии в европейских университетах, учились и в «школе русской литературы», причём это выражалось не только в освоении художественных текстов, но и в появлении целого ряда работ, посвящённых Пушкину, Толстому, Достоев-

скому, благодаря которым появились «персонотексты» [7, с. 212] отдельных философов. Так, характер разрешения этических и сотериологических проблем в учении Лосского позволяет видеть в нём продолжателя той линии русской мысли, которая проходит и через творчество Ф. М. Достоевского. Не случайно именно Лосскому, как нам кажется, лучше многих других известных философов-интерпретаторов творчества великого писателя удалось разглядеть основу его религиозного мировидения. Лосский был тем, кто одним из первых заговорил о признании Достоевским обожения конечной целью жизни человека и мира. Он понял, что писатель пророчески угадал направление истории: «Позитивизм, научная философия, материализм, отрицающая идею трансцендентного Царства Божия, неизбежно ведут по пути все возрастающего снижения идеала» [13, с. 97]. Трагедию своего времени философ воспринял как начало исполнения этого пророчества Достоевского. Можно, не преувеличивая, сказать, что этика Абсолюта рождается из опыта осознания художественного творчества Достоевского, да и само православие часто понимается Лосским через призму его идей [6, с. 140 – 158].

Философский текст берёт своё начало в синкретической словесности. Есть мнение, что «жанр философской поэмы в гексаметрах гомеровского типа древнее философских сочинений в прозе, можно сказать, что при рождении своём философия начала говорить стихами». А. Ф. Лосев утверждает, что «досократовские мыслители вообще были полуфилософами, полупоэтами». Доказывалось также, что вся досократовская философия есть просто отдел лирики. Следует отметить, что данная традиция обращает на себя внимание и в последующих трудах философов. Грановская считает основным свойством русского философского языка поэтизированность, понимаемую как метафорику [5, с. 31]. Философский текст способен заимствовать ключевые метафоры из языка культуры и переосмыслять их. Речь идёт о так называемой «органической метафоре». Органическая метафора, по мнению специалистов, представляет собой основную культурную метафору первой половины XX века и находит многообразное отражение в языке и приобретает тем самым лингвоперсонологический акцент, например: в метафоре «всеединство – организм» («единство органического тела» у Соловьёва; «мир – организм» («Мир как органическое целое» Лосского). Согласно Евтушенко, метафоричность свойственна философскому тексту в той же мере, что и общенациональному языку, и должна рассматриваться на общезыковом уровне. Когнитивный аспект метафоры, хотя он может быть раскрыт в том числе на примере философского текста, представляет собой общезыковую проблему [5, с. 32]. Лингвоперсонологический акцент присущ переводным философским текстам, «когда возникает вопрос о шкале свободы языкового знака» [18, с. 15] и «подобно тому: почему по одному тексту дети пишут разные изложения, а по одной картине – разные сочинения» [9, с. 12 – 13]. Это, по мнению Н. Азаровой, «обуславливает конгениальный характер лучших переводов и позволяет рассматривать их в качестве самостоятельных философских текстов на русском языке. Проблемы перево-

да ставятся философами как в историческом аспекте, то есть в связи с формированием русского философского языка и его влиянием на общенациональный язык, так и в связи с прямым или косвенным определением статуса переводного философского текста» [1, с. 37]. Известно, что Лосский активно занимался переводческой деятельностью. Он перевёл книги Ф. Паульсена «Иммануил Кант, его жизнь и учение», И. Ремке «Очерк истории философии», объёмистые тома К. Фишера о Канте, Шеллинге, Гегеле. Эта деятельность привела его к переводу «Критики чистого разума» Канта. «Труд этот, — вспоминает Лосский, — я предпринял не ради уже заработка и не по заказу какого-либо издательства, а по собственной инициативе. Я считал, что существенным условием для преодоления критицизма должно быть знание и точное понимание "Критики чистого разума", книги, написанной тяжёлым языком и потому малодоступной широким кругам общества» [11, с. 135]. К этому времени на русском языке было уже два перевода «Критики чистого разума», сделанные М. И. Владиславлевым (1867 г.) и Н. М. Соколовым (1896 – 1897 гг.). Оба содержали немало ошибок, искажений и не отличались литературными достоинствами. Прекрасное чувство языка, глубокое понимание кантовской философии, учёт опыта переводов «Критики» на другие языки позволили Лосскому сделать перевод труда великого мыслителя, которым мы пользуемся и по сей день [22, с. 22].

Н. О. Лосский раскрыл основы теории познания в свете оригинальной интуитивистской философии. Своё учение он обосновал в работах «Обоснование интуитивизма» и «Мир как органическое целое», «Популярность интуитивизма». Е. П. Борзова пишет: «Теорию познания можно найти у каждого известного философа, но никто из них не основал свою теорию на интуиции в том смысле, в каком понимал этот термин Лосский» [3, с. 27]. Претендуя своей философской концепцией на высшее достижение мировой мысли и своеобразие, вводит новые термины, категории. При объяснении процесса познания он, «по-своему», определяет семантическую составляющую базисных классических философских категорий «субъект», «объект», «субстанция». Ведь «для философа характерно стремление наполнить существующий термин новым содержанием, а не заменить термин на другой..., заново определить даже известные философские термины...» [1, с. 48 – 50]. Н. О. Лосский вводит новые понятия, актуальные для понимания его философии: «субстанциональный деятель», «гносеологическая координация», «конкретно-идеальное бытие» [10; 5, с. 52]. «Конкретно-идеальное бытие как творческий источник и носитель своих проявлений может быть обозначено термином «субстанция», или субъект; для большей наглядности и конкретности я буду обозначать его термином «субстанциональный деятель» [14, с. 36]. И далее: «Субстанциональные деятели психо-материального царства, будучи эгоистически сосредоточены на себе, на низших ступенях своего развития так обособлены друг от друга, как свободные электроны или протоны, несущиеся в пространстве. В этом состоянии жизнь их крайне обеднена и однообразна. Выход из этой скудности жизни

достигается путём образования несколькими деятелями союзов, становящихся по мере развития деятелей все более сложными: протоны и электроны, сочетаясь, образуют атом, из атомов возникают молекулы, кристаллы и т. п., далее – одноклеточные организмы, многоклеточные организмы и т. д. Во главе каждого такого союза стоит субстанциональный деятель, сравнительно более высоко развитый, чем присоединившиеся к нему деятели; он способен организовать подчинившихся ему деятелей и управлять ими, как своими органами, так, чтобы совместная жизнь их была более сложной и более содержательной, чем тогда, когда они действуют в одиночку. Совокупность деятелей, подчинившихся более высокому деятелю, можно назвать телом его. Надобно заметить, впрочем, что словом «тело» приходится обозначать, кроме того, и совершенно другое понятие, именно систему пространственных проявлений, производимых главным деятелем в сотрудничестве с подчинёнными ему» [14, с. 202]. «Гносеологическая координация» – понятие, заимствованное Лосским у имманентной философии, но играющее в его метафизике другую роль, а потому получающее несколько иной смысл. Специально это понятие Лосский разъясняет в статье «Интуитивизм и современный реализм», помещённой в «Сборнике статей, посвящённых П. Б. Струве» (Прага, 1925) [4, с. 219]. Обращает на себя внимание термин Н. О. Лосского «всеприсутствие» («действительное всеприсутствие Божие»), который, так же, как термины «всеприсутствие», «вселенскость» восходит к авторскому термину В. Соловьёва «всеединство» [1, с. 66]. Как отмечает Грановская, «русская философская литература за рубежом ввела в научный обиход западной науки ряд переинтерпретированных понятий (эйдос, имморализм, почвенничество, провиденциализм, плюрализм, пантеизм, интуитивизм)» [5, с. 68].

По словам А. А. Овчарова, Лосский определяет интуитивизм как учение о том, как познаваемый предмет вступает в познающее сознание в подлиннике самолично и потому познается так, как он существует независимо от акта познания [19, с. 232]. Русская философия создала своё оригинальное учение о софиологии, не принадлежавшее ни к одной из известных нам философских систем. Русские философы писали об особом софийном чувстве – даре непосредственного, глубокого понимания и переживания извечной, непреходящей красоты мира, её ценности, таящейся в самых обыденных вещах при внешней их скудости и невыразительности. Идея Софии-Мудрости получает в русской философии не только отвлечённо-теоретическое, но и образно-символическое воплощение истины блага, красоты, вечной женственности. «Идеальное единство деятельности, — писал Н. Лосский, — достигается путём искусства жизни, преображающего мир и создающего мир в красоте. Такое действенное искусство Вл. Соловьёв неправильно назвал теургиею, т. е. богодейством. В действительности оно есть сочетание теургии и софиургии, т. е. совместное действие нисхождения человека к Богу» [5, с. 70]. Н. О. Лосскому принадлежат такие лингвоперсоналогические маркеры, как концептуализация местоимений: «Хорошо известный каждому из нас путём непосредственного наблюдения пример

субстанционального деятеля-субъекта, творящего реальное бытие, есть наше "я". Каждое моё чувство, хотение и поступок принадлежит к сфере реального", т. е. временного бытия, и потому резко отличается от моего "я"... Тем не менее чувства, хотения, поступки теснейшим образом связаны с "я", они суть его проявления, его переживания: когда "я" творит их, они не просто существуют, а существуют для "я", как то, в чём "я" живёт и в чём "я" обладает длясебябытием» [16, с. 36]. На философское осмысление и интерпретацию семантики дейктических слов указывает Л. М. Грановская: «Показательно и естественным образом предопределено интересом к философскому и социологическому аспектам языковедения рассмотрение местоимения, — "парадоксального" грамматического класса слов, способных выразить невыразимое в слове-идее, "передавать мистический жест, онтологические точки касания"» (С. Франк) [5, с. 66]. Подобный маркер Н. О. Лосского мы находим, например, в заглавии: один из разделов философского труда Н. О. Лосского обозначен как «Длясебябытие субстанционального деятеля» [15, с. 858]. О знаковой функции местоимений говорит Лосский применительно к работе С. Н. Булгакова: «С. Н. Булгаков отметил глубокое различие в употреблении местоимения "ничто" и в смысле невозможности определения сущности явления и состояния, которое ещё не обнаружено» [12, с. 235]. При этом термин, ограничивая мысль философским полем, не теряет связь с понятийностью общенационального языка. А философский текст в этой связи «подразумевает не специальную область, даже понятию расширительно (в своём философском значении — авторск.), а некоторое пространство, в котором рождается мысль, некоторое событие мысли, некоторый расклад наименований истины, что не объектно и не тематизируется» [12, с. 47]. Вместе с тем философский аспект накладывает свой

отпечаток на общее впечатление «словесности» текстов. Добавим также, что «данное свойство языка рождается за пределами самого языка, оно происходит от употребляющих язык людей, высказывающихся в определённой ситуации (ситуации иномадальности, ирреальности. — отмечено нами). И потому речь состоит не только из того, что она сама собой говорит, но также и из актуализации этой возможности высказать что-то, из сознания смысла всей ситуации... Точный смысл любого слова всегда определяется теми обстоятельствами, той ситуацией, в которых они были произнесены. Таким образом, словарное значение каждого слова не более, чем остов его подлинных значений, которые во всяком употреблении бывают в какой-то мере разными и новыми, облекая данный костяк живой плотью конкретного смысла в быстро-текущем и постоянно изменчивом потоке речи» [20, с. 669]. «Мы с полным правом можем утверждать: суть речи как раз и заключается в постоянном нарушении грамматических правил и словарных норм. В строго формальном смысле "быть хорошим писателем", другими словами, иметь собственный стиль, — значит производить постоянные и частные вторжения в лексику и грамматику» [20]. Всё сказанное, как нам видится, включается в лингвоперсонологию, когда языковая личность вступает в акт «непрерывной оригинальности», в той ситуации, когда «недопустимо говорить о господстве языка над человеком» [2, с. 13].

Итак, всё возрастающее значение лингвистической рефлексии связано не только с чисто языковедческими интересами, но и с её важной ролью в исследованиях других направлений гуманитарных наук. Именно это обстоятельство налагает особую ответственность на лингвистов, представляющих вместе с другими гуманитариями ведущее звено в подобного рода исследованиях.

Литература

1. Азарова, Н. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века / Н. Азарова. — М.: ГНОЗИС/ЛОГОС, 2010. — 228 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Гнозис, 2005. — 326 с.
3. Борзова, Е. П. Николай Онуфриевич Лосский: философские искания / Е. П. Борзова. — СПб.: СПбКО, 2008. — 132 с.
4. Гайденок, П. П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века / П. П. Гайденок. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 472 с.
5. Грановская, Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны / Л. М. Грановская. — М.: ИРЯЗ, 1995. — 176 с.
6. Евпак, Е. В. Этика Абсолюта Н. Лосского и духовный опыт Ф. Достоевского / Е. В. Евпак, О. В. Пичугина // *Tragédia doby, človeka, literatury. Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta.* — Nitra, 2011.
7. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. — Томск: ТГПУ, 2009. — 312 с.
8. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева и др. — Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.
9. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / Н. Д. Голев [и др.]; под ред. Н. В. Мельник. — Кемерово, 2009. — 384 с.
10. Лосский, Н. О. Общедоступное введение в философию / Н. О. Лосский. — Посев, 1956.
11. Лосский, Н. О. Воспитания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский. — München, 1968.
12. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. — М., 1991. — 514 с.
13. Лосский, Н. О. Бог и мировое зло / Н. О. Лосский. — М., 1994.

14. Лосский, Н. О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 416 с.
15. Лосский, Н. Ценность и бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей / Н. Лосский. – Харьков: Фолио; М.: Аст, 2000. – 864 с.
16. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Сварог и К, 2000.
17. Матейко, Л. Н. О. Лосский в тени словацкой науки / Л. Матейко // Мифы-стереотипы-образы. Восприятие России в Словакии. SDK SVE Pro Historia. Институт истории Словацкой академии наук. – Братислава; Йошкар-Ола, 2010.
18. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: монография / Н. В. Мельник. – Кемерово, 2010. – 212 с.
19. Овчаров, А. А. Прологомены к идеал-реалистической теории интуиции: монография / А. А. Овчаров. – Кемерово, 2010. – 232 с.
20. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды: пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2000. – 704 с.
21. Сулимов, В. А. Персона как вызов / В. А. Сулимов // Философские науки. – 2009. – № 12.
22. Филатов, В. П. Жизнь и философская система Н. О. Лосского / В. П. Филатов // Н. О. Лосский. Избранное. – М.: Правда, 1991. – 622 с.
23. Эпштейн, Н. Homo scriptor: введение в скрипторику как антропологию письма / Н. Эпштейн // Философские науки. – 2008. – № 8.

Информация об авторе:

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, jevpak.72@mail.ru.

Evpak Evgeny Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.

УДК: 81'373.612

ВОПРОСЫ НЕТИКЕТА: ОБРАЩЕНИЕ НА «ТЫ» И «ВЫ» В ИНТЕРНЕТ-СЕТИ

И. В. Евсеева

ISSUES OF ETIQUETTE IN THE INTERNET.

THE USE OF THE RUSSIAN PERSONAL PRONOUNS «TY» AND «VY»

I. V. Evseeva

Об использовании *ты*- и *вы*-форм в речи и на письме при нормативном общении подробно говорится в работах по русскому речевому этикету. Но эти нормы неприменимы к этикету сетевого общения, который пока еще находится на стадии становления. В статье прослеживаются тенденции формирования этикета в сети, основное внимание направлено на оценку выбора *ты*- и *вы*-форм общения в Интернете и на то, как происходит процесс перехода с *ты* на *вы*, и наоборот, с *вы* на *ты*.

The usage of *ty*- and *vy*-forms in speech and in writing within a regulatory dialogue is described in detail in the works on the Russian speech etiquette. But these rules are not applicable to the etiquette of social networking – net-etiquette, which is still being formed. The article traces the general tendencies of etiquette in the Internet and focuses on assessing the choice of *ty*- and *vy*-forms in the Internet communication and the process of shift from *ty* to *vy* and vice versa.

Ключевые слова: речевой этикет, нетикет, *ты*- и *вы*-формы общения.

Keywords: speech etiquette, etiquette in the Internet, *ty*- and *vy*-forms.

Ты- и *вы*-формы, входящие в парадигму русских этикетных форм вежливости, играют важнейшую роль в речевом этикете. Они подчеркивают существующую между собеседниками дистанцию, которую определяет ряд параметров: возраст собеседников, их социальный статус, иерархия деловых отношений, личностные особенности говорящего и слушающего и некоторые другие параметры. Все эти характеристики проявляются как в устной, так и в письменной речи. Указывая на разные прагматические функции, которые выполняют русские местоименные формы, исследователи, как правило, отмечают только то, что

ты является маркером интимности и равенства, *вы* – дистантности и неравенства [3].

Когда, где и как используются *ты*- и *вы*-формы в речи и на письме при нормативном общении достаточно подробно описано в работах по русскому речевому этикету.

Вопросы типа *Как правильно (или Как лучше)* – *ты* или *вы*? возникают при употреблении этих форм в рунете (русскоязычном Интернете). И эти вопросы волнуют не только лингвистов, следящих за развитием русского языка, и лингвистов-кодификаторов, следящих за соблюдением нормы, но и простых пользо-

вателей, одни из которых считают, что в Интернете уместнее использовать *вы*-, другие – *ты*-формы.

В своей относительно недавно вышедшей книге М. А. Кронгауз отмечает, что сетевой этикет «существует, но представляет собой довольно причудливую смесь из компонентов устного и письменного (эпистолярного) этикета» [2, с. 124]. Давая интервью журналисту Н. Антоновичу, М. А. Кронгауз также отмечает: «То, что происходит в рунете, совсем не уникально. Интернет вообще чрезвычайно неоднороден, и язык какого-нибудь официального сайта, например министерского, – вполне обычный письменный бюрократический язык» [1].

Язык в Интернете значительно отличается от традиционного, привычного письменного стандарта. Говоря здесь о языке Интернета, мы имеем в виду общение на всевозможных Интернет-форумах, в блогах, чатах, социальных сетях, представляющее собой, по сути дела, тексты устных разговорных жанров, но в их письменной форме.

Когда на форумах идет обсуждение вопроса, связанного с выбором *ты* или *вы* (см., например: Бессамемучо: <...> *Возник тут в соседней ветке спор: обращение – как принято в интернете "ты" или "вы"?* <http://izhevsk.ru>), пользователи нередко ссылаются на уже сложившиеся и описанные специалистами нормы речевого этикета, например, таким образом: «...согласно правилам современного этикета, обращение < Вы > является обязательным в следующих случаях: ... Обращение < ты > допустимо: ...». Однако люди при этом забывают, что нормы речевого этикета, которые они имеют в виду, вообще говоря, не приложимы к сетевому общению, для которого пока еще лингвистические «законы не писаны».

Организаторы некоторых форумов, признавая проблему использования *ты*- и *вы*-форм в сети, при регистрации просят указывать предпочтительную форму обращения к пользователю, что направлено, возможно, на упрощение коммуникации на форумах.

Сетевой этикет, уже получивший название *нетикета*, пока еще находится на стадии становления. Сейчас мы можем только проследить на конкретных Интернет-диалогах, каковы общие тенденции формирования этикета в сети. Именно это и является задачей данной работы. До окончательных выводов и сложившихся нормах, до формулировок правил речевого общения в нетикете еще далеко.

В данной работе, таким образом, основное внимание будет направлено на (1) оценку выбора *ты*- и *вы*-форм общения в Интернет-сети и на (2) то, как происходит процесс перехода с *ты* на *вы* и, наоборот, с *вы* на *ты*.

При анализе речевого материала мы рассматривали тексты, опубликованные на разных форумах. Среди этих форумов есть типично женские – например, форумы домохозяек и толстущек, типично мужские – форумы рыболовов, охотников, программистов или автолюбителей (именно мужчины на этих форумах чаще всего выступают «знатоками», хотя на мужские форумы заходят и женщины, которые задают интересующие их вопросы или просят совета). Наконец, обращались мы и к текстам, помещенным на «смешанных» форумах, – форумах музыкантов, художников и некоторым другим.

Основными пользователями Интернета, как известно, являются люди в возрасте от 14 до 50 лет. Каждый выбирает себе общение «по интересам». Именно интерес становится важнейшим параметром и стимулом при вступлении в коммуникацию; возрастной показатель, социальный статус общающихся отступают на задний план, тем более, что в сети эти признаки часто скрыты.

Вот примеры некоторых высказываний, которые мы рассматриваем. Они взяты из форума (<http://izhevsk.ru>): *В интернете чаще всего все общаются именно на ты, даже 16-летние подростки с 50-летними взрослыми людьми. И это не признак неуважения, а всего лишь особенности интернет-жизни, общение на равных, а не игра в "задавалки"* (Бессамемучо); *Выкание в интернете = ханжество* (Clifton). Ср. также высказывания на форуме (<http://www.tolstushka.info>): *В сети как в бане – все равны. Ну нет тут ни социальных статусов, ни возраста, ни пола порой ...* (Friski); *В инете редко выкаю, только если не знаю как обратиться* (DoReMi); *Меня как-то с детства приучили начинать с «Вы». Вроде бы помогает держаться в рамках, особенно когда доходит до споров. На самом деле не придаю этому большого значения* (BitterHoney); *В жизни я выкаю людям даже младше моего возраста, это в первую очередь для меня от степени знакомства зависит, тыкать мало-знакомым людям для меня считается некультурно ...* (LEXX); *В интернете флуд и хамство правят, о каком деликатном обращении идет речь? Бережешь свои нервы – просто проигнорируй Тыкание* (Веснауже).

Речевое наполнение диалоговых реплик в Интернете, а также высказывания интернет-пользователей позволяют выделить некоторые факторы, влияющие на выбор *ты*-формы:

1) «не важно, кто как выглядит». Коммуниканты не только не знакомы, но и не видят друг друга. Фото (аватарка), которое выставляется в сети, часто не соответствует тому, что есть на самом деле (это может быть, например, изображение животного, фото любимого актера, картинка автомобиля, музыкального инструмента и проч.). Пользователь намеренно скрывает свое лицо, а имя заменяет вымышленным, или, в интернет-терминологии, ником. Отсюда расхожее мнение: «*выкать*» *нику просто глупо*»;

2) «люди в инете стараются особо не светиться». В личных данных пользователя чаще всего отсутствует указание на возраст, социальный статус, профессию; иногда трудно определить даже половую принадлежность (ср.: *Я ставлю в профиле дату своего рождения, упоминаю где-то свое имя, даже что-то могу рассказать о себе, но все это я могла и придумать. Возможно, я вообще прыщавый 12-летний пацан, не вылезающий из порносайтов, а сюда захожу по<...>ть* (сокращено нами. – И. Е.) *своим придуманным образом. И чего? На «вы» будете ко мне обращаться?* (MARGA, <http://www.pushkino.org>);

3) на форумах часто обсуждаются темы, которые никак не располагают «выкать» собеседнику (например, «*Кто какое пиво предпочитает?*», см. диалог на форуме автолюбителей (<http://lada-club.my1.ru>): – *Кста, вчера попробовал джбанека 0,5 в бутылки, был приятно удивлен, может так попало? – Это те-*

бе повезло, один раз попробовал бутылочный, большие никогда не покупал. – Чет седня захотелось ... рижского взял ... хорошее. – У тебя пивзавод рядом, ништяково. – Бросаю ПИТЬ! Сам себе не верю, но так будет лучше. – Температуру померь, не болен ли ты).

Кроме того, каждый пользователь выбирает себе общение «по интересам», принимая или не принимая чью-либо точку зрения по какому-то вопросу, а также высказывая свои мысли. Обсуждение в сети некой проблемы, которая интересует разных коммуникантов, сближает их, особенно, если они стоят на одних позициях, т. е. их мысли близки. В таких случаях люди обычно симпатизируют друг другу, и общение на *ты* стирает все предполагаемые условности (ориентация на реальную коммуникацию), которые изначально не заданы (ср.: *К замечательной форумчанке Лилиан я всегда обращался на ты на форуме в знак того, что мы близки, понимаем друг друга, в одном месте на одной волне* (Betacarrier, <http://www.pushkino.org>);

(4) обращение «на *ты*» как способ продемонстрировать уважение к собеседнику. Ср. высказывания на форуме (<http://www.pushkino.org>): *Когда общение в инете идёт на "вы" это в большинстве случаев напяржение в разговоре, а не уважение* (White9), или на форуме (<http://www.tolstushka.info>): *Обращаюсь на "ты" – и так выражаю уважение* (Бол_Тушка).

Выбору *ты*-формы общения в Интернете способствует общее влияние, которое оказывает на русский язык западная, главным образом американская, культура и английский язык. В нем, как известно, местоимения второго лица единственного и множественного числа совпадают («you»), т. е. в английском языке нет местоимения *вы* в его русском понимании, а потому проблемы выбора формы не возникает.

Всё это приводит к неформальному общению, к переходу на *ты*-форму. Скрытость информации позволяет пишущему в Интернете свободно высказывать свои мысли, спорить. Он не боится реакции (даже отрицательной) со стороны собеседников, так как диалог происходит в виртуальном мире, а не в реальной жизни. Здесь каждый может в любой момент уйти от общения, отказавшись реагировать на замечания и комментарии со стороны, или вообще перейти на другой форум.

Когда исследуешь материалы форумов, создается впечатление, что в Интернете происходит (и здесь мы не можем не прибегнуть к языковой игре) отВЫкание, т. е. намеренный уход в сети от *вы*-формы общения. Пользователи с большим стажем (10 – 15 лет общения в сети) считают обращение «на *ты*» нормой. Их возмущает, что кто-то, позже пришедший в данный виртуальный мир, пытается ввести свои правила, ср.: *Когда несколько лет назад сетевое общение стало широко доступным некоторые ранимые натуры в основном гуманитарного склада несколько ошалели от царивших порядков и пытаются с переменным успехом изменить устоявшийся порядок* (serg71, <http://www.pushkino.org>).

Речевые процессы и изменения в модусе общения привели к следующему: на одном из форумов (<http://www.pushkino.org>) мы встречаем предложение проголосовать: кто за *ты*, а кто за *вы*-форму общения. Пользователи отвечали на вопросы (*Вы допускаете обращение «ты» к незнакомому человеку в инете? Вы*

не допускаете подобных фамильярностей?), на которые было получено примерно одинаковое количество голосов. Пользователи считают, что существуют коммуникативные ситуации, требующие учета дистанции в Интернете (напомним, речь идет об общении в социальных сетях, чатах, на форумах, а не о выставленных в Интернете материалах официальных сайтов). Иногда обращение «на *вы*» влечет за собой иные цели, например, выразить «свое мега-фу» (Веселая Дамочка, <http://www.tolstushka.info>).

Перечислим факторы, влияющие на выбор *вы/Вы*-формы общения:

1) «сказывается воспитание». Многие пользователи не могут перейти «на *ты*» с незнакомым человеком в силу своего воспитания. Ср. высказывания на форуме (<http://www.tolstushka.info>): *Как в жизни, так и в сети общаюсь на «Вы», хотя некоторых это напяржает... Ну так это не мои проблемы* (Веселая Дамочка), *Встречала на форумах возмущение, когда к кому-то обращаются на «ты». Редко, но встречала. Поэтому на «вы» с маленькой буковки самое оптимальное* (Веселая Дамочка), *Есть участники форума, про которых я имею некоторое представление, и к парочке-тройке на Вы, ну там учитывается возраст, манера общения самого человека (ЦИННИК), или на* (<http://www.pushkino.org>): *Обычно "выкаю" людям, с которыми не знакома по реалу. Но "вы" – с маленькой буковы, использование большой считаю излишней манерностью* (Raindog);

2) «выкаю, только если не знаю, как обратиться». Часто по языковому наполнению высказывания вполне можно определить возраст и/или образование человека; за ником человека нередко угадывается «ранимая натура гуманитарного склада». В этом случае сами посетители форума предпочитают обращение «на *вы*», хотя потом, после знакомства в сети, как правило, переходят «на *ты*».

3) «на *вы*, если обсуждаемая тема – не флуд» (флуд, от англ. flood ‘поток’ – это очень короткие и неинформативные сообщения), а человек, высказавший свое мнение, заслуживает особого уважения. Значимым для общающихся в сети является тема разговора. На форумах, когда возникают важные для собеседников вопросы, которые требуют совета от профессионала (например, советы по выбору и установке компьютерных программ), в этих случаях типично обращение «на *вы*». Например, один из пользователей форума программистов (<http://www.programmersforum.ru>) после прочтения квалифицированного ответа на заданный вопрос реагирует: *Огромное спасибо, изумительно, понятно даже для ламеров. Но, не могли бы Вы еще помочь с TWebBrowser, как там отправлять postdata? Заранее огромное спасибо, и я эту статью повешаю на стену, как вечную памятку* (Hans);

4) половая принадлежность. Женщины в среднем тяготеют к более вежливой речи. На типично женских форумах, например на форуме толстушек, мы чаще встречаем обращение «на *вы*», хотя при обсуждении проблемы *ты-вы* общения те же пользователи говорят, что удобнее и правильнее в сети обращаться «на *ты*»;

5) «когда мне "выкают", я тоже "выкаю" в ответ» (Grigor, <http://www.pushkino.org>);

б) «там, где в Интернет-разговоре переходят на вы, в реале уже бьют морду». Часто обращение «на вы» используется в сети с целью оскорбить или «зацепить» собеседника. Например, на форуме (<http://www.pushkino.org>) встречаем: *В сети на вы? Назвать козлом было бы меньшим оскорблением* (serg71,) сравните: *Иногда обращаюсь на "вы" к форумчанам, если хочу гадость написать* (MARGA), *Если уж хочется что-то показать* (здесь – сделать замечание, вставка наша. – И. Е.), *но не хамить, то тут конечно, "Вы" – идеальный инструмент, но опять же это подтверждает, что при нормальном общении разговор на вы уже как-то напряжен* (Betacarrier), *Обычно "выкаю" ... Вайту, когда тот начинает хамить* (Raindog), а также на форуме (<http://www.tolstushka.info>): *В инете – «выкаю» обычно, если общение протекает в желчно-ироничной форме. Если выкают мне при общении в нормальной форме обычно шучу, что «глистов не держу, раздвоением личности не страдаю, чего выкаем?»* (влад77).

Материалы форумов позволяют выделить случаи перехода с ты на вы и, наоборот, с вы на ты.

Переход с вы на ты имеет место, когда:

1) между общающимися людьми устанавливаются доброжелательные или просто дружеские отношения. Приведу пример такого общения: контактируют в сети «Мой мир» молодая девушка 14 лет (далее – Н) и мужчина 40 лет (далее – А). Их личная информация открыта – фото, возраст, место жительства, определены интересы (их интересует классическая музыка, а именно – игра на гитаре). Вот сокращенный диалог между ними (получен с разрешения авторов) с параллельными комментариями (в качестве комментария мы используем модели обращения, включающие компоненты И – имя, ВЫ – официально-уважительное обращение «на вы», но не обязательно при помощи местоимения – эта форма прочитывается в глагольных формах, П – дружеское приветствие, ТЫ – дружеское обращение «на ты», в том числе в глагольных формах):

А: *Наташа, здравствуйте! Был бы очень благодарен за ноты ...* (И + ВЫ);

Н: *Здравствуйте! Я послезавтра их отсканирую и отправлю* (ВЫ, в обращении младшего к старшему отсутствие имени объясняется большой разницей в возрасте коммуникантов, Н еще не готова обратиться по имени) <...>;

А: *Наташа спасибо большое! <...> У меня есть 42 альбома гитарной классической музыки – могу скинуть* (И);

Н: *Алексей, спасибо огромное!* (И);

А: *Наташа привет! Это альбом Ана Видович, если интересует, пришлю еще, только напиши, пожалуйста, если надо* (И + ТЫ, П);

Н: *Пожалуйста, если вас не затруднит* (ВЫ);

А: *Наташа, ... Можно и на ты – это же все так неофициально и весело!* (И + ТЫ);

Н: *<...> А тебе какая музыка нравится. Кинь ссылку на ютуб, хочу этуод послушать* (И);

А: *Наташа, с наступающим Новым Годом <...> Желаю тебе плодотворного года и творческих успехов!!!* (И + ТЫ);

Н: *Спасибо! Тебя тоже с праздником! ... Всего тебе самого-самого лучшего!* (ТЫ).

Данный диалог демонстрирует плавный переход с вы на ты – общение, что, видимо, объясняется и разницей в возрасте, и воспитанием (обращение к старшему – на вы). Однако чаще собеседники в сети быстрее переходят «на ты», если общение на общие темы обоим (а иногда трем и более коммуникантам) приятно или если человек располагает к общению. Это может происходить, с одной стороны, так сказать, само собой, т. е. незаметно для общающихся людей, а с другой стороны, в разговоре может поступить эксплицитное предложение «перейти на ты» от одного из общающихся лиц;

2) когда во время диалога один человек к другому обращается «на Вы/вы», а тот ему отвечает «на ты», это не всегда говорит о хамстве и невоспитанности второго. Иногда адресат бывает невнимательным, или, особенно при интенсивном общении, не всегда может удержать в голове, с кем уже «на ты», а с кем ещё «на вы».

С ты на вы в Интернет-сети переходят, как кажется, только в одном случае – когда разговор приобретает недружелюбный характер, например, один участник диалога навязывает свои мысли другому и по этой причине становится ему неприятным. В этом случае «прежний друг» становится «бывшим другом», коммуникативная дистанция между людьми меняется, что выражается в переходе к вы-форме (но не к уважительной Вы-форме!).

Приведем пример еще одного случая перехода с ты на вы. Но здесь обращаем внимание на то, что речь идет об общении в сети и в «реале». Так, одна из пользовательниц форума, говоря о предпочтении выбора ты- и вы-форм общения, отмечает: «... Зависит от того, в какой форме беседа протекает. Могу «ты» говорить в Интернете, а при встрече на «вы» перейти» (Pina Colada).

Подведем итог.

Все сказанное выше об использовании ты- или вы-форм в Интернет-коммуникации говорит о том, что сетевой этикет отличается от традиционного, и нельзя однозначно сказать что одно – это хорошо, а другое – плохо. В каждом из этих этикетов постепенно вырабатывались/вырабатываются свои нормы и правила общения. На фоне этого происходит изменение этических норм.

Сетевая коммуникация, активно развивающаяся в последнее десятилетие, пока еще находится на стадии становления и установления норм. В настоящее время наблюдается тенденция формирования нового стиля в русском языке, а именно – особого стиля Интернет-общения, отличительными признаками которого являются письменное произношение, гиперинтертекстуальность и зафиксированная в письменной форме разговорная речь. При этом качественно новым признаком стиля также является его спонтанность, несмотря на письменное воспроизведение.

Правила этикета, как уже было сказано, в Интернет-сети еще формируются. Стоит отметить, что этикет в обычной коммуникации нельзя считать сегодня неизменным. На сетевой этикет накладывают отпечаток сложившиеся в реальной коммуникации нормы и правила, и точно так же особенности сетевого этикета проникают в реальную коммуникацию. В этой связи один пример. Лаборатория «Эффективной речевой

коммуникации», открытая на базе Кемеровского государственного университета, начала анкетирование в социальной сети facebook. Предметом этого анкетирования явилось выяснение отдельных вопросов, касающихся особенностей современного общения. В частности, авторов анкеты интересует тема устного обращения к коллегам. В сети задан вопрос: Какие формы обращения из перечисленных ниже вы обычно используете на работе? В качестве ответов были предложены, например, такие: «Имя + отчество в сочетании с вы», «На вы без имени», «Сокращенное имя в сочетании с вы», «Полное имя в сочетании с вы» и

нек. др. Большинство из пользователей при ответе на данные вопросы затруднились с выбором конкретного ответа. Многие респонденты говорят о возможности использования каждого из предложенных вариантов в зависимости от ситуации общения. Уже это говорит о размывании существующих в языке норм этикета.

Итак, нормы и правила этикета, как сетевого, так и реального, зависят не только от уже существующих норм языка, но и от предпочтений, вкуса, уровня воспитания и прочих факторов носителей и пользователей языка.

Литература

1. Антонович, Н. Максим Кронгауз: русскому языку ничего не угрожает, даже Интернет / Н. Антонович. – Режим доступа: <http://kp.ru/daily/25798/2777921/>
2. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М.: Знак: языки славянских культур, 2007.
3. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Информация об авторе:

Евсеева Ирина Владимировна – кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, 8(39145)28409, ivevseeva@yandex.ru.

Evseeva Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of the Russian Language and Literature of Lesosibirsk Pedagogical Institute – branch of Siberian Federal University.

УДК 811.111'42

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ КОНЦЕПТОВ “CONFLICT” И “FIRE” И ЕЕ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е. Н. Ермолаева, Н. С. Соколова

METAPHORICAL CORRELATION BETWEEN CONCEPTS “CONFLICT” AND “FIRE” AND ITS REPRESENTATION IN MODERN ENGLISH PHRASEOLOGY

E. N. Ermolaeva, N. S. Sokolova

В статье освещается проблема метафорической концептуализации действительности, основанной на ассоциативном соотношении абстрактных и базовых (конкретных) концептов. Метафора рассматривается как когнитивный механизм, структура, соединяющая ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, в формировании которой существенную роль играет культурная среда. Иллюстративным примером выступает метафорическая корреляция концептов “CONFLICT” и “FIRE”, исследуемая на материале современной английской фразеологии.

The article focuses on the issue of metaphorical conceptualization of reality based on the associative correlation between abstract and basic (concrete) concepts. Metaphor is considered as a cognitive mechanism, a structure relating mental representations to perceptual and experiential ground which is influenced by the cultural environment. The metaphorical correlation between the concepts “CONFLICT” and “FIRE”, analyzed through contemporary English phraseological units, serves as an example of the stated theory.

Ключевые слова: концепт, метафора, когнитивная модель, фразеологическая единица, фреймовый анализ.

Keywords: concept, metaphor, cognitive model, phraseological unit, frame analysis.

Комплексное лингвистическое описание содержательных сущностей, определяющих бытие человека и всего общества, базируется на исследовании концептов, инкорпорирующих наивно-языковые представления о данных бытийных сущностях в сознании носителей языка (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. П. Ба-

бушкин, А. Н. Баранов, А. Вежицкая, С. Г. Воркачев, Д. О. Добровольский, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Д. С. Лихачев, Ю. М. Малинович, В. И. Постовалова, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др.). Такой вектор исследования возможен лишь при об-

ращении к основным установкам когнитивной науки, центральным объектом которой является когнитивная деятельность человека, понимаемая как «адаптивная и регулятивная деятельность по переработке информации, осуществляемая человеком» [5, с. 8].

В рамках когнитивной науки особое место занимает когнитивная лингвистика, поскольку язык является главной составляющей когнитивной деятельности человека, сводя воедино и обобщая всю информацию, поступающую по другим каналам: через зрение, слух, осязание, обоняние и т. п. [2, с. 27]. Разнообразная информация, приобретаемая человеком в процессе когнитивной деятельности, запечатлевается прежде всего в значениях лексических единиц естественного языка. В таком случае возникает закономерный вопрос о том, каким образом носители языка удерживают в памяти огромное множество нетождественных друг другу единиц, характеризующихся индивидуальным звучанием и значением. В формате когнитивной лингвистики предлагается основополагающее решение этой проблемы: в мозгу (психике) человека знания упорядочены и четко структурированы. За значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры, т. е. определенным образом организованные участки когнитивного пространства человека, формируемого всей совокупностью знаний и представлений индивида [5; 7].

Структурирование знаний происходит в процессе концептуализации, заключающемся в осмыслении поступающей информации и приводящем к образованию содержательных единиц сознания, отражающих опыт человека, которые получают название концептов [7, с. 93]. Концепты как непосредственные результаты процесса концептуализации соотносятся с рядом взаимосвязанных концептов в процессе категоризации. Определенный концепт, таким образом, занимает некоторую ячейку в сознании человека. При этом категоризация сопровождается фиксацией выделяемых признаков, свойств и отношений языковыми средствами [10, с. 39 – 41].

Концепты со сложной, неоднозначной структурой, отражающие в сознании человека некие философские, психологические, социальные категории большей или меньшей степени абстрактности, зачастую подвергаются метафоризации, позволяющей сделать абстрактное легче воспринимаемым. По утверждению ряда исследователей, сама концептуальная система человека, в терминах которой он мыслит и действует, фундаментально метафорична по своей природе: в сознании человека существуют глубинные структурные отношения между группами концептов, позволяющие структурировать одни концепты (более абстрактные) в терминах других (более конкретных) и предопределяющие тем самым всепроникающий характер метафоры в языке и речи [9, с. 358 – 386; 11]. В рамках такого подхода метафора рассматривается как мощный механизм концептуализации действительности, «могущественный инструмент мышления» [11, с. 291]. Метафора предстает не только как способ экспликации концептов посредством языка, стилистический прием, троп или фигура речи, но, в более широком смысле, как способ осмысления окружающего мира, когнитивный механизм, заключающийся в ви-

дении одного объекта через другой, доступ к исследованию которого обеспечивает язык. Основатель когнитивной теории метафоры Дж. Лакофф называет вышеизложенный когнитивный механизм концептуальной метафорой, понимая ее как схему, унифицированную когнитивную структуру, соединяющую ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, в формировании которой существенную роль играют предшествующий опыт человека и культурная среда, в которой он живет [14].

Для именования механизма перехода от одной концептуальной области к другой Дж. Лакофф использует термин «концептуальное картирование» (conceptual mapping) сферы-источника, или области-донора (source domain), на сферу-мишень, или область-реципиент (target domain)» [15, с. 203]. Внешней (материальной) реализацией картирования одной концептуальной области на другую являются разнообразные метафорические выражения (слова, фразы или целые предложения). Важным моментом при этом является утверждение о том, что связь между концептуальной метафорой и порожденными ею метафорическими выражениями не случайна. Каждый пример концептуального картирования представляет собой четко структурированный набор онтологических соответствий между конститuentами сферы-источника и сферы-мишени, актуализирующихся в метафорических выражениях.

Наиболее яркими метафорическими выражениями, объективирующими концептуальные метафоры в языке, являются фразеологические единицы, поскольку для них «в большинстве случаев характерно наличие более или менее живой внутренней формы» [4, с. 71]. По своей сути фразеологические единицы (далее ФЕ) – это «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные в фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [12, с. 8]. Как следствие, интерпретация фразеологических единиц дает новые возможности для выявления особенностей концептуализации объектов внеязыковой действительности наивно-языковым сознанием, а сам фразеологический состав языка и система образов, закрепленных в нем, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения: он – «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [12, с. 9].

Выявление когнитивных моделей, задействованных в формировании значения фразеологических единиц, возможно посредством комплекса процедур над концептуальными структурами, в которых аккумулируется знание человека о мире. При этом происходит актуализация тех или иных имплицитных структур значения, входящих в базовый фрейм или сценарий, стоящий за лексической единицей.

Иллюстративным материалом для демонстрации вышеизложенного служит метафорическая корреляция между концептами “CONFLICT” и “FIRE”, выявленная в результате анализа фразеологических единиц, отсылающих к ситуации конфликта. Исследование прово-

дилось по методике выявления концептуальных преобразований, участвующих в процессе семантической деривации фразеологического значения, предложенной А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Типология элементарных преобразований над слотами и их содержанием включает: замену содержания слота на нехарактерное или даже в некотором смысле противоположное; введение нехарактерного слота со свойственным ему содержанием (прежде слот данного типа отсутствовал); перенесение концептуального содержания слота одного фрейма в другой; интеграцию концептуального содержания слота исходного фрейма в одноименный слот результирующего фрейма; элиминацию слота или подслота; свертывание фрейма в один слот / подслот [1, с. 9].

Подобные элементарные преобразования над концептуальными структурами в процессе семантической деривации приводят, в свою очередь, к более сложным преобразованиям, в результате которых происходит модификация фреймов и их структур [1, с. 9]. Пригодность фреймового анализа при описании фразеологического материала обусловлена тем, что фреймы (сценарии) позволяют представить как «поверхностную», так и «глубинную» структуру отдельных фразеологизмов в рамках единой схемы, допускающей гибкое описание системных связей внутри фразеологического фонда. Из исходного для них сочетания слов ФЕ, как правило, «переносят» более чем один признак, поскольку уже само исходное для них сочетание полипризнаково. В дальнейшем это сочетание в процессе переосмысления включается в полупризнаковый классификационный или акциональный фрейм, который уже заполнен подробностями [12, с. 85].

Анализ концептуальных преобразований в пределах одной ФЕ позволяет наглядно представить процессы, происходящие в ходе метафорического проецирования концептуальной информации. Каждое проецирование в таком случае рассматривается как фиксированный образец онтологических соответствий в тех областях, которые могут применяться к структуре знания области-источника или лексической единице области-цели. При этом «роль когнитивных следов исходного смысла в плане содержания идиомы может быть различной и зависит от степени ее семантической прозрачности» [4, с. 74].

Фразеологические единицы, реализующие концептуальную метафору *CONFLICT IS FIRE*, включают: *burst into flames*, *strike fire*, *blow the fire*, *build a fire under smb.*, *pour oil on the fire (flames)*, *put (throw) the fat in the fire*, *fan the embers (flame)*, *add fuel to the fire (flames)*, *fight/drive out fire with fire*, *heap coals of fire on one's head* и т. д.

Конвенциональная метафора *CONFLICT IS FIRE* основана на чувственном опыте индивида, его мировосприятии, имплицитно наличие у конфликта разрушительных свойств, присущих огню, пожару. В основе данной ассоциации лежит и аналогия внезапности и стремительности возникновения и развития конфликта, так же, как и огня – пожара (Сравните: рус. Конфликт вспыхнул / разгорелся. Ссора вспыхнула. Война разгорелась).

Огонь, как известно, входит в число «универсальных элементов человеческого опыта» наряду с такими понятиями, как «день», «ночь», «солнце», «растительный мир», «небо», «земля» и т. д. Он «одновременно культурно и зрительно существен и экзистенциально значим» для человека [3, с. 265]. Это позволяет отнести огонь к числу базовых когнитивных категорий, чье «содержание не зависит от того, на каком языке говорит человек, а определяется теми когнитивными факторами, на которых строится вся познавательная деятельность человека» [6, с. 21]. Подобные фундаментальные человеческие концепты являются врожденными, полная их реализация «зависит от языка как орудия культуры» [13, с. 195].

Как конфликтная ситуация, так и процесс горения огня преодолевают общие стадии своего развития: начальную, промежуточную и конечную. Развязка конфликта, его инициирование определенным образом соотносятся в сознании индивида с началом возгорания, разведением огня; эскалация и кульминация конфликта ассоциируются с активным разгоранием огня и пожаром; разрешение конфликтной ситуации соотносится с затуханием огня, тушением пожара. Соответственно данная метафора разложима на следующие метафорические пропозиции: *STARTING A CONFLICT IS MAKING A FIRE*; *DEVELOPING A CONFLICT IS KEEPING UP THE FIRE*; *ENDING A CONFLICT IS PUTTING OUT A FIRE*.

Метафорическая модель *STARTING A CONFLICT IS MAKING A FIRE* систематизирует такие ФЕ, как: *blow the coals (the fire)*, *build a fire under smb.*, *burst into flames*, *strike fire*. Исходным сценарием представленных ФЕ выступает сценарий «разведение огня», результирующим – «развязка конфликта».

В исходном сценарии ФЕ *blow the coals (the fire)* слот «способ» заполнен соответствующим содержанием – «раздувание». Терминальное наполнение этого слота проецируется в одноименный слот итогового сценария. При этом содержание слота «побочный эффект» (шум) остается прежним. Отсюда *blow the coals (the fire)* – «поднимать шум вокруг какого-либо дела, поступка; разжигать страсти» [8].

Аналогичные концептуальные преобразования объясняют возникновение актуального значения ФЕ *strike fire*. В исходном сценарии рассматриваемой ФЕ слот «способ» имеет терминальное наполнение «высечение, раздражение». Данное концептуальное содержание переносится в одноименный слот результирующего сценария. Концептуальное наполнение остальных слотов, в свою очередь, также подлежит модификации: 1) «твердый камень (например, кремнь)» (объект воздействия) меняется на «человек»; 2) «искра» (результат) – на «раздражение». В результате ФЕ *strike fire* приобретает значение «вызвать резкую реакцию; задеть за живое» [8]. Схожий набор концептуальных признаков имеет и ФЕ *burst into flames*.

В ФЕ *build / start / light / set a fire under smb.* – ‘urge or force (a slow or unwilling person) to action’; ‘get (someone) moving; arouse’; ‘stimulate to vigorous action’ [17] («заставить кого-л. действовать, оказать нажим на кого-л.» [8]), исходный сценарий выдвигает на первый план слот «цель», заполненный концептуальным

содержанием «вызвать реакцию, побудить к действию». Содержание этого слота картируется в одноименный слот результирующего сценария.

Метафорическая пропозиция *DEVELOPING A CONFLICT IS KEEPING UP THE FIRE* мотивирует появление актуального значения ФЕ *add fuel to the fire (flames), pour oil on the fire (flames), put (throw) the fat in the fire, fan the embers (flame)* и т. д., предопределяя результирующий сценарий – «развитие конфликтной ситуации».

Исходный сценарий ФЕ *add fuel to the fire (flames)* включает слот «цель» с терминальным наполнением «не дать прекратиться, стимулировать» (ср.: ‘make the fire increase or become stronger’; ‘stimulate’ [17]). Содержание этого слота переносится в одноименный слот результирующего сценария. В итоге, *add fuel to the fire (flames)* приобретает значение ‘make an argument or disagreement worse’ [17], то есть, «обострять конфликтные отношения, усугублять какие-либо чувства». Например, *Rather than providing a solution their statements merely added fuel to the fire* [17].

Схожие концептуальные преобразования обусловили возникновение актуального значения синонимичных ФЕ *pour oil on the fire (flames)* и *put (throw) the fat in the fire*. В данном случае при сохранении концептуального содержания слота «цель» происходит изменение наполнения слота «субстанция (используемая для поддержания огня)» – вместо “fuel” – “oil”, “fat”. Например, *If it hadn’t been for him nothing would have happened. He poured oil on the flame* [17].

В исходном сценарии фразеологической единицы *fan the embers (flame)* содержится слот «цель» с концептуальным наполнением «усилить горение огня» (ср.: ‘make a fire burn more strongly’ [17]). Содержание данного слота переносится в одноименный слот результирующего сценария. В итоге, ФЕ *fan the embers (flame)* приобретает значение «обострять конфликтные отношения», «подлить масло в огонь». Например, *The most recent events have shown that the least spark attracts many who are prepared to fan the embers* [17].

Метафорическая модель *ENDING A CONFLICT IS PUTTING OUT A FIRE* определяет результирующий сценарий ФЕ *drive out fire with fire, fight fire with fire, heap coals of fire on one’s head* – «урегулирование конфликтной ситуации». Источниковым сценарием при этом выступает «тушение огня».

В основе ФЕ *fight fire with fire* лежит типовое событие, связанное с тушением огня, превратившегося в природную стихию. Одним из способов тушения пожаров является разведение встречного огня, поскольку выгорание кислорода служит естественной преградой для пожара и приводит к его прекращению. Данная экстралингвистическая информация позволяет

более четко представить концептуальные преобразования, происходящие в пределах рассматриваемой фразеологической единицы, в исходном сценарии которой возможно выделение слота «способ», заполненного концептуальным содержанием «борьба теми же средствами». Указанная информация переносится в одноименный слот итогового сценария. Как результат, *fight fire with fire* приобретает значение ‘fight back in the same way one was attacked’ [16], ‘use the same methods as your opponents in an argument, competition etc.’ [17], ‘respond to an attack by using a similar method as one’s attacker’ [18] – «бороться с противником его же средствами, его же оружием; противостоять атаке, держать удар» [8]. Сравните с русским фразеологизмом *клин клином вышибают*.

ФЕ *fight fire with fire* пересекается в смысловом отношении с близкой ей по значению ФЕ *drive out fire with fire*, исходный сценарий которой позволяет выделить практически идентичный набор концептуальных элементов.

В исходном сценарии ФЕ *heap coals of fire on one’s head* выделяется локальный слот, имеющий нехарактерное наполнение – «голова» / “head”, что приводит к дисфункции исходного сценария и позволяет сделать вывод: *heap coals of fire on one’s head* – «решать конфликтную ситуацию нестандартным образом». В дальнейшем это значение специфицируется в актуальное значение ‘be kind to someone who has done wrong to you, so that he is ashamed’ [16], то есть «вызывать чувство стыда у человека, причинившего неприятность; показать пример хорошего отношения, усмирить обидчика добрым делом по отношению к нему» [8].

Таким образом, метафора представляет собой коллективную двойную категоризацию, основанную на психологической реальности прототипных моделей. Образование метафорического значения происходит на основе сходства чувственно воспринимаемых и очевидных свойств денотатов, относящихся к различным концептуальным областям, а также в результате актуализации выделенных путем переосмысления ассоциативных связей, служащих своего рода «мостиком» между отдаленными и столь несходными областями источника и цели. Выделение лежащего в плоскости когнитивного пересечения этих областей признака, выступающего в качестве логической связки между ними, происходит благодаря абстрагирующей деятельности сознания и представляет собой когнитивную по своей природе операцию. Этот признак отражает наиболее релевантные характеристики обозначаемого, объективируемые в сознании индивида на основании имеющегося в его памяти запаса знаний и представлений об этом обозначаемом.

Литература

1. Баранов, А. Н. Концептуальная модель значения идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики / сб. науч. тр.; [редкол. Е. В. Розен и др.]. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [пер. с англ.] / А. Вежбицкая; отв. ред. М. А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

4. Добровольский, Д. О. Образная составляющая в семантике идиом / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1.
5. Касевич, В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность / В. Б. Касевич // Язык и когнитивная деятельность. – М.: Наука, 1989.
6. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2004. – 206 с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
8. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
9. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры: сборник статей; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990.
10. Манерко, Л. А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике / Л. А. Манерко // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология. – 2000. – № 2.
11. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка / сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988.
12. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
13. Хахалова, С. А. Концептосфера личностной пристрастности: метафора / С. А. Хахалова // Антропологическая лингвистика. Концепты. Категории: коллективная монография / под ред. Ю. М. Малиновича. – М.; Иркутск: ИГЛУ, 2003.
14. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
15. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought; edited by Andrew Ortony. – 2nd edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
16. Seidl, J. English Idioms and How to Use Them / J. Seidl, W. McMordie; предисл. Э. М. Медниковой. – М.: Высшая школа, 1983. – VI. – 266 с.
17. Longman Dictionary of Contemporary English; ed. by D. Summers; new ed. – Harlow: Pearson Education Ltd., 2003. – XVII. – 1950 p.
18. Webster's Third New International Dictionary of the English Language: In 3 Vol. – Chicago; London; Paris: Encyclopædia Britannica, 1993. – 3136 p.

Информация об авторах:

Ермолаева Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 89059600129, enermolaeva@yandex.ru.

Ermolaeva Elena Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department English Philology № 2 of KemSU.

Соколова Надежда Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8(3842) 66-01-37, sokolova-rgf@yandex.ru.

Sokolova Nadezhda Sergeyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department English Philology № 2 of KemSU.

УДК 81'42

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ю. Д. ПОМИНОВА: ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Р. Р. Жаева

PRECEDENTIAL PHENOMENA IN J. D. POMINOV'S JOURNALISTIC DOCUMENTS: PECULIARITIES OF READERS' PERCEPTION

R. R. Zhaeva

В статье анализируются особенности читательского восприятия прецедентных феноменов посредством анкетного опроса.

In this article, peculiarities of readers' perception of precedential phenomena are analyzed by means of survey.

Ключевые слова: прецедентные феномены, публицистический текст, восприятие, источник прецедентности.

Keywords: precedential phenomena, journalistic document, perception, source of precedent.

В наше время в условиях всемирной глобализации человек постоянно испытывает на себе влияние современных средств массовой информации (далее СМИ). Поэтому не случайно, что в обществе средствам массовой информации отведена такая важная роль.

"Массовая коммуникация – система социального взаимодействия особого рода. Общеизвестность данной коммуникативной сферы обусловлена тем, что в центре её внимания находится человеческое общество, которое выступает как ограниченное социальное пространство со специфическими внутренними процессами и культурными характеристиками. СМИ можно рассматривать как особую социально-информационную систему, выполняющую функцию ориентации" [1, с. 8].

Язык средств массовой информации, особенно газетной печати, – тема, вызывающая споры и интересующая многих в наше время. Особое внимание заслуживает заголовок газетной статьи, так как именно он является её квинтэссенцией. В современных СМИ наблюдается тенденция к усилению информативности, коммуникативной общеизвестности, общедоступности. Для осуществления этой темы необходимо, чтобы тексты СМИ были доступны массовой аудитории, т. е. максимально приближены к её речи.

В СМИ одним из свойств передачи материала является публичность, которая выражается в том, что передаваемое содержание в процессе массовой коммуникации стало доступно всем членам общества. Тесная связь современных СМИ с разговорной речью обусловлена их ориентацией на усреднённого реципиента, что находит своё широкое распространение в независимой прессе. Газета – самая массовая читаемая продукция.

А. В. Калинин предъявляет по отношению к газете три требования: правильность, простота и выразительность. "Если язык правилен, прост и выразителен – значит, он хороший. Говорящий и пишущий должны стремиться к соблюдению этих трёх условий. Слишком дорога русская речь и слишком велика роль газеты в воспитании (в том числе культуры речи) читателя" [2, с. 72].

Известный лингвист В. Г. Костомаров тем не менее высказывает опасения об общем состоянии русского литературного языка в настоящем и будущем. Уход современных журналистов от косного авторитарного единомыслия к свободе слова, к разнообразию породил небрежность в употреблении языка. К тому же инициаторами более свободного обращения с языком выступают сейчас достаточно грамотные люди – журналисты. Подобное "раскрепощение языка" В. Г. Костомаров называет "варваризацией" или "вандализацией" [3, с. 10]. Именно журналистам важно не забывать об обратной связи, в соответствии с которой читатели воспринимают СМИ как образец речевого этикета, эталон, которому нужно следовать.

Этому должно способствовать наличие в газетном тексте языковых конструкций культурной информации, которые побуждали бы к размышлению, активизации знаний реципиента, ведь современная газетная коммуникация ставит своей целью не только инфор-

мировать читателя, но и формировать у него определённые представления, оказывать воздействие на адресата, влиять на его эмоциональное состояние. Для этого в языке существует богатый, разнообразный арсенал лексико-фразеологических единиц, в содержание которых входит экспрессивность, эмотивность и оценочность. В современной газетной коммуникации выделяются и такие модели, как прецедентные феномены, которые несут в себе культурные, исторические, этнические и научные знания о мире.

Именно поэтому представляется интересным рассмотреть прецедентные феномены (далее именуемые ПФ) в казахстанских газетах как сознательно формируемую тенденцию, которая отражает ход развития современного общества.

Прецедентным феноменам характерна широкая известность для носителей языка, которая возникает благодаря тому, что тексты-источники составляют «культурный минимум» и входят в школьную программу, а также могут быть известны понаслышке. Вслед за Ю. Н. Карауловым [6, с. 125 – 126], считаем, что «накапливание» прецедентных текстов в прагматике языковой личности происходит путем присвоения культурно значимых текстов говорящим в процессе собственного культурного опыта или в процессе взаимодействия с окружающей культурной средой, так как «современный человек вырабатывает свою культуру не путем целенаправленной деятельности по дальнейшему развитию основных знаний, приобретенных им за годы, а под воздействием непрерывного потока отдельных элементов культуры, которые постепенно накапливаются в процессе культурной деятельности» [4, с. 119]. Особая роль при таком формировании культуры принадлежит средствам массовой информации, которые и формируют «мозаичность» как одну из ее важнейших характеристик.

Использование прецедентных текстов как в устной, так и в письменной речи оживляет накопленный культурный багаж. Современная языковая ситуация требует от читателей умения соотносить форму и содержание. Знания, которые необходимы для полноценного понимания современной устной речи и языка письменных произведений, особенно языка газет, – это знания художественных фильмов, художественных произведений, текстов популярных песен, то есть всего, что лежит в основе прецедентных феноменов.

Адекватное понимание текстов, содержащих отсылки к прецедентным феноменам, опирается на повышенную речемыслительную активность получателя информации.

В рамках данной статьи рассматриваются особенности читательского восприятия прецедентных феноменов из различных сфер культурного знания: литература, религия, история и др.

Способом изучения особенностей восприятия указанных единиц послужило проведение анкетного опроса с последующей обработкой полученных данных. Его участниками стали различные социовозрастные группы (120 респондентов: ученики 11 класса школы № 2 г. Павлодара, студенты 1 курса Павлодарского государственного педагогического института

(ПГПИ), сотрудники ПГПИ, работники ТОО «Павлодарэнергобывт»).

Респонденты были разделены на следующие группы:

I группа (1 подгруппа) – учащиеся школы, литературно-исторический опыт этой возрастной группы ограничен. Это поколение детей, которое воспитывается большей частью на образцах западного кино, Интернета.

II группа (2 подгруппа) – студенты, у представителей этой группы начинается реализация поставленных целей – учеба в вузе, получение глубоких и прочных профессиональных знаний и т. д. Это люди, которые получили определенный багаж жизненных знаний, среднее образование, ими изучен курс истории и литературы средней школы.

III группа (1 подгруппа) – люди в возрасте 25 – 45 лет, родившиеся в Советском Союзе, но проводившие сознательную жизнь в Республике Казахстан. Для данной группы актуально создание семьи и устройство семейной жизни, оптимальное время для самореализации, время освоения выбранной профессии, определения отношений к общественной жизни и своей роли в ней.

IV группа (2 подгруппа) – это люди в возрасте 45 – 60 лет, воспитанные на идеологии бывшего Советского Союза, для них семейная жизнь, успехи детей – сфера постоянного интереса. Перед ними стоят вопросы о смысле жизни, ценности сделанного, подведение итогов прожитой жизни.

Задачей исследования было экспериментальное определение того, насколько читатели способны понять, спрогнозировать информацию, которую несет публицистический текст.

При проведении экспериментальной работы ставилась задача создать в аудитории доброжелательную атмосферу. От участников эксперимента не требовалось указывать фамилию, имя, отчество, что способствовало получению результатов, отвечающих требованиям достоверности, устойчивости и репрезентативности. Участники эксперимента должны были определить источники прецедентных феноменов, а также определить содержание соответствующих публикаций.

Разумеется, материалы, полученные при наблюдении над ограниченным контингентом информантов, не дают полного представления обо всех читателях, но даже эти данные репрезентативны и приблизительно отображают характер восприятия читателями соответствующих прецедентных феноменов.

Исследование закономерностей восприятия читателями прецедентных феноменов, прогнозирование, предугадывание ими содержания стороны публицистических текстов позволяет сделать следующие выводы:

1. Самые узнаваемые тексты (75 – 98 %) – это тексты реклам (средний – 90 %). Например, *сделай паузу, скушай Twix; твикс – сладкая парочка, тойота – управляй мечтой*.

2. 68 – 70 % (средний 60 %) опрошенных опознают пословицы и поговорки, фразеологизмы (*Яблоко от яблони, На людей посмотреть и себя пока-*

зать; Дело не стоит выеденного яйца, Два сапога пара).

3. 48 – 78% (средний – 67 %) опрошенных знают выражения и песни из художественных кинофильмов. Например, *«за державу обидно», «Ваше благородие, госпожа удача...»*.

4. 40 – 55 % (средний – 52 %) опрошенных узнают выражения из произведений литературы и названия кинофильмов (*Есть женщины в наших селеньях, И жизнь, и слезы, и любовь..., Преступление без наказания, О времени и о себе, Покой нам только снится, Молодым у нас везде дорога, Самая обаятельная и привлекательная, Они сражались за Родину*).

Многие информанты способны узнать прецедентные выражения, но затрудняются с указанием их источника. Так, например, школьники и студенты узнали следующие ПТ: *Есть женщины в наших селеньях* (47,5 %), *О времени и о себе* (25%), *Весна, посредник, торжествует* (75 %), *«И жизнь, и слезы, и любовь...»* (94 %), *А король-то голый* (49 %), *Преступление без наказания* (62,5 %), *Покой нам только снится* (77,5 %), но лишь некоторые указали автора и название произведения. Паспортизация данных единиц чаще всего ограничивалась указанием на его жанровый признак (повесть, роман, стихотворение). Относительное большинство респондентов, давших верную и полную информацию об источнике заимствования, не превысило порога в 50 %. Большинство информантов узнали литературные цитаты (*«И жизнь, и слезы, и любовь...»* (95 %), *Есть женщины в наших селеньях, Весна, посредник, торжествует* (92,5 %), но не все определили точное авторство данных выражений. Так, например, в качестве автора известной цитаты из стихотворения Пушкина назывались Некрасов (27,5 %), Тургенев (21 %), а вместо Некрасова чаще всего фигурировало имя Маяковского (30 %).

Различия в культурном багаже старшего и младшего поколений особенно ярко прослеживается при анализе паспортизации цитат, имевших значимость в предшествующую эпоху. Так, информанты старшего поколения в большинстве случаев без труда устанавливают источники таких прецедентных текстов. Например, высказывание *«Прорабы перестройки»* узнали 78 % испытуемых из старшей и средней группы, в то время как участники младшей возрастной группы ответили, что это *«должность руководителя», «руководство строительством»*, хотя слово *прораб* стало нарицательным и используется в значении – *человек, занимающийся созидательной, преобразовательной деятельностью*. Выражение: *«Прорабы перестройки»* — люди, которые занимались преобразованиями во время горбачевской перестройки.

Все опрошиваемые ответили, что в своей речи в той или иной мере используют прецедентные феномены. На вопрос об уместности и целесообразности использования прецедентных феноменов в газетных заголовках большинство информантов ответили утвердительно, отметив, что прецедентные тексты *«лучше характеризуют суть текста», «придают тексту ироническую окраску», «по прецедентному тексту, включенному в заголовок можно определить содержание статьи»*.

Согласно положениям современной теории восприятия, наиболее простой формой осмысливания предметов и явлений является узнавание. Здесь восприятие тесно связано с памятью. Узнать предмет – значит воспринять его в соответствии с ранее сформированным образом. Узнавание может быть обобщенным, когда объект относится к какой-либо общей категории, и дифференцированным (специфическим), когда воспринимаемый объект отождествляется с ранее воспринимавшимся единичным объектом. Как показали результаты проведенного анкетного опроса, прецедентные тексты с легкостью опознаются людьми старшего поколения 1950-х годов (*люди возраста Ю. Поминова, что позволяет говорить об общей когнитивной базе*) (81 %), среднее поколение знакомо с ними в меньшей степени (76 %), младшее поколение с легкостью узнает тексты современности и некоторые художественные произведения из школьной программы. Следовательно, каждой группе информантов характерно единство фоновых знаний, единство когнитивной базы. Наличие за тем или иным прецедентным текстом фиксированного и закрепленного значения / знания часто помогает читателю в формулировании предполагаемого содержания статьи.

Самый высокий показатель узнаваемости и использования ПФ определился у преподавателей вуза, ведущих гуманитарные дисциплины (история, педагогика, психология и т. д.) – 81 %. Примерный возраст респондентов составил 44 – 60 лет. Для них характерной особенностью является знание известных рекламных высказываний и определение авторов, названий произведений классической литературы. Здесь, безусловно, играет существенную роль тот фактор, что данная категория людей имеет достаточно высокий уровень образованности и широкий кругозор.

На втором месте оказались работники АО «Павлодарэнергобыт» в возрасте от 25 – 47 лет (76 %). Данная цифра достаточно высокая и свидетельствует об устойчивом использовании прецедентных текстов различного плана. Разумеется, обретенный жизненный опыт, наличие у большинства высшего образования, более разнообразный круг общения преопределили достаточно широкий диапазон употребляемых или известных по содержанию ПФ в их языковой практике. И более низкий показатель оказался у школьников (43 %) и студентов (48 %).

Наличие разных реакций на ПФ определяются особенностями мышления, возрастными, образовательными и профессиональными характеристиками. А они, как известно, формируются под влиянием социальных и экстралингвистических факторов. Влияние общества на мировоззрение, миропонимание личности, групп людей, коллективов огромно. Условия воспитания, обучения в семье и образовательных учреждениях, интенсивность и сила воздействия окружающей действительности на личность, сложившиеся различные традиции социума (политические, культурные, этнические и т. д.) оказывают самое непосредственное влияние на формирование языковой личности. Говоря о значимой роли СМИ в формировании языковой личности, нельзя умалять и недооценивать бесценное достояние – культурное наследие

русского народа, сохраненное предыдущими поколениями до наших дней.

Необходимо отметить, что использование русских прецедентных феноменов происходит в условиях билингвизма, и значительная часть опрошенных респондентов – представители казахской национальности. Но поскольку традиции использования русского языка по-прежнему сильны среди коренного и других, представленных в социуме, этносов, и законодательно он является официальным языком, то в социально-коммуникативном пространстве страны русский язык, наряду с казахским, является одним из основных средств коммуникации. Поэтому уровень владения русским языком среди населения Казахстана достаточно высок.

Если с учетом различных объективных социолингвистических факторов говорить в целом о распространенности русских прецедентных высказываний, то положительным примером их высокой узнаваемости (90 %) являются выражения, связанные с рекламой разнообразной продукции через средства массовой информации. Это связано с тем, что в последние десятилетия в жизнь нашего казахстанского социума и отдельной личности все активнее вторгается телевидение (обилие каналов и программ спутникового и кабельного ТВ) и Интернет (высокая информационная возможность), которые стали доступны буквально каждому члену общества. Например, необходимо констатировать, что сегодня современное ТВ активно вытесняет другие виды источников информации. Ежедневно каждый из нас смотрит телевизор и непроизвольно становится зрителем предложенных реклам, причем очень частых и системных в своей подаче. Данный фактор, безусловно, и определил частотность ПФ среди людей различных социальных групп и возрастов, поскольку интенсивность и сила его воздействия на наше сознание очень велика. А отсюда и высокая узнаваемость прецедентных выражений опрошенными респондентами. Эти показатели можно спроецировать на весь социум в целом.

Наблюдается и достаточно высокий процент употребления ПФ, связанных с использованием пословиц и поговорок, фразеологизмов и песенных выражений – 67 – 69 %. Разумеется, это связано с изучением в казахстанских школьных программах соответствующих тематик по ряду гуманитарных дисциплин, языковым опытом в общении с окружающими. Но обращает на себя внимание тот негативный факт, что около половины респондентов, особенно молодого поколения, знают недостаточно хорошо ПФ из произведений литературы – около 50 %. Это, возможно, зависит, во-первых, от того, что они в последнее время часто используются в различных средствах массовой информации, во-вторых, они известны еще с уроков литературы, что и приводит к восприятию данных выражений в качестве штампов. Или же обусловлено и тем, что снижается интерес молодого поколения к классической отечественной и зарубежной литературе и отдается большее предпочтение компьютерным возможностям и увлечению Интернетом.

Специфика коммуникации того или иного этноса во многом определяется тем национально-культур-

ным содержанием, которое входит в коммуникативную компетенцию его представителей. В связи с этим знание собственно вербального кода, т. е. языка, и правил его использования, оказываются недостаточными для успешного общения между представителями различных лингвокультурных сообществ. Слабое владение одним из коммуникантов знаниями о культуре другого является главной причиной неудач в межкультурной коммуникации, так как именно к этим знаниям говорящий прямо или косвенно обращается в своей речи. Они закрепляются в семантике языковых единиц, в правилах организации и в содержании вербального и невербального поведения речевой личности.

В связи с этим представляется необходимым овладение внекодowymi знаниями, т. е. тем, что принадлежит к невербальным знакам культуры, относится к элементам когнитивной базы того национального лингвокультурного сообщества, на языке которого ведется общение. А это овладение должно опираться на методически корректное выявление и описание этих элементов.

Прецедентные феномены, являясь единицами когнитивной базы, с одной стороны, и имеющие практическую направленность – с другой, относятся к тому, что нарушает взаимопонимание в процессе межкультурной коммуникации. Адекватно воспринимать публицистический дискурс без знания наиболее употребительных прецедентных высказываний становится практически невозможно. Вышеназванные единицы влияют на общий смысл высказываний и сообщений, однако доступ к культурной информации, заложенной в высказывании, остается закрытым для представителя иной культуры, в результате чего не происходит полного понимания смысла высказывания или сообщения, и взаимопонимание как цель и результат общения не достигается.

Такие социальные факторы, как влияние семьи, старшего поколения, передача культурного багажа знаний посредством различных воспитательных, образовательных и культурно-просветительных учреждений оказывают самое непосредственное влияние на языковое развитие личности, в частности, на узнаваемость и частоту употребления прецедентных выражений. Поэтому важность поднятия на новый качественный уровень процесса изучения накопленного культурного и языкового достояния народа – актуальная задача всех членов нашего социума и, в первую очередь, педагогов и культурологов.

Как отмечает Г. И. Богин, техника понимания текста, рефлексия – это сложнейший многоаспектный процесс, допускающий различную глубину восприятия и обязательно включающий несколько стадий [4]. Для правильного и полного понимания текстов с прецедентными феноменами читателю необходимо выполнить целый ряд сложных ментальных операций. Адресат должен:

- быть способным обнаружить явления прецедентности в соответствующем тексте;
- осознать источник прецедентности;
- оценить структурные, смысловые, функциональные и иные различия между прототекстом и прецедентным феноменом в новом тексте.

Для выполнения указанных операций адресату нужна определенная эрудиция и подготовленность к адекватному восприятию текста с прецедентными феноменами, в противном случае возникает «внешнее непонимание» текста читателем. Однако, как показал эксперимент, в действительности ментальные операции (узнавание, осознание и оценку) способны осуществить далеко не все читатели.

Литература

1. Журавлёва, Е. А. Прецедентные тексты начала XXI века / Е. А. Журавлёва, Ж. Д. Капарова. – М., 2007.
2. Калинин, А. В. Культура русского слова / А. В. Калинин. – М., 1984.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999.
4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
5. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль; предисл. Б. В. Бирюкова. – 3-е изд. – М., 2008. – 416 с.
6. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1996.
7. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984. – 24 с.

Информация об авторе:

Жаева Роза Райхановна – старший преподаватель Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан, Павлодар), zhaeva_roza@mail.ru.

Zhaeva Rosa Raykhanovna – senior lecturer at Pavlodar State Pedagogical Institute (Kazakhstan, Pavlodar).

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (ментально-психологический аспект)

А. В. Замилова

A SYSTEMIC TYPOLOGY OF THE LINGUISTIC PERSONALITY (mental psychological aspect)

A. V. Zamilova

В статье обосновывается необходимость создания системной типологии языковой личности, в основе которой лежат ментально-психологические характеристики личности. В качестве такой типологии предлагается лингвосоционическая типология личности, имеющая системное основание, предложенное К. Г. Юнгом.

The article explains the need for a systemic typology of the linguistic personality, which is based on the mental and psychological characteristics of the personality. A lingvosocionic typology of personality with the system basis, proposed by K. G. Jung, is suggested.

Ключевые слова: языковая личность, типология, лингвосоционика.

Keywords: linguistic personality, typology, lingvosocionics.

Статья посвящена рассмотрению вопроса системной типологии языковой личности (ЯЛ), в основе которой лежат ментально-психологические характеристики личности.

Несмотря на существующее разнообразие типологий языковых личностей, на сегодняшний день остается актуальной задача лингвоперсонологии, связанная с созданием универсальной типологии языковой личности, имеющей системное основание, а также учитывающей тот тип языковой способности, который присущ языковой личности от природы, иначе говоря, ментально-психологические характеристики личности. О необходимости такой типологии писал К. Ф. Седов: «Одной из наиболее насущных задач является создание типологии языковых личностей, способной отражать индивидуальные особенности речевого поведения носителей языка» [1, с. 3].

Типология языковых личностей может строиться с учетом различных оснований и разных параметров описания.

В настоящее время в лингвоперсонологии представлено большое количество типологий ЯЛ, которые строятся на внешних по отношению к языку основаниях:

1. Этнокультурное основание: элитарный / народный типы языковой личности (И. В. Коноваленко).
2. Социокультурное основание. Выделяют типы языковых личностей на основе статусной и социальной принадлежности личности:
 - профессия: военного (Б. Л. Бойко), государственного служащего (М. Н. Панова), ЯЛ врача (И. А. Иванчук), политика (И. О. Прохорова, Т. Б. Соколовская и т. д.);
 - стиль жизни: наркозависимый как тип ЯЛ (А. С. Меркулова);
 - уровень образованности (Н. К. Иванова, Е. В. Картер, Л. П. Крысин, О. Е. Морозова, Т. В. Кочеткова);
 - место проживания: ЯЛ горожанина / ЯЛ сельского жителя (М. В. Власкова, Е. Ю. Позднякова);
 - время проживания: современная ЯЛ / историческая ЯЛ (И. С. Бондарчук, Е. Н. Иванова, К. Ф. Седов, В. Д. Черняк и др.).

В связи с этим видится потребность в создании такой типологии ЯЛ, которая бы строилась на основе внутренних, природных особенностей человека, определяющих его рече-языковое поведение.

Отчасти такому виду типологии соответствует гендерная типология ЯЛ (А. Г. Фомин, Е. И. Горошко, М. А. Гусева, С. К. Табунова, З. Р. Хачмафова и др.). Рече-языковое поведение мужчин и женщин обусловлено, с одной стороны, их принадлежностью к определенному биологическому полу (природный аспект), с другой – к определенной социальной общности (социальный аспект).

Типы ЯЛ, выделяемые на основе биологических, психологических, соционических особенностей, пока немногочисленны. Основываясь на типологиях, разработанных психологами, в лингвоперсонологии представлены следующие типы ЯЛ: левополушарный тип ЯЛ / правополушарный тип ЯЛ (Н. Д. Голев, О. Л. Соболева), экстравертированный / интровертированный тип ЯЛ (Н. Д. Голев, А. Б. Добрович, М. В. Ляпон, К. Ф. Седов), доминантный / недоминантный, мобильный / ригидный типы ЯЛ (К. Ф. Седов, А. Б. Добрович).

В последнее время стали разрабатываться типологии ЯЛ, базирующиеся на соционике. Лингвосоционическая типология строится на основе психологических типов, выделенных К. Г. Юнгом и получивших дальнейшее осмысление в трудах А. Аугустинавичюте.

Исследователи Н. В. Бережная, А. В. Букалов, В. В. Гуленко, Д. А. Лытов и др. анализируют язык писателей с целью увидеть связь между языком писателя и его социотипом. Тем не менее предметом таких исследований «является более психолого-социальная личность и ее типы, а не языковая личность как таковая и ее типы» [2, с. 6].

Попытки описать рече-языковые особенности лингвосоционических типов личности представлены в работах М. В. Ляпон, А. А. Журавлевой, И. Г. Шестаковой, однако данные исследования носят по большей части фрагментарный характер.

Более подробное описание лингвосоционических типов личности приводится в диссертации Л. М. Комиссаровой, стоит отметить, что в качестве параметра выделения соционического кода в тексте выступает

пропозициональная установка, что, на наш взгляд, не может обеспечить исчерпывающую рече-языковую характеристику лингвосоционического типа.

Обращаясь к системному решению обозначенной проблемы, считаем важным указать на наличие двух способов моделирования языковой личности и ее типологии. В теории и практике исследования языковой личности в настоящее время сложились следующие направления типологии:

1) создание типологий языковой личности, основанных на выявлении особенностей употребления автором тех или иных языковых средств в тексте (то есть от языка в разных его проявлениях / текста к языковой личности (Г. И. Богин, Л. Н. Волокитина, Ю. Н. Караулов, Т. И. Киркинская, Н. Б. Лебедева, Н. В. Сайкова и др.);

2) создание типологий языковой личности, исходя из ее особенностей (с учетом гендерных, психологических, профессиональных, возрастных и других особенностей), и выявление функционирования данных языковых типов в тексте (т. е. реализуется направление от личности вообще к языко-речевой личности и к тексту) (Н. Д. Голев, А. Б. Добрович, Л. М. Комиссарова, М. В. Ляпон, К. Ф. Седов и др.).

В статье представлено второе направление типологизации ЯЛ, при этом для создания лингвосоционической типологии ЯЛ в данном исследовании используется метод лингвосоционического моделирования ЯЛ.

Под методом лингвосоционического моделирования понимается метод, который позволяет создать типологию языковой личности с учетом ее ментально-психологических характеристик. Ценность лингвосоционического моделирования заключается:

– во-первых, в том, что оно имеет системное основание для выявления типов языковой личности, которое представляет соционика;

– во-вторых, позволяет реализовать идею многоступенчатости моделирования, заключающуюся в возможности опосредованного перевода психологических характеристик в собственно языковые.

Так как между неязыковыми явлениями и собственно языковыми достаточно большая дистанция, то напрямую такой перевод осуществить невозможно. Поэтапность моделирования отражает опосредованность связи психологических и языковых характеристик личности.

Этапы лингвосоционического моделирования:

1 этап. Выявление ядерных психологических особенностей личности

2 этап. Выявление ядерных ментально-психологических особенностей личности, обуславливающих выбор тех или иных языковых средств.

3 этап. Выделение параметров, по которым отличаются особенности речевого воплощения того или иного ментального типа личности.

4 этап. Верификация. Рассмотрение текста как реализации речевой способности автора. Выявление языковых средств, используемых языковой личностью в тексте, зависящих от ее ментально-психологических характеристик. Данный этап предполагает направление исследовательского движения от текста к типу языковой личности.

Исходя из этого, логическое движение реконструкции этапов следующее: личность психологическая – социо-психологическая (соционическая) – личность психолого-социо – коммуникативная (лингвосоционическая) – личность речевая (текстопорождающая) – личность определенная в тексте (текстовая) – текст (антропотекст, текст как воплощение личности) – личность языковая (тип языковой личности). На этапе верификации: текст – тип языковой личности.

Оязыковление психологической личности рассмотрим на примере моделирования соционического типа «Достоевский» (этико-интуитивный интроверт). Ядерными психологическими особенностями этого соционического типа являются следующие: *Интересуется мотивами поступков, душевными качествами. Хорошо различает отношения, которые складываются между людьми. Стремится к теплым, дружеским отношениям, не переносит грубости и насилия. Для него характерны неизменная чуткость, доброта и внимательность к людям. Свое сострадание старается проявлять на деле, а не только на словах. Для него много значат честность и порядочность в человеческих отношениях. Измены и предательства не прощает. Наделен даром великодушия. Умеет прощать даже своим врагам, если они искренне покаются. Тянется к новому, необычному* [3, с. 201 – 203].

В качестве параметров описания лингвосоционических типов личности были выделены языковой (уровневые параметры), прагматический, содержательный и модальный планы.

Языковой план. Рассмотрение языкового плана подразумевает исследование языковой личности с точки зрения владения ее системой языка. Иначе говоря, с точки зрения отбора языковых средств для реализации языковой деятельности, а именно – использование лексических, морфологических, синтаксических средств. Исследование языкового плана обусловлено тем, что языковая личность, используя при создании речевых произведений ресурсы языковой системы, выбирает определенные средства языка (при этом он пользуется свободой выбора): «Язык необходимо ставит отдельную личность перед выбором из бесконечного разнообразия «предлагаемых» им средств и способов для выражения весьма разнообразных коммуникативных намерений» [4, с. 11]. Следовательно, посредством языка отражается тот или иной способ восприятия мира. На выбор языковых средств, безусловно, влияют ментально-психологические характеристики личности (поэтому, например, одно и то же произведение живописи люди будут описывать по-разному), а следовательно, в тексте будет находить отражение лингвосоционические особенности ЯЛ.

Планы

1. Глубинный прагматический план. Выделение прагматического плана предполагает выделение пропозициональных установок. Под пропозициональной установкой в работе понимается языковой знак, в котором содержится информация о соционическом способе освоения автором действительности в момент создания (кодирования) текста. Для каждого лингвосоционического типа будет характерна определенная пропозициональная установка.

2. План содержания (модальность). Под планом содержания понимается отношение автора к окружающей действительности, выражающееся с помощью эмоционально-оценочной лексики.

В ходе исследования были выявлены следующие языковые характеристики соционического типа «Достоевский».

Лексико-морфологический уровень:

1. Использование глаголов, служащих для описания чувств, отношения к чему-либо или кому-либо: *волноваться, восхищаться, грустить, злиться, любить, надеяться, ненавидеть, нравится / не нравится, переживать, скучать, тосковать, удивиться, успокоиться* и др.

2. Использование наречий, служащих для описания чувств, отношения к чему-либо или кому-либо: *весело, беспокойно, скучно, грустно, жалко, обидно, приятно / неприятно, страшно, стыдно, тревожно* и т. п.

3. Использование оценочной лексики: *гадкий, дикий, замечательный, интересный, красивый / некрасивый, лучше / хуже, плохой / неплохой, прекрасный, хороший / нехороший, симпатичный, ужасный, приятный* и т. п.

4. Использование лексем, указывающих на время, временные отрезки: наречий: *давно, недавно, завтра, затем, иногда, когда, наконец, недавно, никогда, поздно, после, потом, рано, сначала, снова* и т. д.; фазисных глаголов: *начать, продолжить, перестать, стать* и т. д.; словосочетаний: *в любой момент, в любое время* и т. д.

Словообразовательный уровень: употребление уменьшительных, увеличительных суффиксов.

Выявление и описание лингвосоционического типа в тексте основывается, на наш взгляд, на выделенных в соционике функциях, образующих модель соционического типа (название и определение функций дается по Е. С. Филатовой):

1 – базовая, программная функция (целевая, определяющая). Программная функция отвечает за область, которая для индивида является главной, приоритетной; «его непроизвольно влечет сфера деятельности, определяемая этой функцией, здесь он ощущает свой авторитет и полагает, что эта область – самая главная в жизни» [5, с. 4];

2 – творческая или инструментальная функция (функция реализации программы, средство достижения установки функции первого канала);

3 – точка наименьшего сопротивления (функция слабая, уязвимая) «в области действия этой функции индивид чувствует себя неуверенно и болезненно воспринимает активные воздействия в этой области» [там же];

4 – суггестивная функция «легко подвержена внушениям, в сфере ее действия индивид охотно принимает помощь и порой даже просит о ней» [там же].

Этапы определения лингвосоционического типа автора в тексте: 1) определение ориентации личности на шкале интроверсия – экстраверсия; 2) определение первой (программной) функции, проявляющейся в тексте (сенсорика – интуиция (иррациональные функции), логика – этика (рациональные функции)). На наш взгляд, выявление данной функции обуславливает

выделение третьей (ролевой) функции лингвосоционического типа. Ролевая функция будет находиться в антиномичных отношениях с программной функцией, что обусловлено тем, что рядом две рациональные / иррациональные функции находятся в модели Юнга не могут. Например, если программной функцией будет логика, то ролевой функцией будет этика, если программной функцией будет интуиция, то ролевой функцией будет сенсорика; 3) определение второй (творческой) функции, которая обуславливает выделение четвертой (болевого) функции; 4) построение модели лингвосоционического типа личности, представляющей собой цепочку взаимосвязанных функций: первая функция мотивирует третью, вторая – четвертую; 5) выявление лингвосоционического типа личности.

В качестве примера проявления лингвосоционического типа личности в тексте приведем отрывок сказки Интернет-пользователя – Татьяны, принадлежащей соционическому типу «Достоевский» [4].

«Я хочу (экстраверсия) рассказать тебе (установление субъектно-объектных отношений – интроверсия) историю про одну девочку, которая жила в волшебном (оценка, ирреальность, проявление интуиции) лесу... Это был очень красивый (этическая оценка) и удивительный (этическая оценка) лес. Он был светлый (этическая оценка, т. к. выражается эмоциональное отношение) и дружелюбный (этическая оценка), в нем всегда светило солнце. И девочка жила на краю этого удивительного (этическая оценка) леса.

А на другой стороне леса был чистый и прозрачный пруд, в котором девочка любила (этическая модальность) купаться. И до этого пруда она ходила по длинной тропинке. Это была особенная (этическая оценка) тропинка, которая проходила через самые красивые (этическая оценка) и интересные (этическая оценка) места волшебного (интуиция) леса. И, чем глубже девочка заходила в лес, тем все больше и больше удивительных картин (этическая оценка) ей открывалось... На своем пути она встречала цветы, которые издавали особенный, волшебный аромат (сенсорика / интуиция). На деревьях вили свои гнезда птицы, поющие красивые (этическая оценка) песни, вокруг стрекотали кузнечики и дятлы стучали по деревьям... теплый ветерок ласкал ее лицо, и ее волосы развевались на ветру. Белочки прыгали с ветки на ветку, вокруг росли ягоды, которые можно было собирать по пути. Девочка очень любила (этическая модальность) эту тропинку, по которой она ходила к своему пруду.

И как-то раз, проходя по тропинке, девочка, что рядом построили большую, прямую дорогу, которая тоже вела к пруду...

Дорога была прямая, и по ней можно было быстрее всего добраться до пруда. Рядом с дорогой не было ни деревьев, ни цветов, не было слышно птиц, дорога была очень серая (сенсорика / этическая оценка) и скучная (этическая оценка). Но это был самый короткий путь к пруду, поэтому девочка стала ходить к своему пруду по этой дороге. И вскоре забыла о своей тропинке.

Тропинка очень скучала (интровертированная этика) по девочке (субъектно-объектные отношения – интро-

версия) и *быстро начала грустить* (интровертная этика)... *Тропинка стала унылая* (интровертная этика) и *грустная* (интровертная этика)...» (прим. автора: Авторская орфография и пунктуация сохранены).

В начале данного текста автор использует пропозициональную установку «Я хочу», что, как отмечает Л. М. Комиссарова, является маркером экстравертированного типа, однако в тексте также представлены и субъектно-объектные отношения: я (рассказчик) – ты (слушатель), тропинка – девочка. Установление субъектно-объектных отношений характерно только для интровертированного типа личности. Представленное в тексте описание внутреннего состояния, душевных переживаний автора также свидетельствует в пользу его интровертированной направленности. Исходя из этого, можно сказать, что прагматический план данного текста выражен в пропозициональной установке «я чувствую», «я ощущаю» (в значении переживаю какую-либо эмоцию). Использование повествовательных предложений, отсутствие диалогичности, полное отсутствие восклицательных предложений позволяет определить тип языковой личности автора как интровертированный.

Языковые особенности анализируемого лингвосоционического типа проявляются в использовании: 1) глаголов, передающих эмоциональное состояние: *грустить, очень скучала, любила, очень любила и т. д.*; 2) наречий, служащих для описания чувств, отношения к чему-либо или кому-либо: *страшно, мрачно, робко*; 3) качественных прилагательных (в том числе и прилагательных в сравнительной степени), с помощью которых дается оценка объекта: *красивый(ые), удивительный, чудесный, самые красивые, дружжелюбный, скучная, грустная, унылая, больше и больше удивительных картин, прекрасные, особенная(ые), интересные, лучшие, более красивые, чистый, приятный, волшебный и т. д.*; 4) уменьшительных суффиксов: *тропинка, лучики, ветерок, белочки, ручейки*; 5) лексем, указывающих на время, временные отрезки: *всегда светило солнце, как-то раз девочка заметила, вскоре забыла, скоро выросли сорняки, стало тихо, начала грустить, продолжала ходить к пруду, однажды она вспомнила, в тот момент она тут же у-*

лолась колючкой, решила больше никогда к ней не возвращаться, снова стала ходить к пруду по дороге, и тогда тропинка посмотрела на небо, ручейки снова смогли питать корни; помогла вырасти цветам еще более красивым и ароматным, чем раньше; лучики солнца стали снова пригревать ее, сначала она посмотрела на нее издали и т. д.

Использование лексем, передающих настроение, эмоциональное состояние личности, описывающих чувства, переживания, отношения говорит о том, что программной функцией в соционическом типе автора является интровертированная этика. Следовательно, место творческой функции в модели соционического типа будет занимать либо экстравертированная интуиция, либо экстравертированная сенсорика.

В ходе анализа было выявлено, что в тексте проявляется экстравертированная интуиция. На лексическом уровне это отражается в использовании автором лексем, указывающих на время, временные отрезки.

В содержательном плане текст представляет собой некую фантазию, сказку, что свидетельствует о том, что автор обладает развитым абстрактным мышлением (характерным для интуитивной языковой личности), проявляющимся в способности к абстрактным представлениям и созданию ирреальных картин: волшебный лес, волшебный аромат, тропинка, которая наделяется способностью испытывать эмоции, душевные переживания. В сказке героиня встает перед выбором: ходить к пруду по длинной тропинке, проходившей по самым красивым лесам волшебного леса, либо идти по большой прямой дороге, рядом с которой не было ни деревьев, ни цветов. В выборе из двух потенциальных возможностей проявляется «интуиция возможности».

Представленные рече-языковые характеристики лингвосоционического типа «Достоевский» не являются исчерпывающими. Можно судить о том, что языковые особенности реализуются в основном на лексическом и морфологическом уровнях, вследствие чего представляется необходимым изучение других уровней и создание более подробного лингвосоционического описания как рассматриваемого типа, так и других типов.

Литература

1. Седов, К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1999. – Вып. 28.
2. Голев, Н. Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка / Н. Д. Голев // Филология: XXI в. (теория и методика преподавания). – Барнаул, 2004.
3. Гуленко, В. В. Юнг в школе. Соционика – межвозрастная педагогика: учебно-методическое пособие / В. В. Гуленко, В. П. Тыщенко. – Новосибирск; М., 1997.
4. Голев, Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово, 2006.
5. Соционика. Теория и практика. Типирование. Характеристика. – Режим доступа: <http://www.gamo.ru/-tipirovanies/?aaa=292>
6. Филатова, Е. С. Соционика в портретах / Е. С. Филатова. – Новосибирск, 1996.

Информация об авторе:

Замилова Анастасия Валерьевна – ассистентка кафедры русского языка КемГУ, 89502735974, zamilova_anastasia@mail.ru.

Zamilova Anastasia Valerievna – assistant lecturer at the Russian Language Department of KemSU.

ЯЗЫК КАК ЭТНОЗНАЧИМОЕ СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ

Л. С. Зникина

LANGUAGE AS AN ETHNOSIGNIFICANT TOOL OF CULTURE TRANSMISSING

L. S. Znikina

В статье рассматриваются вопросы коммуникативного взаимодействия с позиций национально-культурного языкового сознания коммуникантов; анализируются особенности межкультурного общения; дано научное обоснование коммуникации как инструмента воздействия на говорящего; показаны примеры коммуникативного поведения как синтез «язык / культура».

The article deals with the aspects of the communicative interaction in terms of national and cultural language consciousness of communicating partners; the features of cross-cultural communication are analyzed; the scientific explanation of communication as the tool of influencing the speaker is given; the examples of communicative behavior as a synthesis of «language / culture» are provided.

Ключевые слова: национально-культурное языковое сознание, межкультурное взаимодействие, воздействующая и обеспечивающая функция коммуникации.

Keywords: national and cultural language consciousness, cross-cultural interaction, effecting and providing functions of communication.

Межкультурные контакты стали явлением нашей повседневной жизни. И нередко ситуации общения с представителями других культур преподносят нам неожиданные «сюрпризы», поскольку в любом общении задействованы человеческие эмоции и реакции, а в межкультурной коммуникации они выражены наиболее ярко. Понятно, что появилась необходимость уделять внимание выработке навыков и умений межкультурного общения. Известно, что каждая культура формирует определенный тип личности, уникальную систему ценностей, приоритетов, моделей поведения.

Полидисциплинарный характер межкультурной коммуникации позволил переосмыслить многие традиционные понятия и категории антропологии, лингвистики, социологии, психологии, теории информации и, конечно, методики преподавания иностранного языка. Проблема культуры и языка, создание «культурной модели личности» являются основой антропологических исследований с позиций межкультурного общения. Если делать акцент на деловом общении, и именно в контексте межкультурного общения, то развитие современных форм производства, передачи и хранения информации, частота межкультурных деловых контактов делает необходимым изучение широкого комплекса проблем, связанных с этим видом коммуникации. Оптимизация успешного сотрудничества посредством эффективной коммуникации относится к числу принципиальных методологических проблем социальной психологии и общей теории управления. Решение этих проблем может быть найдено не технологическими усовершенствованиями, а с помощью более глубокого изучения феномена речевой коммуникации. Эффективность обмена текстовой информацией является необходимым условием успешного взаимодействия индивидов в процессе делового общения, а искусство речевого общения требует разнообразных знаний и умений. Действительно, если совсем недавно среди специалистов различного профиля бытовало мнение о том, что это не проблема, и профессионалы всегда «найдут общий язык», незави-

симо от того, в условиях каких культурных традиций они воспитывались, то в последнее время значимость и актуальность проблемы межкультурных взаимодействий признаётся всё более широкими кругами политиков, предпринимателей и всех тех, кому приходится работать с представителями других культур. И наоборот, непривычность, а иногда и неприемлемость стилей общения, принятых в России, обусловленные культурными традициями, весьма существенно затрудняет адаптацию представителей других культур к нашей культуре и препятствует налаживанию плодотворного сотрудничества. Эти различия основаны на концептуальной разнице в подходах к межкультурному взаимодействию и представляют собой синтез «язык/культура» в формировании национально-культурного языкового сознания.

Описание пережитых проблемных ситуаций, возникших при коммуникации с деловыми партнерами – представителями других культур, дали нам менеджеры, имеющие как положительный, так и отрицательный опыт межкультурного общения (слушатели Федеральной программы по подготовке специалистов управления, ФГБОУ ВПО «Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева», 2007 – 2011 гг.). Вот примеры некоторых из них.

– «Деловые разногласия (дискуссии). Партнер пользовался типичным для американцев языком. Повышал голос. Интонация и другой языковой фон настолько дополняли смысл сказанного, что переводчик воспринимался неоднозначно».

– «Английский юмор несколько своеобразен и поэтому иногда непонятен».

– «Язык является важным инструментом для поддержания деловых контактов. Как показывает мой опыт, при работе за границей признается только тот, кто может изъясняться на соответствующем языке страны. Уровень знания языка является важнейшим критерием для оценки делового партнера. Поэтому при подготовке к международным деловым контактам знание языка должно стоять на первом

месте, все остальные особенности страны лучше всего изучить потом в самой стране в ходе короткого подготовительного этапа».

– «Несоответствие между о'кей-менталитетом американцев и русским чувством «соглашательства», что очень проявляется в языке».

– «Нашими партнерами в Азии являются чаще всего китайцы, которые мыслят и чувствуют иначе. Это явно и при невербальном общении. Необходима подготовка к общению с ними».

– « Не только деловые традиции, но и традиции питания играют роль. Мы довольно легко и необдуманно раним чувство их гостеприимства».

– «Выяснилось принципиально разное отношение американцев к рабочему времени: работа до 22 – 23 часов не являлась чем-то необычным, как и работа в выходные. Очень уверенная манера держать себя. Американцы подходят очень открыто и уверенно к людям, со школы привыкли уверенно держать себя, общаться, например, читать свободно доклады и т. д., чего нет у нас. Но одновременно они достаточно закрыты, когда речь идет об обнародовании своих проблем».

– «Как только научился понимать и учитывать культурные различия, оказалось, что я имею больший успех в общении, появилось ощущение убежденности и уверенности. Я своим «русским» разумом смог разрешить спорные вопросы и преодолел многие преубеждения».

– «Деловое общение: признать свою вину в чем-то – для них якобы «потерять лицо».

– «Незнание различных образцов поведения других культур снова и снова приводит к недоразумениям и трудностям. Реакция на такое неправильное поведение – особенно в Азии – холодная вежливость».

– «Не просто элементарное незнание их языка, а незнание коммуникативных и национальных особенностей, которые уходят корнями в прошлое, явились, к сожалению, причиной многих нерешенных дел».

Эти примеры, на наш взгляд, касаются понятия «языковой личности», которое стало неотъемлемой частью концептуального аппарата современной лингвистики. Разнообразные подходы, направления, концепции и теории социолингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, когнитивной психологии этих областей исследования всегда сохраняли общую для них цель – понять процессы, посредством которых человек выражает мысль и осуществляет коммуникацию. То есть коммуникация характеризуется как явление, обеспечивающее процессы понимания, накопления и систематизации знаний, процессы принятия решений и управления. Очевидно, эту функцию коммуникации можно назвать *инструментально-функциональной*.

По теории информации *коммуникация* является способом передачи информации. Поэтому считаем целесообразным обратиться к соотношению понятий «информация», «коммуникация», «сообщение» и «адекватность восприятия».

Если проанализировать частоту применения тех или иных понятий в научных исследованиях или даже в обыденной жизни, то, без всякого сомнения, одно из первых мест займёт информация. При этом под информацией, как правило, понимается буквально всё,

что несёт на себе следы знаний, сообщений, данных, сигналов и т. д. Информационные взаимодействия – это основа существования как живой, так и неживой природы. Без информационных процессов немыслима и социальная жизнь.

В научной литературе можно встретить десятки определений информации. Однако совершенно очевидно, что полного определения информации дать невозможно, поскольку термин «информация» получил чрезвычайно широкое употребление не только в научной литературе, но и в других сферах нашей жизни. Практически под информацией принято понимать в самом широком смысле все знания, сведения, данные, сообщения, сигналы, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни и проявление которых мы наблюдаем в природе и обществе.

Заметим, однако, что термин «информация» произошел от латинского слова «informatio», что в переводе означает *сообщение, разъяснение, изложение*. Причем, возьмем на себя смелость утверждать, что это переводное значение информации концептуально очень близко понятиям *образование, обучение*. Тем самым в процессе познания именно информация представляет собой нечто, что заставляет «подправлять», умножать наши знания. Именно поэтому ценность информации всегда субъективна и во многом определяется возможностями потребителя, его целями, степенью его восприимчивости и уровнем его познаний.

Обратимся к соотношению понятий «информация», «сообщение» и «коммуникация», поскольку одной из общепринятых форм представления информации является *сообщение*. В своем фундаментальном труде «Информатика» Ф. Л. Бауэр вводит понятия «сообщение» и «информация» как основные понятия, имея в виду, что все остальные понятия информатики являются производными от них [1, с. 8 – 29].

Дать определение сообщению через понятие информации не представляет труда: например, сообщение – это совокупность знаков или первичных сигналов, содержащих информацию. Важно акцентировать внимание на то, что «сообщение в процессе коммуникации для каждой категории людей несет совершенно разную информацию, соответствующую кругу интересов получателя» [2, с. 37].

Таким образом, одно и то же сообщение в процессе коммуникации (вербальной или невербальной) может интерпретироваться по-разному, то есть нести разную информацию: информация на входе и выходе может быть различной. При этом можно утверждать, что решающим для связи между сообщением и содержащейся в нем информацией является некоторое отображение, которое является либо результатом договоренности, либо результатом понимания, либо предписанным правилом. Это отображение является правилом интерпретации. Сама интерпретация определяется интересами получателя информации, его чувствами, эмоциями и, говоря более формальным языком, – просто его целью. При этом несложно представить, что одним из основных условий извлечения необходимой информации из сообщения является собственно цель этого процесса – последующий поступок (реакция) коммуниканта. Но поступку чело-

века или действию группы людей предшествует принятие решения как результат общения. Принятие решения может быть глубоко продуманным, сознательным актом, который совершается на основе логического анализа. Решение может приниматься на основе некоторых интуитивных представлений, в порыве чувств, на основе эмоций. Наконец, решение может приниматься в состоянии стресса или аффекта. В любом случае акт принятия решения представляет собой разрядку социально-психологической энергии, которая происходит, как правило, в результате коммуникации как информационно-сигнальное воздействие. Поэтому коммуникация, являясь одновременно *инструментом воздействия*, вызывая разрядку социально-психологической энергии, которая приводит к принятию решений и определенным действиям.

Коммуникацию как инструмент сигнального воздействия схематично можно представить следующим образом: информация → накопление → сигнальное воздействие → разрядка энергии (действия, осмысление принятия решений).

С одной стороны, коммуникация выполняет «обеспечивающую» функцию, представляя собой способ передачи тех сведений, знаний, содержания сообщений, которые интерпретируются исходя из поставленных целей и задач. Однако, согласно теории информации, мы получаем сообщение через фильтры, обусловленные нашим культурным контекстом. Контекст влияет на то, *что* мы получаем и *как* мы это получаем. В этом случае коммуникативное поведение руководствуется правилами, принципами и регулировками. Такие коммуникативные правила в определенных контекстах есть система ожидаемых моделей поведения, которые способствуют взаимодействию между индивидуумами в вербальных проявлениях.

С другой стороны, коммуникация может выполнять и непосредственно воздействующую функцию, составляя основу тех сигналов, которые, воздействуя на некоторую систему, могут стимулировать накопление энергии, ее трансформацию и, наконец, разрядку, приводящую систему в «новое» состояние, а в ряде случаев просто разрушая ее. Это предполагает развертывание проблемной ситуации в межкультурной коммуникации, которую можно представить как цепочку причин в следующей последовательности: отсутствие знаний и коммуникативных особенностей другой культуры → коммуникативный барьер → невозможность достижения коммуникативной цели → стресс → обобщение и категоризация проблемы → необъективное восприятие коммуникативной (не только языковой) ситуации → отказ от последующих прямых контактов.

То есть, обе эти стороны информации, и обеспечивающая и воздействующая, проявляются в полной мере в социальной жизни как результат умения (или неумения) коммуникантов взаимодействовать. Особенно это важно с представителями различных культур. Причём, если совсем недавно среди специалистов различного профиля бытовало мнение о том, что «это не проблема, и профессионалы всегда договорятся, независимо от того, в условиях каких культурных традиций они воспитывались» [3, с. 361], то в последнее время значимость и актуальность проблемы меж-

культурных взаимодействий признаётся всё более широкими кругами политиков, предпринимателей и всех тех, кому приходится работать с иностранцами. И наоборот, непривычность, а иногда и неприемлемость стилей общения, принятых в России, обусловленные культурными традициями, весьма существенно затрудняет адаптацию иностранцев к нашей культуре и препятствует налаживанию плодотворного сотрудничества. «К сожалению, многие из них думают шаблонами, им не хватает знания мира, терпения и выдержки, чтобы объясняться (договариваться) с людьми других культур и другого образа мышления. Они просто неинтернациональны» [4, с. 258].

Как особенность функционирования языка в деловой коммуникации наибольший интерес представляет именно функционально-инструментальная роль. Поэтому уточним: коммуникация – это способ передачи тех сведений, компонентов знания, содержания сообщений, которые, с одной стороны, интерпретируются исходя из возможностей, интересов, целей и стоящих задач и, с другой стороны, оказывают воздействие как на сознание, так и на подсознание людей, накапливаются, создают механизмы управления социальными системами и процессами, являясь основой для принятия решений.

Согласно теории информации, мы получаем сообщение через фильтры, обусловленные нашим культурным контекстом. Контекст влияет на то, *что* мы получаем и *как* мы это получаем. В этом случае коммуникативное поведение руководствуется правилами, принципами и регулировками. Такие коммуникативные правила в определенных контекстах есть система ожидаемых моделей поведения, которые способствуют взаимодействию между индивидуумами в вербальных проявлениях.

Основываясь на этом, можно сделать вывод общеметодологического характера: не может быть единственной формы адекватного восприятия, поскольку, несмотря на строгую логику системы языка, мышление человека всегда богаче его формы. Полиморфизм языка – одна из возможностей допущения «неадекватности» логики нашей коммуникации при кажущейся жесткой дедуктивной структуре языка как системы.

В контексте рассмотрения языка как этнозначимого средства трансляции культуры мы все чаще говорим о новых подходах в обучении иностранному языку. Целями и задачами современной лингводидактики является поиск наиболее рациональных методов преподавания иностранного языка, изучение вопроса целесообразности обучения культуре иноязычной страны через призму языка, его национальное содержание. Действительно, изучение иностранного языка – это знакомство с «чужим», с культурой иноязычной страны, историческим пространством этой культуры, способом выражения «чужого» образа мышления. Естественно, формирование межкультурной компетенции является составной частью процесса обучения иностранному языку, и наоборот – изучение иностранного языка должно способствовать приобретению кросскультурных знаний.

Тем не менее вопросы остаются: *Что собой представляет лингвострановедение в научном плане? На*

какие принципы обучения следует опираться? Какие подходы к обучению использовать? С помощью каких методов можно осуществить взаимосвязанное овладение языком и культурой страны изучаемого языка? Что следует отнести к лингвострановедческому материалу, чтобы язык был действительно этнозначимым средством трансляции культуры?

В рамках взаимосвязанного овладения языком и культурой страны изучаемого языка очень важен учёт особенностей изучаемого языка как промежуточной языковой системы (*interlanguage* – постоянно меняющаяся языковая система, которая находится между родным и изучаемым языками и по своей сути индивидуальна для каждого обучающегося). Важно помнить, что большим лингвострановедческим потенциалом обладают единицы афористического уровня – пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения, цитаты, которые часто используются в различного рода аллюзиях. Наряду с лексикой и фразеологией, содержанием лингвострановедческого материала выступают правила речевого этикета, принятые в данной этнолингвистической общности, а также правила речевого и неречевого поведения в различных ситуациях общения, включая рутинное поведение и суеверия. Нельзя, на наш взгляд, согласиться с мнением некоторых исследователей, утверждающих, что жесты и мимика относятся к экстралингвистическим средствами, а потому в лингвострановедческий материал включены быть не могут. Другими словами, для адекватного общения на иностранном языке не столь важно пользоваться невербальными средствами, распространёнными в изучаемой культуре, сколько важно не пользоваться теми средствами, характерными для родной культуры, которые могут быть неправильно истолкованы носителем языка. В содержание лингвострановедческого материала входят такие компоненты, как фоновые знания; безэквивалентная лексика; коннотативная лексика; фоновая лексика; ономастическая лексика; единицы афористического уровня языка; формулы речевого этикета; правила неречевого поведения.

В последнее время делается попытка обнаружить обусловленность языка в самом значении лексических единиц, выделить так называемый «культурный»

компонент значения, открыть лингвистическую природу «фоновых знаний», показать особенность и своеобразие их функционирования в каждой из рассматриваемых языковых общностей. Интерпретируя понятие фоновых знаний, О. С. Ахманова отмечает, что непременным условием реализации любого коммуникативного акта должно быть «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения». Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров были первыми учеными, которые научно обосновали объективность существования фоновых знаний. В книге «Лингвострановедческая теория слова» ими была определена накопительная функция лексической семантики, раскрыто содержание кумулятивной функции языка, дано новое понятие «лексического фона». В рамках представленной лингвистической концепции содержательный план слова не ограничен одним лексическим понятием, а включает непонятную семантическую составляющую, которая и образует «лексический фон». Вместе с лексемой и лексическим понятием этот лексический фон составляет структуру слова и обосновывает практическую необходимость преподавания иностранного языка в неразрывной связи с культурой изучаемого языка. Конечным итогом речевого акта, безусловно, является его воздействие на реципиента. Одно и то же сообщение в процессе коммуникации (вербальной или невербальной) может интерпретироваться реципиентом по-разному: информация на входе и выходе может быть различной. При этом можно утверждать, что решающим для связи между сообщением и содержащейся в нем информацией является некоторое языковое отображение, которое является либо результатом договоренности, либо результатом понимания, либо предписанным правилом. Другими словами, человеческая речь – это не только процесс передачи информации, но и то, что при помощи речи можно регулировать деятельность собеседника. Воздействие на эмоции человека есть функция всей языковой системы. Именно в воздействии сходятся все основные понятия и цели коммуникативного акта – поиски смысла, передача и выявление интенции, точности выражения, особенности человеческого понимания и восприятия.

Литература

1. Бауэр, Ф. Л. Информатика. Вводный курс / Ф. Л. Бауэр, Г. Гооз: в 2 ч. – М.: Мир, 1990.
2. Сетров, М. И. Информационные процессы в биологических системах / М. И. Сетров. – Л.: Наука, 1975.
3. Шиверских, М. Р. Адаптационные тренинги как средство улучшения межкультурного взаимодействия в процессе реализации совместных образовательных программ / М. Р. Шиверских // Россия и Запад: диалог культур. – III-я Междунар. конф. 28 – 30 ноября 1996 г., МГУ. – М., 1997.
4. Lentz, B. Der polyglotte Supermann / B. Lentz // Manager Magazin. – 1997. – № 5.

Информация об авторе:

Зникина Людмила Степановна – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры гуманитарного образования и иностранных языков, Юргинский политехнический институт Томского политехнического университета, г. Юрга, 8-905-969-9328, znikina@mail.ru.

Znikina Lyudmila Stepanovna – Professor, Candidate of Philology, Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Arts Education and Foreign Languages of Yurga Institute of Technology, TPU Affiliate.

УДК 81:1:378

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ СЕМИОТИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (на примере английского языка)

С. А. Золотарева

FORMING STUDENTS' GENERAL CULTURAL COMPETENCE BY MEANS OF SEMIOTICS IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE (English)

S. A. Zolotareva

В статье раскрывается значение персоналии как знака языка культуры, специфика ее функционирования при обучении иностранному языку, которая заключается в способности репрезентировать в личностно-прецедентной форме социокультурные ценности и ориентиры и, таким образом, вносить определенный вклад в процесс формирования общекультурной компетенции обучающихся.

The article reveals the worth of personalia as a culture language sign, the peculiarity of its functioning in teaching a foreign language which includes its ability to represent social and cultural values and priorities in a personal-precedential form, thus making a contribution to the process of forming students' general cultural competence.

Ключевые слова: персоналия, общекультурная компетенция, знак, концептуальная схема.

Keywords: personalia, general cultural competence, sign, concept scheme.

Нет необходимости доказывать, что главной тенденцией развития науки, техники, образования и других сфер человеческой деятельности в двадцать первом веке является тенденция к глобализации. В результате каждый индивидум становится включенным в процесс межкультурной коммуникации как в аспекте личных, так и профессиональных взаимодействий. Реформирование системы высшего образования подразумевает изменение не только формальной структуры, но и ее содержательной составляющей. Суммарное воздействие данных процессов приводит к изменению принципов формирования общекультурной компетенции обучающихся, влекущее за собой трансформацию концептуальной схемы носителя культуры. Понятие концептуальной схемы разрабатывалось такими исследователями, как У. Куайн, Д. Дэвидсон, П. Стросон, М. Лебедев. Последний, систематизировав имеющиеся точки зрения, определяет данный термин как «совокупность широко распространенных мировоззренческих установок и элементов знания, т. е. некоторая (научная) картина мира» [2]. Языковая подготовка современного специалиста, безусловно, предполагает не только обучение умению находить, анализировать и систематизировать информацию из всевозможных источников на иностранных языках, но и развитие способности определять ее культурную ценность. Таким образом, процесс преподавания иностранного языка в современных условиях превращается, скорее, в процесс обогащения культурного опыта и формирования общекультурной компетенции обучающихся.

Общекультурная компетенция определяется А. В. Хуторским как «круг вопросов, по отношению к которым ученик должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности, это особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека... сюда же относится опыт

освоения учеником научной картины мира, расширяющейся до культурологического и всечеловеческого понимания мира» [4, с. 12 – 20]. Формирование общекультурной компетенции происходит на базе общекультурного содержания образования, включающего в себя «основы изучаемых наук, искусств, отечественных и мировых традиций..., получивших отражение в учебных предметах и образовательных областях, и выражается в форме понятий, законов, принципов, методов, гипотез, теорий, обрядовых действий, текстовых, художественных и иных произведений, считающихся фундаментальными достижениями человечества» [4, с. 12 – 20]. Без овладения этим комплексом знаний идей, ценностных представлений, способов познания, мышления и практической деятельности невозможно взаимоотношение и взаимодействие людей, гармония человека и общества, человека и природы.

Одним из средств формирования общекультурной компетенции, как представляется, в процессе преподавания иностранного языка могут выступать знаки языка культуры. Языком культуры в широком смысле этого понятия называются те средства, знаки, символы, тексты, которые позволяют людям вступать в коммуникативные связи друг с другом, ориентироваться в пространстве культуры. Язык культуры – это универсальная форма осмысления реальности, в которую организуются все вновь возникающие или уже существующие представления, восприятия, понятия, образы и другие подобного рода смысловые конструкции, или иначе, носители смысла. Основной структурной единицей языка культуры, с точки зрения семиотики, являются знаковые системы. Знак – это материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве объективного заместителя некоего другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний). Приобретая свое значение, знак начинает функционировать как самостоятельная единица, воздействуя определенным образом на реципиентов за счет инфор-

мации, заложенной в ней. Полнота понимания этого содержания зависит от различных социокультурных факторов, таких, как возраст, образованность, принадлежность к различным социальным слоям и религиозным конфессиям и т. д. Персоналия, которая в данной работе понимается как имя собственное реальной либо вымышленной личности, характеризующейся известностью и значимостью для носителей культуры и отражающей их культурные и нравственные ориентации, ценности, установки. Изучение персоналии как знака культуры позволяет выявить отраженные в данной единице национально-специфические ценностные установки, присутствующие в концептосфере носителей культуры, а также универсальные элементы, актуальные для большинства культур, и оценить вклад, который данные знаки вносят в формирование общекультурной компетенции.

Важность информации, передаваемой именами собственными, признается представителями различных наук, а исследование данных единиц имеет достаточно долгую научную традицию. Тем не менее значение персоналии шире и более комплексное, чем значение имени, содержательные компоненты данного знака могут отсылать к нескольким социокультурным концептам сразу. Каждой персоналии, как единице языка культуры, соответствует определенная «совокупность семантических признаков», т. е. содержание понятия данной единицы, и в этой совокупности присутствуют характеризующие признаки двух типов. Одни отражают фактические данные, связанные с именем, другие несут информацию о приоритетах социальной деятельности индивидов по созданию универсальных ценностей.

Тем не менее в процессе употребления реализуется, как правило, не весь комплекс семантических признаков персоналии, а лишь те из них, которые имеют приоритетное значение для конкретных коммуникативных целей, таким образом, можно объединить некоторое количество персоналий в определенную категорию по доминантному признаку. Другими словами, они позволяют судить о востребованности отдельных качеств индивида в обществе и стремлении к их развитию в личности. Примеры замещения именем определенных характеристик человека можно наблюдать во многих учебных и публицистических материалах, а также в художественной литературе.

Так, в одном из учебных заданий студентам предлагается определить в тексте диалога выражения, отличающиеся от аудиозаписи. Одним из них является фраза одного из собеседников, которое можно расценить как ироническое заявление: «You're not exactly miss Einstein yourself!» (Ты и сама не совсем мисс Эйнштейн!) [8, с. 30], так как этой фразе соответствует выражение: «You are stupid too!» (Ты тоже глупа!).

Аналогично можно оценить следующий пример:

«His name was Brad. And he did look a bit like Brad Pitt» (Его звали Брэд. И он действительно был немножко похож на Брэда Пита) [9, с. 72]. Основной характеристикой, реализуемой в данном контексте, является внешняя привлекательность, красота и сексуальность.

Такого рода обобщения, например, возможно наблюдать в тех случаях, когда речь идет о получивших широкое распространение рейтингах популярности,

основанных на разнообразных критериях. В частности, из встречающихся в современных периодических изданиях и на Интернет-сайтах рейтингов можно выделить следующие категории: влиятельные, популярные, сексуальные, известные, узнаваемые, хорошо одевающиеся, а также некоторые другие, так или иначе соответствующие перечисленным категориям.

Мы полагаем, что персоналии ассоциированы с определенными концептами посредством содержащихся в их понятиях характеризующих признаков. Принимая за основу трактовку концепта Ю. С. Степанова, а именно: «Концепт – явление того же порядка, что и понятие. Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [3, с. 42]. Характеризующие признаки образуют понятийные конфигурации, сопоставимые с конфигурациями концептов. В персоналиях находят свое отражение такие концепты, как: Коллективизм и Индивидуализм, Ориентация на отношения и Стремление преуспеть, Традиция и Новизна, Красота и Польза, причем все они, в основе своей, являются репрезентацией социально обусловленных ценностей.

Значение персоналии обусловлено интеракцией между знаком и реципиентом, обусловленной работой сознания воспринимающего индивида, причем способность к восприятию зависит от его совокупного социокультурного опыта. Реципиент понимает значение персоналии не как отсылку к определенному реальному индивиду или некоторой фактической информации, а как оценку деятельности обозначаемого персоналией лица согласно социально-культурным критериям, существующим в коллективе, к которому он принадлежит. В результате персоналии становятся олицетворением приоритетов деятельности и ее мотивом. Основная функция персоналии, по нашему мнению, состоит в презентации информации об основных мировоззренческих установках конкретной общности, выраженной в личностно-образной форме, а важнейшей сферой, в которой персоналия реализует свое значение и функции, является сфера образования.

Отталкиваясь от того, что возможность референции определяется некоторым уровнем знания об объекте, мы приходим к выводу, что существует взаимозависимость между персоналией и концептуальной схемой носителя культуры, которая проявляется в ее корректировке в соответствии с ценностными, мировоззренческими и идеологическими установками общества. В процессе обучения иностранному языку преподаватель зачастую встречается с тем, что обучающиеся не способны декодировать некоторые знаки языка культуры, в частности, персоналии. Существует два контекстуально обусловленных варианта невозможности идентификации референта по дефиниторной дескрипции. В первом случае ситуация обусловлена

тем, что знания, которыми обладает реципиент, недостаточно качественные, неполные или не отвечают требованию истинности. Типичным примером затруднений, связанных с недостатком знаний, могут служить проблемы, возникающие у представителей различных социумов при выполнении задания на идентификацию персоналий согласно их достижениям:

«The 35th president of the USA was:

a) Bill Clinton, b) J. F. Kennedy».

Тридцать пятым президентом США был

a) Билл Клинтон, б) Дж. Ф. Кеннеди [7, с. 32].

Или:

America	invent discover	Captain James Cook
The television		John Logie Baird
Australia		the Wright Brothers
The telephone		Christopher Columbus
The airplane		Alexander Graham Bell

Тут, помимо выполнения грамматического задания, предлагается сопоставить личность и то, что они изобрели или открыли [7, с. 41].

В ситуации недостаточности знания контекст может быть прояснен при помощи координирования индивидуальной концептуальной схемы реципиента и схемы, разделяемой всеми участниками коммуникативного сообщества. В данном случае общепринятая концептуальная схема представляет собой некоторый минимально допустимый объем знания, и согласование в таком случае будет заключаться в приведении в соответствие с ним наличного объема знаний реципиента путем получения недостающей информации. Таким образом, индивидуальная концептуальная схема реципиента может быть скорректирована согласно общеразделяемому образцу – стандартной схеме, так как большинство персоналий, предъявляемых в контексте учебных пособий, являются личностями, совершившими открытия или изобретения общемирового значения.

По мнению Е. С. Кубряковой, «как только носителями определенного языка получена «дополнительная информация о мире» и в распоряжение говорящих попадает (через значение зафиксированных в лексиконе слов или оборотов) некий круг сведений об объектах мира или о его членении, рефлексии этих сведений пополняют концептуальную систему говорящих на данном языке. Какой именно частью данной системы – входящей в ее ядро или в ее периферию – станет указанный круг сведений, зависит не от языка, а от онтологической сущности обозначенного и его прагматической ценности. В этом смысле за пределами концептуальной картины мира не может остаться то, на что уже была направлена мысль человека в акте номинации, и то, что уже зафиксировано в виде апробированного обществом конвенционального знака» [1, с. 14]. Следовательно, ознакомление с новой информацией влечет за собой не только расширение горизонта знаний, но и трансформацию мировоззренческих установок.

Кроме того, возможен также и другой вариант рассогласования, возникающий в результате конфликта двух социальных концептуальных схем, фиксируемых естественными языками и существующих в социокультурных сообществах. Координирование та-

ких схем вызывает необходимость не приближения к чему-то общепринятому с целью устранить несоответствия, но установления эквивалентности между двумя классами понятий. Данную ситуацию можно наблюдать, если взять такую дескрипцию, как «изобретатель радио». В этом случае представители русскоязычной культуры соотнесут дескрипцию с именем А. Попова, тогда как в западном мире авторство изобретения этого аппарата приписывается Г. Маркони, что зафиксировано и в справочной литературе, и в учебных курсах, являющихся составной частью образовательной системы. Причем, тогда как в России в последнее время имя Маркони так или иначе упоминается в связи с изобретением радио, имя А. Попова вообще не фигурирует в зарубежных источниках информации. Следовательно, согласование концептуальных схем в приведенных случаях потребует пояснения, что каждая из указанных дескрипций соответствует двум референтам, и для выявления точного соответствия могут быть использованы уточняющие дескрипции, например, в последнем случае это может быть такая дескриптивная характеристика, как «владелец патента на изобретение радио».

Как показал анализ эмпирического материала, персоналии различаются способом своего упоминания в тексте учебных пособий на основании развернутости представления. Выделяется три формы подачи информации: подробный рассказ о какой-либо личности, краткая биографическая справка и простое упоминание.

В первом случае понимание значения персоналии для культуры обеспечивает развернутый контекст, представляющий как фактическую информацию, так и коннотативные элементы, прослеживающиеся в ключевых словах и авторских экспрессивно-оценочных характеристиках. Как правило, такой способ презентации характерен для персоналий, обладающих какими-либо характеристиками, особенно важными для носителей западной культуры, но, возможно, мало знакомых иноязычным читателям, например Синди Джексон. Однако такую единицу при первом предъявлении нельзя рассматривать как знак в чистом виде, потому, что, как указывал Ч. С. Пирс, обязательным условием функционирования знака является представление уже известного, что в данном случае не наблюдается. Таким образом, связь между означающим, референтом, концептом и коннотатом формируется при непосредственном ознакомлении с информацией, но до тех пор, пока не произойдет следующее предъявление, упомянутое имя собственное нельзя рассматривать как персоналию для воспринимающего субъекта.

Тем не менее для отправителя сообщения данная фигура уже является знаковой и, стало быть, представляется возможным проследить средства, используемые для передачи смысла и формирования значения семиотической единицы в сознании получателя. Во-первых, на основе фактической информации, представленной в контексте, складывается предметное значение, т. е. понятие. Во-вторых, эмоционально окрашенная лексика может дать представление об отношении автора или авторов текста как представителей культурного сообщества к упоминаемой личности,

репрезентирующей определенные свойства и характеристики. Эти аспекты составляют референт и интерпретанту знака. Однако, исходя из развитой Ч. У. Моррисом теории о том, что процесс семиозиса включает также воздействие знака и его интерпретатора, логично предположить, что конечное значение анализируемой единицы по результатам ее интерпретации будет напрямую зависеть от моральных и ценностных установок интерпретаторов. Примером такой ситуации может служить такая персоналия, как Хелен Келлер. Несмотря на то, что ее имя не так широко известно в российской культурной среде, эта женщина, благодаря изобретению специфической системы коммуникации, дала возможность слепоглухонемым людям общаться между собой. Тем не менее, в силу устоявшегося в современной российской культуре отношения к инвалидам, восприятие персоналии происходит с некоторым отпавлением в сравнении со значением, заложенным отправителем. Можно предположить, что в данном случае изменение значения для реципиента происходит в результате действия, сложившегося в социалистическом обществе стереотипа восприятия лиц с физическими недостатками, не способными быть полноценными членами общества. Здесь мы видим, помимо прочего, отсылку к социальной ценности «польза» посредством соответствующего концепта. Для носителей русской культуры при понимании значения персоналий подобного рода возникает некоторое противоречие между свойством полезности, социально значимого достижения, закрепленного за этими знаками, и собственными социокультурными установками. Таким образом, восприятие через призму специфических социокультурных стереотипов русских искажает изначальную идею знаковой фигуры и изменяет значение персоналии в последующих предъявлениях.

Литература

1. Кубрякова, Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.
2. Лебедев, М. В. Семантика перехода от описания к объяснению / М. В. Лебедев // Что значит знать? – Режим доступа: http://ru.philosophy.kiev.ua/library/kn_book/00.html
3. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
4. Хуторской, А. В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов / А. В. Хуторской // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А. В. Хуторского. – М.: ИНЭК, 2007.
5. Beaumont, D. Elementary English Grammar / D. Beaumont. – Oxford: Heinemann, 1993. – 240 p.
6. Clandfield, L. Global. Pre-Intermediate. Student's book / L. Clandfield, A. Jeffries. – Macmillan Publishing, 2010. – 162 p.
7. Evans, V. Upstream Beginner / V. Evans, J. Dooley. – Newbury: Express Publishing, 2005. – 151 p.
8. Kay, S. Inside Out Intermediate / S. Kay, V. Jones. – Oxford: Macmillan Heinemann, 2000. – 160 p.
9. Kay, S. Inside Out Upper intermediate / S. Kay, V. Jones. – Oxford: Macmillan Heinemann, 2001. – 160 p.

Информация об авторе:

Золотарева Светлана Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 8-923-605-3505, s.a.zolotareva@gmail.com.
Zolotaryova Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of Kemerovo State University of Culture and Art.

Многие тексты и задания из аутентичных учебных пособий пропагандируют идею равных возможностей для всех людей, возникшую изначалью на почве американской культуры. Об этом свидетельствуют факты, содержащиеся в биографических сведениях относительно различных знаменитостей. Например, Мадонна работала официанткой, Элвис Пресли был водителем грузовика, Сильвестр Сталлоне начинал свою карьеру в качестве столяра [5, с. 112].

Еще одним характерным примером проявления значимости личности для западной культуры мы видим в высказывании, цитируемом в одном из учебников: «When you go to work, if you see your name on the building, you are rich, if your name is on your desk, you are middle-class, if your name is on your shirt, you are poor» [6, с. 31]. И, напротив, российской традиции не принято было открыто афишировать свое имя, называя им свою компанию, такая тенденция появилась лишь в последние годы под влиянием процесса глобализации.

Таким образом, персоналии, являясь знаками языка культуры, ассоциированы с соответствующими концептами в сознании ее носителей; они являются личностно-прецедентной формой выражения социокультурных установок, аккумулируют в себе информацию об идеальном в культуре, например, быть полезным для общества, либо быть известным и влиятельным за счет денег, внешности или нестандартного поведения. Предъявление персоналий в процессе преподавания иностранного языка способствует не только развитию эрудиции обучающихся, но и изменению их восприятия мира, ценностных установок, понимания культуры, а, стало быть, и формированию общекультурной компетенции будущего специалиста.

УДК 81'42

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АГНОНИМОВ РЯДОВЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. П. Зыбина, Н. В. Мельник

STRATEGIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS – AGNONYMS SEMANTIZATION BY ORDINARY NATIVE SPEAKERS: LINGUISTIC AND LINGUOPERSONOLOGICAL ASPECTS

N. P. Zybina, N. V. Mel'nik

В статье представлено теоретическое обоснование критериев типологизации персонотекстов рядовых носителей языка, описание персонотекстов, созданных на основе первичных единиц – фразеологизмов-агнонимов, стратегии семантизации фразеологизмов-агнонимов рядовыми носителями языка. За основу в исследовании взяты данные лингвистического эксперимента.

Theoretical research in the field of the language personality, the classification of the language personalities, and strategies of phraseological units-agnonyms semantization of by ordinary native speakers are presented in the article. The choice of the material studied in the article can be explained by the necessity to develop the theory of the linguistic personality.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, персонотекст, фразеологизм-агноним, стратегии семантизации.

Keywords: linguopersonology, linguistic personality, phraseological unit – agnonym, semantization strategy.

Термин «лингвистическая персонология», обозначающий научную дисциплину, объектом которой является языковая личность, предложил В. П. Нерознак. Выделяются два аспекта лингвоперсонологии [1, с. 7 – 12], коррелирующие с двумя подходами к исследованию языковой личности: дедуктивный (с позиций личности) и индуктивный (с позиций языка) [3, с. 92 – 99]: персонология в лингвистическом измерении и лингвистика в персонологическом измерении.

Персонологией в языковом измерении занимались Г. И. Богин, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов. Предметом ее изучения выступает личность, в описание которой входит комплексный портрет личности, включая языковые характеристики.

Осуществляемое нами исследование формируется в рамках лингвистики в персонологическом измерении, предполагающем описание языка, текста, речевой деятельности в персонологическом аспекте, то есть в аспекте разнообразия языковых личностей. Антропоцентрическая линия развития языкознания изменила устоявшиеся представления о языке, привела учёных разных научных интересов к переосмыслению многих лингвистических проблем. Предметом изучения при таком подходе являются лингвистические категории (лексема, часть речи, тип речи и т. д.), рассматриваемые сквозь призму характеристик личности [4]. Материалом исследований такого рода является текст, именно в тексте реализует себя, с одной стороны, креативный потенциал языковой системы, с другой стороны, лингвокреативный потенциал языковой личности.

Наше исследование производилось на основе персонотекстов (термин Н. Д. Голева), под которыми мы понимаем тексты, отражающие свойства языковой личности автора и/или адресата. В ходе исследования в качестве первичных единиц были выбраны фразеологизмы-агнонимы (под агнонимией мы понимаем, вслед за В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной,

наличие/отсутствие в сознании носителей языка каких-либо представлений о содержании определенных единиц; характер таких представлений, их зависимость от объема знаний о мире, языковой и культурологической компетенции как отдельной языковой личности, так и больших, и малых групп [5]. Таким образом, агнонимы – определенные единицы языка, знание о содержании которых отсутствует в сознании рядового носителя языка). Выбор фразеологизмов-агнонимов в качестве первичных единиц обусловлен тем, что для выявления индивидуальных характеристик языковой личности, стратегий семантизации фразеологизмов-агнонимов, по-нашему мнению, являются наиболее показательными единицами, поскольку обладают высоким потенциалом вариационного функционирования. При этом мы выходим в область наивной семасиологии, обыденной металингвистики, нас интересует функционирование фразеологизмов в языковом сознании носителей языка, таким образом, нормативный аспект сменяется описательным: мы обращаемся не к словарным дефинициям, а к «реальным» значениям фразеологических единиц, опредмеченных в метатекстовых рефлексивах.

В данной статье мы делаем попытку выявить на основе персонотекстов стратегии семантизации, которыми пользуются рядовые носители языка при восприятии и обработке первичной единицы. Данные стратегии помогут нам в дальнейшем обосновать нашу гипотезу, состоящую в том, что реализация семантического потенциала выбранной фразеологической единицы в значительной мере зависит от лингвоперсонологического фактора (индивидуальная интерпретация) и языкового фактора (разные типы фразеологизмов трактуются в соответствии с определенным типом стратегий). Под стратегией мы понимаем, вслед за С. И. Ожеговым, планирование, прогнозирование, план действия [6, с. 772]. То есть, применяя данное определение к лингвистике, мы считаем стратегиями семантизации тип мыс-

лительного и речевого действия, соответствующий индивидуальным особенностям личности.

Список фразеологизмов-агномимов формировался методом отбора единиц с предположительно неизвестным для респондентов значением (с нашей точки зрения, любой фразеологизм обладает потенциалом своего агномимического функционирования, но его реализация зависит от объективных и субъективных факторов), при этом мы выбирали единицы, относящиеся к трем типам фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности [7]: *фразеологическим сращениям* (буриданов осел, тихой сапой, сума переметная); *фразеологическим единствам* (ветрами подшит, гог и магог, улыбка авгура); *фразеологическим сочетаниям* (не обсевок в поле, синь порох в глазу, гайка слаба) и входящих в тематическую группу «качества человека». Респондентам (55 испытуемых), в качестве которых привлекались студенты КемГУ (социологи 3 курса), студенты КузГТУ (химики-технологи 4 курса), было предложено объяснить значение фразеологизмов.

В результате анализа полученных экспериментальных данных были намечены критерии типологизации персонотекстов [2, с. 15 – 37], выявлены типы персонотекстов, на основе которых были реконструированы стратегии семантизации первичных единиц рядовыми носителями языка: консервативная / креативная, ономаσιологическая / семасиологическая, формально-структурная / предметно-вещественная, эстетико-сенсорная / логико-информативная, механическая / рефлексивная (в персонотекстах респондентов сохраняется авторская орфография и пунктуация).

Описание стратегий семантизации фразеологизмов-агномимов рядовыми носителями языка:

1. Консервативная / креативная:

– при написании вторичных текстов языковая личность старается сохранить конвенциональное значение, не проявляя никаких эмоций и способностей, не нарушает этические и эстетические требования к речевому общению (в персонотекстах респондента сохранены авторская орфография и пунктуация). То есть, при написании вторичного текста автор пользуется консервативной стратегией, которая характеризуется следующими признаками: незначительные количественные изменения формального плана изложения, отсутствие качественного изменения исходной единицы, сохранение стилистики и элементов исходной единицы: *улыбка авгура* – хитрая улыбка; красивая улыбка; прекрасная улыбка; реакции респондентов полностью подражают стилю, сохраняют основное содержание звукобуквенного комплекса первичной единицы;

– для креативной личности характерно индивидуальное своеобразие речи, обусловленное модификацией постоянных, единообразных, иначе говоря, – инвариантных признаков, общих для всех носителей данного языка: введение новой информации, выражение авторской позиции, отражение индивидуальности. В данном случае языковая личность использует креативную стратегию, в созданных ею персонотекстах наблюдаются изменения, касающиеся лексического и грамматического уровня. Буквальное значение исходной единицы синтезируется в бо-

лее сложную структуру, то есть происходит качественная переработка материала: *ветрами подшит* – *непостоянство*; реакция отражает синтез буквального значения слов: ветер – движение воздушных масс, подшит – соединение частей чего-либо; таким способом формируется реакция – *непостоянство*, которая ни по форме, ни по содержанию не повторяет первичную единицу.

2. Ономаσιологическая / семасиологическая:

– во вторичных текстах актуализируется содержательная составляющая: именно содержание и его категории (концепт, пресуппозиция и т. п.) становятся объектом рефлексии, то есть языковая личность при написании вторичного текста пользуется ономаσιологической стратегией, которая характеризуется стремлением передать содержание исходной единицы, почти не уделяя внимания ее форме: *улыбка авгура* – хитрость; хитрец; тайный умысел; счастливый; жизнерадостный; угрюмость. То есть респонденты, основываясь на своем опыте, трактуют улыбку как нечто отрицательное. Такая реакция актуализирует содержательный потенциал пресуппозиции первичной единицы;

– рефлексия происходит по поводу формы текста, касается его стиля, элементов словообразования, манеры повествования. Таким образом, под формой понимается внешняя сторона текста как способ оформления содержания. В данном случае языковая личность использует семасиологическую стратегию, в созданных ею персонотекстах исходная единица изменяется в наименьшей степени, так как при рефлексии языковые личности идут от формы к содержанию: *улыбка авгура* – выражение лица; красивая улыбка; хитрая улыбка; прекрасная улыбка; *тихой сапой* – тихушник; по-тихому; в тихом омуте черти водятся; потихоньку.

3. Механическая / рефлексивная:

– вторичные тексты представляют собой копию первичной единицы, то есть можно предположить, что рефлексии при создании вторичного текста не произошло. При создании персонотекстов данного типа языковые личности используют механическую стратегию, в созданных текстах не выявлено качественных изменений, касающихся содержания или формы первичной единицы: *улыбка авгура* – хитрая улыбка; прекрасная улыбка; голливудская улыбка; *буриданов осел* – мифический осел; осел Буридана;

– рефлексивная стратегия включает процесс, при котором реципиент, воспринимая исходную единицу, пропускает его содержание и формальные категории через себя, на выходе опредмечивается рефлексия по поводу значения первичной единицы: *улыбка авгура* – тайный умысел; счастливый; жизнерадостный; угрюмость; льстец; подхалим; *не обсевок в поле* – отбросы после просеивания; не хватает чего-то.

5. Формально-структурная / предметно-вещественная:

– авторы вторичных текстов воспринимают первичный текст как носитель конвенционального смысла, при этом рефлексии не выходят за его пределы, акцентируя внимание на отдельных компонентах (лексемах): *улыбка авгура* – широкая улыбка; прекрасная улыбка; голливудская улыбка; выражение лица; *синь*

порох в глазу – туман в глазах; что-то с глазами; пыль в глазах; синяк под глазом.

В данной ситуации при создании вторичных текстов языковая личность использует формально-структурную стратегию, которая заключается в буквальном толковании значения первичной единицы, звукобуквенного комплекса, составляющего ее. Поэтому при фиксировании рефлексии на исходную единицу языковая личность не выходит за рамки внутритекстовых категорий (концепта, пресуппозиции и т. п.);

– авторы вторичных текстов данного типа воспринимают текст как носитель индивидуального, метафорического значения, отходят от первичной единицы, выходя за его пределы, воспринимают предлагаемый фразеологизм и создают свой персонотекст, облекая его в новую форму, в данной ситуации языковая личность использует предметно-вещественную стратегию: *улыбка авгура* – тайный умысел; счастливый; жизнерадостный; угрюмость; льстец; подхалим; *синь порох в глазу* – заблуждение; это на индийском языке; хитрый; стрелять глазами; мудрый человек.

5. Эстетико-сенсорная/логико-информативная:

– во вторичных текстах представлена обработка информации первичной единицы с опорой на подсознание, на сложившийся ассоциативный ряд, в котором на поверхность выходят связи слов, характеризующиеся свойством непосредственной убедительности. Чаще всего – связи, основанные на полном или частичном тождестве звуковой оболочки знака (словоформы) и значения. Таким образом, респонденты используют при создании данного типа текстов эстетико-сенсорную стратегию, которая определяется через ряд признаков: характеризуется развернутым повествованием, наличием эмоциональной окраски текста, «чувственных» ассоциаций: *улыбка авгура* – хитрец; угроза; пакость; счастливый; жизнерадостный; неискренность; *сума переметная* – непостоянство; интуитивный; непостоянное богатство;

– логико-информативная стратегия подразумевает конкретное изложение фактов, логически выстроенные рассуждения. Персонотексты логико-информативной стратегии нацелены на фиксацию рефлексии по поводу определенного факта, в нашем случае – звукобуквенного комплекса первичной единицы. Респондент основывается на логической операции абстрагирования (мысленного выделения признаков, связей и свойств), обобщения признаков и осознания связей знака и действительности: *сума переметная* – что-то переходящее от одного к другому; что-то связанное с седлом; ноша, которая уходит.

Данная оппозиция объясняется тем, что рядовые личности, использующие эстетико-сенсорную стратегию, затруднялись объяснить фразеологизмы-агнони́мы логически, так как никогда не встречались с таковыми и не обладают никакими профессиональными навыками, например: *сума переметная* – от перестановки *слагаемых* *сумма* не меняется, то есть респонденты действовали интуитивно, писали реакцию, на которую наталкивала внешняя форма исходной единицы. Во фразеологизмах-агнони́мах *сочетания* респонденты в большинстве случаев вычленили знакомые сочетания, которые пытались объяснить логически, опираясь на свой опыт, например: *синь порох в глазу* – что-то попало в глаз. Таким образом, различия персонотекстов обусловлены выбором языковой личностью определенной стратегии семантизации.

Перейдем к более детальному описанию типов персонотекстов, выделенных и обоснованных нами на основе критериев типологизации. Данная схема отражает оппозицию типов персонотекстов, различных по семантической сочетаемости групп фразеологизмов, и использование языковыми личностями разных стратегий семантизации при создании вторичных текстов – толкований фразеологизмов (вынесено значение среднего коэффициента доминанты типа персонотекста):

Сращения			Механический тип персонотекста (51 %) (механическая стратегия)	Формально-структурный тип персонотекста (57,3 %) (формально-структурная стратегия)	Эстетико-сенсорный тип персонотекста (58,2 %) (эстетико-сенсорная стратегия)
Единства	Креативный тип персонотекста (72,1 %) (креативная стратегия)	Ономасиологический тип персонотекста (57,6 %) (ономасиологическая стратегия)			
Сочетания			Рефлексивный тип персонотекста (58,9 %) (рефлексивная стратегия)	Предметно-вещественный тип персонотекста (62,4 %) (предметно-вещественная стратегия)	Логико-информативный тип персонотекста (45,5 %)* (Логико-информативная стратегия)

*Значение является преобладающим, так как в данной группе «молчаливые реакции» составили 13,5 %, интуитивных типов персонотекстов насчитывается 41 %.

Таким образом, результаты эксперимента показали, что, во-первых, на все группы фразеологизмов в качестве реакции были написаны персонотексты, имеющие креативное начало, то есть языковые личности чаще всего использовали креативную стратегию. Во-вторых, на все группы фразеологизмов в качестве реакции были написаны персонотексты, имеющие в своей основе реакцию на содержание, то есть актуализируются содержательные категории первичных единиц, то есть языковые личности использовали чаще ономастиологическую стратегию. В-третьих, выявлена оппозиция типов персонотекстов и стратегий, используемых при написании данных вторичных текстов: в группах *сращения* и *единства* преобладают механические, формально-структурные, эстетико-сенсорные вторичные тексты, тогда как в группе *сочетания* преобладают рефлексивные, предметно-вещественные, логико-информативные вторичные тексты. Это разделение, как мы считаем, непосредственно зависит от природы фразеологизма и от группы, к которой относится данный фразеологизм с точки зрения его семантической слитности. То есть в

первых двух случаях респонденты берут за основу первичные единицы, в большинстве случаев написаны реакции относительно звукобуквенного комплекса первичных единиц. В данном случае языковые личности используют механические, формально-структурные, эстетико-сенсорные стратегии. Тогда как в группе фразеологизмов *сочетания* представлены примеры иных реакций: первичные единицы в большинстве случаев расчленялись на более понятные словосочетания, которые наделялись значением и объяснялись с точки зрения опыта респондентов, то есть чаще использовались рефлексивные, предметно-вещественные, логико-информативные стратегии.

Таким образом, в рамках статьи мы представили теоретическое обоснование стратегий семантизации первичных единиц рядовыми носителями языка, корреляцию типов персонотекстов и стратегий семантизации с типами фразеологизмов-агномимов, то есть мы попытались раскрыть и обосновать зависимость типа персонотекста-толкования от структуры фразеологизма.

Литература

1. Голев, Н. Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова (Мельник) // Вопросы лингвоперсонологии: межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. – Ч. 1.
2. Голев, Н. Д. Лингвистические и лингводидактические проблемы языкового образования в техническом вузе (опыт построения концепции): коллективная монография / Н. Д. Голев // Прикладная филология в сфере инженерного образования. – Т. 1: Методология и методика языкового обучения в техническом вузе. – Нортхэмптон; Томск, 2004.
3. Карасик, В. И. Языковая личность: перспективы лингвистической персонологии / В. И. Карасик // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2004.
4. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персонцентрический аспекты: монография / Н. В. Мельник / науч. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово, 2010. – 212 с.
5. Морковкин, В. В. Русские агномимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М., 1997.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 2006. – 944 с.
7. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

Информация об авторах:

Мельник Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, saikova@mail.ru.

Melnik Natalia Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

Зыбина Нина Павловна – магистрант Кемеровского государственного университета, saikova@mail.ru.

Zybina Nina Pavlovna – master's degree student at KemSU.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «АФФИНАЖ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Иванова

TERMINOLOGICAL FIELD "AFFINAGE" IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

E. V. Ivanova

В статье рассматривается понятие «терминологическое поле», его основные признаки и структура, впервые дается анализ терминологического поля «Аффинаж» в современном русском языке, выявляются парадигматические отношения внутри терминологических групп данного поля.

This article considers the notion of "terminological field", its main features and structure; the analysis of the terminological field "Affinage" in the modern Russian language is given for the first time, the paradigmatic relations within the given terminological field are revealed.

Ключевые слова: терминологическое поле, полевой подход, ядро, ближняя периферия, дальняя периферия, парадигматические отношения.

Keywords: terminological field, field approach, nexus, close periphery, far periphery, paradigmatic relations.

В задачи данной статьи входит анализ терминологического поля «Аффинаж». Полевой подход дает представление о системных связях специальной лексики аффинажного производства, которая является недостаточно изученной лингвистами. Актуальность исследования определяется необходимостью накапливать эмпирические сведения для теоретических обобщений в области терминоведения и лингвистики языков для специальных целей.

Теория терминологического поля базируется на полевой концепции языка, основные положения которой в разное время были сформулированы такими учеными, как Г. Ипсен [1924]; Й. Трир [1931, 1932, 1934]; Л. Вайсгербер [1962]; А. А. Уфимцева [1961, 1968, 1986]; Г. С. Щур [1974]; Ю. Н. Караулов [1976]; И. А. Стернин, З. Д. Попова [1989], Фельде (Борхвальдт) [2000].

В русском языкознании одним из первых понятие «терминологическое поле» предложил А. А. Реформатский, который отметил, что «для понимания терминологии как структурного элемента языка, прежде всего, необходимо различать поля: терминологическое, где термин принципиально нейтрален, и нетерминологическое, где термин обязательно теряет свою нейтральность» [10, с. 14]. Ученый полагал, что вне терминологического поля специальное наименование теряет свойство термина. Впоследствии эту идею развила И. В. Арнольд, которая утверждала, что вне пределов терминопольа термин не только детерминируется, но и может приобретать коннотативное значение, при этом сам термин может стать обычной единицей языка с достаточно расплывчатым денотатом [18, с. 230].

В современном терминоведении существует несколько подходов к определению сущности терминологического поля. Одни исследователи полагают, что его природа экстралингвистическая. В частности, А. В. Суперанская называет терминологическое поле «экстралингвистической данностью», говорит о том, что «терминологическое поле создаёт условие для формирования и функционирования терминологических систем как определённых языковых категорий» [11, с. 113 – 114]. Другие отмечают собственно лин-

гвистическую природу терминологического поля [12, с. 275]. Третьи склоняются к мысли, что суть терминологического поля – в органической взаимосвязи экстралингвистических и собственно лингвистических феноменов [16, с. 139]. Некоторые исследователи рассматривают терминологическое поле как особый вид семантического поля, то есть как компактную часть словаря, охватывающую определенную понятийную сферу [4, с. 38; 1, с. 24]. Другие акцентируют внимание на специфических особенностях терминологического поля, подробно останавливаются на сходствах и различиях терминологического поля и других видов полей (лексико-семантических, понятийных, мотивационных). В частности, такие исследователи, как З. Д. Попова, И. А. Стернин [9], О. В. Фельде (Борхвальдт) [16] полагают, что основными критериями разграничения типов полевых структур являются: языковая – неязыковая обусловленность лексических связей; месторасположение идентификатора поля; тип структурных отношений внутри микросистемы. О. В. Фельде (Борхвальдт) сближает понятия терминологического поля и понятийного поля на том основании, что каждый термин является именем понятия, отражает его. Аналогичная точка зрения представлена и в более ранних работах [8, с. 36 – 37; 2, с. 5].

Мы разделяем позицию ученых, которые признают специфичность терминологического поля по сравнению с другими полями, в том числе и с понятийными. Понятийное и терминологическое поля могут различаться по составу входящих в них единиц. Терминологическое поле, помимо терминов, которые выражают понятия, включает также терминоиды и предтермины, передающие не понятия, а представления и формирующиеся понятия. Оно может заимствовать новые слова извне или производить их с помощью собственных языковых средств. Мы понимаем терминологическое поле как унифицированную по системному основанию многоуровневую классификационную структуру, объединяющую специальные наименования (преимущественно термины) профессиональной сферы деятельности, отличительной чертой которых является наличие парадигматических, син-

тагматических, деривационных и других системных связей.

Основные признаки терминологических полей не раз становились предметом исследования. Так, ученые отмечают такие специфические признаки терминологического поля, как концептуальность, целостность, динамичность, эволюционность, упорядоченность, устойчивость, непрерывность, смысловая аттракция, полнота и размытость границ [7, с. 50]. Полагаем, что к терминологическому полю вполне применимы также признаки семантического поля, выделенные И. М. Кобозевой:

- 1) наличие семантических корреляций между составляющими его словами;
- 2) системный характер этих отношений;
- 3) взаимозависимость и взаимоопределяемость названных единиц;
- 4) относительную автономность поля;
- 5) непрерывность обозначения его смыслового пространства;
- 6) взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы [6, с. 99].

Организация терминологического поля может быть вертикальной и горизонтальной. При вертикальной организации выделяются микрополя и тематические группы, которые входят в их состав. При горизонтальной структуре поля выявляются терминологические группы и множества, в которые входят специальные наименования, объединенные общей семой, образующие эквивалентные семантические оппозиции. Именно горизонтальная структура поля делает возможными связи между различными полями. Границы терминологических полей нечеткие; поля могут накладываться друг на друга, пересекаться. Отметим также, что термины способны входить одновременно в несколько полей, принадлежать к ядру одного поля и к периферии другого.

При изучении терминологических полей преимущественно используется структурно-семантический метод. Все исследователи отмечают важность анализа разнообразных системных отношений в пределах поля (парадигматических, деривационно-ассоциативных, деривационных, синтагматических, мотивационных и других). В терминоведении используется также метод тезаурусного моделирования. Этот метод позволяет представить терминопole как некое семантическое пространство, которое является лингвистическим аналогом предметной области, а также членить терминопole на микрополя вплоть до выделения отдельных точек, соответствующих семантическим признакам [3, с. 123]. В результате такого многоступенчатого деления выстраивается иерархическая система терминопole, терминологические единицы которого связаны сетью семантических отношений, характерных для исследуемой предметной области.

Терминологические поля подъязыка аффинажного производства представляют собой специфические терминообразовательные макросистемы, которые позволяют увидеть пути, способы и результаты взаимосвязи специальных наименований. Рассмотрим особенности терминологического поля «Аффинаж». Данное терминологическое поле состоит из ядра с термином «Аффинаж», ядерной зоны, которую обра-

зуют однословные, двухсловные и многословные термины, которые связаны с термином *аффинаж* деривационными, парадигматическими и синтагматическими связями, причем эти наименования относятся к разным терминологическим группам. Периферийную зону терминологического поля «Аффинаж» составляют терминологические микрополя и терминологические группы.

Ядерным компонентом рассматриваемого терминологического поля является термин *аффинаж* – «очистка извлеченного драгоценного металла от примесей и сопутствующих компонентов и доведения драгоценного металла до качества, соответствующего нормативному документу», а также разновидностей наименования аффинажа: *аффинаж золота, аффинаж серебра, аффинаж платины и металлов платиновой группы*. Термин *аффинаж* заимствован в русский язык из фр. *affinage* («очистка») в XVIII веке. Вхождение в русский язык и лексическое освоение термина *аффинаж* сопровождалось появлением дериватов *аффинировать, аффинажный*. От базового термина *аффинаж* путем присоединения суффикса -ник образовался термин *аффинажник* – «специалист по очистке благородных металлов от примесей», который некоторое время сосуществовал с вариантом *аффинёр* – прямым лексическим заимствованием из немецкого языка. От специального наименования *аффинажник* морфологическим способом сложения основ образованы наименования профессий *золото-аффинажник, платино-аффинажник*. Все эти наименования входят в околоядерную зону ТП «Аффинаж». Околоядерную зону данного терминологического поля представляют однокоренные слова *аффинажник / аффинер, аффинировать, аффинажный*. Последнее из перечисленных слов входит в состав многочисленных терминосоответствий, например: *аффинажный завод, аффинажное предприятие, аффинажное оборудование, аффинажный процесс* и др. В околоядерную зону входят словообразовательный вариант: *аффинирование* и также синонимы термина «аффинаж»: *рафинирование, очистка*.

В зоне ближней периферии терминологического поля «Аффинаж» находятся специальные наименования (термины, терминосоответствия, номены, терминимы, предтермины), которые являются видовыми по отношению к гиперонимам с корнем аффин- из околоядерной зоны. Например, гиперонимы к терминосоответствию «аффинажный процесс»: *растворение* «образование однородной, состоящей из двух и более компонентов системы, состав которой может непрерывно изменяться», *осаждение* «способ выделения одного или нескольких компонентов раствора переводом их в малорастворимые соединения», *плавка* «пиromеталлургический процесс переработки материалов (концентратов, металлов) с полным расплавлением шихты и разделением расплава обычно на два слоя (металл и шлак, металл и штейн)», *обжиг* «термическая обработка материала, содержащего цветные металлы, включая драгоценные, в нейтральной, окислительной или восстановительной среде при температурах, не превышающих температуру плавления», *нитрование* «обработка содержащего платину и металлы платиновой группы промежуточного про-

дукта металлургического производства нитритом натрия с получением нитритокомплексов платины и металлов платиновой группы в растворе или осадке» а также мн. др.

К ближней периферии относятся также наименования готовой продукции аффинажного производства: *платина в слитках; платина в порошке; палладий в слитках; палладий в порошке; иридий в порошке; рутений в порошке; осмий в порошке; золото в слитках; золото в гранулах; золото в полосе; серебро в слитках; серебро в гранулах; высокопробный сплав; низкопробный сплав; технический сплав; соли, содержащие драгоценные металлы; кислоты, содержащие драгоценные металлы и т. д.*

Дальнюю периферию терминологического поля «Аффинаж» составляют терминологические микрополя: «Наименование сырья» (*золотосодержащие концентраты; норильский концентрат; золото-серебряный сплав; паста; пыль; лом золотой с неблагородными металлами; отходы производства ювелирных изделий*); «Наименование аффинажного оборудования» (*гидрометаллургическое оборудование; центрифуга фильтрующая, центрифуга вибрационная, рамный фильтр-пресс периодического действия с полувинтовой выгрузкой осадка, автогенная печь, электролизер Мебиуса, тачанка (проф.) – «вилочный электропогрузчик»*).

Рассмотрим подробнее терминологическое микрополе (ТМП) «Наименования сырья». Ведущим типом системных связей в данной области являются гиперонимические связи. Гиперонимом является термин *сырье* (синтаксические варианты: *сырье металлургического производства, сырье аффинажного производства*), т. е. материал, из которого путем различных технологических операций получается полезный продукт, содержащий драгоценный металл. Данный термин сочетается с прилагательными *минеральное, первичное* (проф. *первичка*) и *вторичное* (проф. *вторичка*) и некоторыми другими, образуя при этом группу базовых научно-технических терминов. Видовыми наименованиями терминологической группы «минеральное сырье» являются терминосочетания *концентраты минерального сырья, шиховое золото, шиховая платина* и др. В составе ТМП «Сырье» выделяются ТГ, называющие **разновидности минерального сырья**: *природные концентраты, концентраты минерального сырья, шиховое золото, шиховая платина*. В составе ТПГ «первичное сырье» выделяют большую группу терминосочетаний, предтерминов и номенов, опорным компонентом которых является термин *концентрат* – «продукт обогащения руды, в котором содержится один или несколько ценных минералов, пригодных для дальнейшей переработки»; *сплав* – «продукт плавки, отправляемый на аффинажный завод для последующей очистки, состоящий из двух и более металлов, как минимум один из которых – драгоценный». Рассмотрим состав ТПГ «Первичное сырье» поподробнее. Материалы нашей картотеки позволяют вычленить:

1. «Наименования концентратов и сплавов (первичного сырья) по химическому составу преобладающего в них драгоценного металла»: *рудные концентраты; золотосодержащие концентраты;*

платиносодержащие концентраты (концентрат КП-1; концентрат КП-2; концентрат КП-3); серебросодержащие концентраты; концентрат платино-палладиевый (КПП); концентрат металлов – спутников (КМСП); концентрат серебряно-палладиевый (КСП); концентрат осмиевый селективный (КОС); концентрат золота; золото-серебряный сплав; сплав серебряно-золотой – сплав Доре; сложный концентрат; объединенный концентрат.

2. «Наименования концентратов по количеству содержащегося в них драгоценного металла»: *богатый концентрат; бедный концентрат; обычный концентрат.*

3. «Наименования концентратов по месту их производства»: *норильский концентрат, екатеринбургский концентрат, южноафриканский концентрат.*

В составе ТПГ «Вторичное сырье», т. е. «отходы металлообрабатывающей промышленности, бракованные и отслужившие срок металлические изделия и детали, повторно используемые для получения металлов и сплавов» также выделяются:

1. «Наименования вторичного сырья по его физическому состоянию (порошок-жидкость-твердое вещество)»: *паста; пыль; отдувы; растворы; растворы весовые; смывные воды; тигельный бой, содержащий драгоценные металлы; зола; порошок; кек; фильтрат; шлак; гипсовая масса; магнетитовые капли; шлам; штейн; губка; нерастворимые осадки.*

2. «Наименования вторичного сырья по его химическому составу»: *лом платиновый; лом платиновый с неблагородными металлами; лом палладиевый; лом палладиевый с неблагородными металлами; лом родиевый; лом родиевый с неблагородными металлами; лом иридиевый; лом родиевый с неблагородными металлами; лом рутениевый; лом рутениевый с неблагородными металлами; лом осмий; лом золотой; лом золотой с неблагородными металлами; лом серебряный; лом серебряный с неблагородными металлами; зола от сжигания материалов, содержащих драгметаллы; соли, содержащие драгоценные металлы.*

3. «Наименования вторичного сырья по источнику поступления»: *ювелирный лом; шлам азотной промышленности; строительные выломки; шламы золотого электролиза; зола фарфоровых производств; отходы шлифовально-полировальных отделений ювелирных производств; строительные выломки; катализаторы химии и нефтехимии; катализаторы азотной промышленности; отходы производства ювелирных изделий; пристеночные слои футеровки стеклоплавильных аппаратов.*

Аналогично системно организованы и другие тематические группы. В данном терминологическом микрополе отмечены также многочисленные синонимы: *сплав серебряно-золотой – сплав Доре*; Терминим *сплав Доре* имеет дополнительные семы «золото-серебряный сплав, получаемый на золоторудных месторождениях и отправляемый на аффинажные заводы для последующей очистки»; *идеальный раствор – чистый раствор (проф.)* Оба специальных наименования используются в значении «раствор переменного состава, образованный двумя и более компонентами,

при смешивании которых его энергия и объем не изменяются»; *первый раствор* – *первый* и варианты: *аффинаж* (м.р.) – *аффинирование* (с.р.); *концентрат платиновый* – *КП*. В рассматриваемом микрополе встречаются не только отношения включения, схождения, близости значений, но и отношения противоположности: *богатый концентрат* – *бедный концентрат*; *богатый шлак* – *бедный шлак*; *чистое золото* – *грязное золото*.

Рассмотренные нами типы и виды отношений в пределах терминологического микрополя «Наименование сырья» характерны и для других терминологических микрополей поля «Аффинаж». Все единицы

терминологического поля «Аффинаж» связаны парадигматическими отношениями, основными из которых являются гиперо-гипонимические, синонимические и антонимические связи.

Таким образом, полевой подход позволяет проследить некоторые закономерности структурно-семантического и функционального планов, которые невозможно раскрыть вне пределов терминологического поля. Исследование терминологических полей помогает понять систему специального языка в тесной связи с реальными производствами и процессами.

Литература

1. Акимов, О. В. Термин как единица терминополья и профессионального дискурса в разноструктурных языках: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Акимов. – Казань, 2004.
2. Арзикулов, Х. Р. Семантические проблемы в терминологических системах французского языка (на материале онкологической терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х. Р. Арзикулов. – 1980. – 20 с.
3. Горбунов, Ю. И. Тезаурусное моделирование французской грамматической терминологии: дис. ... д-ра филол. наук / Ю. И. Горбунов. – Тольятти, 2005. – 354 с.
4. Захарчук, О. Е. Функционально-семантические особенности понятийно-терминологического поля стилистики: дис. ... канд. филол. наук / О. Е. Захарчук. – Ростов н/Д, 2008 – 229 с.
5. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М., 1976. – 355 с.
6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М., 2004. – 352 с.
7. Морозова, Л. А. Теория и практика построения терминологических полей / Л. А. Морозова. Терминоведение. – М., 1996. – № 1 – 3.
8. Пиотровский, Р. Г. Системное исследование лексики научного текста / Р. Г. Пиотровский. – Кишинев, 1981. – 159 с.
9. Полевые структуры в системе языка: сб. статей / под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж, 1989. – 196 с.
10. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии: материалы Всесоюз. терминолог. совещ. – М., 1961. – С. 46 – 54.
11. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М., 1989. – 246 с.
12. Татаринев, В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь / В. А. Татаринев. – М., 2006. – 528 с.
13. Уфимцева, А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 30 – 63.
14. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – М., 1968. – 270 с.
15. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М., 1986. – 240 с.
16. Фельде (Борхвальдт), О. В. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении / О. В. Фельде (Борхвальдт). – Красноярск, 2000. – 401 с.
17. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М., 1974. – 255 с.
18. Arnold, I. V. The English Word / I. V. Arnold. – М., 1986. – 296 p.
19. Ipsen, G. Der alte Orient und die Indogermanen / G. Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft: Festschrift für W. Streitberg. – Heidelberg, 1924. – P. 200 – 237.
20. Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes / J. Trier // Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Band I. – Heidelberg, 1931. – P. 7 – 8.
21. Trier, J. Sprachliche Felder / J. Trier // Zeitschrift für Deutsche Bildung. – 1932. – № 8. – P. 417 – 427.
22. Trier, J. Das sprachliche Feld. Eine Auseinandersetzung / J. Trier // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. – 1934. – № 10. – P. 428 – 449.
23. Weisgerber, L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik / L. Weisgerber. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 432 p.

Информация об авторе:

Иванова Елена Владимировна – аспирантка кафедры русского языка и речевой коммуникации, преподаватель русского языка как иностранного Сибирского федерального университета, 8-913-030-9047, lenahe@mail.ru.

Ivanova Elena Vladimirovna – post-graduate student at the Russian Language and Verbal Communication Department, lecturer at the Department of Russian as Foreign Language of Siberian Federal University.

**СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ВЫБОРА ЯЗЫКА ТАТАРАМИ,
КОМПАКТНО ПРОЖИВАЮЩИМИ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**
Я. Н. Казанцева

**SUBJECTIVE FACTORS OF LANGUAGE CHOICE BY THE TATARS
LIVING IN THE KRASNOYARSK REGION**
Ya. N. Kazantseva

В статье рассматриваются субъективные факторы выбора языка татарами, компактно проживающими на территории Красноярского края; сопоставляются данные, полученные в ходе социолингвистического эксперимента в татарских селах Казачинского и Пировского районов. Устанавливается, что выбор татарского языка как средства общения, а также в качестве родного языка в условиях двуязычия в значительной степени зависит от возраста респондентов, а также от оценочного отношения к настоящему и будущему татарского языка на территории Приенисейской Сибири.

The article deals with subjective factors of language choice by the Tatars living in Krasnoyarsk region. The author compares the data obtained during a sociolinguistic experiment in the Tatar villages of Pirovsky and Kazachinsky districts. It is established that the choice of the Tatar language as the main means of communication and as a native language in terms of bilingualism is largely dependent on the age of respondents and their assessment of the Tatar language's current state and prospects of functioning on the territory of Priyeniseisky Siberia by the representatives of the Tatar diaspora.

Ключевые слова: миноритарный язык, родной язык, языковое поведение, языковой сдвиг, этноязыковая группа, выбор языка.

Keywords: minority language, native language, language behaviour, language shift, ethnolinguistic group, language choice.

Проблема сохранения языков национальных меньшинств, находящихся в иноязычном и иноэтническом окружении и проживающих за пределами своей исторической родины, — одна из актуальных проблем современной социолингвистики. Сужение сфер функционирования миноритарных языков, снижение их коммуникативной мощности, языковая ассимиляция обусловили повышенный интерес ученых к выявлению причин данных процессов. Действительно, угроза исчезновения языков становится вполне реальной, поскольку они перестают передаваться внутри семьи из поколения в поколение. Переход этносов на функционально более мощный мажоритарный язык отмечается повсеместно. В задачи лингвистов входит выявление условий и механизмов исчезновения языков (языкового сдвига), а также оценка их витальности (жизнеспособности), т. е. способности языков к дальнейшему развитию, изменению или сохранению их структурных и, главным образом, функциональных качеств.

Для изучения вопроса о витальности миноритарных языков целесообразно рассмотреть ряд факторов, в совокупности определяющих языковую ситуацию. Сегодня наряду с анализом объективных факторов, предусматривающих изучение реальной демографической и коммуникативной мощности миноритарного языка, особенностей языковой политики и т. п., необходимо обратить особое внимание на действие субъективных, внутригрупповых, детерминирующих факторов выбора языка [7, с. 91].

Проблематика языкового выбора исследуется в социолингвистике в основном применительно к индивиду, хотя, по мнению Н. Б. Вахтина, можно рассмотреть ситуацию группового выбора, когда решение не

использовать тот или иной язык в тех или иных сферах или вообще отказаться от использования одного из языков принимает не отдельный индивид, а языковая общность в целом. Такой выбор, в отличие от индивидуального, распространяется не на данную коммуникативную ситуацию, а на некий тип будущих коммуникативных ситуаций и не на данный момент, а на более длительный срок [3, с. 15]. Выбор языка может осуществляться в зависимости от ситуации общения, т. е. от места, темы, участников коммуникации, обстоятельств, которые актуализируют те или иные мотивации [4, с. 101]. Помимо этого, важным условием, определяющим языковой выбор, является представление респондентов о родном языке. Отметим тот факт, что понятие «родной язык» не считается точным лингвистическим термином. Функциональную значимость «родного языка» в жизни человека определяют социолингвисты, изучая процессы двуязычия или многоязычия, а также языковую ситуацию, поскольку родной язык является одним из параметров ее описания. Ученые дают разные определения понятию «родной язык». Так, по мнению известного американского лингвиста У. Вайнрайха, родной язык — это язык, который усваивается первым. Родной язык человек усваивает с раннего детства без специального обучения, находясь в языковой среде. Родной язык — тот язык, на котором впервые формируется речевое общение, устанавливается коррелятивная взаимосвязь между определенными знаками языка и явлениями внеязыковой действительности. Это не обязательно язык своего этноса или язык матери. Решающим фактором является интенсивность общения [2, с. 133]. Н. Б. Вахтин связывает родной язык с материнским и первым языками. Однако не всегда эти понятия ока-

зываются синонимичными: не всегда человек признает родным тот язык, который он выучил первым, многие называют родным языком тот, который знают плохо или не знают вообще [3, с. 46]. По мнению Ф. С. Ахметзяновой, родной язык определяется этнической принадлежностью, культурной общностью, психологическим складом и имеет полное право на существование в научном обиходе наряду с понятием «функционально активный язык», т. е. тем средством общения людей, которое становится в жизни данного народа его неотъемлемой частью в силу определенных социальных, профессиональных, демографических причин, т. е. в силу воздействия объективных и субъективных факторов» [1, с. 72]. Таким образом, признание родным того или иного языка зависит от многих обстоятельств, включающих, помимо указанных выше, личный опыт носителей, эмоциональное отношение.

Особую ценность для лингвистов представляет Красноярский край. Данный регион отличается разнообразием национального состава: на одной земле совместно проживают и взаимодействуют 137 этносов. Татарская диаспора – одна из многочисленных. По данным переписи населения (2010 г.), татары занимают третье место, уступая русским и украинцам, и составляют 34828 человек (1,3 %). Компактно они проживают на территории Енисейского, Казачинского, Пировского, Тюхтетского районов, а также в городе Лесосибирске. Серьезная проблема последних десятилетий – сокращение числа татар, владеющих своим родным языком. Об этом свидетельствуют данные переписи: лишь 66 % представителей указали на факт владения татарским языком.

В настоящей работе представлен анализ результатов социолингвистического эксперимента, проведенного в период с 2009 по 2011 гг. на территории компактного проживания татар Красноярского края, а

именно – в с. Бушуй, с. Икшурма, с. Кириково, с. Пировское, с. Солоуха, в д. Долгово, д. Новый Тимершик, д. Шумбаш Пировского района, с. Отношка, д. Гамурино Казачинского района. Установлено, что более 50 % жителей большинства этих населенных пунктов – татары. С Отношка, д. Гамурино, с. Икшурма, с. Кириково, д. Долгово, с. Солоуха – мононациональные поселения. В исследовании приняли участие татары разных возрастных, социальных и гендерных групп в количестве 112 человек. Группы респондентов формировались следующим образом. Младшую группу составили учащиеся старших классов и их старшие братья и сестры, закончивших ту же сельскую школу; среднее и старшее поколение – это родители и старшие родственники включенных в социолингвистический опрос учеников (дедушки, бабушки, прабабушки).

Так, в ходе обследования респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы: на каком языке разговариваете в семье; на каком языке разговариваете с членами татарской диаспоры вне семьи: на работе, в школе? Как вы оцениваете свои знания татарского языка (свободно владею устной и письменной формой языка, владею только разговорным татарским, понимаю по-татарски, но не говорю, могу читать со словарем, испытываю затруднения в устном общении)? Какой язык считаете родным? Каковы причины выбора родного языка? Изучаете ли вы татарский язык, если да, то где; хотели бы вы, чтобы ваши дети знали татарский язык и почему? Подчеркнем, что выявление отношения населения к татарскому языку, наличие желания овладеть им важно, т. к. речь идет о перспективах сохранения и развития татарского языка.

В ходе исследования мы выявили степень владения татарским языком респондентами разных возрастных групп, проживающими в разных районах.

Таблица 1

Степень владения татарским языком, %

<i>Район проживания, возрастные группы</i>	<i>Свободно владею устной и письменной формой</i>	<i>Владею только разговорным языком</i>	<i>Понимаю по-татарски, но не говорю</i>	<i>Испытываю затруднения в устном общении</i>
Пировский район				
– младшее поколение	56	36	4	4
– среднее поколение	52	33	0	15
– старшее поколение	100	0	0	0
Казачинский район				
– младшее поколение	57	43	0	0
– среднее поколение	60	40	0	0
– старшее поколение	100	0	0	0

В целом полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне владения татарским языком представителями разных поколений. Однако можно увидеть некоторые отличия. Так, например, молодежь, проживающая в Казачинском районе (с. Отношка, д. Гамурино), является более компетентной. Среди жителей Пировского района (главным образом, с. Бушуй, с. Икшурма, с. Пировское) встречаются татары, не владеющие навыками устной и письменной татарской речью (4 %), или те, кто испытывает затруднения

в устном общении (15 %). Что касается опрошенных татар в возрасте от 65 до 83, то, судя по ответам, они являются абсолютными носителями языковой традиции, свободно владеют всеми видами речевой деятельности.

Было установлено, что выбор языка общения в разных коммуникативных ситуациях детерминирован не только возрастом респондентов, но также местом их проживания. Из таблицы 2 видно, что татарский язык является основным средством общения внутри

семьи для 57,1 % молодежи Казачинского района и лишь для 8,7 % – Пировского района. Молодые люди Пировского района чаще общаются на русском языке на учебе или на работе (91,3 %), с друзьями (56,6 %), чем молодые люди Казачинского района (85,7 % и 14,2 %). Опрошенные татары в возрасте 30 – 56 лет, проживающие в Пировском районе, выбирают татарский язык как язык общения в семье в 28,6 % случаев, в то время как представителей этой же возрастной группы в Казачинском районе – 64,9 %. Старшее поколение как Пировского, так и Казачинского районов, обладая высоким уровнем владения татарским языком, в большинстве ситуаций предпочитает использовать родной язык.

Далее мы выявили, какой язык жители Пировского и Казачинского районов считают родным и почему. Так, согласно полученным результатам, татарский язык является родным для всех опрошенных татар, жителей как Пировского, так и Казачинского района (100 % респондентов). Как оказалось, определение причин выбора татарского языка в качестве родного не вызвало особых затруднений у респондентов. На вопрос «Как вы определяете свой родной язык» мы получили 154 ответа, из них – 60 ответов молодежи (39,6 %), 80 ответов респондентов среднего поколения (52 %), 14 ответов – старшего поколения (8,4 %). Представим полученные результаты в виде сводной таблицы.

Таблица 2

Язык общения в разных ситуациях, %

Язык общения	Ситуация общения	Пировский район			Казачинский район		
		младшее поколение	среднее поколение	старшее поколение	младшее поколение	среднее поколение	старшее поколение
Татарский	1) в семье	8,7	28,6	72,5	57,1	64,9	100
	2) с односельчанами	34,7	47,6	100	85,7	67,2	100
	3) с друзьями	4,3	19,0	73,2	42,9	0	100
	4) на производстве	0	9,5	50	14,3	0	0
Татарский и русский	1) в семье	82,6	71,4	27,5	42,9	36,1	0
	2) с односельчанами	34,5	33,3	0	14,3	32,8	0
	3) с друзьями	39,1	66,7	26,8	42,9	100	0
	4) на производстве	8,7	19,0	0	0	100	100
Русский	1) в семье	8,7	0	0	0	0	0
	2) с односельчанами	30,8	19,1	0	0	0	0
	3) с друзьями	56,6	14,3	0	14,2	0	0
	4) на производстве	91,3	71,5	50	85,7	0	0

Таблица 3

Причины выбора родного языка в возрастном аспекте, %

Возрастная группа	Какой язык считают родным и почему			
	татарский язык			
	язык родителей	язык национальности	язык общения внутри диаспоры	впервые заговорил на нем
Младшее поколение	10,0	19,4	4,1	6,1
Среднее поколение	18,4	17,3	12,2	4,1
Старшее поколение	4,1	1,1	1,1	2,1
Всего	32,5	37,8	17,4	12,3

Из таблицы видно, что респонденты считают родным татарский язык потому, что это, во-первых, язык их национальности (37,8 %), во-вторых, это язык, на котором говорят их родители (32,5 %). Сельские татары чаще используют родной язык в качестве средства общения как в раннем возрасте (12,3 %), так и в течение всей жизни (17,4 %).

Таким образом, для татар Пировского и Казачинского районов Красноярского края родной (татарский) язык выступает, прежде всего, как маркер этнической идентичности, выполняя семиотическую функцию. Вместе с этим не менее важной функцией признается коммуникативная и эмоциональная. Далее сравним полученные данные о выборе родного языка в зависимости от возраста респондентов. Представители

младшего поколения считают татарский язык родным, поскольку принадлежат к языку своего этноса (19,4 % ответов). Татарский язык для них – это, прежде всего, этнический символ. Старшее и среднее поколения опрошенных татар также определяют родной язык как язык национальности, но, в отличие от молодежи, не считают этот фактор главным. Для них родной язык – это, прежде всего, язык родителей, язык предков. Следом за этими причинами по частоте выбора респондентов идут причины «язык общения внутри диаспоры» и «потому, что я впервые заговорил на нем». Среди говорящих и думающих на татарском языке преимущественное большинство татар старше 50 лет, причем с возрастом наблюдается отрицательная кор-

реляция: меньше всего выбравших эти варианты ответа среди молодежи (4,1 %).

Вопрос о желании изучать татарский язык был адресован всем респондентам, независимо от уровня владения татарским языком. Особый интерес для нас представляют ответы тех опрошенных, кто либо испытывает затруднения в каком-либо виде речевой деятельности: либо с чтением, либо с письмом на татарском языке. Как выяснилось, все они высказались за необходимость изучения татарского языка. Однако из них всего 22,7 % изучают свой родной язык.

Установлено, что большая часть опрошенных татар (72,9 %) не изучают литературный татарский язык по разным причинам. Во-первых, люди, свободно владеющие разговорным татарским, не видят необходимости в его дальнейшем изучении и совершенствовании («я его уже знаю», «уже нет необходимости», «выучил(а) в школе»). Не испытывают потребности изучать литературный татарский язык, совершенствуя письменную татарскую речь 45,8 % сельской молодежи, 47,9 % – представителей среднего поколения и 6,3 % – старшего поколения. Некоторые респонденты (9 %) изъявили желание изучать литературный татарский язык, но сослались на нехватку времени или указали на отсутствие возможности. Лишь небольшая часть сельских татар в возрасте от 16 до 78 лет изучают родной язык (27,7 %). Источником знаний для них служит, в первую очередь, школа (46,1 %), мечеть, чтение Корана (30,8 %), Интернет (7,7 %). 15,4 % занимаются самообразованием. Эту группу представляют разные по социальному положению респонденты: 30 % имеют высшее образование, 16 % – среднеспециальное, 15 % – студенты, 23 % – учащиеся 10 – 11 классов, 14 % имеют только полное среднее образование, не продолжают обучение. 20,5 % продолжают совершенствовать свои знания, изучая литературно-письменный вариант родного языка.

На вопрос «Хотели бы вы, чтобы ваши дети знали татарский язык» все респонденты дали положительный ответ. В качестве причин они указали следующие: «знание татарского языка пригодится в жизни», «чтобы не забывали язык родителей и культуру», «ведь это родной язык», «язык – важный элемент нашей национальности», «потому что должны знать свой язык», «потому что мы – татары», «чтобы мой родной язык не растворился», «испытываю гордость, что принадлежу к татарскому народу», «знание еще одного языка никому не помешает».

В целом результаты исследования свидетельствуют о положительном отношении татар к своему языку, о единодушном стремлении передавать его последующим поколениям.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования мы установили, что все опрошенные татары, проживающие в Пировском и Казачинском районах Красноярского края, определяют татарский язык в качестве родного. Причины выбора в значительной степени детерминированы возрастом респондентов. Для татар в возрасте от 30 до 83 (представители старшего и среднего поколения) родной язык – это, прежде всего, язык родителей, а также язык для выражения мыслей и эмоций. Младшее поколение татар чаще определяет родной язык как язык национальности и реже как язык для выражения мыслей, т. е. для выполнения важной функции – коммуникативной. Вместе с тем выбор родного (татарского) языка не всегда свидетельствует о высокой степени владения татарским языком. Среди представителей младшего и старшего поколений респондентов встречаются те, кто либо не говорит на языке своего этноса, либо испытывает затруднения в устном общении. Понимая необходимость в изучении татарского языка, передачи его последующим поколениям, лишь немногие принимают реальные меры.

Литература

1. Ахметзянова, Ф. С. Интерференция родного и русского языков при контакте с немецким в условиях национально-русского двуязычия: дис. ... канд. филол. наук / Ф. С. Ахметзянова. – Тобольск, 2005.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования: монография / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979.
3. Вахтин, Н. Б. Условия языкового сдвига (к описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) / Н. Б. Вахтин // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. – 2001. – № 1.
4. Вахтин, Н. Б. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб.: Гуманитарная академия: Изд-во Европейского гос. ун-та, 2004.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Красноярского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. // Статистический сборник. – Красноярск, 2006. – № 8 – 60.
6. Словарь социоллингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006.
7. Хилханова, Э. В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход) / Э. В. Хилханова. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2007.

Информация об авторе:

Казанцева Яна Николаевна – соискатель кафедры русского языка и речевой коммуникации филиала Сибирского федерального университета, ассистент кафедры иностранных языков Лесосибирского педагогического института, 89509964265, yanakazantseva820@gmail.com.

Kazantseva Yana Nikolaevna – post-graduate student at the Russian Language and Language Communication Department of Siberian Federal University, assistant lecturer at the Department of Foreign Languages of Lesosibirsk Pedagogical Institute – branch of Siberian Federal University.

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ВОСПРИЯТИЯ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ РЕСПОНДЕНТАМИ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ**
А. Ж. Кайрамбаева

**COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF OUTDOOR ADVERTISEMENT PERCEPTION
BY THE RESPONDENTS IN DIFFERENT REGIONS**
A. Zh. Kairambaeva

Статья посвящена особенностям восприятия наружной рекламы представителями разных регионов (Казахстана – г. Павлодар, России – г. Кемерово). В статье рассматривается когнитивно-прагматическая направленность рекламного дискурса, обуславливающая различия в восприятии рекламы в разных регионах. Приводятся данные психолингвистического эксперимента, которые послужили основанием для обоснования выводов работы.

The article is devoted to the specifics of outdoor advertisement perception by the representatives of different regions (Pavlodar city in Kazakhstan, Kemerovo city in Russia). The article reveals the cognitive and pragmatic aspects of the advertisement discourse which explains the differences in advertisement perception in various regions. The results of the psycholinguistic experiment explain and illustrate the main conclusions of the article.

Ключевые слова: когнитивно-прагматические составляющие, наружная реклама, восприятие, пропозиция, фрейм.

Keywords: cognitive and pragmatic aspects, outdoor advertisement, perception, proposition, frame.

Рекламная коммуникация детерминирована прагматической установкой адресанта, для успешной реализации которой создателю необходимо учитывать фактор адресата. Адресат рекламы имеет ряд значимых характеристик, которые необходимо принимать во внимание при выборе средств воздействия на него. Например, социальные, возрастные, культурные, гендерные параметры потенциальных участников потребительского рынка. Все это обуславливает отбор языковых и неязыковых средств при формировании текста наружной рекламы, тех средств, которые вызывают в сознании адресата только положительные эмоции, ассоциации, стереотипы и позволяют ему, опираясь на определенные установки, мнения и опыт, связать рекламное сообщение со своими потребностями и последовать призыву рекламы.

«Один и тот же реальный объект в окружающей нас действительности и одна и та же объективная ситуация и положение дел в мире могут быть – по воле говорящего – описаны по-разному» [3, с. 15]. Это свидетельствует о том, что в рекламном дискурсе необходимо выразить мысль так, чтобы в результате декодирования языкового знака адресат пришел к запланированному адресантом смыслу. Цель рекламной коммуникации определяется передачей информации адресату в такой форме, которая побудила бы его к запланированным адресантом действиям. Эта информация представляет собой когнитивный феномен, рождающийся в процессе восприятия рекламного сообщения.

«Именно в результате постоянной когнитивной обработки текста дискурса слушающий делает свои выводы о том, какой фрагмент действительного или вымышленного мира изображается или описывается говорящим и отчего это должно быть для него чрезвычайно существенным. В дискурсе отражается и строится один из «важных миров», а для того, чтобы сделать это и объективировать намерение говорящего

и его ментальность, используются особые языковые средства» [3, с. 530 – 531]. Выбор языковых средств для наилучшего воздействия на реципиента с целью убедить его диктует прагматическая направленность рекламного дискурса, выступающая как текстообразующий признак.

Трактуя прагматику как конкретную установку на получателя информации, учитывающую психологические особенности восприятия и социальный статус потенциального читателя рекламного сообщения, Л. А. Баркова впервые показала прагматическую ценность сочетания вербальных и невербальных средств в рекламе, для чего ею было введено понятие «голографического принципа изображения» (ГПИ) как конструктивного принципа организации рекламного текста. Данный принцип, согласно автору, способствует реализации прагматической установки рекламного текста и заключается в многоканальной передаче информации адресату. Каждый из экстралингвистических факторов может быть рассмотрен в его отношении к рекламному тексту [1].

Как справедливо отмечает Л. А. Баркова, прагматическая ориентация рекламных текстов определяет логический и/или эмоциональный стержень высказывания, общую тональность всего текста, диктует отбор языковых и неязыковых средств и способ их подачи и организации [1]. При этом подчеркивается, что в рекламе имеет место социально ориентированное общение. Потенциальный покупатель, его социальный статус, психологические особенности его восприятия являются определяющими и оказывают решающее воздействие как на отбор языковых средств, так и на их организацию.

Для достижения прагматических целей адресанту рекламного сообщения необходимо выстроить план, выполнение каждого пункта которого ведет к поставленным задачам:

1) первое предложение в рекламном тексте должно максимально привлечь внимание, вызвать интерес к прочтению всего текста без особых усилий, легко и непринужденно;

2) весь текст должен быть построен с учетом его основных свойств, таких, как краткость, простота изложения информации (лексика, простые предложения), облегчающих восприятие;

3) стилистические приемы, используемые в тексте не должны осложнять понимания;

4) чтение рекламного текста не должно занимать много времени, то есть необходимо избегать сложных и непонятных конструкций, шрифтов, цветов;

5) рекламный текст должен содержать только основную, но в то же время полную информацию о предмете рекламы;

6) рекламный текст может содержать имплицитную информацию, что требует инференции с опорой на пресуппозиции, контекст и предшествующий опыт реципиента;

7) рекламный текст сопровождается паралингвистическими элементами (иллюстрации, схемы, графики и т. п.), дополняющими его и образующими с ним единое целое.

Для успешного процесса рекламной коммуникации необходима четкая ориентация на адресата, на его возраст, род занятий, на его знания о мире, взгляды, вкусы, необходим учет и самой ситуации общения, которая включает и общественную, и социальную, и политическую, и экономическую жизнь в данный момент [6, с. 1 – 30].

В связи с последними событиями в экономической жизни всего мира, в частности Казахстана и России, особый успех имеют рекламы, привлекающие адресата словами *скидки, акция, всего ... тенге/рублей, бесплатно, антикризисные цены и т. п.*

Прагматическая стратегия рекламного дискурса реализуется как путем прямого воздействия – через открытое побуждение (*Приходите к нам и Вы непременно будете довольны*), так и с помощью косвенных способов влияния – через отбор определенных средств, посредством выражения оценочного отношения к рекламируемому товару, объекту (*Выбирая «Эвалар», Вы выбираете качество и эффективность*). В связи с этим создатели рекламы неустанно в поисках новых средств выражения интенции. Пытаясь завоевать адресата, форсируют выразительную сторону высказывания, создают новые, запоминающиеся коммуникативные ситуации. Интенция автора рекламы относится к экстралингвистическим особенностям рекламного текста, а значит, является частью рекламного дискурса. Автор рекламы намерен любым путем завоевать внимание адресата и побудить его к действиям соответствующим прагматическим целям адресанта.

Интегральным объектом рекламного дискурса становится человек с его способностью к порождению и пониманию информации. Перевод предложения рекламодателя на язык нужд и запросов потребителя с помощью вербальных и невербальных знаков и образов – кодирование информации. Попадая к рекламополучателю, сообщение должно подвергнуться так называемому «декодированию». Использованный в

сообщении знак-символический ряд должен быть расшифрован (интерпретирован) аудиторией, ему должно быть поставлено в соответствие то содержание (прагматический смысл), которое хотел передать рекламоатель [4, с. 45].

Стилистический компонент рекламного сообщения закономерно связан с особенностями когнитивных механизмов, управляющих процессами восприятия и обработки информации, формирования мотива и принятия решения.

Речевые стратегии, используемые в рекламном дискурсе, создаются и реализуются с учетом закономерностей функционирования человеческого сознания и подсознания и присущих им психических процессов и состояний, таких, как восприятие, память, воображение, мышление, а также основывающиеся на системе ценностей целевой аудитории.

Т. А. Ван Дейк характеризует стратегию как свойство когнитивных планов, которые представляют собой организацию последовательности действий для достижения цели/целей [2]. В рекламной коммуникации речь идет о стратегиях разного плана: когнитивных, представляющих «способы обработки информации»; прагматических, нацеленных на «гибкое и эффективное достижение прагматических целей»; риторических, нацеленных на «оптимальную приемлемость семантических или прагматических целей говорящего» [2, с. 279].

Р. С. Немов считает, что значимым фактором в плане выбора и актуализации речевых стратегий является содержательное наполнение сознания, включающее следующие характеристики:

1) способность мысленно представлять реальную и воображаемую действительность;

2) оперирование абстрактными символами в различных психических процессах;

3) контроль состояния и процессов с помощью воли;

4) словесно-понятийную означенность действительности, наделенность определенными культурными и личностными смыслами;

5) способность к коммуникации, т. е. передаче содержания своего сознания с помощью языка и других знаковых систем другому человеку;

6) наличие интеллектуальных схем (структур), в соответствии с которыми воспринимается, перерабатывается и хранится информация. Схемы включают правила, понятия, логические операции для отбора, категоризации и концептуализации информации [5, с. 132 – 142].

Индивидуальное сознание формируется на основе общественного сознания путем присвоения существующих знаний и ценностей и лишь впоследствии приобретает специфические личностные характеристики. Это происходит и при восприятии новой рекламной информации, когда адресат изначально воспринимает и присваивает ее как общественно значимую, а затем включает в личную концептосферу.

Значимую роль в воздействии рекламного текста имеет учет особенностей восприятия, которое формирует образ будущего. Восприятие – когнитивный процесс, вовлекающий интерпретацию, умозаключения, память [7]. Восприятие как интеллектуальный про-

цесс связано с активным поиском признаков, необходимых и достаточных для детализации образа и принятия решений [5].

Восприятие характеризуется целостностью и категориальностью. Образ воспринимаемого явления действительности не появляется в готовом виде, а мысленно достраивается до целого на основе необходимого набора элементов, особенно это важно в том случае, когда некоторые детали непосредственно не воспринимаются. Далее происходит отнесение объекта к определенной, ранее известной категории, и обозначение его определенным словом-понятием, все известные характеристики данной категории присваиваются вновь воспринятому предмету или явлению. Эти свойства восприятия проявляются в отношении концептов и имплицитных смыслов, восстанавливаемых до целостного образа при наличии основных элементов.

В связи с этим в рекламном сообщении нет необходимости детально вербализовать мотив, достаточно лишь обозначить его общую схему, активизировав тем самым механизм восприятия. Речевая стратегия должна выстраивать четко структурированный рекламный дискурс с периодически выделенными информационно-насыщенными предложениями, стимулирующими процесс восприятия. Целостность восприятия дает возможность речевой стратегии имплицитно воздействовать на формирование концепта-мотива, предоставляя достраивать его до целостного образа самому адресату. Речевая стратегия создает только общий контур, каркас мотива, а воспринимающий субъект сам дополняет его личностными смыслами, задачами и целями.

Основная цель восприятия заключается, по словам Т. А. Ван Дейка, в построении модели ситуации [2]. Она-то и является главной целью процесса понимания, а рекламный текст как совокупность вербальных знаков становится средством достижения этой цели. Для восприятия рекламной информации важно также построение будущей ситуации, то есть планирования совершить именно те действия, которые ожидает от него адресант рекламного сообщения.

Нами был проведен психолингвистический эксперимент, заключающийся в установлении когнитивно-прагматических составляющих восприятия наружной рекламы респондентами различных регионов.

Для осуществления поставленной цели участникам эксперимента, которыми явились жители разных регионов (Казахстана – г. Павлодар, России – г. Кемерово) было предложено ответить на вопросы анкеты, выявляющей предположительно различные реакции представителей двух регионов, обусловленные воздействием региональных и культурных особенностей, характерных каждому региону.

Характер задания требовал от участников выполнения познавательной деятельности, активизацию их знаний и опыта в памяти, восприятия и обработки предложенных примеров наружной рекламы. Познавательный процесс, положенный в основу эксперимента, заключался в отборе испытуемыми соответствующих средств для формирования рекламного сообщения. Отсюда очевиден направленный характер эксперимента: речемыслительная деятельность испы-

туемых сводилась к тому, чтобы создать/изменить рекламное сообщение, отталкиваясь от предложенного варианта, опираясь на имеющиеся знания, опыт, мнения и установки.

Результаты анализа данных эксперимента позволили сделать следующие выводы.

Наружная реклама является для обоих регионов одним из самых влиятельных жанров рекламы в плане воздействия на адресата за счет непрерывного контакта с аудиторией и яркости иллюстраций, привлекающих внимание. В то же время основным ее недостатком испытуемые признали недостаточность информации о предмете рекламы. Специфика жанра не позволяет передать подробную информацию о предмете рекламы, что абсолютно не мешает достижению прагматических целей.

Воздействие на адресата осуществляется посредством коммуникативных стратегий манипулирования, направленных на реализацию прагматической интенции адресанта, не всегда совпадающей с намерениями адресата, и не всегда им осознаваемой. Манипулятивный характер стратегий ориентирует текст на потребности адресата, удовлетворение которых становится мотивом приобретения объекта рекламирования.

Воздействие на уровне бессознательного в наружной рекламе достигается, в первую очередь с помощью иллюстраций, которые были отмечены всеми без исключения респондентами как основной элемент наружной рекламы. Это подтверждается тем фактом, что большинство испытуемых, приводя в пример запомнившуюся им рекламу, описывали иллюстрации к ней, реже текст.

Факторы, влияющие на запоминаемость рекламы, оказались более разнообразными у жителей г. Кемерово. Женская половина испытуемых обоих регионов оказалась более подверженной эмоциональному воздействию рекламы. То есть невербальный компонент – яркие и красочные иллюстрации – явился основным элементом, способствующим запоминанию рекламы.

Апелляция к эмоциям способствует порождению глубинных структур (пропозиций), декодирование которых представляет собой только начальный этап восприятия всего рекламного послания. Далее следует активация определенных чувств и эмоций, пробужденных рекламой. Для того чтобы эти чувства и эмоции работали в ее пользу, необходимо вербализовать пропозиции в той форме, которая вызовет положительное отношение к рекламе и соответственно к рекламируемому предмету. Этой формой могут быть, по словам испытуемых, яркая иллюстрация, фотографии красивых и успешных людей, грамотно составленный текст, новые и выгодные предложения, вызывающие положительные чувства и эмоции. Большинство жителей обоих городов отметили положительные стороны рекламы: реклама поднимает настроение, освежает, украшает серый город, вызывает заинтересованность, восхищение, восторг, удивление, побуждает к действиям. 8 % павлодарцев и столько же кемеровчан наружная реклама раздражает своей массовостью и навязчивостью, отвлекает и надоедает. Стереотипное (негативное) отношение к рекламе переносится и на рекламируемый предмет. Положительные эмоции

бессознательно переносятся и на другую рекламу фирмы или предприятия.

Больше половины опрошенных в обоих городах не читают весь текст наружной рекламы, а выбирают только значимую на данный момент информацию, что свидетельствует о фреймовой природе рекламы, один из элементов которой способен актуализировать в сознании адресата стереотипную схему действий.

Ниже представим наиболее яркие примеры, демонстрирующие особенности восприятия рекламы представителями различных регионов.

В сердце богатого Казахстана (Цеснабанк). Анализ ответов позволил сделать вывод о том, что актуализация различных пропозиций в рамках одного фрейма «богатый Казахстан» жителями разных регионов обусловлена культурными концептами, вызывающими положительные эмоции. У жителей Павлодара данный фрейм выражается пропозициями *процветающий Казахстан, страна с огромными запасами сырья*, характерными для местного населения. У жителей Кемерово возникают ассоциации с природными богатствами Казахстана, которые, по мнению кемеровчан, должны быть обязательно проиллюстрированы в рекламе. Что касается рациональных характеристик, то на сегодняшний день, как в Павлодаре, так и в Кемерове банки ассоциируются в сознании людей, в первую очередь, с кредитами. Этим обусловлена потребность респондентов в *надежности и предоставлении им выгодных условий получения кредита*, которые вскрывают основные пропозиции в рамках фрейма «банк».

Создавая традиции будущего... Народный банк Казахстана. Стереотипы в сознании испытуемых явились основой для выделения во фрейме «традиция» пропозиции *память о прошлом* (создавая традиции будущего, не забывайте о прошлом). Будущее в сознании испытуемых обоих регионов ассоциируется со стремлением к стабильности, достатку, процветанию и накоплению, передающимся от поколения к поколению. Фрейм «традиции Казахстана» выражен у части жителей Кемерово, которые никогда не были в Казахстане, пропозициями *коренные казахи в национальных костюмах; казахи-животноводы*, которые, по их словам, могут быть выражены соответствующими иллюстрациями.

Казахстанская реклама отечественных продуктов известна местному населению и воспринимается в соответствии с культурными ценностями, характерными для жителей Казахстана. У россиян неизвестный про-

дукт и его производитель вызвала отрицательные эмоции, основанные на присущих им культурных стереотипах. Например, *На все времена! Карагандинское пиво.* Фрейм «Караганда» в сознании россиян ассоциируется со стереотипной ситуацией: – Ты где? – В Караганде. «Дерзкий» ответ демонстрирует нежелание отвечать на любопытство собеседника. Данный стереотип лежит в основе негативного отношения к рекламируемому товару, в связи с чем объясняется соответствующая реакция кемеровчанина на данную рекламу – *Никогда бы не купил это пиво.*

Прагматический аспект, как показали результаты эксперимента, характерен и для названий торговых объектов. Номинация требует обязательного учета мыслей, ассоциаций, интерпретаций потенциального потребителя, о чем свидетельствует большинство ответов на последний вопрос анкеты – 80 % в обоих регионах. Основная задача названия заключается, по мнению опрошенных, в привлечении внимания и побуждении адресата к определенным действиям

Реклама активизирует определенные концепты в сознании адресата, вызывает ассоциации, активизируя, таким образом, работу сознания с опорой на стереотипы, свойственные жителям того или иного региона. Тесное сотрудничество Казахстана с Россией, особенности менталитета, свойственные республикам постсоветского пространства, статус русского языка в Казахстане как языка межнационального общения не могут не отражаться на ряде общих для обоих регионов черт, включая восприятие рекламы. Это объясняет незначительную разницу в восприятии рекламного сообщения респондентами двух регионов, установленную посредством психолингвистического эксперимента.

Таким образом, он являет собой речевое произведение, в котором выделяются его основные составляющие (вербальные и невербальные компоненты). Текст наружной рекламы информативен, и сообщение, декодируемое в рекламе, представляет не только денотативный, но и коннотативный аспекты высказывания. Текст наружной рекламы когнитивен, так как опирается на знания, установки, опыт, мнение адресата, и коммуникативен, поскольку предполагает общение и содержит прагматический потенциал.

В результате эксперимента было выяснено, что в процессе восприятия наружной рекламы важную роль играют ассоциативные связи, отражающие предшествующий опыт и знания адресата.

Литература

1. Баркова, Л. А. Прагматический аспект использования фразеологизмов в рекламных текстах: дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Баркова. – М.: МГЛУ, 1982. – 221 с.
2. Дейк, Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Медведева, Е. В. Основы рекламоведения / Е. В. Медведева. – М.: РИП-Холдинг, 2004. – 266 с.
5. Немов, Р. С. Психология / Р. С. Немов. – М.: Владос, 2010. – Книга 1.
6. Harris, Z. S. Discourse Analyses / Z. S. Harris // Languages. – Vol. 28. – 1952. – № 1.
7. Pylyshyn, Z. W. (Ed.) Computational processes in human vision: an interdisciplinary perspective / Z. W. Pylyshyn. – Norwood, 1988.

Информация об авторе:

Кайрамбаева Айгуль Жаскайратовна – магистр филологии, старший преподаватель кафедры «Теория и практика иностранных языков и перевода» Инновационного Евразийского университета (Казахстан), 87014219317, aigul_zh@inbox.ru.

Kairambayeva Aygul Zhaskayratovna – Master of Philology, senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Foreign Languages and Translation of the Innovative University of Euroasia (Kazakhstan).

УДК 82-193

ДИНАМИКА ОБРАЗА ВНУТРЕННЕГО МИРА В «НОЧНЫХ» СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф. И. ТЮТЧЕВА
А. Л. Калашиникова

THE CHANGES OF THE «INNER WORLD» IMAGE IN TUTCHEV'S «NIGHT LYRICS»
A. L. Kalashnikova

В статье исследуется динамика образа внутреннего мира в контексте «ночных» стихотворений Ф. И. Тютчева 1830 – 1850-х гг. Прослеживаются космогонические и эсхатологические тенденции в развитии мотива «ночного бытия» души и делаются выводы об общих принципах соотношения образов души и ночи в художественном мире поэта.

The article investigates the changes in the «inner world» image in Tutchchev's «night lyrics» of 1830 – 1850. The cosmogonic and eschatological tendencies in the souls' «night life» motive development are traced and conclusions about the general principles of the correlation between the image of soul and that of the night in the poetic world are made.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, образ души, лирика.

Keywords: F. I. Tutchchev, image of soul, lyrics.

Одной из наиболее актуальных проблем современного литературоведения является поиск онтологических основ эстетической деятельности. В свете указанной проблематики на первый план выходит словесная природа художественного творчества, в которой и коренится его онтологический смысл. В частности, один из теоретиков так называемой онтопоэтики В. П. Океанский указывает на «*миро-при-ятие-в-слове*» (курсив в оригинале. – А. К.) как на очевидный факт русской литературоцентричной культуры [21, с. 11]. Исследование онтологических категорий, лежащих в основе художественного мира, неизбежно сопряжено с проблемами авторской аксиологии и антропологии, формирующих художественную реальность.

На протяжении всей истории изучения лирики Ф. И. Тютчева так или иначе осуществлялись попытки установить аксиологические основы его поэтического наследия. В качестве ценностных доминант тютчевской художественной системы в разное время назывались бытие и небытие [17, с. 568], хаос и космос [13, с. 34], север и юг, зима и весна, день и ночь [5, с. 39], вера и безверие [14, с. 112], земное и небесное [25, с. 7 – 68], язычество и христианство [18, с. 113 – 122] и т. д. Все эти концепции содержат примечательные наблюдения над отдельными закономерностями, однако не дают целостного представления о всеобъемлющих принципах построения художественного мира поэта.

Поиск принципиально нового уровня понимания тютчевской поэтики, осуществлявшийся как попытка установить некий универсальный закон организации поэтического мира, привел к обнаружению так назы-

ваемого «инвариантного сюжета» (или «архисюжета», «метасюжета»). Одним из первых данную концепцию представил Ю. И. Левин, по мнению которого «основной миф» поэзии Тютчева составляет «архимотив «жажды преображения» [16, с. 144]. Эта точка зрения оказалась чрезвычайно продуктивной в тютчевоведении, став отправным пунктом многочисленных исследований гипотез. В частности, одной из последовательниц Ю. И. Левина стала Т. А. Воробец, рассматривающая «метасюжет преображения» как единый семантический код тютчевской поэзии [7]. Развивая понятие тютчевского метасюжета, О. В. Зырянов делает заключение: «В контексте наших размышлений об онтологических, духовно-религиозных основах поэтического мира Тютчева особенно важно заметить, что инвариантная схема тютчевского метасюжета (основанного, по мнению исследователя, на идее преображения и спасения. – А. К.) <...> содержит существенные моменты *христианской антропологии* (курсив – в оригинале. – А. К.)» [11, с. 133].

Заметим, что внедрение антропологических проблем в поле исследовательского внимания представляется принципиально важным при постижении онтологических основ творчества: подобно модели антропоцентричной вселенной, художественный мир создается вокруг образа человека. В центре внимания настоящей статьи – образ души в художественном мире Тютчева, а приведенные выше исследовательские концепции во многом определяют актуальность рассмотрения этой проблематики. Интерес к мотивам преображения, спасения как фундаментальным принципам творчества, рассматривающегося в русле христианской аксиологии, делает изучение особенностей

воплощения образа души в художественном мире поэта едва ли не важнейшей проблемой современного тютчевоведения. Помимо этого, исследование образа, составляющего онтологическое ядро тютчевской поэтики, позволит установить некоторые универсальные законы построения художественной системы.

В пределах настоящей статьи мы остановимся на одном из частных аспектов реализации образа души в лирике Тютчева – воплощении душевного бытия в ночное время.

«Ночная» поэзия занимает особое место в поэтическом наследии Тютчева: органично сочетая новаторство и следование традициям (прим. автора: *Ночная тема оказалась необычайно продуктивной в русской и зарубежной романтической традиции («Гимны ночи» Новалиса, «Голоса ночи» Й. фон Эйхендорфа, «Русские ночи» В. Ф. Одоевского и др.)*), она производит сильнейшее впечатление на современников [28, с. 469 – 470] и оказывает значительное влияние на последователей – поэтов-символистов, одному из которых принадлежит знаменательное определение Тютчева как самой «ночной» души русской поэзии [3, с. 25].

Более глубокому пониманию специфики «ночных» стихотворений Тютчева способствует обращение к описанному в литературоведении феномену «текста ночи», началом которого в русской поэзии, как указывает В. Н. Топоров, стало стихотворение М. Н. Муравьева «Ночь» [26, с. 103]. К настоящему времени сложилась традиция восприятия «ночных» произведений (особенно поэтических) в качестве своеобразного свертхтекстового единства. Существуют попытки наметить общую «схему», реализующую инвариант любого «ночного» стихотворения. Так, Н. Ю. Абузова в качестве обязательных компонентов выделяет следующие: «художественное описание ночи (ее «портрет») / описание приближения ночи (поздний вечер) – рефлексия и осмысление наблюдаемой картины – выход за пределы эмпирического описания ночи в область человеческих чувств» [1, с. 122].

Уникальную целостность «ночных» стихотворений Тютчева одним из первых отметил Л. В. Пумпянский, указав на то, что они образуют своего рода цикл, представляющий «контаминацию унаследованной от русской школы Юнга тематической культуры с новой немецкой поэзией ночи, отличающейся от Юнга внесением последовательного натурфилософского умозрения» [23, с. 51]. По сути, как «целостность» они воспринимаются и далее. Подобная методика рассмотрения позволяет В. Н. Касаткиной выделить «поэзию дня» и «поэзию ночи» как центральные тематические пласты тютчевской лирики [13, с. 26]. Как циклическое единство трактует ночную лирику Тютчева И. Б. Непомнящий, прослеживая последовательную эволюцию тютчевского восприятия ночной темы «от приветственного приобщения к тайнам ночной стихии, воплощенного в ранних фрагментах цикла, до решительного ее неприятия во фрагментах заключительных» [20, с. 9]. В качестве одной из доминирующих в «ночном цикле» исследователь обозначает проблему личности, обретающую кризисные черты на рубеже 1840 – 1850 гг., когда одновременно с ощуще-

нием «бездонности» внутреннего я осознается «сиротство личности в историческом процессе» [20, с. 9].

Несмотря на то, что вопрос о границах тютчевских «несобранных циклов», на наш взгляд, по-прежнему остается открытым, и само использование термина «цикл» в данном случае требует подробного теоретического обоснования, согласимся с определением эволюционных тенденций развития ночной тематики от 1830-х к рубежу 1840 – 1850 гг.

Проблема соотношения образов души и ночи преимущественно поднимается в 1830-е гг., когда написаны стихотворения «Silentium!», «О чем ты воешь, ветер ночной...», «Тени сизые смешались...», «День и ночь». Более поздний вариант развития темы представляет собой стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...» (конец 1840-х или самое начало 1850-х).

Вопрос о точной датировке тютчевских стихотворений 1830-х гг. на сегодняшний момент представляется трудноразрешимым, поэтому, не имея возможности установить хронологически наиболее раннее стихотворение, обратимся к «Silentium!», которое концентрирует в себе образы, своеобразно преломляющиеся в других «ночных» текстах поэта.

Сотворенный в «Silentium!» мир, микрокосм, поражающий своим масштабом, характеризуется удивительно малым количеством словесных средств: он является собой «целый мир» (в котором чувства и мечты, «как звезды в ночи»), имеет пространственную протяженность («глубина»), в нем находятся «ключи», звучит пенье «таинственно-волшебных дум». Ночная тематика в стихотворении только намечена: она проявлена через сравнение («как звезды в ночи»). Однако ассоциативная проекция образа ночи на состояние внутреннего мира представляется принципиально важной, тем более, что «ночной» мир души противопоставлен внешнему пространству с его «дневными» лучами. Изображение внутреннего мира как ночного актуализирует мотив тайны: таинственная внутренняя жизнь должна проходить в темноте, в безмолвном созерцании звезд. Появление образа звезд конкретизирует мотивировку интроспективного самоуглубления: наблюдение за звездами, пристальное вглядывание в небо – символическая ситуация, восходящая к древним представлениям о способности небесных светил влиять на судьбы человека и мира [19, т. 1, с. 117]. Созерцание звезд – попытка проникнуть в тайну бытия, постичь загадку собственной души. Ночь в данном случае выступает как время познания истины в противовес дню, несущему суетный «шум».

Примечательно, что стихотворение «Silentium!», существенно отличаясь от других «ночных» текстов Тютчева, вступает с ними в особого рода диалогические отношения. По справедливому замечанию А. И. Журавлевой, в этом стихотворении за каждым тщательно отобранным словом «тянется длинная цепь ассоциаций, вырастающих из контекста всей тютчевской лирики и современному стихотворению и более поздней» [10, с. 188]. «Silentium!» концентрирует в себе основные константы тютчевских «ночных» текстов. Именно в этом стихотворении осуществляется соотношение суточного цикла и состояния души, указываются пространственные координаты душевного

мира (ср. представление о «глубине души» в стихотворениях «Silentium!» и «Тени сизые смешались...»). Мотивы, едва намеченные в «Silentium!», как бы прорастают в других «ночных» текстах. Наибольшее количество соответствий с «Silentium!» обнаруживает стихотворение «О чем ты воешь, ветер ночной...» (Ср.: «мир в душе твоей» – «мир души ночной», «внимай их пенью» – «внимает повести любимой», «взрывая, возмутишь ключи» – «И роешь, и взрываешь в нем / Порой неистовые звуки...»).

Между тем, за общностью темы скрываются две абсолютно разные модели душевного бытия: интравертная в «Silentium!», предполагающая герметизацию, закрытость, сосредоточенное созерцание внутренней вселенной («Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои – / Пускай в душевной глубине / Встанут и заходят оне...») и экстравертная («О чем ты воешь, ветер ночной...»), ощущаемая рефлектирующим сознанием как стремление души вырваться за пределы внутреннего, соединиться с внешним стихийным началом («Как жадно мир души ночной / Внимает повести любимой! / Из смертной рвется он груди / Он с беспредельным жаждет слиться...»).

Происходит существенная модификация образа внутреннего мира, что очевидно при обращении к его наименованию: «мир в душе твоей» («Silentium!») и «мир души ночной» («О чем ты воешь, ветер ночной?...»). Рассмотрим подробнее второй вариант. Это сочетание, контекстуально обретающее оксюморонную семантику, объединяет две тенденции. С одной стороны, как и в «Silentium!», актуализируется ситуация миромоделирования, с другой – акцентируется «ночная» доминанта души, связанная с хаотическим началом. Подобным образом «двоится» в стихотворении образ ветра, обнаруживающий связь с архаическими представлениями, в которых ветер ассоциируется как с «грубыми хаотическими силами», так и с «принципом жизни, животворящим духом» [19, т. 1, с. 241]. Смысловое напряжение несет архаичный оттенок звучания использованного слова («ветр») по сравнению с его нейтральным вариантом («ветер»): именно ветр – первоначальная стихия – становится знаком хаоса в составе художественного целого.

Образы души и ветра являются центральными в стихотворении, а совпадение эпитетов («ветр ночной», «мир души ночной») указывает на их органическую связь, мифологические истоки которой восстанавливает С. Н. Бройтман, обозначая традиционную параллель ветра – дыхания – души [4, с. 11]. В то же время хаотическая природа образа ветра и космическое начало в душе (мир) вступают в сложные отношения притяжения и отталкивания. Взаимодействие космического и хаотического начал составляет центральное противоречие, лежащее в основе лирического сюжета: «мир души» стремится слиться с хаосом, следовательно, перестать быть миром, бытие стремится к небытию. Однако окончательного превращения бытия в небытие не происходит: «мир души ночной» с беспредельным «жаждет слиться», но не сливается. Такое состояние притяжения-неслиянности М. М. Гиршман образно определяет как «хаос-мир» [8, с. 24]. На равновесии мира и хаоса основана гармония лирического события, а сочетание «мир души

ночной», уравнивающее в себе мир и не-мир, составляет ценностное ядро художественного целого.

Особую роль в раскрытии центрального противостояния мира и хаоса в стихотворении играет интерпретация мотива звучания ветра. Априори очевидно, что вой ветра несет сообщение, требующее дешифровки: поиск смысла начинается с первого стиха, с вопроса, о чем воет ветер, и продолжается даже после того как ответ, казалось бы, найден: ветер поет о хаосе. Парадоксальным образом результатом попытки рационального постижения загадки мира становится обнаружение иррационального хаотического начала. Сообщение ветра в стихотворении реализовано необычайно насыщенным звуковым фоном, превращающим восприятие текста в напряженное вслушивание. Подобная атмосфера «вслушивания в мир» характерна для всего комплекса «ночной» лирики Тютчева, в которой недостаток визуальных образов компенсируется за счет интенсивности звукового наполнения. Аудиальная направленность стихотворения «О чем ты воешь, ветер ночной...» проявляется также на тематическом и синтаксическом уровнях. Так, мотив звучания ветра по мере развития лирического сюжета эволюционирует от «воя» к «повести любимой». Последовательное изменение «голоса» ветра в стихотворении имеет следующую закономерность: «воешь» – «сетуешь безумно» – «странный голос твой» – «понятым сердцу языком твердишь» – «страшных песен сих не пой» – «мир души ночной внимает повести любимой...». Динамику развития мотива в данном случае можно определить как движение от нечеловеческого к человеческому, от нерационального к рациональному.

Примечательно, что в процессе «очеловечения» голоса ветра прослеживается логика жанрового генезиса от более ранних (песня) к более поздним (повесть) вариантам. В частности, эволюция коммуникативного дискурса от «голоса» и «языка» к «песне» в стихотворении вполне согласуется с наблюдениями А. Н. Веселовского, о том, что основу синкретической поэзии составляет древнейшая «песня-игра», отвечающая потребности первобытного человека «дать выход, облегчение, выражение накопившейся физической и психической энергии путем ритмически упорядоченных звуков и движений» [6, с. 201].

Последняя ипостась звучания ветра – «любимая повесть» являет собой более поздний этап исторического развития поэзии и, что немаловажно, обладает необычайной актуальностью в современном стихотворении литературном процессе. 1830-е годы XIX века характеризуются интенсивным ростом прозаических жанров. Именно в этот период особую роль начинают играть повесть и роман. Хотя в основном «в повествовательной прозе 1830-х гг. господствуют различные течения романтизма» [22, с. 519], к середине десятилетия отчетливо дают о себе знать и реалистические тенденции («Петербургские повести» Н. В. Гоголя, «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и т. д.). В классической статье 1835 года «О русской повести и повестях г. Гоголя» В. Г. Белинский относит повесть и роман к поэзии «реальной» или «поэзии жизни», «поэзии действительности» (в отличие от «идеальной») и отмечает, что «вечный герой, неиз-

менный предмет ее вдохновений, есть человек, существо самостоятельное, свободно действующее, индивидуальное, символ мира, конечное его проявление, любопытная загадка для самого себя, окончательный вопрос собственного ума, последняя загадка своего любознательного стремления... Разгадкой этой загадки, ответом на этот вопрос, решением этой задачи – должно быть полное «сознание», которое есть тайна, цель и причина его бытия!..» [2, с. 42].

Появление мотива повести в стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной?..» является знаковым: «повествуя» о хаосе, ветер открывает лирическому герою страшную правду о мире, человеке и его душе. Значимую роль играет также актуальность жанра повести в современном Тютчеву литературном процессе: вербализация ветра постепенно превращается в понятную и знакомую для души «повесть любимую», тем самым парадоксально включаясь в сферу читательской рецепции лирического героя.

Динамика мотива звучания ветра отражает этапы противостояния хаоса и мира в стихотворении: чем более понятным становится язык ветра для сердца и души лирического героя, тем менее он связан с хаосом, тем больше в нем «мира». И подобно тому, как «вой» трансформируется в «песни», а затем в «любимую повесть», рефлексия о «странном голосе» ветра получает художественное завершение. Слова и звуки претворяются в поэзию, из хаоса рождается мир. Это – универсальный ключ к пониманию стихотворения. Хаос словно бы «консервируется» внутри художественного целого, рифмуется, гармонизируется и за счет этого преодолевается его хаотическая сущность: из хаоса звуков творится художественный мир, или, как отмечает М. М. Гиршман, «внутренне противостоит и «обращается» к хаосу красота-гармония поэтического целого, в котором только она и существует как эстетическая реальность» [8, с. 27].

Отмеченный принцип взаимодействия хаоса и мира в стихотворении подкрепляется композиционным приемом, проявляющем уникальную содержательность формы в лирике Тютчева (прим. автора: *Подобный композиционный прием используется также в стихотворении «Silentium!»* [14, с. 165]). Вопросание ветра в первой строфе во второй сменяется, по определению С. Н. Бройтмана, его «заклинанием» [4, с. 14]: «О, страшных песен сих не пой <...> О, бурь уснувших не буди...». Параллелизм начала и финала второй строфы создает композиционное кольцо, усиленное графически (графема «О» появляется в начале 1, 2, 9 и 15 стиха). Границы строф становятся пределами, противостоящими хаотической беспредельности, они как бы локализуют и сдерживают стихийное начало. «Мир души» остается целостным, несмотря на вербализованное стремление к развоплощению.

Две противоположные тенденции направленности образа внутреннего мира (интравертная – в «Silentium!» и экстравертная – «О чем ты воешь, ветр ночной?..») оригинально соединяются в стихотворении «Тени сизые смешались...». Мотив смешения, слияния, возникающий в первом стихе, подчиняет себе лирическое движение мысли. Своеобразной кульминацией становится формулировка «все во мне, и я во

всем!..», помещенная в композиционном центре стихотворения (восьмой стих из 16). Две строфы стихотворения – из которых первая описывает внешнее пространство, а вторая – внутренний мир лирического героя – как бы стягиваются к центру, в результате чего сферы внутреннего и внешнего оказываются разомкнутыми навстречу друг другу. Душа предстает как пространство, «глубина», наполняемая сумраком. Примечателен процесс постепенного приобщения к сумраку, в котором задействованы все чувства лирического героя. Сумрак внедряется во внутреннюю сферу через созерцание теней («Тени сизые смешались, / цвет поблекнул...»), аудиальное восприятие («...звук уснул...», «Мотылька полет незримый / Слышен в воздухе ночном...»), осязание («Лейся в глубь моей души...», «Чувства – мглой самозабвения / Переполни через край»), обоняние («Тихий, томный, благовонный...») и, наконец, происходит вкушение («Дай вкусить уничтоженья / С миром дремлющим смешай!..»).

Неоднократно отмечалось, что ощущение причастности к миру в стихотворении («Все во мне, и я во всем!..») неразрывно связано с ощущением тоски («Час тоски невыразимой!..»). Эта «тоска» в большинстве исследований интерпретируется как неизбежное состояние личности перед слиянием с безличным началом, или, как отмечает В. А. Грехнев, «именно о неповторимости личности у Тютчева разбивается идея пантеистического бессмертия» [9, с. 487].

Стихотворение «Тени сизые смешались...» соединяет две разнополярные тенденции организации внутреннего мира и является новым этапом развития мотива ночного бытия души. Специфика взаимодействия внешнего (сумрака) и внутреннего (души) особенно ярко проявляется при сопоставлении со стихотворением «О чем ты воешь, ветр ночной?..». Напряженное вслушивание и вопрошание сменяется медитативным мировосприятием, трансформируется рефлексивная сфера: объектами переживания становятся не ужас, но тоска, не воющий ночной ветер, но медленно ступающие тени, не агрессивно разрушающий бытие хаос, а постепенно скрадывающий границы сумрак, обнаруживающий свое хаотическое начало (в основе лирического сюжета стихотворения – событие смешения «всего со всем», что соответствует одному из архаических определений хаоса [19, т. 2, с. 581]).

Обращение к мотиву «ночного бытия» души на рубеже 1840 – 1850 гг. – заключительный этап его формирования. В это время написано стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...» – своеобразный итог размышлений о душе и ночи. Традиционно принято сопоставлять стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...» с более ранним – «День и ночь» (1830-е гг.). Очевидно сходство текстов на образно-тематическом уровне (образ «золотого» / «златотканного» покроя, скрывающего бездну, которая открывается в ночное время и т. д.), однако речь, конечно, не идет о буквальном повторении: стихотворения разделяет как минимум десятилетие. Заглавие «День и ночь» подразумевает разграничение и равновесие двух разнополярных сфер бытия, композиционно они

также разделены и уравновешены (первая строфа описывает «день», вторая – «ночь»). «Дневной» мир организуется по модели упорядоченного космоса, описанной В. Н. Топоровым [19, т. 2, с. 9]. Для него характерны членимость, различимость, красота («златотканый», «блистательный покров»), насыщенность жизнью: «земнородных оживленье», «друг человеков и богов» и т. д. Помимо прочего, «дневная» сфера оказывает благотворное воздействие на душу: «День, земнородных оживленье / Души болящей исцеленье...». Определение души как «болящей» свидетельствует о существовании внутренней дисгармонии, а ближайший контекст («исцеленье») не только маркирует действие, направленное на преодоление недолжного состояния, но и проясняет его причину, которая, по-видимому, заключается в раздробленности, расколотости внутреннего мира. Исцеленье же – возвращение к первоначальной целостности. Подобная интерпретация образа внутреннего мира подтверждается обращением к контексту других «ночных» стихотворений, в которых ощущение недолжного состояния души практически всегда обусловлено утратой имманентной целостности (это и рвущийся из смертной груди «мир души ночной», и ощущение «невыразимой тоски», когда в душу проникает сумрак, и мотив «душевного потрясения» в стихотворении «Вечер мгlistый и ненастный» и т. д.). Заявленная в стихотворении «День и ночь» возможность исцеления носит лишь временный характер: циклическая смена дня («златотканного покрыва») и ночи, обнажающей бездну, приводит к болезненной утрате внутренней целостности.

Существенно отличается пространственно-временная организация стихотворения «Святая ночь на небосклон взошла...», но, в то же время, оно как бы является продолжением предшествующего (в «День и ночь» момент наступления ночи отнесен к финалу). При этом характерной редукции подвергается образ дня, изображению которого отводится всего 3 стиха из 16. Стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...» предельно обостряет и расширяет проблему ночного бытия души: душа предстает как бездна («В своей душе, как в бездне погружен...»), по-видимому, аналог образа «бездны безымянной» в предшествующем стихотворении. Безымянное обретает имя, но это не устраняет ощущение ужаса перед бездной, напротив – делает ее неотвратимой для человека. Образ души-бездны в стихотворении «День и ночь» традиционно рассматривается в связи с хаотическим началом. Однако, как нам представляется, семантика этого образа сложнее и может быть прояснена не только в прямом отождествлении души с хаотической бездной, но и при обращении к христианской традиции.

Несмотря на отсутствие прямых отсылок к тексту Священного писания и ярко выраженных христианских реминисценций, стихотворения «День и ночь» и «Святая ночь на небосклон взошла...» нередко интерпретировались в религиозном контексте. Так, интересную трактовку образа бездны в стихотворении «День и ночь» приводит Т. А. Кошемчук: «На мир духов, таинственный для человека, наброшен покров дня (речь идет именно о мире иерархически высших существ, а не о ночи, как обычно понимаются первые

строки стихотворения), так что «безымянная» бездна есть непознанный человеком бездонный духовный мир» [15, с. 258]. Сомнения вызывает однако возможность интерпретации в русле христианской традиции стихотворения, заявляющего политеистическую модель мировосприятия (Ср.: «Друг человеков и *богов*»).

В то же время обращение к религиозному контексту стихотворения «Святая ночь на небосклон взошла...» представляется не только возможным, но и необходимым: здесь силовое поле сакральности текста задает первый стих с его уникальным наименованием ночи – «святая». Устанавливая специфику авторской интерпретации данного образа в стихотворении, можно обратиться к происхождению и функционированию сочетания «святая ночь» в культурной традиции.

Восстанавливая этимологию слова «святая», В. Н. Топоров указывает, что в основе лежит праславянский элемент **svent-*, происходящий от индоевропейской основы, обозначающей «возрастание, набухание, вспухание, то есть, увеличение объема или иных физических характеристик» [27, с. 7]. Подобное увеличение трактовалось как «результат действия особой жизненной плодоносящей силы», поэтому первоначально эпитет «святая» в русской (и славянской) традиции определял прежде всего символы вегетативного плодородия (святые дерево, рай, роща, колос, жито, корова и т. п.)» [27, с. 8]. Помимо прочего, уже в дохристианскую эпоху так могли характеризоваться «сакрально отмеченные точки пространства и времени» (ср.: «святая ночь»).

Особым образом функционирует указанное сочетание в христианской традиции, где за ним закреплён определенный круг значений. В западноевропейской культуре наименование «святая ночь» соотносится, прежде всего, с рождественской темой. Наиболее ярко этот сюжет отражен в религиозной живописи: название «Святая ночь» носят картины и гравюры художников XV – XVI вв. А. А. Корреджо и А. Альтдорфера, М. Шонгауэра, изображающие рождение Христа. Своеобразным символом католического Рождества является традиционная песня «O Holy Night» («Minuit chrétien» – франц.), исполняемая во время полуночной рождественской мессы. В православной традиции сочетание «святая ночь» употребительно для обозначения как сочельника (ср., например, стихотворение В. С. Соловьева «Святая ночь»), так и кануна Пасхи (А. П. Чехов «Святой ночью»). К тому же весь период от Рождества до Крещения в народном календаре носит название «святки». Святки – показательный пример явления двоеверия на Руси, органичного взаимодействия христианских праздников, связанных с событиями Священной истории (рождение Христа, крещение его в Иордане) и древних языческих традиций, приуроченных к зимнему солнцевороту (отсюда представления о «пограничности» святочного периода, возможности взаимопроникновения мира живых и мира мертвых).

Таким образом, область возможных значений сочетания «святая ночь» достаточно широка, а в традиции интерпретации стихотворения имеет спектр толкований от полифункционально-неопределенной «сакральности» до четкой конкретизации, когда «святая ночь» приравнивается к пасхальной ночи.

В частности, на это указывает В. Н. Сузи, который пишет, что «ситуация в «Святой ночи...» предопределена евангельским сюжетом, подразумевает включенность в него» [24, с. 103]. С точки зрения исследователя, в стихотворении описывается драма богооставленности человека в мире, когда Христос мертв, распят: «Поэтом моделируется расстановка сил в момент, непосредственно предшествующий чуду воскресения» [24, с. 105].

Позволим себе несколько расширить контекст интерпретаций стихотворения в русле христианской традиции. Насколько нам известно, стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...» ни разу не рассматривалось в соотношении с текстом Откровения Иоанна Богослова, в то время, как 3 и 4 стихи («Как золотой покров она свила, / Покров, накинутый над бездной») содержат отсылки к знаковым апокалиптическим образам бездны и свитка (ср.: И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих» (Откр. 6, 14). Опосредованную связь с текстом Апокалипсиса обнаруживают и другие мотивы стихотворения. В частности, мотив наготы и немощности человека перед бездной («И человек, как сирота бездомный / Стоит теперь, и немощен и гол, / Лицом к лицу пред пропастью темной») соотносится с символической ущербностью человека, лишённого добродетели: «Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг (Откр. 3, 17)».

Проблема экзистенциального предстояния человека перед бездной в стихотворении оборачивается апокалиптическим крушением мира. Прослеживая динамику воплощений образа души в «ночных» сти-

хотворениях, отметим следующее: стадийное развитие от сотворения мира в душе («Silentium!») до уничтожения мира и погружения в бездну («Святая ночь на небосклон взошла...») следует мифологической логике движения сущего от космогонии к эсхатологии. Между двумя этими крайними точками – поиск равновесия в душе между хаосом, ежечасно грозящим разрушить бытие, и сдерживающим его космическим началом, в результате чего внутренний мир обречен на вечную трагическую неустойчивость.

Обращение к христианской эсхатологии в стихотворении «Святая ночь на небосклон взошла...» позволяет высветить антропологические проблемы тютчевского мирозерцания в особом ракурсе. Проблема обостренного ощущения уникальности собственной души достигает своего предельного воплощения в образе внутренней вселенной в «Silentium!», однако этот творящийся мир отличен от божественного: он создан человеком, принявшим на себя функции Творца, ему не свойственные. Тогда же, в 1830-е гг., осознается кризисная неустойчивость сотворенного мира («О чем ты воешь, ветр ночной...», «Тени сизые смесились...», «День и ночь»). Мир души, в котором отсутствует образ божества, в стихотворении «Святая ночь на небосклон взошла...» логично перевоплощается в апокалиптическую бездну, не предполагающую возможности душевного воскрешения: самовольное творение мира, возможность жить «в самом себе» оборачивается финальным предстоянием самому себе, собственной душе-бездне «лицом к лицу». В результате человек оказывается покинутым «на самого себя», без надежды на возможное спасение в обезбоженном мире.

Литература

1. Абузова, Н. А. «Суточный цикл» в русской поэзии: вечер – ночь (Жуковский, Тютчев) / Н. А. Абузова // Культура и текст – 2005: сб. науч. тр. Международной конференции. – Барнаул, 2005. – Т. 1.
2. Белинский, В. Г. О Гоголе: статьи, рецензии, письма / В. Г. Белинский [ред., вступ. ст. и коммент. С. И. Машинского]. – М.: Гослитиздат, 1949. – 512 с.
3. Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / подгот. текста и прим. Д. Е. Максимова и Г. А. Шабельской. – М.; Ленинград, 1962. – 799 с. – Т. 5
4. Бройтман, С. Н. О чем ты воешь, ветр ночной? / С. Н. Бройтман // Анализ одного стихотворения. «О чем ты воешь, ветр ночной?..» / сб. науч. тр. – Тверь, 2001.
5. Бухштаб, Б. Я. Тютчев / Б. Я. Бухштаб // Бухштаб Б. Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. – Л., 1970.
6. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М., 2008. – 604 с.
7. Воробец, Т. А. Метасюжет преображения как единый семантический код лирики Ф. И. Тютчева: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Воробец. – Омск, 2007. – 151 с.
8. Гиршман, М. М. Архитектоника бытия – общения – ритмическая композиция стихотворного текста – невозможное, но несомненное совершенство поэзии / М. М. Гиршман // Анализ одного стихотворения. «О чем ты воешь, ветр ночной?..» / сб. науч. тр. – Тверь, 2001.
9. Грехнев, В. А. Время в композиции стихотворений Тютчева / В. А. Грехнев // Изв. АН СССР. – Серия: Литература и язык. – 1973. – Т. 32. – № 6.
10. Журавлева, А. И. Стихотворение Тютчева «Silentium!» (К проблеме «Тютчев и Пушкин») / А. И. Журавлева // Замысел, труд, воплощение. – М., 1977. – С. 179 – 190.
11. Зырянов, О. В. Онтология поэтических систем (Пушкин – Тютчев – Лермонтов) и христианская картина мира / О. В. Зырянов // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики) / сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007.
12. Калашникова, А. Л. «Душевный микрокосм» в художественном мире Ф. И. Тютчева: «Silentium!» и «Душа моя, Элизий теней...» / А. Л. Калашникова // Вестник КемГУ. – 2012. – Вып. 1(49). – С. 163 – 168.
13. Касаткина, В. Н. Поэзия Ф. И. Тютчева / В. Н. Касаткина. – М., 1978. – 173 с.
14. Кожин, В. В. Пророк в своем отечестве / В. В. Кожин. – М., 2001. – 416 с.

15. Кошемчук, Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры / Т. А. Кошемчук / отв. ред. В. А. Котельников. – СПб., 2006. – 639 с.
16. Левин, Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева / Ю. И. Левин // Тютчевский сборник: статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. – Таллинн, 1990.
17. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб., 1996. – 848 с.
18. Милорадович, С. Н. Языческая и христианская стихии в поэзии Ф. И. Тютчева / С. Н. Милорадович // Ф. И. Тютчев и православие. – М., 2005.
19. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М., 1991 – 1992.
20. Непомнящий, И. Б. Несобранный цикл Ф. И. Тютчева и проблема контекста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Б. Непомнящий. – Владимир, 2002. – 22 с.
21. Океанский, В. П. Поэтика пространства в русской метафизической лирике XIX в.: Е. А. Баратынский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев / В. П. Океанский. – Иваново, 2002. – 203 с.
22. Петрунина, Н. Н. Проза второй половины 1820 – 1830-х гг. / Н. Н. Петрунина // История русской литературы: в 4 т. – Т. 2. – Л., 1981. – С. 501 – 529.
23. Пумпянский, Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева / Л. В. Пумпянский // Урания. Тютчевский альманах. 1803 – 1928. – Л., 1928.
24. Сузи, В. Н. Принцип «двойного бытия» в поэзии Ф. И. Тютчева / В. Н. Сузи // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. – Петрозаводск, 1992. – Вып. 2.
25. Тарасов, Б. Н. Земное и небесное в творчестве Ф. И. Тютчева / Б. Н. Тарасов // Ф. И. Тютчев и православие. – М., 2005.
26. Топоров, В. Н. Из истории русской литературы: в 2 т. – Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации / В. Н. Топоров. – М., 2003. – 546 с.
27. Топоров, В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. – Т. 1: Первый век христианства на Руси / В. Н. Топоров. – М., 1995. – 875 с.
28. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. – Т. 1: Стихотворения, 1813 – 1849 / отв. ред. 1 тома Л. Д. Громова-Опульская [сост., подгот. текста, коммент. В. Н. Касаткиной]. – Л., 2002. – 528 с.

Информация об авторе:

Калашикова Анна Леонидовна – ассистентка кафедры русской литературы и фольклора КемГУ, anna.kalashnikova.42@gmail.com.

Kalashnikova Anna Leonidovna – assistant lecturer at the Department of Russian Literature and Folklore of KemSU.

УДК 801.161

КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА В РАМКАХ ГИПЕРЖАНРА «DIARY» В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Е. И. Калинина

COMMUNICATIVE STRATEGIES IN MODELING A PRIVATE DIARY AS A SPEECH GENRE IN THE BRITISH LINGUOCULTURE

E. I. Kalinina

Данная статья посвящена выявлению основных стратегических линий авторов личных дневников. Рассмотрение процесса ведения дневника с точки зрения теории элементарных смысловых единиц позволяет определить интенции субъектов речевой деятельности, которые обуславливают выбор стратегий коммуникативного поведения.

The article deals with the strategies used by diarists to achieve their main communicative purpose. Analyzing a diary through the theory of semantic primitives allows us to reveal diarists' intentions which determine the choice of strategies.

Ключевые слова: личный дневник, речевой жанр, коммуникативная цель, коммуникативные стратегии, теория элементарных смысловых единиц.

Keywords: personal (intimate, private) diary, speech genre, communicative purpose, communicative strategies, theory of semantic primitives.

Личный дневник, характеризующийся автокоммуникативной направленностью и интимностью, является базовой жанровой разновидностью дневникового дискурса, послужившей опорой для развития других жанров, также именуемых в настоящее время

дневниками. Несмотря на «взрыв интереса» (А. А. Зализяк) к дневникам, который наблюдается в современных лингвистических исследованиях, среди лингвистов нет единства в определении цели обращения к данному речевому жанру. На наш взгляд, при реше-

нии проблемы определения коммуникативной цели речевого жанра релевантным является анализ мнения носителей жанрового сознания – «пользователей жанра», исследование особенностей метажанровой рефлексии которых обнаруживает наличие интенциональных установок у продуциентов дневникового текста. При этом следует отметить, что при выявлении авторских интенций недостаточно опоры на мнение самих авторов, которые являются носителями «наивного языкового сознания», поэтому при проведении исследования мы обратились и к текстам дневников, что позволило проследить, реализуются ли называемые респондентами интенции в тексте.

Таким образом, целью данной публикации является описание коммуникативной составляющей речевого жанра личного дневника в рамках гипержанра «diary» в британской лингвокультуре. Новизна предлагаемого подхода обусловлена двумя факторами: во-первых, предпринимается попытка моделирования речевого жанра личного дневника как системного когнитивно-социально-коммуникативного образования, описанию последней подсистемы которого и посвящена данная публикация; во-вторых, в качестве материала исследования используются не только корпус дневниковых текстов, относящихся к трём временным срезам – конец XIX, конец XX и начало XXI вв., авторами которых являются британцы, объёмом более 1500 высказываний, но и корпус метажанровых рефлексий, полученных в результате анкетирования представителей британской лингвокультуры, общим объёмом 109 метарефлексий.

Появление личных дневников как социокультурного феномена обычно связывают с возникновением интереса к личности человека. Стремление к самопознанию заставляет людей начинать дневниковую деятельность, хотя не все авторы признают наличие этого мотива, что не является показателем его отсутствия. Так, по мнению О. С. Иссерс, мотивы далеко не всегда осознаются субъектами коммуникации, а мотивировка, приводимая ими, часто не совпадает с реальной [3, с. 57]. Если мы попробуем взглянуть на начало ведения дневников с точки зрения теории элементарных смысловых единиц (также именуемой теорией семантических примитивов, поскольку построение формул, определяющих значение слов, осуществляется на ригористично кодифицированном естественном языке, что обеспечивает «интуитивную доступность и верифицируемость» предлагаемых формул), предложенной для описания речевых жанров А. Вежбицкой, то мы получим следующую ментальную формулу:

пишу, потому что хочу писать

Для начала ведения дневника достаточно просто позвать к письму, к изложению событий своей жизни и своих мыслей на бумаге. Начало дневниковой деятельности не продиктовано никакими внешними обязательствами, субъект либо хочет, либо не хочет писать, и уже на уровне мотивации деятельности проявляется та самая свобода жанра, наличие которой постулируют учёные-философы, занимающиеся изучением личных дневников [7, с. 104; 6, с. 64].

Любая деятельность, в том числе и речевая, совершаемая человеком, подразумевает наличие желания или потребности изменить существующую вокруг

реципиента речи действительность. Поскольку интимный дневник является жанром автокоммуникативным, то реципиентом является сам субъект речи, а изменения, которые могут произойти в результате осуществления данной коммуникативной деятельности, обычно затрагивают его эмоциональную сферу. Дневниковая деятельность всегда продиктована событиями извне, характер которых и влияет на желание начать вести дневник. Ролан Барт, рассказывая о своём единственном продолжительном опыте обращения к личному дневнику, упоминает тяжело протекавшую в то время болезнь его матери [1, с. 249]. Таким образом, дневник как речевой жанр оказывается типологически близким к жанрам исповеди и разговора по душам с присущей им интенцией «выговориться» и получить психологический выигрыш. Артур Понсонби, британский исследователь личных дневников, говорит об утешении как результате ведения дневника, сравнивая этот эмоциональный эффект с ощущениями после молитвы [10, с. 8]. Важной представляется мысль исследователя о полезности дневников, о которой говорят и сами авторы: *a type of therapy; it just helps to clear and relax the mind; it helps me feel better if I am angry, sad, etc; its a good way to get out emotions* (здесь и далее в качестве иллюстративного материала приведены цитаты из нашего исследовательского корпуса высказываний, отражающих метажанровую рефлексия представителей британской лингвокультуры).

Таким образом, мы приходим к выводу, что одной из интенций ведения дневника является достижение психологического комфорта (эта интенция в той или иной мере осознаётся в 38 % от общего числа проанализированных высказываний), однако она не является главенствующей в комплексе интенций, присущих анализируемому речевому жанру, поскольку субъект чувствует эмоциональное облегчение после осуществления записей только определённого типа. В то же время наличие этой интенции помогает продолжить составление сценария ведения дневника в свете теории элементарных смысловых единиц:

пишу, потому что хочу писать,

думаю, что мне станет от этого лучше

Психологический выигрыш автора личного дневника состоит в снятии эмоционального напряжения. Результаты проведённого нами коммуникативного анализа дневниковых дискурсов свидетельствуют о том, что данное интенциональное содержание реализуется в коммуникативной **стратегии достижения эмоционального комфорта**. Следует отметить, что наличие стратегий у авторов дневников объясняется долговременным характером коммуникации и дневником не является одна запись, соответственно и результат, который сознательно или подсознательно желают получить авторы, не является сиюминутным. Достижение результата становится возможным только в масштабах всего текста.

Отношение к дневнику как к психотерапевтической процедуре свойственно не только авторам как носителям бытовой философии коммуникации, но и исследователям, в первую очередь, психологам [8, с. 338 – 346]. Среди авторов дневников можно встретить немало подростков, что отражено в 19 % полученных ответов (*I was 14 when I wrote my first; I have*

some journals tucked away from when i was a teen), которым необходим поиск путей дальнейшего развития жизни, а также нравственных и духовных идеалов и мировоззренческих установок. Сталкиваясь с проблемами в реальной жизни, личности необходимо разобраться в себе, определить свою роль в социальной среде, утвердить себя. Для того чтобы начать разговор о себе и о значимых для себя проблемах, вопросах и темах, необходим соответствующий настрой. Авторы личных дневников обычно считают свои тексты привлекательными для прочтения своими родственниками и знакомыми, что в итоге выражается в наличии страха и тревоги из-за возможного обнаружения и прочтения их дневников. Стратегия достижения эмоционального комфорта призвана максимально снизить напряжение, которое может возникнуть у автора, и создать наиболее благоприятные коммуникативные условия. К подобным условиям можно отнести использование языкового кода, который призван обеспечить сохранность информации (здесь и далее анализируемые примеры дневниковых записей приводятся с использованием собранного нами текстового исследовательского корпуса).

1). *Capt'n P said he understood I showed great attention to one or two of the female portion of the party, I am afraid my conscience tells me who one of them was, a passing fancy.*

Капитан П. сказал, что заметил, как я уделяю много внимания двум представительницам женского пола на вечеринке, боюсь, что моё сознание говорит мне, кем была одна из них, мимолётное увлечение.

Так, говоря о девушке, к которой он испытывает сильную симпатию, автор дневника избегает называния её имени. Это единственный человек, чьё описание в дневнике всегда обходится без упоминания имени или инициалов. Очевидным в таком случае кажется как наличие чувств к этой девушке, так и желание не выдать себя (авторы дневников всегда допускают возможность, часто для них нежелательную, прочтения своих текстов третьими лицами). Сам автор дневника знает, что именно ему говорит сознание, но не считает нужным фиксировать эти сведения.

2). *I cannot here put down the reason for it, but my life is a misery to me.*

Я не могу здесь обозначить причину этого, но моя жизнь для меня – страдание.

Создание комфортных для общения с собой психологических условий включает тактику умолчания, сокрытия некоторой информации (*I cannot here put down the reason for it*). Потребность в разговоре, желание высказаться довольно явно ощущается авторами, отсутствие же в их жизни человека, которому они могли бы довериться, побуждает их к письму, что отражено в 27 % метарефлексий (*if something is bothering you and you can't speak to someone about it then its good to see it on paper and write down your feelings*). Этот факт также необходимо отразить при моделировании речевого жанра:

пишу, потому что хочу писать

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом

думаю, что мне станет от этого лучше

Поскольку осуществление самопознания возможно только в процессе общения, то автору дневника приходится искусственно конструировать коммуникативную среду, выстраивая диалог с самим собой. На исполнение этой задачи направлена **диалогическая стратегия**, которая в рамках речевого жанра личного дневника может быть названа псевдодиалогической. Обращение к самому себе не является привычным, поэтому некоторые авторы придумывают «воображаемого адресата», в роли которого может выступать материальный субстрат, служащий объектом для записей (тетрадь, блокнот, альбом). Поскольку субстрат не обладает воспринимающим сознанием, то он не может рассматриваться как прямой адресат. Таким образом, стратегия диалогизации (псевдодиалогизации) представляет собой планирование и реализацию системы коммуникативных действий, обеспечивающих имитацию естественной коммуникативной ситуации, предполагающей наличие двух антропоцентрических коммуникации.

3). *I now write a few lines to say that Isabel was yesterday taken with the measles which today have "come out beautiful" to use a household expression for her face is one mass of red blotches and she is very sick, but Dr Dansey says she is progressing favourably.*

Я сейчас пишу несколько строк, чтобы сказать о Изабелл, которая вчера заболела корью, а сегодня «проснулась красавицей», выражаясь нашим домашним языком для описания её лица, представляющего собой массу красных пятен, она очень больна, но доктор Дэнси говорит, что она поправляется.

Диалогичность в рамках данного речевого жанра может проявляться в толковании информации, хорошо знакомой автору и незнакомой читателю. Автор дневниковой записи объясняет значение выражения (*"come out beautiful"*), рассказывая как о том, кем оно употребляется (*household expression*), так и о том, для чего. В момент осуществления записи фраза *"come out beautiful"* понятна для автора, он знает и о предпосылках её появления в домашнем обиходе (болезнь сестры). Личный дневник же предполагает отсроченное во времени общение с самим собой, пояснения в таком случае делают текст понятным для автора в будущем.

Личный дневник как эго-текст центрирован вокруг субъекта, поэтому вся информация, представленная в дневнике, непосредственно связана с жизнью самого автора: если он жалуется, то на свои проблемы, если осуждает, то людей его окружающих и т. д. Модель речевого жанра, таким образом, дополняется ещё одной формулой:

пишу, потому что хочу писать

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом

пишу о том, что происходит в моей жизни

думаю, что мне станет от этого лучше

Иначе говоря, начиная вести личный дневник, автор определяет сам для себя, о чём и как он будет писать, то есть осуществляет выбор **нарративной стратегии** (стратегии создания текста). В любом дневнике автором осуществляется активное осмысление и обработка информации, появляющейся в результате взаимодействия с окружающим миром. Дневник по-

могает обработать этот непрерывный поток информации наиболее удобным для себя способом.

4). *Went this evening to Cremorne gardens, not a bad place for fun, but expensive. Plenty of women, and bad drink.*

Был этим вечером в Креморнских садах, неплохое место, чтоб повеселиться, но дорогое. Много женщин и плохая выпивка.

Акцентируя внимание только на важных для себя моментах (женщины, выпивка, веселье), Рейф Нёвилль, автор дневниковой записи, не вдаётся в подробное описание места. Отрывочность и фрагментарность изложения облегчают восприятие информации. В сферу интересов автора входят именно перечисленные им вещи, и эта информация может оказаться ему полезной в будущем (например, сообщение о дороговизне места).

Нарративная стратегия предполагает выбор стиля повествования, содержания записей и набора субжанров, используемых для изложения информации, а также тяготение к определённым типу речи. Набор субжанров, появляющихся на страницах дневника, довольно разнообразен. В дневнике Нёвилля нередко можно столкнуться с жалобой:

5). *I have to live in such a miserable manner, I owe some £20 or so & how the devil I am to pay it I don't know, I have given up the sitting room at Blomfield St, I have kept the bedroom at 8/- a week as the first economic step; in spite of being so often told at home that my pay &c ought to keep me well I don't find it any such case, as tho' I have not been at all extravagant, I am so hard up that I have no money, not a sound boot to my foot, & clothes becoming very shabby – I suppose things will right themselves eventually, but, it is beastly unpleasant now.*

Мне приходится жить так убого, я должен около 20 фунтов, и я не знаю, как, чёрт возьми, я их верну, я отказался от гостиной на улице Бломфилд, я живу в спальне на 8/- неделю в целях экономии, несмотря на то что мне так часто дома говорят, что моих денег должно хватать на хорошую жизнь, я не вижу, как это можно устроить, ведь хотя я совсем не был расточительным, я очень стеснён в средствах, у меня нет приличной обуви, одежда уже изнашивается – полагаю, всё само образуется в итоге, но сейчас это чертовски неприятно.

Говоря о том, что плохого происходит в его жизни, субъект речи предстаёт несчастным человеком, находящемся в подавленном состоянии, и надеется на сочувствие. Рейфу не приходится надеяться на сочувствие со стороны членов своей семьи, которые не видят его проблем с деньгами (*being so often told at home that my pay &c ought to keep me well*), поэтому он находит утешение в дневнике, рассказывая о своих трудностях самому себе. Синтаксическая организация предложения делает его сложным для восприятия, что может свидетельствовать о повышенной эмоциональности в момент написания. Местоимение *I* встречается в приведённом высказывании одиннадцать раз, что позволяет привлечь внимание к тому факту, что всё

вышеперечисленное выпало именно на долю автора. Жалоба предполагает восприятие себя как страдальца, то есть человека, не заслужившего трудностей.

Обращение к тем или иным субжанрам, являясь проявлением коммуникативного поведения личности, содержит информацию о субъекте речи и о его эмоциональном состоянии в момент осуществления речевой деятельности. К примеру, представление информации в виде жалобы свидетельствует о постоянном подавленном состоянии Нёвилля о недостатке внимания и понимания к нему со стороны окружающих, характеризует его как человека, не способного решать свои проблемы.

Личный дневник предполагает регулярное обращение к записям на протяжении долгого периода времени (*I'm going to keep my journals forever*), что может оказывать влияние на модификацию целей и мотивов автора, таким образом, текст, существующий в контексте личности автора, изменяется вместе с ним. Дневники известных людей привлекают внимание аудитории, поскольку по ним можно узнать не только о подробностях жизни интересной исторической личности, но и проследить процесс её становления. Ещё одна цель, выделяемая самими авторами дневников (24 % респондентов постулируют её наличие), связана с запоминанием той или иной важной информации (*it helps me to remember the different problems I went through; I want to be able to remember certain moments*).

Важным представляется следующий момент: авторов, возвращающихся к чтению своих записей, интересуют не столько события, происходившие в их жизни в описываемый период времени, сколько то, какими они были, и те изменения, которые произошли с тех пор в них самих. Следовательно, рассказывая о чём-то, авторы тем самым готовят своё восприятие себя, конструируют Я-образ для себя же, но для себя не настоящего, а будущего. Доказательством наличия Я-образа как продукта дневниковой деятельности служат слова самих субъектов этой деятельности (*I can read them and remember what I was like when I was younger; later look back and see how you've changed.....and how you're the same*).

пишу, потому что хочу писать

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом

пишу о том, что происходит в моей жизни

думаю, что мне станет от этого лучше

думаю, что в будущем захочу узнать, каким я был

Таким образом, метаинтенцией дневниковых текстов можно считать осмысление себя, результатом которого является конструирование своего Я-образа. А. Понсонби называет это «a detached point of view of himself» [10, с. 7]. Речевые жанры, будучи полиинтенциональными по своей природе [9, с. 15], всё же предполагают некую общность иллокутивной силы, что проявляется в наличии макроцели, которая и выступает формирующим речевой жанр основанием.

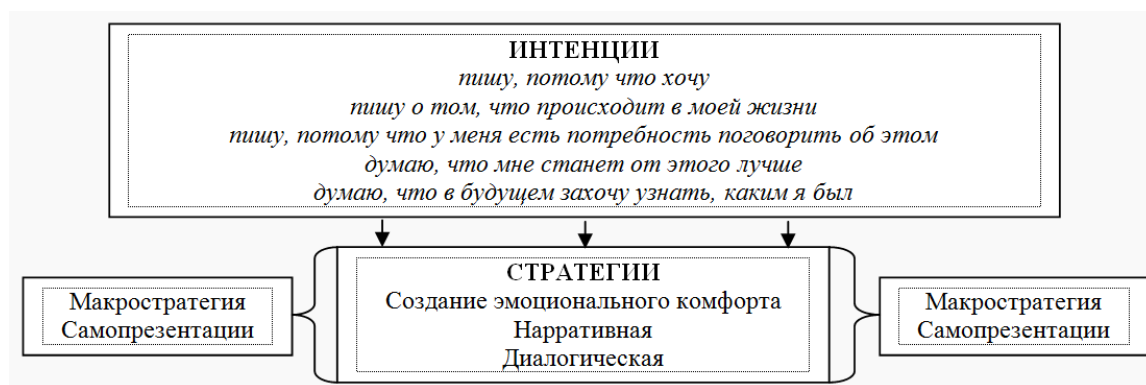

Рис. 1. Коммуникативная составляющая модели РЖ личного дневника в рамках гипержанра «diary»

Создание Я-образа как цель проявляется на каждой странице дневника, иными словами, достижению данной цели способствует само обращение к речевому жанру личного дневника. Каждая из оставляемых записей в личном дневнике вносит свой вклад в целостное восприятие автора, поскольку речевые действия, осуществляемые им, содержательно наполнены и дополняют его Я-образ, раскрывающийся по мере накопления записей во временной последовательности. Макростратегией, обеспечивающей реализацию главной цели дневниковой деятельности, в таком случае выступает стратегия самопрезентации, действия по реализации которой детерминируют такие жанрообразующие признаки личного дневника, как высокая степень субъективации повествования, сопряжённая с выражением собственных оценок, отсутствие строгих жанровых канонов, следование идиостиллю как основе подачи информации и текстовой организации. Я-образ в дневниковом тексте является стержнем, скрепляющим дневниковые записи (и содержательно, и стилистически). О чём бы субъект не рассказывал, какие бы события не упоминал, какие бы языковые единицы ни использовал, всё это, в первую очередь, характеризует его самого, он предстаёт перед читателем

(которым может являться и сам) в различных ипостасях, акцентируя внимание на тех или иных чертах своей личности.

Таким образом, мы можем схематично представить коммуникативную составляющую модели речевого жанра личного дневника в рамках гипержанра «diary» как взаимодействие трёх составляющих: интенций, макростратегии и частных коммуникативных стратегий (рис. 1).

Мы рассматриваем полиинтенциональный речевой жанр – личный дневник – в русле современной прагматической парадигмы, о которой говорит В. И. Карасик, рассуждая о человеке в аспекте его коммуникативного поведения [5, с. 45]. Дневник является коммуникативной деятельностью, обладающей своими мотивами, целями, стратегиями и способами их реализации. Авторские интенции, которые отражены в сценарии речевого жанра, рассмотренном в категориях семантических примитивов, реализуются в трёх основных коммуникативных стратегиях, которые, будучи рассмотрены в совокупности, реализуют в рассматриваемом речевом жанре макростратегию самопрезентации.

Литература

1. Барт, Р. Дневник / Р. Барт // Р. Барт. Ролан Барт о Ролане Барте. – М.: Сталкер, 2002.
2. Вежбицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / А. Вежбицка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 68 – 80.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Зализняк, А. Дневник – к определению жанра / А. Зализняк // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 106. – С. 162 – 180.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Летягин, Л. Н. Личный дневник: самосознание жанра / Л. Н. Летягин // Серия Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена Общественные и гуманитарные науки (философия, языковедение, литературоведение, экономика, право, история, социология, культурология). – 2008. – № 10(56).
7. Пигров, К. С. Скриптитизация авось-бытия, или Апология интимного дневника / К. С. Пигров // Философские науки. – 2008. – № 8.
8. Рейноутер, Дж. Ведение дневника / Дж. Рейноутер // Психология человеческих проблем: хрестоматия / сост. К. В. Сельчонок. – Минск: Харвест, 1998.

9. Askehave, Inger. Communicative purpose as genre determinant / Inger Askehave // Hermes. Journal of Linguistics. – 1999. – No. 23.
10. Ponsonby, Athur. English diaries: a review of English diaries from the sixteenth to the twentieth century with an introduction on diary writing / Athur Ponsonby. – Methuen, 1923. – 447 p.

Информация об авторе:

Калинина Екатерина Игоревна – аспирантка кафедры французского языка и методики преподавания Кузбасской государственной педагогической академии, г. Новокузнецк, 8-906-932-7790, iv.moro@mail.ru.
Kalinina Ekaterina Igorevna – post-graduate student at the French Language and Teaching Methodology Department of Kuzbass State Pedagogical Academy, Novokuznetsk.

УДК 811.111

СФЕРЫ-ИСТОЧНИКИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ В. А. Каменева, А. М. Тупикова

SPHERE-SOURCES OF METAPHORICAL EXPANSION IN GERMAN ADVERTIZING FOR CHILDREN V. A. Kameneva, A. M. Tupikova

В статье проанализированы свойства, позволяющие метафоре выступать действенным средством воздействия и манипуляции в дискурсе рекламы, направленной на детскую целевую аудиторию. На материале метафор, извлеченных из немецкоязычных рекламных сообщений, были выявлены сферы-источники метафоризации и установлена их иерархия.

The features that allow the metaphor to be a productive means of influence and manipulation in the advertizing discourse aimed at children are analyzed in this article. Sphere-sources of metaphorical expansion as well as their hierarchy were determined on the basis of the metaphors, taken from German advertisements.

Ключевые слова: метафора, сфера-источник, сфера-цель, рекламный дискурс.

Keywords: metaphor, sphere-source, sphere-target, advertising discourse.

Метафора является частотным тропом в рекламе для взрослых [9; 10]. Как представляется, определенные сущностные и функциональные особенности метафор, используемых в рекламе товаров и продуктов для детской целевой группы, могут выступать действенным средством формирования и структурирования модели восприятия детьми рекламируемых товаров и социального контекста. Как известно, покупателя необходимо «взрастить». У ребенка – будущего основного покупателя – помимо прочего, необходимо сформировать значимые, нужные для заказчиков рекламы потребности и взгляд на социальный контекст. Рассмотрим лингвистический и прагматический аспекты данного стилистического средства, обуславливающие релевантность его применения в рекламе с этой целью.

Различные точки зрения на природу, строение и функции метафоры можно распределить в рамках трех существующих подходов. Согласно сравнительному подходу, метафора – троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе сравнения или по аналогии [11]. Иными словами, метафора рассматривается как усеченное сравнение. Субституциональный подход к трактовке метафоры заключается в том, что метафора рассматривается как вид тропа, в процессе которого идет перенесение свойств одного предмета (явления или аспекта бытия) на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту [13, с. 31 –

47; 14, с. 175 – 180]. Разделяемый нами интеракционистский подход заключается в том, что в процессе метафоризации к главному субъекту прилагается система свойств и ассоциируемых импликаций, связанных со вспомогательным субъектом [3, с. 68 – 81; 5, с. 44 – 67]. Под упомянутыми импликациями понимаются закрепленные и/или закрепляемые ассоциации, связываемые в сознании адресатов сообщения со вспомогательным субъектом.

Как известно, метафоры способны оказывать воздействие на ассоциативное мышление и выступать средством манипулирования сознанием и мыслительными процессами [7]. В процессе метафоризации идет отбор, акцентирование и организация некоторых характеристик главного субъекта и устранение других, в результате чего наблюдаются сдвиги в значении слов [12].

Метафоры обладают способностью определять действительность. Это осуществляется следующим образом: посредством метафоры фиксируется внимание только на тех сторонах опыта, которые она высвечивает и приводит к суждениям об истинности ее следствий. При этом данные следствия могут быть истинными только относительно той реальности, которая определяется этой метафорой [2, с. 126 – 170].

Таким образом, метафоры позволяют как делать акценты на определенных свойствах или качествах объекта, так и приписывать ему несвойственные характеристики. Для метафорического обозначения дей-

ствительности важна не истинность ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании говорящего и слушающего [6, с. 127 – 135].

Упомянутое свойство метафоры воспроизводить либо устанавливать и закреплять ассоциативные характеристики за метафоризируемым объектом, явлением позволяет использовать метафору в анализируемой рекламе с целью воздействия на восприятие ребенком той или иной информации, подаваемой в рекламном дискурсе.

Рассмотрим, какие особенности генезиса и функционирования метафоры могут стимулировать ее использование в качестве значимого средства воздействия на восприятие ребенком тех или иных социальных реалий посредством рекламы.

Важным представляется тот факт, что метафора представляет собой один из значимых механизмов формирования и корректировки языковой и концептуальной картины мира [4, с. 8 – 69].

Кроме того, метафоры играют важную роль в познании. Мы воспринимаем себя, окружающих, прибегая к метафорам и руководствуясь ими. «Во всех сферах жизни мы определяем реальность на языке метафор, а затем начинаем действовать в соответствии с ними. Мы выводим следствия, определяем цели, принимаем обязательства, реализуем планы – и все это на основе частичного структурирования опыта, осознанно или неосознанно осуществляемого нами посредством метафор» [15]. При этом не следует игнорировать то, что руководство метафорами при восприятии окружающего мира имеет некоторую специфику. Пользуясь метафорами при восприятии информации, мы зачастую наделяем объект метафоризации несвойственными ему чертами и характеристиками. «Метафоры заставляют нас фиксировать внимание только на тех сторонах опыта, которые они высвечивают, но и приводят нас к суждению об истинности ее следствий» [там же, с. 146]. Метафоры «соблазняют нас думать, что то, на что они намекают, существует в действительности». Они наталкивают нас на мысль, что «свойства, присущие каким-либо объектам метафоры, также присущи и другим ее объектам» [16].

Для анализируемого типа рекламы важно еще то, что «с помощью метафор сложное предметно-логическое содержание часто бывает представлено образной ассоциацией, которое псевдоконкретизируется и субъективно-аффективно комментируется» [1]. Соответственно, нами выстраиваются причинно-следственные связи там, где в действительности их нет. Метафоры помогают сконструировать связь событий или явлений, которые в действительности не связаны.

Иными словами, метафоры способны воздействовать на социальные реалии, то есть приводить к социальным последствиям, оказывая влияние на восприятие метафоризируемых объектов, явлений и действий.

Обратимся к материалу нашего исследования. Исследование проводилось на материале Интернет-рекламы товаров для детей разных возрастных групп. По данным эксперимента Е. А. Кричевец, степень понимания метафор детьми разных возрастных групп неодинакова: у детей с типичным развитием общий

показатель понимания метафор возрастает с 43,2 % (у детей 5 лет) до 91,4 % (в 4 классе) [10]. Таким образом, дети-дошкольники испытывают значительные трудности с интерпретацией метафоры, способность воспринимать метафорический текст стремительно возрастает у младших школьников и, начиная со среднего школьного возраста, ребенок способен более свободно интерпретировать метафоры. Отобранный материал был условно разделен на группы по возрасту адресата рекламного продукта: дошкольный (реклама 46 товаров), младший школьный (18 товаров), средний и старший школьный (4 товарных продукта). Возраст адресата определялся по указанию на возраст на самом рекламном сайте (подобные указания часто сопровождают рекламу товаров для детей дошкольного возраста); либо по указанию на возраст на сайте об этом продукте, например, на страничке Википедии; либо по тематике продукта (если указания на возраст найти не удалось, что часто происходит в случаях с товарами для подростков). Предположительно, количество метафор в тексте рекламы зависит от возраста ребенка, которому адресован её текст. Из 43 (100 %) метафор в тексте рекламы для дошкольников встречается 6 (14 %) метафорических тропов, реклама для младших школьников содержит 13 (30 %) метафор, средние и старшие школьники сталкиваются с метафорой 24 раза (56 %). Таким образом, текст рекламы для детей среднего и старшего школьного возраста более насыщен метафорой, чем текст рекламы для младших школьников и дошкольников.

Обратимся к тематике рекламного текста. В анализируемой рекламе внимание уделяется различным областям жизнедеятельности ребенка: общению со сверстниками, учебе, здоровью и питанию, спорту и поддержанию тела в тонусе, свободному времени и вечеринкам, моде и стилю. Рассмотрев общие направления метафоризации в немецкоязычной рекламе, мы выявили следующие сферы-источники: 1) организм или живое существо; 2) смерть; 3) потусторонний мир; 4) морская тематика; 5) государство и правители прошлого; 6) образование; 7) животные.

В рекламе, направленной на детскую целевую группу, чаще всего метафоризация осуществляется при помощи сферы-источника «организм или живое существо». Собственное тело – это то, с чем ребенок постоянно сталкивается, оно, с одной стороны, интересуется его, постоянно изменяясь, с другой стороны, является понятным и близким. Метафоры из этой сферы наиболее доступны детям. Кроме того, производитель обращается к этой сфере, говоря о восприятии продукта адресатом рекламы. Подчеркивается, что продукт рассматривается широко открытыми глазами, курс оставляет настолько сильное впечатление, что «заходит под кожу» (нем. *geht unter die Haut*), и привлекательность шопинга для юной особы настолько высока, что это сравнимо с глубиной глотки (нем. *Shopping-Schlund*). Тем самым производитель рекламного продукта программирует реакцию на рекламный продукт и усиливает эффективность рекламы. Ср.:

1. Also **Augen auf!** – Итак, смотрим во все глаза!
2. Eine spannende Detektiv-Ausbildung **geht unter die Haut!** (букв. заходит под кожу) – Увлекательный

курс начинающих детективов произведет очень сильное впечатление!

3. Mehrere Aufgaben gleichzeitig zu **knacken** (букв. раскусить). – Решить одновременно больше заданий.

4. Und nach der Schule? Ab in den Shopping-**Schlund!** (букв. в шопинг-глотку) – А после школы? Вперед на шопинг!

5. Der lecker **knubbelige** (от Knubbel – толстячок, пузан) Knusperriegel. – Вкусный, пузатенький, хрустящий батончик.

6. Aber zum Glück habe ich eine tolle Familie und **wahnsinnig** tolle Freunde, die mich immer wieder in Lot bringen! – Но, к счастью, у меня есть **безумно** классные друзья, которые не дают мне расслабиться.

7. Spiele **verrückte** Bubbles! – Играй с **сумасшедшими** шариками!

8. Das **schmeckt** nach Spaß. – **Попробуй** удовольствие **на вкус**.

Второе место по количеству обращений производителей рекламного продукта занимает сфера-источник метафорической экспансии «смерть». Смерть как явление, часто спонтанное, непознанное, всегда привлекала взрослых и детей. Подросткам свойственны размышления о жизни и смерти. Интерес к этим темам находит свое отражение в подростковой субкультуре. Для некоторых подростков смерть является привлекательной, имеет ореол таинственности, некоторые воспринимают смерть как фетиш. Рынок отреагировал на интерес к теме смерти появлением мультсериала и серии кукол и игрушек Monster High. Рекламный сайт, поддерживающий интерес к сериалу и куклам, содержит описания героев, ситуаций, в которые они попадают. При этом в большом количестве употребляются метафоры смерти, преимущественно в качестве усилительных слов. Ср.:

1. Cheerleader-Casting – **todernste** (букв. смертельно серьезный) Angelegenheit! – Кастинг черлидеров – очень серьезное обстоятельство!

2. Mit **schrecklich** (букв. ужасно) süßen Haustieren. – С очень прелестными домашними питомцами.

3. Diese **schaurig** (букв. **жутко, зловеще**) schönen Anhänger. – Это очень красивая подвеска.

4. Wer ist der **schaurigschönste** Star? – Кто здесь ужасно красивая звезда?

5. Garantiert verschwiegener als jede **Gruft** (букв. более молчаливый, чем могила)! – Гарантированно умеет хранить секреты!

6. **Zum Sterben** (букв. до смерти) stylische Outfits. – Очень стильные наряды.

7. **Zu Tode** (букв. до смерти) erstarrt. – Стоял как вкопанный.

Чуть менее частотным источником метафорической экспансии является сфера «потусторонний мир». Интерес детей к потустороннему миру также обусловлен непохожестью этого мира на наш вещный мир. Поэтому монстры, черты и другие обитатели этого мира часто являются героями детских игр, сериалов, мультфильмов. В детской интерпретации они наделяются привлекательными чертами: они смешные, добродушные, неуклюжие, смеются над своей непохожестью на людей. Рай – это тоже потусторонний мир, потребительским раем обычно называют место, где человек получает все, что хочет. В рекламе игры

Superbia город, в котором происходит действие игры, называется раем для любителей гламура и приключений. Тем самым подчеркивается, что игра – это мир, где можно осуществить все желания, что, без сомнения привлечет внимание маленьких потребителей. Кроме того, в рекламе эксплуатируется популярный сейчас образ человека, жизнь которого состоит из заботы о своем внешнем облике и приключений, любителя легкой жизни. Видя эти образы в большом количестве на экране, ребенок с удовольствием воспользуется возможностью погрузиться в этот мир с помощью игры. Ср.:

1. Ein **monstercooler** (сложное слово: монстр + классный) Schminktisch. – Очень классный туалетный столик.

2. Ein **monsterschräges** (сложное слово: монстр + кривой, необычный) Schulfreundbuch. – Неординарный дружеский дневник.

3. Aber Bekka schmiedet schon **teuflisch** (букв. чертовски) fliese Rachepläne. – Но Бэкка готовит уже чертовски коварные планы мести.

4. Disney-Superbia ist ab jetzt dein **Glamour- und Abenteuerparadies** (букв. гламурный и приключенческий рай)! – С сегодняшнего дня Disney-Superbia – это рай для любителей гламура и приключений!

Одной из наиболее частотных сфер метафоризации является сфера-источник «морская тематика». Обращаясь к данной понятийной сфере, производитель рекламы подчеркивает, что потребитель погрузится в мир продукта с его положительными свойствами, что он будет окружен сказочным, увлекательным, как вода окружает любой предмет, погружаемый в неё. Выбор данной исходной понятийной сферы способствует положительному восприятию продукта, так как пребывание на морском побережье – часто самые незабываемые дни в жизни ребенка, они ассоциируются с отдыхом от учебы, новыми впечатлениями, друзьями, возможно, первым романтическим опытом. В рекламе потребитель погружается в увлекательный мир героев сериала, сказочный мир принцессы, в пенные горы с цветочным ароматом. Ср.:

1. **Tauche ein** in die spannende Welt der Detektivfreunde und löse deinen ersten Fall! – **Порпуйсь** в увлекательный мир детективов и раскрой свое первое преступление!

2. Aber zum Glück habe ich eine tolle Familie und wahnsinnig tolle Freunde, die mich immer wieder **in Lot** (букв. отвесно) bringen! – Но, к счастью, у меня есть безумно классные друзья, которые приведут меня в порядок!

3. Kommt mit in das wunderschöne rosafarbene Traumschloss, **taucht** in die Märchenwelt der fröhlichen Prinzessin **ein**. – Тебя ждет прекрасный, как в мечтах, розовый замок, **погрузись** в сказочный мир принцессы.

4. **Taucht ein** in cremige Schaumberge mit Glitzer und blumigen Düften. – **Погружись** в сверкающие горы пены, манящие цветочными ароматами.

Реклама для детей часто обращается к сфере-источнику метафорической экспансии «государство и правители прошлого». История и исторические личности окружены для современников ореолом тайны, раньше все было иное, и эта инаковость притягивает

маленьких потребителей, возбуждает любопытство. Истории про королей и принцесс, про загадочный мир замков детям часто рассказывали в более раннем возрасте. Напоминание о прошлом – известный прием создать у потребителя позитивный настрой на продукт, так как былое остается в человеческой памяти положительно окрашенным. Кроме того, исключительность правящих кругов всегда притягивает к себе. И если сегодня человек у власти – такой же, как все, но избранный народом, то в давние времена подчеркивалось благородное происхождение королей и царей, благородное происхождение было редким преимуществом по рождению. Право принадлежать к благородным особам предлагается современным маленьким потребителям создателями рекламного продукта вместе с самим продуктом. Ср.:

1. Der, der die meisten Karten hat, ist der **Ratekönig** (сложное слово угадывать + король)! – Кто угадал больше всех карт, тот король!

2. Traumhafte Pflege für kleine **Prinzessinnen**. – Упоительный уход для маленьких **принцесс**.

3. Kommt mit in das wunderschöne rosafarbene **Traumschloss** (сложное слово: замок мечты), taucht in die Märchenwelt der fröhlichen Prinzessin ein. – Тебя ждет прекрасный, как в мечтах, розовый замок, погрузись в сказочный мир принцессы.

4. Sie verwandeln das Badezimmer in ein **schillerndes Reich** (букв. переливающееся разными цветами царство) der Fantasie und Sauberkeit. – Ванная превращается в сверкающий мир фантазии и чистоты.

Сфера-источник «образование» может рассматриваться как частотный источник метафоризации в рекламе товаров для детей. Данная сфера близка всем детям школьного возраста, так как все они обязаны посещать школу. В школе дети получают знания, удовлетворяют свое любопытство, кроме того, школа – место общения детей со сверстниками, в целом положительные ассоциации, связанные со школой переносятся на рекламируемый продукт. Особенно привлекателен для школьников аттестат – документ, получением которого завершается долгий срок обучения к школе. В рекламе потребителю предлагается пройти курс обучения на детектива, получить удостоверение детектива и пройти повышение квалификации на звание супер-детектива. Ср.:

1. Hier warten eine spannende **Detektivausbildung** (сложное слово: образование детектива) und eine aufregende Rallye auf dich. – Здесь тебя ждут увлекательный курс начинающих детективов и ралли.

2. So machst du zum Beispiel in der ersten Woche deine 5 Freunde-**Detektiv-Grundausbildung** (сложное слово: начальное образование детектива). – Так, на первой неделе ты пройдешь курс начинающих детективов вместе с героями сериала «5 друзей».

3. In der zweiten Woche gibt es dann die **Superdetektiv-Fortbildung** (сложное слово: повышение квалификации супер-детектива) und dein **Detektivausweis** (сложное слово: паспорт детектива) bekommt ein zusätzliches Zertifikat. На второй неделе ты пройдешь повышение квалификации на звание супер-детектива и получишь дополнительный диплом.

К группе частотных сфер-источников метафоризации относим сферу «животные». Домашние и дикие

животные – одна из тем, в которую дети погружаются, читая первые книги. Животные в доме призваны научить детей заботиться о слабом, быть ответственным. Повадки диких животных с удовольствием изучаются ребенком на уроках в школе, поход в зоопарк – излюбленный способ времяпрепровождения детей. Поэтому тема животных, эксплуатируемая производителями рекламы, является выгодным тематическим обрамлением разговора о рекламируемом продукте. Ср.:

1. Milley wird von ihrem Vater aufs Land geschickt. **Zwischen Hühnern und Pferden** beginnt für sie ein spannendes Abenteuer. – Отец отправил Милли в деревню. **Среди куриц и лошадей** начинается её увлекательное приключение.

2. Bei welchem Essen kriegt man **Gänsehaut** (букв. гусиная кожа)? – От какой еды у тебя мурашки?

3. Die fruchtigen Düfte und bunten Farben entführen kleine **SauBären** in eine Welt voller Abenteuer. – Сочные ароматы и яркие краски уводят маленьких **медвежат** в мир полный приключений.

Согласно проведенному исследованию, непродуктивными источниками метафорической экспансии можно считать следующие сферы: СМИ (примеры 1, 2), война, автоспорт, путешествия, кузнечное дело:

1. Im TOGGO Sommercamp erlebst du **TOGGO live** (букв. в прямом эфире). – В летнем лагере TOGGO ты ощутишь пульс TOGGO.

2. Disney-Superbia ist eine aufregende, kostenlose **Online-Welt** (букв. в режиме онлайн). – Disney-Superbia – это волнующий бесплатный мир в сети.

3. „**Attacke und Vollgas**“ ist angesagt. – «**В атаку и полный газ**» – наш девиз.

4. „**Attacke und Vollgas**“ ist angesagt. – «**В атаку и полный газ**» – наш девиз.

5. Sanfte Pflege für kleine **Abenteurer** (букв. путешественник, авантюрист)! – Нежный уход для маленьких любителей приключений!

6. Aber Bekka **schmiedet** (букв. кует) schon teuflisch fliese Rachepläne. – Но Бэка строит уже коварные планы мести.

В рамках данной статьи была предпринята попытка выявить на основе анализа сфер-источников метафорической экспансии механизмы формирования моделей восприятия детьми рекламируемых товаров с помощью акцентуации определенных свойств и качеств продукта при создании Интернет-рекламы. Кроме того, было установлено, что в целом метафора не является частотным тропом в рекламе, обращенной к детям, в отличие от рекламы для взрослых. Подобный способ создания дополнительных значений и смыслов труден для понимания ребенком. Как показало исследование, использование в рекламе метафорических элементов сферы «человек и живой организм» чаще всего притягивает внимание детей. Это можно объяснить их интересом к собственному телу – телу ребенка и взрослого человека. Среди детей среднего и старшего школьного возраста велик интерес к теме смерти и потустороннего мира, что выражается в элементах субкультуры и эксплуатируется производителями товаров для детей при создании рекламного продукта. Использование морской тематики и элементов из сферы «образование» позволяет перенести на продукт положи-

тельные эмоции, связанные с познанием, общением со сверстниками, каникулами и отдыхом на морском побережье. Сфера «государство и правители прошлого» позволяет внушить потребителю его исключительность в наше время, когда благородное происхождение не

является гарантией социальной успешности личности. Сфера «животные» напоминает потребителю о незабываемых моментах общения с домашним питомцем или посещения зоопарка.

Литература

1. Будагов, Р. А. Язык и культура: хрестоматия: в 3 ч. / Р. А. Будагов; сост. А. А. Брагина, Т. Ю. Загрякина. – М.: Добросвет, 2001. – Ч. 1: Теория и практика. – 192 с.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия / общ. ред. В. В. Петрова. – Благовещенск, 1998.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990.
4. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.
5. Ричардс, А. А. Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990.
6. Тармаева, В. И. Метафорические именные словосочетания / В. И. Тармаева // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: сб. материалов регион. науч.-практ. конф. / под ред. И. Д. Лаптевой. – Новокузнецк, 2004.
7. Воронова, Н. С. Политическая метафора в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Воронова. – М., 2003. – 18 с.
8. Кричевец, Е. А. Способность понимать метафоры детей младшего школьного возраста с типичным и отклоняющимся развитием: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. А. Кричевец. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова – 2009. – 27 с.
9. Бернадская, Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов / Ю. С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
10. Имшинецкая, И. Креатив в рекламе / И. Имшинецкая. – М.: РИП-Холдинг, 2005. – 174 с.
11. Bain, A. English composition and rhetoric / A. Bain. – Delmar; Nev York: Scholars' Facsimilies and Reprints, 1996. – 343 p.
12. Black, M. Models and metaphors: studies in language and philisopy / M. Black. – London: Ithaca; Nev York; Cornell University Press, 1962. – 267 p.
13. Davidson, D. What metaphors Mean / D. Davidson // Critical Inquiry. – Chicago: University of Chicago Press, 1978. – № 5.
14. Goodman, N. Metaphor as moonlighting / N. Goodman // On Metaphor / in S. Sacks (eds.). – Chicago : University of Chicago Press, 1979.
15. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
16. MacCormac, E. R. A Cognitive theory of metaphor / E. R. MacCormac. – Cambridge: Mass. MIT Press, 1985. – 254 p.

Информация об авторах:

Тупикова Анна Михайловна – ассистентка кафедры немецкой филологии КемГУ, 8-923-616-5884, ann_t83@mail.ru.

Tupikova Anna Mikhailovna – assistant lecturer at the Department of Germanic Philology of KemSU.

Каменева Вероника Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8-951-616-6518, russia_science@mail.ru.

Kameneva Veronika Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of English Philology № 1 of KemSU.

УДК 801.73

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
(на материале повести А. С. Пушкина «Метель»)
Т. А. Карпинец

TIME AND THE LANGUAGE MEANS OF ITS REPRESENTATION
(as revealed in A. S. Pushkin's "Blizzard")
T. A. Karpinets

В статье рассматривается художественное время как универсальная категория семантического пространства текста. Анализируются традиционные представления о времени и их языковая репрезентация в конкретном художественном произведении.

The article focuses on time as the universal category of semantic space of the text. Traditional ideas of time and their language representation in the particular work of art are analyzed.

Ключевые слова: художественное время, семантика, темпоральная лексика, лексико-семантическая группа, архетипическое значение.

Keywords: time, semantics, temporality lexics, lexical semantic group, archetype meaning.

Рассмотрение художественного текста как семантической структуры, формируемой набором языковых знаков и их значений, выдвигает проблему категоризации содержания. Одной из универсальных категорий содержательной стороны художественной реальности является (наряду с пространством) время. Ведущая роль в разработке данных категорий в их взаимосвязи принадлежит М. М. Бахтину, который применил термин *хронотоп* и разработал теорию хронотопа, указав на главенство временных примет в осмыслении художественного целого: «причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [3, с. 234].

Множественность подходов к выявлению феномена времени детерминирует неоднозначность его толкования. Традиционное представление, предполагающее деление на циклическое и линейное время [3, с. 192; 4, с. 103; 8, с. 120 и др.], применимо и к рассматриваемому произведению. Первоначальное циклическое (кольцевое, круговое, природное, фольклорное, мифологическое) восприятие времени представляет собой последовательность однотипных событий, повторяемость жизненных циклов, вращение по кругу. Повесть «Метель» начинается с обрисовки именно такого бытия: «...жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поестъ, попить, поиграть по пять копеек в бостон с его женою». Как отмечает М. М. Бахтин, поместье – это место циклического бытового времени. «Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бытования»... Приметы этого времени просты, грубо материальны, крепко срослись с бытовыми локальностями» [3, с. 304].

Признаком мифологического времени является также антропоморфность природы («ветер выл»), зависимость от нее человеческих судеб, согласованность ее ритмов с ритмами человеческой жизни. Название повести указывает на природное явление, ставшее решающим для судеб героев. В славянской мифологии метель осмысливается как действие злых духов: «...поселяне наши убеждены, что зимние вью-

ги и метели посылаются нечистою силою» [1, с. 10]. Одним из обязательных, в данном случае сюжетобразующих, элементов, свидетельствующих о принадлежности к мифологическому временному пласту, является мотив создания семьи, свадьбы. Мотив метели и мотив свадьбы оказываются взаимосопоставимыми. В стихотворении Пушкина, относящемся к тому же периоду творчества, что и «Повести Белкина», метель представлена как бесовской шабаш («закружились бесы разны...»), свадьба нечистой силы («Ведьму ль замуж выдают...»). Согласно мифологическим поверьям, «крутящиеся вихри представлялись чертовой свадьбой» [1, с. 330].

Человек, осознающий себя в циклическом временном континууме, должен действовать согласно установленному ритуалу, как все, как поступали люди испокон веков, поддерживать порядок, установленный предками. Герои же нарушают запрет родителей вступать в брак и за это наказываются, их планы не осуществляются. Причем наказание исходит от природной стихии – метели, – после которой Марья Гавриловна обречена на болезнь и «три года сетований», Бурмин страдает от «ужасной тайны» и считает себя «несчастнейшим созданием», Владимиру суждено быть «в числе отличившихся и тяжело раненых под Бородином», а затем умереть «в Москве накануне вступления французов».

Линейное время связано с представлением об одностороннем культурно-историческом развертывании событий, их уникальности, единичности, необратимости жизненного процесса, оно предполагает эволюцию, развитие. Форма конкретизации линейного времени получила особое развитие в художественной литературе XIX века в виде «привязки» действия к реальным историческим ориентирам [4, с. 100]. В рассматриваемом произведении линейное время можно дифференцировать в соответствии с конкретными историческими событиями и культурными процессами. Обрисовка исторического фона в «Метели» точна и достоверна: 1812 год, война с французами. Семантика войны репрезентируется языковым материалом: темпоральной лексикой («В конце 1811 года, в эпоху

нам достопамятную», «В начале 1812 года»), обозначением воинских объединений и званий (полк, войско, армия, офицеры, уланы, армейский прапорщик, гусарский полковник, корнет, капитан-исправник), историческими топонимами (Бородино, Вильна), номинацией соответствующих реалий («...в числе отличившихся и тяжело раненых», «обвешанные крестами», «с Георгием в петлице», «завоеванные песни: *Vive Henri-Quatre*»).

В культурном отношении пушкинское творчество во многом связано с идеями пришедшего из Европы романтизма, атрибуты которого лексически выражены в тексте: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена»; «романтическое воображение»; «романтическое объяснение»; «Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа»; «Марья Гавриловна вспомнила первое письмо *St.-Preux*» и т. п.

Признаком линейного времени является ориентация на индивидуализацию событий и их участников, стремление личности распорядиться жизнью по-своему, проявить самостоятельность. Маша и Владимир идут вопреки воле родителей, решаются на тайный брак, совершают побег. Бурмин венчается с девушкой, которую видит в первый раз. При этом романтические модели поведения героев расходятся с существующими традициями.

Ю. А. Степанов, исследуя развитие концепта «время», выделяет также третий тип: время разом данное, «когда «настоящее», «прошлое» и «будущее» мыслятся как бы разом, одновременно данными сознанию человека и одновременно присутствующими в определенной его действительности» [8, с. 124]. Такое представление о времени соединяет в естественном синтезе характеристики цикличности и линейности и свойственно христианскому сознанию, языковыми фактами которого в художественном тексте Пушкина являются понятия: *Бог, церковь, часовня, паперть, налож, священник, поп, батюшка, венчание, перекреститься, благословить*. Христианское мировосприятие предполагает главенство в системе ценностей как отдельного человека, так и всего общества моральных постулатов, ответственность за совершаемые в любой промежуток времени поступки, внутреннее восхождение, стремление к «точке, в которой – во времени и пространстве – совершится высший акт Эволюции, слияние человеческих сознаний с Христом» [8, с. 267]. Для персонажей повести заключенный в церкви брак является священным, они остаются верны клятве, данной перед алтарем. Владимир просит в письме «забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою». Объяснение Марьи Гавриловны и Бурмина есть не что иное, как прощание: «я никогда не могла быть вашею женою»; «...я несчастнейшее создание... я жена!»). Герои, пережившие личную драму, приходят к христианскому смиреннию.

В художественном тексте временные типы четко не дифференцируются, темпоральные различия стираются [2, с. 197]. Переплетение временных значений, их контаминация специфически актуализирована в данном произведении. Основные события в «Метели», по всей вероятности, приурочены к Святкам: Бурмин

датирует свою «преступную проказу» (венчание с незнакомкой) «началом 1812 года». Святки, осмысляемые как христианский праздник, имеют в своей основе древние мифологические представления. Это период хаотичности, когда размываются пространственно-временные границы, когда происходит разрыв цикла между смертью и новым рождением природы, социума, отдельного человека. Внутренний же смысл Святков – возрождение миропорядка, движение от земного человека к Богу. Согласно традиционным представлениям, Святки считаются временем активного формирования новых брачных пар, что и происходит в повести.

В семантике художественного произведения важную роль играют лексические средства, прямо или косвенно обозначающие время изображаемых событий. Темпоральная лексика «Метели» объединяется в соответствующую лексико-семантическую категорию «Время» (238), иерархически организованную в виде трех лексико-семантических полей (ЛСП): «Неизмеряемая длительность» (145), «Измеряемая длительность» (31), «Расположение событий во времени» (62) – и содержащихся в них лексико-семантических групп (ЛСГ).

I. ЛСП «Неизмеряемая длительность» (145), репрезентирующее циклическое время, образуют несколько оппозиционных ЛСГ

1. ЛСГ «Природно-циклическое время» (34) составляет ядро семантического поля, она представлена лексемами: *день 8, время 5, ночь 3, вечер 3, ужинать 3, зима 2, эпоха 1, рассвет 1, утро 1, отобедать 1, обед 1, смеркаться 1, полночь 1, рассветать 1, светло, пели петухи 1*. Важным и достаточно частотным обобщающим понятием в данной группе является соответствующая темпоральная лексема *время*, в этимологии которой содержится основное архетипическое значение циклического, кругового временного представления: **vermę* < *vertmen*, родственное *вертеть*, то есть «приводить в круговое движение» [МАС]; ср. др.-англ. *mael* «время», но ирл. *meall* «круг»; алб. *kohë* «время», но греч. *κύκλος* «круг»; русск. *колесо*, но греч. *καίρος* «время» [7, с. 91].

Природное время в соответствии с архаичным восприятием сакрализуется и включается в систему ценностей, главными координатами которой являются *хорошее (благоприятное) – плохое (неблагоприятное)*. «Хорошее» время, приносящее человеку здоровье, счастье, – это утро, день, лето, «плохое» время, приносящее болезнь, горе, – это вечер, ночь, зима. Такую аксиологическую семантику подтверждают этимологические данные. Например, *вечер* восходит к корню, представленному латыш. *beīdet* «губить, бить»; *день* соотносится с и.-е. **dheg-* «гореть, блеснуть» [7, с. 101]. Темпоральную лексику поля, таким образом, можно представить в виде антиномии подгрупп с положительной семантикой (*день 8, рассвет 1, утро 1, отобедать 1, обед 1, рассветать 1, светло 1, пели петухи 1*) (15) и отрицательной семантикой (*ночь 3, вечер 3, ужинать 3, зима 2, смеркаться 1, полночь 10*) (13), которые являются примерно равночастотными. Кульминационное событие – венчание во время метели, ставшее для героев причиной страданий, – происходит в произведении на зимнее ночное время. Избав-

ление от тяжелой тайны и объяснение в любви Марьи Гавриловны и Бурмина, по всей видимости, происходит летом.

Наиболее опасным, нечистым временем, границей, проницаемой для потустороннего мира, считается полночь. Эта временная координата обозначена в эпизоде, описывающем заблудившегося в метели Владимира: «Должно было быть около *полночи*. Слезы брызнули из глаз его». Полночь еще раз актуализирует соответствующий ей, по представлениям древних славян, временной промежуток – Святки, как период разгула нечистой силы, избавление от которой символизирует рассвет и крик петуха [4, с. 101]. Когда Владимир отыскал дорогу, «*Пели петухи и было уже светло*».

Таким образом, семантика природного времени сохраняется в повести архетипические значения, восходящие к мифологическим истокам, и указывает на сопряженность происходящих событий с всеобщими бытийными циклами.

2. ЛСГ «Время существования человека» (20) задает оппозицию групп: «жизнь» (10) (*жизнь 4, жить 3, существовать 2, жив 1*) – «смерть» (10) (*смерть 3, умирать 3, смертельно 1, скончаться 1, уморить 1, у края гроба 1*). Равное соотношение лексем в обозначенных группах говорит о гармоничном соотношении данных понятий в текстовом пространстве. Осмысление данной фундаментальной оппозиции в «Метели» не противоречит архетипическим представлениям, согласно которым смерть – это не окончательное уничтожение, а переход в иную форму существования. Жизнь и смерть теснейшим образом связаны между собой. И то, и другое – лишь разные стороны единого круговорота бытия. Гибель Владимира в сражении («Владимир уже *не существовал*: он *умер* в Москве, накануне вступления французов») оказывается в преемственной связи с жизнью нации, с победой русских над Наполеоном («Между тем война со славою была кончена»). После смерти еще одного героя – отца Маши («Гаврила Гаврилович *скончался*») – следует создание новой семьи: Марьи Гавриловны и Бурмина. У А. С. Пушкина смерть не задает границы жизни, а включается в ее общее течение.

3. ЛСГ «Возраст человека» (16) включает дихотомию групп: «молодой» (7) (*молодой 3, девица 1, девический 1, мальчик 1, возмужав 1*) – «старый» (9) (*старик 4, старый 2, старушка 2, седой 1*). В объем значений темпоральной лексики данной группы входят компоненты, характеризующие общественный уклад, быт. Так, слова *дитя*, *девочка* восходят к и.-е. корню *dhēi-* (*dhōi-*) “доить, сосать, кормить грудью”, слова *молодой*, *мальчик* – к корню (*s*)*mēlo* (*mōlo-*) “молодое или не крупное домашнее животное”. Русск. *старый* имеет в основе *stā-* “стоять, быть прочным” [10, с. 20 – 21]. Молодость ассоциируется с неопытностью, старость – с мудростью. Старость в традиционном русском обществе заслуживает преклонения, понимается как достижение высокого положения, авторитета. Образ отца (мудрого старика) появляется в сновидении Маши («отец ее останавливал ее... и бросал в темное, бездонное подземелие»), он символизирует наказание за непослушание. Старик с боро-
дой («ставень поднялся, и *старик* высунул свою се-

дую бороду») помогает Владимиру, объясняет его местонахождение и дает проводника. В мифологической системе бинарных противопоставлений положительная оценочная семантика закрепляется за понятием *старый*. Превалирование лексем соответствующей группы в тексте подтверждает, что именно ему отдается предпочтение.

4. ЛСГ «Фазы протекания событий во времени» (29) распадается на две семантически противоположные группы: «начало» (12) (*начинать 6, первый 3, начать 1, начало 1, сперва 1*) – «конец» (17) (*наконец 7, конец 4, последний 2, конченный 2, оканчивать 1, кончиться 1*). Небольшая разница в частоте употребления лексем данных групп позволяет говорить о их примерной равноценности. В мифологическом мышлении данные понятия взаимосвязаны, одно из них вызывает неизбежное представление о другом. Корень *end* “конец”, повторяющийся в ряде слов индоевропейских языков с соответствующим значением, обозначает единство божественного Начала и Конца (ср. др.-инд. *adi* “начало”) [7, с. 120]. Экспозиция событий, сыгравших решающую роль, в первом предложении текста датируется «*концом 1811 года*», вскоре в метельную ночь с героями случаются неприятности. В объяснении Марьи Гавриловны и Бурмина, внезапно завершившемся счастливым узнаванием, присутствует рассказ о происшествии, отнесенном к «*началу 1812 года*». Показателен тот факт, что в текстовом фрагменте, изображающем метель сквозь призму восприятия «несчастливого» Владимира, несколько раз упоминаются однокоренные образования с семантикой конца («*Наконец он увидел, что едет не в ту сторону*»; «*полю не было конца*»; «*Наконец в стороне что-то стало чернеть*»; «*роще не было конца*»), имеющей негативную оценку: англ. *end* “конец”, но др.-инд. *andha* “черный цвет”, обозначающий подземный мир, Хаос [7, с. 121]. В рассказе Бурмина, напротив, несколько раз повторяется глагол *начинать* в соответствующей форме («*Прикажете начинать?*» – «*Начинайте, начинайте, батюшка*»), что репрезентирует положительную оценку: др.-инд. *a-rabh-* “начинать”, тох. *A rape* “гармония, порядок, музыка”; др.-инд. *adi* “начинать”, алб. *andë* “удовольствие” [7, с. 66]. Глубинная семантика начала прогнозирует быть счастливым спонтанно заключенному браку.

5. ЛСГ «Скорость протекания событий во времени» (24) содержит диаду групп: «быстрый» (17) (*броситься 2, скорее 2, поскорее 1, быстрота 1, лететь 1, полететь 1, спешить 1, поспешить 1, бежать 1, подбежать 1, нестись 1, торопиться 1, ободриться 1, выпрыгнуть 1, рысь 1*) – «медленный» (7) (*уствовать 1, приставать 1, чуть ступать 1, замешкаться 1, замешательство 1, шаг 1, долго 1*). Данная антитеза соотносится с рассмотренным выше противопоставлением. Один из вариантов первичного корня, выражающий нерасчлененное понятие начала/конца (и.-е. **konos*), означает “творение, работа, активность”, что вызывает представление о динамичности, высокой скорости протекания событий. Причем в описании того, как во время метели заблудился Владимир, употреблены низкочастотные для всего произведения лексемы с семантикой «медленный»: «*Лошадь начала устывать*», «*Лошадь его чуть ступала*», «бед-

ное животное... скоро стало *приставать* и через четверть часа пошло *шагом*». Во фрагменте текста, изображающем последовательность событий, происходящих с Бурминым, обращает на себя внимание ускоренный темп действий: «*спешил в Вильну*», «*поскорее закладывать лошадей*», «*выходи скорее*», «*священник торопился*», «*бросился в кибитку*». Глагол *спешить*, производный от **spešъ*, родствен существительному *успех*; болг. *спех*, слов. *spekh*, что означает «поспешность, процветание», лат. *spes* – «ожидание, надежда» [9, с. 734]. Поспешное венчание Бурмина оборачивается в итоге созданием благополучной семьи.

6. ЛСП «Особенность протекания событий во времени» (22) состоит из антинормы групп «постоянный» (15) (*постоянство 2, обыкновенный 2, привычка 2, обыкновение 1, беспрестанный 1, вечный 1, верность 1, по-прежнему 1, ежедневно 1, опять 1, снова 1, девственная Артемиза 1*) – «внезапный» (7) (*неожиданный 2, очутиться 2, внезапный 1, вдруг 1, едва выехал ..., как поднялся ветер 1*). Важным представляется количественное превосходство лексем первой группы. Неожиданные происшествия во время метели (исчезновение Владимира, венчание Маши и незнакомца) нарушают привычное течение жизни. В финале повести прояснение невероятного недоразумения способствует восстановлению традиционного жизненного уклада, характерной особенностью которого является постоянство, стабильность, повторяемость привычных явлений.

II. ЛСП «Измеряемая длительность» (31) (*минута 10, поминутно 6, год 5, час 4, полчаса 1, месяц 1, неделя 1, семнадцатилетний 1, сорокалетний 1, двадцать шесть лет 1*) репрезентирует линейное время. Данные темпоральные лексемы воспринимаются как знаки времени частного человеческого существования, времени повседневного, которое подлежит измерению и может планироваться. Древняя практика, реликты которой сохранились в обыденном сознании до наших дней, предполагает количеством затраченного времени измерять преодоление пространства [6, с. 64]: «*езды всего двадцать минут*», «*уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской роши*», «*прошло еще около десяти минут, а роши было не видать*». Невысокий показатель частоты лексем данного поля на фоне других групп в пределах текстового пространства актуализирует семантику невозможности человека всецело распоряжаться временем.

Литература

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 1994. – 400 с.
2. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л. Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
3. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
4. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – М.: Флинта, 2005. – 248 с.
5. Зворыгина, О. И. Время в русской литературной сказке / О. И. Зворыгина // Русская речь. – 2009. – № 3.
6. Люцидарская, А. А. Хронотоп первых сибирских колонистов / А. А. Люцидарская // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 64 – 67.

III. ЛСП «Расположение событий во времени» (62), представленное оппозицией групп «отнесенность к настоящему» (12) (*тотчас 4, теперь 2, однажды 2, сегодня 1, отныне 1, тут 1, всегда 1*) – «отнесенность к прошлому / будущему» (50) (*уже 11, скоро 4, никогда 4, еще 3, некогда 3, между тем 3, после 3, поздно 2, накануне 2, давно 2, следующее 1, последствия 1, тогда 1, тогдашние 1, предзнаменование 1, иногда 1, до сих пор 1, когда-нибудь 1, навсегда 1, потом 1, прежний 1, вчерась 1, спустя 1*), соотносится с разом данным типом времени, свойственным христианскому восприятию. Такие темпоральные лексемы указывают на осознание временных координат и связанных с ними событий. Важным свойством художественного времени является дискретность, проявляющаяся в том, что наиболее значимое в смысловом отношении событие изображается во всех подробностях, а другие лишь обозначаются отдельными штрихами [4, с. 98]. Описание событий метели, произошедших в течение вечера и ночи, занимает пять из десяти страниц текста, при этом развитие действий в повести охватывает три года. Кроме того, в анализируемом произведении наблюдается временной сдвиг – ретроспекция, то есть возврат к уже указанному событию. Временные отклонения, существуют в таком повествовании, где есть тайны [2, с. 194]: «*венчаться тайно*», «*тайна была сохранена*», «*тайна... всегда тягостна женскому сердцу*», «*открыть вам ужасную тайну*». Объяснение между героями происходит через «*три года сетований*» после венчания в метельную ночь. Временная конкретика *три года* свойственна русской народной сказке [5, с. 115]. Причем архетипические значения числа *три* (три главных персонажа, три картины метели): «гармония микро- и макромиров, примирение антагонизмов, божественный разум» [7, с. 214] – не противоречат ориентации на счастливую развязку, предполагающую, согласно фольклорному канону, воссоединение влюбленных Бурмина и Марьи Гавриловны, которые являются мужем и женой.

Таким образом, в семантическом пространстве повести А. С. Пушкина «Метель» языковые средства репрезентируют сложную иерархически организованную категорию времени, включающую различные темпоральные значения с доминантой циклического кругового представления о времени, традиционно лежащего в основе миропонимания.

7. Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь английского языка / М. М. Маковский. – М.: Диалог, 2000. – 418 с.
8. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. I – IV.
10. Щербо, П. А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. А. Щербо. – М., 2008. – 26 с.

Информация об авторе:

Карпинец Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной истории, теории и истории культуры, КузГТУ, 8-913-302-5429, tak1302@mail.ru.

Karpinets Tatyana Anatolyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian History, Theory and History of Culture of KuzSTU.

УДК 81'1:81'36

ОБЫДЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА И «КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ»

В. Б. Кашкин

EVERYDAY LINGUISTICS AND “CONTEXTUAL DETERMINISM”

V. B. Kashkin

В статье анализируются представления пользователей языка о его строении и использовании (наивные теории и персональные технологии). Особое внимание уделено представлениям об изучении языка и проявлению контекстуального детерминизма в преподавании грамматики.

The paper addresses some issues of everyday linguistics which embrace personal theories and personal technologies. Special emphasis is laid upon language learners' beliefs and contextual determinism in teaching grammar.

Ключевые слова: обыденная лингвистика, преподавание языка, контекстуальный детерминизм.

Keywords: everyday linguistics, language teaching, learners' beliefs, contextual determinism.

Изучение обыденной лингвистики показывает, что мифы о языке свойственны не только сознанию его обычных пользователей (школьников, студентов и т. п.). Элементы наивных взглядов присутствуют и в профессиональной деятельности преподавателей, часто закрепляясь в сложившейся практике работы с языковым материалом. Одной из таких «культурно закреплённых» мифологем можно считать мифологему «контекстуального детерминизма», как мы назвали подобное явление в одной из ранних публикаций по данной проблематике [2, с. 91 – 94].

Взгляды наивного пользователя на языковые явления, во-первых, представляют собой целостную систему взаимосвязанных представлений, хотя и не выраженных большей частью в текстах и даже в высказываниях. Во-вторых, их можно разделить по одному из параметров на обыденную философию языка (наивную лингвистическую онтологию) и на наивную лингвистическую технологию. Первый аспект относится к представлениям о языке вообще, о родном и чужом языке в сравнении, об устройстве и предназначении языка и его единиц (слов, предложений). Второй же включает мнения «простого человека» о том, как пользоваться языком, как его изучать, как переводить и т. п. Наивный пользователь не настолько наивен, он сам знает, как себя учить (как и больной знает, как себя лечить), создавая персональные теории (*personal theories of language learning*), собственные личные конструкторы языка и обучения [6, с. 22 – 49]. В

каком-то смысле это деление аналогично делению профессиональной сферы на теоретическую и прикладную лингвистику.

Оговоримся сразу, что, говоря об обыденной лингвистике, мы не имеем в виду так называемую «любительскую», или «народную», лингвистику, фольклорную лингвистику [4, с. 67 – 87], то есть имитацию и замену научного знания популярными и даже иногда популистскими измышлениями. Это отдельная сфера человеческой эпистемы, которая хотя во многом и сходна с рассматриваемыми представлениями наивного пользователя языка, но всё же требует специального рассмотрения и выходит за рамки тематики данной публикации.

Наивная онтология языка включает такие мифологемы, как реификация или «овеществление» слов как единиц языка (это базовое представление), вера в естественную связь слова и предмета, в существование «истинного смысла» слов, в большую «правильность» родного языка, представление о языке как о наборе вещественных единиц (слов), а о слове как о наборе чётко выделяемых значений, которые можно даже подсчитать (при этом в чужом языке «очень много значений», а в родном – «одно-два строго закреплённых»). Как видим, здесь опять же выделямы два аспекта: наивная теория языка вообще и «бытовая контрастивистика», которая формируется в процессе первичного становления «межкультурной коммуникации». Первыми «лингвистами» становились как раз

простые торговцы, путешественники, осмысливавшие языковые контрасты. Именно из такого обыденного источника появилось языкознание и сопоставительная лингвистика в частности [7, с. 281 – 282]. Мифологемы языковой деятельности формируются, в первую очередь, в сфере родного языка, но при столкновении с фактами или носителями других языков складывается также и сфера представлений об «иностранном языке», и собственные наивные теории изучения языка.

Общее представление о языке предопределяет и технологические представления: чтобы знать язык, «надо выучить много слов»; слова физически передают информацию от отправителя к получателю; перевод является простой подстановкой слов одного языка вместо слов другого; «чем больше словарь, тем лучше он для перевода» или изучения языка; переводчик является «ходячим словарём» и должен знать любое слово в иностранном языке; существует единственно верный и «самый правильный» перевод, к которому и надо стремиться; ситуация и контекст строго и почти механически предопределяют, какие языковые средства используются в высказывании и т. п. Последнее представление закрепляется и в широко распространённых упражнениях в учебниках иностранных языков, построенных по типу «раскройте скобки». Как раз в этом случае мифологема «контекстуального детерминизма» переходит из бытовых представлений в общепринятые стереотипы профессиональной сферы. Попытаемся определить, насколько она «справедлива» или нет, насколько данное заблуждение приносит вред или является простой условностью.

Роль контекста в создании (грамматического) значения трудно переоценить. В то же время контекстуальный детерминизм идет дальше. Большинство учебных грамматик и сборников упражнений следуют некоему уравниванию, жестко задающему соотношение контекста и «выбираемой» под его влиянием формы: CONTEXT A → FORM A. Авторы как бы предполагают, что тот или иной контекст *заставляет* пользователя языка выбирать ту или иную предопределённую этим контекстом форму.

Наиболее типичным упражнением, практикующим подобное «уравнивание», является упражнение типа «заполните пропуски» или «раскройте скобки». Предполагается, что обучающийся должен ответить на контекстуальные стимулы реакцией в виде «соответствующей» формы: *Amy is in hospital, isn't she? – Yes, she ... in hospital since Monday* → *Yes, she has been in hospital since Monday* или *Jane (wait) for me when I (arrive)* → *Jane was waiting for me when I arrived*. Иногда, но крайне редко, условия решения уравнивания ставятся менее жёстко, допуская варианты, и всё же контекст в такого рода упражнениях всегда заранее задан. Судя по материалам интервью с обучающимися, у многих действительно складывается впечатление, что можно составить некую «таблицу контекстов и форм», которая всегда будет «чётко» подсказывать «правильное» употребление.

Первый аргумент, разрушающий детерминистическую мифологему, носит чисто логический характер. Зададим вопрос: Кто же, собственно, является автором контекста в обычных, не-учебных условиях коммуни-

кации? А автором как контекста, так и «предопределяемой контекстом» формы является сам говорящий. В реальности языковой деятельности контекст никогда не даётся заранее говорящему какими-либо внешними силами, а создается им самим в конкретное время и в конкретных обстоятельствах (а к тому же и в конкретном настроении, что иногда также немаловажно, и т. п.). Единственным «правилом» является «правильное» соотнесение желания высказать ту или иную мысль и возможностей выбора из наличных в данном языке средств.

Однажды студенты спросили: а как правильно – *I study English* или *I am studying English*? *I finished my work, and then I went for a walk*, или *I went for a walk after I had finished my work*? Подобные вопросы повторялись многократно, при этом задававшие непременно хотели знать «как правильно». Небольшое размышление, в том числе и над родным языком, приводило большинство из них к выводу, что вопрос правильности в данном случае просто неуместен. В дальнейшем выяснилось, что одинаково правильными могли бы быть и другие фразы: *I have studied English* и *I have been studying English* или какие-то ещё. Более того, они могут быть сказаны об одном и том же человеке, об одном и том же его действии и даже в одних и тех же обстоятельствах. Разница между ними будет не столько в реальных параметрах обозначаемых действий, сколько в намерениях говорящего (в его интенции), в его точке зрения, в том фрагменте общей реальной ситуации, который он решил перенести в ситуацию речевую, в его желаниях, в конце концов. Упражнения в таких случаях тренируют разницу по контексту и создают у обучающихся впечатление, что они имеют дело с реальной разницей действий, а не всего лишь представлений о них говорящего.

Особенно ярко немеханистичность языкового выбора говорящего можно проследить на примере артиклей, смысл которых из контекста слов далеко не всегда ясен. Артикль как консенсуальная диалогическая категория используется для соотнесения фонда знаний и точки зрения говорящего с фондом знаний и точкой зрения слушающего, поэтому артиклевое оформление имени становится ясно не из контекста, а из намерения и точки зрения говорящего в соотнесении с предполагаемой точкой зрения слушающего. Одинаково «правильны» все следующие фразы: *A boy meets a girl*; *The boy meets a girl*; *A boy meets the girl*; *The boy meets the girl* и даже *Boy meets girl*. Возможно, первые из приведённых фраз с большей вероятностью встретятся в речи, но большая или меньшая вероятность – это категории исследователя, описывающего язык, часть объектного знания. Субъектное знание и реальный выбор говорящего никак не опираются на статистику, их опора – представление о ситуации или желание её так представить, статистика появляется после употребления, в наблюдении за ним, а не управляет им.

Действительно, часто наблюдение или объектное знание «выдаётся» обучающемуся как основа для его будущих речевых действий, для выбора языкового оформления его высказывания. Но какую основу для действия может дать, например, утверждение, что форма *Present Perfect Progressive* употребляется не

чаще, чем в 5 % случаев. Нам попадались студенты, которые всерьёз думали, что в их текст следует «добавить» 5 % этой формы. Подобным «рецептом» пользовался и студент в совсем уже анекдотическом, но тем не менее реальном случае: этот студент поставил артикли перед некоторыми глаголами. Причину столь оригинального решения он объяснил очень просто: *В английском же должны быть артикли*. То есть, его персональная теория английского языка просто перечисляла средства этого языка, без субъектного внутреннего осмысления их предназначения.

Объектное знание вместо субъектного – достаточно распространённое заблуждение современной лингводидактики. Большинство изучающих английский язык знают, что в 3-м лице единственного числа у глагола должно быть окончание *-s*, но далеко не все употребляют это окончание в нужный момент. И наоборот, объектное знание вместо субъектного может послужить причиной «излишней правильности». Известно, что русские студенты, изучающие английский язык на достаточно высоком уровне, употребляют приблизительно на 10 % больше форм *Present Perfect*, чем носители языка. Данное явление получило название «гиперперфектизации» и может рассматриваться как разновидность «грамматического акцента». Причина его возникновения, скорее всего, в детерминистическом характере упражнений на данную форму.

Вот типичный пример подобного упражнения, основывающегося на пресуппозиции контекстуального детерминизма: *I wrote five letters yesterday morning. – And this morning? – I (write) only four letters this morning*. Носитель языка и хорошо владеющий языком иностранец вполне могут употребить форму *-ed* и с *this morning*. Обучающийся же вынужденно сужает свой кругозор. Ответ, который должен был бы дать «хороший» студент, разумеется: *I have written only four letters this morning*, а вывод, который получился в результате серии таких упражнений у студентов таков: «Никогда не используй форму на *-ed* с *this morning*». Хотя это типичный случай так называемой «ложной генерализации», обыденная логика опирается именно на этот тип выводов.

Из ряда интервью со студентами стало ясно, что они считают грамматику набором правил, строго предписывающих, что именно употребить в каждом конкретном контексте. Некоторые из них просили даже составить табличку: с одной стороны, адвербиальный детерминант (*always*, например, или *yesterday*), с другой – глагольные формы, которые считаются «правильными» в этом случае, то есть по школьному типу правила: «*жи-ии пишется с буквой и*». Но такая таблица в принципе невозможна! Во-первых, контекст никогда не заставляет употреблять форму глагола. Так, *always* может употребляться не только с *Present Simple*: *I always write letters in the evening*, ср. *I have always written letters in the evening, I have always been writing letters in the evening, I'll always write letters in the evening* и т. п. Разумеется, смысл при этом меняется, но контекст не заставляет употреблять форму, скорее, смысл появляется из взаимодействия контекста и формы, автором же взаимодействия является сам говорящий, никакое «правило» не предписывает ему употреблять форму в зависимости от кон-

текста, как это тренируется в упражнениях типа «раскройте скобки». Единственное общее правило, общий принцип, который прослеживается в действиях говорящего: это соотнесение употребляемого грамматико-контекстуального комплекса с собственным намерением, интенцией, с одной стороны, и предполагаемым или желаемым пониманием, интерпретацией, выводами (инференцией) слушающего – с другой. Недаром носители языка часто не могут выполнить тест, предназначенный для иностранца: для его выполнения надо владеть «тестовой мифологией», знать «как надо» выполнять тесты, знать, чего хочет от вас автор теста. От реальной языковой деятельности всё это очень далеко.

Иностранный язык, действительно, часто представляется как «предмет», подлежащий изучению. С этим созвучно и представление о знании языка как о накопительном знании («знать как можно больше слов», «выучить наизусть словарь» и т. п.), которое, впрочем, опирается на миф о языке как о наборе слов, на модель языка исключительно как лексикона. Представление о родном языке также достаточно механистично, большинство пользователей, в особенности после средней школы, считают, что лингвисты занимаются установлением правил, а правила эти, в основном «о том, как правильно писать». Этот «орфографоцентризм» в «школьной лингвистике» отмечает и Н. Д. Голев [1, с. 385 – 387, 391 – 392].

Мифологема правильности соотносима с мифом о существовании «самого правильного перевода» и фактически восходит к базовому представлению о естественной связи слова и предмета, «истинности слов» в интерпретации древнегреческой прото-теории *φύσει* и т. п. [7, с. 283]. Детерминизм также коренится в «фетишизме объекта», *chosisme*, как это называл в своё время Г. Башляр, отмечая свойственную обыденному сознанию «веру в простоту» [5, с. 102 – 107]. В каком-то смысле это сходство мифологических представлений в различных сферах сродни параллели между онтогенезом и филогенезом в биологии: представления общества о языке, представления человечества о языке и представления отдельного пользователя языка развиваются по сходным направлениям. Вероятно, здесь также кроется одна из эпистемологических констант, схем познания мира, повторяющихся в разных сферах человеческой жизнедеятельности [9, с. 22; 3, с. 311 – 313].

Но языковая реальность, к счастью, и не настолько пессимистична (когда всё «расписано по строгим правилам»), а оставляет носителю языка и изучающему этот язык простор для творчества. В целом, видимо, справедливо сказать, что нет предписывающих контекстов, есть только запрещающие, но даже и такие запреты нарушаются, если того требует интенция говорящего. К примеру, в английском языке *ago* не принято считать сочетающимся с *Present Perfect*. И в то же время таких примеров много не только в разговоре, но и в художественной литературе, они проникли даже в некоторые исследовательские работы, но – не дальше; в описательных и учебных грамматиках их не найти: *Я давно простил // I have forgiven you long ago* (перевод из Л. Н. Толстого); *Have some tea. – No,*

thank you, but you go on having yours. – I've finished ages ago (I. Murdoch) [3, с. 73 – 74].

Что же происходит с учениками, когда после изучения курса грамматики они оказываются *in the real world*. Фрустрация, аллергия и т. п. отрицательные реакции, которые можно встретить в ряде анкет и интервью. Около 80 % обучающихся считают основной причиной нежелания говорить на иностранном языке «боязнь совершить ошибку». Ср. аналогичные ответы в финских интервью: *it was this error-hunting that made me mad, I feel a complete zero whenever somebody continually watches over me – waiting for me to make a mistake; yes, it did that to me, the instruction during my school years, that I am still in a terror whenever I have to speak a foreign language* – «именно эта охота за ошибками приводила меня просто в бешенство, я ощущаю себя совершенным ничтожеством, когда кто-то постоянно наблюдает за мной – ожидая, не сделаю ли я ошибку; да, меня просто достало это вот обучение в школе, причём настолько, что я до сих пор в ужасе, если мне приходится говорить на иностранном языке» [6, с. 39 – 40]. Впрочем, «ошибкобоязнь» воспитывается и в школьном курсе родного языка [1, с. 389 – 390].

Вряд ли стоит призывать к отмене существующих традиций в грамматических упражнениях. Но и уп-

ражнение типа «раскройте скобки» можно сделать по-другому, если предложить множественный выбор с изменением параметров контекста. Иначе получается, что обучающийся никогда не будет иметь дела с собственной языковой деятельностью. Ему всегда придётся читать чужой текст, догадываясь, о чём думал его автор в тот момент, когда его сочинял.

Человеческая деятельность с древних времен структурируется, организуется и управляется мифами. Миф в данном контексте понимается как вторичная знаковая система управления конкретными действиями, опирающаяся на принцип экономии (узнавание проще познания) и самосохранения (имеется в виду, в первую очередь, социоцентрический инстинкт). Рассмотренные мифологемы, разумеется, не исчерпывают весь возможный список. Вероятно, с ними не всегда можно и нужно «бороться», скорее, их следует знать и принимать во внимание, а может быть, и каким-то образом использовать. Но одно ясно: необходим курс лингвистического просвещения, пропедевтический курс отношения к языку и обращения с языком. Необходимо и изменение подхода к обучению: от объектного знания о языке (*know-that*) – к субъектному владению языком (*know-how*) [8].

Литература

1. Голев, Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («Правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. II / отв. ред. Н. Д. Голев. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009.
2. Кашкин, В. Б. Мифологема контекстуального детерминизма / В. Б. Кашкин // Роль и место грамматики в обучении иностранным языкам / ред. Ж. Л. Витлин. – СПб.: ИОВ РАО, 1998.
3. Кашкин, В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010. – 382 с.
4. Полинченко, Д. Ю. Фольк-лингвистика как объект научного изучения / Д. Ю. Полинченко // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. I / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009.
5. Bachelard, G. *The New Scientific Spirit* / G. Bachelard. – Boston: Beacon Press, 1983. – 190 с.
6. Dufva, H. *Everyday knowledge of language: a dialogical approach to awareness* / H. Dufva // FINLANCE. A Finnish Journal of Applied Linguistics. – Vol. XIV. – 1994.
7. Kashkin, V. B. *Language contrasts in naive beliefs and scientific paradigms* / V. B. Kashkin // *Nationale und transnationale Perspektiven der Geschichte der Sprachwissenschaft* / Hrsg. G. Haßler. – Münster: Nodus Publikationen, 2011.
8. Ryle, G. *The Concept of Mind* / G. Ryle. – Chicago: The University of Chicago Press, 2002. – 352 с.
9. Schommer-Aikins, M. *Explaining the epistemological belief system: Introducing the embedded systemic model and coordinated research approach* / M. Schommer-Aikins // *Educational Psychologist*. – 2004. – № 39(1).

Информация об авторе:

Кашкин Вячеслав Борисович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета, 8(473)220-87-45, kashkin2000@mail.ru.

Kashkin Vyacheslav Borisovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Translation Theory and Intercultural Communication of Voronezh State University.

КОНЦЕПТ «CAT» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Г. К. Keosidi

THE CONCEPT «CAT» IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

G. K. Keosidi

В статье анализируются фразеологические единицы английского языка, вербализующие концепт, представленный в языке лексемой *cat*. Цель работы – выявить признаки указанного концепта (структурные, физические, функциональные, а также признаки, характеризующие национальную специфику английской культуры), которые используют говорящие при создании фразеологизмов. С помощью рецептивного эксперимента выявляются представления о концепте «cat», отображенные в сознании носителей английского языка.

Phraseological units of the English language which verbalize the concept, represented in the language by the lexeme *cat*, are analyzed in the article. The aim of the work is to reveal the features of the named concept (structural, physical, functional, and those characterizing the national specifics of the English culture), which native speakers use when creating phraseological units. The reflection of the concept «CAT» in the linguistic consciousness of native speakers of English is revealed by the means of a receptive experiment.

Ключевые слова: концепт, фразеологическая единица, признаковый подход, рецептивный эксперимент, языковое сознание.

Keywords: concept, phraseological unit, feature approach, receptive experiment, linguistic consciousness.

1. Язык находится в тесной связи с человеком и его мировосприятием в рамках актуального в настоящее время антропологического направления в лингвистике. В последние десятилетия пристальное внимание к человеческому фактору в языке привело к появлению в науке категорий, позволяющих изучать взаимосвязь языка и культуры народа. Интерес в связи с этим вызывают вопросы, затрагивающие проблемы национального языка и национальной картины мира, особенности концептуализации и категоризации явлений окружающей действительности, их отражение в языке. Именно этот факт способствовал развитию концептологии – области знания, которая занимается изучением концептосфер разных языков и отдельных концептов. Так, концептологические исследования способствовали выделению самостоятельных направлений и подходов в изучении концептов, среди которых вполне сформированными можно считать лингвокогнитивный (концепт рассматривается как единица ментальной сферы) и лингвокультурологический (в качестве главного признака концепта выдвигается его культурная значимость) подходы, ориентированные на анализ концептов [3, с. 24 – 30].

Несмотря на то, что концепт является ключевым понятием как когнитивной лингвистики, так и лингвокультурологии, в современной науке нет однозначной трактовки данного термина. Концепт, будучи категорией «мыслительной, ненаблюдаемой» может быть истолкован по-разному. Однако, несмотря на неоднозначность трактовки содержания термина «концепт», большинство лингвистов считают, что структурно он представляет собой сложное, неоднородное, многослойное образование [5, с. 29 – 35]. С позиций лингвокультурологического подхода структура концепта представлена тремя компонентами: понятийным, образным и ценностным [1, с. 7 – 10]. Ценностный компонент концепта отражен в семантике лексических единиц и фразеологизмов, выступающих в качестве формы его языковой экспликации.

С точки зрения описания содержательной стороны того или иного концепта, важное место отводится фразеологическим единицам (далее – ФЕ), которые появляются в языке в процессе вторичной номинации, в основе которой лежит метафоризация. Именно поэтому фразеологизмы характеризуются сложной и неоднородной семантикой. Неотъемлемым компонентом значения ФЕ является культурная информация, передающаяся через денотативное значение этой единицы или через разного рода коннотации. Концепт, являясь ментальной единицей с позиций когнитивной лингвистики, «может быть описан через анализ средств его языковой объективации». Для описания структуры концепта необходимо рассмотреть весь языковой материал, в котором он репрезентирован. Исследование лексических и фразеологических единиц, пословиц и поговорок позволит выделить номинативное поле концепта [5, с. 66 – 75].

В предлагаемом исследовании мы рассматриваем концепт «cat» с точки зрения его представленности во фразеологических единицах английского языка. Основная задача работы – выявить признаки указанного концепта, которые используют говорящие при создании фразеологизмов. При вычленении концептуальных признаков мы опираемся на признаковый подход, разработанный коллективом ученых под руководством Г. Е. Крейдлина (П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, С. И. Переверзева и др.), дополняя его с учетом выбранного нами объекта исследования.

2. Признаковый подход был применен лингвистами для решения задачи построения семиотической концептуализации человеческого тела и сопоставления языковой и неязыковой знаковых систем. Лингвисты выделяют у соматизмов большое число признаков (форма, размер, функция, ориентация, движение, цвет, температура и др.) и указывают основные значения, которые данные признаки принимают в вербальном языке и в невербальных семиотических кодах. Все признаки ученые подвергают

классификации, выделяя: (1) структурные признаки – возможность членимости соматического объекта на составные части, языковая или жестовая маркированность отдельных соматических объектов в составе данного объекта, внутренний состав соматического объекта; (2) физические признаки – форма, размер, цвет, звучание, издаваемое телом и другими телесными объектами или рождающееся в них и др.; (3) функциональные признаки – функции соматических объектов, реализуемые в действиях, выполняемых этими объектами или производимых с ними [2, с. 80 – 115].

Признаковый подход, в рамках которого выделяются структурные, физические и функциональные признаки, мы применили при описании нашего материала – ФЕ, основу которых составляет лексема *cat*, обозначающая культурно значимый объект – домашнее животное. Наш материал позволяет выявить и структурные, и физические, и функциональные признаки этого объекта. Кроме того, помимо указанных, мы особо выделяем признаки, связанные с национальной спецификой английской культуры. Именно они в большей степени вбирают в себя культурную информацию отдельно взятого народа. Выделение признаков конкретной лексемы, их сопоставление позволяет глубже понять суть фразеологизмов, установить принципы сравнения вторичных единиц с первичными. Рассмотрим это на фразеологическом материале английского языка.

3. Фразеологизмы, характеризующие концепт «cat», представлены в английском языке ФЕ, включающими в свой состав полисемичную, непроемчивую лексему *cat*, которая обозначает и самку, и самца животного, т. к. в английском языке данное слово не имеет родовой маркированности.

Отметим, что в английском языке ФЕ, вербализующие концепт «cat» и содержащие в своем составе лексему *cat*, образуются от разных значений многозначного слова *cat*. ФЕ *the cat shuts its eyes when stealing cream* (досл. перевод «кошка закрывает глаза, когда ворует сметану») – «людям свойственно закрывать глаза на свои грешки»; *all cats are gray in the dark* – «ночью все кошки серы»; *all cats love fish but fear to wet their paws* – «кошка хочет рыбку, а замочить лапки боится» образованы от первого значения – *a small animal with soft fur, often kept as a pet or for catching mice* – «маленькое животное с мягким мехом, которое часто содержится как домашний любимец или для ловли мышей». Последнее значение многозначного слова *cat* – *an old-fashioned woman, an insulting word for a woman who you think is unkind or unpleasant* – «старомодная женщина, оскорбительное слово для женщины, которая, на ваш взгляд, не добрая или неприятная» послужило основой для появления ФЕ *an old cat* – «сварливая, злая старуха, «старая кошка»». ФЕ *wild cat* – «ненадежное дело, предприятие; вспыльчивый, ненадежный, липовый» была образована от второго значения слова *cat* – *a wild animal of the cat family* – «дикое животное из семейства кошачьих». Такие качества диких кошек, как агрессивность, способность неожиданно появляться и исчезать, независимость в процессе метафорического переосмысления

были перенесены на человека и его действия, что и привело к появлению данного фразеологизма.

Анализируя лексикографические источники, нами была отобрана 81 ФЕ английского языка, содержащие в своем составе лексему *cat*. Следует отметить, что значительно преобладают ФЕ со значением «кошка». По данным *Corpus of contemporary American English* (СОСА; Американский национальный корпус), было выявлено 346 контекстов употребления ФЕ с лексемой *cat*. Среди наиболее часто употребляющихся ФЕ, содержащих в своем составе лексему *cat*, можно выделить следующие сочетания: *cat got your tongue* («проглотить язык»); *fight like cat and dog* («как кошка с собакой, вечные ссоры»); *enough to make a cat laugh* («хоть кого насмешит»); *nervous as a cat* («очень нервный»); *curiosity killed the cat* («любопытство кошку погубило»); *let the cat out of the bag* («проболтаться, проговориться, выдать секрет»); *like a cat on a hot tin roof* («как кошка на раскаленных кирпичках/ быть не в своей тарелке»); *cat's meow/whiskers/pajamas* («что надо, первый сорт; пальчики оближешь»). В английском языке наименьшее количество составляют ФЕ с положительным значением, всего 14 % из всего исследуемого материала. Отрицательную и нейтральную стилистическую окраску имеют 45 % и 39 % фразеологических единиц соответственно.

Таким образом, по результатам анализа, ядро концепта «cat» составляют следующие ФЕ: *let the cat out of the bag* (51), *curiosity killed a cat* (53), *like a cat on a hot tin roof* (56), *cat's whiskers* (49), *cat got your tongue* (48). Ядерные ФЕ составляют 6,1 % от общего количества единиц поля.

Ближнюю периферию составляют ФЕ, образованные от первого словарного значения слова *cat* («small, domestic, fur-covered animal often kept as a pet to catch mice»), однако обладающие меньшей частотностью. К ближней периферии мы отнесли следующие ФЕ: *cat's meow* (15); *cat's paw* (14); *all cat's are grey in the dark* (10), *the cat among the pigeons* (10); *cat may look at a king* (9), *fight like cats and dogs* (11); *there are more than one way to kill a cat* (11); *a cat has nine lives* (12); *have more lives than a cat* (10); *the cat shuts its eyes when stealing cream* (10) и т. д. Фразеологические единицы, составляющие ближнюю периферию, насчитывают 31,3 % от общего количества единиц поля.

Дальнюю периферию составляют единицы с низкой частотностью, образованные от таких значений полисемичной лексемы *cat*, как «кошка – предмет», «кошка – человек». Таким образом, в дальнюю периферию вошли следующие ФЕ: *fat cat* (1); *old cat* (3); *a copy cat* (4); *an old cat*; *a tame cat* (3); *a singe cat* (2); *cat in the pan* (1); *cat o' nine tails* (2); *cool cat* (3); *bell the cat* (2); *weak as cat* (1); *catwalk* (2) и т. д. Фразеологические единицы дальней периферии составляют 46,5 % от общего количества единиц поля.

Единицы крайней периферии характеризуются крайне низкой частотностью или отсутствием в национальном корпусе американского языка. В данную группу вошли устаревшие, а также стилистически и эмоционально окрашенные ФЕ, являющиеся, по данным СОСА, наименее употребительными. Примеры ФЕ дальней периферии: *cat around* («кадрить кого-либо»); *cat in a hell's chance* («никаких шансов»); *catty*

(‘мямля, неуверенный в себе человек’); *cathouse* (‘публичный дом’) и т. д. Фразеологические единицы крайней периферии составляют 16,1 % от общего количества единиц поля.

Связь фразеологизмов с культурой того или иного народа осуществляется посредством образов, которые легли в основу создания данных ФЕ. Выделим характеристики (признаки) кошки как животного, нашедшие свое отражение во фразеологических единицах английского языка, которые, следовательно, являются значимыми для английской культуры.

(1) Структурные признаки выделяются в следующих ФЕ: *all cats love fish but fear to wet their paws* – ‘кошка хочет рыбку, а замочить лапки боится’; *the cat shuts its eyes when stealing cream* (досл. перевод ‘кошка закрывает глаза, когда ворует сметану’) – ‘людям свойственно закрывать глаза на свои грешки’; *what can you have of a cat but her skin* (досл. перевод ‘с кошки ничего не поимеешь, кроме ее шкурки’) – ‘с паршивой овцы хоть шерсти клок’ и нек. др. Данные сочетания основаны на таких признаках животного, как наличие у кошки частей тела (лапы – *paws*, глаза – *eyes*, шкура – *skin*).

(2) Физические признаки реализуются во ФЕ: *a cat has nine lives/ have as many lives as a cat/ have more lives than a cat* – ‘все кошки живучи; быть живучим, как кошка; отличаться поразительной живучестью’; *all cats are gray in the dark* – ‘ночью все кошки серы’; *the cat’s meow* (досл. перевод ‘кошачье мяу’) – ‘что надо, первый сорт’; *fat cat* (досл. перевод ‘жирный кот’) – ‘толстосум, капиталист’. ФЕ *a cat has nine lives/ have as many lives as a cat/ have more lives than a cat* говорят об удивительной живучести кошек. Во ФЕ *all cats are gray in the dark* заключен признак цвета животного (какого бы цвета ни была кошка, ночью, в темноте, она кажется серой). ФЕ *the cat’s meow* – основана на таком признаке, свойственном животному, как способность производить специфические звуки – мяукать. Кошки мяукают в разных ситуациях, в том числе, когда довольны чем-либо. Во ФЕ *fat cat* заключен физический признак размера животного (упитанный, ленивый, довольный собой кот), который в процессе метафорического переосмысления стал обозначать толстых, богатых и влиятельных мужчин, которых иначе называют «денежный мешок».

(3) Функциональные признаки, положенные в основу ФЕ, характеризуют повадки животного, которые нашли отражение в таких ФЕ, как: *like a scalded cat* – ‘как угорелая кошка, сломя голову’ о человеке, находящемся в иступлении, бессмысленно бегущем, мечущемся; *play cat and mouse with somebody* – ‘играть как кошка с мышью’ прежде, чем убить мышь, кошка с ней играет; *a cat-and-dog existence* – ‘как кошка с собакой, вечные ссоры’ о людях, которые часто ссорятся *see how the cat jumps* (досл. перевод ‘смотреть, как кошка прыгнет’) – ‘держаться на ветру, занимать выжидательную позицию’; *that cat won’t jump* (досл. перевод ‘та кошка не прыгнет’) – ‘этот номер не пройдет’; *feel like something the cat has brought in* (досл. перевод ‘чувствовать себя как нечто, что притащила кошка’) – ‘неважно, неловко себя чувствовать, особенно об измученном или забрызганном грязью человеке’ и др. Людьями были замечены яркие

признаки в поведении животных: собаки активно реагируют на кошек лаем и могут их загрызть, именно поэтому они не уживаются вместе, кошки – бесшумные и осторожные охотники, способные долгое время занимать выжидательную позицию, готовясь к прыжку, в момент охоты за добычей.

(4) В отдельную группу следует выделить ФЕ, в которых отображаются признаки, связанные с национальной спецификой английской культуры: *a cat may look at the king* – ‘и кошке не возбраняется смотреть на короля’ пословица, в которой говорится о том, что кто угодно может проявлять любопытство и смотреть на монарха. В данном случае кошка обозначает любого жителя Англии независимо от сословия и положения, занимаемого в обществе. ФЕ *grin like a Cheshire cat* (досл. перевод ‘ухмыляться как Чеширский кот’) – ‘ухмыляться, улыбаться во весь рот’ это выражение приобрело особую популярность благодаря книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Чеширский кот – это персонаж повести, который появлялся и исчезал таинственным образом, оставляя после себя только загадочную улыбку. Именно поэтому важно знать культурологическую информацию, заложенную в данной ФЕ, чтобы правильно понять ее значение. ФЕ *Kilkenny cats / fight like Kilkenny cats* (досл. перевод ‘сражаться как килкеннийские коты’) – ‘бороться до взаимного уничтожения, не на жизнь, а на смерть’ восходит к легенде об ожесточенной борьбе между городами Kilkenny и Irishtown, которая привела к их разорению.

(5) Особую группу представляют собой ФЕ, характеризующие человека. Так, например, ФЕ *a copy cat* – ‘человек, подражающий другим; «обезьяна»’; *a gay cat* – ‘прожигатель жизни, волокита, новоиспеченный бродяга’; *an old cat* – ‘сварливая, злая старуха, «старая кошка»’; *a tame cat* – ‘бесхарактерный человек, послушный чужой воле, мямля’; *a singe cat* – ‘человек, кажущийся хуже, чем он есть на самом деле’ и др. Выделенные в данную группу фразеологизмы, имеют четко выраженную негативную окраску и характеризуют человека, описывая его отрицательные качества, такие, как бесхарактерность, злость, сварливость, желание подражать другим и т. д.

4. Чтобы получить более полное и объективное представление о содержании того или иного концепта данных лексикографических источников недостаточно, необходима верификация полученных результатов. Поэтому мы обратились к носителям английского языка, чтобы выяснить, каким образом представления о концепте «cat» отображаются в их сознании. Для выявления содержания концепта «cat», репрезентированного ФЕ английского языка с лексемой *cat*, мы провели рецептивный эксперимент, который состоял из 2 этапов. На первом этапе испытуемым было предложено перечислить ФЕ, содержащие в своем составе лексему *cat*. На втором этапе участники эксперимента должны были пояснить значение фразеологизмов, в состав которых входит лексема *cat*. В эксперименте принимали участие 53 носителя английского языка (граждане США).

По результатам первого этапа эксперимента можно сделать вывод, что в языковом сознании рядовых американцев концепт «cat» представлен относительно малым количеством ФЕ. Из 53 опрошенных только

29 человек смогли назвать 2 или 3 ФЕ, содержащих в своем составе лексему *cat*, 10 респондентов указали лишь одну ФЕ, 14 респондентов не назвали ни одной ФЕ. ФЕ, которые составили ядро концепта, согласно первому этапу эксперимента, следующие: *all cats are gray in the dark* – ‘ночью все кошки серы’ (34 %); *live like cats and dogs* – ‘жить как кошка с собакой’ (32 %); *like a cat on hot tin roof* (досл. перевод ‘как кошка на раскаленной металлической крыше’) – ‘не в своей тарелке, как на иголках’ (37 %). Периферию составили такие ФЕ как: *curiosity killed the cat* (досл. перевод ‘любопытство убило кошку’) – ‘любопытной Варваре на базаре нос оторвали, много будешь знать – скоро состаришься’ (16 %), *rain cats and dogs* (досл. перевод ‘идет дождь кошками и собаками’) – ‘сильный дождь; льет, как из ведра’ (11 %), *cat's paw* (досл. перевод ‘кошачья лапа’) – ‘орудие в чьих-либо руках’ (7 %).

Анализируя результаты второго этапа эксперимента, когда испытуемым было предложено объяснить значение некоторых ФЕ, репрезентирующих концепт «cat» и содержащих в своем составе лексему *cat*, были получены следующие результаты. В большинстве случаев можно сказать, что в языковом сознании американцев значение тех или иных ФЕ соответствует значениям, зафиксированным в словарях, однако ряд ФЕ приобретают дополнительное значение, которое еще не нашло отражения в словарных статьях. Так, например, ФЕ *like a cat on hot tin roof* – ‘не в своей тарелке, как на иголках’ носителями языка воспринимается как «легкодоступная женщина с неудовлетворенными сексуальными желаниями, ищущая случайных встреч с мужчинами»; ФЕ *all cats are grey in the dark* – ‘ночью все кошки серы’ была дана интерпретация «no woman is ugly in the dark» – ‘ни одна женщина в темноте не является уродливой’; ФЕ *the cat's meow* приобрела значение «одеваться сексуально, чтобы привлечь мужчин, подобно тому, как молоко привлекает кошек, словом, чтобы, взглянув на женщину, можно было сказать *Wow!*». Испытуемыми были также названы и пояснены ФЕ, которые не были

найжены в литературных словарях. Например, ФЕ *catting / catting around* имеет значение ‘ходить по барам, ночным клубам, улицам, чтобы найти мужчину, с которым можно было бы провести ночь. Охотиться на мужчин’; *mad as a wet cat* (досл. перевод ‘сумасшедший, как мокрая кошка’) – ‘быть очень злым’; *cat house* (досл. перевод ‘кошачий дом’) – ‘публичный дом’.

Таким образом, можно сделать вывод, что значения ФЕ английского языка, вербализующих концепт «cat», у носителей английского языка ассоциируются, во-первых, с кошкой, как с домашним животным, и, во-вторых, с женщиной легкого поведения. ФЕ, содержащиеся в своем компонентном составе лексему *cat*, употребляемые для описания женщины, несут отрицательную оценочную коннотацию и пренебрежительный характер.

Наиболее актуальными для носителей английского языка являются функциональные признаки животного, положенные в основу образования фразеологизмов, что свидетельствует о значимости прагматического аспекта, выделяемого в структуре концепта «cat». Т. е. для американцев гораздо важнее то, какую пользу своими действиями может принести кошка, чем цвет ее шерсти или размер, которые соотносятся с физическими признаками животного.

5. В сознании носителей языка образность ФЕ вызывает определенные «картинки», влияющие на эмоциональную сферу. Поэтому становятся фразеологизмами и закрепляются в языке те аспекты окружающей действительности, которые наиболее четко и полно выражают национально-культурные особенности того или иного народа. Образованию ФЕ способствуют, главным образом, заложенные в базовых лексемах тенденции, формирующие специфичные ситуации, которые отражают те или иные признаки. Эти признаки направлены на вскрытие содержания концепта, в данном случае – концепта, представленного в английском языке лексемой *cat*.

Литература

1. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 24. – М., 2003.
2. Крейдлин, Г. Е. Части тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах / Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 12(2).
3. Крючкова, Н. В. Концепт – Референция – Коммуникация / Н. В. Крючкова. – Саратов: Баженов, 2009. – 391 с.
4. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
6. Oxford Idioms. Dictionary for learners of English. – Oxford: University Press, 2006.
7. The Corpus of Contemporary American English (COCA). – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca/>

Информация об авторе:

Геосиди Галина Константиновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Лесосибирского пединститута – филиала Сибирского федерального университета, аспирант кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8-908-209-4620, Galinaqueo@mail.ru.

Keosidi Galina Konstantinovna – senior lecturer at the Department of Foreign Languages of Lesosibirsk Pedagogical Institute – branch of Siberian Federal University, post-graduate student at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 811.11.2'1

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

(на примере немецких концептосфер «политика» и «деньги»)

Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина

COMPARATIVE STUDY OF SOCIAL CONCEPTS

(based on the German conceptual domains “politics” and “money”)

R. D. Kerimov, L. I. Fedyanina

В статье сопоставляются семантические особенности экспликации немецких концептов «политика» и «деньги», в структуре которых выделяются четыре базовых когнитивных признака: антропоморфный, предметный, социальный и природный. Данные номинации метафорически представляют опыт и знания о сфере социальных и денежных отношений, аккумулированные в современной немецкой лингвокультуре.

The article is dedicated to the comparative study of the semantic structure of the German concepts “Politics” and “Money”, which are reconstructed by four conceptual features: anthropomorphic, artifact, social and natural. These metaphors describe the social reality (political and financial relations) and reflect the experience and knowledge accumulated in the modern German linguoculture.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептология, концептуальная метафора, концептуальная сфера, концепт, немецкая лингвокультура.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual linguistics, conceptual metaphor, conceptual domain, concept, German linguoculture.

Лингвокогнитивное изучение и реконструкция концептов на материале различных фрагментов и субсистем лингвокультуры сохраняет в современной германистике свою актуальность и новизну. Такие важные социальные явления, как «политика» („Politik“) и «деньги» („Geld“) занимают центральное место в системе общественных ценностей, поскольку они связаны с осуществлением социальных и экономических отношений и являются маркером социальной стратификации, оказывая огромное влияние на жизнь общества, государства и отдельных граждан. Немецкая лингвокультура в полной мере отражает важную роль данных явлений для германского общества в его современном состоянии, что отражается в регулярной повседневной языковой практике в пределах соответствующих и смежных концептосфер и в исторической перспективе, что находит свое выражение в соответствующих узуальных и окказиональных словоупотреблениях в фразеологическом и паремиологическом фондах словаря немецкого языка.

Выделение признаков структуры концепта сопряжено с выявлением в его структуре некоторых когнитивных признаков, которые охватывают различные исходные семантические области, аккумулирующие фундаментальные параметры окружающего мира, универсальные для всех представителей данного языкового сообщества. В связи с этим актуальными для немецких социальных концептов представляются когнитивные признаки четырех ключевых групп: антропоморфный (физиология и личная сфера человека), социальный (касается сферы общественных отношений), артефактный (созданные трудом человека объ-

екты) и природный (живая и неживая природа), которые представляют как традиционное для немецкого языка, так и индивидуальное вербальное восприятие «политики» и «денег», причем данные номинации преимущественно сопряжены с метафорическим переносом наименований, поскольку описываются лексическими единицами иных исходных концептуальных сфер (см. также работы [1, 2]).

Антропоморфный концептуальный признак охватывает номинации, которые связаны с личной сферой человека: с его физиологией (анатомическим строением человеческого тела, физиологическими особенностями, болезнями и пр.), личным окружением (семья, друзья, родственники, знакомые). Среди номинаций частей человеческого тела и внутренних органов, метафорически концептуализирующих «деньги» и «политику», чаще всего встречаются «рука» („der Arm“), «ноги» („die Beine“, „die Füße“), «лицо» („das Gesicht“), «глаза» („die Augen“), «сердце» („das Herz“), «мускулы» („die Muskeln“), а также «кровь» („das Blut“) и пр. Так, наличие у «денег» «рук» и «ног» может, с одной стороны, указывать на то, что деньги необходимы человеку, как и данные части тела. С указанием количества акцентируется внимание на том, что деньги быстро тратятся, например: „Geld ist wie ein Arm oder ein Bein: du musst es brauchen oder du verlierst es“. „Geld hat hundert Beine, wenn es fortgeht, und nur zwei, wenn es kommt“. „Geld hat hundert Füße“.

В свою очередь, «лицо», которое, согласно латинской поговорке, является «зеркалом души», в немецком политическом языке в некоторой степени сохраняет значение латинского изречения, представляя

собой внешний вид и суть какой-либо политической структуры ФРГ. За метафорой сердца в немецком языке уже закрепилось значение, указывающее на центральную, главную часть чего-то, активируя смысловую важности и исключительности данного внутреннего органа в человеческом теле.

В представлении немецких политиков «сердцем» являются столица Германии, где сосредоточены важнейшие органы государственной власти (парламент и одно из двух представительств федеральных министерств), и парламент – главный законодательный орган страны: „Das Herz unseres Landes schlägt in dieser Stadt“ (Börnsen, 1999). „Das Parlament ist das Herz dieser Demokratie“ (Kansy, 1999).

«Деньги» уже давно традиционно в немецком языке именуют «кровью экономики» („Geld ist das Blut der Wirtschaft“), в то же время «деньги» и «политика» связаны и с нервной системой, проявляя свойства «рефлексии» в сфере общественных отношений, ср., например: „Geld ist Lebensnerv der Dinge“. „Der Lebensnerv der parlamentarischen Demokratie ist das Parlament“ (Schorlemer, 1999). «Мышцы, мышцы», которые способна показать немецкая экономическая система, отражают экономическую мощь ФРГ и высокую производительность труда в немецкой промышленности: „Die deutsche Wirtschaft lässt die Muskeln spielen“ (Blüm, 1998: 7), в то время как собственно «деньги» тоже обладают «большой силой», что указывает на их большую покупательную способность (на деньги можно купить (почти) всё), ср.: „Geld hat größere Macht als der Mann“.

В немецкой паремии отмечена способность денег «говорить» („sprechen“, „reden“), посредством чего подчеркивается способность денег управлять умами и поступками людей, влиять на человека и положение вещей, изменяя их по своему усмотрению, ср.: „Geld spricht alle Sprachen“. „Geld spricht laut“. „Geld spricht immer die Wahrheit“. „Wo Geld redet, muss Verstand schweigen“.

Также к физиологическим особенностям «денег» еще со времен античности относят отсутствие у них запаха: „Geld stinkt nicht“. Это выражение является калькой с латинского изречения „Non olet“ («не пахнут»), которым римский император Веспасиан ответил на упреки своего сына по поводу его распоряжения пополнять казну за счет введения налога на общественные уборные. В современных представлениях данное изречение оправдывает любой способ (чаще всего – нечестный, противозаконный) получения денег.

Морбиальная сфера, проецируясь в область социального, получает активное развитие за счет введения и развития всё новых метафорических единиц («болезнь» („die Krankheit“), «симптом» („das Krankheitssymptom“), «приступ болезни» („der Krankheitsfall“), наименования конкретных болезней, течения и развития болезни и т. д.). В социально-экономической сфере о болезни речь идет в случае критики оппозицией действий правительства или указания на негативные тенденции в экономике. Немецкая экономика, по мнению германских политиков, может проявлять явные «симптомы болезни»: „Die Schattenökonomie ist

schneller als Bruttoinlandsprodukt gewachsen. Das ist in der Tat ein Krankheitssymptom“ (Biedenkopf, 1998: 7).

«Деньги», в свою очередь, обладают способностью «лечить» („heilen“) многие болезни („Geld heilt alle Wunden“), а политики способны «лечить» проблемные сферы: „Wir sollten in der Klimapolitik als ein guter Arzt handeln, der einen Patienten mit Fieber vor sich hat, aber im Blutbild keinen der bekannten Erreger feststellen kann. Er darf nicht warten, bis der Tod des Patienten den Beweis der Ernsthaftigkeit der Krankheit erbringt“ (Rau, 2001b: 207 – 208). Неправильное лечение может, однако, вполне привести и к «летальному исходу» („der Exitus“): „Dieses Rahmenkonzept ist der letzte Beweis dafür, dass in der Forschungs- und Technologiepolitik die Rüttgersche Frischzellenkur ein Beitrag zum Exitus dieser Regierung geworden ist“ (Kiper, 1998: 4).

И наконец, исследуемые концепты могут быть структурированы субпризнаком сферы родственных отношений. Так, «деньги» способны иметь родственников (например, «брата») или быть чьим-либо родственником: „Geld ist des Geldes Bruder“. „Geld ist ein Verwandter“. В первом случае подчеркивается вера человека в то, что деньги способны привлечь еще деньги (ср. с выражениями в русском языке: «деньги – к деньгам»), а во втором выражении подчеркивается важность денег для человеческого существования, которые воспринимаются в качестве родственника, члена семьи, друга и пр.

В социально-политической сфере персонифицируются определенные политические реалии, выступающие в родственных отношениях с другими реалиями: „Umwelt, Ökologie und Ökonomie, das sind keine feindlichen Brüder, sondern das ist Geschwisterpaar, das Zukunft sichern und leben kann“ (Rau, 2001a: 113). „Eine Wissenschaft, die so handelt, macht deutlich, was sie von Anbeginn war und ist: eine Schwester der Freiheit und der Demokratie“ (Rau, 2001b: 323). В указанных случаях терминология родства («брат», «сестра», «братья и сестры» и т. д.) может обозначать как положительные, с точки зрения немецких политиков, так и негативные в их представлении явления социально-политической реальности ФРГ и ЕС.

Социальный признак охватывает те метафорические номинации, которые связаны со сферой общественно-политических и гражданских отношений в обществе, когда человек проявляет себя как представитель определенного класса, социальной группы, политической партии и т. п. К социальным видам деятельности относятся такие, как спорт, криминал, война, профессиональная деятельность, национальная и религиозная принадлежность, социальный статус, искусство, наука и т. д.

Так, метафоры войны характеризуют «деньги» как солдата, который может быть мобилизован („mobilisieren“) и способен вести боевые действия („einen Krieg führen“), например: „Zudem mobilisierten die insgesamt 138 Millionen Euro, die allein der Bund für dieses Programm bereitstellte“ (Perspektiven im Osten). „Geld führt den Krieg“ (Schily, 102). Сфера немецкой политики также может быть описана милитарными метафорами. Так, например, посредством вторичных

номинаций деятельность немецких партий и фракций на внутривнутриполитической арене представляется как «ведение предвыборной борьбы» („den Bundestagswahlkampf führen“) и «идеологические окопные войны» („ideologische Grabenkriege“).

Криминальные метафоры приписывают и «деньгам», и «политике» свойства асоциальных объектов. «Деньги» могут быть вором, мучителем, преступником, убийцей и т. п., посредством чего в немецкой лингвокультуре выражается указание на то, что ради денег люди способны совершать незаконные действия, плохие поступки, например: „Komm, gib das Geld zurück, wenn es dich quält“ (Böll, Erzählungen). „Geld läuft ins Spielhaus wie der Verbrecher zur Richtstätte“. „Geld ist ein Mörder“. „Geld ist ein Dieb“.

Немецкая политика также концептуализируется в социальной коммуникации терминами игры и спортивных состязаний. В целом немцы любят спорт и спортивные соревнования и при метафорической номинации используют понятия популярных в Германии видов спорта: футбола, легкой атлетики, гандбола, автогонок, велоспорта, альпинизма, силовых (бокс, борьба) и зимних (лыжные гонки) видов спорта.

Среди номинаций денег важное место в немецкой лингвокультуре занимают словоупотребления, характеризующие большую силу и огромный экономический потенциал денег, которые подчиняют себе человека. В подобных случаях «деньги» становятся «господином» („der Herr“) мира и над человеком, который часто превращается в их «раба» („der Sklave“). Иногда деньги, наоборот, описываются как «слуга», «помощник» („der Knecht“, „der Diener“), причем часто оба эти значения противопоставляются друг другу («плохой / злой хозяин» – «хороший слуга»), ср.: „Geld ist der Welt Herr“. „Geld ist ein guter Knecht, aber ein schlechter Herr“. „Der eine ist des Geldes Herr, der andere sein Sklave“.

Экономическая сила «денег» придает им иногда статус высокого социального положения, привилегированного положения в обществе, благородного происхождения и т. п.: „Geld ist Adel, Geld ist ohne Tadel“. „Geld macht jeden, der es hat, adlig“. „Geld ist des Volkes Recht“. Тот факт, что «деньги» зарабатываются человеком в его профессиональной деятельности, отражен в изречениях, указывающих на связь денег с профессиями, искусством, например: „Geld lehrt Künste“. „Geld macht aus Vogelscheuchen Grazien“. „Geld macht schöne Leute“. Политическая сила и власть, напротив, воздействует на человека негативно, или, как отмечено в одной немецкой поговорке, «портит его характер»: „Die Politik verdirbt den Charakter“. Различные субъекты политической деятельности также могут представляться в виде людей определенных профессий или социальных ролей («прислуга»): „Bonn ist das Zimmermädchen der Politik; hier dreht sich alles um die Macht. Berlin dreht sich um sich selbst; es kennt keinen Respekt vor Titel und Namen“ (Weiß, 1999).

Активно в современном немецком языке в сферу политики проецируется религиозный аспект социальной реальности. «Деньги» воспринимают как «всемогущего бога»: „Jetzt ist eben Geld für uns der Liebe Gott“ (Schily, 1996: 73). „Geld ist des reichen Gott“. Они

считаются божьим благословением („ein Gottes Segen“). Богатство, по мнению немцев, человеку дается от Бога, а значит и «деньги» благословенны и могут служить добрым делам: „Einerseits erscheint das Geld als Zeichen des göttlichen Segens“ (Geld und Moral, 1994: 126). Другая группа религиозных метафор отражает противоположный взгляд на природу «денег», которые воспринимаются, согласно средневековым христианским воззрениям, как нечто «греховное», ср.: „Viel Geld ist große Sünde, aber wenig Geld ist noch größere“. Im Mittelalter fiel Geld in Ungnade... Geld wurde in zunehmendem Maße als dämonisch dargestellt“ (Boundy: 43).

Успешная политика в сфере экономики традиционно именуется метафорой «экономическое чудо» („das Wirtschaftswunder“), которое переживали в свое время Германия (ФРГ в конце 40-х гг. XX в.) и некоторые азиатские страны (в 90-х гг. XX в.), например, Ю. Корея, Сингапур, Таиланд, отчасти Китай и др.

Артефактный концептуальный признак охватывает номинации, связанные с созданными трудом человека предметами и устройствами, к которым относятся: технические инструменты, устройства и механизмы, транспортные средства, архитектурные сооружения, объекты коммуникаций, а также сфера гастрономии и моды. «Деньги» в современной немецкой лингвокультуре, в первую очередь, выступают инструментом («ключом», «топором»), выполняющим различные технические действия, которые могут рассцениваться как позитивно, так и негативно, ср.: „Geld ist ein Schlüssel für alle Türen“. „Geld öffnet alle Türen“. „Geld ist das Beil, das gute Freunde trennt“. «Политика» в свою очередь также является инструментом (средством) для осуществления определенных действий, однако, в отличие от «денег», она не самостоятельна и не самодостаточна, а лишь орудие в руках политиков: „Die Bildung ist ein Teil des Schlüssels zu dem Haus, in dem wir alle wohnen, und wer diesen Schlüssel nicht benutzen kann oder will, der bleibt draußen vor der Tür“ (Rau, 2002a: 210).

«Политика» активно получает образное переосмысление терминами транспортной субсферы. В публицистике при этом реализуются образы корабля, поезда, автомобиля, а также их составных частей (мотор, якорь, вагон). Традиционный метафорический образ корабля, восходящий еще к античной риторике, создает впечатление о государстве, его развитии, об институтах государственной власти. Наиболее актуальными при этом представляются ситуации движения «корабля-государства» определенным курсом (правильным или неверным) и управления им командой (правительством), например: „Wenn Sie ... auf das Geschehen in der Bundesrepublik blicken, dann sehen Sie, ... dass das Staatsschiff aber auf gutem Kurs ist“ (Solms, 1998: 8). „Das Land auf dem richtigen Weg zu halten und da, wo nötig, Kurskorrekturen vorzunehmen, ist die Aufgabe, die wir ... haben“ (Schröder, 2003).

Метафоры механизма объективируют представления о немецком государстве, о Европейском союзе, о германской экономике как о работающем механизме и описывают механизм в целом, составные части механизма, процессы его функционирования, полом-

ки/починки, управления им. В качестве механизма могут быть представлены как политические системы (например, Евросоюз), так и экономическая сфера: „Lernen Sie verstehen, wie die Europäische Union funktioniert“ (Rau, 2001a: 157).

Механизм состоит из множества составных частей (колесиков, шестеренок и т. д.), в качестве которых в метафорическом смысле выступают органы государственной власти, политические партии, фракции парламента, отдельные граждане Германии и ЕС: „Unsere Gesellschaft wäre ärmer ohne den selbstlosen und unermüdlichen Einsatz jener vielen Bürgerinnen und Bürger, die bereit sind, die vielen kleinen Räder im großen Getriebe des Hilfsgeschehens in Schwung zu bringen und in Schwung zu bleiben“ (Rau, 2001b: 319).

Еще одним распространенным метафорическим образом, характеризующим государство как некоторую целостную структуру, является метафора дома. Разные аспекты функционирования и устройства государства объективируются посредством номинаций дома как целостного сооружения („das Staatsgebäude“), а также конструктивных составляющих здания (фундамент, стены, окна, двери, крыша), выражающих определенные социально-политические процессы, происходящие в государстве и обществе: „Die politische Bildung an unseren Schulen vermittelt jungen Menschen die Kenntnis von den Bausteinen unserer Gesellschaft und unseres Staatgebäudes“ (Rau, 2001a: 96).

В целом немецкое государство предстает в политических речах как открытый дом, устойчивый и защищенный от неблагоприятного воздействия (погоды и пр.). Метафора «Европейский дом» („das europäische Haus“) уже прочно вошла в риторический арсенал германских и европейских политиков и характеризует внутреннюю и внешнюю политику ЕС. Процессы интеграции стран внутри Евросоюза манифестируются как процессы его строительства и ремонта: „An dem europäischen Haus der EU haben mittlerweile mehrere Generationen politisch erfolgreich gebaut“ (Fischer, 1999: 20). Образ «Европейского дома» активно развивался в политическом дискурсе середины 90-х гг. XX в. – начала XXI в. (до наступления экономического кризиса).

Природный признак охватывает первичные и вторичные номинации растений, животных и явлений природы (погода, осадки), которые отражают важные, с точки зрения немецкой лингвокультуры, свойства и качества социальной реальности. Так, к фитоморфной группе наименований относятся названия растений (трав, деревьев), их частей и плодов, а также конкретные виды растительного мира („der Weizen“, „die Kastanien“ и пр.). Деньги при этом рассматриваются как некий растительный организм, который растет („wachsen“), культивируется („streuen“), например: „Der Weizen auf unserem Feld ist Geld“ (Spiegel, 2002: 18). „Das Geld ist relativ am breitesten gestreut. Es wächst mit dem Einkommen der Haushalte“ (Grundwissen 1991: 200). „Schon bis zum Jahr 2005 werde das Einkommen auf 500 Millionen Euro anwachsen“ (Spiegel, 2002: 18).

В сфере политики социальные реалии также номинируются лексемами «дерево» („der Baum“), «растение» („die Pflanze“), причем данные понятия могут

вступать в отношения антонимии («сильное дерево» в противоположность «хрупкому растению»), ср.: „Die gemeinsame Geschichte verpflichtet auch uns. Aber inzwischen – das ist gut so – ist unsere Demokratie kein zartes Pflänzchen mehr, sondern ein starker Baum“ (Schröder, 1999: 35). Говоря о практической деятельности (в области политики, экономики, науки), бывший Федеральный Президент Германии Й. Рау отмечал, например, что часто политические деятели используют нерационально результаты научных открытий, букв.: «охотнее едят яблоки, чем сажают деревья» („lieber Äpfel essen als Bäume pflanzen“). Экономическая деятельность, торговля метафорически часто репрезентируются как растения, которые цветут, плодоносят, например: „Handel ist eine Pflanze, die wächst, wo Frieden ist, sobald Frieden ist und solange Frieden ist“ (Müller, 2003b).

Зооморфные наименования, представляющие деньги и политику в переносном смысле, довольно широко распространены в современном немецком языке и создают яркие, наглядные образы. Деньги предстают чаще всего в виде «птицы» („das Vogel“), «насекомого» („das Insekt“), «рыбы» („der Fisch“) и пр., акцентируя семы неожиданности (появления и исчезновения денег), неподконтрольности человеку (перемещения) денег и т. д.: „Geld ist ein beschwingter Vogel“. „Geld ist wie ein Aal in der Hand“. „Geld ist wie ein Floh; es springt fort, es ist hier für einen Moment, dann – wer kann sagen, wohin es gegangen ist“.

Социально-политические реалии в современной немецкой политической культуре также метафоризируются зооморфизмами, которые обозначают, прежде всего, способы легкой и быстрой наживы и поиски виноватых в определенных политических просчетах. Животные могут в переносном смысле именовать и положительные, и отрицательные черты деятельности политиков и партий („auf das falsche Pferd setzen“), а также указывать на успехи в экономическом развитии („der Tiger am Sprung“).

Деньги и политика могут, как и дикие звери и насекомые, проявлять агрессивное поведение: «кусаться» („beißen“), «колоться, жалить» („stechen“), иметь и показывать «острые зубы» („scharfe Zähne haben“), «извиваться» („sich winden“), что характеризует способность денег приносить людям вред, плохо на них влиять или быть для них недоступными: „Geld sticht“. „Das Geld des anderen hat scharfe Zähne“. „Der König heißt, der Pfennig beißt“ (Beyer, 1985: 442). „Das Geld zieht Geld nach sich und die Läuse Läuseeier“.

В немецкой лингвокультуре встречаются также и образы гротескных, не существующих в природе и в мифологии животных, как, например, «несущая яйца и дающая молоко свиноматка» („die eierlegende Wollmilchsau“) как символ (в реальности не существующего) неисчерпаемого источника материальных благ, и «денежная корова» („die Geldkuh“), как некий финансовый источник, который политики хотят полностью исчерпать (в одном из контекстов: «выдоить до смерти» („zu Tode gemolken haben“)).

В целом актуальные концептосферы „Politik“ и „Geld“ в немецком языковом сознании упорядочиваются разнообразными семантическими признаками,

несущими в себе как положительные, так и отрицательные коннотации. В немецкой лингвокультуре «деньги» ведут себя как относительно самостоятельная и активно действующая сила (которая «растет», «управляет», «путешествует»), оказывающая сильное воздействие на человека (на его мысли, поступки, об-

раз жизни и т. п.), в то время как «политика» метафоризируется либо в динамике, развитии (при описании различных социальных процессов), либо как некий инструмент («ключ», «оружие» и т. д.) в руках политиков, которые воздействуют на государство и общество.

Литература

1. Керимов, Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: уч. пособие / Р. Д. Керимов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 168 с.
2. Федянина, Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: уч. пособие / Л. И. Федянина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 160 с.

Информация об авторах:

Керимов Руслан Джаваниширович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8 (384-2) 58-34-97, kerimovrus@rambler.ru.

Kerimov Ruslan Dzhevanshirovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Germanic Philology of KemsU.

Федянина Любовь Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8 (384-2) 58-34-97, fedianina@inbox.ru.

Fedyanina Lyubov Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Germanic Philology of KemsU.

УДК 81'276.6:62

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЗАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ УЧАСТНИКАМИ УЧЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В. А. Ким

THE CHARACTERISTICS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TERMINOLOGY SEMANTIZATION BY THE PARTICIPANTS OF EDUCATIONAL COMMUNICATION

V. A. Kim

В статье анализируются особенности обыденного и научного сознания, выдвигается гипотеза о существовании степени обыденности знаний, анализируются данные эксперимента со студентами научно-технического профиля НГТУ.

The paper suggests the hypothesis of the knowledge ordinariness degree. The characteristics of ordinary and scientific consciousness are analyzed. So are the data of the experiment with NSTU students majoring in technical studies.

Ключевые слова: обыденное сознание, научное сознание, электротехническая терминология, метаязыковое сознание.

Keywords: ordinary consciousness, scientific consciousness, electrical terminology, metalinguistic consciousness.

Долгое время обыденные и научные знания в науке считались понятиями антагонистичными. Обыденные представления (в противоположность научным знаниям) считались чем-то несерьезным, поверхностным, примитивным и, в конце концов, отходящим на второй план в процессе развития общества. Научные же знания, в противовес обыденным, считались наиболее правильным способом изучить объект и получить четкие ответы на поставленные вопросы.

На современном этапе развития науки ученые стремятся преодолеть это стереотипное распределение ролей между обыденным и научным типами знания, говоря о том, что «обыденное сознание – особая

форма отражения действительности, не уступающая научному сознанию в сложности познания действительности и значимости для жизнедеятельности человеческого общества» [1, с. 73]. Более того, эти два вида отражения действительности тесно взаимосвязаны. А. В. Юревич пишет, что первоначально наука появилась из системы обыденного объяснения и других форм обыденного познания, таких, как магия, алхимия, и сформировалась на их почве. О взаимосвязи научного и обыденного сознания свидетельствует и тот факт, что ученый не сразу становится носителем научного знания, этому предшествует период, в течение которого он является субъектом обыденного зна-

ния. И наоборот, научные знания и представления проникают в нашу повседневную жизнь, изменяя её [6, с. 3 – 4].

Таким образом, научное и обыденное знания постоянно пересекаются, взаимодействуют друг с другом, причем это взаимодействие проходит различные стадии. Целью нашей работы является определение характера взаимодействия обыденного и научно-технического знаний на разных стадиях усвоения последнего. Для реализации поставленной цели был проведен ряд экспериментов со студентами разных курсов научно-технического профиля и преподавателями Новосибирского государственного технического университета. В роли респондентов выступили студенты 1-го курса факультета автоматики и вычислительной техники, студенты 2-го курса факультета радиотехники и электроники, студенты 4-го курса и преподаватели факультета энергетике. Для интерпретации студентам и преподавателям были предложены ключевые, наиболее употребительные в области радиотехники и электроники термины (термины отбирались с помощью преподавателя кафедры общей электротехники): *электрический ток, электрическое напряжение, сопротивление, цепь, резистор, катушка индуктивности, емкость, индуктивность, резонанс, мощность, генератор, потребитель, ветвь, электродвигатель, трансформатор, контур, асинхронный двигатель, символический метод, амперметр, осциллограф*. Преподавателям, помимо этого, предлагались дополнительные вопросы:

1. *Каковы критерии оценки успешного владения термином для студентов (полнота определения, точность формулировки, следование научному стилю при определении термина, умение использовать в контексте)? Дополните, пожалуйста, список собственными критериями.*

2. *Требуется ли давать определения терминов для успешной учебной деятельности? Насколько это важно?*

3. *Какую роль играют формулы в определении терминов студентами?*

4. *Как Вы считаете, можно ли определить толкование терминов студентами как обыденное? Есть ли движение к научному толкованию терминов на последних курсах? В чём оно выражается?*

5. *Используете ли Вы в своей педагогической и научной деятельности дефиниции терминов? Если нет, то чем Вы их заменяете?*

Перейдем к описанию результатов эксперимента. Сразу заметим, что у студентов-первокурсников возникали существенные трудности при экспликации своих знаний о значении терминов. В анкетах можно было встретить комментарии типа *не могу объяснить, так и не понял* (т. е. термины являются для них практически полными агнонимами). Более 75 % анкет содержат упрощенные определения терминов, что также свидетельствует о большой степени их агнонимичности для первокурсников. Например, при дефинировании термина *напряжение* 35 % испытуемых написали, что *напряжение* – это *разность потенциалов*, указав только часть физического смысла данного понятия: в учебной и справочной литературе напряжение определяется как «работа по перемещению единичного

электрического заряда, определяемая интегралом напряженности эффективного электрического поля E , (включающего сторонние поля) вдоль заданного контура g , соединяющего две точки (1, 2) токовой цепи или иной электродинамической системы» [6], а то, что «электрическое напряжение вдоль пути вне источника между точками a и b называют также разностью потенциалов между этими точками» [2, с. 20], является лишь частным случаем. Большинство студентов указали именно на частный случай толкования термина (35 %), а полное определение дали только 17 % испытуемых, что говорит, на наш взгляд, об упрощенном понимании термина студентами. Н. Д. Голев ищет об этом процессе так: «Следует рассматривать и процессы упрощения знаний, необходимо возникающие в учебном и научно-популярном дискурсе, где термины и понятия неизбежно, казалось бы, «отклоняются» от строго научного полюса» [3, с. 18]. При этом автор не определяет эти отклонения как негативные, разрушительно влияющие на язык науки. По мнению ученого, в таких случаях мы можем говорить, скорее, о «количественной редукции», компрессии формы и содержания и переходе научных понятий в другие, упрощенные формы без потери качественных характеристик. Однако в ряде случаев при отклонениях от стратегий научной семантизации термина мы все-таки наблюдаем редукцию важных частей физического смысла термина, а иногда и абсолютную неосвоенность термина сознанием студента. К примеру, термин *катушка индуктивности* был дефинирован 29 % студентов через внешний вид этого устройства – *катушка с намотанной проволокой и со стальным сердечником; некий металлический стержень, на который намотан провод, по которому течет ток; кольца из провода, плотно намотанные друг к другу*, а 41 % испытуемых не дали никакого определения данному термину.

В результате анализа анкет мы обнаружили, что незнание точного смысла термина порождало активную метаязыковую деятельность испытуемых. Студенты, не зная определения термина, обращались за «помощью» к своим фоновым знаниям, к внутренней форме слова и интерпретировали термины, полагаясь на свою языковую догадку. К наиболее частотным особенностям данных толкований можно отнести:

1) толкование значения слова в его нетерминологическом употреблении: *напряжение* – *ощущения после физических, эмоциональных нагрузок; состояние эмоционального раздражения; сопротивление – противоление чему-либо, противодействие; потребитель* – *человек, который только требует что-то и не дает ничего взамен; символический метод* – *необязательный метод, больше для галочки; метод с буквами; асинхронный двигатель* – *неупорядоченный двигатель*. Определение термина, при отсутствии знаний о понятии в научном сознании, дается через призму обыденного сознания;

2) толкование семантики термина путем указания мотивирующего слова: *символический метод* – *метод, основанный на символах; электродвигатель* – *двигатель, работающий на электричестве*. Данный способ толкования (по принципу «масло масляное»)

ориентирован лишь на «прочтение» словообразовательной структуры;

3) в определении электрического тока можно отметить единообразие формулировок. Большинство опрошенных дали определение *упорядоченное направленное движения заряженных частиц*, что соответствует дефиниции в учебной и справочной литературе. Однако 17 % испытуемых, определяя *термин электрический ток*, использовали слово *поток*, а 5 % студентов написали, что *напряжение* – это *величина, заставляющая течь ток*. Эти данные дают основание предполагать, что при осознании природы тока студенты используют метафору жидкости, которая способна течь. Думается, что эта метафора не создана самими студентами, а функционирует в их сознании благодаря дефинициям учебника. В дефинициях электрического тока в учебнике маркёров этой метафоры не встречается, однако при описании электрического напряжения используется метафора жидкости («при **протекании тока** через внешние элементы цепи электрическая энергия преобразуется в другие виды энергии и силами поля выполняется работа по переносу электрических зарядов, которая характеризуется электрическим напряжением»). С. Московичи, один из ученых, изучающих обыденное сознание, высказывает крайне важную в данном контексте мысль о том, что в психике современного человека присутствует феномен, обусловленный его прикрепленностью к некоторой социальной группе и объясняющий его иррациональное восприятие реальности [4, с. 3 – 14]. Работы зарубежных и отечественных ученых подтверждают, что в повседневных и часто в профессиональных ситуациях мы обращаемся к обыденным представлениям, иррациональному восприятию действительности и часто метафорически осмысляем понятия нашей профессиональной сферы. Так, Ан Нгуен-Ксуаном экспериментальным путем доказывается наличие прямо противоположных, взаимоисключающих представлений о природе тока в сознании людей, работающих с электричеством. Важный вывод, к которому приходит исследователь, заключается в том, что «во всех изученных нами ситуациях электричество понималось как материальный элемент, который может накапливаться и сохраняться. Все эти особенности совпадают с тем, что есть у жидкости, которая может двигаться, а может и останавливаться, как в случае удержания электричества внутри человеческого тела или на поверхности неисправной машины» [5, с. 13]. Профессионал, знающий о действительной природе электричества и постоянно работающий с ним, всё же составляет представление об электричестве на основе знакомой и, естественно, более простой субстанции – жидкости, которая образно представляет собой такое сложное явление, как электричество. Очевидным является то, что и наши испытуемые, будущие профессионалы в этой области, редуцируют понятие электричества до образа жидкости. Актуализирована эта метафора, прежде всего, в сознании студентов, так как ни в одной дефиниции преподавателей мы не встретили метафорической номинации для обозначения тока. Эта актуализация характерна именно для одного участника учебной коммуникации, то есть студента, и студентам специально

«насаждается» эта метафора для более простого и быстрого понимания смысла явления.

В единичных анкетах можно было встретить ассоциации, актуализирующие парадигматические: *напряжение – расслабление; ветвь – дерево*; синтагматические: *сопротивление – бесполезно; цепь – золотая*; эпидигматические отношения: *мощность – мощно; мощная*.

Неопределенными остались 18 % терминов.

Анализ анкет преподавателей показал следующие результаты:

Преподаватели, как и ожидалось, дают более развернутые определения, указывая все функциональные характеристики, принцип работы устройств, их строение. Например, *катушка индуктивности – катушка (каркасная или бескаркасная) из электропроводящего материала с изолированными витками обладает значительной индуктивностью при относительно малой емкости и малом активном сопротивлении* (ср. с определением студентов на с. 2). Нельзя не отметить, что почти для всех анкет характерно четкое отнесение явления или предмета к классу: *резистор – промышленное изделие; емкость – электрическая величина; индуктивность – физическая величина; катушка индуктивности – элемент электрической цепи*, чего нельзя сказать о 70 % определений студентов. Студенты же чаще всего указывали в своих определениях на функциональную характеристику понятия (*катушка индуктивности – в ней происходит смена электрической энергии в магнитную, усиливает ток; резистор – сопротивляет*). Разницу в толкованиях студентов и преподавателей можно объяснить тем, что система научных знаний ставит своей целью собрать информацию о выбранном объекте изучения, не вычисляя при этом полезность этих сведений для повседневной жизни. Обыденное сознание отбирает факты и явления действительности на основании их практической полезности, «пригождаемости» для человека в повседневных ситуациях, поэтому дефиниции студентов носят практический характер, прежде всего, что делает предмет или понятие.

Отдельно нужно остановиться на дополнительных вопросах для преподавателей. Приведем наиболее интересные суждения. На вопрос *Требуется ли давать определения терминов для успешной учебной деятельности? Насколько это важно?* преподаватели указали, что важен не сам термин, а смысл, который в него заложен, но тем не менее знание терминов упрощает учебную деятельность, приводит к пониманию сути явления. На вопросы *Как Вы считаете, можно ли определить толкование терминов студентами как обыденное?* все преподаватели дали отрицательный ответ. По мнению испытуемых, определение студентов нельзя назвать обыденным, потому что *студент переосмысливает определение, но толкование термина не меняется; студенты просто не знают терминов*; несмотря на упрощенную дефиницию, сохраняется смысл определения. Преподаватели отмечают, что на последних курсах научное толкование появляется в результате частого обращения студентов к справочной литературе, в которой содержатся определения терминов, а не из-за более глубокого понимания физического смысла термина.

Для того чтобы проследить характер взаимодействия обыденного и научно-технического знания, увидеть движение от одного к другому, считаем целесообразным представить результаты дефинирования одного из терминов (мы выбрали термин *сопротивление*) в таблице.

Как мы видим из таблицы, определение термина **сопротивление** в учебной и справочной литературе состоит из 2-х частей. Первая часть определения – это функциональная характеристика (что показывает сопротивление), а вторая – релятивная (какое отношение имеет к другим физическим явлениям, как посчитать, формула). Необходимо описать процентное соотношение этих 2-х характеристик в дефинициях разных групп испытуемых. Так, на 1-м курсе к функциональной характеристике можно отнести 1-ю и 4-ю дефиниции (46 %), а к релятивной характеристике 5-ю и 6-ю дефиниции (только 10 %). На 2-ом курсе более значимой становится релятивная характеристика – 1-я, 2-я и 5-я дефиниции (63 %). На 4-м курсе и функцио-

нальная (1-я дефиниция), и релятивная характеристики (2-я, 3-я дефиниции) присутствуют в 28 % определений. В дефинициях преподавателей ярко выражена функциональная характеристика (57 %) при отсутствии определений, связанных с релятивной характеристикой. Такое «скачкообразное» увеличение, а затем уменьшение количества дефиниций, связанных с релятивной характеристикой сопротивления, связано, на наш взгляд, с разной актуализированностью этой части дефиниции в сознании респондентов. Студенты 1-го курса только знакомятся с определениями физических понятий, на 2-м курсе термин уже знаком и чаще всего в учебном процессе нужно рассчитать сопротивление, используется формула. А в сознании преподавателей релятивная характеристика никак не актуализирована, потому что определения, позволяющие рассчитать величину и формулы, транслируются ими для студентов.

Таблица

Дефиниция в учебнике	Дефиниция в справочной литературе	Определения студентов 1-го курса	Определения студентов 2-го курса	Определения студентов 4-го курса	Определения преподавателей
Величина, характеризующая противодействие среды движению электрических зарядов, т. е. току. Сопротивление внешнего участка цепи (вне источников) равно отношению постоянного напряжения на участке к току в нем [2, с. 21].	Физическая величина, характеризующая противодействие проводника или электрической цепи электрическому току. Электрическое сопротивление определяется как коэффициент пропорциональности R между разностью потенциалов U и силой постоянного тока I в Законе Ома для участка или замкнутой цепи проводников [6].	1. Препятствует току электронов; насколько трудно идти току при заданном напряжении; что-то препятствующее прохождению тока (35 % определений). 2. Противостояние чему-либо, оппозиция; противодействие; дать отпор чему-либо (23 % определений). 3. Электрическая характеристика цепи; характеристика свойства проводника (11 % определений). 4. То, что действует против напряжения; то, что препятствует напряжению (11 % определений). 5. $R = U : I$ (5 % определений). 6. Связующая величина между напряжением и силой тока (5 % определений).	1. $R = U : I$ (29 % определений). 2. Отношение напряжения к силе тока (23 % определений). 3. Свойство проводника препятствовать току (17 % определений). 4. То, что мешает току течь по проводу (17 % определений). 5. Величина прямо пропорциональная напряжению и обратно пропорциональная току (11 % определений).	1. То, что сопротивляется прохождению тока (28 % определений). 2. $R = U : I$ (19 % определений). 3. Величина, определяющая зависимость между током и напряжением (9 % определений). 4. Участок цепи, на котором создается падение напряжения (9 % определений). 5. Барьер, который уменьшает ток (3 % определений).	1. Величина, характеризующая противодействие электрической цепи (или её участка) электрическому току; способность тел препятствовать прохождению через них электрического тока (57 % определений). 2. Аналогично силе трения при ходьбе, за счёт него организуется направленное движение частиц (14 % определений). 3. Состоит из активной и реактивной составляющих, элемент, создающий потери электроэнергии и мощности (14 % определений).

Итак, нами предпринята попытка осмыслить данные эксперимента и описать особенности взаимодействия обыденного и научного видов сознания. Проанализировав данные эксперимента, мы можем говорить о существовании разной степени обыденности / научности знаний. В сознании студентов обыденные и научные представления смешаны и трудно-

отделяемы. Языковое сознание студентов содержит достаточно неоднородный комплекс представлений о понятиях, явлениях, относящихся к определенной отрасли научно-технического знания. В этом комплексе понятие, термин может быть как частью научного сознания, так и частью обыденного сознания в зависимости от количества и качества знаний, накоплен-

ных о предмете, понятии, явлении. Степень обыденности знания уменьшается по мере того, как человек развивается в направлении от обыденного сознания к научному. Уменьшение степени обыденности, по данным эксперимента, можно охарактеризовать следующими особенностями:

1) для студентов 1-го курса характерна активная метаязыковая рефлексия, связанная с незнанием или неточным знанием термина, в дефинициях студентов

2-го и 4-го курсов и преподавателей данное явление не наблюдается;

2) у студентов старших курсов можно увидеть более точные научные формулировки в определении термина, с отнесением явления к общему классу и описанием его функциональных особенностей;

3) актуализация метафоры жидкости для осознания природы электрического тока студентами всех курсов.

Литература

1. Балашова, Е. А. К вопросу о структуре и содержании обыденного сознания / Е. А. Балашова, Т. И. Ерофеева, Я. Вречко // Филологические заметки / сб. науч. тр. – Вып. 3. – Ч. 1. – Пермь: Перм. гос. ун-т; Любляна: ун-т в Любляне, 2004.
2. Волынский, Б. А. Электротехника: учеб. пособие для вузов / Б. А. Волынский, Е. Н. Зейн, В. Е. Шатерников. – М.: Энергоатомиздат-М., 1987. – 525 с.
3. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание – онтологический и гносеологический феномен / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. – Ч. 1. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009.
4. Московичи, С. Методологические и теоретические проблемы психологии / С. Московичи // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 2.
5. Нгуен-Ксуан, Ан. Ментальные модели физических явлений, связанных с повседневной жизнью (на примере электричества) / Ан Нгуен-Ксуан // Иностранная психология. – 1996. – № 6.
6. Физическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.femto.com.ua/index1.html
7. Юревич, А. В. Социально-психологический анализ научного и обыденного объяснения: дис. ... д-ра психол. наук / А. В. Юревич. – М., 1993. – 360 с.

Информация об авторе:

Ким Валентина Андреевна – аспирант кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета, 8-923-104-9062, kim_valya@inbox.ru.

Kim Valentina Andreevna – post-graduate student at the department of Philology of Novosibirsk State Technical University.

УДК 81.161.1'42

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Л. Г. Ким, Т. Р. Сагдиев

THE INTERPRETATIONAL FUNCTIONING OF METAPHOR IN THE PUBLICISTIC TEXT

L. G. Kim, T. R. Sagdiev

Статья выполнена при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование».

В статье рассматривается метафора как объект авторской интерпретации в публицистическом дискурсе, а также устанавливаются типы такой интерпретации.

The article deals with the metaphor as an object of the author's interpretation in the publicistic discourse, the types of such an interpretation being pointed out.

Ключевые слова: метафора, интерпретация, интерпретируемая единица, интерпретирующий текст, семантизация, типы интерпретации.

Keywords: metaphor, interpretation, interpreted unit, interpreting text, semantization, types of interpretation.

Вводные замечания

Задачей настоящей статьи является рассмотрение метафоры как объекта авторской интерпретации в публицистическом дискурсе, а также выявление способов такой интерпретации.

Исследование метафоры имеет давнюю традицию, которая восходит к эпохе античности и сохраняет свою актуальность до сегодняшних дней. Начиная с Аристотеля, метафора исследовалась, прежде всего, как языковой феномен, фигура речи, троп, лингвистический прием, основанный на переносе свойств одно-

го объекта на другой. В философском ракурсе исследование метафоры связано с фундаментальными гносеологическими вопросами связи мышления и языка, с проблемой невозможности взаимно однозначного перевода элементов мира и элементов языка [9, с. 173 – 193; 14, с. 358 – 386; 18, с. 416 – 433]. В конце XX в. получает развитие когнитивное направление исследования метафоры, согласно которому метафора представляет собой инструмент познания, структурирования и объяснения действительности [1, с. 147 – 174; 2, с. 5 – 32; 3; 4, с. 73 – 94; 5, с. 153 – 172; 11, с. 27 – 30; 12; 13; 19, с. 26 – 52; 21 и др.]. Когнитивный подход раскрывает вопросы эпистемологического статуса концептуальной метафоры, способствует изучению ее когнитивных и коммуникативных функций. Одним из современных направлений данного подхода является, в частности, исследование метафорических концептов [17, с. 13 – 75].

Однако интерпретационный потенциал метафоры в ее дискурсивном функционировании не подвергался пристальному вниманию современной лингвистики. Такой подход предполагает рассмотрение метафоры как единицы, как слова-стимула, детерминирующего создание и деривационное развитие интерпретирующего текста. Например, *В последнее время всё чаще говорят о «войне цивилизаций». По сути, речь идёт в большей степени о проблеме иммиграции. А точнее, о растущей с каждым годом в Западной, а теперь уже и в Восточной Европе армии темнокожих и белокожих иммигрантов-мусульман, враждебных христианству и не принимающих западную цивилизацию ни в чём, кроме развлечений и социального вспомоществования* (В. Большаков. ЛГ, № 50, 2010 г.).

Метафора как объект авторской интерпретации

Д. Дэвидсон называл метафору «грезой, сном языка» [9, с. 173]. По его мнению, понимание, а значит, и интерпретация метафоры носит творческий характер и не подчиняется заранее установленным правилам. Именно поэтому Д. Дэвидсон подчеркивал важность вербализованной интерпретации метафоры. П. Рикер называл метафору «моделью изменения нашего способа смотреть на вещи, способа восприятия мира» [18, с. 425]. По его словам, «творец метафор – это тот мастер с даром слова, который из выражения, непригодного для буквальной интерпретации, создает высказывание, значимое с точки зрения новой интерпретации, которая вполне заслуживает названия метафорической, поскольку порождает метафору не только как нечто отклоняющееся от нормы, но и как нечто приемлемое» [18, с. 419].

Таким образом, главным достижением когнитивной метафорологии стали интеракционистская и антропоцентрическая теоретические модели порождения, понимания и интерпретации метафоры. Интерпретация метафоры как лингвокогнитивный процесс проявляется посредством текста, в нашем случае публицистического. Публицистический текст при этом рассматривается как явление не только языка, социума, эпохи, но и как объективация определенных способов мышления. Рассматривая интерпретацию метафоры только как процесс, происходящий в сознании адресата-реципиента-читателя, многие ис-

следователи не обращают внимания на то, что интерпретация метафоры наряду с этим является одной из форм проявления авторского начала.

Тот факт, что некоторые метафоры для того, чтобы быть понятыми, нуждаются в том или ином сопроводительном интерпретирующем тексте, был замечен давно. В античной риторической традиции сложные для понимания, вызывающие неуместные ассоциации метафоры именовали рискованными.

Истолкование метафоры как авторский тип текста было особенно актуальным в Средние века, когда возникла необходимость богословской и философской интерпретации многочисленных метафорических по своему характеру фрагментов Священного Писания. Ядром Средневековой культуры на протяжении столетий была герменевтика – искусство интерпретации текстов. Именно интерпретируемая, а не «свободная» метафора, в наибольшей мере отвечала прагматическим потребностям своего времени. Так, В. К. Харченко замечает, что «авторы поучений и проповедей эмпирически нашли такое свойство метафоры, которое увеличивало ее этический эффект, а именно – развертывание, распространение, текстопорождение метафор» [20, с. 48].

В эпоху Просвещения получила заметное распространение форма басни – метафорической притчи о животных, подразумевающей человеческие отношения, снабженная простейшим интерпретирующим авторским текстом – «моралью».

В настоящее время основные функции, связанные в Средние века с церковными институтами, а в эпоху Просвещения с поэзией, перешли к публицистике. Современный публицистический текст является наследником и проповеди, и басни, и именно потому интерпретируемая автором метафора получила в его рамках заметное распространение.

Чтобы понять особенности авторской интерпретации метафоры, обратимся сначала к разработанной нами модели интерпретации текста, согласно которой «интерпретация как процесс представляет собой когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в «смыслосчитывании», или распредмечивании, т. е. процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и смыслопостроении, или опредмечивании, т. е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение» [10, с. 95]. Применительно к метафоре процедуру «смыслосчитывания» следует понимать как обращение к внутренней форме, поиск в пределах ассоциативной области взаимодействия смыслов, или, по выражению А. Тверски, «сканирование признаков пространства» (цит. по: [16, с. 224]).

В экспериментальных исследованиях различаются интерпретируемый и интерпретирующий тексты как принадлежащие разным субъектам. При этом один интерпретируемый текст служит источником возникновения множества интерпретирующих текстов, в той или иной степени различающихся между собой. В рассматриваемых нами публицистических текстах, извлеченных из «Литературной газеты» (далее ЛГ), как правило, и исходный текст – «метафора», и ин-

терперирующий текст, во-первых, принадлежат одному автору, а во-вторых, не разграничены формально как два текста, но могут быть выделены умозрительно. Так, В. П. Москвин, рассматривая такой способ интерпретации текста, как его «развертывание», пишет, что «одним из параметров анализа развернутой метафоры может послужить логическая последовательность ее компонентов. По этому параметру в метафорической цепочке можно выделить две части: исходную метафору и метафорическую развертку» [15, с. 137].

Причина авторской интерпретации собственной метафоры заключается в необходимости сузить вариативность ее понимания адресатом, поскольку смысловое содержание текста, получаемого адресатом, т. е. интерпретируемого текста, в процессе его (адресата) интерпретационной деятельности преобразуется, в результате чего адресат-интерпретатор имеет на выходе интерпретирующий текст, смысловое содержание которого при тождестве формы может в большей или меньшей степени, существенно или несущественно отличаться от смыслового содержания интерпретируемого текста. При этом особенность интерпретации метафоры заключается в том, что смысловое поле метафоры изначально является потенциально многозначным, поэтому в большинстве случаев нельзя говорить о нетождественности метафоры и ее интерпретации. Интерпретация метафоры является творческим вкладом в содержание метафоры, а не искажением данного содержания.

Иногда многозначность смысла метафоры не требует вербально выраженной интерпретации. Многие метафоры лирических стихотворений не нуждаются в шлейфе объяснений. Допущение разных интерпретаций является одной из родовых черт поэтического и, шире, художественного дискурса вообще. Интерпретация противоречит художественному тексту. Однако для публицистического текста, в отличие от художественного, широкая вариативность интерпретации в большинстве случаев противоречит основным функциональным установкам, направленным на убеждение адресата в правильности авторской точки зрения, на изменение отношения адресата к различным объектам социальной реальности. Автор публицистического текста решает задачу проводника, направляющего читателя по одному из возможных векторов внутри ассоциативно-семантического поля, заданного внутренней формой метафоры.

Именно на интерпретативном потенциале основано такое свойство метафоры, как генеративность, «текстопорождающая сила», отмечаемое многими авторами. Например, В. К. Харченко пишет: «Текстообразующими свойствами метафоры называется ее способность быть мотивированной, развернутой, т. е. объясненной и продолженной. <...> Метафора порождает текст, но в этом тексте может быть столько же творчества, сколько в самой метафоре» [20, с. 23].

Метаязыковая обусловленность интерпретации метафоры

Любая интерпретация языковой единицы по своей природе носит метаязыковой характер. И. Т. Вепрева определяет уровни существования метаязыкового

сознания – теоретический и обыденный. Теоретический уровень представлен системой научных понятий, концепций, теорий. Научные знания – это результат профессиональной познавательной деятельности, а обыденные знания формируются в повседневной речевой практике и представляют собой донаучный взгляд на язык [7, с. 55]. Именно обыденные знания, как правило, представлены в газетной публицистике.

В публицистических текстах «Литературной газеты» нередко встречаются метаязыковые по своему характеру высказывания, касающиеся того, каким образом публицисты представляют и оценивают такое языковое явление, как метафора.

Рассмотрим пример, показывающий, что метафора в метаязыковом сознании отечественных публицистов может пониматься не только как сопряжение двух отстоящих друг от друга смыслов слова-параметра и слова-аргумента, но и отдельно взятое слово, которое начинает приобретать новый, несвойственный ему смысл или менять свое значение. В данном примере слово «народ» начинает пониматься не как общеупотребительная лексическая единица, но как единица метафорическая. Этот смысловой переход сразу вызывает к жизни несколько различных несовпадающих интерпретаций, являющихся объектом развернутой рефлексии автора А. Макарова в статье «Без кого народ неполный» (ЛГ, № 51, 2010).

Сначала автор описывает сам факт изменения внутренней формы слова «народ», его переосознания как метафоры («образное и даже поэтическое понятие»): *«Некоторые продвинутые умы само существование такого явления, как народ, подвергают сомнению. Во всяком случае, считают его крайне размытым и неопределённым. Кто они, собственно, такие, образующие этот пресловутый «народ»? Шукшинские «чудики»? Пассажиры автобусов и электричек? Потребители водки, колбасы и прочих общедоступных товаров? В процессе разного рода высоколобых дискуссий высказываются догадки о том, что, может быть, никакого народа, на самом деле и нет, что это всего лишь некое образное и даже поэтическое понятие, придуманное для обозначения различных социальных страт и этнических общностей».*

Можно заметить, что автор считает метафору принадлежностью интеллектуального дискурса, хотя и дает ему негативную оценку – «высоколобые дискуссии». Метафора в метаязыковом сознании – «образное и даже поэтическое понятие». Затем автор приводит примеры трактования этой метафоры со стороны как «гламурных героев нашего времени», так и «почвенников»: *«Гламурные герои нашего времени брезгливо называют народ собранием «совков» и «лохов», бывшие трибуны без стеснения именуют «быдлом», вечные оппозиционеры, кривясь, клянут за долготерпение и неохоту выходить на площади с лозунгами и топорами. Какой там народ, не смешите, пожалуйста, так, биологическая масса, безликая толпа, заражённая вирусом бездумного потребления».*

С точки зрения сугубых почвенников, городской книжечей в джинсах и за компьютером к народу, понятно, отношения не имеет. Их архаическая этика

под народом подразумевает одних лишь обитателей глухих заброшенных деревень, одетых в эпические зипуны и презирующие самые полезные достижения цивилизации».

Затем автор, отвергая предыдущие точки зрения, предлагает собственную интерпретацию «народа»: *«Народ – это люди, живущие своим горбом, простите, трудом, независимо от того, какого напряжения в нём больше – физического, умственного или нервного, люди, что-то на земле создающие – руками, головой, душевным ли порывом, но не стрирующие купоны, не проедающие наследство, не ловящие удачу за зелёным сукном в казино и уж тем более не вымогающие взятки».*

Как видно из данного примера, сама существующая в метаязыковом сознании публициста возможность прочтения общеупотребительного слова как метафорического является стимулом к активной интерпретационной деятельности.

Лингвистическая классификация типов интерпретации метафоры

В основе интерпретации метафоры, как уже было сказано, лежит когнитивный поиск пересекающихся значений в ассоциативно-семантических полях двух понятий: слова-параметра и слова-аргумента. Особенность публицистического дискурса заключается в том, что у автора отсутствует возможность представить интерпретацию в ее первичном ассоциативном виде. Набор ассоциаций, вызванный в сознании автора внутренней формой метафоры, для того чтобы быть воспринятым читателем, обязательно должен быть организован в осмысленный текст. На наш взгляд, в рамках публицистического дискурса существует три типа интерпретирующих метафору текстов: *тексты, тяготеющие к дефиниции; тексты, тяготеющие к нарративу; тексты, основанные на «нанизывании» вторичных метафор.* Разумеется, данные типы интерпретирующих текстов не являются взаимоисключающими. В одном конкретном тексте могут быть воплощены сразу два или три типа интерпретации.

Дефиниционный тип интерпретации метафоры

Дефиницией называется определение какого-либо понятия или категории, содержащее наиболее существенные, значимые его признаки. Типовая структура дефиниции содержит указание на ближайший род (класс) понятий или явлений, а также на видовые отличия, т. е. признаки, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса [8, с. 285]. Поскольку внутренняя форма метафоры не является ни понятием, ни категорией, то наименование «дефиниционный тип интерпретации метафоры» используется с определенной долей условности.

Дефиниционный тип – такой тип интерпретации метафоры, который в той или иной форме содержит описание свойств и качеств слова-параметра и слова-аргумента, а также различные рассуждения о связях между ними. При дефиниционном типе интерпретации автором выделяются не наиболее значимые свойства и качества соответствующих понятий и явлений, а лишь те свойства и качества, которые являются об-

щими или сходными. Выбор дефиниционного типа интерпретации обусловлен стремлением автора к логическому обоснованию метафоры. На наш взгляд, дефиниционный тип интерпретации более близок не к научной, а к обыденной дефиниции, включающей в себя, помимо описания свойств и качеств объекта, также чувственные ощущения и представления, связанные с этим объектом.

«Двадцать пять лет идёт у нас идеологическая междоусобица. Не дискуссия, а боевые действия: миф пошёл войной на миф. Миф – это совсем не враньё, не байка. По Лосеву, миф – это форма осмысления реальности массовым сознанием. Кому мешает героический советский миф? Он мешает тем, кто хотел бы легализовать своё презрение к трудовому большинству, к плембсу» (А. Замостьянов. ЛГ. № 51, 2010).

Используя перифразированное определение мифа А. Ф. Лосева, А. Замостьянов отождествляет *массовое сознание* с *сознанием масс*. «Массовое сознание» является объектом исследования современных гуманитарных наук, оно обладает длительной историей формирования и сложной внутренней структурой, термин «массы» же использовался в советской публицистике для обозначения «народа» в социологическом смысле, противопоставленного буржуазным элитам (у Замостьянова «массы» названы *«трудовым большинством»*, *«плембсом»*). Метафора *«идеологическая междоусобица»*, таким образом, толкуется Замостьяновым посредством авторской дефиниции.

Нарративный тип интерпретации метафоры

Нарратив в самом общем смысле понимается как повествование – изображение событий или явлений, следующих друг за другом или обуславливающих друг друга. Повествование теснейшим образом связано с пространством и временем – хронотопом. Обозначение места, действия, название лиц, производящих действия, и обозначение самих действий – это языковые средства, с помощью которых ведётся повествование.

Нарративный тип – такой тип интерпретации метафоры, который раскрывает внутреннюю форму метафоры посредством повествования о событиях, явлениях, протяженных во времени. В ходе данного повествования раскрываются те общие компоненты ассоциативно-семантических полей, которые составляют основу внутренней формы метафоры.

В стране меж тем воцарялась стихия рынка, в сознание людей спешно внедрялись новые нормативы бытия, психология напористого прагматизма, алчные призывы: «Бери от жизни всё!», «Лови шанс!», «Обогащайтесь здесь и сейчас!» (И. Уханов. ЛГ, № 47, 2010).

Данное повествование характеризуется неясным временным периодом, отсутствием действующих субъектов (неясно кем *внедрялись новые нормативы бытия*) и широкими пространственными координатами (*«в стране»*). Эти свойства нарратива можно соотнести со «стихией» как в значении «явление природы, обладающее часто разрушительной силой, которой человек не в состоянии противостоять или покоряемой с большим трудом», так и в значении «явление

общественной жизни, не поддающееся регулирующему воздействию людей, общества» [6, с. 1270]. Прямая речь, представленная «рыночными» лозунгами, является свойством художественного повествования, с помощью которого автор драматизирует текст, что соотносится со словом «воцарялась». Таким образом, при нарративном способе интерпретации метафоры существенное значение для раскрытия ее внутренней формы имеют формальные свойства повествования, такие, как хронотоп, субъекты повествования, прямая речь.

А. Семин в статье «Огнем и долгами», раскрывая метафору посредством повествования, создает своего рода батальную сцену: *«В 2010 году метеорологи не заметили приближения одной из самых сильных засух за последнее столетие. В июне она медленно вползла на территорию России и, как страшная вражеская сила, подминала одну область за другой. Первыми не выдержали леса, запылали, будто сушняк в костре. Лишь когда загорелись целые деревни и огонь подступил к городам, началась мобилизация людей и техники на их спасение»* (ЛГ, № 51, 2010).

В данном случае для интерпретации метафоры ключевое значение имеют глаголы, которые берутся как из семантической сферы слова-параметра «засуха» («леса запылали», «деревни загорелись»), так и из семантической сферы слова аргумента «вражеская сила» («подминала одну область за другой», «огонь подступил к городам»). Такая контаминация лексики из разных сфер возможна благодаря общей «метафорической рамке» повествования, позволяющей описывать природное явление в военных терминах. Целью подобной стратегии повествования является драматизация текста, необходимая для удержания внимания читательской аудитории.

Метафорический тип интерпретации метафоры

Метафорический тип – такой тип интерпретации метафоры, который основан на «нанизывании» в тексте последовательно создаваемых автором метафор, каждая из которых вносит семантический вклад в прояснение внутренней формы других метафор.

«Пожар!» – кричал своей повестью Валентин Распутин, указывая на вопиющие казнокрадство, бесхозяйственность и упадок морали в людях поры развитого социализма. Так то, оказывается, были ещё цветочки, бутончики, Валентин Григорьевич. Настоящий пожар пришёл на Русь куда как позднее. Но никто не взывает: «Пожар!» Все покорно говорят – стихия. И разводят руками: ничего не попишешь, собирай головешки. Сравнивают с цунами и наводнением в Пакистане. Вот, дескать, стихия! Да, но цунами вызывают подводные землетрясения, сдвиги тектонических плит и др. А у нас во владимирских, нижегородских и подмосковных краях чего такого случилось-то?» (Г. Гореловский. ЛГ. № 49, 2010).

Для метафорического типа интерпретации метафоры характерно обильное использование риторических средств – обращений, риторических вопросов. Это связано с особой экспрессивностью такого текста.

Метафоры получают единство в рамках единого эмоционального фона, который компенсирует возможный недостаток общих смыслов. Например, *«И сегодня долевая вода в Воронеже мутна чрезвычайно. Возле совещаний-комиссий кружат вороны-«инвесторы»; им тоже хочется добычу вырвать. Долящики осваиваются в роли обманутых, привыкают жить взаймы, открывают сайты в Интернете и темы на форумах, где обсуждают дела свои скорбные. Например, www.dolevka.vrn.ru/ – там долящики «Строй-Арта» и «НТ+» открыли тему «Как уводят активы Чурсанова». Очень интересно – просто детектив с участием группировок номенклатурных «инвесторов»! Правда, детективы эти подчиняются простым законам джунглей: никто не собирается отдавать свою добычу тем, кто стоит ниже в пищевой цепочке»* (А. Ягодкин. ЛГ, № 35, 2010).

И. Кириллов развивает сразу несколько параллельных метафор: *«В большинстве рассказов – как правило, в самом их начале – находишь художественные зёрна и ждёшь, что они дадут всходы. Очень скоро выясняется, однако, что бесплодна почва, в которую они посеяны. Неблагополучие лежит в основании словесного стиля автора. Писатель словно не ощущает вес слова, и отсюда лёгкая, бескрайняя и бесцветная многоречивость. В ней угасают, ссыхаются, как в пыли, задуманные образы»* (ЛГ, № 47, 2010).

Метафоры в данном примере объединены общими семантическими полями, одно из которых условно можно назвать «литературным», а другое «сельскохозяйственным». Они построены по единому принципу и за счет этого проясняют внутреннюю форму друг друга.

Таким образом, в современном публицистическом тексте метафора является словом-стимулом, детерминирующим процесс порождения интерпретирующего ее текста. Т. е. дискурсивное взаимодействие метафоры и последующего текста можно рассматривать как отношения в паре «интерпретируемый – интерпретирующий текст». При этом как интерпретируемый, так и интерпретирующий текст имеют одного и того же субъекта – автора публикации. Интерпретирующий текст в этом случае является по своей функции и форме организацией метатекстом.

В публицистических текстах используется три типа интерпретации метафоры: дефиниционный, нарративный и метафорический. Дефиниционный тип включает в себя, помимо описания свойств и качеств объекта, также чувственные ощущения и представления, связанные с этим объектом. Нарративный тип раскрывает внутреннюю форму метафоры посредством повествования о событиях, явлениях, протяженных во времени. Метафорический тип интерпретации метафоры основан на «нанизывании» в тексте последовательно создаваемых автором метафор, каждая из которых вносит семантический вклад в прояснение внутренней формы других метафор. Наиболее частотным является дефиниционный тип, отражающий общий принцип реализации семантизирующего процесса.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М., 1979.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
3. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – 193 с.
4. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2.
5. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
6. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
8. Голев, Н. Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3. – Кемерово, 2010. – С. 219 – 289.
9. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
10. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. – 312 с.
11. Крюкова, Н. Ф. Метафора как средство обновления и сохранения семантических полей / Н. Ф. Крюкова // Сохранение и обновление языковых подсистем. – Тверь, 1992.
12. Крюкова, Н. Ф. Метафора и смысловая организация текста / Н. Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 163 с.
13. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [пер. с англ. Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
14. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
15. Москвин, В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 184 с.
16. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 219 – 235.
17. Резанова, З. И. Метафора в процессах языкового миромоделирования / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, Д. А. Катунин // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. – Воронеж, 2003.
18. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
19. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988.
20. Харченко, В. К. Функции метафоры / В. К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
21. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Информация об авторах:

Ким Лидия Густовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка КемГУ, 8-923-430-77-82, kimli09@mail.ru.

Kim Lidiya Gustovna –Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Russian Language department of KemSU.

Сагдиев Тимур Раисович – магистр филологии, Кемеровский государственный университет, 8-961-707-04-14, timurazz@inbox.ru.

Sagdiyev Timur Raisovich – master's degree student at KemSU.

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ТЕКСТ КАК МОДУЛЬНЫЙ ТЕКСТ

А. Н. Клименок

OFFICIAL TEXT AS A MODULE TYPE OF TEXT

A. N. Klimenok

В статье на примере текста приказа анализируются особенности структуры официально-делового текста. Одной из наиболее специфичных структурных особенностей текста документа признается его модульность, способствующая эффективной переработке официально-деловой информации, ее рациональному размещению в текстовом пространстве, что создает условия для удобства и оперативности восприятия текста документа. Основанием для выделения фрагментов модулей в тексте документа, по мнению автора, выступают логико-смысловые принципы членения текста.

The article analyses the specific characteristics of the official text structure as revealed in the text of the order. One of the most specific structural characteristics of the official text is modularity, which aids effective processing of official information and sustainable allocation of this information in the text's space, which facilitates convenient and effective perception of the official text. The author suggests the logical semantic principles of text segmentation to be the basis for the module fragments identification in the official text.

Ключевые слова: структура текста, официально-деловой текст, модульный текст, восприятие информации в тексте, логико-смысловые принципы членения текста.

Keywords: text structure, official text, module type of text, perception of the information in the text, logical-semantic principles of text segmentation.

Проблема структуры текста является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике. На данный момент разработан целый ряд подходов к определению принципов членения текста. Так, можно говорить о структурно-семантическом (анализ посвящен описанию структурно-семантических блоков текста: сложного синтаксического целого, фрагмента и пр.), коммуникативно-речевом (анализ направлен на выявление и описание специфики коммуникативных регистров текста), функционально-смысловом (анализ предполагает вычленение и описание функционально-смысловых типов речи), логико-смысловом (основан на пропозициональном анализе), структурно-семиотическом (текст рассматривается как особая структурированная семиотическая система) и других подходах.

В последнее время, в связи с появлением большого количества структурированных особым образом текстов (особенно рекламных, массмедийных), ученые стали говорить о модульных текстах и их структурных единицах – фрагментах модуля (см., например, [1; 4]): на плоскости модуля размещены и отграничены друг от друга элементы объемно-прагматического членения, которые можно назвать фрагментами. Фрагмент модульного текста – это «содержательный компонент, образованный линейными отрезками текста, объединенными в единое целое и противопоставленный другим таким же компонентам [4, с. 228 – 229]. Авторы подчеркивают специфику модульных текстов, их особые функции в сравнении с привычным, традиционным, «обычным» текстом. Главной особенностью модульных текстов является то, что в них доминирует плоскостной (или двумерный) принцип организации речевого материала, а не одномерный (линейный) принцип, характерный для большинства традиционных текстов. Одна из основных целей подобной структурной организации – придать тексту

воздействующий характер, сделать его более удобным для восприятия.

Мы полагаем, что состав модульных текстов может быть расширен за счет официально-деловых текстов (подобное замечание высказывает и Е. В. Быкова, утверждая, что в деловой документации весьма последовательно проявляется принцип плоскостной организации текста [1, с. 27]): в большинстве документов выделяются как минимум особые текстовые модули – реквизиты, определяемые как структурно-семантические блоки текста, реализующие свою определенную функцию и имеющие строго определенное в нормативных актах (ГОСТе, инструкциях по делопроизводству) последовательное и пространственное расположение; кроме того, в ряде документов и основной текст может быть построен по модульному принципу (см., например, тексты распорядительных документов: постановление, приказ, решение, распоряжение и др., а также акты, протоколы, исковые заявления и пр.). Рассмотрим в качестве примера текст приказа.

Весь текст данного документа является модулем, который состоит из отдельных фрагментов. В качестве таковых выступают, во-первых, реквизиты, несущие в себе релевантные для ситуации официально-деловой письменной коммуникации блоки информации: наименование организации, наименование вида документа, дата документа, регистрационный номер документа, заголовок к тексту, текст документа, подпись, отметка об ознакомлении с документом. Компоненты располагаются в текстовом пространстве в соответствии с установленными канонами, эти каноны определяют также и последовательность размещения фрагментов модуля [2].

ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «КОНСУЛ»

ПРИКАЗ

02 октября 2004 г.

№ 67 л/с

О наложении дисциплинарного взыскания
на кладовщика Никифорова И. С.

(1) За неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей, предусмотренных должностной инструкцией, повлекшее нарушение производственного процесса по изготовлению продукции

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Объявить кладовщику склада Никифорову Ивану Сергеевичу выговор.

2. Довести настоящий приказ до сведения всех работников организации.

(2) **Основание:** докладная записка кладовщика Пахомова Ю.С. от 01.10.2004, акт № 1 от 01.10.2004 о неисполнении кладовщиком Никифоровым И. С. без уважительных причин трудовых обязанностей, объяснительная записка кладовщика Никифорова И. С. от 01.10.2004 с резолюцией Генерального директора.

Генеральный директор _____ И. В. Трошин

С приказом ознакомлен _____ И. С. Никифоров
« ____ » _____ 2004 г.

Для официально-делового текста важно расположение фрагментов-реквизитов модуля в текстовом пространстве. Сильную позицию в модульной структуре текста документа занимает(ют) центральный(ые) фрагмент(ы) модульного текста (в отличие от традиционного текста, где сильной позицией являются начало и конец текста): здесь располагается как раз та информация, ради которой создается текст [4, с. 235]. В анализируемом нами документе в сильной позиции находится реквизит «текст документа».

В верхней части текста документа обычно располагается исходная информация: от кого исходит документ (реквизит «наименование организации»), вид документа (реквизит «наименование документа»), о чем этот документ (реквизит «заголовок к тексту») и др. Важно отметить, что характерным для модульных текстов является представление хронотопа не столько в самом тексте, как это принято в текстах с линейной организацией речевого материала, сколько вне его, отдельным фрагментом [4, с. 244], что отражают реквизиты «дата» и «наименование организации» (место составления документа), также расположенные в верхней части документа. В нижней части текста приказа излагается информация удостоверяющего характера: подпись ответственного официального лица (как правило, руководителя организации), отметка об ознакомлении с документом. Таким образом, мы имеем текст, отдельные фрагменты которого организованно располагаются в текстовом пространстве, выполняя при этом свои определенные задачи.

Фрагменты модуля отделяются друг от друга посредством «белого пространства» текста [3]. При этом строки, занимаемые фрагментами, заполняются не полностью: одни реквизиты занимают часть текстового пространства от левого поля (например, реквизиты «заголовок текста» — *О наложении дисциплинарного взыскания на кладовщика Никифорова И. С.*, «дата» — *02 октября 2004 г.*, реквизит «подпись» — *Генеральный директор*, фрагмент «отметка об ознакомлении с документом» — *С приказом ознакомлен*), другие расположены ближе к центральной части («регистрационный номер» — *№ 67 л/с*, «наименование организации» — *ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «КОНСУЛ»*, фрагмент «отметка ознакомления с документом» — _____ 2004 г.), а третьи занимают правую часть документа (фрагмент «подпись» — *И. В. Трошин*).

В связи с разным типом выражаемого содержания, его значимостью для делового общения фрагменты-реквизиты модульного текста оформляются различными типами вербальных и невербальных знаков.

В качестве вербальных выступают слова (*ПРИКАЗ*), словосочетания (*Генеральный директор*, *ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «КОНСУЛ»*, *О наложении дисциплинарного взыскания на кладовщика Никифорова И. С.*), предложение (*С приказом ознакомлен*). Эти знаки несут основную смысловую информацию.

Наличие большого количества разнообразных невербальных знаков (это различного рода подчеркивания, выделение вербальных компонентов жирным шрифтом, курсивом, использование только прописных букв в тексте модуля, отграничение модулей и фрагментов модулей белым пространством разного размера в вертикальном и горизонтальном направлениях) является одним из показателей модульности текста.

Так, фрагменты модуля, размещаясь в плоскости документа, отграничиваются друг от друга посредством белого пространства. Белое пространство выделяет фрагменты визуально, отграничивая их друг от друга большим расстоянием, делая удобным их восприятие. Строки же внутри фрагмента модуля располагаются друг от друга на меньшем расстоянии (по вертикали), чем расстояние между самими фрагментами модуля. В качестве примера можно привести реквизит «заголовок к тексту» *О наложении дисциплинарного взыскания на кладовщика Никифорова И. С.*, который занимает две строки, выровненные по левому краю, при этом расстояние между строками меньше, чем расстояние между данным фрагментом модульного текста и соседними фрагментами «дата», «регистрационный номер» и «текст документа». Таким образом, белое пространство, с одной стороны, объединяет информационно-смысловой блок в единое целое, а с другой стороны, отделяет этот блок от других фрагментов модульного текста.

Текстоорганизующую функцию реализует также и такой невербальный знак, как линия: в одном случае она определяет место для подписи в реквизитах «подпись» (_____ *И. В. Трошин*, _____ *И. С. Никифоров*), «дата» (_____ 2004 г.); в другом случае этот знак играет усилительную роль,

отграничивая от остальных реквизитов реквизит «наименование организации».

Кроме того, посредством невербальных знаков выделяется наиболее важная, значимая информация. Например, в рассматриваемом официально-деловом тексте как разновидности модульного текста, в отличие от текста с линейной организацией, где используются строчные и прописные буквы, обозначающие границы между высказываниями, в отдельных реквизитах для выделения значимой информации используется шрифт, в котором отсутствует различие между прописными и строчными буквами (например, реквизит «наименование документа» **ПРИКАЗ**, реквизит «наименование организации» **ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «КОНСУЛ»**). Эти фрагменты модульного текста выделены к тому же жирным шрифтом. Такое двойное выделение способствует усилению наиболее значимой информации, в частности, выделению ключевого слова документа — **ПРИКАЗ**.

Все эти знаки, как в любом модульном тексте, необходимы для визуального представления информации, ее выделения по степени ее важности: то, что выделено и наиболее заметно, всегда воспринимается в первую очередь. Выделяются значимые элементы модуля, на которые автор документа обращает внимание читателя в первую очередь, что способствует эффективному восприятию текста.

Таким образом, реквизиты текста приказа являются фрагментами модульного текста, выраженными вербальными и невербальными знаками. Вербальные знаки модульного текста выполняют информативную функцию, они содержат в себе все необходимые для официально-делового общения данные. Важную роль в организации модульного текста играют невербальные знаки, выполняющие две основные метатекстовые функции: 1) функция организации размещения речевого материала в плоскости текста (белое пространство, линии) и 2) усилительно-выделительная функция (выделение фрагмента текста с помощью шрифта и кегля). Такая рациональная, целенаправленная организация модульного текста делает его удобным и эффективным для восприятия: необходимая информация с легкостью вычленяется читателем из текста, однозначно им интерпретируется.

Во-вторых, модульной структурой обладает и основной текст документа, который, в сущности, состоит из двух предложений (они обозначены полужирным шрифтом в скобках). При этом первое предложение совмещает в себе линейный и модульный принципы текстовой организации, второе же предложение представляет собой отдельный фрагмент модуля (хотя он оформлен во многом в соответствии с линейными принципами). Обратимся к детальному анализу указанных единиц текста.

Итак, текст приказа строится вначале по линейному принципу:

За неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей, предусмотренных должностной инструкцией, повлекшее нарушение производственного процесса по изготовлению продукции...

Признаками линейной организации данной части текста являются: 1) все слова высказывания набира-

ются одинаковым кеглем и шрифтом, 2) присутствует абзац, 3) строки заполнены полностью; 4) текстовое поле выровнено по левому краю и по правому краю, 5) промежутки между строками по вертикали одинаковы, 6) используются строчные и прописные буквы, обозначающие границы между высказываниями.

Однако линейный принцип в первом предложении трансформируется в модульный: слово **ПРИКАЗЫВАЮ** размещается с новой строки с левого поля, оформляется прописными жирными буквами — таким образом выделяется ключевое слово данного документа, определяющее основную стратегию изложения информации, тональность документа.

Как отдельные фрагменты модуля оформлены и распорядительные действия:

1. *Объявить кладовщику склада Никифорову Ивану Сергеевичу выговор.*

2. *Довести настоящий приказ до сведения всех работников организации.*

Отдельность фрагментов создается белым пространством текста, оно отделяет от предшествующих и последующих блоков информации, но не разделяет эти фрагменты между собой — роль такого разграничителя выполняют цифровые индексы (фрагменты оформлены как рубрики).

Последний модульный фрагмент основного текста, хотя и использует линейные принципы структурной организации (все слова набраны одинаковым кеглем и шрифтом, строки заполнены полностью, текстовое поле выровнено по левому краю и по правому краю, промежутки между строками по вертикали одинаковы), но при этом отделен от остального текста белым пространством, оформлен без абзаца, включает общее указание на содержание блока с его выделением:

Основание: докладная записка кладовщика Пахомова Ю. С. от 01.10.2004, акт № 1 от 01.10.2004 о неисполнении кладовщиком Никифоровым И. С. без уважительных причин трудовых обязанностей, объяснительная записка кладовщика Никифорова И. С. от 01.10.2004 с резолюцией Генерального директора.

Таким образом, основной текст документа также расчленен на ряд модульных фрагментов. Считаем, что внутренним основанием для их выделения выступает логико-пропозициональная структура текста (см. об этом [5, с. 244 – 252]). Так, в рассматриваемом тексте приказа мы имеем пропозицию речевого действия, актуализированную посредством предиката речевого действия **ПРИКАЗЫВАЮ**. Предикат речевого действия предполагает указание объекта речевого действия: 1. *Объявить кладовщику склада Никифорову Ивану Сергеевичу выговор.* 2. *Довести настоящий приказ до сведения всех работников организации.* Поскольку эти действия подлежат исполнению, они должны быть четко оформлены. По этой причине исполнительские действия расчленены и представлены как отдельные фрагменты модуля. В данной пропозиции в ситуации официально-делового общения важно указать основание для вынесения приказа (каузатив) с той целью, чтобы исполнительские действия носили осознанный характер; в данном тексте оно представлено, с одной стороны, на уровне имеющихся событий, фактов (*За неисполнение без уважительных причин трудовых*

обязанностей, предусмотренных должностной инструкцией, повлекшее нарушение производственного процесса по изготовлению продукции) и, с другой стороны, на уровне соответствующих документов (Основание: докладная записка кладовщика Пахомова Ю. С. от 01.10.2004, акт № 1 от 01.10.2004 о неисполнении кладовщиком Никифоровым И. С. без уважительных причин трудовых обязанностей, объяснительная записка кладовщика Никифорова И. С. от 01.10.2004 с резолюцией Генерального директора).

Следуя положениям работы О. П. Сологуб [5], мы можем утверждать, что и весь текст приказа (включая реквизиты) структурируется в соответствии с логическо-смысловыми принципами членения текста. Текст рассматриваемого документа можно представить в виде макропропозиции речевого действия, где S-1 – субъект речевого действия (выражен реквизитом «подпись») – обращается (P-1 – предикат речевого действия ПРИКАЗЫВАЮ) с определенным сообщением – объектом речевого действия O-1 (представлен на разных уровнях конкретизации: реквизиты «наименование вида документа» ПРИКАЗ, «заголовок к тексту», «текст») к адресату – A-1 (таковым выступают как все члены организации, так и работник, о котором говорится в первом пункте приказа – И. С. Никифоров). Речевое действие осуществляется в определенном месте и в определенное время (реквизиты «наименование организации», «дата»). Таким образом, мы имеем следующую структуру макропропозиции: П-1 = =S-1 – P-1 – O-1 – A-1 – Loc – Temp.

Основная пропозиция уточняется и конкретизируется с помощью дополнительных пропозиций, компонентами которых выступают различные реквизиты. Так, член пропозиции «объект речевого действия» получает дополнительную характеристику путем ввода детальной информации о нем (реквизиты «наименование вида документа», «заголовок к тексту» и «текст документа») (П-2 = O-1 = O-2 = O-3). Уточняет

основную пропозицию дополнительная логическая пропозиция таксономической характеристики со значением места документа в общей системе документации (реквизит «регистрационный номер документа» № 67 л/с) – П-3 = S (= O-1) – P. В силу необходимости официального подтверждения того, что адресат знаком с содержанием приказа, возникает необходимость ввода еще одной дополнительной пропозиции ментального действия (П-4 = S-4 – P-4 – O-1 – Temp), выраженной фрагментами модуля

С приказом ознакомлен _____ И. С. Никифоров
« _____ » _____ 2004 г.

Таким образом, мы имеем модульный текст, структуру которого образуют, во-первых, фрагменты-реквизиты, во-вторых, из фрагментов состоит и основной текст. Основанием для выделения фрагментов является пропозициональная структура как всего текста документа, так и основного его текста: фрагменты модуля соответствуют тому или иному элементу пропозиции (прежде всего – пропозиции речевого действия). Средством выделения фрагментов выступает, в первую очередь, белое пространство текста, дополнительную функцию выделения может реализовывать также и линия. Фрагменты модуля рационально располагаются в текстовом пространстве, что придает коммуникации четкий, организованный характер. Информация, содержащаяся в отдельных фрагментах, обладает особой важностью, в связи с чем используются паравербальные способы выделения (прописные буквы, жирный шрифт, подчеркивание). Подобная структура текста документа, достигаемая широким использованием визуальных приемов, способствует рациональной организации текста, предельной четкости положений, удобству восприятия излагаемой информации и в конечном итоге – эффективной работе с документом.

Литература

1. Быкова, Е. В. Речевая организация модульного текста: монография / Е. В. Быкова. – СПб.: РГТМУ, 2011. – 220 с.
2. ГОСТ Р 6.30-2003. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. – М.: Издательство стандартов, 2003. – 17 с.
3. Радченко, В. В. Архитектоника делового письма (сопоставительный анализ английской, немецкой и русской деловой корреспонденции): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Радченко. – Пятигорск, 2005. – 17 с.
4. Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект: коллективная монография / под ред. В. И. Конькова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 271 с.
5. Сологуб, О. П. О структуре официально-делового текста / О. П. Сологуб // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котуровой. – Пермь, 2010. – Вып. 14.

Информация об авторе:

Клименок Анастасия Николаевна – аспирант кафедры филологии факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета, 8-960-787-87-91, klimenok.anastasia@gmail.com.
Klimenok Anastasia Nikolaevna – post-graduate student at the Department of Philology Novosibirsk State Technical University.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ РУССКИХ РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ

С. В. Коломиец

FOREIGN ELEMENTS IN RUSSIAN ADVERTISING TEXTS

S. V. Kolomiyets

Статья посвящена проблеме «переключения языковых кодов» в русских печатных рекламных сообщениях. В статье исследуются причины употребления иноязычных вкраплений и их функции в русских рекламных текстах. Приводятся примеры использования иноязычных графем, слов и лексических единиц в кириллических рекламных текстах.

The article focuses on the «codeswitching» phenomenon in Russian print advertisements. The article examines the reasons for inserting foreign elements into Russian advertising texts as well as their functions. The examples of graphemes, words and lexical items belonging to another language in Cyrillic advertising texts are given.

Ключевые слова: рекламный текст, рекламный дискурс, иноязычные вкрапления, «переключение языковых кодов».

Keywords: advertising text, the discourse of advertising, foreign elements, «codeswitching».

Реклама давно стала неотъемлемой частью современного общества. Она становится предметом многочисленных дискуссий; наиболее интересные рекламные слоганы цитируются наряду с пословицами и поговорками.

По официальным данным, в США около 60 млн человек практически относятся к разряду функционально неграмотных, но, благодаря рекламе, эти люди ориентируются в социокультурных структурах, различают экономические термины и могут самостоятельно удовлетворить первичные нужды. В рекламе, как в зеркале, отражается уровень и особенности культуры народа [3, с. 90].

Языковое пространство рекламных сообщений и иконические компоненты рекламы дают богатейший материал для анализа технологий смыслопорождения и манипулирования, направленного на формирование определенного мнения, необходимых предпочтений и оценок, а также на создание запланированной иерархии оценок, в том числе и языкового материала [8].

Т. Г. Добросклонская отмечает, что в последнее время количество работ, связанных с изучением различных аспектов рекламного текста, неуклонно растет. Она пишет: «... особенно велико число работ, посвященных изучению англоязычной рекламы, что естественно, учитывая тот факт, что именно медиатексты на английском языке доминируют в мировом информационном потоке как по объему, так и в плане влияния [9, с. 9].

Любой масс-медиаальный текст, предлагающий товар или услугу, представляет собой соединение как рекламной, так и более универсальной, информативной функции. Следовательно, «реклама – это форма коммуникации, переводящей качество товара или услуги на язык нужд и запросов потребителя» [26, с. 12].

Реклама подобна айсбергу: «подводная часть» – это многоэтапный процесс создания рекламного продукта, то есть рекламный дискурс, а «надводная часть» – восприятие готового продукта, то есть рекламного текста [25, с. 53].

Рекламный дискурс – это связный, вербально-невербальный, устный или письменный текст в сово-

купности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм работы сознания коммуникантов. Рекламный дискурс носит опосредованный характер, то есть между адресантом и адресатом есть дистанция – пространственная и/или временная [26, с. 12].

Рекламный дискурс – это когнитивный процесс, связанный с созданием текста, представленного в определенной фиксированной форме [8, с. 9].

Рекламный дискурс – это завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечение внимания к предмету рекламы), сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств [3].

Анализ литературы позволяет говорить о том, что в последние годы было опубликовано большое количество психологических, юридических, экономических, социологических, филологических исследований рекламы и рекламного текста. В том числе объектом исследования становились семиотически сложные рекламные тексты, содержащие знаки разных семиотических кодов. В научных исследованиях семиотически неоднородных рекламных текстов, состоящих из вербальных знаков, иконических/визуальных знаков и аудиальных знаков, объектом исследования выступали изображение, вербальный устный и письменный текст и их взаимоотношения в едином пространстве рекламного сообщения и т. д.

Реализация любого информационного рекламного сообщения имеет в своей основе 6 основных целей, тесно взаимосвязанных между собой и представляющих рекламный дискурс как комплексный вид деятельности, охватывающий коммуникативно-социальную, коммуникативно-регулятивную и интерактивную деятельность участников коммуникации:

– информационную, которая сводится к передаче определенной информации по презентации предлагаемого товара;

– оценочную, состоящую в передаче реципиенту своего отношения к рекламируемому товару;

– аргументативную, представляющую собой доказательство выдвинутого в тексте суждения;

– регулятивную, основное назначение которой состоит в том, чтобы направить в необходимом для коммуникатора плане восприятие реципиентом предлагаемого товара;

– концептуальную, суть которой состоит в том, чтобы создать в мышлении реципиента определенную концептуальную картину рекламируемого товара;

– моделирующую, то есть создающую в мышлении реципиента модель использования рекламируемого товара в повседневной жизни [8, с. 10].

Исходя из основных целей рекламного дискурса, логично предположить, что ведущими функциями рекламного дискурса являются воздействующая и информативная.

В наше время простая передача информации по-прежнему остается важной функцией рекламы. Фактически, в плане затрат времени, которое требуется на сбор информации по выбору товаров, информационное значение для большинства потребителей остается значительным [3].

Воздействующую функцию рекламы можно определить как совокупность эмотивной (вызывает определенную эмоциональную реакцию, мотивирует), эстетической (воздействие рекламного текста как произведения искусства, здесь играет роль сама форма обращения) и убеждающей функций. Реклама берет на себя социальную роль управления уже не только потреблением, но обществом как социальным организмом [3].

Современный рекламный дискурс (в сфере коммерческой рекламы) представляет собой институциональный вид общения, ориентированный на продвижение и/или продажу товаров и услуг. Являясь видом институционального общения, реклама имеет ряд особенностей. Во-первых, она представляет собой так называемый односторонний тип коммуникации, что значительно ограничивает количество возможных механизмов воздействия на аудиторию. Во-вторых, реклама имеет ряд правовых и этических ограничений. В-третьих, важной характеристикой рекламы является ее ограниченность во времени или в пространстве печатных средств массовой информации [17; с. 611 – 624; 23, с. 63 – 66]. Еще одной значимой характеристикой рекламы является подчинение всех ее функций (информационной, воздействующей, функции изменения доминантных ценностей современного социума и др.) единой цели – продаже товара или услуги. Таким образом, прагматичность определяет содержание и архитектуру рекламных текстов. Использование маркированных языковых элементов, к которым относятся сленг, эллиптические конструкции, фразеологизмы, выводит адресата из состояния автоматизма восприятия рекламного дискурса и помогает сконцентрировать его внимание на выделяемых элементах [21, с. 129 – 131]. Для того, чтобы сделать рекламу яркой, оригинальной и запоминающейся, рекламисты и ко-

пиратеры часто используют стилистические и графические средства. К данным средствам можно, безусловно, отнести частое использование в текстах рекламных сообщений слов, лексических единиц и знаков, принадлежащих к системе другого языка.

Проявление иноязычия в текстах русских рекламных сообщений может быть реализовано следующими способами:

– транслитерация русского слова латиницей: *COOPER Made in Priroda* (реклама автомобиля «Cooper»);

– употребление иноязычных графем *DEPZZAY* (реклама автомобиля «Mazda»);

– употребление иностранного слова или лексической единицы в кириллическом тексте *Виртуозы табачного дела с 1907 года - since 1907* (реклама сигарет «DUNHILL»); *Your vision. Our Future.* (реклама фотоаппарата «OLYMPUS»).

Хотя в российском рекламном дискурсе встречается большое количество иноязычных вкраплений из различных языков мира (реклама автомобиля Audi – *Vorsprung durch Technik* (нем.); реклама косметического крема – *THALGO. LA BEAUTE MARINE* (фр.), использование англицизмов является наиболее частотным. Доминирование англицизмов в русском рекламном дискурсе является следствием глобализации рекламы. На современном российском рынке наблюдается повсеместное присутствие международных компаний, чьи бренды и лозунги известны и узнаваемы во всем мире.

В российском научном пространстве использование иноязычных лексических единиц и графем в кириллических текстах описывается в следующих терминах: «смешение языков», «иноязычное слово», «заимствованное слово», «иноязычное вкрапление», «переключение языковых кодов» (перевод английского термина «codeswitching»). Большинство ученых в качестве рабочего используют термин «иноязычное вкрапление», предложенный А. А. Леонтьевым, или термин «переключение языковых кодов» («codeswitching»), который также используется в качестве рабочего большинством зарубежных лингвистов. Думается, эти два термина наиболее полно и точно определяют природу и функционирование иноязычий в устной и письменной речи.

А. А. Леонтьев рассматривает иноязычные вкрапления как результат «сосуществования» двух текстов: «текст на любом языке можно представить как продукт «развертки» модели соответствующего языка, порождающей этот текст по определенным правилам. И, наоборот, можно построить такую модель, которая будет результатом «свертывания» текста по определенным правилам ... Однако ... некоторые отрезки (сегменты) текста не укладываются в нашу модель. Это очень частые в текстах на любом языке иноязычные вкрапления в любой текст [18, с. 61 – 67].

Любое средство коммуникации – естественный язык, искусственный язык типа эсперанто, систему жестов (например, составляющую язык глухонемых) и т. п. – можно назвать кодом [15, с. 61 – 64]. Языковые кодовые переключения («codeswitching») – структурные единицы (морфема, слово, словосочетание, предложение, простое или сложное, часть сложного

предложения, группа предложений) гостевого языка в высказывании на матричном языке, выполняющие особые прагматические и стилистические функции [29; 5].

Употребление иноязычных вкраплений в русских рекламных текстах рассматривается некоторыми современными исследователями как графическая игра, направленная на реализацию воздействующей функции языка, в нашем случае – языка рекламы. «Графогибридизация – это оформление новообразований с помощью графических средств разных языков» [10, с. 145 – 156].

Таким образом, иноязычное вкрапление – это иноязычное слово/лексическая единица, транслитерация иноязычного слова/лексической единицы или иноязычная графема в составе русского слова, представляющая код гостевого языка/языков. Иноязычные вкрапления, как правило, – языковые единицы, не ассимилированные или частично ассимилированные к системе заимствующего языка, они не закреплены в толковых словарях, а также в словарях иноязычных слов [7; 14; 20, с. 95 – 98].

Переключение языковых кодов обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К экстралингвистическим факторам, определяющим употребление иноязычий в устной и письменной коммуникации, относятся политические, экономико-промышленные и культурные связи между народами – носителями языков.

Лингвистические факторы использования иноязычных вкраплений в текстах рекламных сообщений обусловлены выполняемыми ими функциями. Иноязычные вкрапления, встречающиеся в рекламе, во-первых, выполняют номинативную функцию, давая номинации тем явлениям и предметам, которых не было в русской действительности, во-вторых, они осуществляют прагматические функции, а именно: сжатие рекламного текста (компрессирующая функция), привлечение внимания читателя к предлагаемой услуге или товару (аттрактивная функция). Они также служат для выделения коммуникативно-значимых элементов речи, уточнения тема-рематического членения высказывания, композиционного членения текста [13; 17, с. 154 – 158; 19, с. 141 – 143].

С точки зрения формы, выделяют следующие типы языковых смещений:

1. Внешние смещения. Целые предложения приводятся на английском языке. Например: **The Source of Life. GERMANY'S PREMIUM MINERAL WATER** (реклама минеральной воды «SeterS»).

2. Внутренние смещения. Языковая замена происходит внутри предложения. Например: 77 полезных **SPA** – программ (реклама салона красоты).

3. Самая распространенная разновидность смещения языков на уровне слова. Такое смещение требует большой вовлеченности реципиента в прочтение рекламного текста. Например: Tuborg Green. Двигай на вечер **GREEN**ку [6].

Л. П. Амири рассматривает смещение кириллицы и латиницы в рамках отдельной словообразовательной единицы как прием языковой игры [1, с. 53 – 64; 2, с. 225 – 245].

Исследователь в своих работах пишет о том, что на базе рекламного текста с использованием латиницы может обыгрываться:

– название производителя товара или услуги: С «**МЕХХ**» всегда **МЕХХИМАЛЬНЫЙ** успех! (**МЕХХ** – название бренда + максимальный), **пRAVo** на выбор (реклама автомобиля Toyota RAV 4);

– название самого продукта или услуги: **LG** дарите общение – с **Любимыми Говорите** [2].

Для замены названия товара, части или целого рекламного текста на другой язык необходимы следующие предпосылки:

1. Рекламодатель рассчитывает на то, что потребитель обладает знанием иностранного языка, необходимым, чтобы понять рекламное предложение (в идеале должны быть доступны как денотативный, так и коннотативный аспекты). В данном случае копирайтеры упрощают структуру предложений. Предпочтение отдается повелительному наклонению. Чаще всего встречаются односложные глаголы с общеизвестным и общеупотребительным значением: go, do, make, let, think, feel и др. Например: **Think. Feel. Drive** (реклама автомобиля «Subaru»).

2. Иноязычный текст исполняет роль показателя интернациональности, достоверности или современности. Это возможно, даже если иноязычный текст воспринимается просто как иностранный, а содержание его частично или полностью являются непонятными. Например: слоган **ZOOM-ZOOM** в рекламе автомобиля «Mazda» привлекает внимание реципиентов и является запоминающимся, но не все могут его дешифровать (zoom-zoom – имитация звука быстро движущегося предмета на детском сленге, выражающая симбиоз между такими явлениями, как скорость и забава (quick movement и fun). Данный слоган может передать легкость управления и/или восторг от управления данным автомобилем) [6, с. 647 – 654].

Вышеуказанные причины обуславливают две противоположные тенденции ввода иноязычных вкраплений в текст. Первая – иноязычное слово, незнакомое или малознакомое читателю, воспроизводится без какого-либо комментария, перевода и т. п. Такой тип ввода иноязычных слов предполагает, что читатель сам определяет значение используемого элемента, опираясь на контекст или иконический компонент рекламного сообщения, который зачастую способствует раскрытию содержания иноязычных лексических единиц. Например: заголовок **Conquering the Oceans** в рекламе часов «**ULYSSE NARDIN**» дополнен визуальным рядом, представляющим фотографии кораблей в океане, что, несомненно, помогает верно истолковать заголовок рекламного сообщения.

Вторая тенденция – иностранное слово, вводимое в речевой обиход, сопровождается определенными авторскими комментариями, сносками, переводами и т. д. Как правило, слоганы рекламных сообщений четко выделены в рекламном сообщении, перевод же слоганов приводится в заключительной части, печатается мелким шрифтом и не привлекает внимания. Например: слоган в рекламе автомобиля Renault – **DRIVE THE CHANGE** выполнен крупным шрифтом и занимает центральное место в рекламном сообщении. Данная тенденция вполне объяснима, так как

слоган является ударной строкой рекламного сообщения и его основная задача – привлечь внимание. Особой действенностью обладает реклама, в которой рядом с названием марки или товара используется параллельные слоганы на двух языках. Например: слоган **Feel the difference – Навстречу переменам** в рекламе автомобиля «Ford Fiesta» [6; 22, с. 63 – 66].

Значимость и значение иноязычных вкраплений могут зависеть и от их месторасположения в рекламном тексте. Рекламный текст, как и любой другой текст, имеет определенную структурную организацию. Это подтверждается наличием в структурной организации текста рекламного сообщения следующих основных компонентов: заголовков, визуальных средств (иконического компонента), основного текста, подзаголовка, вставок и рамок.

В рекламных сообщениях выделяют следующие композиционные блоки текста рекламного сообщения, которые не имеют аналогов в других текстах:

- 1) графическая часть (иллюстрация, товарные знаки, логотипы и др.);
- 2) слоган (рекламный призыв, лозунг);
- 3) основной текст, который может содержать диапазон предлагаемых товаров/услуг, побуждение адресата к действию и др. В идеале он состоит из зачина, аргументации и заключения;
- 4) реквизиты фирмы (адрес, телефон) [12; 24, с. 10 – 37].

Ю. С. Бернадская выделяет следующие основные вербальные составляющие рекламного текста:

- 1) слоган – краткая афористическая фраза, выражающая основную идею всех сообщений в рамках рекламной кампании;
- 2) заголовок;
- 3) основной рекламный текст;
- 4) рекламные реквизиты: адрес; телефон/факс; электронная почта/сайт; ссылки на документы, свидетельства, сертификаты, лицензии; время работы; контактное лицо и ряд других [4].

Литература

1. Амири, А. П. Феномен иноязычности в текстах современной рекламной коммуникации как способ стирания и создания экспрессивности / А. П. Амири // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2011. – Вып. № 2 (16).
2. Амири, А. П. Языковая игра в рекламе / А. П. Амири, С. В. Ильслова // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
3. Баранов, Г. С. Постмодерн и реклама: мультимедийная реклама как репрезентативный язык культуры эпохи постмодерна / Г. С. Баранов, В. А. Куклина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 177 с.
4. Бернадская, Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов / Ю. С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 288 с.
5. Бове, К. Л. Современная реклама [пер с англ.] / К. Л. Бове, У. Ф. Арнс / под ред. Д. В. Вакина. – Тольятти: Издательский Дом Довгань, 1995. – 704 с.
6. Борнякова, И. В. Англо-американизмы в немецкой рекламе как следствие глобализации экономики / И. В. Борнякова // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2008.
7. Волкова, А. А. Стратегия обеспечения понимания текста с иноязычными вкраплениями (на материале региональных рекламно-информационных журналов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Волкова А. А. – Томск, 2008. – 204 с.
8. Дедюхин, А. А. Модели организации вербальной и визуальной информации в тексте рекламы (на материале английских и русских текстов рекламы автомобилей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. А. Дедюхин. – Краснодар, 2006. – 32 с.

Иноязычные элементы могут появляться в предтекстовой части (заголовки, посвящения, эпиграфы), в тексте и послетекстовой части (для обозначения даты и места создания произведения). Такое позиционирование «расшифровывается» читателем как значимое и воспринимается как указывающее ему единственно возможный путь к верному пониманию текста. Позиционирование намеренно производится автором, который руководствуется собственной интуицией или сложившейся традицией, основанной на соображениях максимального увеличения воздействующей силы высказывания [19, с. 141 – 143]. Слоган является сильным компонентом рекламного сообщения, следовательно, иноязычный компонент в слогане будет выполнять аттрактивную функцию. Данная функция стоит на первом месте в рекламной формуле AIDA (прим. правило, сформулированное в 1889 г. Э. Левисом, устанавливает следующие задачи рекламы: Attention – внимание, Interest – интерес, Desire – желание, Action – действие). Иноязычные вкрапления, находящиеся в основной части рекламного сообщения, которая информирует читателя о товаре, обладают информационной функцией и они, как правило, всегда сопровождаются переводом на русский язык.

Таким образом, переключение языковых кодов в рекламном дискурсе является действенным механизмом реализации социальных, лингвистических и прагматических задач. Для того чтобы данный механизм сработал на сто процентов и не произвел обратного эффекта, необходимо учитывать многие факторы, например, языковую ситуацию в стране, архитектуру рекламного текста и др.

При этом недооценка выполняемой роли знаков иноязычных вербальных кодов в русском рекламном тексте может привести к тому, что товаропроизводители могут потерять часть доходов, а потребители могут не получить или не понять полезную рекламную информацию.

9. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиа-текстов / Т. Г. Добросклонская. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – 288 с.
10. Дульянинов, А. Г. Рекламный дискурс как коммуникативное событие / А. Г. Дульянинов // Менталитет и ментальность / сб. ст. / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Вып. 9. – Серия: Этногерменевтика и этнориторика. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2003.
11. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 296 с.
12. Исаева, Л. В. Языковая игра в поликодовом рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 19. / Л. В. Исаева – Тверь, 2011. – 162 с.
13. Кара-Мурза, С. Г. Краткий курс манипуляции сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2002. – 288 с.
14. Копрева, Л. Г. Иноязычные вкрапления в региональной пресс-рекламе / Л. Г. Копрева. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2006/06/pdf/25pdf>
15. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
16. Крысин, Л. П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека / Л. П. Крысин // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск, 2000. – С. 61 – 64. – Вып. 3(11).
17. Ксензенко, О. А. Прагматические особенности рекламных текстов / О. А. Ксензенко // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2008.
18. Куренова, Д. Г. Семантическая адаптация англицизмов в сфере рекламоведения / Д. Г. // Вестник Ставропольского государственного университета. Серия: Филологические науки. – 2007. – № 53.
19. Леонтьев, А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1966.
20. Манина, С. И. Иноязычные вкрапления в аспекте прагматики / С. И. Манина // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: КГУКИ. – 2008. – № 2.
21. Манина, С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений / С. И. Манина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 1.
22. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы: учеб. пособие / Р. И. Мокшанцев; под ред. М. В. Удальцова. – М.: Инфра-М, 2000.
23. Норлусенян, В. С. Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы / В. С. Норлусенян // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 57.
24. Олянич, А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки / А. В. Олянич // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
25. Попова, Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. С. Попова. – Екатеринбург, 2005. – 256 с.
26. Тарасевич, Т. М. Особенности функционирования экономической терминологии в современном рекламном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. М. Тарасевич. – Тюмень, 2007. – 257 с.
27. Федотова, Л. Н. Социология рекламы / Л. Н. Федотова. – М.: Добросовест, 1999. – 338 с.
28. Черкасова, М. Н. Иностранное слово в СМИ: агрессивный маркер или элемент языкового кода / М. Н. Черкасова // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. Л. Л. Хетагурова. – 2011. – № 1. – С. 190 – 195.
29. Myers-Scotton, C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical outcomes / C. Myers-Scotton. – New-York: Oxford University Press. – 356 p.

Информация об авторе:

Коломиец Светлана Вячеславовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-904-572-1047, kolomsvetlanan@yandex.ru.
Kolomiets Svetlana Vyacheslavovna – Candidate of Philology, senior lecturer at the Department of foreign languages of the Faculty of Roman and Germanic Philology of KemSU.

УДК 811.161.1'1

МЕТАФОРЫ ВОЗРАСТА И ИХ РОЛЬ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА

О. Н. Кондратьева

AGE METAPHORS AND THEIR ROLE IN A PERSON'S SOUL CONCEPTUALIZATION

O. N. Kondratieva

Статья посвящена специфике метафор со сферой-источником «возраст». Описывается роль каждой возрастной стадии (молодость, зрелость, старость) в осмыслении души в русской лингвокультуре. Устанавливаются

лексические единицы, включенные в процесс метафоризации, определяются свойства человека, актуализируемые с помощью подобных метафор. Материалом исследования являются тексты XVIII – XX веков.

The article is devoted to the specific character of metaphors with the area-source of «age». It describes the role of each age stage (youth, maturity, old age) in the perception of soul in the Russian linguoculture. The work determines the lexical units involved in the metaphorization process and describes the personal qualities actualized with the help of such metaphors. The research is based on XVIII – XX centuries texts.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, концептуализация, лингвокультура, картина мира, душа.

Keywords: concept, conceptual metaphor, conceptualization, picture of the world, linguoculture, soul.

Переход на антропоцентрическую парадигму исследования языковых фактов обусловил новые пути исследования единиц метафорического плана, метафора стала ключевым понятием при изучении когнитивных структур. Согласно когнитивной теории, при метафоризации «переносу» подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура» [2]. А. П. Чудинов также отмечает, что в основе когнитивной метафоры «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [9, с. 52].

Таким образом, вполне очевидно, что метафора – это не просто образное средство, связывающее два значения слова, а способ познания мира. Особенно велика роль метафоры «для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [7, с. 3]. Именно с помощью метафоры происходит концептуализация внутреннего мира человека, при его осмыслении метафорически используется содержание целого ряда концептов, особенно велика в этом процессе роль концептов поля жизнедеятельности человека – «жизнь», «смерть», «здоровье», «болезнь», «сон», «бодрствование», «возраст».

Концепт «возраст» имеет «многовековую историю, фигурирует в подавляющем большинстве культур. Несмотря на этнокультурные нюансы, его миссия всегда определяется сходным образом: стадийное структурирование увеличивающегося («растущего») времени. ... он является «ловушкой» для самых разных культурных смыслов, упорядочивает их, работает в различных слоях культурного сознания и разрастается до ментального мира» [1, с. 10]. Велика роль концепта «возраст» и в структурировании внутреннего мира человека, каждая возрастная стадия репрезентирует определенные особенности душевного уклада человека, однако подобный аспект еще не становился объектом специального анализа.

Задача настоящей статьи – установить, как представления о возрасте и возрастных стадиях задействованы при осмыслении концепта «душа» в русской лингвокультуре. В качестве материала исследования использовалась картотека контекстов из произведений XVIII – XX вв., составленная на основе Национального корпуса русского языка [5].

Для достижения поставленной цели необходимо выделить основные возрастные стадии, существующие в русской лингвокультуре, и закреплённые за ними стереотипные представления. В данный момент традиционно выделяют следующие возрастные пе-

риоды: младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость и старость. Как видим, начальный период жизни более структурирован, чем поздний. В наивной картине мира можно говорить о трюичной градации возрастной системы: это начало жизненного пути (от младенчества до молодости) – середина жизни (зрелость) – движение к жизненному финалу (старость). При этом наблюдается отчетливое противопоставление начального и конечного жизненного этапов, молодости и старости. Рассмотрим роль каждого возрастного периода в концептуализации души человека.

1. Начальный период жизни (от рождения до молодости)

1.1. *Младенчество.* По наблюдениям ученых [4, 10 и др.], младенчество выделено как самостоятельный этап из стадии детства. Это самый ранний этап развития живого организма, его первые годы. Согласно стереотипам, сложившимся под влиянием христианской традиции, душа младенца чиста, она еще не запятнана греховными поступками. Соответственно, посредством указания на «младенческий» возраст души актуализируются признаки безгрешности, непорочности.

В этом плане показательно, что прилагательное *младенческая*, характеризующее душу человека, зачастую стоит в одном ряду с прилагательными *ангельская, кроткая, девственная, чистая, светлая*: *Это была поистине ангельская, младенческая душа, исполненная любви и кротости* (К. П. Победоносцев. «Письма к Александру III»); *Даже ее племянница, эта девственная, младенческая душа, пятнадцатилетний ангел чистоты и невинности, даже и она не смела войти в келью своей обожаемой тетки ...* (Ф. М. Достоевский. «Зимние заметки о летних впечатлениях»); *Кому при помышлении о Шиллере не предстанет вдруг эта светлая, младенческая душа, грезившая о лучших и совершеннейших идеалах, создававшая из них себе мир и довольная тем, что могла жить в этом поэтическом мире?* (Н. В. Гоголь. «Выбранные места из переписки с друзьями»).

Как видно из приведенных выше примеров, «младенческой» душой обладают и взрослые люди, будь то пятнадцатилетняя девушка в произведении Ф. М. Достоевского или вполне взрослые люди в иных контекстах. Люди искренние, безгрешные сохраняют «младенческую» душу до старости: *Так и изныла в своих бессильных думах над обделкою разных житейских дел эта состарившаяся, но всегда младенческая душа моей матери* (А. И. Левитов. «Моя фамилия»).

1.2. *Детство.* Уже в Библии детство «символизирует простоту и невинность». Именно в таком контек-

сте Иисус говорил о детском состоянии как необходимым качестве «для вхождения в Царство Небесное (Мф.18:3; 19:14; Мк. 10:15; Лк. 18:16)» [6, с. 983]. А. Мень также отмечает, что *Открытость и доверчивость детской души есть образ доверия человека к своему Божественному Отцу* (А. Мень. «Сын Человеческий»). Заложенная православной традицией связь детскости и чистоты, невинности отражается и в современном мировидении: *Он оставил ее ребенком. Теперь она женщина, но с чистотою детской души* (С. М. Степняк-Кравчинский. «Андрей Кожухов»); *Казалось, внутри ее плакал ребенок, невинный другой человек, и он настолько был одинок и чужд для нее, что даже не будил ее ото сна, – или это плакала ее действительная, детская душа, неизменная и еще не жившая* (А. П. Платонов. «Джан»).

Обращение к Богородице и к Богу происходит только с 'детскими' душой, сердцем и умом: *Коль привитаешь Ты, светя, Тому лишь, кто душой дитя, Святая, чудом благодати Верни мне сердце, ум дитяти* (В. И. Иванов. «О Мать, кто раз Твой лик узрел...»).

Кроме того, 'детская' душа является показателем открытости, доверчивости: *И эта улыбка, светлая, удивительно добродушная, вдруг осветила его мрачное лицо, а из глубоко ввалившихся печальных глаз неожиданно глянула доверчивая детская душа* (Скиталец (С. Г. Петров). «Огарки»); *Было время надежды и веры большой – Был я прост и доверчив, как ты. Шел я к людям с открытой и детской душой, Не пугаясь людской клеветы...* (А. А. Блок. «Ты твердишь, что я холоден...»). Также 'детская' душа зачастую является знаком доброты и великодушия: *Дружба? когда одному было за двадцать пять лет, а другому половина с небольшим того?.. Что нужды! Оба с детскою душою, оба с порывами к добру ...* (И. И. Лажечников. «Басурман»); *О таких людях принято говорить, – детской души человек, ангельской доброты* (В. Гроссман. «Жизнь и судьба»); *Детская душа Жанны была видна и в отношении ее к побежденному неприятелю* (П. И. Ковалевский. «Орлеанская Дева»).

В русской лингвокультуре сложилось убеждение, что 'детской' душой обладает так называемый простой народ, крестьянство: *Он сам же и возразил себе на это, что простой народ, обладая детскою душою, всегда нуждался в людях большого ума и сердца для воплощения своих затаенных мечтаний* (Л. М. Леонов. «Русский лес»); *Крестьянская душа – это детская душа, им нужно хлеба и забавы, причем они все это, и хлеб и забаву, сами производят* (М. М. Пришвин. «Дневники»). В данном случае речь идет о некой природности, незамутненности образованием, детской незрелости.

Обладают 'детской' душой и поэты, далекие от повседневной жизни и живущие в иллюзорном художественном мире: *И своей сдержанностью, чуждой всему внешнему и показному, и – ясным целомудрием отраженной в них «детской» души поэта* (Г. В. Иванов. «Петербургские зимы»).

'Детская' душа находится в противоречии с истинным возрастом человека и его внешним видом: *Возьми Хохла: он, будто, железный, а душа в нем – детская*

(М. Горький. «Автобиографические рассказы»); ... *угрюм и одинок, Грозой оторванный листок, Я вырос в сумрачных стенах, Душой дитя, судьбой монах* (М. Ю. Лермонтов. «Мцыри»); *Отлично мельник оники катает, – сказал он, масляно улыбаясь. – Зверски детская душа!* (М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»); *У него было обаятельная детская душа, вкусная улыбка и неторопливая, мягкая речь* (В. Давыдов. «Театр моей мечты»).

1.3. Отрочество и юность – переходный период между детством и молодостью. Слова для обозначения подросткового периода и ранней молодости появились позднее остальных, первоначально период жизни от рождения до зрелости был представлен недискретно [10, с. 19], все это изначально был один период – детство, что проявляется в схожести характеристик данных возрастных этапов.

'Отроческая' душа, как и 'детская', характеризуется признаками невинности и доверчивости: *Сам не знал, отчего, но с первого взгляда на нее невзлюбила невинная отроческая душа его розовой, пышно сияющей молодостью красавицы, стоявшей перед налом рядом с седовласым его родителем* (П. И. Мельников-Печерский. «На горах»); *И ещё одна встреча с Ассолью ... Её отроческая душа исполнена доверия к людям и миру* («Ассоль») (Блог).

1.4. Юность и молодость. Юность и молодость зачастую означают некую точку отсчета, начало жизни и сознательного поведения. Как отмечает В. В. Колесов, «древний корень *jun-*, сохранный многими родственными языками, имеет значение 'молодой, новый' [3, с. 84]. Р. М. Цейтлин также указывает, что в значении 'молодой' использовалось слово *юный* [8, с. 84]. Таким образом, изначально юность и молодость представляли собой один возрастной этап.

Стереотипным является представление о молодости, как о времени жизни, когда у человека еще все впереди, но уже есть силы и определенные знания о мире. Человек полон энергии, начинается активное познание жизни, это период сильных эмоций и желаний: *свобода, права взрослого, мечты о студенчестве, приволье деревенского житья, все в той же Анкудиновке, дружба с умными милыми девушками, с оттенком тайной влюбленности, ночи в саду, музыка, бесконечные разговоры, где молодость души трепетно изливается и жаждет таких же излияний* (П. Д. Боборыкин. «Воспоминания»); *Его юная душа вся в желание жить, видеть, узнавать* (В. Я. Шишков. «Угрюм-река»).

'Молодость' души не соотносится с реальным биологическим возрастом человека: *Можно и в мои года сохранить молодость души...* (П. Д. Боборыкин. «Василий Теркин»), и она отчетливо проступает сквозь внешнюю оболочку: *Как синева сегодня, проглянула мне молодость души сквозь старую, порванную куклу тела* (Ю. К. Олеша. «Книга прощания»).

'Возраст' души зависит от характера человека, душевного настроения, образа жизни. При наличии активной жизненной позиции, 'молодость' и 'юность' души сохраняется в течение всей жизни человека: *Молодость души можно сохранить до самой последней секунды* (А. Зиновьев. «Русская судьба, ис-

поведь отщепенца»); *Молодость души, так свойственная этому человеку, не определяется ни паспортным возрастом, ни досрочно присвоенным званием, никакими внешними факторами* («Первый из первых»); *Униженные, все глядят понуро, Один лишь ты душою юн и свеж, Как в дни, когда стихами Эпикура Питал наш ум* (С. М. Соловьев. «Всех этих лет, с их радостью и горем...»); *не многим удасться в такую пору жизни и после такой деятельности, ... высказать такую изумительную юность души при такой зрелости мысли и чувства* (К. Д. Ушинский. «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова»).

‘Молодая’ душа у лиц пожилого возраста зачастую указывает на сохранение способности испытывать эмоции и чувства: *Но молодость души, но чувства нежный свет Благоухали в нем под стужей поздних лет* (П. А. Вяземский. «Как ни придишь к нему, хоть вечером, хоть рано...»); *Порой грущу, что стар уж я; Что чую смерти близкий холод И жуткий мрак небытия, – Меж тем как я – душою молод, И животворный сердца пыл Еще с летами не остыл* (А. М. Жемчужников. «Моей музе»), умение радоваться жизни: *Несмотря на седины, молод душою и чист сердцем и способен восторгаться и красотою неба, и его ночными светилами* (П. К. Козлов. «Географический дневник Тибетской экспедиции»).

‘Молодость’ души регулярно соотносится с жизненной силой, способностью мечтать и испытывать желания: *Я молод душою, И силы немало во мне, Давайте хоть соху, хоть грабли с косою, Топор или цеп на гумне!* (С. Д. Дрожжин. «Песня работника»); *В эти минуты он воображал себя черкесом – доказательство, что еще был молод душою* (А. Ф. Писемский. «Взбаламученное море»); *Потом, после небольшого полета в вечность, вернувшись на землю, порадоваться за собственную силу, молодость души (есть желания, есть!)* (В. Шахиджанян. «1001 вопрос про ЭТО»).

2. Середина жизни (Зрелость). Зрелость – самый длительный для большинства людей период жизни. С этим жизненным периодом связаны стереотипы о физической, душевной (психологической), интеллектуальной, духовной зрелости, наличии физической силы и интеллекта. Это период, когда желания и возможности организма сбалансированы. Вполне закономерно, что ‘зрелость’ души является результатом длительного развития, сложной духовной работы, хотя возможны и исключения: *Я одновременно и только родилась, и вместе с тем у меня зрелая душа* (З. Масленикова. «Жизнь отца Александра Меня»).

Человек со ‘зрелой’ душой объективно оценивает события и факты: *Молодость любит в славе только шум, а душа зрелая – справедливое, основательное признание ее полезной для света деятельности* (Н. М. Карамзин. «О счастливейшем времени жизни»); *Юным быть, но со взрослой душой, Пережившей, узнавшей немало, Чтобы всё, что случится со мной, Она зрелостью чувства встречала* (Вс. А. Рождественский. «Пусть то будет как сон или бред...»); *К «Месяцу в деревне» приходят тогда, когда в невозможности недавнего театрального прошлого уже различают «обостренную восприимчивость бедной нату-*

ры» ... когда приходит зрелость души, когда возникает тоска по стабильности, объективности, несуетности (А. Смелянский. «Концерт для скрипки с оркестром»).

3. Финальный период жизни (старость). Старость – сменяющий зрелость возраст, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма. В старости человек подвергается не только потере физической силы, но и его умственные способности ослабевают, появляется пессимизм, отсутствие ожиданий. Постепенно стареет человек, подвергается возрастным изменениям и его душа: *Мечтать и жить в твоей глуши; Уйти в твой древний зной и в нежность Своей стареющей души...* (А. Блок. «Флоренция, ты ирис нежный»); *Ты, старая душа, кончающая век, – Какими ты к весне пробудившись ростками?* (К. К. Слуцкий. «Песни из угла»); *Книгу начинает душа старая, но воспоминанием о своей наивности* (И. Ф. Анненский. «Вторая книга отражений»); *Только змеи сбрасывают кожи, Чтoб душа старела и росла* (Н.С. Гумилев. «Только змеи сбрасывают кожи...»); *Намолчалась в одиночестве Нюра, а сегодня набухла ее старая душа, переполнилась всем передуманным, и хлынула горечь через край: хоть бы успеть высказать все, хоть бы не забылось, что в затайках, припомнить сразу да выплеснуть, тогда легче будет жить-доживать* (В. Личутин. «Вдова Нюра»).

Однако возможны и отклонения от нормы. Прежде всего, душа человека может ‘состариться’ раньше времени, что проявляется в утрате интереса к жизни, равнодушии, апатии: *Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века* (А. К. Виноградов. «История молодого человека (Шатобриан и Бенжамен Констан»)). Причиной преждевременного ‘старения’ души зачастую выступают жизненные невзгоды, страдания, несчастная любовь: *– Я так много, – продолжал барон, – перенес в жизни горя, неудач, что испепелил сердце и стал стар душою* (А. Ф. Писемский. «В водовороте»); *Моргиана сделала так, что у меня теперь старая душа* (А. С. Грин. «Джесси и Моргиана»).

Напротив, при сохранении бодрости духа, при сохранении желаний и устремлений, при стремлении жить и трудиться, душа человека ‘не стареет’: *Душа его еще не состарилась и силы ее не истощились* (Н. М. Карамзин. «Письма русского путешественника»); *смерть не за горами, и лишь грудь не сдастся, желания в груди живут по-прежнему, как в молодости, беда – не стареет душа* (Ч. Айтматов. «Пегий пес, бегущий краем моря»); *Нам в отставку пока уходит еще рано, Не сдаются сердца, им не нужен покой, – Не стареют душой, Не стареют душой ветераны, Ветераны второй мировой!* (Я. Белинский. «Не стареют душой ветераны»).

Таким образом, в концептуализации души задействованы представления обо всех возрастных стадиях организма, однако их можно четко сгруппировать в три этапа: начальный период жизни (от младенчества до молодости), зрелость и финальный этап жизни (старость), каждый из которых имеет свою семантику

и свою оценку в русской лингвокультуре. 'Зрелое' состояние души оценивается нейтрально, оно соответствует норме, является показателем закономерного развития. Метафоры начального этапа жизни оцениваются положительно, они репрезентируют такие характеристики, как невинность, чистота, безгрешность (младенчество), открытость, доверчивость, доброта (детство и отрочество), сила, энергия, способность испытывать сильные эмоции и чувства, желания (юность и молодость). Метафоры, описывающие 'старость' души, имеют ярко выраженную отрицательную окраску, так как обозначают ослабление жизненных сил, отсутствие желаний, неспособность чувствовать, переживать, указывают на равнодушие и безразличие.

Все это ипостаси пассивности, отсутствия полноценной жизни, жизненного начала в человеке, признаки мнимого существования.

Также следует отметить, что в большинстве проанализированных случаев 'возраст' души не совпадает с возрастом самого человека, а отражает особенности его духовного и эмоционального состояния, жизненного настроя. Все сказанное позволяет отметить, что метафоры возраста являются одним из значимых средств концептуализации внутреннего мира человека, позволяющим актуализировать значимые признаки человека, его качества и особенности существования.

Литература

1. Елисеева, Ю. А. Возраст в культурном сознании: опыт системного моделирования: монография / Ю. А. Елисеева. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2008. – 116 с.
2. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева. – Режим доступа: http://www.dialog21.ru/archive_article.asp?param=7339&y=2002&vol=6077
3. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека: монография / В. В. Колесов. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 326 с.
4. Мазалова, Н. Е. «От рожденья до венца, от венца до самого конца» / Н. Е. Мазалова // Н. Е. Мазалова Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях: монография. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 192 с.
5. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
6. Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. – СПб.: Библия для всех, 2008. – 1424 с.
7. Телия, В. Н. Предисловие / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988.
8. Цейтлин Р. М. Заметки по старославянской лексикологии / Р. М. Цейтлин // Этимология. – М.: Наука, 1973.
9. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
10. Щербо, П. А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков (на материале английской, французской и русской лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. А. Щербо. – М., 2008. – 26 с.

Информация об авторе:

Кондратьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, 8(3842) 58-27-45, Kondr25@rambler.ru.

Kondratyeva Olga Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Slavic Languages of KemsU.

УДК 81'243

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Л. А. Коняева

COMPETENCE APPROACH AS A MEANS OF STUDENTS' LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCES FORMATION

L. A. Konyayeva

В статье рассматривается компетентностный подход как одно из оснований обновления содержания образования. Выделены ключевые компетенции, а также подходы и пути формирования лингвосоциокультурной компетенции в учебном процессе высшего профессионального образования.

The article deals with competence approach as the main principle for updating educational content in higher professional education as well as the methods and ways of linguistic and cultural competences formation. It singles out the key competences in the educational-upbringing process.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, компетентностный подход, культуроведческий подход, личность, проектные технологии, высшее профессиональное образование.

Keywords: linguistic and cultural competences, competence approach, culture studies, project methods, higher professional education.

В настоящее время политические, экономические и социальные условия жизни диктуют приоритеты использования иностранного языка как средства общения, поэтому все более актуальным становится поиск новых путей преподавания иностранного языка в вузах. Преподавание иностранного языка в современных условиях требует от преподавателя знания, активного применения различных технологий, творческого подхода и информированности. Процесс обучения иностранному языку характеризуется тем, что не только предоставляет знания и формирует навыки и умения, но может оказывать непосредственное влияние на формирование личности. В связи с этим проблема эффективного обучения иностранному языку приобрела новые приоритеты и оттенки.

Потребности общества в качественной подготовке, в профессионально-личностных качествах современного специалиста обуславливают необходимость использования компетентностного подхода и выделения особых компетенций как интегральной характеристики специалиста гуманитарного профиля, в частности – удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии; формирование у обучающихся гражданской позиции, способности к труду и жизни в условиях современной цивилизации и демократии; сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества.

Третье тысячелетие поставило перед высшим образованием задачу подготовки специалиста, свободно владеющего своей профессией, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному росту, социальной и профессиональной мобильности. Формирование высокого уровня особых компетенций способствует интеграции личности в национальную и мировую культуру. Развитие международного сотрудничества в области науки и культуры требует подготовки специалистов, способных участвовать в речевом общении разных этнических групп и национальностей. В связи с этим проблема формирования высокого уровня иноязычной профессиональной компетентности студентов вуза представляется значимой и актуальной. Иноязычная профессиональная компетентность (ИПК) выпускника гуманитарного факультета представляет собой совокупность отдельных компетенций и позволяет на основе автономного поиска и использования информации на иностранном языке в допустимых видах речевой деятельности осуществлять свою профессиональную деятельность, повышая ее эффективность и тем самым создавая предпосылки для профессионального и карьерного роста личности. Являясь главным результатом иноязычного образования, ИПК будущего специалиста может характеризоваться наличием следующих компетенций: языковой, речевой, компенсаторной, социокультурной, коммуникативной лингвокультурологической, предметной, информаци-

онной и самообразовательной (Н. В. Баграмова, Н. Д. Гальскова, Г. В. Елизарова, Р. П. Мильруд, Е. Н. Соловова, Ф. де Соссюр и др.).

Следует отметить, что лингвокультурологическая компетенция является одной из базисных составляющих иноязычной коммуникативной компетенции, формирование которой составляет главную цель обучения иностранным языкам на современном этапе. Исследователи этой проблемы отмечают, что достижение конечного уровня иноязычной обученности во многом определяется уровнем сформированности лингвокультурологической компетенции. Известно высказывание великого Гете: «Кто не знает иностранного языка, тот ничего не знает о своем собственном». На наш взгляд, студент должен знать, ценить и опираться на родную культуру, но и изучать, понимать, признавать и познавать своеобразие других культур в процессе межкультурных контактов, в «диалоге культур».

Лингвокультурологическая компетенция предполагает владение не только речевыми умениями, но и знаниями законов, обычаев, культурных традиций, менталитета страны изучаемого языка с целью успешного межкультурного общения и осуществления «диалога культур» [2]. Под *лингвокультурологической компетенцией* понимается способность к эффективному общению при помощи изучаемого языка на базе аутентичных текстов, которые отражают социальные, культурные концепты иной социальной общности, включающие фоновые знания, безэквивалентную лексику, правила этикета, принятые в стране изучаемого языка, а также лучшие образцы литературы, песенного и поэтического творчества; это естественное владение языковой личностью процессами речепорождения и речевосприятия и, что особенно важно, владение установками культуры. Предметом современной лингвокультурологии является изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры, так как каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью. Лингвокультурология как самостоятельная отрасль знаний должна решать свои специфические задачи и при этом ответить прежде всего на ряд вопросов, которые в наиболее общем виде можно сформулировать так:

- как культура участвует в образовании языковых концептов;
- к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;
- осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии;
- существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы.

– какова концептосфера (совокупность основных концептов данной культуры), а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур (универсалии); культурная семантика данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей – языка и культуры;

– как систематизировать основные понятия данной науки, т. е. создать понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы – антропологической, или антропоцентрической.

Рассматривая проблему формирования лингвокультурологической компетенции будущих специалистов, следует подчеркнуть, что данный процесс представляет собой сложную многоступенчатую деятельность, которая совершается как ряд следующих друг за другом этапов, организующих разработку предстоящей деятельности от общей идеи к точно запрограммированным действиям и прогнозируемому конечному результату, то есть к практическому функционированию лингвокультурологических умений в коммуникативном поле, в актах межкультурной коммуникации. Одним из возможных путей формирования *лингвокультурологической компетенции* может стать интеграция сразу нескольких подходов – проблемного и проектного в *проблемно-проектный подход* на основе *компетентностного, системного, комплексного, культуроведческого, личностно-деятельностного подходов*. Остановимся подробнее на рассмотрении данных подходов.

1. Подготовка выпускника вуза должна осуществляться в контексте *компетентностного* подхода. *Компетентностный подход* в образовании фиксирует новую (компетентностную) модель образования, то есть такой проект системы целеполагания, планирования, организации и оценки учебно-воспитательного процесса изучения иностранного языка, в котором основным образовательным результатом выступает иноязычная профессиональная компетентность.

2. Суть *системного подхода* состоит в рассмотрении процесса формирования лингвокультурологической компетенции в качестве целостной системы, включающей взаимосвязанные элементы (компоненты), организованные в определенную структуру. Внутренние связи между элементами системы и внешние связи данной системы с другими системами объективны, они существенны для самих объектов или их элементов, многообразны и носят характер взаимных. Корпоративную культуру вуза как среду формирования у студентов лингвокультурологической компетенции необходимо рассматривать как систему, состоящую из элементов: назначение (миссия, цели и задачи); средства, включающие в себя: технологию, стиль деятельности сотрудников, систему стимулирования, контроля, информационное обеспечение; критерии достижения цели и оценки результатов; средства внутренней интеграции: приемы включения новых студентов, язык, способ распределения власти, стиль взаимоотношений, система поощрений и наказаний и др. Кроме того, рассматривая

внутреннюю структуру лингвокультурологической компетенции, выделяя входящие в нее компоненты, следует опираться также на системный подход.

3. Новые социально-экономические условия развития общества и системы профессионально-педагогического образования требуют реализации *комплексного* подхода к эффективной профессиональной подготовке, направленной на формирование лингвокультурологической компетенции, одной из нескольких составляющих *иноязычной профессиональной компетентности*.

4. *Культурологический подход* обеспечивает построение процесса формирования лингвокультурологической компетенции у будущих специалистов как диалога культур, в котором студент изначально занимает активную позицию и раскрывается как субъект данного процесса. Формирование лингвокультурологической компетенции будущих специалистов представляет собой процесс познания культуры будущей профессиональной сферы, в которой студенты выступают его субъектами.

Формирование лингвокультурологической компетенции специалистов в системе высшего профессионального образования будет более успешным на основе уже сформировавшейся культуры вуза, поскольку она является основанием для приобщения личности к культуре будущей профессиональной деятельности.

5. Учет интересов, индивидуальных и национальных особенностей, прошлого опыта студентов составляют основу *личностного компонента* мотивации, в то время как овладение познавательной, коммуникативной и речемыслительной деятельностью представляет собой *деятельностный* компонент мотивации. В. Ф. Аитов выделяет следующие основные принципы использования *личностно-деятельностного* подхода в учебно-воспитательном процессе формирования иноязычной профессиональной компетентности студентов: «центрированность личности студента; деятельностный характер учебного процесса, в котором студент предстает субъектом этой деятельности; принцип развития личности; принцип рефлексивного поведения; принцип интеллектуально-эмоционального напряжения и расслабления; принцип разделенной ответственности всех участников образовательного процесса; принцип свободы личного выбора и ответственности за него» [1]. Особенно ярко основные положения личностно-деятельностного подхода проявляются при реализации проблемно-проектного подхода к обучению.

6. *Проблемно-проектный подход*, разработанный на основе интеграции проблемного и проектного подходов, в основу которой положены сходство их целей, содержания, средств, способов и форм организации учебного процесса по иностранным языкам в вузе, выступает методологической основой формирования лингвокультурологической компетенции, одной из составляющих иноязычной профессиональной компетентности студентов. По мнению В. Ф. Аитова, «система принципов проблемно-проектного подхода, обуславливающих специфику взаимоотношений преподавателя и студента, отбор материала, цель, содержание и средства, направленные на развитие лингво-

культурологической компетенции включает следующие принципы: субъектно-субъектного взаимодействия в процессе обучения на основе положительного эмоционального фона; проблематизации учебного содержания и проблематизация учебного процесса; проблемной структуры учебного материала; сознательной ограниченности предъявляемого преподавателем учебного материала; компаративности; специфической структуры информации; сочетания эвристических и репродуктивных методов; интегративно-предметного подхода; направленного поиска дополнительной (уточняющей) информации; избирательности и самостоятельности; взаимообогащения; переноса знаний, умений и навыков на решение новых нестандартных задач, профессиональной направленности» [1].

Одним из возможных способов реализации проблемного обучения могут выступать *проектные технологии*. Они представляют собой совокупность творческих поисковых и проблемных методов, которые позволяют обеспечить активную самостоятельную учебную и исследовательскую деятельность студентов при изучении дисциплины «Иностранный язык» и во внеаудиторное время, приобрести не только знания, умения и навыки, необходимые для нахождения и решения различных проблем, но и опыт эмоционально-ценностного и практически-деятельностного отношения к окружающему социокультурному пространству. С учетом специфики некоторых гуманитарных факультетов вузов (объем времени, наличие иноязычных профессиональных материалов, возможность использования международной информационной сети) проектный подход к обучению иностранным языкам, на наш взгляд, является оптимальной формой организации учебного процесса.

В рамках развития лингвокультурологической компетенции наиболее приемлемыми и доступными в современных условиях выступают *телекоммуникационные проекты*, направленные на самостоятельный поиск, отбор и первичную обработку информации на основе современных информационных технологий [Интернет, электронная почта, телевидение со спутниковой антенной и пр.]. Поиск и отбор лингвокультурологической информации, которая отражает реалии и предметы культуры страны изучаемого языка, в целом способствует повышению общекультурного уровня развития студентов неязыкового вуза. Как правило, культурологическая значимость материала раскрывается через тематику. При организации проблемно-проектных заданий (в том числе с использованием сети Интернет) следует, в первую очередь, принимать во внимание интересы студентов, будущих учителей.

Так, Г. В. Елизарова, рассматривая процесс реализации взаимодействия субъектов с информационной средой, выделяет следующие уровни в организации такого рода проблемно-проектных заданий: культурологические и профессионально направленные познавательно-поисковые задания на *лингвистическом уровне*; поисково-познавательные задания на *коммуникативном уровне*; поисково-исследовательские задания на *профессиональном уровне* [4].

В качестве проблемно-проектных, поисковых заданий языкового, коммуникативного и профессио-

нального уровней студентам предлагаются задания на поиск иноязычной информации, ее переработку на основе анализа, синтеза, обобщения, систематизации, классификации и подготовку окончательного продукта в виде схемы, диаграммы, таблицы, опорного конспекта и т. п. с обязательным устным предъявлением. Модель рефлексивного овладения иностранным языком основана на том, как оценивают сами изучающие степень сформированности собственных коммуникативных умений и достигнутый уровень коммуникативной компетенции в видах речевой деятельности, анализируют свои достижения и успехи, отслеживают прогресс при выполнении промежуточных и итоговых контрольных тестов, и используют предлагаемые рекомендации преподавателя в самостоятельной работе. В настоящее время источниками аутентичных печатных и аудиотекстов является Интернет. Существует большое количество сайтов, где можно найти соответствующие аутентичные материалы, которые могут быть использованы в качестве учебных: *прагматические, отрывки из художественной литературы, статьи из научных журналов и газет*.

Для более успешной организации деятельности на основе выполнения проблемно-проектных заданий необходимо соблюдение следующих условий: контекстуально-ситуативный ввод студентов в поисковую ситуацию; доступная формулировка проблемно-проектного задания путем словесного его оформления в виде задания-инструкции; наличие лексико-грамматических опор и речевых образцов интерпретации предметной ситуации, которые обеспечат возможность использования предполагаемых проблемно-проектных заданий; иллюстрация возможных образцов использования предлагаемых заданий в группах с разным уровнем языковой подготовки и владения иностранным языком.

В соответствии с принципами проблемно-проектного подхода, учебный процесс на неязыковых факультетах может строиться следующим образом: а) проблемное изложение языкового материала, б) выполнение лингвистических познавательно-поисковых заданий, в) выполнение коммуникативных поисково-познавательных заданий, г) выполнение профессиональных поисково-исследовательских заданий.

Таким образом, выполнение проблемно-проектных заданий лингвистического, коммуникативного и профессионального уровней позволяет:

- во-первых, развивать определенные качества восприятия, мышления, воображения, внимания и памяти;
- во-вторых, отрабатывать выполнение таких умственных операций, как сравнение, классификация, систематизация, абстрагирование и т. п.;
- в-третьих, автоматизировать иноязычные языковые и речевые навыки и в конечном итоге – совершенствовать коммуникативно-речевые умения.

Это в совокупности позволяет формировать лингвокультурологическую компетенцию и в целом иноязычную профессиональную компетентность.

Следующий специфический фактор формирования лингвокультурологической компетенции – *научно-исследовательская деятельность студентов*. Согласно предлагаемой модели, вовлечение студентов в

научно-исследовательскую деятельность может осуществляться в рамках работы научно-исследовательских кружков. В процессе исследовательской работы студентами изучаются культурные реалии обыденной жизни (еда, жилище, отдых, отношения в семье, одежда и т. д.), символика цвета, формулы речевого этикета, поговорки, пословицы, невербальные формы общения в родной и английской культуре по методу сопоставительного лингвострановедения.

Для развития лингвокультурологической компетенции особое значение имеет создание единой системы учебной и самостоятельной работы по иностранному языку. Эффективно организованная самостоятельная работа в различных и многообразных формах становится логическим продолжением

учебного процесса. Как показывает опыт преподавания, учебный процесс во внеаудиторное время также следует строить преимущественно как выполнение индивидуальных проблемно-проектных заданий. Преподавателю при этом отводится роль координатора и помощника. Преподаватель организует интересные и содержательные формы обучения студентов, направленные на обогащение и расширение словарного запаса, кругозора, эрудиции и познавательных интересов для овладения языком, восполняет информационно-образовательный пробел; способствует формированию общечеловеческих ценностей и одновременно более глубокому пониманию традиций, обычаев и культуры изучаемой страны.

Литература

1. Аитов, В. Ф. Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В. Ф. Аитов. – СПб., 2006. – 36 с.
2. Баграмова, Н. В. Компетентностный подход в практике обучения иностранным языкам / Н. В. Баграмова. – М.: Феникс, 2005. – 315 с.
3. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 5-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 320 с.
4. Елизарова, Г. В. Культурологическая лингвистика: опыт исследования понятия в методических целях / Г. В. Елизарова. – СПб.: Бельведер, 2009. – 138 с.
5. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций / Е. Н. Соловова. – 3-е изд. – СПб., 2005. – 230 с.

Информация об авторе:

Коняева Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 факультета романо-германской филологии КемГУ, ulasik@mail.ru.

Konyayeva Lyudmila Aleksandrovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of English Philology № 1 of KemsU.

УДК 811. 161. 1'27'36

ТЕКУЩЕЕ ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: КОГЕРЕНТНЫЙ И КОГЕЗИВНЫЙ АСПЕКТЫ Ю. В. Косицина

CURRENT TOPICAL DEVELOPMENT: ASPECTS OF COHERENCE AND COHESION U. V. Kositsina

В статье рассматривается динамическая сторона тематической организации диалектного монолога, имеющая варианты своего проявления. Одним из вариантов является текущее тематическое развитие, представленное в плане когерентности и когезии.

This paper represents the dynamic aspect of the topical organization of dialect monologue, which has its own options. One option is the current topical development, presented in the terms of coherence and cohesion.

Ключевые слова: диалектный монологический текст, тематическая организация, текущее тематическое развитие, когерентность, когезия.

Keywords: dialect monologue, topical organization, current topical development, coherence, cohesion.

Тематическая организация диалектного монологического текста может быть рассмотрена в статике как тематическая структура и в динамике в виде тематического развития. Тематическое развитие представлено вариантами: текущим тематическим развитием, тематическим удалением и тематическим углублением.

Цель статьи – определить своеобразие текущего тематического развития как варианта тематического развития диалектного монолога, выявить специфику когерентности и когезии данного варианта. Для анализа использованы записи диалектной речи из фонотеки и текстотеки кафедры русского языка Кузбасской государственной педагогической академии,

представляющие русские старожильческие и новожильческие говоры Кемеровской области.

Текущее тематическое развитие (ТТР) как проявление внешней локализации представляет собой ряд сменяющих друг друга тем (подтем, микротем). Внешняя локализация предполагает, что в процессе текстопорождения диалектоносите́ль наблюдает над жизненным пространством, устранившись из него: явления жизни предстают в тексте как объективная констатация фактов, каждый из которых реализуется в теме (подтеме, микротеме). ТТР можно назвать исходным, первичным вариантом тематического развития: с внешней локализацией связано начало диалектного монолога, завязка тематического развития в целом.

Дифференцирующим признаком ТТР является его принадлежность к информативному регистру повествования, который «предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах..., отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса...» [1, с. 29]. В. Е. Гольдин, анализируя диалектный текст, отмечает, что повествование в информативном регистре «рисует самую общую ситуацию определенного периода... жизни, состоящую из цепи... простых, достаточно общих ситуаций-событий: работала в няньках, их раскулачили, они уехали, пошла на производство работать и т. д.» [2].

С ТТР связано тематическое развертывание – развитие определенной темы (подтемы, микротемы), представленное тематической цепочкой, последовательностью номинаций. Рассмотрим данное понятие на примере следующего текстового фрагмента.

...Я уш старА стАла/ вот Ели двигаюсь/ я фсю жисть так пражилА/ свету ни ВИдила/ я жилА-та па лЮдям/ гадаВА ат матири асталась/ атец пьяница был у нас/ фсё где-та путался/ фсё проПил/ каДА уж я былА пабольше/ так рассказали мне/ што иво праважали женщины и он уехал/ мы а нём ни слуху/ ни духу ни слышали/ де он/ так и павырасли аднИ/ нас чЕтвира асталась ат мАтири/ патом уш приехал/ каДА я выросла/ уш замуш вышла/ у миня уш чЕтвира дитЕй бЫла таДА...

В данном фрагменте наблюдается тематическое развертывание нескольких тем: я-говорящий (микротема болезнь), жизненные трудности, семья. Тематическое развертывание темы я-говорящий представлено тематической цепочкой я стара стала – еле двигаюсь. Тема жизненные трудности разворачивается посредством тематических маркеров свету не ви́дела – жила-то по людям – годова от матери осталась – отец пьяница был – всё путался – всё пропил – о нём ни слуху ни духу – повыросли одни. Тема семья, пересекаясь с темой жизненные трудности, представлена тематической цепочкой мать – отец – он – нас четверо – замуш вышла – четверо детей было.

Для ТТР наиболее характерны так называемые тематические затруднения, которые возникают, если диалектоносите́ль испытывает трудности «вхождения» в жизненное пространство [3, с. 224 – 235]. Подобные текстовые включения формально выражены конструкциями: «Вот не могу никак рассказывать», «Что рассказать-то, не знаю», «Ну что ещё рассказать?» и т. п. При появлении тематических затрудне-

ний собеседник-диалектолог фиксирует тему, стремясь облегчить диалектоносителю переход от гипертемы к темам, подтемам и микротемам.

ТТР диалектного монологического текста во многом определяется вопросами-стимулами собеседника, многие темы являются фиксированными, их возникновению способствует экстралингвистический фактор: «Собеседники задают тему рассказа, их вопросы продвигают повествование. После... исчерпанности какой-то темы новый поворот рассказа задается адресатом...» [4, с. 312]. Однако в диалектном монологе можно выделить фрагменты, в которых ТТР определяется и регулируется самим говорящим. Именно такие фрагменты представляют наибольший интерес для исследования, так как отражают процесс создания высказывания, особенности речевого сознания диалектоносителя.

Анализ текущего тематического развития текста предполагает выявление особенностей когерентной и когезивной связи между темами (подтемами, микротемами).

Когерентность ТТР составляют логико-семантические отношения между темами (подтемами, микротемами), основанные на различных типах логических оппозиций. Под смыслоразличительными (логическими) оппозициями в лингвистической семантике понимается «противопоставление однородных единиц», которое «имеет место тогда, когда налицо отношение между двумя единицами, которые характеризуются общим интегральным признаком...» [5, с. 136 – 137]. Возникновение темы / подтемы / микротемы рассматривается как результат ее взаимосвязи с предыдущей темой / подтемой / микротемой, основанной на том или ином виде логико-семантических отношений: тождества, включения, пересечения, контрарности, исключения.

1. Тождество. Данный тип отношений возникает в следующих случаях:

а) текущая и предыдущая подтемы и микротемы принадлежат одной и той же теме: ... (1) Патом мужика забрали/ там и пагип гаварят в брянском лису/ (2) сын ф трутАрмии был...

В приведенном примере представлены микротемы (1) муж и (2) сын. Микротемы тождественны друг другу, что обусловлено их отнесенностью к одной теме семья, конкретизацией одного фрагмента жизненного пространства.

б) текущая и предыдущая темы служат раскрытию заданной гипертемы: ... (1) Идешь патпАскам пасти свиней/ трудадни-та нада заработать/... а тут пабольши стАла... вылезла ис калхоза/ пашла на шахту... (2) а тут уже вышла замуш...

Тематические указатели пасти свиней, вылезла из колхоза, пошла на шахту выражают тему работа (1), номинация замуш вышла вводит тему семья (2). Данные темы в представленном контексте тождественны друг другу: объединяются заданной гипертемой, отражают важные события жизни диалектоносителя, ее различные этапы.

2. Включение. Данный тип отношений возникает в следующих случаях:

а) текущая тема (подтема, микротема) (2) и предыдущая гипертема (1) соотносятся друг с другом как

видовое и родовое понятия: ... (1) Фсё бЫла с нами (2) и гОлады/ и холады// вот в вайну/ уражай врушную жали/ и малатили... (1 – гипертема, 2 – тема жизненные трудности);

б) текущая гипертема (2) и предыдущая тема (подтема, микротема) (1) соотносятся как родовое и видовое понятия: ... (1) Асталась у миня трОи дитей ат ниво/ зАмуш выхадить ни выхадИла/ жилА ради дитей/ так никуда мы с ём и ни хадили/ (2) так и жисть прашлА... (1 – микротемы дети, замужество / тема семья, 2 – гипертема);

в) текущая подтема (микротема) (2) и предыдущая тема (1) соотносятся как видовое и родовое понятия: ... (1) Ф симье у нас бЫла / я шиснацатая/ самая малинькая (2) еслиф атец живой был/ так ищё б были// атец умир ф сорок третьим гаду/ он был кантужинный... (1 – тема семья, 2 – микротема отец);

г) текущая тема (2) и предыдущая подтема (микротема) (1) соотносятся как родовое и видовое понятия:

... (1) Так стАла и карову даИла/ и стирАла/ (2) и фсё дЕлала/ как в работницах былА... (1 – подтемы уход за скотиной, стирка, 2 – тема работа)

3. Пересечение. Данный тип отношений возникает в том случае, если текущая и предыдущая темы / подтемы / микротемы имеют общую смысловую зону, а выражающие их тематические цепочки – общие номинации. Возникновение текущей темы на основе пересечения с предыдущей связано с законом ассоциативного присоединения [6, с. 270]. В данном случае импульсом для возникновения ассоциаций является контекст: факты, выраженные в предыдущей теме, способствуют порождению текущей темы.

... (1) Я замуш выхадИла в двацать фтаром гаду/ ф церквы винчались (2) а тут церкавь была/ на вот этам мЕсти ермак (универмаг, магазин) стаит/ аНЕ ермак поставили/ а церкву сняли...

В данном примере наблюдается вхождение микротемы замужество / темы семья, выраженной тематическими маркерами замуж выходила, венчались в церкви. Номинация церковь обуславливает возникновение темы жизнь села / подтемы сельские обычаи / микротемы церковь.

4. Контрарность. При данном типе отношений текущая тема / подтема / микротема противопоставлена предыдущей теме/ подтеме / микротеме по различным основаниям: прошлое – настоящее (тема прошлое – тема настоящее), благополучие – неустрашенность (тема семья – тема жизненные трудности), личное – общественное (тема семья – тема жизнь села) и др.

... (1) Никагда раньши вУжин ни готовили вЕчирам/ фсё сварят Утрам/ Перипрёт аНА там или как/ канешна пирипривАт в гаршке/ в гаршке поставят ф печку/ аНА сварица и вот ели (2) у нас патом уже как вот я стАла расти/ выросла так уже мама вЕчирам готовила/ картошку пажарим...

Данный фрагмент открывается темой жизнь села / подтемой сельские обычаи / микротемой приготовление пищи, представленной цепочкой номинаций ужин не готовили вечером – сварят утром – в горшке поставят в печку – сварится и ели. Тема жизнь села параллельна теме прошлое, выраженной словоформой

раньше. Затем наблюдается вхождение говорящего в тему настоящее (маркер темы потом уже), которая в сознании диалектоносителя противопоставлена предыдущей теме.

5. Исключение. О данном типе отношений можно говорить при отсутствии когерентной связи между темами (подтемами, микротемами). Возникновение текущей темы в речевом сознании диалектоносителя обусловлено определенными жизненными фактами и событиями, о которых обязательно нужно рассказать в данный момент: смена одной темы другой «объясняется чисто психологическими причинами» [4, с. 313].

Данный тип отношений необходимо отличать от отношений пересечения, при которых текущая тема основана на ассоциации, выраженной вербально, на контекстном импульсе. Исключение как тип логикосемантической связи между темами построено на субъективной основе, представляет собой высшую степень спонтанности, полную свободу от внешних (контекстуальных и конситуативных) импульсов.

... (1) Рибитишик многа ф школу хадила/ два класса в адном/ первый и третий/ адин рят первый/ сидит/ другой рят третий/ адним задаст задание/ патом другим/ а фтарой с читвёртым/ а уже пятый с сидьмым аддельна (2) кагда вайна канчалась/ у нас малаказавот/ малочный завод в диревни аткрыли// малако вазили фсе акресный диревни/ и калхос и житили здавали/ нАда бЫла абизатильна здать триста/ триста писят/ што ли/ в Опцим читьыриста литраф нАда на карову вЫнасить малака... (1 – подтема сельские обычаи / тема жизнь села, 2 – микротема налоги / тема жизненные трудности).

В представленном фрагменте выделяется микротема школа / подтема сельские обычаи / тема жизнь села, представленная тематической цепочкой школу – два класса – первый – третий – второй – четвёртый – пятый – седьмой. Далее возникает тема жизненные трудности (члены тематической цепочки война канчалась, молокозавод, сдавали, обязательно сдать, выносить молока), развивающаяся параллельно с темой работа (тематический маркер молоко возили).

Диалектный текст можно назвать текстоидом, в котором представлен «калейдоскоп тем, связанных друг с другом не логически, а по ассоциации» и «происходит постоянное соскальзывание ... на эпизоды, лишь косвенно связанные с развиваемой темой» [4, с. 314]. Однако нельзя говорить о стихийности и случайности текущего тематического развития диалектного монолога. Нужно отметить особую организованность диалектного повествования, которая определяется деятельностью речевого сознания говорящего, формируется коммуникативным замыслом, отнесенностью к жанру автобиографического рассказа. Непредсказуемость и непоследовательность ТТР чаще всего можно наблюдать в тех фрагментах текста, в которых собеседник активно вмешивается в рассказ диалектоносителя, фиксируя темы, подтемы и микротемы, создавая тем самым прерывистость, неровность и некую «осколочность» повествования.

Когезия текущего тематического развития связана с определением характера развития тематических це-

почек, на основании чего можно выделить следующие типы ТТР.

1. Последовательное текущее тематическое развитие. При данном типе две тематические цепочки, представляющие две темы (подтемы, микротемы), связываются по принципу зацепления с помощью различных когезивных средств.

(1) РадилАсь ф КОтинай// и радители маИ тожи котинский и дЕды-праДеды/ мы фсе в адной КОтинай тут// я вот тут сказала што жили ф Котинай/ (2) работали кристьянску работу// жали врушнУ// касили врушнУ// и сеили врушнУ// фсё мы делали...

Приведенный текстовый фрагмент открывается темой семья (1), представленной номинационной цепочкой родители – деды-прадеды – мы все. Затем появляется тема работа (2): работали работу – жали – косили – сеили – всё делали. Темы развиваются последовательно, находясь в отношениях тождества, подчиняясь раскрытию гипертемы.

При последовательном ТТР номинационные цепочки текущей и предыдущей темы (подтемы, микротемы) зацепляются, соединяясь следующими средствами связи:

а) лексический повтор:

...(1) Пять нас дЕвачик бЫла/ да чытыри брата/ (2) а вот братья-та фсе на фронти пагибли/ вить ни аднаво ни асталась/ фсе умирили тОжа... (микротемы братья, сестры / тема (1) семья – подтема смерть / тема (2) превратности судьбы);

б) однокоренные слова:

...(1) Русская печка/ сичАс ни у кавО такой нет/ хорошии ани были/ печка с лижАнкай/ (2) хлеп пяк-ли/ раньши у всех такИ булки были... (тема (1) жизнь села – тема (2) работа);

в) анафорические слова:

...(1) Мы кагда приехали сюда из Биларусии/ мы спирва ф СартакИ приехали/ (2) там наша тётя/ ацОва систра жила... (микротема приезд в Сибирь / тема (1) дорога – микротема тетя / тема (2) семья);

г) полные и контекстуальные синонимы:

...(1) Раньши свадьбу гуляли...хмель напьёшься/ галава кружица/ вот и фся гульБА была/ и фсе падрят эта пИва дули/ (2) раньши вот пристольныи праздники были/ их жи так с вином ни справляли... (микротема свадьба / подтема сельские обычаи / тема (1) жизнь села – микротема праздники / подтема сельские обычаи / тема (2) жизнь села);

д) антонимы (в том числе контекстуальные):

...(1) ТапЕрь ни баЯца расхадИца/ (2) а тада моды нЕ была расхадица/ хоть как плОха/ харашО/ живёшь... (тема (1) настоящее – тема (2) прошлое);

е) единство видо-временных форм глаголов:

... (1) В двАцать сидьмом сашлись с мужим/ рот-стинники нас пазнакомили/ ...(2) ф трицать пЕрвам вашИИ ф калхос... (тема (1) семья – тема (2) жизнь села);

ж) эллипсис:

...(1) При этой власти и уш фсе на картошку пививалиИсь/ свиной стали кармить/ никада ни знали/ штобы свиной кармить/ пайдёшь насыпишь зярна имЯ/ да и фсё// (2) атец у мянЯ дяржал памнОгу (свиной) / а мы па две штуки... (подтема сельские обычаи

/ тема (1) жизнь села – микротема отец / тема (2) семья).

2. Параллельное текущее тематическое развитие. При данном типе ТТР две и более темы (подтемы, микротемы), каждая из которых представлена своей тематической цепочкой, одновременно проходят тематическое развертывание, при этом зацепления между цепочками не наблюдается.

В следующем текстовом фрагменте представлены темы (1) семья (микротема муж), (2) жизненные трудности (подтема война), (3) превратности судьбы, тематические цепочки которых развертываются параллельно, независимо друг от друга: ...(1) Муш был на (2) трёх войнах/ (1) он на (2) озири ХасАни был/ а (2) фтарА былаА финска-та/ вот на (2) ей (1) был он/ а уш (2) пОсли финской-та на (2) этой был пять лет/ на (2) той-та (1) он как-та (3) цел астался/ а патОм (3) рАнила (1) иво и кантузила...

Каждая тема выражена собственной тематической цепочкой. Тема семья: муж – он – он – он – его. Тема жизненные трудности: трёх войнах – на озере Хасане – вторая финская – на ей – послы финской – на этой – на той. Тема превратности судьбы: цел остался – ранило – контузило. Члены параллельных тематических цепочек не соприкасаются, не имеют формально выраженной связи.

Параллельное ТТР наблюдается в следующих текстовых фрагментах:

...(1) Раньши (2) ни садили/ Эта моды ни знали/ эт уш вот/ а (1) раньши/ ну (2) агурцы правда садили/ картОшки садили/ а памидОры ни садили... (тема прошлое (1) // подтема работа в огороде / тема работа (2)); ...(1) Ну от катАли фсЯки пимЫ/ чо у нас/ (2) хлЕба многа сЕили/ ну убирАли вот пакА ды/(1) качмянЫ/ сделают ишшО эти чулки-та/ ...ф чаркАх (2) малатили па фсей зиме (3) раньши/(2) хлеп... (микротема одежда / подтема сельские обычаи / тема (1) жизнь села // микротема посев/ подтема работа в поле / тема (2) работа // тема (3) прошлое).

3. Смешанное текущее тематическое развитие характеризуется соединением последовательного и параллельного типов: ... А (1) раньшы-та з (2) брАтам расла/ (2) симья большущая/а (1) тада (3) зАсуха была/ гОда три (3) ничиво ни ражАла/ (3) засыхАлась... (тема (1) прошлое // микротема (2) брат / тема семья – тема (1) прошлое // подтема (3) природа / тема жизнь села).

В данном примере последовательный тип текущего тематического развития связан с темами (2) семья и (3) жизнь села, объединенных единством видо-временных форм глаголов (росла – была, не рожала, засыхалась) и синонимами (раньше – тогда). В свою очередь данные темы развиваются параллельно с темой (1) прошлое, представленной тематической цепочкой раньше – тогда.

Анализ диалектных текстов позволяет говорить о том, что в текущем тематическом развитии диалектного монолога между темами (подтемами, микротемами) преобладают такие типы логико-семантических отношений, как тождество, включение и контрап-ность. Реже наблюдаются отношения пересечения, в единичных случаях – отношения исключения. С точки зрения когезивной связи между темами / подтема-

ми / микротемами в диалектном тексте в равной степени представлены последовательный, параллельный и смешанный типы ТТР.

Литература

1. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова / под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М., 2004. – 544 с.
2. Гольдин, В. Е. Изобразительность диалектной речи / В. Е. Гольдин // Бюллетень фонетического общества. – Тексты устной речи. – Бохум, 2001. – № 7.
3. Косицина, Ю. В. Говорящий в тематической структуре и тематическом развитии диалектного монологического текста / Ю. В. Косицина // Молодая филология-2010: лингвистика и литературоведение: сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Константиновой, О. А. Маркасовой. – Новосибирск: Гаудеамус, 2010.
4. Кормилицына М. А. Ещё раз о структуре разговорного текста / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти В. А. Белошапковой. – М.: Индрик, 2001.
5. Новиков, Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие / Л. А. Новиков. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
6. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.

Информация об авторе:

Косицина Юлия Владимировна – учитель русского языка и литературы МБНОУ «Гимназия № 17 им. В. П. Чкалова» г. Новокузнецка, gutfroind@mail.ru.

Kositsina Yulia Vladimirovna – teacher of Russian and literature at Municipal Budgetary Educational Institution «V. P. Tchkalov Gymnasium № 17», Novokuznetsk.

УДК: 821.161.1.0

БОЛЕЗНЬ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО А. Н. Кошечко

ILLNESS AS THE EXISTENTIAL PHENOMENON IN F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVE CONSCIOUSNESS A. N. Koshechko

Статья посвящена исследованию болезни как феномена, формирующего экзистенциальное сознание Ф. М. Достоевского и реализующего себя в формах художественного письма в творчестве писателя (механизмы творческого переживания «пограничных ситуаций», парадоксальность мышления, стиль торможения, смысловая многоуровневость текстов, «пограничные жанры», экзистенциальный диалог и т. д.).

This article is devoted to the study of illness as the phenomenon that formed F.M. Dostoevsky's existential consciousness and was realized in the forms of text creation in his works (creative comprehension of «edge situations», thought paradoxicality, inhibition style, multilayer semantic of texts, «edge genres», existential dialogue and others).

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, экзистенциальное сознание, «пограничная ситуация», рефлексия, генезис, творческий метод, жанр.

Keywords: existential consciousness, «edge situation», reflection, genesis, creation method, genre.

Исследование творчества Ф. М. Достоевского, носителя и репрезентанта экзистенциального сознания в русской и мировой литературе, предполагает качественно новый взгляд на созданные им тексты во всем многообразии их сюжетно-тематического и жанрового воплощения. Сознание в данном случае – это метакатегория [6], реализующая себя в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования. Феноменологически целостный характер сознания определяется, в первую очередь, его системностью, в основе которой лежат психогенетические и ментально-мировоззренческие особенности личности писателя.

Все сказанное выше определяет цель настоящей статьи – исследование болезни как феномена, определяющего генезис уникальных черт экзистенциального сознания Достоевского через анализ доминантных, формирующих характер психофизиологических особенностей личности писателя. К числу таких особенностей мы относим эпилептическую конституцию психики, определяющую формы реакции личности на окружающий мир, механизмы переживания «пограничных ситуаций» и способы их художественного выражения.

Экзистенциальное сознание понимается нами как философски-художественный феномен, существующий одновременно в двух ипостасях: как индивиду-

альный поведенческий текст писателя (повседневное-экзистенциальное сознание) и как тип художественного мышления, реализующий себя в различных формах художественного письма (художественное сознание). Подобное определение позволяет нам акцентировать бытийный статус экзистенциального сознания, его незакрепленность за конкретной литературной эпохой и национальной культурой (прим. автора: *Поэтому русское художественное сознание пореформенной эпохи может быть обозначено как сознание экзистенциальное, несмотря на то, что ни в философской мысли, ни в языке XIX века подобного термина не существовало. Используя терминологию У. Эко, можно сказать, что экзистенциализм – это «не фиксированное хронологически явление, а некое духовное состояние» [12, с. 635], поэтому и рассматривать экзистенциальное сознание русских писателей XIX века (Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова) и формы его воплощения необходимо не как пролегомены к западно-европейскому экзистенциализму XX века, а как особую фазу развития экзистенциального сознания, обладающую своими специфическими чертами).*

Повседневное-экзистенциальное сознание – это проявление сугубо индивидуальных реакций личности на *реальные события* окружающего мира и духовной жизни, это предельно заостренная *сфера человеческого Я* во всем многообразии его субъективных проявлений (жизненный опыт, факты биографии, привычки, болезни, речь, жестикация, особенности мышления и т. д.). Художественное сознание – это *«идеальная реальность»* (курсив мой. – А. К.) различных образов <...> сознание-результат, сознание-продукт *духовного (идеального) освоения мира* (курсив мой. – А. К.), включающее в себя «различные виды духовной деятельности, в которых происходит целенаправленная <...> идеальная переработка и перевоссоздание (освоение) отражаемой субъектом действительности», это «система идеальных структур, порождающих, программирующих и регулирующих художественную (творческую и восприимательскую) деятельность и ее продукты» [5, с. 5 – 7]. Повседневное-экзистенциальное и художественное сознания обладают целым рядом функциональных и мирообразных подсистем, позволяющих осмыслить одно и то же явление одновременно с разных позиций: мироотношение, мироощущение, миромоделирование.

Зримыми повседневное-экзистенциальная и художественная ипостаси экзистенциального сознания становятся через текст, в котором они воплощаются в зримых, поддающихся верификации формах. Поэтому исследование творческого универсума Достоевского предполагает последовательное развертывание аналитической стратегии от психофизиологических особенностей и жизненных впечатлений как основы формирования экзистенциального мирообраза в сознании писателя к миромоделирующим началам его творчества, к исследованию экзистенциальных доминант в эстетике писателя и способов их репрезентации в художественной практике. При этом принципиально важным является методологический акцент не на фиксации наличия экзистенциальных идей в сознании

Достоевского, а выявление способов их воплощения в конкретных формах.

Болезнь, как одна из доминантных психогенетических особенностей личности Достоевского играет ведущую роль в генезисе экзистенциального сознания писателя как динамичной философско-художественной системы. Предельно точно эту глубинную взаимосвязь выразил А. Белый в своей работе «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой»: «Достоевский, если бы не страдал эпилепсией, не был бы Достоевским» [1, с. 14].

Эпилептическая конституция психики, резкие перемены настроения во многом определяют и реакцию Достоевского на события внешнего мира. Жизненный опыт писателя является уникальным примером переживания не только приступов болезни, но и целого ряда «пограничных ситуаций» (К. Ясперс), в которых происходит «высвечивание экзистенции». В судьбе Достоевского мы видим целый спектр таких ситуаций фундаментального продумывания смысла бытия и самоопределения перед лицом смерти (приступы эпилепсии, детство в Московской больнице для бедных, смерть матери, трагическая гибель отца, следствие по делу петрашевцев, пребывание в Алексеевском равелине, ожидание исполнения смертного приговора на эшафоте, каторга, ссылка, опыт добровольного изгнанника в Европе в 1867 – 1871 годы в период своего вынужденного четырехлетнего пребывания за границей, смерть дочери и т. д.): речь идет о ситуациях «человеческого здесь-бытия, где становится невозможным рассчитывать на анонимные силы науки, где <...> человек должен полагаться только на самого себя и где в самом человеке обнаруживаются содержания, какие всегда бывают скрыты в процессе чисто функционального применения науки, нацеленного на овладение миром. Таких пограничных ситуаций много. У самого Ясперса особо выделена ситуация смерти, наряду с ней – ситуация вины (курсив мой. – А. К.). В том, как человек ведет себя, когда он виновен, более того, когда он оказывается лицом к лицу со своей виной, нечто выходит наружу, обнаруживается – *existit*» [3, с. 21].

Однако вопрос об эпилепсии как психофизиологическом и психоментальном источнике экзистенциального сознания Достоевского требует целого ряда существенных уточнений. Сам факт наличия эпилепсии не становился предметом исследовательской рефлексии в аспекте генезиса художественного сознания. В работах, посвященных «знаменитым эпилептикам» – Достоевскому, Флоберу, Джорджу Гордону Байрону, диагноз которых подтвержден наблюдениями психологов, психиатров, психофизиологов и т. д., кроме указания, что болезнь не повлияла на их гениальность и интеллектуальные способности, нет собственно исследования специфики художественного мышления писателя-эпилептика. В случае Достоевского принципиально важно, что он не просто страдал эпилепсией, а *осознавал себя эпилептиком*, болезнь была неотъемлемой частью его повседневного опыта, фактом его экзистенциального сознания, определяющим и его индивидуальный поведенческий текст, и особенности художественного мышления: «В последние годы она [болезнь. – А. К.] как будто ослабела, сделалась реже,

но была постоянно в зависимости от напряжения в труде, от огорчений, от жизненных неудач, от той беспощадности, которой так много в нравах русской жизни и русской литературы. Приступы ее он чувствовал и начинал страдать невыразимо; невольно закрадывался в душу страх смерти во время припадка, болезненный, тупой страх, тот дамоклов меч, который висит над такими несчастными на самой тончайшей волосинке. Конечно, мы все знаем, что когда-нибудь умрем, что, может быть, завтра умрем, но это общее положение: оно не страшит нас или страшит только во время какой-нибудь опасности. У Достоевского эта опасность всегда присутствовала, *он постоянно был как бы накануне смерти* (курсив мой. – А. К.): каждое дело, которое он затевал, каждый труд, любимая идея, любимый образ, страданный и совсем сложившийся в голове, – все это могло прерваться одним ударом. Сверх обыкновенных болезней, сверх обыкновенных случаев смерти у него был еще свой случай, своя специальная болезнь; привыкнуть к ней почти невозможно – так ужасны ее припадки. Умереть в судорогах, в беспамятстве, умереть в пять минут – надобна большая воля, чтоб под этой постоянной угрозой так работать, как работал он» [11, с. 465 – 466].

Специфические черты экзистенциального сознания Достоевского обнаруживают себя через используемый в психоанализе прием «свободных ассоциаций» как репрезентантов сознания, реализующих себя в тексте: «...скрытое значение высказывания может быть выявлено только путем анализа так называемых "свободных ассоциаций" – не подвергнутых цензуре свободных высказываний, спонтанно произносимых говорящим в связи с определенной темой» [10, с. 129].

Исповедальный характер творчества Достоевского дает возможность исследователю принимать в качестве «свободных ассоциаций» текстовые репрезентации сознания писателя в «пограничных жанрах», в которых объектом осмысления наряду с прочими темами становятся Я самого писателя, а его глубинные стороны проявляют себя в содержательной и структурной организации самого высказывания («Припадки», «Дневник лечения в Эмсе», «Дневник писателя» и т. д.). Стратегия работы с текстом, который является намного сложнее «свободных ассоциаций» пациента-психоаналитика, поскольку объектом интереса здесь становится сама личность автора, должна включать в себя анализ «фонологических, морфологических, синтаксических, подтекстуальных, повествовательных, риторических и контекстных» сторон литературного высказывания: «Осознание этих моментов позволяет понять суть бессознательных мотиваций литературных персонажей, подобно тому, как наличие клинической карты со свободными ассоциациями пациента приводит психоаналитика к успеху» [10, с. 130 – 131]. Проблема анализа репрезентации экзистенциального сознания – это проблема рецептивная, включающая в свою орбиту и восприятие читателя, шире – адресата высказывания, поскольку в опыт рефлексии болезни Достоевского входят воспоминания близких ему людей и современников.

Анализ биографических источников показывает, что припадки были для Достоевского неотъемлемой частью его жизни. В «Воспоминаниях» А. Г. Достоев-

ской представлен и подробный анализ припадков, внешний взгляд на то, что Достоевский *переживал*, но не мог *наблюдать* со стороны. Интересен первый опыт, когда Анна Григорьевна присутствует при всех стадиях болезни, фиксируя их с тщательностью профессионального психоаналитика: «Федор Михайлович был чрезвычайно оживлен и что-то интересное рассказывал моей сестре. Вдруг он прервал на полуслове свою речь, побледнел, привстал с дивана и начал наклоняться в мою сторону. Я с изумлением смотрела на его изменившееся лицо. Но вдруг раздался ужасный, нечеловеческий крик, вернее, вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед. <...> Впоследствии мне десятки раз приходилось слышать этот "нечеловеческий" вопль, обычный у эпилептика в начале приступа. И этот вопль меня всегда потрясал и пугал. Но тогда, к моему удивлению, я в эту минуту нисколько не испугалась, хотя видела припадок эпилепсии в первый раз в жизни. Я обхватила Федора Михайловича за плечи и силою посадила на диван. Но каков же был мой ужас, когда я увидела, что бесчувственное тело моего мужа сползает с дивана, а у меня нет сил его удержать. Отодвинув стул сгоревшей лампой, я дала возможность Федору Михайловичу опуститься на пол; сама я тоже опустилась и все время судорог держала его голову на своих коленях. <...> Мало-помалу судороги прекратились, и Федор Михайлович стал приходить в себя; но сначала он не сознавал, где находится, и даже потерял свободу речи: он все хотел что-то сказать, но вместо одного слова произносил другое, и понять его было невозможно. Только, может быть, через полчаса нам удалось поднять Федора Михайловича и уложить его на диван. Решено было дать ему успокоиться, прежде чем нам ехать домой. Но, к моему чрезвычайному горю, припадок повторился через час после первого, и на этот раз с такой силою, что Федор Михайлович более двух часов, уже придя в сознание, в голос кричал от боли. Это было что-то ужасное! <...> Тут я впервые увидела, какую страшную болезнью страдает Федор Михайлович» [4, с. 131 – 133]. Детальное описание припадков, анализ эмоционального состояния Достоевского после них (прим. автора: *Ср.: «Мысли о том, что с Федором Михайловичем случится припадок, что он, еще не придя в себя, пойдет по гостинице отыскивать меня {Еще не вполне придя в себя от приступа эпилепсии, всегда шел ко мне, так как в эти минуты испытывал мистический ужас и присутствие близкого лица приносило ему успокоение. (Прим. А. Г. Достоевской.)}*), что там его примут за помешанного и ославят по Москве, как сумасшедшего; что некому будет оберегать его спокойствие после припадка, что его могут раздражить, довести его до какого-нибудь безумного поступка, – все эти мысли бесконечно меня мучили» [4, с. 383]), хотя и является косвенным свидетельством, сообщая факты и наблюдения не от имени Я Достоевского, тем не менее дает ценный материал, позволяющий увидеть ту глубину, непреодолимость и повторяемость страданий, которые был вынужден в силу болезни переносить писатель. Глубокое сострадание к боли любимого человека делают припадки не посторонним фактом, а знаком экзистенциального опыта уже самой Анны

Григорьевны, проживающей вместе с мужем каждый приступ как собственную «пограничную ситуацию».

Тот факт, что Достоевский серьезно относился к своим припадкам, подтверждают его записи, в которых он вербализирует осознание себя эпилептиком, сам говорит о своей болезни. Писатель не дает прямых указаний на причину своей болезни, первичный травмирующий импульс, за исключением воспоминаний об одном детском потрясении: в 11 лет его преследовали звуковые галлюцинации – крики о приближении диких зверей (например, «Волк бежит!»), ставшие основой одной из фобий Достоевского. К числу травмирующих факторов можно отнести и сложные отношения с отцом, о которых Достоевский, как правило, говорит очень осторожно и не дает подробных комментариев. Например, в письме к А. Е. Врангелю от 9 марта 1857 г. он пишет: «Более всего беспокоит меня за вас, друг мой, отношения ваши с отцом. Я знаю, чрезвычайно хорошо знаю (по опыту), что подобные неприятности нестерпимы. <...> Характеры, как у вашего отца, – странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия. Не зная его лично, я так заключаю о нем; ибо знал в жизни, два раза, точно такие же отношения, как у вас с ним» [9, с. 127].

Свидетельства о припадках, которые мы находим в автобиографических источниках, воспоминаниях А. Г. Достоевской, у современников и биографов Достоевского, позволяют говорить об особом влиянии, которое они оказывали на его творчество.

С точки зрения повседневно-экзистенциального сознания, Достоевский как человек с эпилептической конституцией психики руководствовался, в первую очередь, субъективными переживаниями и настроением, нежели критическим, разумным сознанием объективно воспринимаемой действительности, более проблематичными выявляющимися из подсознательной сферы его внутреннего мира оригинальных, часто глубоких и верных, идей, нежели из обдуманных и скольконбудь обоснованных убеждений. Достоевского как личность отличала полярность аффектов, при которой наблюдается резкая перемена настроения от оптимизма, жизнелюбия, радости и воодушевления к мрачности, пессимизму, скрытой или явной агрессии: «Такое совершенно неконтролируемое раздвоение чувств, раздвоение, при котором «изменяются все впечатления» – сладость на боль, сопричастность на отчуждение, смех на слезы, радость на уныние – преследовало Достоевского всю жизнь» [7, с. 32].

Постоянное нахождение Достоевского по причине болезни в «пограничной ситуации» требует поиска оптимальной формы репрезентации экзистенциального сознания в творчестве (прим. автора: *Показательным является тот факт, что для сознания Достоевского эстетизация «пограничных ситуаций» является атрибутивным свойством. Об этом свидетельствует целый ряд фактов его биографии. Например, Сибирские тетради фиксируют опыт проживания «пограничной ситуации» каторги, которая дробится на целый ряд локальных ситуаций экзистенциального выбора и ценностного самоопределения*). Этой структурой являются «пограничные жанры», лежащие за пределами традиционной эстетики: «В промежуточ-

ных, например автобиографических и биографических, жанрах в середине и во второй половине XIX века порой особенно обнаженно выступают принципы понимания человека и связь этих принципов с современными политическими, историческими, психологическими, этическими воззрениями» [2, с. 8]. «Пограничный жанр» представляет собой полифункциональную структуру, синтезирующую как собственно художественные, так и публицистические, философские, нехудожественные элементы.

В творчестве Достоевского отчетливо обнаруживает себя тенденция к преодолению определенного жанрового канона как фактора, снижающего интенсивность рефлексии и затрудняющего ее текстовую репрезентацию. Жесткая «рамочность» жанра не соответствует масштабу личных, идеологических, философских размышлений писателя и поэтому требует не просто качественного переосмысления, а во многом – преодоления норм установленного канона. Эта необходимость и приводит Достоевского к ориентации на «пограничные жанры», позволяющие синтезировать художественные, публицистические, философские и нехудожественные элементы в единое смысловое целое, давая тем самым возможность для оптимального текстового воплощения экзистенциального сознания как особого философски-художественного феномена.

Примерами таких «пограничных жанров» и ценным материалом самоанализа болезни являются «эготексты» Достоевского, среди которых особо выделяются «Припадки» (1869) и «Дневник лечения в Эмсе», которые представляют собой уникальное средство самоописания, дающее представление о срезе сознания человека в момент фиксации своего психологического и физиологического состояния. Эти тексты своей формально-содержательной структурой реализуют идею незавершенности и открытости (неготовности), что наиболее соответствует природе человеческого сознания. «Припадки» и «Дневник лечения в Эмсе» интересны еще и тем, что являются примером экстравертной рефлексии человека, который никогда не вел личных, интимных дневников, практически не оставил прямых свидетельств о своей внутренней жизни, реализуя принципиальную установку на неприкосновенность частной жизни. В этих текстах он говорит именно о себе, об отчетливо осознаваемых им самим свойствах собственной личности, о собственном экзистенциальном опыте, которым становится болезнь. Проявление экзистенциального сознания маркируется в «эго-текстах» использованием личного местоимения «Я» как знака вхождения в сферу экзистенциального опыта автора, не претендующего при этом на сообщение одной, одинаковой для всех, истины.

«Дневник лечения в Эмсе» – уникальный текст, в котором Достоевский подробно фиксирует свое физическое и эмоциональное состояние до, во время и после припадков. Уникальность этого текста заключается еще и в том, что он не попадал в орбиту пристального исследовательского интереса и не рассматривался как текст сознания, предметом рефлексии которого становится собственная болезнь. Критическое отношение к болезни, своему характеру проявляется в том, что Достоевский фиксирует не

только факты физического самочувствия, но и собственные эмоциональные реакции. Болезнь максимально усиливает переживание «пограничной ситуации» (1874 г.), актуализирует двойственность характера писателя, которую он сам в эти моменты предельно остро осознает. В связи с этим перед исследователем возникает задача осмыслить значение болезни в общей сумме экзистенциального опыта личности, в духовном опыте человека. Болезнь рассматривается писателем как источник положительного духовного опыта, поскольку сам факт рефлексии является знаком успешности преодоления личностью «пограничной ситуации».

В записных книжках и рабочих тетрадях писателя 1860–1880 гг. зафиксировано около восьмидесяти приступов болезни. Даты еще примерно двадцати приступов можно установить по другим источникам (в частности, по воспоминаниям А. Г. Достоевской). Но и в этом случае картина будет не полной. Если принять во внимание свидетельство Н. Страхова, который утверждал, что обыкновенно припадки у Достоевского случались один раз в месяц, иногда – по два припадка в неделю, то окажется, что общее количество приступов исчисляется несколькими сотнями. При этом важен сам факт тяжелейших потрясений, которым подвергались физическое, эмоциональное и душевное состояния писателя, необходимость в реабилитации, которая занимала в среднем от трех до пяти дней: «Удрученное и подавленное настроение, которое всегда наступало после припадка, продолжалось более недели. "Как будто я потерял самое дорогое для

меня существо в мире, точно я схоронил кого, – таково мое настроение", – так всегда определял Федор Михайлович свое послеприпадочное состояние» [4, с. 133].

Необходимость детальной рефлексии как своеобразной терапии, позволяющей преодолеть разрушительные импульсы болезни и выстроить собственную программу художественного творчества как смыслового и ценностного противовеса небытию, формирует в текстах писателя специфический для Достоевского стиль торможения, который реализует основную задачу – детально, с разных сторон обрисовать ситуацию, дать ее целостную картину и тем самым достучаться до сознания собеседника.

Таким образом, анализ системообразующих начал экзистенциального сознания показывает, что болезнь, как одна из доминантных психогенетических особенностей личности Достоевского, играет ведущую роль в генезисе экзистенциального сознания писателя как динамичной философско-художественной системы. Перманентное нахождение по причине болезни в «пограничных ситуациях», угрожавших ему нравственной и физической смертью, определило основную мировоззренческую и творческую задачу Достоевского – самоопределиться идеологически, философски, устоять духовно, нравственно. Эта стратегия экзистенциального самосозидания, самовыстаивания реализуется как в «эго-текстах» Достоевского, так и в его романном творчестве.

Литература

1. Белый, А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой / А. Белый. – М.: Мусагет, 1911. – 46 с.
2. Гинзбург, Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1971. – 463 с.
3. Гадамер, Г.-Г. Философские основания XX века / Г.-Г. Гадамер // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасно-го: [пер. с нем.]. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
4. Достоевская, А. Г. Воспоминания / А. Г. Достоевская. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
5. Закс, Л. А. Художественное сознание / Л. А. Закс. – Свердловск, 1990. – 212 с.
6. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом, языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 224 с.
7. Накамура, К. Восприятие природы в «Преступлении и наказании» / К. Накамура // Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 332 с.
8. Николаенко, Н. Н. Семиотика пространства и функциональная асимметрия мозга / Н. Н. Николаенко, В. Л. Деглин // Ученые записки Тартусского университета. Труды по знаковым системам. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. – Тарту, 1984. – Вып. 641.
9. Письма Ф. М. Достоевского к барону А. Е. Врангелю // Две любви Ф. М. Достоевского. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
10. Ранкур-Лаферьер, Д. Русская литература и психоанализ: четыре способа взаимосвязи / Д. Ранкур-Лаферьер // Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. – М.: Ладомир, 2004.
11. Суворин, А. С. О покойном / А. С. Суворин // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 2.
12. Эко, У. Заметки на полях «Имени Розы» / У. Эко // Эко У. Имя Розы: роман / заметки на полях «Имени Розы» [эссе; пер. с итал. Е. Костюкович; послеслов. Е. Костюкович, Ю. Лотмана]. – СПб.: Симпозиум, 1998.

Информация об авторе:

Кошечко Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской и зарубежной литературы XIX века филологического факультета ТГУ, доцент кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, Nastyk78@mail.ru.

Koshechko Anastasia Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, doctoral student at the Department of Russian and Foreign Literature of XIX century of the Philological Faculty of TSU, Associate Professor at the Literature Department of the Historical Philological Faculty of TSPU.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородные авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов – через запятую).
5. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках:** полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, редакция журнала «Вестник КемГУ»
Телефон: (3842) 58-13-01
Факс: (3842) 58-38-85
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

- Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).
- Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944.
- Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 10.12.2012 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 36,77. Уч.- изд. л. – 36,25.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 16.